МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФОРМАТ

№ 1 / 2016

THE INTERNATIONAL SCIENCE MAGAZINE

HISTORICAL FORMAT

№ 1 / 2016

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФОРМАТ

Основан в 2015 году

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

* * *

* * *

Email редакции: mail@histformat.com
Официальный сайт: http://histformat.com/

ISSN 2411-9415

THE INTERNATIONAL SCIENCE MAGAZINE

HISTORICAL FORMAT

Established in 2015

SCIENTIFIC PUBLICATION

* * *

* * *

Email: mail@histformat.com
Website: http://histformat.com/

ISSN 2411-9415

* * *

Международный научный журнал «Исторический формат» посвящён публикации результатов актуальных научных исследований по истории России и других стран мира. Журнал публикует оригинальные статьи с результатами научных исследований на русском, английском, французском и немецком языках, относящиеся к исторической тематике, а также сообщения о проводимых под эгидой или при участии журнала научных мероприятиях.

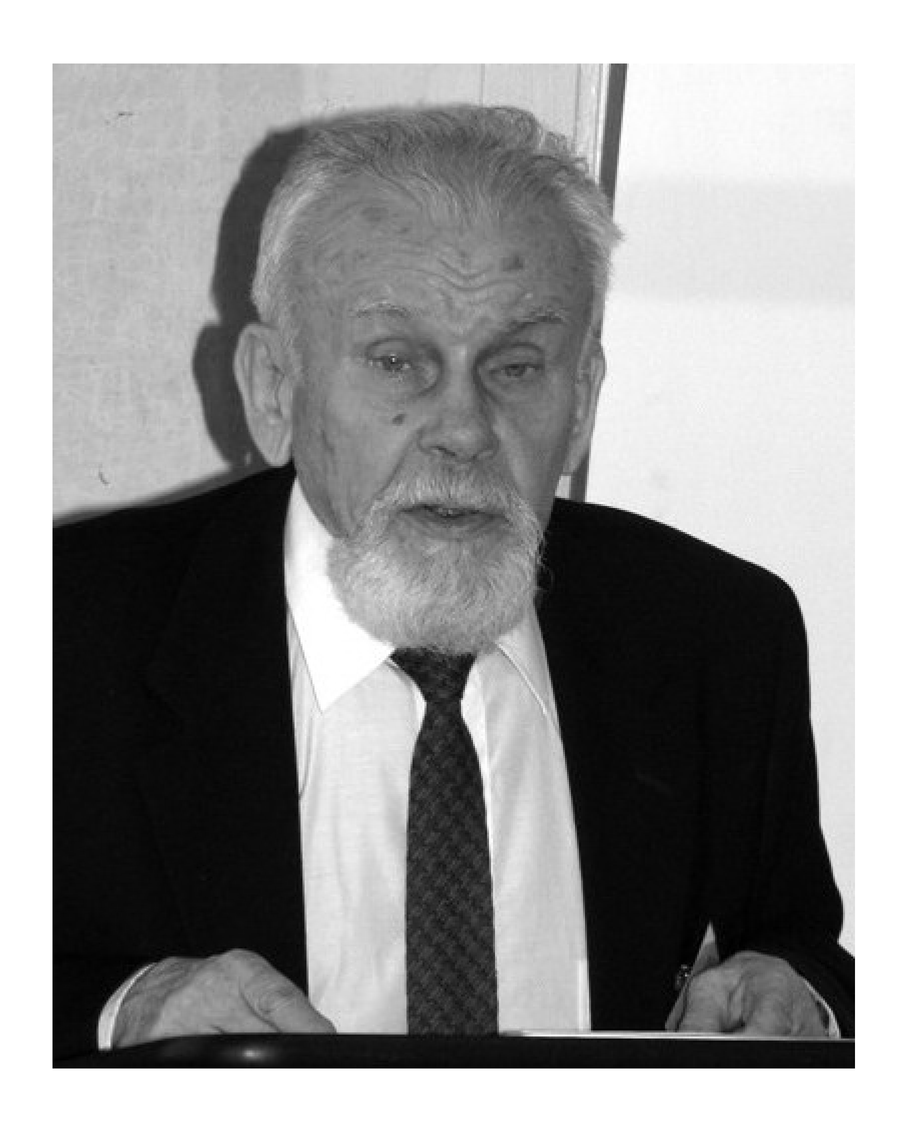
The international science magazine «Historical Format» is dedicated to the publication of the results of relevant scientific research on the history of Russia and other nations. The magazine publishes original articles in Russian, English, French and German, presenting the results of scientific research on historical themes, as well as notifications of research conducted under the umbrella of the magazine or with its direct participation.

Die internationale wissenschaftliche Zeitschrift «Historisches Format» veröffentlicht die aktuelle Ergebnisse der wissenschaftlichen Forschung der russischen Geschichte und der Geschichte der anderen Länder. Die Zeitschrift veröffentlicht Publikationen zu historischen Themen in russischer, englischer, französischer und deutscher Sprache, sowie die Berichte über die unter der Leitung oder mit Teilnahme der Zeitschrift verlaufenden wissenscahftlichen Veranstaltungen.

La Revue internationale scientifique «Format historique» est consacrée à la publication des résultats des recherches scientifiques actuelles sur l'histoire de la Russie et d'autres pays du monde. La Revue publie des articles originaux sur les résultats des recherches scientifiques en russe, anglais, français et allemand et aussi l'information sur des activités scientifiques organisées sous la tutelle de la Revue ou avec sa participation.

К 90-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ

ДОКТОРА ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОРА СЕРГЕЯ НИКОЛАЕВИЧА АЗБЕЛЕВА

СОДЕРЖАНИЕ / CONTENTS:

ОТ РЕДАКТОРА

Уважаемые коллеги и читатели!

«Исторический формат» продолжается… Кажется, за год своего существования журнал нашёл себя среди современных научных изданий по истории, развивается и пользуется доверием у читателей, и в этом состоит бесспорная заслуга всех наших авторов. С самого начала редакция стремилась к тому, чтобы оказывать профессиональную поддержку исследователям, чтобы их публикации в «Историческом формате» были бесплатными и оперативными. И это принесло свои плоды. Как заметил один из авторов: «...*Ваш журнал свободен от всяких не красящих науку разборок и, что меня особенно радует, от бюрократизма*».

На сегодняшний момент только с официального сайта нашего журнала http://histformat.com – более 10 тысяч скачиваний, и это не считая загрузок с сайтов Киберленинка, Academia.edu и других. Это неплохо, в сравнении со многими научными изданиями, которые годами ждут печатного тиража «по числу авторов». Поэтому и наш выбор формата – электронное периодическое издание (без затрат на полиграфию) – оказался верным.

Этот выпуск открывает новый годовой цикл издания международного научного журнала «Исторический формат». И этот выпуск – юбилейный, он посвящён 90-летию со дня рождения выдающегося русского учёного С.Н. Азбелева. Редакция поздравляет уважаемого юбиляра и искренне желает ему крепкого здоровья и дальнейших научных открытий! Посвятить Сергею Николаевичу этот выпуск – это то самое малое, что мы можем сделать для того, чтобы отметить его громадный вклад в науку.

Так совпало, что первый выпуск «Исторического формата» за 2016 год верстался в конце зимы и начале весны. Поэтому мы также хотели бы поздравить всех защитников Отечества с 23 февраля! Историки – это тоже защитники Отечества, ведь когда страна переживает непростые времена, тогда общественное значение исторических исследований повышается в разы, потому что примеры истории способны дать опору для народа и государства, обозначить ориентиры для будущего. Ну и конечно, мы не можем забыть про прекрасную половину, представительниц которой поздравляем с весенним праздником 8-го марта! Будьте обаятельными и неотразимыми, и пусть ваши исторические исследования будут такими же.

Каковы дальнейшие планы редакции? Их немало, среди первоочередных задач – расширение редакционной коллегии, включение журнала в перечень ВАК, подключение к научной платформе Web of Science с перспективой включения в

ведущую мировую базу Scopus. Помимо этого, на базе «Исторического формата» планируется цифровое книгоиздание – выпуск актуальных научных трудов по гуманитарным дисциплинам в цифровом формате с последующим бесплатным размещением в сети Интернет. Цифровые научные издания будут выходить как supplement к журналу «Исторический формат».

Конкурентоспособность нашего издания заключается в том, что сегодня он занимает те же позиции, что научные вузовские издания, выпускаемые с использованием обширной материально-технической базы и бюджетного финансирования. Однако при фактическом отсутствии материально-технических средств, журнал «Исторический формат» столь же профессионально редактируется и рецензируется, индексируется в наукометрических базах, доступен благодаря Интернету для неограниченного круга читателей, является респектабельным научным изданием, в котором публикуются известные ученые. Оказалось, что научная эффективность достигается не только регулярным финансированием, которого у нас просто нет. Выводы здесь могут последовать разные, и для тех, кто довольно преуспел в имитации науки – могут оказаться неутешительными.

С этого выпуска расширился состав Общественного попечительского совета журнала «Исторический формат», в который вошли:

Смирнов Владимир Александрович (историк-любитель)
Сухов Николай Вадимович (кандидат исторических наук)
Цыганков Яков Андреевич (предприниматель)

Редакция «Исторического формата» выражает благодарность всем, кто поддержал журнал на краудфандинговой платформе «Планета.ру», и персонально:

Бугаев Михаил Михайлович
Воронова Ирина Владимировна
Глазов Дмитрий Борисович
Грузнова Елена Борисовна
Гуров Иван Алексеевич
Зуб Сергей Алексеевич
Игнатьев Вадим Александрович
Козлов Алексей Александрович
Костяной Сергей Александрович
Максименко Георгий Захарович
Максимюк Юрий Михайлович
Медведев Андрей Всеволодович
Назаров Валерий Евсеевич
Никитин Андрей Александрович
Чукаева Галина Сергеевна
Щербинина Екатерина Викторовна
а также тем, кто предпочел себя не указывать

На этот выпуск журнала на «Планете.ру» удалось собрать 80 тысяч рублей, что за минусом налогов и комиссии самой «Планеты» стали очень хорошим подспорьем в работе редакции. Спасибо вам!

Миссия журнала «Исторический формат» состоит в том, чтобы на базе актуальных результатов исторических исследований формировать и формулировать те общественно-научные ориентиры, на которые смогут опираться популярные исторические издания, исторические веб-сайты в сети Интернет, различные гуманитарные проекты государства и бизнеса при их обосновании. Научный журнал должен быть объективным и беспристрастным, но сам по себе профессиональный интерес к истории способствует повышению в обществе чувства патриотизма, личного и коллективного достоинства.

Поэтому наши цели – позитивное развитие отечественной исторической мысли, налаживание конструктивного научного диалога с зарубежными учёными-историками и популяризация исторических исследований. Мы хотим содействовать тому, чтобы люди гордились своей историей, знали и понимали её, получая информацию напрямую от профессиональных историков. Если вы с этим согласны, то милости просим, читайте и используйте в работе «Исторический формат», присоединяйтесь к составу Общественного попечительского совета журнала или расскажите о нём своим коллегам и знакомым.

По-прежнему принимаются и рассматриваются ваши рукописи к публикации (правила оформления указаны в конце номера), которые следует направлять по электронной почте: **mail@histformat.com**

Желаем вам всего доброго и новых научных достижений, продвигающих наши знания о прошлом!

Всеволод Меркулов,
кандидат исторических наук,
главный редактор

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ АЗБЕЛЕВ

Родился 17 апреля 1926 года в Санкт-Петербурге (тогда – Ленинграде). Православными родителями крещен сразу после рождения, воцерковлен с детства. Никогда не состоял в коммунистической партии. Работал с 15 лет в осажденном Ленинграде санитаром. С 17 лет – в армии на Ленинградском фронте. Имеет награды: орден Отечественной войны и медали.

Окончил с отличием Исторический факультет Петербургского (тогда – Ленинградского) университета. С 1955 года работает в Институте русской литературы (Пушкинском Доме) Российской Академии наук в Санкт-Петербурге. Доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник. По совместительству является профессором Исторического факультета Университета имени Ярослава Мудрого в Великом Новгороде. Вёл там курс «источниковедение». Имеет звание профессора.

С.Н. Азбелеву принадлежат более 450 опубликованных работ, в том числе 16 книг. В основном они посвящены исследованиям по истории, литературе и фольклору Средневековой Руси IX-XVII столетий, а также комментированным

публикациям источников этого времени с преимущественным вниманием к текстологии и исторической основе их фактического содержания.

Сквозной темой трудов С.Н. Азбелева на протяжении шестидесяти лет являются новгородские летописи. Им он посвятил монографию, которая в 1960 году была издана совместно Институтом русской литературы Академии наук и Новгородским музеем-заповедником – «Новгородские летописи XVII века». Ей предшествовали 5 статей, о новгородских летописях, напечатанные в «Трудах Отдела древнерусской литературы» Института русской литературы и в «Новгородском историческом сборнике», издаваемом Институтом истории Академии наук.

Дальнейшие исследования С.Н. Азбелева о летописании Великого Новгорода и связанных с летописями памятниках его письменности - после выхода этой книги, которая получила высокие оценки в рецензиях, напечатанных в нашей стране и за рубежом, - продолжают публиковаться главным образом в изданиях Академии наук. Это серийные продолжающиеся «Труды Отдела древнерусской литературы», «Летописи и хроники», издаваемые в Москве, «Новгородский исторический сборник» – в Петербурге и выпускаемые там же сборники Института русской литературы – «Русский фольклор» (где С.Н. Азбелев печатал работы о связях летописей с устным народным эпосом Новгородской земли). Помимо академических сборников исследования С.Н. Азбелева по новгородским летописям за последние годы увидели свет в московском научном журнале «Древняя Русь. Вопросы медиевистики» и новгородском журнале «Чело».

В книгах «Устная история Великого Новгорода» и «Устная история в памятниках Новгорода и Новгородской земли» много внимания уделено соотношению летописей, преданий, былин и исторических песен. В настоящее время в издательстве находится законченная С.Н. Азбелевым обобщающая монография «Летописание Великого Новгорода».

Другая сквозная тема его трудов, начиная с 1968 года и по настоящее время – Куликовская битва и её отображения в средневековой письменности и в народном эпосе (русском и южнославянском). Посвятив этой проблематике серию статей, С.Н. Азбелев широко отразил её в своей монографии 1982 года «Историзм былин и специфика фольклора». После её выхода в тех же академических и вузовских серийных изданиях, что и работы о новгородских летописях, публикуется вторая серия статей С.Н. Азбелева о Куликовской битве, подытоженная его монографией 2011 года «Куликовская победа в народной памяти». Начиная с 2012 года С.Н. Азбелев посвящает основные свои работы выяснению исторических обстоятельств сражения 1380 года на Куликовом поле.

Полный перечень опубликованных трудов С.Н. Азбелева публикуется в настоящем номере журнала «Исторический формат».

* * *

SERGEY NIKOLAYEVICH AZBELEV

Sergey Azbelev was born in St. Petersburg (then Leningrad) on April 17, 1926, and was baptized by his Orthodox parents immediately after birth. At just 15 years old, Sergey worked as a nurse attendant during the Siege of Leningrad by German forces. He joined the Army when he was 17, fought against the Germans on the Leningrad front, and was awarded the Order of the Patriotic War and a number of medals.

He graduated with honors from the Faculty of History of St. Petersburg (then Leningrad) University. Since 1955 he has been working at the Institute of Russian Literature (The Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences in St. Petersburg. He is a senior researcher, doctor of philological sciences, and a professor of the Faculty of History at the Yaroslav-the-Wise Novgorod State University.

Sergey Nikolayevich Azbelev has authored over 450 publications, including 16 books. Most of them are devoted to research on the history, literature and folklore of the Medieval Rus' of the 9th-17th centuries; some are annotated publications of medieval primary sources with a focus on the textual and historical basis of their content.

The Novgorod chronicles have been a recurrent theme in the works of Sergey Azbelev for over sixty years. He wrote the monograph, «*The Novgorod Chronicles of the 17th*

Century», which was published jointly by the Institute of Russian Literature of the Academy of Sciences and the State Novgorod Museum-Reservation in 1960 and was highly praised in Russia and abroad. The monograph was preceded by five articles about the Novgorod chronicles, which appeared in the *Proceedings of the Department of Old Russian Literature* of the Institute of Russian Literature and in the *Novgorod Historical Journal* of the Saint Petersburg Institute of History of the Academy of Sciences.

After the release of his book, Sergey Nikolayevich Azbelev continued his study of the chronicles of Novgorod the Great and other primary sources related to the chronicles. He published his results mainly in the journals of the Academy of Sciences: in the ongoing *Proceedings of the Department of Old Russian Literature* and *Annals and Chronicles* in Moscow, in St. Petersburg's *Novgorodian Historical Journal* and in journals of the Institute of Russian Literature, such as *Russian Folklore* (where the author discussed the links between the chronicles and the Novgorodian oral folk epics). Besides academic journals, his research on the Novgorod chronicles was recently published in the Moscow journal *Old Russia: The Questions of the Middle Ages* and in the Novgorod magazine *Chelo*.

In his books, *The Oral History of Novgorod The Great* and *The Oral History in the Monuments of Novgorod and Novgorod's Lands*, Sergey Azbelev links the chronicles, legends, epics and historical songs of Medieval Novgorod. The prominent historian has recently finished his generalizing monograph, *The Chronicles of Novgorod The Great*; its publication is in progress.

Another underlying theme of Azbelev's research from 1968 to the present has been the Battle of Kulikovo (1380) and its representation in the medieval literature and in national epics (Russian and South Slavic). Sergey Azbelev devoted to this topic a series of articles and two monographs (1982, 2011). The 2011 monograph, *The Kulikov Victory in the People's Memory*, summarized the results of his more than forty years of work. And the historian continues his research attempting to clarify the historical circumstances of the Battle of Kulikovo Field.

A complete list of the works of Sergey Nikolayevich Azbelev is published in this issue of *Historical Format*.

* * *

РАБОТЫ СЕРГЕЯ НИКОЛАЕВИЧА АЗБЕЛЕВА*

1954

Указатели // Путешествия русских послов XVI-XVII веков: Статейные списки. М., 1954. С. 450-487.

Рец.: По следам древнерусской культуры [По следам древних культур: Древняя Русь. М., 1953] // Вечерний Ленинград. 1954. № 1. С. 3.

1955

Повесть о нашествии Тохтамыша на Москву // БСЭ. 2-е издание. Т. 33. С. 349.

Прóлог // БСЭ. 2-е издание. Т. 35. С. 32.

1956

Новгородская третья летопись. (Время и обстоятельства возникновения) // ТОДРЛ. М.; Л., 1956. Т.12. С. 236-262.

II Всесоюзное совещание по вопросам изучения древнерусской литературы // Там же. С. 647-650.

Рец.: Вопросы древнерусской литературы в «Очерках истории исторической науки в СССР». М., 1955. Т. 1 // Известия ОЛЯ. 1956. Вып. 6. С. 541-545.

1957

Летописные памятники Новгорода XVII-XVIII вв. (Обзор списков) // ТОДРЛ. М.; Л., 1957. Т. 13. С. 251-283.

Совещание по древнерусской литературе // Славяне. М., 1957. № 7. С. 62.

1958

Развитие летописного жанра в Новгороде в XVII веке // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 15. С. 251-283.

Новгородские местные летописцы // Там же. С. 364-370.

---

* Принятые сокращения:

АН СССР - Академия наук СССР

БСЭ - Большая советская энциклопедия. М.

Demos - Demos. Ethnographische und folkloristische Informationen. Berlin.

Известия ОЛЯ - Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка. М.

КЛЭ - Краткая литературная энциклопедия. М.

Ред. - редактирование.

Рец. - рецензия.

ТОДРЛ - Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского Дома) АН СССР.

Новгородское летописание XVII века (Новгородская Уваровская летопись, Новгородская третья, Новгородская Забелинская и Новгородская Погодинская летописи). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Л., 1958. 23 с.

Светская обработка Жития Александра Невского // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 147-153.

Имели ли место сухопутные походы Руси на Константинополь? // Вестник Ленинградского государственного университета. 1958. № 8. Серия истории, языка и литературы. Вып. 2. С. 166-170.

Отрывок славянской служебной Минеи XI-XII вв. // ТОДРЛ, М.; Л., 1958. Т. 15. С. 432-435.

Описание древнерусских рукописей Новгородского областного архива // Там же. С. 418- 423.

Третье Всесоюзное совещание по древнерусской литературе // Известия ОЛЯ. 1958. Вып. 1. С. 91-97 [в соавторстве с А.Н. Робинсоном].

Русская литература на Четвертом Международном съезде славистов // Русская литература. Л., 1958. № 4 [в соавторстве с другими].

Третье Всесоюзное совещание по древнерусской литературе // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 15. С. 515-516.

Рец.: Описание ценной коллекции рукописей [Лукьянов В.В. Описание коллекции рукописей Гос. Архива Ярославской области XVI—XX вв. Ярославль, 1957] // Исторический архив. М., 1958. № 5. С. 213-215.

1959

О художественном методе древнерусской литературы // Русская литература. Л., 1959. № 4. С 9-22.

Две редакции Новгородской летописи Дубровского // Новгородский исторический сборник. Новгород, 1959. Вып. 9. С. 219-228.

Дискуссия по проблемам древнерусской литературы // Вестник АН СССР. М., 1959. № 8. С. 116-117.

Четвертое Всесоюзное совещание по древнерусской литературе // Известия ОЛЯ. М., 1959. Вып. 6. С. 549-554.

[Обсуждение вопросов археографии] // Вопросы языкознания. М., 1959. № 5. С. 149-150.

1960

Новгородские летописи XVII века. Новгород, 1960. 295 с.

Текстологическое исследование Новгородской Уваровской летописи // ТОДРЛ. М.; Л., 1960. Т. 16. С. 270-287.

Об истолковании двух известий Повести временных лет: (К болгаро-русским отношениям в X веке) // Изследвания в чест на Марин С. Дринов. София, 1960. С. 235-241.

IV Всесоюзное совещание по древнерусской литературе // ТОДРЛ. М.; Л., 1960. Т. 16. С. 653-654.

1961

Памятники древнерусской письменности в хранилищах Болгарии // Исторический архив. М., 1961. № 2. С. 208-212.

К датировке русской Повести о взятии Царьграда турками // ТОДРЛ. М.; Л., 1961. Т. 17. С. 336-337.

Фольклор Мезени богат и интересен // За боевые темпы. Лешуконское Архангельской обл., 1961. № 71 [в соавторстве с В.В. Коргузаловым].

Сохранять и умножать фольклорные богатства Севера // Там же. № 83 [в соавторстве с В.В. Митрофановой].

1962

Новгородские былины и летопись // Русский фольклор: Материалы и исследования. М.; Л., 1962. Т. 7. С. 44-51.

[Выступление по докладу К. Стифа «Взаимоотношения между русским летописанием и русским народным эпосом»] // Четвертый Международный съезд славистов: Материалы дискуссии. М., 1962. Т. 1. С. 25-26.

Экспедиция по собиранию народного творчества // Новый путь. Бабаево Вологодской обл., 1962. № 42 [в соавторстве с Н.В. Новиковым].

Ред.: IV Международный съезд славистов: Материалы дискуссии. М.; Л., 1962. Т. 1. С. 61—69, 76—77, 79—179 [Отв. редактор В.В. Виноградов].

1963

Летописание и фольклор // Народная поэзия славян. М.; Л., 1963. С. 3-28. (Русский фольклор; Т. 8).

Реализм и древнерусская литература // Русская литература. Л., 1963. № 1. С. 45-78.

Какви са съвременните задачи на фольклористиката в проучването на проблемата за взаимоотношението между народното поетическо творчество и литературата (фолклора и старата, средновековна литература и новата литература) // Славянска филология. Материали за V Международен конгрес на славистите. София, 1963. Т. 2. С. 286-287.

Може ли да се определи художественият метод на старите славянски литератури с познатите литературно-теоретически категории // Там же. С. 75-77.

Примечания [к публикации неизвестных писем В. Ягича к А.Н. Пыпину] // Народная поэзия славян. М.; Л., 1963. С. 378-380 (Русский фольклор; Т. 8).

Фольклорная экспедиция Пушкинского Дома в 1961 г. // Советская этнография. М., 1963. № 1. С. 134-138 [в соавторстве с В.В. Митрофановой].

Ред.: Народная поэзия славян. М.; Л., 1963. 436 с. (Русский фольклор; Т. 8) [В сост. редколлегии].

1964

Современные устные рассказы // Проблемы современного народного творчества. М.; Л., 1964. С. 132-177 (Русский фольклор; Т. 9).

Об этике титульного листа // Нева. 1964. № 12. С. 172-173.

Рец.-аннот.: Народная поэзия славян. М.; Л., 1963 (Русский фольклор; Т. 8) // Demos. Berlin, 1964. B. 5. H. 1. S. 94-97.

Рец.-аннот.: Русское народное поэтическое творчество: Хрестоматия. М., 1963 // Там же. S. 97-98.

Ред.: Проблемы современного народного творчества. М.; Л., 1964. 331 с. (Русский фольклор; Т. 9) [В сост. редколлегии].

1965

Отношение предания, легенды и сказки к действительности. (С точки зрения разграничения жанров) // Славянский фольклор и историческая действительность. М., 1965. С. 5-25.

О жанровом составе прозаического фольклора русских рабочих // Устная поэзия рабочих России. М.; Л., 1965. С. 111-126.

Рец.-аннот.: Проблемы современного народного творчества. М.; Л., 1964 (Русский фольклор; Т. 9) // Demos. Berlin, 1965. B. 6. H. 1. 8. 76-78.

Рец-аннот.: Čistov K.V. Zur Frage der K1assifikationsprinzipien der Proza-Volksdichtung. M., 1964 // Там же. S. 71-72 [в соавторстве с Н.В. Домановским].

Ред.: Русские повести первой трети XVIII в. / Исслед. и подгот. текстов Г.Н. Моисеевой. М.; Л., 1965. 324 с. [Отв. редактор].

1966

Проблемы международной систематизации преданий и легенд // Специфика фольклорных жанров. М.; Л., 1966. С. 176-195 (Русский фольклор; Т. 10).

Текстология как вспомогательная историческая дисциплина // История СССР. М., 1966. № 4. С. 81-106.

Основные понятия текстологии в применении к фольклорному материалу // Принципы текстологического изучения фольклора. М.; Л., 1966. С. 260-302.

Родовая сага в Древней Руси: (К русско-скандинавским фольклорным взаимосвязям) // Тезисы докладов Третьей научной конференции по истории, экономике, языку и литературе Скандинавских стран и Финляндии. Тарту, 1966. С. 166-167.

Журнал польских фольклористов [Literatura ludowa, 1957-1964] // Советское славяноведение. М., 1966. № 4. С. 78-81 [в соавторстве с В.Б. Вилинбаховым].

Рец.-аннот.: Специфика фольклорных жанров. М.; Л., 1966 (Русский фольклор; Т. 10) // Demos. Berlin, 1966. B. 7. H. 2. 8. 309-310.

Ред.: Специфика фольклорных жанров. М.; Л., 1966. 356 с. (Русский фольклор; Т. 10) [В сост. редколлегии].

1968

Куликовская битва в славянском фольклоре // Исторические связи в славянском фольклоре. М.; Л., 1968. С. 78-101 (Русский фольклор; Т. 11).

Ред.: Исторические связи в славянском фольклоре. М.; Л., 1968. 381 с. (Русский фольклор; Т. 11) [В сост. редколлегии].

1969

Летопись Петровского времени, содержащая поэму Симеона Полоцкого // От «Слова о полку Игореве» до «Тихого Дона»: Сб. статей к 90-летию Н.К. Пиксанова. Л., 1969. С. 261-265.

Фольклор восточных и южных славян о Куликовской битве // Советское славяноведение: Материалы IV конференции историков-славистов. Минск, 1969. С. 632-636.

Историческая основа былин об отражении татарского нашествия // Проблемы художественного метода, стиля и направления: Материалы докладов. М., 1969. С. 37-38.

Устное героическое сказание и историческая реальность // Проблемы реализма в русской и зарубежной литературах: Тезисы докладов. Вологда, 1969. С. 6-8.

[О международной классификации преданий и легенд] // VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук. М., 1969. Т. 7. С. 421-423.

1970

Литературные памятники Киевской Руси // Русская литература и фольклор (XI-XVIII вв.). Л., 1970. С. 20-35.

Литература периода национально-освободительной борьбы и становления единого Русского государства // Там же. С. 55-68.

Отзвуки Куликовской битвы в сербском и русском фольклоре // Советское славяноведение. М., 1970. № 6. С. 50-57.

Об историзме устных героических сказаний Новгородской земли // Современное состояние народного творчества: Тезисы докладов. Л., 1970. С. 33-34.

Генетическая связь южнославянской песни о Куликовской битве и русского предания // VI. Mezinarodni sjezd slavistů v Praze 1968. Akta sjezdu. Praha, 1970. S. 663-664.

[Выступление по докладам М. Бошкович-Стулли, Э.В. Померанцевой, В.К. Соколовой и К.В. Чистова – о соотношении преданий и легенд] // Там же. S. 495.

[Выступление по докладу П. Динекова «Общност и различия в развитието на старите славянски литератури»] // Там же. S. 332.

1971

Былины об отражении татарского нашествия («Ермак и Калин», «Илья и Калин», «Камское побоище») // Из истории русской народной поэзии. Л., 1971. С. 162-180 (Русский фольклор; Т. 12).

Мотивы убиения вражеского царя в былинах и в косовских песнях // Славянский и балканский фольклор. М., 1971. С. 53-74.

Две былины Сборника Кирши Данилова и южнославянский эпос // Фольклор и литература Урала. Пермь, 1971. С. 45-46.

Устные героические сказания о Куликовской битве // Современные проблемы фольклора. Вологда, 1971. С. 35-48.

Младшие летописи Новгорода о Куликовской битве // Проблемы истории феодальной России: Сб. статей к 60-летию В.В. Мавродина. Л., 1971. С. 110-117.

[Исторический комментарий к 70-и сюжетам] // Исторические песни XVIII в. Л., 1971. С. 302-306, 314-318, 326-335 (Памятники русского фольклора).

Фольклористика на VI Международном конгрессе славистов // Из истории русской народной поэзии. Л., 1971. С. 274-275 (Русский фольклор; Т. 12).

Ред.: Из истории русской народной поэзии. Л., 1971. 324 с. (Русский фольклор; Т. 12) [в составе редколлегии].

1972

Сказание о помощи новгородцев Дмитрию Донскому // Русская народная проза. Л., 1972. С. 77-102 (Русский фольклор; Т. 13).

Предисловие // Там же. С. 3-5.

Былина о свержении татарского ига, ее источники и обстоятельства появления // Проблемы идейно-эстетического анализа художественной литературы: Тезисы совещания. М., 1972. С. 30-31.

Рец.: Соколова В.К. Русские исторические предания. М., 1970; Лазарев А. Предания рабочих Урала как художественное явление. Челябинск, 1970 // Русская народная проза. Л., 1972. С. 291-294 (Русский фольклор; Т. 13).

Ред.: Русская народная проза. Л., 1972. 316 с. (Русский фольклор; Т. 13) [Отв. редактор].

1973

Алтайская версия былины о Сухане и Сказание о Мамаевом побоище // Эпическое творчество народов Сибири: Тезисы докладов. Улан-Удэ, 1973. С. 41-42.

1974

К определению понятия «фольклор» // Русская литература. Л., 1974. № 3. С. 94-113.

Изобразительные средства героических сказаний: (К проблематике изучения) // Проблемы художественной формы. Л., 1974. С. 144-163 (Русский фольклор; Т. 14).

Эпитеты героического сказания и фольклор XVIII-XIX вв. // Вопросы поэтики литературы и фольклора. Воронеж, 1974. С. 19-31.

Отражение действительности в преданиях, легендах, сказаниях // Прозаические жанры фольклора народов СССР. Минск, 1974. С. 96-109.

О сходных тенденциях в архитектуре Новгорода и устном эпосе Новгородской земли XV в. // Культура средневековой Руси. Посвящается 70-летию М.К. Каргера. Л., 1974. С. 98-100.

Повесть о Куликовской битве в Новгородской летописи Дубровского // Летописи и хроники: Сб. статей 1973 г. М., 1974. С. 164-172.

Всесоюзная конференция по народной прозе // Русская литература. Л., 1974. № 4. С. 228-231.

Всесоюзная конференция «Проблемы теории фольклора» // Проблемы художественной формы. Л., 1974. С. 277-281 (Русский фольклор; Т. 14).

Рец.: Фольклор как искусство слова. [М., 1966; 1969] Вып. I, II // Проблемы художественной формы. *Л.*, 1974 (Русский фольклор; Т. 14). С. 299-301.

Рец.: Стеблин-Каменский М.И. Мир саги. *Л.*, 1971 // Там же. С. 301-302.

1975

Фольклор в системе общественного сознания // Проблемы фольклора. М., 1975. С. 21-30.

Оппозиционные мотивы в былинах и историческая реальность XIV-XV вв. // Социальный протест в народной поэзии. *Л.*, 1975. С. 77-92 (Русский фольклор; Т. 15).

Всесоюзная конференция «Прозаические жанры фольклора народов СССР» // Там же. С. 285-287.

1976

О типологических соответствиях и исторических взаимосвязях в славянском эпосе // Советское славяноведение. М., 1976. № 4. С. 64-75.

Хроникат в древнерусском фольклоре // Историческая жизнь народной поэзии. *Л.*, 1976. С. 135-151 (Русский фольклор; Т. 16).

Текстологические приемы изучения повествовательных источников о Куликовской битве в связи с фольклорной традицией // Источниковедение отечественной истории: Сб. статей 1975 г. М., 1976. С. 163-190.

Об устных источниках летописных текстов: (На материале Куликовского цикла) [Начало] //Летописи и хроники: Сб. статей 1976 г. М., 1976. С. 78-101.

К сравнительному изучению повестей о завоевании Константинополя турками // Сравнительное изучение литератур: Сб. статей к 80-летию М.П. Алексеева. *Л.*, 1976. С. 18-22.

Эпос и летопись // Фольклор и историческая действительность. Всесоюзная научная конференция: Тезисы докладов. Махачкала, 1976. С. 29-30.

1977

Актуальные проблемы текстологии былин // Фольклор. Издание эпоса. М., 1977. С. 104-111.

Полное собрание русских былин: (Проект проспекта и основных правил подготовки издания) // Проблемы Свода русского фольклора. *Л.*, 1977. С. 11-23 (Русский фольклор; Т. 17).

После дискуссии об историзме былин // Русская литература. *Л.*, 1977. № 4. С. 200-210.

Пушкин и «Побоище Мамаево» // Временник Пушкинской комиссии, 1974. *Л.*, 1977. С. 123-130.

Былины. Новые книги. [Обзор] // Проблемы Свода русского фольклора. *Л.*, 1977. С. 176-184 (Русский фольклор; Т. 17).

Рец.: Буганов В.И. Отечественная историография русского летописания. М., 1975 // История СССР. М., 1977. № 2. С. 168-169.

1978

О жанровых взаимосвязях русского и украинского эпоса // Славянские литературы и фольклор. Л., 1978. С. 3-17 (Русский фольклор; Т. 18).

Типы героического эпоса и соотношение их поэтических систем // Эпическое творчество народов Сибири и Дальнего Востока. Якутск, 1978. С. 31-33.

О подразделениях несказочной прозы // Фольклор народов РСФСР: Межвузовский научный сборник. Уфа, 1978. С. 28-37.

«Джангар» и былинный эпос // Всесоюзная научная конференция «„Джангар" и проблемы эпического творчества тюрко-монгольских народов»: Тезисы. Элиста, 1978. С. 24-25.

Гуляев Степан Иванович // КЛЭ. Т. 9. Стб. 249-250.

Никифоров Александр Исаакович // Там же. Стб. 264.

[Публикация статьи А.И. Никифорова «Фольклор и „Слово о погибели Рускыя земли"» и вводная заметка к ней] // Из истории русской фольклористики. Л., 1978. С. 189-198.

Рец.: Кузьмин А.Г. Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977 // Вопросы истории. М., 1978. № 10. С. 160-162.

Рец.: Русское устное народное творчество [Кравцов Н.И., Лазутин С.Г. Русское устное народное творчество: Учебник для филологических факультетов университетов. М., 1977] // Русская литература. Л., 1978. № 4. С. 173-176.

Ред.: Северные предания / Изд. подгот. Н.А. Криничная. Л., 1978. 254 с. [Отв. редактор].

1979

О специфике творческого процесса в фольклоре и в литературе // Вопросы теории фольклора. Л., 1979. С. 157-166 (Русский фольклор; Т. 19).

Всесоюзная конференция «Фольклор и историческая действительность» // Вопросы теории фольклора. Л., 1979. С. 216-217 (Русский фольклор; Т. 19).

Межвузовское издание по фольклору РСФСР [Обзор: Фольклор народов РСФСР, вып. 1-4] // Там же. С. 209-212.

1981

Эпос и история: (Один из теоретических аспектов) // Фольклор и историческая действительность. Л., 1981. С. 3-9 (Русский фольклор; Т. 20).

Фольклоризм «Задонщины» и «Слово о полку Игореве» // Литература Древней Руси: Сб. науч. трудов. М., 1981. С. 46-57.

Об устных источниках летописных текстов: (На материале Куликовского цикла) [Окончание] // Летописи и хроники. 1980 г.: В.Н. Татищев и изучение русского летописания. М., 1981. С. 129-146.

Неопубликованные записи былин // Фольклор и историческая действительность. Л., 1981. С. 162-195 (Русский фольклор; Т. 20).

[Публикация статьи А.И. Никифорова «О фольклорном репертуаре XII-XVIII вв. На материале „Слова о полку Игореве", „Задонщины", „Повести о разорении

Рязани", Псковской летописи, Азовких повестей и других памятников» и вводная заметка к ней] // Из истории русской советской фольклористики. Л., 1981. С. 143-204.

Рец.: Былинное «Слово» [Прийма Ф.Я. «Слово о полку Игореве» в русском историко-литературном процессе первой трети XIX в. Л., 1980] // Вечерний Ленинград. 1981. № 126. С. 3.

1982

Историзм былин и специфика фольклора. Л., 1982. 327 с.

Поэтизация исторического события в былине / Русская литература. Л., 1982. № 1. С. 97-114.

Два Ермака в русском фольклоре // Русская речь. М., 1982. № 4. С. 118-120.

Рец.: Вторая жизнь «бессмертного слова» [Прийма Ф.Я. «Слово о полку Игореве» в русском историко-литературном процессе первой трети XIX в. Л., 1980] // Молодая гвардия. 1982. № 9. С. 272-274.

Ред.: Илларионов В.В. Искусство якутских олонхосутов. Якутск, 1982. 128 с. [Соредактор Н.В. Емельянов].

1983

Народный эпос и история: (К изучению национального своеобразия) // Русская литература. Л., 1983. №2. С. 104-117.

Чешский источник в новгородской летописи XVII в. // Литература Древней Руси: Сборник научных трудов. М., 1983. Вып. 4. С. 95-99.

1984

Былины. [Составление, подготовка текстов, вступительная статья, примечания, словарь]. Л., 1984. 398 с.

Взаимодействие фольклора и литературы в цикле произведений о «Мамаевом побоище» // Проблемы взаимосвязи литературы и фольклора. Воронеж, 1984. С. 12-19.

Роль Новгорода и Новгородской земли в формировании русского героического эпоса // Новгородский край. Материалы научной конференции. Л., 1984. С. 201-206.

Историзм былин и специфика фольклора. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. Киев, 1984. 44 с.

[Разыскание неизданных записей былин для сводного издания] // Полевые исследования. Л., 1984. С. 189-191 (Русский фольклор; Т. 22).

IX Международный съезд славистов. [Секция фольклористики] // Русская литература. Л., 1984. № 2. С. 222-225.

Ред.: Русский фольклор. Библиографический указатель. 1966-1975. Л., 1984. Ч. 1. 420 с. [Соредактор С.П. Луппов].

Ред.: Полевые исследования. Л., 1984. 207 с. (Русский фольклор; Т. 22) [в составе редколлегии].

1985

Рец.: Пропп В.Я. Русская сказка. Л., 1984 // Филологические науки. М., 1985. № 3. С. 82-84.

Ред.: Русский фольклор. Библиографический указатель. 1966-1975. Л., 1985. Ч. 2 [соредактор С.П. Луппов].

Ред.: Полевые исследования. Л., 1985. 227 с. (Русский фольклор; Т. 23) [в составе редколлегии].

1986

Исторические песни. Баллады. [Составление, подготовка текстов, вступительная статья, примечания, словарь]. М., 1986. 622 с.

Эпопея и народная циклизация эпических песен // «Калевала» — памятник мировой культуры. Петрозаводск, 1986. С. 82-98.

Новгородский эпос XV в. и историческая действительность // Проблемы истории Новгорода и Новгородской земли XV в. Новгород, 1986. С. 18-19.

Предисловие // Фольклор Русского Устья. Л., 1986. (Памятники русского фольклора). С 5-8 [в соавторстве с Н. А. Мещерским].

[Характеристика былин, записанных в Русском Устье] // Там же. С. 24-29.

Былины. [Подготовка текстов] // Там же. С. 218-246.

[Комментарии к былинам] // Там же. С. 319-321.

К истории русского населения по р. Индигирке // Там же. С. 369-370.

Письмо в редакцию // Русская литература. Л., 1986. С. 226-227.

Ред.: Фольклор Русского Устья. Л., 1986. 384 с. (Памятники русского фольклора) [Отв. редактор, совместно с Н.А. Мещерским].

1987

Летописный факт и ранняя историческая песня («Щелкан Дудентьевич») // Исследования по древней и новой литературе. Л., 1987. С. 18-22.

Неудачное завершение важной дискуссии // Филологические науки. М., 1987. № 1. С. 17-23.

Бородино в народной поэзии // Русская речь. М., 1987. № 4. С. 46-51.

[Выступление по докладу: Czajka H. Kreacja bohatera w rosyjskiej i połudnosłowanskiej epice ludowej] // Девятый Международный съезд славистов: Материалы дискуссии. Фольклористика. Историческая проблематика. Круглые столы. М., 1987. С. 15.

[Выступление по докладам: Гацак В.М. Основы устной эпической поэтики славян: (Антитеза «формульной» теории); Путилов Б.Н. Эпический мир и эпический язык] // Там же. С. 25.

[Выступление по докладу: Холевич Й. Устността — проблем на литературния текст (въз основа на материали от славянските литератури)] // Там же. С. 39-40.

Рец.: Анахронизм в практике фольклорных изданий [Сказки и песни, рожденные в дороге. М., 1985] // Русская литература. Л., 1987. № 2. С. 200-205.

Ред.: Этнографические истоки фольклорных явлений. Л., 1987. 223 с. (Русский фольклор; Т. 24) [В сост. редколлегии].

1988

История эпоса в неизданных рукописях А.Н. Веселовского // Русская литература. Л., 1988. № 1. С. 129-139.

Устная поэзия славян и творчество скальдов // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. Десятый Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1988. С. 237-248.

Добрыня – змееборец // Русская речь. М., 1988. № 3. С. 122-128.

Богатырь русской филологии: (К 150-летию со дня рождения А.Н. Веселовского) // Русская речь. М., 1988. № 5. С. 100-105.

Фольклор надо издавать фольклористам // Русская литература. Л., 1988. № 3. С. 245-247.

[Выступление на конференции по историзму фольклора] // Фольклор. Проблемы историзма. М., 1988. С. 256-257.

1989

Добрыня – сват // Русская речь. М., 1989. № 1. С. 116-123.

Герои русского эпоса: Михаил Скопин-Шуйский // Русская речь. М., 1989. № 3. С. 123-129.

О недостоверных текстах и недостоверных сведениях в академическом издании частушек // Вопросы литературы. М., 1989. № 3. С. 255-260.

Рец.: Современный взгляд на былины [Селиванов Ф.М. Русский эпос. М., 1988] // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. М., 1989. № 3. С. 92-95.

Ред.: Русский фольклор. Т. 25. Л., 1989. 223 с. [в составе редколлегии].

1990

Возраст славянских исторических песен // Славяне: Адзинства і мнагастайнасць: Межінародная канферэнцыя. Тэзісы дакладаў і павадамленняў. 5 секцыя. Ўзаемосцвязі і ўзаемодзеяние славянскіх культур: фальклор, література, мастацтва. Мінск, 1990. С. 4-6.

Русские исторические песни в иноэтническом контексте // Устные и письменные традиции в духовной культуре народа: Тезисы докладов. Сыктывкар, 1990. Ч. 1. С. 5-6.

Русский и калмыцкий эпосы – последовательные стадии эпического творчества в концепции А.Н. Веселовского // «Джангар» и проблемы эпического творчества: Тезисы докладов и сообщений Международной научной конференции. Элиста, 1990. С. 68-69.

Г.С. Виноградов и рукописное наследие А.Н. Веселовского // Дети и народная культура. Четвертые виноградовские чтения: Тезисы докладов. Новосибирск, 1990. С. 5-6.

1991

Исторические песни. Баллады. [Составление, подготовка текстов, вступительная статья, комментарии, указатель, словарь]. М., 1991. 765 с.

О переиздании былин в записях А.М. Астаховой // Проблемы текстологии фольклора. Л., 1991. С. 39-53 (Русский фольклор; Т. 26).

Ф.И. Буслаев и его ученики об историко-бытовых основах народного эпоса // Русская литература. Л., 1991. № 4. С. 3-17.

Грозный царь Иван Васильевич // Русская речь. М., 1991. № 5. С. 123-129.

Фольклор Русского Устья: К изучению региональной традиции // Фольклорное наследие народов Сибири и Дальнего Востока: Сб. научных трудов. Якутск, 1991. С. 80-89.

Научный подвиг: 160 лет со дня рождения А.Ф. Гильфердинга. 1831-1872 // Российский календарь знаменательных дат. М., 1991. № 5. С. 11-13.

Усердие, остроумие и ученая честность: 165 лет со дня рождения А.Н. Афанасьева. 1826-1871 // Там же. С. 14-15.

Истинно русский интеллигент: 160 лет со дня рождения П.Н. Рыбникова – собирателя и ценителя фольклора. 1831-1885 // Российский календарь знаменательных дат. М., 1991. № 10. С. 27-28.

Фольклористика на Десятом Международном съезде славистов // Проблемы текстологии фольклора. Л., 1991. С. 268-270 (Русский фольклор; Т. 26).

Реи.: Чикачев А.Г. Русские на Индигирке: Историко-географический очерк. Новосибирск, 1990 // Известия Сибирского филиала АН СССР. Серия истории, филологии и философии. Новосибирск, 1991. № 3. С. 69-70.

Ред.: Проблемы текстологии фольклора. Л., 1991. 280 с. (Русский фольклор; Т. 26) [в составе редколлегии].

1992

Народная проза [Составление, вступительная статья, подготовка текстов, комментарии, словарь]. М., 1992. 606 с.

Веселовский и историческое изучение эпоса // Наследие Александра Веселовского: Исследования и материалы. СПб., 1992. С. 6-31.

Садко // Русская речь. М., 1992. № 6. С. 84-89.

Три с половиной века великому подвигу донских казаков: Азовское сидение // Истоки. М., 1992. № 11. С. 5.

Русский народный эпос в книгах последних лет. [Обзор] // Русская литература. М., 1992. № 2. С. 197-205.

Рец.: Ценная книга. [Селиванов Ф.М. Художественные сравнения русского песенного эпоса: Систематический указатель. М.: Наука, 1990] // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. М., 1992. № 2. С. 91-92.

1993

Русские исторические песни в иноэтническом контексте // Межэтнические фольклорные связи. СПб., 1993. С. 14-27 (Русский фольклор; Т. 27).

Самосознание славян в героическом эпосе и исторических песнях // История, культура, этнография и фольклор славянских народов: Одиннадцатый Международный съезд славистов. Доклады российской делегации. М., 1993. С. 221-234.

Рукописи А.Н. Веселовского по народному эпосу // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1990 год. СПб., 1993. С. 3-16.

«Инварианты» практической текстологии // Межэтнические фольклорные связи. СПб., 1993. С 194-204 (Русский фольклор; Т. 27).

Князь Владимир и Илья Муромец // Русская речь. М., 1993. № 6. С. 73-80.

О генезисе исторических песен, посвященных Ивану Грозному // Скафтымовские чтения. Саратов, 1993. С. 81-83.

[Публикация статьи А.Н. Веселовского «Былины о Волхе Всеславьевиче и поэмы об Ортните»: подготовка текста, вступительная заметка, примечания, библиография] // Межэтнические фольклорные связи. СПб., 1993. С. 273-312 (Русский фольклор; Т. 27).

Былиноведение // Восточнославянский фольклор: Словарь научной и народной терминологии. Минск, 1993. С. 25-26.

Историзм фольклора // Там же. С. 104-105.

Меморат // Там же. С. 138.

Песня историческая // Там же. С. 205-206.

Песня походная // Там же. С. 235.

Предание // Там же. С. 275.

Предание историческое // Там же. С. 275-276.

Предание местное // Там же. С. 276-277.

Предание мифологическое // Там же. С. 277.

Притча // Там же. С 285.

Проза устная несказочная // Там же. С. 289-290.

Фабулат // Там же. С. 373-374.

Хроникат // Там же. С. 434-435.

Участие казаков в присоединении Казани и Астрахани к русскому государству // Истоки. М., 1993. № 9. С. 4.

Самосознание славян в героическом эпосе и исторических песнях // XI. Mezdinarodny zjazd slavistov. Zbornik resume. Bratislava, 1993. S. 194.

Ред.: Межэтнические фольклорные связи. СПб., 1993. 336 с. (Русский фольклор; Т. 27) [Отв. редактор].

Ред.: Иванова Т.Г. Русская фольклористика начала XX века в биографических очерках: Е.В. Аничков, А.В. Марков, Б.М. и Ю.М. Соколовы, А.Д. Григорьев, В.Н. Андерсон, Д К. Зеленин, Н.Е. Ончуков, О.Э. Озаровская. СПб., 1993. 202 с.

1994

К вопросу о происхождении Рюрика // Герменевтика древнерусской литературы. М., 1994. Т. 7. С. 363-374.

Оппозиционный фольклор 1920-1930-х годов в записях А.И. Никифорова // Живая старина. М., 1994. № 2. С. 44-47.

Обзор источников о происхождении Рюрика и версия о его славянских предках // Известия русского генеалогического общества. СПб., 1994. Вып. 1. С. 45-46.

Фольклор народов России [Обзор выпусков 1-20] // Живая старина. М., 1994. № 4. С. 47-49.

1995

Эпосоведческое наследие А.Н. Веселовского в современности // Эпические традиции. СПб., 1995. С. 32-44 (Русский фольклор; Т. 28).

Князь Глеб Володьевич // Русская речь. М., 1995. № 3. С. 98-105.

В.Я. Пропп о принципах издания Свода русского фольклора // Живая старина. М., 1995. № 4. С. 49-51.

Отношение к русской монархии в поэзии Лермонтова // Тарханский вестник. Тарханы, 1995. Вып. 4. С. 11-18.

Рыбников Павел Николаевич // Русская словесность. М., 1995. № 6. С. 6-7.

Ф.М. Селиванов (1927-1990) // Эпические традиции. СПб., 1995. С. 421-424 (Русский фольклор; Т. 28) [в соавторстве с А.В. Кулагиной].

Запись духовного стиха о Святом Георгии в Рукописном отделе Пушкинского Дома // Русская литература. СПб., 1995. № 1. С. 177-184.

Памятники письменности и фольклора об участии казаков в Куликовской битве // Памятники истории, культуры и природы Европейской России. Тезисы докладов. Нижний Новгород, 1995. С. 57-58.

Поэты России о русских императорах // Дворянское собрание. Историко-публицистический и литературно-художественный альманах. М., 1995. № 2. С. 217-244.

Рекрутские песни // Русская словесность. М., 1995. № 5. С. 5.

Фольклористика на XI Международном съезде славистов // Эпические традиции. СПб., 1995. С. 433-435 (Русский фольклор; Т. 28).

Рец.: Живая старина. Журнал о русском фольклоре и традиционной культуре. 1994. № 1 // Этнографическое обозрение. М., 1995. № 1. С. 182-184.

Рец.: Фольклор Сибири и Дальнего Востока. Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока / Сост. Ю.И. Смирнов. Новосибирск, 1991 // Живая старина. М., 1995. № 2. С. 60-62.

Ред.: Скрыбыкина Л. Н. Былины русского населения Северо-Востока Сибири. Новосибирск, 1995. 103 с. [Отв. редактор].

Ред.: Эпические традиции. СПб., 1995. 439 с. (Русский фольклор; Т. 28) (в составе редколлегии).

1996

О происхождении песен, посвященных Грозному царю Ивану Васильевичу // Русский фольклор: Материалы и исследования. СПб., 1996. Т. 29. С. 62-81.

Гостомысл и его внуки в народных преданиях // Филологические науки. М., 1996. № 2. С. 2-9.

Опахивание в Калужской губернии // Живая старина. М., 1996. № 4. С. 34-35.

О подвигах казаков в борьбе против войск Мамая // Русская речь. М., 1996. № 1. С. 97-102.

Из поэтического наследия С.С. Бехтеева. (По страницам эмигрантских сборников) // Дворянское собрание. Историко-публицистический и литературно-художественный альманах. М., 1996. № 4. С. 240-250.

Сергей Бехтеев, царский гусляр // Возрождение. СПб., 1996. № 4. С. 9.

Пять последних императоров в русской поэзии. [Начало] // Возрождение. СПб., № 8-9. С. 11.

Ред.: Русский фольклор. Материалы и исследования. СПб., 1996. Т. 29. 301 с. (В составе редколлегии).

1997

Предания о древнейших князьях Руси по записям XI-XX вв. // Славянская традиционная культура и современный мир. М., 1997. Вып. 1. С. 4-17.

Песни и предания о донских казаках, Казани и Ливонской войне // Русская речь. М., 1997. № 1. С. 83-90.

Предания о происхождении Руси. (Публикация) // Славянская традиционная культура и современный мир. М., 1997. Вып. 1. С. 140-146.

Рюрик – имя русских князей // Держава. Общественно-политический и литературно-художественный журнал. М., 1997. № 3. С. 83-84.

Место фольклора в традиционной и современной культуре // Славянская традиционная культура и современный мир. М., 1997. Вып. 2. С. 212-223.

Ржига Вячеслав Федорович // Русская словесность. М., 1997. № 2. С. 7-8.

Гуманитарные науки и гуманитарное образование в постбольшевистской России // Дворянское собрание. Историко-публицистический и литературно-художественный альманах. М., 1997. № 7. С. 299-307.

Как относился Лермонтов к русской монархии // Русская речь. М., 1997. № 2. С. 5-10.

Российская смута 1905-1907 годов в творчестве московской поэтессы // Дворянское собрание. Историко-публицистический и литературно-художественный альманах. М., 1997. № 6. С. 230-239.

К вопросу о десоветизации // Монархист. СПб., 1997. №. 2. С. 1-2.

Пять последних императоров в русской поэзии. [Окончание] // Возрождение. СПб., 1997. № 1-2. С. 12.

1998

Роль казаков в освобождении Руси от ордынского ига. (По письменным и фольклорным источникам) // Герменевтика древнерусской литературы. М., 1998. Сборник 9. С. 158-171.

Из ранней истории казачества // Русь и южные славяне: Сборник статей к 100-летию В.А. Мошина (1894-1987). СПб., 1998. С. 430-437.

Историческая основа новгородской былины «Князь Глеб Володьевич» // Чело. Альманах. Великий Новгород, 1998. № 2 (13). С. 34-40.

Алеша Попович // Русская речь. М., 1998. № 2. С. 101-110.

Критерии исследовательского отграничения фольклора от смежных областей народной культуры // Славянские литературы, культура и фольклор славянских народов. XII Международный съезд славистов (Краков, 1998). Доклады российской делегации. М., 1998. С. 370-381.

Текстологические принципы академических изданий русского фольклора и эдиционная практика // Наука о фольклоре сегодня: Междисциплинарные

взаимодействия. К 70-летнему юбилею Федора Мартыновича Селиванова. Международная научная конференция. (Москва, 29-31 октября 1997 года). М., 1998. С. 152-154.

Основные понятия текстологии в применении к фольклорному материалу // Русский фольклор. Хрестоматия исследований / Составители Т.В. Зуева, Б.П. Кирдан. М., 1998. С. 12-14.

Всеволод Федорович Миллер // Русская речь. М., 1998. № 3. С. 41-44.

Идеологемы фольклористического сознания // Мифология и повседневность: Материалы научной конференции 18-20 февраля 1998 года. СПб., 1998. С. 272-280.

Критерии исследовательского отграничения фольклора от смежных областей народной культуры [резюме] // XII Międzynarodowy kongres slawistów. Kraków 27.VII – 2.IX.1998. Streszczenia referatów i komunikatów. Literaturoznawstwo, folklorystyka, nauka o kulturze. Warszawa, 1998. S. 172-173.

Из «государевых» стихов Сергея Бехтеева // Православное обозрение. СПб., 1998. № 4. С. 1-2.

О положении в гуманитарном образовании и гуманитарных науках после правления большевиков. [Начало] // Дворянский вестник. М., 1998. № 12 (55). С. 6.

1999

Тысяча лет русской истории в преданиях, легендах, песнях / Составление, вступительная статья, комментарии. М., 1999. 464 с.

Ранний фольклор о Ермаке Тимофеевиче и его предшественниках-казаках в соотношении с письменными историческими источниками // Русский фольклор. СПб., 1999. Т. 30. С. 101-119.

Пушкинизмы в репертуаре русского фольклора // Русская речь. М., 1999. № 4. С. 90-97.

Современные записи русского фольклора прошлых десятилетий // Славянская традиционная культура и современный мир. М., 1999. Вып. 3. С. 24-27.

Из подлинного фольклора советского периода // Заветные частушки из собрания А.Д. Волкова. М., 1999. Т. 2. Приложения. С. 483-488.

Бытование произведений Пушкина в русском фольклоре // Университетский пушкинский сборник. М., 1999. С. 508-512.

[А.Н. Веселовский] Эпос. <Из авторского конспекта лекционных курсов 1881-1882 и 1884-1885 гг.> [Подготовка текста, комментарии] // Александр Веселовский. Избранные труды и письма. СПб., 1999. С. 99-117.

О положении в гуманитарном образовании и гуманитарных науках после правления большевиков. [Продолжение и окончание] // Дворянский вестник. М., 1999. № 1 (56). С. 7; № 2 (57). С. 7.

Юбилей соглашения большевиков с нацистами // Дворянский вестник. М., 1999. № 11 (66). С. 4-5.

О происхождении династии Рюриковичей // Россия и зарубежье: Генеалогические связи. I. Международный генеалогический коллоквиум. Москва 29.XI – 4.XII.1999. Тезисы. <М., 1999>. С. 7.

Zur Herkunft der Dynastie Rjurikowitsch // Russie et autres pays du monde: Liens généalogiques. I Colloque Internationale de Généalogie. Moscou 29.XI – 4.XII.1999. Resumes des communications. <Moscou, 1999>. P. 8.

Фольклористика на XII Международном съезде славистов // Русский фольклор. СПб., 1999. Т. 30. С. 562-565.

Рец.: Дворянское самосознание – как его трактуют в Институте философии РАН [Худушина И.Ф. Царь. Бог. Россия: Самосознание русского дворянства (конец XVIII – первая треть XIX в.). М., 1995.] // Дворянский вестник. М., 1999. № 12 (67). С. 4.

Ред.: Русский фольклор. СПб., 1999. Т. 30. 567 с. (в составе редколлегии).

2000

Исторические песни русских солдат // Русская речь. М., 2000. № 1. С. 95-104.

Русские исторические песни начала XX столетия // Атриум: Межвузовский сборник научных статей / Серия филология. Тольятти, 2000. № 6. С. 9-14.

Из «государевых стихов» Сергея Бехтеева // Православная жизнь. Джорданвилль, 2000. № 7 (606). С. 1-4 [в соавторстве].

Образ святого царя-мученика в поэзии С.С. Бехтеева // Дворянский вестник. М., 2000. № 5-6 (72-73). С. 3.

Народная поэзия о гибели императора Александра II // Русская речь. М., 2000. № 4. С. 89-98.

Судьба православной монархии: закономерность или случайность? // Дворянский вестник. М., 2000. № -10 (76-77). С. 8; № 11-12 (78-79). С. 8.

Народная поэзия о гибели императора Александра II // Православная жизнь. Джорданвилль, 2000. № 8 (607). С. 26-34.

Наши издания в петербургских библиотеках // Дворянский вестник. М., 2000. № 3-4 (70-71). С. 2.

Рец.: Морозов А.В. Историография русской фольклористики (1917-1941). Минск, 1999 // Филологические науки. М., 2000. № 2. С. 112-116.

Рец.: Комплект учебных пособий по русскому устному народному творчеству: Зуева Т.В., Кирдан Б.П. Русский фольклор: Учебник для высших учебных заведений. М., 1999; Русский фольклор. Хрестоматия исследований. Для высших учебных заведений / Сост. Т.В. Зуева, Б.П. Кирдан. М., 1998 // Атриум: Межвузовский сборник научных статей. Серия филология. Тольятти. 2000. № 6. С. 85-88.

2001

Исторические песни / Составление, вступительная статья, подготовка текстов и комментарии. М., 2001. 528 с. (Библиотека русского фольклора; Т. 7).

Фольклоризм Задонщины // Дмитрий Донской и эпоха возрождения Руси: События, памятники, традиции. Тула, 2001. С. 79-98.

Академик Всеволод Миллер и историческая школа: Эпосоведческие труды и их оценки // Русский фольклор. СПб., 2001. Т. 31. С. 3-41.

Алексей Владимирович Марков как медиевист и отзывы о нем современников // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. М., 2001. № 1 (3). С. 98-108.

Александр Федорович Гильфердинг // Смирнов С.В. Отечественные филологи-слависты середины XVIII – начала XX вв. Справочное пособие. М., 2001. С. 151-160.

Новые работы о русском эпосе // Русский фольклор. СПб., 2001. Т. 31. С. 413-436.

Попытка реанимировать устарелую мифологему // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. М., 2001. № 4 (6). С. 115-120.

Ред.: Русский фольклор. СПб., 2001. Т. 31. 452 с. (в составе редколлегии).

2002

Беломорские ста́рины и духовные стихи: Собрание А.В. Маркова [Вступительная статья, разыскание и подготовка текстов, комментарии, приложения, указатели (музыковедческая часть подготовлена Ю.И. Марченко)]. СПб., 2002. 1079 с. (Памятники русского фольклора).

Исторические связи новгородских и балтийских славян в фольклоре // Литература, культура и фольклор славянских народов. XIII Международный съезд славистов (Любляна, август 2003). Доклады российской делегации. М., 2002. С. 385-396.

Факты истории и предыстории Великого Новгорода, выясняемые по данным фольклористики, изучения письменных источников и археологии в их взаимодействии: некоторые результаты и перспективы // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. М., 2002. № 2 (8). С. 5-13.

Былины о Садко и история Новгорода // Чело. Альманах. Новгород Великий. 2002. № 2 (24). С. 45-48.

Забытая православная поэтесса Лидия Кологривова // Православная жизнь. Джорданвилль, 2002. № 4 (627). С. 25-33.

Бехтеев Сергей Сергеевич // Православная энциклопедия. М., 2002. Т. 5. С. 20-21.

Рец.: Неудавшееся начало многотомного издания [Былины Печоры. СПб., 2001] // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. М., 2002. № 4 (10). С. 82-97.

2003

Ф.И. Буслаев. Народный эпос и мифология [Составление, вступительная статья, подготовка текстов, комментарии, библиография]. М., 2003. 299 с. (Классика литературной науки).

К изучению Иоакимовской летописи // Новгородский исторический сборник. СПб., 2003. Вып. 9 (19). С. 3-27.

Исторический Добрыня – герой новгородских былин // Чело. Альманах. Великий Новгород, 2003. № 1 (26). С. 53-60.

Православные поэты первой волны русской эмиграции // Православная жизнь. Джорданвилль, 2003. № 7 (642). С. 1-25.

Устное повествование о Куликовской битве и его обработки в летописях [Тезисы] // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. М., 2003. № 4 (14). С. 5-6.

Исторические связи новгородских и балтийских славян в фольклоре [Резюме] // 13. Mednarodni slavistični kongres. Sbornik povzetkov. Ljubljana, 2003. 2. del. S. 165-166.

Рец.: На пути к возрождению православной России [Инок Всеволод (Филипьев). Ангел Апокалипсиса: Духовные сочинения. М., 2002] // Православная жизнь. Джорданвилль, 2003. № 7 (642). С. 26-31.

2004

Устная история Великого Новгорода // Вестник Православного Свято-Тихоновского богословского института. М., 2004. Вып. 2. С. 27-36.

К вопросу о дате основания монастыря на Валааме // Валаамский монастырь: Духовные традиции. История. Культура. Материалы Второй международной научной конференции 29 сентября – 7 октября 2003 года. СПб., 2004. С. 54-80.

В защиту Иоакимовской летописи // Честному и грозному Ивану Васильевичу: К 70- летию Ивана Васильевича Лёвочкина. М., 2004. С. 7-10.

Забытая русская православная поэтесса Лидия Кологривова // Дворянский вестник. М., 2004. № 5-6 (108-109). С. 11.

Об ответе А.А. Горелова на мою рецензию // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. М., 2004. № 3 (17). С. 120-129.

2005

В.Ф. Миллер. Народный эпос и история / Составление, вступительная статья, подготовка текстов, комментарии. М., 2005. 391 с. (Классика литературной науки).

О Рюрике и Гостомысле // Новгородский исторический сборник. СПб., 2005. Вып. 10 (20). С. 7-31.

Фольклор Новгородской земли о событиях Смуты начала XVII в. // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Материалы научной конференции 16-18 ноября 2004 года. Великий Новгород, 2005. С. 105-111.

К вопросу об устном оригинале летописной повести о Куликовской битве // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. М., 2005. № 4 (22). С. 50-79.

Куликовская победа в народной памяти // «…В трубы трубят на Коломне…»: Сборник материалов научно-практической конференции, посвященной 625-летию Куликовской битвы (Коломна, 7-8 сентября 2005 г.). Коломна, 2005. Ч. 2. С. 111-121.

Древнейший монастырь Новгородской земли // Чело. Альманах. Великий Новгород, 2005. № 1 (32). С. 88-91.

Фольклор в системе традиционной культуры // Первый всероссийский конгресс фольклористов. Сборник докладов. М., 2005. Т. 1. С. 258-271.

События Смуты в фольклоре Новгородской земли // Чело. Альманах. Великий Новгород, 2005. № 2 (33). С. 25-27.

К изучению поэтики региональных традиций // Поэтика фольклора. Сборник статей. К 80-летнему юбилею профессора Владимира Прокопьевича Аникина. М., 2005. С. 147-153.

Куликовская победа в народной памяти // Бюллетень Санкт-Петербургского дворянского собрания. СПб., 2005. № 8. С. 8-14.

Бехтеев Сергей Сергеевич // Русская литература XX века: Прозаики, поэты, драматурги. Биобиблиографический словарь. М., 2005. Т. 1. А-Ж. С. 211-212.

О ранних прототипах Ильи Муромца и былинного князя Владимира [Тезисы] // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. М., 2005. № 3 (21). С. 5-6.

2006

Устная история Великого Новгорода. Великий Новгород, 2006. 307 с. (Новгородская историческая библиотека).

Происхождение рассказа о Куликовской битве в Новгородской первой летописи // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Материалы научной конференции 15-17 ноября 2005 года. Великий Новгород, 2006. С. 66-73.

Летописная повесть о Куликовской битве // Сборник Русского исторического общества. М., 2006. Т. 10 (158). С. 420-450.

Участие новгородцев в Куликовской битве // Чело. Альманах. Великий Новгород, 2006. № 1 (35) с. 73-78.

Исторические песни об Иване III // Труды кафедры истории России с древнейших времен до XX века СПбГУ. СПб., 2006. Т. 1. с. 95-117.

Rapporti tra il piú antico epos russo e l'epica germanica // Lo spazo letterario del medioveo. 3. Le culture circostanti. Volumo III. Le culture slave. Roma, 2006. P. 725-752.

Фольклор мигрантов в русских анклавах Якутии // Гуманитарные проблемы миграции: Социально-правовые аспекты адаптации соотечественников в Тюменской области. Материалы II Международной конференции 9-11 сентября 2006 года. Тюмень, 2006. Ч. 1. С. 7-11.

Дворянские поэты начала XX века // Дворянство и современность. Материалы Международной конференции дворянских собраний Северо-Запада, посвященной 15-летию Петербургского дворянского собрания 19-20 мая 2006 года. СПб., 2006. С. 53-62.

Троицкий монастырь и Сказание о Мамаевом побоище // V Международная конференция: Троице-Сергиева лавра в истории, культуре и духовной жизни России. Тезисы докладов. 26-28 сентября 2006 г. Сергиев Посад, 2006. С. 3-4.

Иноземные дипломаты и русский фольклор о государственной власти Ивана III // Репрезентация власти в посольском церемониале и дипломатический диалог в XV – первой трети XVIII века. Третья Международная научная конференция цикла «Иноземцы в Московском государстве», посвященная 200-летию Московского Кремля 19-21 октября 2006 года. Тезисы докладов. М., 2006. С. 10-12.

С.К. Шамбинаго. Песни татарского цикла / Публикация С.Н. Азбелева [Подготовка текста и вступительная заметка] // Из истории русской фольклористики. СПб., 2006. Вып. 6. С. 39-72.

2007

Устная история в памятниках Новгорода и Новгородской земли. СПб., 2007. 295 с., 18 илл.

Походы русских князей на Херсонес в былинной интерпретации // Средневековая Русь. М., 2007. Вып. 7. С. 56-70.

Новгородско-Софийский летописный свод и недавние концепции истории летописания // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Материалы научных конференций 2006-2007 годов. Великий Новгород, 2007. С. 3-11.

Первые двести лет изучения новгородских летописей // Там же. С. 28-34.

Новгород и Куликовская битва // Новгород и Новгородская земля. История и археология (Материалы научной конференции: Новгород 23-25 января 2007). Вып. 21. Великий Новгород, 2007. С. 257-270.

Древнейший храм Киева и народный эпос // XVI Ежегодная Богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета 2006 г. Материалы. Т. 2. М., 2007. С. 230-233.

Историческая песня о тверском антиордынском восстании 1327 года // Михаил Ярославич Тверской – великий князь всея Руси. Тверь, 2007. С. 108-113.

Н.И. Кравцов и историческая школа исследователей народного эпоса // Российская славистическая фольклористика: Пути развития и исследовательские перспективы. Материалы Международной научной конференции к 100-летию со дня рождения проф. Н.И. Кравцова (Москва, 9-10 ноября 2006 г.). М., 2007. С. 29-35.

Рыцарь науки (воспоминания о Н.И. Кравцове) // Там же. С. 147.

Былины новгородские // Великий Новгород: История и культура IX-XVII веков. Энциклопедический словарь. СПб., 2007. С. 103-105.

Веселовский Александр Николаевич // Там же. С. 113-114.

Иоакимовская летопись // Там же. С. 224.

Летописи новгородские XVII в. // Там же. С. 265-267.

Миллер Всеволод Федорович // Там же. С. 291.

Сказание о помощи новгородцев Дмитрию Донскому // Там же. С. 435.

Древнерусские героические сказания в международном контексте [Тезисы] // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. М., 2007. № 3 (29). С. 5-6.

Древнейший храм Киева и народный эпос // Міжнародна славістична конференція: Актуальні проблеми дослідження слов'янських культур. Тези доповідей. Одесса, 2007. С. 3.

Рец.: А. Толочко. «История Российская» Василия Татищева: Источники и известия. М., 2005. 544 с. // Вестник Санкт-Петербургского Университета. СПб., 2007. Серия 2. История. Вып. 3. Сентябрь. С. 255-261.

2008

Древнерусские героические сказания в международном контексте // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. М., 2008. № 3 (33). С. 115-122.

Ярослав Мудрый в русском летописании // Вестник Липецкого государственного педагогического университета. Серия Гуманитарные науки. Липецк, 2008. Вып. 2. С. 34-41.

Древнейший храм в Киеве и народный эпос // Слов'янський збірник. Одеса, 2008. С. 5-11.

Воспоминания о В.В. Мавродине // Проблемы отечественной истории: Источники, историография, исследования. Сборник научных статей. СПб. – Киев – Минск, 2008. С. 13-15.

Фиаско историка, игнорировавшего данные археологии // Новгород и Новгородская земля: история и археология. (Материалы научной конференции. Новгород, 22-24 января 2008). Великий Новгород, 2008. Вып. 22. С. 217-226.

Напрасная попытка уберечь от критики анонимное сочинение о Валаамском монастыре. (По поводу статьи А.Г. Боброва) // Русская литература. СПб., 2008. № 4. С. 100-105.

Летопись Иоакима Корсунянина в концепции А.А. Шахматова [тезисы доклада] // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. М., 2008. № 3 (33). С. 5-6.

Историческая песня о тверском антиордынском восстании 1327 года // Михаил Яросдавич Тверской – великий князь всея Руси. Тверь, 2008. С. 111-116.

Освободитель Троице-Сергиевой лавры от осады князь Михаил Скопин-Шуйский в народной памяти // VI Международная конференция: Троице-Сергиева лавра в истории, культуре и духовной жизни России. Тезисы докладов. Сергиев Посад, 2008. С. 3-4.

Данные финских исследователей и сведения новгородских летописей о времени основания Валаамского монастыря [автореферат доклада] // Семинар «Новгород и Финляндия». Информационный бюллетень. Великий Новгород, 2008. С. 1.

Деготь в патоке // Царский Вестник: Всероссийская православно-монархическая газета. Самара, 2008. № 6. С. 6-7.

Деготь в патоке [сокращенный текст] // Дворянский Вестник. М., 2008. № 1-6 (152-157). С. 13.

Попытка исказить историю древнейшего монастыря // Чело: Альманах. Великий Новгород, 2008. № 1 (41). С. 70-73.

Слово о поэте Сергее Бехтееве и его творчестве // Невярович В.К. Певец Святой Руси. Сергей Бехтеев: жизнь и творчество. СПб., 2008. С. 14-15.

2009

Летописи Великого Новгорода об Освободительной войне 1380 года // Новгородика-2008: Вечевая республика в истории России. Материалы Международной научно-практической конференции. Великий Новгород, 2009. Ч. 1. С. 175-184.

Источниковедческое значение народного эпоса и историческая школа русских эпосоведов // Мавродинские чтения 2008. СПб., 2009. С. 287-290.

Пересвет, Ослябя и Троице-Сергиев монастырь // Верхнее Подонье: Археология. История. Сб. статей. Тула, 2009. Вып. 4. С. 165-169.

Версии основания монастыря на остове Валаам. [Тезисы] // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. М., 2009. № 3 (37). С. 5-6.

Троицкий монастырь и Сказание о Мамаевом побоище // Троице-Сергиева лавра в истории, культуре и духовной жизни России. Материалы V Международной конференции 26 сентября – 28 сентября 2006 года. Сергиев Посад, 2009. С. 103-112.

Труды А.А. Шахматова по новгородскому летописанию и недавние работы в области текстологии и археологии // Великий Новгород и средневековая Русь: Сб. статей к 80-летию В.Л. Янина. М., 2009. С. 17-30.

Песня о тверском восстании 1327 года // Первый Петербургско-Тверской семинар «Тверской край в науке и культуре». Сб. научных статей. Тверь, 2009. С. 276-280.

Данные финских исследователей и сведения новгородских летописей о времени основания Валаамского монастыря // Новгородика-2008: вечевая республика в истории России. Материалы Международной научно-практической конференции. Великий Новгород, 2009. Ч. 2. С. 67-95.

2010

Версии основания монастыря на острове Валаам // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. М., 2010. № 1 (39). С. 5-15.

Устное происхождение «Слова о полку Игореве» и проблема его датировки // Восточная Европа в древности и средневековье: Устная традиция в письменном тексте. XXII Чтения памяти В.Т. Пашуто. Москва, 14-16 апреля 2010 г. Материалы конференции. М., 2910. С. 3-7.

Академик Всеволод Федорович Миллер и историческая школа русских былиноведов // Проблемы филологии: Язык и литература. Международный научный журнал. М., 2010. № 1. С. 103-120.

Историческая школа Всеволода Миллера и ее историческая судьба // От конгресса к конгрессу. Материалы Второго Всероссийского конгресса фольклористов. Сборник докладов. М., 2010. Т. 1. С. 232-247.

О связи московских и новгородских летописей в XIV и XV столетиях // Проблемы филологии: Язык и литература: Международный научный журнал. М., 2010. № 4. С. 89-104.

Неизданные летописи Новгорода о событиях Ливонской войны // Балтийский вопрос в конце XV-XVI в.: Сборник научных статей. М., 2010. С. 233-342.

Ярослав Мудрый в летописях // Новгородская земля в эпоху Ярослава Мудрого. Великий Новгород, 2010. С. 5-81.

Гостомысл // Варяго-русский вопрос в историографии. М., 2010. С. 598-618.

Миллер Всеволод Федорович // Русские фольклористы: Биобиблиографический словарь. Пробный выпуск. М., 2010. С. 174-182.

Троице-Сергиев монастырь и сведения Троицкой летописи о событиях 1380 г. // VII Международная научная конференция «Троице-Сергиева лавра в истории, культуре и духовной жизни России». Тезисы докладов. Сергиев Посад, 2010. С. 389-392.

Троицкий монастырь и Сказание о Мамаевом побоище // V Международная научная конференция «Троице-Сергиева лавра в истории, культуре и духовной жизни России». 26 сентября – 28 сентября 2006 г. Сергиев Посад, 2009. С. 103-112.

Сведения восточнославянских и западноевропейских источников о Руси V века // Историческая наука и российское образование (актуальные проблемы). Сборник статей памяти А.Г. Кузьмина и В.Г. Тюкавкина. М., 2008. Ч. 1. С.104-110.

Способ истребления Алексеем Толочко выдающегося труда Василия Никитича Татищева // Там же. С. 71-83.

2011

Куликовская победа в народной памяти: Литературные памятники Куликовского цикла и фольклорная традиция. СПб., «Дмитрий Буланин», 2011. (Studiorum Slavicorum Orbis. Вып. 2), 311 с.

The Song of Igor and its Medieval Context in Russian Oral Poetry // Medieval Oral Literature / Edited by Karl Reichl. Berlin-Boston, «Walter de Gruyter & Co. KG», 2011 (2012). S. 485-498.

Повесть о Мамаевом побоище и устные героические сказания о событиях 1380 года // Проблемы филологии: Язык и литература. Международный научный журнал. М., 2011. № 5. С. 61-77.

В защиту труда Василия Никитича Татищева // Сборник Русского исторического общества. М., 2011. Т. 11 (159). С. 316-324.

Совершались ли сухопутные походы Руси на Константинополь // Труды первой международной конференции «Начала Русского мира» 28-30 октября 2010 года. СПб., 2011. С. 139-145.

Летописи Великого Новгорода и «Летописец Великий Русский» // Новгородика-2010: Вечевой Новгород. Материалы Международной научно-практической конференции. Великий Новгород, 2011. Ч. 3. С. 12-20.

Труд А.Н. Веселовского «Южнорусские былины»: проблемы издания // Александр Веселовский: Актуальные аспекты наследия. Исследования и материалы. СПб., 2011. С. 72-79.

[Рецензия на кн.:] Иванова Т.Г. История русской фольклористики XX века: 1900 – первая половина 1941 г. СПб., «Дмитрий Буланин», 2009 // Традиционная культура. Научный альманах. М., 2011, № 2 (42). С. 168-173.

Православная церковь и сражение на Куликовом поле. [Тезисы] // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. М., 2011. № 3 (45). С. 5-6.

Бехтеев Сергей Сергеевич // Литературный Санкт-Петербург: XX век. Прозаики, поэты, драматурги, переводчики. Энциклопедический словарь в 2 томах. Том 1. А-К. СПб., 2011. С. 112-114.

[Редактирование] Российская история в зеркале русской поэзии: Русь Рюриковичей в былинах и песнях / Составитель, автор вступительной статьи и комментариев, подбор иллюстративного материала В.Н. Бойков / Научный редактор доктор филологических наук С.Н. Азбелев. М., 2011. 517 с.

2012

О географии Куликовской битвы // Русское поле: Научно-публицистический альманах. Красноярск - Stockholm, 2012. № 2. С. 43-52.

Отечественная война 1812 года в русском фольклоре // Там же. С. 144-153.

Фольклор Новгородской земли о событиях Смуты // Там же. С. 53-58.

О текстологии источников устного происхождения // Проблемы дипломатики, кодикологии и актовой археографии: Материалы XXIV Международной научной конференции. Москва, 2-3 февраля 2012 г. М., 2012. С. 147-149.

Валаамская обитель // Чело: Альманах. Великий Новгород, 2012. № 2 (51). С. 96-102.

Когда был основан монастырь на острове Валаам // Санкт-Петербургский государственный университет. Труды Кафедры истории России с древнейших времен до XX века. Том III. Кафедра истории России и современная отечественная историческая наука. СПб., 2012. С. 6-24.

Куликовская битва и православная церковь // Куликовская битва в истории России / Сост. А.Н. Наумов. Тула, 2012. Вып. 2. С. 77-82.

Отечественная война 1812 года в исторических песнях // Традиционная Культура. Научный альманах. М., 2012. № 3 (47). С. 7-13.

2013

Российская история в зеркале русской поэзии: Россия Романовых в исторических песнях / Составление, подготовка текстов, вступительная статья, преамбулы, комментарии: доктор филологических наук С.Н. Азбелев. М.: Наука, 2013. 313 с., илл.

География сражения на Куликовом поле // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. М., 2013. № 4. С. 11-19.

Место сражения на Куликовом поле // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Материалы XXV Международной научной конференции. Москва, 31 января - 2 февраля 2013 г. М., 2013. Часть 2. С. 185-187.

Призвание Романовых на престол и царствование Михаила Федоровича в народных песнях // Русское поле: Научно-публицистический альманах. Красноярск, 2013. С. 34-43.

Русские поэты двадцатого века о вынужденном отречении императора // Русское поле: Научно-публицистический альманах. Красноярск, 2013. С. 44-51.

География сражения на Куликовом поле. [Тезисы] // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. М., 2013. № 3 (53). С. 4-5.

О пользе внимательного чтения летописей (к вопросу об использовании летописей в исторических исследованиях) // Историческое повествование в средневековой России: К 450-летию Степенной книги. Тезисы всероссийской научной конференции. СПб., 2013. С. 13-16.

2014

К вопросу о месте и дате Куликовской битвы (историографические заметки) // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. М., 2014. № 3. С. 145-151.

Славянский князь Гостомысл, дед новгородского князя Рюрика // Русское поле: Научно-публицистический альманах. Красноярск-Stockholm, 2014. № 4-5. С. 69-88.

Песни русских солдат Великой войны // Монархистъ. СПб, 2014. № 86. С. 4-5.

2015

Место Куликовской битвы по летописным данным. [Тезисы] // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2015. № 3 (61). С. 4-5.

Численность и состав войск на Куликовом поле // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2015. № 4 (62). С. 23-29.

Об уникальных известиях Никоновской летописи // Академик А.А. Шахматов: Жизнь, творчество, научное наследие. (К 150-летию со дня рождения). СПб: Нестор-История, 2015. С. 317-327.

Об узловых темах текстологии (законсервированный ответ Д.С. Лихачёву) // Исторический формат. 2015. № 2. С. 198-215.

Песни наших солдат Великой войны // Русское поле: Научно-публицистический альманах. Красноярск; Stockholm. 2015. № 7-8. С. 36-43.

Понятие «устье Непрядвы» в русском летописании // Русское поле: Научно-публицистический альманах. Красноярск; Stockholm. 2015. № 7-8. С. 52-57.

* * *

УДК 929

СЕРГЕЮ НИКОЛАЕВИЧУ АЗБЕЛЕВУ – 90 ЛЕТ

Л.П. Грот
Общество «Русский салон» (Лулео, Швеция)
e-mail: mail@histformat.com
ResearcherID: D-1052-2016
http://orcid.org/0000-0003-0184-1023
SPIN-код: 1768-1727

Авторское резюме
Статья посвящена 90-летию выдающегося русского ученого – фольклориста и историка Сергея Николаевича Азбелева.
Ключевые слова: С.Н. Азбелев, юбилей, историография.

SERGEY NIKOLAYEVITCH AZBELEV’s 90th BIRTHDAY

Lidia Groth
The Russian Salon society (Luleå, Sweden)
e-mail: mail@histformat.com

Abstract
The article is devoted to the 90th birthday of Sergey Nikolayevich Azbelev - an outstanding Russian scholar, folklorist and historian.
Keywords: S.N. Azbelev, anniversary, historiography.

* * *

В апреле нынешнего года исполняется 90 лет выдающемуся русскому ученому – фольклористу и историку Сергею Николаевичу Азбелеву.

С.Н. Азбелев родился 17 апреля 1926 г. в Ленинграде в семье Николая Ивановича и Татьяны Николаевны Азбелевых. Небольшим экскурсом в семейную историю ученого предварю мою статью, посвященную юбилею ученого (данные из семейной истории я получила от С.Н.Азблева).

Прадед Сергея Николаевича по отцу был статский советник Павел Борисович Азбелев, отец шести сыновей и двух дочерей. Два сына Павла Борисовича дослужились до генеральских чинов. Это был скончавшийся до революции старший сын Николай, который являлся воспитателем великого князя Георгия Александровича, и самый младший Петр, бывший директором-распорядителем работавшего на нужды военного флота завода ДЕКА и умерший в 1933 году, пережив нескольких кратковременных арестов большевиками. Судьба его брата, пятого сына П.Б. Азбелева Ивана Павловича – родного деда Саргея Николаевича Азбелева – была более трагичной.

И.П. Азбелев родился в 1862 г. в Екатеринбурге. После окончания Морского Училища в Петербурге он был Высочайшим приказом 27 сентября 1882 г. по экзамену произведен в мичманы и поощрен премией адмирала Нахимова за успешное окончание училища. В том же году И.П. Азбелев на корвете «Скобелев» под командованием капитан-лейтенанта Благодарева отправился в плавание в Тихий океан с исследовательскими целями. При таких исследованиях имена офицеров корабля присваивались различным географическим объектам. Имя Азбелева было дано острову и банке в Новогвинейском море. По результатам плавания была написана научная статья, посвященная гидрографическому описанию участка западного побережья Африки. Кроме того, перу И.П. Азбелева принадлежит также целый ряд научно-популярных статей, посвященных описаниям его плаваний.

В 1887 г. И.П. Азбелев перешел на службу в Военное ведомство. В 1888 году был награжден орденом Св.Станислава 3-й степени. После выхода в отставку в 1897 году посвятил себя деятельности в области страхования и занимал руководящие должности в крупных страховых обществах Петербурга вплоть до управляющего делами Санкт-Петербургского общества страхования. В этой должности служил вплоть до ликвидации общества советской властью. Кроме того, с 1905 года И.П. Азбелев был одним из директоров Правления Северного Пароходного Общества (среди судов этого Общества существовал тогда пароход, носивший название «Иван Азбелев»), а также входил в правление Русско-Шпицбергенского общества. Помимо службы, И.П. Азбелев активно занимался общественной и публицистической деятельностью. Службу он оставил в 1926 г. («по возрасту») после постепенного закрытия тех обществ и организций, где он сужил. В 1930 г. И.П. Азбелев был арестован и находился в заключении больше 12 месяцев, многократно подвергаясь допросам. В следственном деле сохранились протоколы допроса, и его собственная подтверждающая подпись выведена, явно с трудом, дрожавшей рукой. Из следственных материалов видно, что от И.П. Азбелева добивались показаний, открывающих доступ к его капиталам за рубежом. 28 марта 1931 года коллегия ОГПУ постановила Азбелева И.П. расстрелять. Он был убит 6 апреля 1931 г. Тело семье не выдали, оно было зарыто в общей яме с другими расстрелянными. Документ о посмертной реабилитации И.П. Азбелева датирован 18 октября 1989 г.

Отец ученого Николай Иванович Азбелев родился в 1889 году в Сиверской под Петербургом. В 1913 г. он окончил юридический факультет Петербургского университета и до начала войны работал помощником присяжного поверенного. В октябре 1915 г. был зачислен в эскадрон Николаевского Кавалерийского училища юнкером, а по окончании курса Высочайшим приказом от 1916 был произведен в корнеты и весной 1917 г. отправлен в действующую армию, а в ноябре 1917 г. произведен в поручики.

Не захотев служить в Красной армии, Н.И. Азбелев вернулся к гражданским профессиям и вплоть до ареста работал в различных учреждениях и организациях Ленинграда. Н.И. Азбелев был арестован в 1930 г. в связи с арестом отца и находился в заключении около двух с половиной месяцев. Вторично он был арестован в 1935 г. Среди обвинений инкриминировалось и распространение провокационных слухов о том, что к его отцу применялись пытки (об этом рассказывала мать Николая

Ивановича, которой разрешали свидания с мужем). Николай Иванович был осужден как социально опасный элемент и выслан в Актюбинскую область сроком на 5 лет. После отбывания ссылки ему не разрешили вернуться в Ленинград. Последние годы жизни Н.И. Азбелев провел в туркменском городке Ташауз, жаркий и влажный климат которого губительно сказался на его больных лёгких, и Н.И. Азбелев скончался в 1944 г. всего 55 лет от роду. Документ о его посмертной реабилитации датирован 30.08.1989 г.

К моменту осуждения и высылки Николая Ивановича из Ленинграда он был разведен с Татьяной Николаевной, матерью Сергея Николаевича, поэтому они смогли остаться в Ленинграде.

Татьяна Николаевна Азбелева родилась в Петербурге в 1900 году в семье потомственного дворянина Николая Ивановича Подкопаева, профессора Горного института, известного химика. Разнузданность революционных солдат в Петербурге побудила его отправить дочь к своим родственникам в Иркутск. Но в Иркутске во время установления на короткое время власти красных девушка была арестована и пережила смертный приговор «за связь с белыми». На счастье, этот факт не попал в поле зрения советских органов. Произошло это, вероятно, потому, что приговор был вынесен без суда – Татьяну просто внесли в списки назначенных к расстрелу, бросив девушку в общую камеру с арестованными офицерами. Офицеры постарались отгородить для нее часть камеры, используя то, что отыскалось под руками. Тюремщики эксплуатировали Татьяну как машинистку, заставив перепечатывать, в том числе, и тот расстрельный список. Но расстрелять арестованных красные не успели из-за поспешного бегства. После возвращения в Петроград Татьяна Николаевна работала машинисткой, затем во время войны – медсестрой госпиталя, а после войны и до своей кончины – медсестрой детской больницы. Скончалась Т.Н. Азбелева в 1967 г.

Сергей Николаевич Азбелев перенес вместе с матерью блокаду. С 15-ти лет работал санитаром госпиталя, а в 17 лет ушел на фронт: был рядовым пехотинцем, затем сержантом на Ленинградском фронте. Имеет награды: орден Отечественной войны и медали «За оборону Ленинграда» и «За победу над Германией». Школу С.Н. Азбелев заканчивал заочно после демобилизации, работая лаборантом в Радиевом институте АН. В 1955 году с отличием окончил Исторический факультет Петербургского (тогда Ленинградского) университета и в том же году пришел на работу в Институт русской литературы (Пушкинский Дом).

Но первые печатные работы С.Н. Азбелева вышли уже в 1954 году: рецензия на книгу «По следам древних культур: Древняя Русь» (М., 1953) и указатели к изданию «Путешествия русских послов XVI-XVII вв.: Статейные списки» (М.;Л., 1954). Ряд публикаций конца 1950-х гг., посвященных развитию летописного жанра в Великом Новгороде, были теоретически обобщены в кандидатской диссертации «Новгородское летописание XVII века» (Л., 1958) и научной монографии «Новгородские летописи XVII века» (Новгород, 1960).

В это же время С.Н. Азбелевым готовятся обзоры фондов отечественных и зарубежных архивных хранилищ: «Описание древнерусских рукописей

Новгородского областного архива» (ТОДРЛ, т. 15, 1958), «Памятники древнерусской письменности в хранилищах Болгарии» («Исторический архив», 1961, № 2).

Военные годы, Ленинградский фронт, 1943 г.

Следующим этапом научной деятельности С.Н. Азбелева становится исследование проблематики историзма древнерусской литературы и фольклора. По этой теме публикуются статьи: «Новгородские былины и летопись» («Русский фольклор», т. 7, 1962), «Летописание и фольклор» («Русский фольклор», т. 8, 1963), «Куликовская битва в славянском фольклоре» («Русский фольклор», т. 11, 1968), «Об устных источниках летописных текстов (на материале Куликовского цикла)» (сб. «Летописи и хроники», М., 1976, 1980).

Итогом этих многолетних исследований становится монография «Историзм былин и специфика фольклора» (Л., 1982). По данной теме в 1984 г. С.Н. Азбелев защищает докторскую диссертацию.

В таких работах как «О художественном методе древнерусской литературы» («Русская литература», 1959, № 4), «Реализм и древнерусская литература» («Русская литература», 1963, № 1), «К определению понятия “фольклор”» («Русская литература», 1974, № 3), «Фольклор в системе общественного сознания» (в сб. «Проблемы фольклора», М., 1975), «О специфике творческого процесса в фольклоре и литературе» («Русский фольклор», т. 19, 1979) С.Н. Азбелев продолжает развивать важнейшую научную проблему взаимодействия устной традиции и книжности в средневековый период. Теоретическая значимость этих работ была обобщена в статьях «Большой Советской энциклопедии», «Краткой литературной

энциклопедии», справочнике «Восточнославянский фольклор: Словарь научной и народной терминологии» (Минск, 1993).

В 1960-е гг. С.Н. Азбелев приступает к разработке такой проблемы как устная несказочная проза. С.Н. Азбелев участвует в работе отечественных и международных научных конференций и публикует важные методологические статьи: «Современные устные рассказы» («Русский фольклор», т. 9, 1964), «Отношение предания, легенды и сказки к действительности (с точки зрения разграничения жанров)» (в сб. «Славянский фольклор и историческая действительность», М., 1965), «Проблемы международной систематизации преданий и легенд» («Русский фольклор», т. 10, 1966).

К сфере научных интересов Сергея Николаевича относились и проблемы текстологии фольклора: «Основные понятия текстологии в применении к фольклорному материалу» (в сб. «Принципы текстологического изучения фольклора», М., 1966), «Актуальные проблемы текстологии былин» (в сб. «Фольклор: Издание эпоса», М., 1977), «О недостоверных текстах и недостоверных сведениях в академическом издании частушек» («Вопросы литературы», 1989, № 3), «“Инварианты” практической текстологии» («Русский фольклор», т. 27, 1993).

Помимо этого, С.Н. Азбелев пишет и публикует многочисленные статьи по конкретным вопросам изучения древнерусской истории, литературы и фольклора в таких журналах как «Вопросы истории», «Древняя Русь: Вопросы медиевистики», «Живая старина», «История СССР», «Известия ОЛЯ АН СССР», «Русская литература», «Русская речь», «Русская словесность», «Советское славяноведение», «Советская этнография», «Традиционная культура», «Филологические науки», «Этнографическое обозрение». Научные статьи, сообщения и аналитические обзоры Сергея Николаевича регулярно появляются в серийных медиевистических и фольклористических сборниках: «Труды Отдела древнерусской литературы ИРЛИ», «Русский фольклор: Материалы и исследования», «Литература Древней Руси», «Герменевтика древнерусской литературы», «Новгородский исторический сборник», «Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома», «Славянский и балканский фольклор», «Фольклор народов РСФСР», «Вопросы поэтики литературы и фольклора».

Сергей Николаевич — участник IV, V, VI, IX, X, XI, XII, XIII, XIV Международных съездов славистов, VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук (Москва, 1969), I и II Международного конгресса фольклористов, международных конференций «Комплексное изучение Древней Руси» (2002-2009), значимых общесоюзных и общероссийских форумов: «Совещание по древнерусской литературе» (1956-1959), «Прозаические жанры фольклора народов СССР» (1974), «Славянские традиционные культуры и современный мир» (1997).

С.Н. Азбелев был участником нескольких фольклорных экспедиций в отдаленные местности Русского Севера, а также принимал участие в археологических исследованиях Великого Новгорода. Осуществленная под руководством С.Н. Азбелева совместная эспедиция двух институтов РАН в сибирское Заполярье имела своим результатом изданный в академической серии

«Памятники русского фольклора» сборник комментированных записей от потомков русских переселенцев XVI–XVII столетий, живщих затем почти изолированно на нижней Индигирке: «Фольклор Русского устья».

С начала 1980-х гг. Сергея Николаевича посвящает значительную часть своих работ вопросам историографии фольклора. В научной периодике и историко-литературных альманахах Сергей Николаевич публикует биографические очерки, характеристики научной деятельности и архивные материалы А.И. Никифорова, А.Н. Веселовского, А.Н. Афанасьева, П.Н. Рыбникова, А.Ф. Гильфердинга, А.В. Маркова, Ф.И. Буслаева, В.Ф. Миллера.

За первое десятилетие нового века С.Н. Азбелев подготовил для печати снабженные его комментариями и вступительными статьями собрания наиболее важных трудов по русскому фольклору из наследия академика Ф.И. Буслаева «Народный эпос и мифология» (М., 2003) и академика В.Ф. Миллера «Народный эпос и история» (М., 2005), а также остававшихся в основном неопубликованными многочисленных записей былин и народных духовных стихов по полевым записям скончавшегося в 1917 году А.В. Маркова: «Беломорские старины и духовные стихи: Собрание А.В. Маркова». Эти книги были изданы в 2002, 2003 и 2005 годах с комментариями и обширными вступительными статьями.

Сергей Николаевич — составитель, автор текстологических и историко-культурных комментариев к научно-популярным антологиям: «Былины» (М., 1982), «Исторические песни и баллады» (М., 1986; М., 1991), «Народная проза» (М., 1992), «Тысяча лет русской истории в преданиях, легендах, песнях» (М., 1999), «Исторические песни» (М., 2001).

Особо следует отметить монографию «Куликовская победа в народной памяти», в которой исследовано и проанализировано 400 текстов (устных и письменных произведений различных жанров), отразивших Куликовскую битву и связанные с ней события («Куликовская победа в народной памяти. СПб., 2011).

С.Н. Азбелев обладает обширным опытом редакторской работы: над томом «IV Международный съезд славистов: Материалы дискуссии» (М.;Л., 1962), изданиями «Русские повести первой трети XVIII в.» (М.;Л., 1965), «Северные предания» (Л., 1978) и «Фольклор Русского Устья» (Л., 1986), выпуском библиографического указателя «Русский фольклор: 1966-1975» (ч. 1-2, Л., 1984-1985), в редколлегии академического сборника «Русский фольклор: Материалы и исследования» (с 1963 по 2001 г.), в редакционном совете издающегося в Москве международного научного журнала «Проблемы филологии: Язык и литература» (с 2010 г.).

Сергей Николаевич известен как вдумчивый и объективный рецензент. Из написанным им рецензий как наиболее значимые следует отметить разборы книг В.К. Соколовой «Русские исторические предания» («Русский фольклор», т. 13, 1972), первого и второго выпусков серии «Фольклор как искусство слова» («Русский фольклор», т. 14, 1974), учебника Н.И. Кравцова и С.Г. Лазутина «Русское устное народное творчество» («Русская литература», 1978, № 4), курса лекций В.Я. Проппа «Русская сказка» («Филологические науки», 1985, № 3), работ Ф.М. Селиванова «Русский эпос» («Вестник МГУ. Сер. 9: Филология», 1989, № 3) и «Художественные

сравнения русского песенного эпоса: Систематический указатель» («Вестник МГУ. Сер. 9: Филология», 1992, № 2), сборника «Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока» («Живая старина», 1995, № 2), новых работ о русском эпосе («Русский фольклор», т. 31, 2001), томов серии «Свод русского фольклора: Былины» («Древняя Русь: Вопросы медиевистики», 2002, № 1), рецензию на книгу Алексея Толочко «История Российская» Василия Татищева: Источники и известия. М., 2005. 544 с. («Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История. Вып. 3. 2007).

На международной конференции в Тюмени в 2006 г.
(из архива проф. И.С. Карабулатовой)

В течение многих лет С.Н. Азбелев являлся профессором кафедры отечественной истории Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого и читал общий и специальные курсы по источниковедению.

С.Н. Азбелев – член комиссии по фольклористике при Международном комитете славистов, российских и международных научных обществ.

Сергей Николаевич является членом редколлегии международного научно-публицистического альманаха «Русское поле» – проекта общества «Русский салон» в Стокгольме и Института филологии и языковой коммуникации Сибирского федерального университета, а также автором, активно публикующемся на его страницах.

Как яркий публицист С.Н. Азбелев выступает в общественно-политических изданиях «Дворянское собрание: Историко-публицистический и литературно-

художественный альманах», «Возрождение», «Истоки», где публикует статьи по злободневным вопросам российской истории.

Серия статей С.Н. Азбелева, раскрывающих и популяризирующих монархизм русских писателей, печатается в разных изданиях России и русской диаспоры США. Можно назвать такие статьи как «Отношение к русской монархии в поэзии Лермонтова» (Тарханский вестник, 1995), «Поэты России о русских императорах» (Дворянское собрание, 1995), «Из поэтического наследия С.С. Бехтеева» (Дворянское собрание, 1996), «Сергей Бехтеев, царский гусляр» (Возрождение, СПб., 1996), «Российская смута 1905-1907 годов в творчестве московской поэтессы» (Дворянское собрание, 1997), «Пять последних императоров в русской поэзии» (Возрождение, СПб., 1996-1997), «Из "государевых стихов" Сергея Бехтеева» (Православное Обозрение, СПб., 1998; сокращенный вариант – Православная жизнь, Джорданвилль, 2000), «Образ святого Царя-Мученика в поэзии С.С. Бехтеева (Дворянский Вестник, 2000), «Забытая православная поэтесса Лидия Кологривова» (Православная Жизнь, Джорданвилль, 2002), «Православные поэты первой волны русской эмиграции» (Православная Жизнь, Джорданвилль, 2003), «Забытая русская православная поэтесса Лидия Кологривова» (Дворянский вестник, 2004), «Дворянские поэты начала XX века (Дворянство и современность, СПб., 2006), «Деготь в патоке» (Царский вестник, 2008; сокращенный вариант – Дворянский вестник, 2008).

С.Н. Азбелев много публикуется по актуальной проблематике возрождения православно-монархической традиции в общественном сознании. Среди таких публикаций стоит выделить такие статьи как «Гуманистарные науки и гуманитарное образование в постбольшевистской России (Дворянское собрание, 1997), «К вопросу о десоветизации» (Монархист, СПб., 1997), «О положении в гуманитарном образовании и гуманитарных науках после правления большевиков» (Дворянский вестник, 1998-1999), «Юбилей соглашения большевиков с нацистами» (Дворянский вестник, 1999), «Дворянское самосознание – как его трактуют в Институте философии РАН» (Дворянский вестник, 1999), «Судьба православной монархии: закономерность или случайность?» (Дворянский вестник, 2000).

В обширном, поражающим своей масштабностью и яркостью, научном наследии С.Н. Азбелева мне хотелось бы особо остановиться на некоторых работах и направлениях исследований, имеющих, по моему убеждению, особое значение для исторической науки.

В первую очередь хочу назвать монографию С.Н. Азбелева «Устная история в памятниках Новгорода и Новгородской земли» (СПб., 2007).

Научная ценность именно русских устных памятников подвергается часто сомнению, в силу чего выхолащивается источниковедческая база для изучения древнерусской истории. Сергей Николаевич блестяще доказывает, что русские памятники устной истории, так же, как и аналогичные памятники других народов, служили сохранению исторических знаний по памяти на протяжении многих веков. Письменно они могли быть зафиксированы намного позднее, например, собирателями фольклора в новое время, но их историческая ценность от этого не теряется.

Чрезвычайно важным по своему значению мне представляется исследование о Новгородской Иоакимовской летописи (НИЛ) в главе монографии «Устная основа летописи епископа Иоакима». Насколько мне известно, Сергей Николаевич – первый из современных учёных, кто приводит полную историю изучения Иоакимовской летописи, начиная с XIX в., и даёт филигранный и глубокий анализ этого памятника. Мне кажется, это – первая работа такого класса. Работа Сергея Николаевича – тонкое, всестороннее, полное и убедительное исследование памятника, благодаря которому с Иоакимовской летописи снимается заклятие фальсификации – характеристики, данной НИЛ норманистами. Традиция нападать на НИЛ сохранялась вплоть до последнего времени, чему примером книга А.П. Толочко, упомянутая выше в связи с рецензией на нее С.Н. Азбелева. Эту книгу Сергей Николаевич определил как псевдонаучное сочинение, только имитирующее исследовательский поиск, в которой ее автор обнаруживает как провалы в историографии, так и низкий уровень лингвистических построений, «отягщенных, как это для него обычно, ошибками и неточностями в библиографических отсылках», а также ерничество, к концу сочинения А.П. Толочко переходящее в шутовство.

Не меньшее впечатление на меня произвела глава «Эпическая предистория Новгородской земли». Важно подчеркнуть, что эта глава начинается с утверждения об активной роли Новгородской земли в создании былинной традиции, поскольку место Новгородской земли в истории былинного искусства часто определялось как вторичное. С одной стороны, Заонежье, Беломорье, Северная Двина – были основной областью распространения былин. Именно здесь собрано и записано наибольшее количество сюжетов и вариантов былин, т.е. былинная традиция проявилась здесь как наиболее богатая и устойчивая. Здесь родился и свой термин для жанра эпических песен – старины. Однако основным эпическим центром до какого- то времени считалось Поднепровье в силу того, что значительная часть эпических, особенно героических былинных сюжетов, была связана с Киевом. Сохранность же былин именно на новгородском Севере объяснялась его окраинностью, т.е. в этих оценках проступало отношение к Русскому Северу как к окраине, удаленной от культурных центров, как к глухомани, куда под напором развития скрывалась консервативная старина. Правда, часть исследователей (И.Я. Фроянов, Ю.И. Юдин) отмечали, что эпических центров было все-таки два – Киев и Новгород, когда в первом из них создавались былины киево-владимирова цикла, которые расходились затем по всей Руси, а во втором – новгородского цикла, которые так в Новгороде и оставались. В логике такому подходу не откажешь, но безоговорочно согласиться с ним трудно: почему, собственно, сюжет произведения должен обязательно создаваться в месте событий, в нем описываемых? Не слишком ли это прямолинейно? Идеи и культурные импульсы, как известно, живут своей жизнью, а пути их распространения многообразны. Поэтому более убедительным мне представляется тезис Сергея Николаевича: «...всё дошедшее до собирателей былин эпическое наследие – фактически достояние Новгородской земли».

Необыкновенно важной представляется та часть главы, где сопоставляются известия НИЛ с произведениями германского эпоса, и на этой основе строятся

рассуждения о реальности образа Владимира – предка летописных русских князей, правившего у предков новгородцев в первой пол. V в. Обоснования и выводы Сергея Николаевича по этому вопросу имеют гигантское значение для российской исторической науки, поскольку доказывают большую древность корней русской истории. В книге, в том числе напоминается, что вопрос о том, существовал ли эпический князь Владимир в реальной древнерусской истории в указанный период, уже поднимался русскими учеными в середине прошлого века. Важными для исследования данной проблемы, по мнению Азбелева, были труды выдающегося исследователя древнерусского эпоса А.Н. Веселовского, в частности, его исследования произведений раннесредневекового германского эпоса – верхненемецкой поэмы «Ортнит» и Саги о Тидреке Бернском (Тидрексага), записанной в Норвегии около 1250 г., но составленной, как в ней сказано, по древним немецким прозаическим сказаниям и песням. Тидрексага передает эпическое наследие, восходящее к событиям V в. – войнам гуннов во главе с Аттилой и готов во главе с Теодорихом. Эта сага вызывала интерес российских исследователей тем, что в ней фигурировали русский витязь Илья и русский король Владимир.

Понять сведения Тидрексаги, подчеркивает С.Н. Азбелев, помогает именно материал НИЛ, поскольку в летописи и в саге совпадают и имя русского князя Владимира, и время его правления – исторический этап чрезвычайной значимости: князь Владимир был правителем Руси в период, когда она подверглась нашествиям гуннов, и это была эпоха максимального напряжения сил народа, ″эпическое время″, которое должно было оставить глубокий след в народной памяти. Сага называет Владимира королем, что оправданно, поскольку территория, подвластная эпическому Владимиру, включала земли от моря до моря, простираясь далеко на восток (в чем, кстати, согласуются данные саги и НИЛ) и превосходила, как видно, размеры позднейшего Киевского государства Х в. Этим объясняется интерес к Владимиру и Руси в Тидрексаге, делает вывод С.Н. Азбелев, хотя главная тема саги позволяла о них не упоминать». Именно этот князь, полное имя которого С.Н. Азбелев восстанавливает как Владимир Всеславич, послужил, по мнению Сергея Николаевича, первым прототипом былинного князя Владимира.

Очень убедительными и тонкими по своему анализу мне показались рассуждения Сергея Николаевича о сведениях из Тидргесаги, поэмы «Орнит», «Деяний данов» Саксона Грамматика как отражениях причастности «...русских к тому, что совершалось в Европе в эпоху великого переселения народов». Исследованиями С.Н. Азбелева, практически, воссоздаётся цельное полотно европейской истории, где русская история – часть её. Именно такого подхода и не хватает современной науке.

Ярким примером сохранности старинных сведений в поздних отображениях русской устной традиции является произведенная в 1525 г. Павлом Иовием Новокомским (Паоло Джовио) запись ответа русского гонца в Риме Дмитрия Герасимова на вопрос, не осталось ли у русских «какого-нибудь передаваемого из уст в уста от предков известия о готах или не сохранилось ли какого-нибудь записанного воспоминания об этом народе, который за тысячу лет до нас низвергнул державу цезарей и город Рим, подвергнув его предварительно всевозможным

оскорблениям». Согласно передаче Иовия, Герасимов «ответил, что имя готского народа и царя Тотилы славно у них и знаменито и что для этого похода собралось вместе множество народов и преимущественно перед другими московиты. Затем, по его словам, их войско возросло от притока ливонцев и приволжских татар, но готами названы были все потому, что готы, населявшие остров Исландии или Скандинавию (Scandauiam), явились зачинщиками этого похода».

Интерес Павла Иовия к воспоминаниям о готах в русской исторической традиции был вполне объясним: ведь в это время в Италии и в странах Северной Европы расцвел пышным цветом готицизм, и препирательства между итальянскими гуманистами и немецкоязычными мыслителями и историками Священной Римской империи о роли готов в западноевропейской истории набрали силу. Упоминания в рассказе Герасимова московитов, татар и ливонцев применительно к V в. тоже не нарушают его правдоподобия, поскольку нередко в сообщениях о древних временах использовались названия народов и мест в том виде, как они были известны во время, к которому принадлежал рассказчик. Классическим примером такого переосмысления названий в духе современности является рассказ о боге Одине из Саги об Инглингах, открывающей свод исландских королевских саг «Круг земной» крупнейшего исландского историка и знатока скальдических стихов Снорри Стурлусона (1179-1241).

Согласно легенде, божественный «праотец» Один, по своему «этническому» происхождению был выходцем из Азии, из местности недалеко от Тюркланда (Tyrklands). Под топонимом «Тюркланд» скрывалась Малая Азия и близлежащие земли, сам же топоним «Турция» был употреблён впервые автором одной хроники крестоносцев в 1190 г. в применении к землям, захваченным тюркскими племенами в Малой Азии, где ими был создан целый ряд княжеств-эмиратов. Топоним «Тюркланд» применительно к Малой Азии был достаточно новым во времена Стурлусона, но уже распространенным и понятным его современникам. Точно также под названиями «московиты, татары, ливонцы» в рассказе Дмитрия Герасимова, переданного в XVI в., скрывались исторические соответствия народов периода готских войн: русы, представители тюркоязычных народов Поволжья, выходцы из Балтии.

Особой важностью для историков, по моему убеждению, обладает работа С.Н. Азбелева как составителя и комментатора научных антологий произведений русского фольклора: былин, произведений народной прозы, преданий, так как существенно пополняет корпус источников для исследования русской истории. Представляется, наименее востребованным является такой специфический жанр как русские народные исторические песни или как их называет С.Н. Азбелев, исторические баллады (невостребованность русских исторических песен как источника по древнерусской истории особо бросается в глаза при сравнении с использованием в исследованиях по русской истории скандинавских традиционных форм словесности – хвалебной скальдической и героико-эпической песни).

Историческим песням, подчеркивает С.Н. Азбелев, принадлежит особое место в системе жанров русского фольклора. Основная масса этих песен относится к эпическому роду поэзии, но есть и принадлежащие к песенной лирике: в таких

произведениях главным является не повествование об исторических событиях, а передача эмоционального отношения к ним. Эта часть научного творчества С.Н. Азбелева неоднократно получала положительную оценку в научных журналах. А одна из крупных его статей, в которой исследованы народные песни, посвященные Государю Иоанну Третьему, была в 1998 г. удостоена Международной премии Центра этнической истории в Палермо.

Самые древние русские исторические песни, считает С.Н. Азбелев, не сохранились. Но что песни такого рода существовали во множестве задолго до образования древнерусского государства, можно догадываться по скупым упоминаниям византийских историков. Об исторических песнях Киевской и Новгородской Руси сведения более определенны, содержание некоторых из этих песен очень коротко сообщают иногда дошедшие до нас письменные источники. При всей своей конкретности, прямой, как правило, соотносимости с историческим событием нет, т.е. историческая баллада, согласно С.Н. Азбелеву, не фактографична. Она в той или иной степени – всегда художественное обобщение народных впечатлений от исторического события. Последнее издание русских исторических песен, подготовленных С.Н. Азбелевым, вышло в 2013 г. «Российская история в зеркале русской поэзии: Россия Романовых в исторических песнях» / Под общ. ред. В.Е. Захарова: сост., предисл. и коммент. С.Н. Азбелева. М., 2013).

И в заключение хотелось бы сказать несколько слов о последней монографии С.Н. Азбелева «Летописание Великого Новгорода. Летописи XI–XVII веков как памятники культуры и как исторические источники». Она находится пока в производстве, но я получила возможность ознакомиться с ней как составитель отзыва. Монография представляет собой уникальный труд, в котором актуальная проблема историографического наследия Великого Новгорода рассматривается с вершины колоссального научного опыта автора.

Уникальность представленной монографии определяется, прежде всего, первостепенной значимостью самого объекта её исследования. Великий Новгород являлся историческим и культурным центром мирового уровня в течение ряда столетий. В этом городе летописи велись непрерывно более семи веков. Здесь составлялись летописные своды, объединявшие материалы многих центров русского летописания. Богатство и разнообразие уникальной исторической информации сочетались в новгородских летописях с широтой охвата ими достижений средневековой литературы и с повышенным вниманием к памятникам архитектуры, живописи и даже прикладного искусства – как самого Новгорода, так и других центров культуры Древней Руси. Великий Новгород сыграл важнейшую роль в развитии русской государственности, соответственно, новгородское летописание на протяжении столетий отражало развитие русской политической истории и русской политической мысли.

Особая значимость книги С.Н. Азбелева состоит в том, что в ней охвачен весь период новгородского летописания – с XI по XVII вв. Автором были рассмотрены летописи Великого Новгорода в полном объёме и представлен весь доступный изучению материал, начиная от отображений ранних фактов русской истории, получавших освещение в сохранившихся переложениях фрагментов древнейшей

летописи, и кончая наиболее обширными летописными компиляциями XVII столетия, которые, помимо фиксаций недавних событий, вбирали и материалы предшествовавшей историографии. Следует отметить, что труд подобного масштаба создан впервые.

В книге анализируются в хронологической последовательности главные памятники новгородского летописания, при этом данные памятники соотносятся с летописанием Москвы и других русских городов. Рядом красноречивых примеров С.Н. Азбелев демонстрирует первостепенную ценность уникальных сведений, сохранённых именно летописями Новгорода, для решения актуальных проблем нашей историографии, касающихся не только Новгородской земли.

В работе охвачены все известные к настоящему времени тексты новгородских летописей. Среди них - десятки рукописей, пока ещё не изданных и прежними исследователями не привлекавшихся. Они были обнаружены самим автором монографии при обследовании им архивов Москвы, Петербурга и Новгорода. Эти ценные материалы были сразу же введены С.Н. Азбелевым в научный оборот, и теперь охарактеризованы в его книге. Они уже использовались не только им самим, но и другими учеными в их трудах. В данной же монографии, помимо работ историков и источниковедов, привлечены результаты исследований археологов в Великом Новгороде, которые позволили прояснить существенные моменты раннего новгородского летописания.

Автором книги внимательно рассмотрены достижения прежних исследователей новгородских летописей, начиная от XVIII столетия, вплоть до современности. Сам же С.Н. Азбелев в своей работе над летописями Новгорода использует и развивает прогрессивный метод исследования, который предложил и обосновал в начале двадцатого века крупнейший специалист в области изучения русских летописей академик А.А. Шахматов.

Монография «Летописание Великого Новгорода. Летописи XI–XVII веков как памятники культуры и как исторические источники» показывает, что Сергей Николаевич Азбелев находится в расцвете своего научного творчества. Поэтому хочется пожелать ему многая лета и в жизни, и в научном творчестве!

Грот Лидия Павловна – Кандидат исторических наук, заместитель председателя общества «Русский салон», историограф общества (Лулео, Швеция).
Groth Lidia – candidate of historical sciences, vice-chairman and historiographer of the Russian Salon society (Luleå, Sweden).
E-mail: mail@histformat.com

УДК 930.23

СТРАСТИ ПО ТАТИЩЕВУ

В.В. Фомин
Липецкий государственный педагогический университет
Россия, 398020, г. Липецк, ул. Ленина, д. 2
e-mail: vfominv@mail.ru
SPIN-код: 1914-6761

Авторское резюме

Статья посвящена анализу работ, отрицающих источниковую основу уникальных известий, содержащихся в «Истории Российской» В.Н. Татищева, и противостоящих им работам С.Н. Азбелева и других учёных. С.Н. Азбелев убедительно показал недобросовестность «скептической» работы А.П. Толочко, поскольку не имеется убедительных аргументов в пользу того, что Татищев был фальсификатором.

Ключевые слова: С.Н. Азбелев, историография, В.Н. Татищев, летописи.

DISPUTES OVER TATISHCHEV

Vyacheslav Fomin
Lipetsk state pedagogical university
2 Lenin Street, Lipetsk, 398020, Russia
e-mail: vfominv@mail.ru

Abstract

The article analyzes scholarly works that challenge the source basis of unique data contained in the History of Russia by V.N. Tatishchev and the opposing works of S.N. Azbelev and other scientists. S.N. Azbelev has demonstrated that «skepticism» of A.P. Tolochko is unsubstantiated because no convincing arguments exist that V.N. Tatishchev was a falsifier.

Keywords: S.N. Azbelev, historiography, V.N. Tatishchev, chronicles.

* * *

В 2008 г. в «Вопросах истории» была напечатана моя рецензия на монографию С.Н. Азбелева, творчество которого давно и плодотворно работает на отечественную историю: «Устная история в памятниках Новгорода и Новгородской земли» (СПб., 2007). В данном труде крупнейшего специалиста в области изучения источников и русской истории особенно обстоятельно изложен материал, посвященный Иоакимовской летописи и В.Н. Татищеву, впервые ее опубликовавшую. Представителям исторической науки, впрочем, не только им, хорошо известна заезженная «песенка» скептиков, сомневающихся (преднамеренно, или по простому заблуждению, часто проходящему по мере профессионального роста) буквально во всем, что касается родной истории, и, конечно же, обвиняющих оппонентов в

легковерности, о недостоверности Иоакимовской летописи, т.к. она, по их утверждению, представляет собой фальсификат самого Татищева.

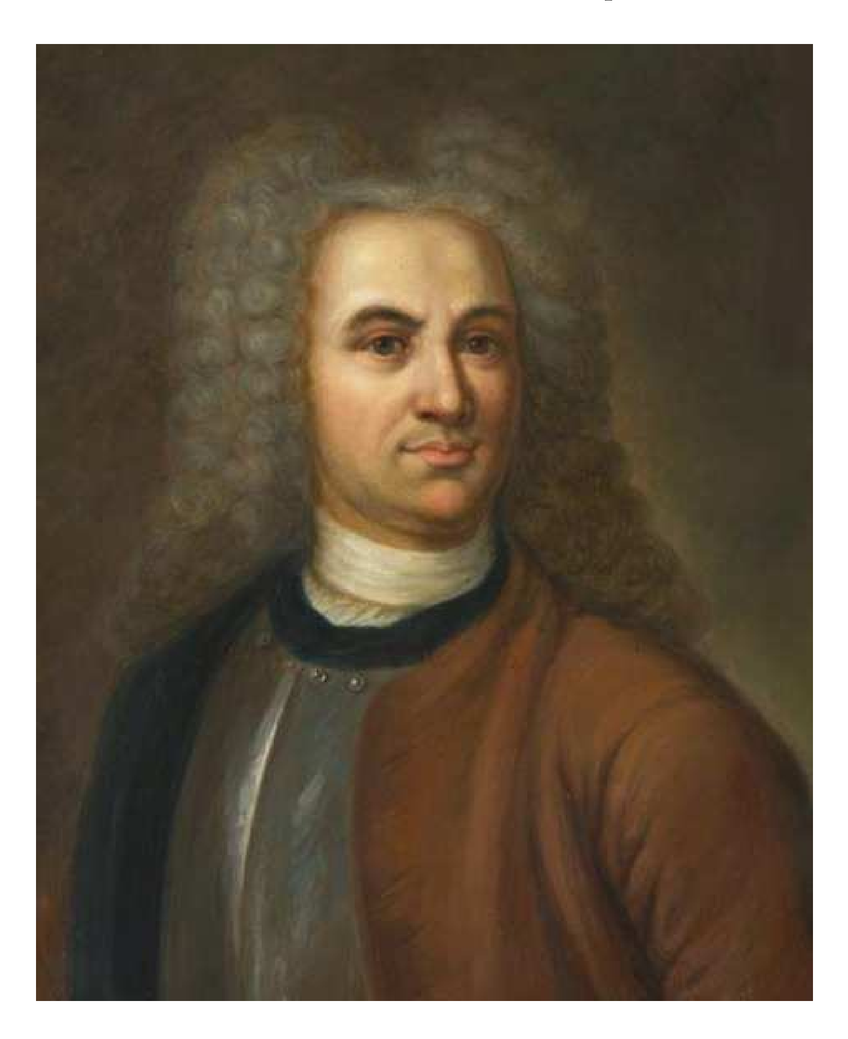
Вот такому многоголосо-коллективному Фоме неверующему весьма достойный ответ дал своей монографией Азбелев. Как заключил тогда автор настоящих строк, исследователь, «рассуждая в лучших традициях российского источниковедения, характерных для творчества С.М. Соловьева, П.А. Лавровского, А.А. Шахматова, В.Л. Янина, выступавших против ничем необоснованного скептического отношения к Иоакимовской летописи (Шахматов рассматривал ее как важное звено древнейшего летописания) и обвинения Татищева в ее подлоге, и заостряя внимание на том, что результаты, полученные Яниным в ходе масштабных археологических раскопок Новгорода, подтверждают аутентичность уникальных сведений Иоакимовской летописи (прежде всего подробного повествования о крещении новгородцев, изложенного очевидцем)… приходит к выводу, что летопись зиждется на устных источниках» и что она, являясь первоначальным текстом первого епископа Новгорода Иоакима (ум. 1030), дошла до Татищева в рукописи XVII в., при этом не избежав, «вероятно, какого-то внешнего влияния», что «не дает оснований усомниться в достоверности этого памятника» (см. подробнее: Фомин 2008: 170).

Но наши «скептики», разумеется, ничего не видят и ничего не слышат, посему есть необходимость продолжить начатый Азбелевым разговор. В связи с чем следует указать, что первыми свое сомнение в состоятельности Татищева как историка выразили немцы-норманисты, работавшие в Петербургской Академии наук: Г.Ф. Миллер и А.Л. Шлецер (причем последний высказал полярные оценки его творчества, но громче всего прозвучала, будучи нацеленной на огромную аудиторию – на весь ученый и просвещенный мир начала XIX в., – именно негативная). И выразили потому, что Татищев, во-первых, продемонстрировал блестящие результаты в изучении прошлого своей Родины и продемонстрировал в обобщающем труде, а такими результатами и наличием такого труда ни Миллер, ни Шлецер, считавшие профессионалами-историками исключительно только себя, похвастаться не могли.

Во-вторых, их отношение к Татищеву было продиктовано еще и тем, что он отрицал норманство варягов и в «Истории Российской с самых древнейших времен», а также в «Летописи краткой великих государей руских от Гостомысла до разорения татар…», «Лексиконе российском историческом, географическом, политическом и гражданском» и «Разговоре дву приятелей о пользе науки и училищах», выводил Рюрика «не из Швеции, ни Норвегии, но из Финляндии» («финские князи неколико времени Русью владели и Рюрик от оных», «Рюрик избран по завету Гостомысла от варяг руссов, по обстоятельствам королевич финской», «взяли к себе князя Рюрика от варяг, или финов…», «Рюрик в Финляндии государь по наследству, а в Руси по избранию» и т.п. При этом поясняя, трактуя имя «варяги» в расширительном смысле, что «варяги, по летописцу Нестерову, суть шведы и норвеги; финов же именует варяги русы, т.е. чермные варяги», и что под варягами «разумели финов и шведов, иногда Данию и Норвегию в то заключали») (Татищев 1962: 289-292, 372, прим. 17 и 19 на с. 115, прим. 26 на с. 117, прим. 15 на с. 226, прим. 33 на с. 228, прим.

54 на с. 231, прим. 1 и 6 на с. 307, прим. 28 на с. 309; Татищев 1964: 82, 102; Татищев 1968: 220, 282; Татищев 1979: 96, 205-206).

Миллер нелестно отозвался об «Истории Российской», отрицая за ней, по справедливому замечанию С.Л. Пештича, «научное достоинство», в статье «О первом летописателе российском преподобном Несторе, о его летописи, и о продолжателях оныя», напечатанной в 1755 г. в «Ежемесячных сочинениях к пользе и увеселению служащих». Ибо, снисходительно резюмировал он, «кто историю читает только для своего увеселения, тот подлинно сими его трудами будет доволен… а кто далее желает поступить, тот может справливаться с самим Нестором и с его продолжателями», т.е. противопоставил труд Татищева летописям (однако эта статья представляет собой, как показала Г.Н. Моисеева, перепечатку пятой, шестой и седьмой глав «первоначальной» редакции» «Истории Российской», присланной в Петербургскую Академию наук, причем официальный государственный историограф, которому по должности надлежало сочинять «историю всей Российской империи», но так ее за треть столетия с лишним не сочинившую, заимствовал и мнение Татищева «о значении русских летописей как исторических источников и его вывод о “главнейших” списках Несторовой летописи»).

Василий Никитич Татищев (1686-1750)

А в 1773 г. неподдельно возмущался, приписывая русским совершено несвойственное им чувство национального превосходства, тем, что он выводил варягов из Финляндии: как это Татищев мог, тридцать лет трудясь над своим сочинением и проработав большое число источников (античных, русских) и немецкую историографию, «прилепиться к мнению для сограждан его столь оскорбительному» (Миллер 1996: 6; Миллер 2006: 98-99; Пекарский 1870: 346; Пештич 1965: 218; Моисеева 1967: 134-136; Моисеева 1971: 143, 163-164, 171; Фомин 2006: 65-66; Фомин 2010: 236-238). Вместе с тем нельзя забывать, что в 1768 г. Миллер начнет издавать труд великого русского историка. А данный факт свидетельствует о том, что он к этому времени профессионально очень вырос, потому в полной мере и осознал значимость его для науки.

В 1764 г. в «Плане занятий» (январь), представленном в Петербургскую Академию наук, А.Л. Шлецер брался за три года «исполнить» «продолжение на немецком языке русской истории от основания государства до пресечения рюриковой династии, по русским хроникам (но без сравнения их с иностранными писателями) с помощию трудов Татищева и… Ломоносова» (этот замысел никогда не будет реализован). А в «Мыслях о способе обработки русской истории» (июнь), направленных по тому же адресу, обязывался начать «сокращение исторических сочинений покойнаго Татищева на немецком языке» (тоже не было сделано), при этом сказав: «Отец русской истории заслуживает того, чтобы ему отдали эту справедливость». На следующий год он, также еще находясь в России, предложил И.И. Тауберту издать «Историю Российскую», подчеркнув вновь, что Татищев «отец русской истории, и мир должен знать, что русский, а не немец явился первым творцом полного курса русской истории» (Шлецер 1875: 289, 321-322; Винтер 1960: 188).

Однако в 1768 г. Шлецер, уже перебравшись в Vaterland, в книге «Probe russischer Annalen» («Опыт изучения русских летописей») резко снизил тональность рассуждений о Татищеве. Так, говоря, что «этот ученый муж, внесший огромный вклад в историю древней Руси, подробно, достоверно и критично повествует об анналах, рукописях и продолжателях Нестора» и что еще неизданные его сочинения – «славный памятник удивительному прилежанию автора – сослужат хорошую службу тем, кто довольствуется лишь общими знаниями о древней русской истории», тут же все по сути перечеркнул: «Однако добросовестному, критичному… историку, который не принимает на веру ни одной строчки и к каждому слову требует свидетельств и доказательств, от нее нет никакого проку. Татищев собрал все известия в одну кучу, не сообщив, из какого манускрипта взято то или иное известие. Он выбрал из десяти списков один, промолчав об остальных, которые, возможно, были ему малопонятны... Иностранные источники, очень ценные для исследователя русской истории, у него отсутствуют полностью: Татищев не понимал ни старых академических, ни новых языков и был вынужден обходиться переводами на русский язык…», и что ему к тому же недоставало зарубежной литературы (Schlözer 1768: 24, 150-151). Но Татищев знал латынь, древнегреческий, немецкий, польский, был знаком с тюркскими, угро-финскими и романскими языками (Кузьмин 1981: 337).

В 1802 г. в мемуарах и «Несторе», надолго ставшем для зарубежных и отечественных исследователей путеводителем по древнерусской истории и ее историографии, Шлецер в конечном виде выразил свое отрицательное отношение к Татищеву: презрительно именуя его «писарем» – Schreiber – и говоря, что «нельзя сказать, чтобы его труд был бесполезен… хотя он и совершенно был неучен, не знал ни слова по латыни и даже не разумел ни одного из новейших языков, выключая немецкого», и твердо полагая, что история России начинается только «от пришествия Рурика и основания рускаго царства», в размышлениях русского историка о прошлом Восточной Европы до IX в., более всего им ценимые, увидел лишь «бестолковую смесь сарматов, скифов, амазонок, вандалов и т.д.» («это ни к чему не пригодная часть») или, как еще изволил выразиться, «татищевские бредни».

При этом обвиняя своего гениального предшественника, а вместе с ним других русских историков (в первую очередь, М.В. Ломоносова), в патриотических настроениях, якобы убивающих в них историков («худо понимаемая *любовь к отечеству* подавляет всякое критическое и беспристрастное обработывание истории… и делается смешною»): «Его работа, для которой не требовалось ученой подготовки, заслуживала всякого уважения; но вдруг этот человек заблудился: ему было невыносимо, что история России так молода и должна начинаться с Рюрика в IX столетии. Он хотел подняться выше!» (Шлецера 1875: 51, 53; Шлецер 1809: 67, 119-120, 392, 418-419, 427-430, 433, прим. ** на с. 325). Хотя в 1768 г. Шлецер глядел на начало русской истории глазами Татищева: «Русские летописцы ведут свое повествование с основания монархии, но история России берет свое начало задолго до этого момента. Летописцам мало известно о народах, населявших территорию России до славян» (Schlözer 1768: 125-126, 129). Уничижительно отзываясь о том, кого он ранее характеризовал в качестве «отца русской истории», немецкий ученый вместе с тем начал вести речь о «ложной» Иоакимовской летописи и ее «бреднях», и считал эту летопись уродливым произведением «несведущего монаха» (Шлецер 1809: XXVIII, өі, рог, 19-21, 371, 381, 425)[1].

В том же духе, потому как был ведом мнением Шлецера, рассуждал великий Н.М. Карамзин, представляя Татищева человеком, «нередко дозволявшим себе *изобретать* древние предания и рукописи», т.е. прямо обвинил его в фальсификациях (он «вымыслил речи», «вымыслил письмо»). Разумеется, и достоинство Иоакимовской летописи как источника он вслед за своим кумиром категорично отрицал, потому как она есть «вымысел», «затейливая, хотя и неудачная догадка» Татищева («мнимый Иоаким или Татищев»), а также отмечал, что с истиной о скандинавстве варягов, а в этих словах также отчетливо слышался голос Шлецера, «согласны все ученые историки, кроме Татищева и Ломоносова» (Карамзин 1989. Прим. *** на с. 23, прим. 105, 347, 385, 396, 463; Карамзин: 1829: Прим. 165).

И приговор Шлецера-Карамзина с энтузиазмом затем повторяли десятки русских специалистов, при этом часто даже не потрудившись заглянуть в труд Татищева (как и в сочинения Ломоносова). В 1836 г. известный историк Н.Г.

[1] Здесь и далее курсив принадлежит, кроме оговоренных случаев, авторам.

Устрялов, например, говорил о бесполезных толках Татищева о скифах и сарматах, что он навлек на себя, «едва ли не основательное», подозрение в подлоге, т.к. достоверным сказаниям Нестора предпочел «нелепые бредни» Иоакимовской летописи, что его «История Российская», «в наше время, при строгих требованиях исторической критики, не имеет почти никакой цены, не взирая на то, что в ней есть показания весьма важные, не встречающиеся в других источниках», что попытки предшествовавших Карамзину русских писателей, занимавшихся историей «мимоходом, частию от скуки, частию по приказанию», ныне любопытны только, как младенческое лепетанье; у них нет ни одной яркой мысли, ни одного светлого взгляда» и что его «надежным путеводителем» был только Шлецер (Устрялов 1836: 9-11).

К счастью, в науке всегда имеются ученые, которые мнения предшественников, в том числе и самых именитых, перепроверяют. Подобная ревизия историографического багажа естественна и неизбежна, потому как путь к истине всегда сопряжен с малыми и большими ошибками и заблуждениями, от которых надлежит вовремя отказаться. В отношении антитатищевской позиции своих многочисленных соотечественников первым это сделал в 1839 г. норманист А.Ф. Федотов. Именуя немецких ученых Г.З. Байера, Г.Ф. Миллера и А.Л. Шлецера «нашими первоучителями», «основателями нашей исторической критики», он отметил, что норманская теория, подкрепленная этими и другими «славными именами», надолго обратилась «как бы в закон», «в догмат и для исследователей, и для читателей русской истории» (хотя после возражений Г. Эверса, изложенных «на основании правил критики самой строгой… некоторые положения поборников скандинавской родины нашей Руси решительно теряют доказательную свою силу»), и что мнения Татищева и Ломоносова приводили, как это делал Шлецер, «только в насмешку, как пример *неученой фантазии*». По заключению Федотова, труд Татищева, несмотря на его критику Карамзиным, составляет «примечательное явление, особенно когда сообразим и время, в которое писал он, и средства, какими мог он пользоваться», и что он, «по некоторым своим понятиям и историческим верованиям, стоял выше своего века, опередил его» (Федотов 1839: I-II, 7, 9-10, 14-92, 96, 105-107, прим. * на с. 42, прим. * на с. 50).

Намного более развернутый и более обстоятельный ответ недоброхотам Татищева дал в 1843 г. Н.А. Иванов. Проанализировав претензии Шлецера к русскому историку, «доселе повторяющиеся» в литературе, он заметил, что немецкий ученый, «слишком торопливый в своих *критических* отзывах на счет наших писателей, назвал Татищева *истым русским Длугошем*, т.е., по собственному его толкованию, бесстыдным вралем, обманщиком, сказочником». Шлецер, продолжал далее автор, этот «неумолимый судья чужих ошибок», страдая «закоренелым недугом пристрастия… довольно часто порицал наугад, порою – умышленно приводил ложные цитаты. Это давно уже доказано, и только безотчетное предубеждение доселе упорно отвергает явные улики». Говоря, что суждения Шлецера о Татищеве есть «вопиющая неправда», «хула» («нерасположение» к нему пробивается «наружу в каждой строке»), Иванов конкретными примерами подтверждает данный факт.

Вместе с тем он подчеркнул, что Миллер заимствовал сведения о летописях именно у Татищева, который, «невзирая на ограниченные способы, не устрашась никаких препон, не смущаясь ничьими подозрениями», «совершил подвиг, на который не отважился никто из его сверстников». Так, он первым рассказал о Несторе, о том, что у него были предшественники, а также продолжатели, которые редактировали его труд. В целом, как подытоживал этот историк, бесстрашно выступивший против неправды, десятилетиями считавшейся прописной истиной, потому как была освящена авторитетами Шлецера и Карамзина, направление, которому следовал Татищев, «существеннее и важнее, нежели разрывчатые, побочные изыскания Байера», и что Шлецер, «обладавший огромным запасом разнообразных сведений», очень много повторяет, в том числе и его ошибки, из Татищева – «*пишет указкой Татищева!*», при этом «расточительно наделяя его упреками» (Иванов 1843: 23-31, 33, 36-43, 45-46, 48, 52-64, 137-145, 206, 209, 243-247, 250-251).

Наконец, в 1855 г. многое расставил по местам еще не находившийся в зените славы С.М. Соловьев, который, специально обратившись к изучению творческого наследия Татищева, подытоживал: «Но если сам Татищев откровенно говорит, какие книги у него были и какие он знает только по имени, подробно рассказывая, какие из них находились у кого из известных людей, то, видя такую добросовестность, имеем ли мы право обвинять его в искажениях, подлогах и т.п.? Если б он был писатель недобросовестный, то он написал бы, что все имел в руках, все читал, все знает. Мы имеем полное право в его своде летописей принимать одно, отвергать другое, но не имеем никакого права в неправильности некоторых известий обвинять самого Татищева. Непонятно, как смотрели на историю Татищева позднейшие писатели, позволившие себе выставлять его, как выдумщика ложных известий. Как видно, они пренебрегли первым томом, не обратили внимания ни на характер, ни на цели труда, и взявшись прямо за второй том, смотрели на его содержание, как нечто вроде Истории Щербатова, Елагина, Эмина».

«Мы же, – продолжал далее историк, – со своей стороны, должны произнести о Татищеве совершенно противоположный приговор: важное значение его состоит именно в том, что он первый начал обработывание русской истории, как следовало начать; первый дал понятие о том, как приняться за дело; первый показал, что такое русская история, какие существуют средства для ее изучения; Татищев собрал материалы и оставил их неприкосновенными, не исказил их своим крайним разумением, но предложил это свое крайнее разумение поодаль, в примечаниях, не тронув текста». Его заслуга, развивал Соловьев свою мысль далее, «состоит в том, что он первый начал дело так, как следовало начать: собрал материалы, подверг их критике, свел летописные известия, снабдил их примечаниями географическими, этнографическими и хронологическими, указал на многие важные вопросы, послужившие темами для позднейших исследований, собрал известия древних и новых писателей о древнейшем состоянии» России, «одним словом, указал путь и дал средства своим соотечественникам заниматься русскою историею», и что ему, а с ним и Ломоносову, «принадлежит самое почетное место в истории русской науки в эпоху начальных трудов» (Соловьев 1901: 1333, 1346-1347, 1350-1351).

Именно работа Соловьева, по мере нарастания его авторитета в исторической науке, во многом привела к затуханию предъявления к Татищеву надуманных претензий. Но, вместе с тем, в ней сохранялось и культивировалось нерасположение к нему как историку, представление о нем и его русских современниках как о чем-то примитивном и не заслуживающем потому внимания. Так, к примеру, П.Н. Милюков в 1897 г. в книге «Главные течения русской исторической мысли», безудержно восхваляя стремившихся к «открытию истины» немцев, особенно Г.З. Байера и А.Л. Шлецера, противопоставил им В.Н. Татищева, М.В. Ломоносова, М.М. Щербатова и И.Н. Болтина, пренебрежительно, чуть ли не брезгливо отнеся их к «допотопному миру русской историографии… миру мало кому известному и мало кому интересному». И это мнение вбирали в себя будущие профессиональные историки, ибо долгое время работа Милюкова служила историографическим пособием для университетов (Милюков 1913: 31-35, 50, 71-95, 103, 108, 119, 122, 124-131, 146-147; Историография 1961: 416; Пештич 1961: 27).

В советское время на авторитет Татищева как историка серьезно посягнул С.Л. Пештич, в 40–60-х гг. посвятивший, по словам А.Г. Кузьмина, «сокрушению Татищева» кандидатскую и докторскую (в своей важнейшей части) диссертации, прямо обвинив его в «“фальсификациях” в угоду своим взглядам, которые охарактеризованы как “монархические”, “крепостнические” и т.п.». Поэтому, утверждал Пештич, по крайней мере, для первых веков русской истории его труд не может быть использован как источник без особой серьезной проверки: «…Наличие так называемых татищевских известий (известия, которые не подтверждаются сохранившимися источниками. – *В.Ф.*) в первой редакции, которые имеют много общего с авторскими добавлениями во второй редакции, нужно отнести не за счет источников, до нас не дошедших, а за счет редакторской работы Татищева…». Однако такой оценки Пештичу показалось мало, и он обвинил Татищева, за его за освещение киевских событий апреля 1113 г. в антисемитизме (это понятие, с иронией замечает Кузьмин, «появляется лишь в конце XIX века!»), впрочем, не только его одного: «Антисемитская заостренность рассказа о решении Владимира Мономаха выселить евреев из России… Заведомо извращенным описанием событий 1113 г. Татищев пытался исторически обосновать реакционное законодательство царизма в национальном вопросе. …Актуальность татищевской фальсификации доказывается широким использованием его описания событий в Киеве в произведениях Эмина, Екатерины II, Болтина…» (Д.С. Лихачев не сомневался, что «миф об “особых” источниках “Истории Российской” В.Н. Татищева разоблачен С.Л. Пештичем»).

В 1972 г. Е.М. Добрушкин своей кандидатской диссертацией «доказывал» недобросовестность «Татищева в изложении двух статей: 1113 года (восстание в Киеве против ростовщиков и выселение иудеев из Руси) и 1185 года (поход Игоря Северского на половцев)» (по его мнению, сообщение о княжеском съезде 1113 г., постановившего изгнать «жидов» из пределов Руси, выдумано историком). Чуть позже он с той же настойчивостью навязывал науке мысль, что «задача исследователя – установить, чтó в “Истории Российской” В.Н. Татищева действительно заимствовано из источников, а чтó вышло из-под его пера». Кузьмин,

говоря о предвзятости С.Л. Пештича, С.Н. Валка, Е.М. Добрушкина, А.Л. Монгайта, с которой они подходили к Татищеву, отметил наличие у них общих методологических и фактических ошибок.

Во-первых, они сопоставляют, по примеру Н.М. Карамзина, «Историю» Татищева с Лаврентьевской и Ипатьевской летописями, которых тот никогда не видел. Во-вторых, неверно понимают как источники, лежащие в основе «Истории Российской», так и сущность и характер летописания. Представляя последнее «единой централизованной традицией вплоть до XII века», они не ставят «даже вопроса о том, в какой мере до нас дошли летописные памятники домонгольской эпохи», и не допускают мысли о существовании разных летописных традиций, «многие из которых погибли или же сохранились в отдельных фрагментах. Татищев же пользовался такими материалами, которые на протяжении веков сохранялись на периферии и содержали как бы неортодоксальные записи и известия».

В-третьих, заострял внимание ученый, – это отсутствие у Татищева серьезного мотива для предполагаемых фальсификаций (в данном случае необходимо напомнить и слова М.Н. Тихомирова, произнесенные в 1962 г.: «Если стать на точку зрения тех историков, которые обвиняют Татищева в сознательном подлоге, то остается совершенно непонятным, зачем Татищеву понадобилось умалять значение» Иоакимовской летописи «ссылками на то, что она была написана новым худым письмом и новгородским наречием. Зачем понадобилось для него отмечать близкое сходство известий» этой летописи «с известиями польских авторов, которых Татищев неоднократно обвиняет в баснословии»).

И если, как справедливо резюмировал в 1981 г. Кузьмин, «субъективная добросовестность историка уже не может вызывать сомнений, то вопрос о способах его работы нуждается еще в более внимательном изучении», что «принцип историзма, свойственный Татищеву во всех его начинаниях, и повел его в конечном счете к созданию капитального труда по отечественной истории», позволил ему, при отсутствии предшественников, найти много «такого, что наукой было принято лишь много времени спустя». Причем, как особо выделил исследователь, весь первый том «Истории Российской», которым, если вспомнить заключение С.М. Соловьева, «пренебрегли» его критики, «был посвящен анализу источников и всякого рода вспомогательным разысканиям, необходимым для решения основных вопросов. Именно наличием такого тома труд Татищева положительно отличается не только от изложения Карамзина, но даже и Соловьева. В XIX веке вообще не было работы, равной татищевской в этом отношении» (Тихомиров 1962: 51; Пештич 1961: 222-262; Пештич 1965: 155-163; Добрушкин 1977: 96; Кузьмин 1972: 79-89: Кузьмин 1981: 338-340, 343-344; Журавель 2004: 138-142).

Но субъективная добросовестность Татищева-историка многим не дает покоя. И сегодня в застрельщиках новой антитатищевской кампании ходит украинский историк А.П. Толочко, уверявший в 2005 г., «что в распоряжении Татищева не было никаких источников, неизвестных современной науке. Вся информация, превышающая объем известных летописей, должна быть отнесена на счет авторской активности самого Татищева». И у которого, что весьма показательно, тут же нашлись подражатели в нашей исторической науке. Так, в 2006 г. нижегородский

ученый А.А. Кузнецов, повествуя о деятельности владимирского князя Юрия Всеволодовича, устраняет, как сам говорит, «ряд стереотипов исторической науки, основанных на… необоснованном привлечении “Истории Российской” В.Н. Татищева», который «испытывал антипатию к этому князю и сознательно переносил ее на страницы своего труда» (ведомый выводом Толочко, что «любимым персонажем» нашего первого историка был Константин Всеволодович, Кузнецов пишет, что он «оправдывал», «обелял» Константина и «чернил» Юрия).

Уникальные известия Татищева Кузнецов характеризует как «домысел», «фантазии», «мистификации», «авторский произвол», утверждает, что он «судил о прошлом, доверяя поздним источникам, искажая их данные, на основе реалий своего бурного XVIII столетия», «придумывал» факты и «волевым решением менял смысл непонятной источниковой информации» (т.е. по сути повторяет штампы, брошенные в адрес Татищева Пештичем и Толочко). Укоряя «отдельных» предшественников в том, что они «не утруждают себя критическим разбором «сведений» Татищева и легко доверяют ему, Кузнецов восхищается «остроумным и блестящим экскурсом» Толочко в творческую лабораторию Татищева, реконструкцией его источниковой базы, демонстрацией «массива его авторских мыслей под видом источниковых известий», доказательством того, «что уникальных-то известий труд историка XVIII в. не содержит», и благодарит украинского коллегу за «глубокие замечания», которые «очень помогли» автору при работе над монографией (Кузнецов 2006: 9, 47-48, 88, 93, 96-97, 103-109, 114-115, 131, 210-212, 220, 223-224, 273-276, 479-480, 501-502, 505-506, 509, 514).

Параллельно с такой безудержной апологетикой очередного «ниспровергателя» Татищева в нашей науке идет «раскручивание» идей украинского ученого под видом их критики. Показательна в этом плане статья московского исследователя П.С. Стефановича, которая больше похожа на весьма обширную рецензию на работу Толочко «“История Российская” Василия Татищева: источники и известия» (М., Киев, 2005), но где вместо действительно академического разбора дано совершено иное. Как пишет сам автор, «разумеется, цель моей критики не в том, чтобы умалить достоинства книги современного историка, но в том, чтобы добиться ясности и объективности в оценке труда одного из тех, кто стоял у истоков русской исторической науки» (довольно странно и двусмысленно сформулированная цель, к тому же самому Татищеву даже не предоставлено слово. Нет и намека – то ли по незнанию, то ли по тенденциозному умолчанию – на то, что в науке уже имеются многочисленные опровержения взглядов Толочко, высказанных им в монографии и предшествующих ей статьях).

И за какие такие «ясность» и «объективность» вышел биться в 2007 г. на страницах известного академического журнала Стефанович? Да за те же, что проводит Толочко. Причем делает он это совершено голословно, внушая читателям мнение, что тот «убедительно показал», что Татищев «в ряде случаев и сознательно давал ложные отсылки к источникам», что после труда Толочко уникальную информацию со ссылками на «манускрипты» А.П. Волынского, П.М. Еропкина, А.Ф. Хрущева, Иоакимовскую летопись «рассматривать как достоверную никак нельзя», что, как «хорошо показано Толочко», «нельзя сомневаться и в том, что Татищев мог

сам додумывать и дополнять известия своих источников и даже просто сочинять новые тексты» (например, Иоакимовскую летопись, а статья 1203 г. с «конституционным проектом» Романа Мстиславича есть «чистая выдумка Татищева»).

При этом свое единодушие с Толочко Стефанович прикрывает ритуальными оговорками, долженствующими якобы показать, что сам рецензент стоит, конечно, над «схваткой» и беспристрастен (некоторые его утверждения и заключения, «в том числе принципиального характера, кажутся слишком категоричными или недостаточно обоснованными», он, «думаю, все-таки не совсем прав», что Татищева называть «мистификатором, лгуном и фальсификатором, с моей точки зрения, также неправильно, как считать его летописцем или сводчиком»). Неудержимо стремясь к «ясности» и «объективности», Стефанович не скупится на хвалебные эпитеты в адрес Толочко: что он, проводя «тонкий анализ», «пишет в яркой, оригинальной манере, причем свободный, несколько ироничный стиль не мешает ему оставаться на высоком научном уровне обсуждения проблемы», что, «без сомнения, перед нами талантливое и интересное исследование», что он существенно пополнил ряд «разоблачений», что «благодаря работе Толочко – острой и будящей исследовательскую мысль – мы существенно продвинулись на пути изучения «татищевские известий» и вместе с тем приблизились к пониманию «творческой лаборатории» историка первой половины XVIII в.». После чего с юношеским оптимизмом завершает свой панегирик, «пока этот путь далеко не пройден, и можно с уверенностью утверждать, что ученых здесь ждет еще немало открытий и неожиданностей» (Стефанович 2007: 88-96).

Какие «открытия» и даже «неожиданности» нас ждут, догадаться нетрудно. И этот легко прогнозируемый результат к науке отнести уже по причине такой легкости никак нельзя, да и сам метод подгона решения задачи под нужный кому-то ответ ей, как отмечалось выше, чужд. И с таким результатом не могут согласиться те ученые, которым дорога истина, а не шумные «разоблачения», за которыми стоят все же не имеющие к науке интересы. Так, несостоятельность приписывания Толочко Татищеву авторства Романовского проекта 1203 г., почему-то названного Толочко, недоумевает автор, «конституцией», показал в 2000 г. В.П. Богданов (Богданов 2000: 215-222). В 2005–2006 гг. А.В. Майоров, ссылаясь на археологический материал, доказал в ряде публикаций, вышедших в Белоруссии и России, что в руках Татищева была недошедшая до нас Полоцкая летопись, в которой Толочко также видит выдумку Татищева (Майоров 2006: 321-343). В 2006–2007 гг. С.Н. Азбелев, остановившись на попытках дискредитации Татищева-историка, верно подчеркнул, что, «не относясь к категории серьезных публикаций, они требуют, однако, упоминаний вследствие своей агрессивности». И к данной категории он отнес «многословное ёрничество» Толочко, констатируя, что в его работах «слишком много ошибок и неточностей, а в характеристиках использованных материалов присутствуют тенденциозные передергивания», и что эти работы могут «существенно повредить научной репутации автора, особенно – с его демонстративно-пренебрежительным отношением к ученым прошлого и к современникам, дурные привычки которых, по словам А.П. Толочко, проявлялись в использовании Иоакимовской летописи» (Азбелев 2006: 250-284; Азбелев 2007: 6-34).

В 2006 г. блестяще вскрыл суть мистификаторских уловок и подлогов Толочко А.В. Журавель. Охарактеризовав этого представителя украинской науки в качестве Герострата, для которого Татищев – «лишь средство самоутверждения, “объяснительное устройство” при обосновании права на собственную мистификацию», он заключает, что его сочинение «*лишь выглядит наукообразным, а к науке имеет отношение очень косвенное*», и на конкретных фактах показал, «что у Татищева действительно были те уникальные источники, о которых он говорит» (в том, например, убеждают хронологические неточности в его «Истории Российской»). Вместе с тем Журавель, сказав, что надо открыто называть вещи своими именами, заметил, что «преступление Пештича – не в том, что он публично заклеймил Татищева как фальсификатора, а в том, что он сделал это без должных на то оснований; отдельно замеченные им улики, сами по себе еще не составляющие состава преступления, он посчитал достаточным для вынесения приговора. И потому сами его действия составляют состав преступления и именуются “клеветой”».

Абсолютно уместным выглядит и другой вывод автора: нужно «вновь поставить вопрос об ответственности ученого за свои слова» и об ответственности тех, кто приступает к теме «татищевские известий», т.к. она «*очень трудна и многопланова и заведомо непосильна для начинающих исследователей*», а именно последние, плохо зная летописи, «*и составили основную массу активных “скептиков»!*”. Таковым был и Пештич: его суждения о Татищеве сложились в 30-е гг., когда он был еще *студентом*» (тоже самое Журавель справедливо заметил и в адрес Е.М. Добрушкина. А в 2004 г. он, на конкретных фактах хронологического свойства показывая несостоятельность претензий Пештича и Добрушкина к Татищеву, верно заключил, что прокурорский тон по отношению к последнему «есть всего лишь показатель того, что историографии XX в. так и не удалось достичь того уровня понимания вещей, который свойственен позднему Татищеву», что в отличие от него «Добрушкин выдумал очень многое в прямом смысле слова» и что «с фактами у критиков В.Н. Татищева дела обстоят очень и очень неважно») (Журавель 2004: 135-142; Журавель: 524-544).

В 2007 г. С.В. Рыбаков, демонстрируя величие Татищева-историка, напомнил давно всем хорошо известное: «Авторы, ставившие под сомнение научный характер источниковедческой работы Татищева или самих источников, не вполне верно понимали характер и реальную роль древнерусского летописания, представляя его гораздо более централизованным, чем это было на самом деле, считая, что все древнерусское летописание связывалось с неким единым первоисточником». Ныне признается, констатирует он далее, «что с древности на Руси существовали различные летописные традиции, в том числе и периферийные, не совпадающие с «канонами» наиболее известных летописей» (Рыбаков 2007: 166). В целом же, как то демонстрирует историографический опыт, «молодецкие» наскоки на Татищева, «антитатищевский» комплекс вообще являются своего рода знаком научной недобросовестности и, в какой-то мере, научной несостоятельности. Критика источников и научных изысканий – непременное правило работы ученого, но она

должна быть действительно критикой, а не критиканством, компрометирующим историческую науку.

Историческую науку компрометирует и та, конечно, некорректность, с которой «антитатищевцы» «опровергают» мнения специалистов, чьи труды в области источниковедения и творчества Татищева являются примером профессионального отношения к делу. Так, П.С. Стефанович в 2006 г., утверждая, что оригинальность известия историка о пленении перемышльского князя Володаря в 1122 г. «надо связывать не с некими аутентичными, но не сохранившимися источниками, а со своеобразными способом повествования и методом подачи собственных интерпретаций, присущими автору первой научной “русской гистории”», т.е., проще говоря, объявил эту оригинальность выдумкой Татищева, заключил, не приведя и, понятно, не опровергая их аргументацию, что, «конечно, защита “доброго имени” “последнего русского летописца” в духе Б.А. Рыбакова и А.Г. Кузьмина просто наивна». При этом его собственные «наблюдения над исследовательским методом и манерой изложения В.Н. Татищева», не сомневается Стефанович, «могут быть небесполезны в дальнейшем (по большему счету, еще только начавшемся) изучении как уникальных “татищевских известий”, так и ранних этапов развития отечественной исторической науки» (Стефанович 2008: 87, 89).

Критиканство, а вместе с тем ненависть и смертельно опасное для того времени обвинение В.Н. Татищев сполна познал при жизни, что, кстати сказать, не позволило ему увидеть свой труд изданным. В «Предъизвесчении» он вспоминает, как в 1739 г. в Санкт-Петербурге, «требуя к тому помосчи и разсуждения, дабы мог что пополнить, а невнятное изъяснить», многих знакомил с рукописью «Истории Российской» и слышал о ней разные мнения: «иному то, другому другое ненравно было, что один хотел, дабы пространнее и ясняе написать, то самое другой советовал сократить или совсем оставить. Да недовольно было того. Явились некоторые с тяжким порицанием, якобы я в оной православную веру и закон (как те безумцы произнесли) опровергал…». И обращаясь к оппонентам, в том числе будущим, историк верно обрисовал их задачу и в деле критики своей «Истории Российской», и в деле служения исторической науке: «…Когда они более науками преисполнены, то б сами за сие весьма нужндное отечеству взялись и лучше сочинили», «но паче надеюсь, если кто из таких в науках превосходный, к пользе отечества столько же, как я, ревности имеюсчий, усмотря мои недостатки, сам почтитца погрешности исправить, темности изъяснить, а недостатки дополнить и в лучшее состояние привести, себе же большее благодарение, нежели я требую, преобрести».

Свое кредо как историка и как источниковеда Татищев четко изложил в том же «Предъизвесчении», куда, как можно судить по их приговорам, любители разговаривать с ним свысока либо не заглядывали, либо ничего там не смогли (или не захотели) увидеть: «…Что в настоясчей истории явятся многих знатных родов великие пороки, которые если писать, то их самих или их наследников подвигнуть на злобу, а обойти оные – погубить истинну и ясность истории или вину ту на судивших обратить, еже бы было с совестию не согласно, того ради оное оставляю иным для сочинения». Говоря о своей манере работы с источниками, он разъяснял, что «если бы наречие и порядок их переменить, то опасно, чтоб и вероятности не

погубить. Для того разсудил за лучшее писать тем порядком и наречием, каковы в древних находятся, собирая из всех полнейшее и обстоятельнейшее в порядок лет, *как они написали, не переменяя, ни убавливая из них ничего* (курсив мой. – *В.Ф.*), кроме не надлежасчаго к светской летописи, яко жития святых, чудеса, явления и пр., которые в книгах церковных обильнее находятся, но и те по порядку некоторые на конце приложил, *також ничего не прибавливал* (курсив мой. – *В.Ф.*), разве необходимо нуждное для выразумения слово положить и то отличил вместительною». А в конце «Предъизвесчения» ученый подчеркнул два важных обстоятельства: «…Я мню, что на нравы и разсуждения всех людей угодить неможно» и «что все деяния от ума или глупости произходят» (Татищев 1962: 85-86, 89-92).

Историк, конечно, и не должен кому-то в чем-то угождать, и он также не избавлен от разного рода ошибок и недостатков, тем более, когда речь идет о Татищеве, все делавшем в русской исторической науке в первый раз и тем самым ее создававший. Но стоит об этом говорить без тенденциозности и агрессивности, с проявлением предельного такта и, разумеется, глубокого знания и понимания самого предмета разговора.

Возвращаясь к одному из доводов С.Н. Азбелева, следует напомнить, что В.Л. Янин на археологическом материале подтвердил полную достоверность рассказа Иоакимовской летописи о том, что в Новгороде крещение встретило мощное сопротивление язычников, подавленное воеводами Владимира Путятой и Добрыней (в них ученый видит самостоятельную повесть, написанную очевидцем событий). Им были выявлены следы пожара, который датируется дендрохрологическим методом 989 г. и «который уничтожил все сооружения на большой площади»: «береговые кварталы в Неревском и, возможно, в Людином конце». А ведь именно этот рассказ прежде всего и воспринимался в качестве фальшивки. Как утверждал Н.М. Карамзин, «из всех сказаний мнимого Иоакима самое любопытнейшее есть о введении христианской веры в Новгороде; жаль, что она выдумка, основанная единственно на старинной пословице: *Путята крести мечем, а Добрыня мечем!*» (Карамзин 1989: Прим. 463; Янин 1984: 53-56).

Но все, как показывают археологические данные, обстояло иначе, и Иоакимовская летопись, несмотря на свой весьма сложный характер, является ценным источником, который, конечно, при внимательном и добросовестном отношении к себе может дать очень важную информацию. В целом же, если вновь обратиться к наблюдениям С.М. Соловьева, а его слова становятся все более актуальными, Татищеву мы обязаны «сохранением известий из таких списков летописи, которые, быть может, навсегда для нас потеряны; важность же этих известий для науки становится день ото дня ощутительнее» (Соловьев 1901: 1347). Однако то, что ощущает наука, «скептикам» ощутить не дано.

А нашему дорогому юбиляру, защитнику и Отечества, и его истории, – Сергею Николаевичу Азбелеву – желаю здравствовать и новых успехов на научном поприще. И очень горжусь тем, что лично знаком с этим замечательным человеком и ученым.

ЛИТЕРАТУРА

Азбелев 2006 - *Азбелев С.Н.* Устная история Великого Новгорода. Великий Новгород, 2006.

Азбелев 2007 - *Азбелев С.Н.* Устная история в памятниках Новгорода и Новгородской земли. СПб., 2007.

Богданов 2000 - *Богданов В.П.* Романовский проект 1203 г.: памятник древнерусской политической мысли или выдумка В.Н. Татищева // Сборник Русского исторического общества. Т. 3 (151). Антифоменко. М., 2000.

Винтер 1960 - *Винтер Э.* Неизвестные материалы о А.Л. Шлецере // Исторический архив. 1960. № 6.

Добрушкин 1977 - *Добрушкин Е.М.* О методике изучения «татищевских известий» // Источниковедение отечественной истории. Сб. статей 1976. М., 1977.

Журавель 2004 - *Журавель А.В.* Еще раз о «татищевских известиях» (хронологический аспект) // Отечественная культура и историческая мысль XVIII–XX веков / Сб. статей и материалов. Вып. 3. Брянск, 2004.

Журавель 2006 - *Журавель А.В.* Новый Герострат, или У истоков «модерной истории» // Сборник Русского исторического общества. Т. 10 (158). Россия и Крым. М., 2006.

Иванов 1843 - *Иванов Н.А.* Общее понятие о хронографах и описание некоторых списков их, хранящихся в библиотеках санкт-петербургских и московских. Казань, 1843.

Историография 1961 - Историография истории СССР. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции / Под ред. В.Е. Иллерицкого и И.А. Кудрявцева. М., 1961.

Карамзин 1829 - *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. XII. СПб., 1829.

Карамзин 1989 - *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. I. М., 1989.

Кузнецов 2006 - *Кузнецов А.А.* Владимирский князь Георгий Всеволодович в истории Руси первой трети XIII в. Особенности преломления источников в историографии. Нижний Новгород, 2006.

Кузьмин 1972 - *Кузьмин А.Г.* Статья 1113 г. в «Истории Российской» В.Н. Татищева // Вестник МГУ. 1972. № 5.

Кузьмин 1981 - *Кузьмин А.Г.* Татищев. М., 1981.

Майоров 2006 - *Майоров А.В.* О Полоцкой летописи В.Н. Татищева // Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы Российской Академии наук. Т. 57. СПб., 2006.

Миллер 1996 - *Миллер Г.Ф.* О первом летописателе российском преподобном Несторе, о его летописи и о продолжателях оныя // *Миллер Г.Ф.* Сочинения по истории России. Избранное / Составл., статья А.Б. Каменского / Примечания А.Б. Каменского и О.М. Медушевской. М., 1996.

Миллер 2006 - *Миллер Г.Ф.* О народах издревле в России обитавших // *Миллер Г.Ф.* Избранные труды / Сост., статья, примеч. С.С. Илизарова. М., 2006.

Милюков 1913 - *Милюков П.Н.* Главные течения русской исторической мысли. Изд. 3-е. СПб., 1913.

Моисеева 1967 - *Моисеева Г.Н.* Из истории изучения русских летописей в XVIII веке (Герард-Фридрих Миллер) // Русская литература. 1967. № 1.

Моисеева 1971 - *Моисеева Г.Н.* Ломоносов и древнерусская литература. Л., 1971.

Пекарский 1870 - *Пекарский П.П.* История императорской Академии наук в Петербурге. Т. I. СПб., 1870.

Пештич 1961 - *Пештич С.Л.* Русская историография XVIII века. Ч. I. Л., 1961.

Пештич 1965 - *Пештич С.Л.* Русская историография XVIII века. Ч. II. Л., 1965.

Рыбаков 2007 - *Рыбаков С.В.* Татищев в зеркале русской историографии // Вопросы истории. 2007. № 4.

Соловьев 1901 - *Соловьев С.М.* Писатели русской истории XVIII века // Собрание сочинений С.М. Соловьева. СПб., 1901.

Стефанович 2007 - *Стефанович П.С.* «История Российская» В.Н. Татищева: споры продолжаются // Отечественная история. 2007. № 3.

Стефанович 2008 - *Стефанович П.С.* Володарь Перемышльский в плену у поляков (1122 г.): источник, факт, легенда, вымысел // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2008. № 4 (26).

Татищев 1962 - *Татищев В.Н.* История Российская с самых древнейших времен. Т. I. М.; Л., 1962.

Татищев 1964 - *Татищев В.Н.* История Российская с самых древнейших времен. Т. IV. М.; Л., 1964.

Татищев 1968 - *Татищев В.Н.* История Российская с самых древнейших времен. Т. VII. Л., 1968.

Татищев 1979 - *Татищев В.Н.* Избранные произведения. Л., 1979.

Тихомиров 1962 - *Тихомиров М.Н.* О русских источниках «Истории Российской» // *Татищев В.Н.* История Российская с самых древнейших времен. Т. I. М.; Л., 1962.

Устрялов 1863 - *Устрялов Н.Г.* О системе прагматической русской истории. СПб., 1836.

Федотов 1839 - *Федотов А.Ф.* О главнейших трудах по части критической русской истории. М., 1839.

Фомин 2006 - *Фомин В.В.* Ломоносов: Гений русской истории. М., 2006.

Фомин 2008 - *Фомин В.В.* С.Н. Азбелев. Устная история в памятниках Новгорода и Новгородской земли. СПБ., Издательство «Дмитрий Буланин» // Вопросы истории. 2008. № 3.

Фомин 2010 - *Фомин В.В.* Ломоносовофобия российских норманистов // Варяго-русский вопрос в историографии / Сб. статей и монографий / Составит. и ред. В.В. Фомин. М., 2010.

Шлецер 1809 - *Шлецер А.Л.* Нестор. Ч. I. СПб., 1809.

Шлецер 1875 - *Шлецер А.Л.* Общественная и частная жизнь Августа Людвига Шлецера, им самим описанная. СПб., 1875.

Янин 1984 - *Янин В.Л.* Летописные рассказы о крещении новгородцев (о возможном источнике Иоакимовской летописи) // Русский город (Исследования и материалы). Вып. 7. М., 1984.

Schlözer 1768 - Schlözer A.L. Probe russischer Annalen. Bremen, Göttingen, 1768.

REFERENCES

Azbelev 2006 - *Azbelev S.N.* Ustnaja istorija Velikogo Novgoroda [Oral history of Veliky Novgorod], Veliky Novgorod, 2006 [in Russian].

Azbelev 2007 - *Azbelev S.N.* Ustnaja istorija v pamjatnikah Novgoroda i Novgorodskoj zemli [Oral history in monuments of Novgorod and the Novgorod earth], St. Petersburg, 2007 [in Russian].

Bogdanov 2000 - *Bogdanov V.P.* Romanovskij proekt 1203 g.: pamjatnik drevnerusskoj politicheskoj mysli ili vydumka V.N. Tatishheva [The Raman project of 1203: monument to Old Russian political thought or V.N. Tatishchev invention], in: Sbornik Russkogo istoricheskogo obshhestva. T. 3 (151). Antifomenko [Collection of the Russian historical society. Volume 3 (151). Antifomenko], Moscow, 2000 [in Russian].

Dobrushkin 1977 - *Dobrushkin E.M.* O metodike izuchenija «tatishhevskih izvestij» [About a studying technique of «tatishchevsky news»], in: Istochnikovedenie otechestvennoj istorii. Sb. statej 1976 [Source study of national history. Collection of articles 1976], Moscow, 1977 [in Russian].

Fedotov 1839 - *Fedotov A.F.* O glavnejshih trudah po chasti kriticheskoj russkoj istorii [About the major works in critical Russian history], Moscow, 1839 [in Russian].

Fomin 2006 - *Fomin V.V.* Lomonosov: Genij russkoj istorii [Clematises: Genius of the Russian history], Moscow, 2006 [in Russian].

Fomin 2008 - *Fomin V.V.* S.N. Azbelev. Ustnaja istorija v pamjatnikah Novgoroda i Novgorodskoj zemli. SPB., Izdatel'stvo «Dmitrij Bulanin» [S.N. Azbelev. Oral history in monuments of Novgorod and the Novgorod earth. SPB., Dmitry Bulanin Publishing house], in: Voprosy istorii [History questions], 2008, № 3 [in Russian].

Fomin 2010 - *Fomin V.V.* Lomonosovofobija rossijskih normanistov [Lomonosovofobiya of the Russian normanist], in: Varjago-russkij vopros v istoriografii / Sb. statej i monografij / Sostavit. i red. V.V. Fomin [Varyago-russky a question in the historiography / Collection of articles and the monographs / Originator and editor V.V. Fomin], Moscow, 2010 [in Russian].

Istoriografija 1961 - Istoriografija istorii SSSR. S drevnejshih vremen do Velikoj Oktjabr'skoj socialisticheskoj revoljucii / Pod red. V.E. Illerickogo i I.A. Kudrjavceva [History USSR historiography. Since

the most ancient times to the Great October socialist revolution / Under V.E. Illeritsky and I.A. Kudryavtsev's edition], Moscow, 1961 [in Russian].

Ivanov 1843 - *Ivanov N.A.* Obshhee ponjatie o hronografah i opisanie nekotoryh spiskov ih, hranjashhihsja v bibliotekah s.peterburgskih i moskovskih [The general concept about chronographs and the description of their some lists which are stored in libraries St. Petersburg and Moscow], Kazan, 1843 [in Russian].

Janin 1984 - *Janin V.L.* Letopisnye rasskazy o kreshhenii novgorodcev (o vozmozhnom istochnike Ioakimovskoj letopisi) [Annalistic stories about a baptism of Novgorodians (about a possible source of the Ioakimovsky chronicle)], in: Russkij gorod (Issledovanija i materialy). Vyp. 7 [Russian city (Researches and materials). Release 7], Moscow, 1984 [in Russian].

Karamzin 1829 - *Karamzin N.M.* Istorija gosudarstva Rossijskogo. T. XII [History of the state Russian. Volume XII], St. Petersburg, 1829 [in Russian].

Karamzin 1989 - *Karamzin N.M.* Istorija gosudarstva Rossijskogo. T. I [History of the state Russian. Volume I], Moscow, 1989 [in Russian].

Kuz'min 1972 - *Kuz'min A.G.* Stat'ja 1113 g. v «Istorii Rossijskoj» V.N. Tatishheva [Article of 1113 in «History the Russian» of V.N. Tatishchev], in: Vestnik MGU [Bulletin of MSU], 1972, № 5 [in Russian].

Kuz'min 1981 - *Kuz'min A.G.* Tatishhev [Tatishchev], Moscow, 1981 [in Russian].

Kuznecov 2006 - *Kuznecov A.A.* Vladimirskij knjaz' Georgij Vsevolodovich v istorii Rusi pervoj treti XIII v. Osobennosti prelomlenija istoch-nikov v istoriografii [The Vladimir prince Georgy Vsevolodovich in the history of Russia the first third of the 13th century. Features of refraction of sources in a historiography], Nizhny Novgorod, 2006 [in Russian].

Majorov 2006 - *Majorov A.V.* O Polockoj letopisi V.N. Tatishheva [About the Polotsk chronicle of V.N. Tatishchev], in: Trudy otdela drevnerusskoj literatury Instituta russkoj literatury Ros-sijskoj Akademii nauk. T. 57 [Works of department of Old Russian literature of Institute of the Russian literature of the Russian Academy of Sciences. Volume 57], St. Petersburg, 2006 [in Russian].

Miljukov 1913 - *Miljukov P.N.* Glavnye techenija russkoj istoricheskoj mysli. Izd. 3-e [Main currents of the Russian historical thought. Edition third], St. Petersburg, 1913 [in Russian].

Miller 1996 - *Miller G.F.* O pervom letopisatele rossijskom prepodobnom Nestore, o ego letopisi i o prodolzhateljah onyja [About the first letopiyets the Russian Reverend Nestor, about his chronicle and about his successors], in: Miller G.F. Sochinenija po istorii Rossii. Izbrannoe / Sostavl., stat'ja A.B. Kamenskogo / Primechanija A.B. Kamenskogo i O.M. Medushevskoj [Compositions on stories of Russia. Favourites / Drawing up, article A.B. Kamensk / Notes A.B. Kamensk and O.M. Medushevskoy], Moscow, 1996 [in Russian].

Miller 2006 - *Miller G.F.* O narodah izdrevle v Rossii obitavshih [About the people since ancient times in Russia living], in: Miller G.F. Izbrannye trudy / Sost., stat'ja, primech. S.S. Ilizarova [Chosen works / Drawing up, article, notes S.S. Ilizarov], Moscow, 2006 [in Russian].

Moiseeva 1967 - *Moiseeva G.N.* Iz istorii izuchenija russkih letopisej v XVIII veke (Gerard-Fridrih Miller) [From history of studying of the Russian chronicles in the 18th century (Gerard-Friedrich Miller)], in: Russkaja literatura [Russian literature], 1967, № 1 [in Russian].

Moiseeva 1971 - *Moiseeva G.N.* Lomonosov i drevnerusskaja literatura [Lomonosov and Old Russian literature], Leningrad, 1971 [in Russian].

Pekarskij 1870 - *Pekarskij P.P.* Istorija imperatorskoj Akademii nauk v Peterburge. T. I [History of imperial Academy of Sciences in St. Petersburg. Volume I], St. Petersburg, 1870 [in Russian].

Peshtich 1961 - *Peshtich S.L.* Russkaja istoriografija XVIII veka. Ch. I [Russian historiography of the XVIII century. Part I], Leningrad, 1961 [in Russian].

Peshtich 1965 - *Peshtich S.L.* Russkaja istoriografija XVIII veka. Ch. II [Russian historiography of the XVIII century. Part II], Leningrad, 1965 [in Russian].

Rybakov 2007 - *Rybakov S.V.* Tatishhev v zerkale russkoj istoriografii [Tatishchev in a mirror of the Russian historiography], in: Voprosy istorii [History questions], 2007, № 4 [in Russian].

Schlözer 1768 - Schlözer A.L. Probe russischer Annalen [Examples of the Russian chronicles], Bremen, Göttingen, 1768 [in German].

Shlecer 1809 - *Shlecer A.L.* Nestor. Ch. I [Nestor. Part I], St. Petersburg, 1809 [in Russian].

Shlecer 1875 - *Shlecer A.L.* Obshhestvennaja i chastnaja zhizn' Avgusta Ljudviga Shlecera, im samim opisannaja [Public and private life of Augustus Ludwig Shletser, him described], St. Petersburg, 1875 [in Russian].

Solov'ev 1901 - *Solov'ev S.M.* Pisateli russkoj istorii XVIII veka [Writers of the Russian history of the 18th century], in: Sobranie sochinenij S.M. Solov'eva [Collected works of S.M. Solovyov], St. Petersburg, 1901 [in Russian].

Stefanovich 2007 - *Stefanovich P.S.* «Istorija Rossijskaja» V.N. Tatishheva: spory prodolzhajutsja [«History Russian» of V.N. Tatishchev: disputes continue], in: Otechestvennaja istorija [National history], 2007, № 3 [in Russian].

Stefanovich 2008 - *Stefanovich P.S.* Volodar' Peremyshl'skij v plenu u poljakov (1122 g.): istochnik, fakt, legenda, vymysel [Volodar Peremyshlsky in captivity at Poles (1122): source, fact, legend, fiction], in: Drevnjaja Rus'. Voprosy medievistiki [Old Russia. The Questions of Middle Ages], 2008, № 4 (26) [in Russian].

Tatishhev 1962 - *Tatishhev V.N.* Istorija Rossijskaja s samyh drevnejshih vremen. T. I [The history Russian since the most ancient times. Volume I], Moscow; Leningrad, 1962 [in Russian].

Tatishhev 1964 - *Tatishhev V.N.* Istorija Rossijskaja s samyh drevnejshih vremen. T. IV [The history Russian since the most ancient times. Volume IV], Moscow; Leningrad, 1964 [in Russian].

Tatishhev 1968 - *Tatishhev V.N.* Istorija Rossijskaja s samyh drevnejshih vremen. T. VII [The history Russian since the most ancient times. Volume VII], Leningrad, 1968 [in Russian].

Tatishhev 1979 - *Tatishhev V.N.* Izbrannye proizvedenija [Chosen works], Leningrad, 1979 [in Russian].

Tihomirov 1962 - *Tihomirov M.N.* O russkih istochnikah «Istorii Rossijskoj» [About the Russian sources of «History the Russian»], in: Tatishhev V.N. Istorija Rossijskaja s samyh drevnejshih vremen. T. I [The history Russian since the most ancient times. Volume I], Moscow; Leningrad, 1962 [in Russian].

Ustrjalov 1863 - *Ustrjalov N.G.* O sisteme pragmaticheskoj russkoj istorii [About system of pragmatical Russian history], St. Petersburg, 1836 [in Russian].

Vinter 1960 - *Vinter Je.* Neizvestnye materialy o A.L. Shlecere [Unknown materials about A.L. Shletsere], in: Is-toricheskij arhiv [Historical archive], 1960, № 6 [in Russian].

Zhuravel' 2004 - *Zhuravel' A.V.* Eshhe raz o «tatishhevskih izvestijah» (hronologicheskij aspekt) [Once again about «tatishchevsky news» (chronological aspect)], in: Otechestvennaja kul'tura i istoricheskaja mysl' XVIII–XX vekov / Sb. statej i materialov. Vyp. 3 [Domestic culture and historical thought of the 18-20th centuries / Collection of articles and materials. Release 3], Bryansk, 2004 [in Russian].

Zhuravel' 2006 - *Zhuravel' A.V.* Novyj Gerostrat, ili U istokov «modernoj istorii» [The new Fame-thirsty person, or At sources of «moderny history»], in: Sbornik Russkogo istoricheskogo obshhestva. T. 10 (158) Rossija i Krym [Collection of the Russian historical society. Volume 10 (158). Russia and Crimea], Moscow, 2006 [in Russian].

Фомин Вячеслав Васильевич – Доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории Липецкого государственного педагогического университета (Липецк, Россия).
Fomin Vyacheslav – Doctor of historical sciences, Professor, Head of the Department of national history of the Lipetsk state pedagogical university (Lipetsk, Russia).
E-mail: vfominv@mail.ru

УДК (94)47.034

КУЛИКОВСКАЯ БИТВА ПО ЛЕТОПИСНЫМ ДАННЫМ

С.Н. Азбелев
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, наб. Макарова, д. 4
e-mail: azbelev@mail.ru

Авторское резюме

Куликовская битва 1380 года произошла в центральной части Куликова поля, вблизи тогдашнего истока реки Непрядвы, примерно в сорока километрах от слияния её с Доном. Четыреста тысяч участников с обеих сторон – таков приблизительный масштаб этого сражения, проходившего, согласно летописям, на открытой местности протяжённостью в десять вёрст. Русское войско, отправившееся на Куликово поле, насчитывало порядка двухсот тысяч человек. Исход ожесточенного трёхчасового боя решила атака ударного резерва, который великий князь Дмитрий Иванович заранее поместил в дубраве, находившейся позади расположения русских войск.

Ключевые слова: центр Куликова поля, Дмитрий Донской, Мамай, четыреста тысяч участников.

THE BATTLE OF KULIKOVO AS PER THE CHRONICLES

Sergey Azbelev
Institute of Russian Literature (The Pushkin House) of the RAS
4 The Makarov's Embankment, St. Petersburg, 199304, Russia
e-mail: azbelev@mail.ru

Abstract

The Battle of Kulikovo (1380) occurred in the central part of Kulikovo Field, near the then headwater of the Nepryadva River, about forty kilometers from the confluence of the Nepryadva and Don rivers. The Golden Horde led by Mamai sought to reassert its control over the Russian lands. Four hundred thousand participants on both sides was the approximate scale of the battle that took place in an open field ten kilometers long, according to the chronicles. The Russian army, mobilized to Kulikovo Field to resist the Horde's invasion, consisted of about two hundred thousand people. The outcome of the fierce three-hour battle was decided by a surprise counterstrike by the cavalry reserve, whom Grand Prince Dmitri Ivanovich had pre-placed in a patch of oak trees behind the Russian troops.

Keywords: Kulikovo Field, Prince Dmitri of Moscow, Mamai, four hundred thousand participants.

* * *

Более двух столетий наши историки и публицисты интерпретируют и обсуждают сражение, происходившее в сентябре 1380 года на Куликовом поле. По историческому значению оно относится к событиям эпохальным – не в меньшей степени, чем сражение на поле Бородинском в августе 1812 года. Но Куликовская битва, в отличие от битвы Бородинской, завершилась полным разгромом неприятельской армии. Остатки вражеских войск бежали, преследуемые русской

конницей. Масштабы же обоих сражений по числу их участников и по протяжённости поля боя различались мало.

Наш выдающийся историк Сергей Михайлович Соловьев в знаменитом своём труде давал образные, но верные характеристики эпохальных событий. Вот, как он высказался по поводу сражения 1380 года: «Летописцы говорят, что такой битвы как Куликовская, еще не бывало прежде на Руси; от подобных битв давно уже отвыкла Европа. <…> Таково было побоище Каталонское, где полководец римский спас Западную Европу от гуннов; таково было побоище Турское, где вождь франкский спас Западную Европу от аравитян. <…> Куликовская победа, – подчеркивал Сергей Михайлович, - <…> имеет в истории Восточной Европы точно такое же значение, какое победы Каталонская и Турская имеют в истории Европы Западной, и носит одинакий с ними характер, характер страшного, кровавого побоища, отчаянного столкновения Европы с Азиею, долженствовавшего решить великий в истории человечества вопрос – которой из этих частей света восторжествовать над другою.

Таково, - заключал наш маститый академик, - всемирно-историческое значение Куликовской битвы» (Соловьев 1993: 325).

Казалось бы, давно отошел в прошлое вопрос о торжестве Европы или Азии. Но не только интересы исторической истины, а и **интересы суверенитета России теперь более, чем прежде** требуют внимательного отношения к героическим страницам её истории.

Как известно, событию 8 сентября 1380 года уже посвящены сотни работ. Но поразительно, что, в ряде весьма важных вопросов господствуют укоренившиеся заблуждения. В последнее время эти заблуждения даже прогрессируют вследствие пропаганды их руководителями тульского музея «Куликово поле». Они весьма озабочены сбережением своего престижа и продолжением щедрого финансирования. Устранять заблуждения подобного ранга, как свидетельствует опыт, оказывается отнюдь не просто. Между тем, почти все они проистекают только из крупных ошибок в истолковании исходных текстов летописей[1].

1

Две армии, сразившиеся не Куликовом поле в сентябре 1380 года, по своему составу существенно различались. Мамай возглавлял контингент профессионалов. Основу этой армии составлял ордынская конница девяти подвластных ему улусов, усиленная войсками вассальных союзников и наёмников. Московский же великий князь Дмитрий Иванович вынужден был использовать, помимо, несомненно, уступавшей татарам в численности княжеской и боярской конницы поддержавших его русских земель, **народное ополчение**. Оно состояло по преимуществу из людей, которые в первый раз становились участниками крупного сражения - не имея ещё ни боевого опыта, ни профессиональной подготовки. Доказывает этот

[1] Эта статья является сокращённым обобщением серии моих работ последнего времени, посвящённых выяснению истинных обстоятельств сражения 1380 года на Куликовом поле и устранению упомянутых заблуждений.

факт летописная оговорка, сообщавшая, что когда в битву вступил решивший её исход московский резерв - «засадный полк» князя Владимира Серпуховского, и ожесточённость сражения достигала апогея, в русском войске «***мнози же небывалцы*** *видѣвше то и устрашишася, и живота отчаявшеся*»[1] (ПСРЛ. VI. Вып. I: 465. Ср.; ПСРЛ. IV. Вып. I: 320; ПСРЛ. XLIII: 135 и др.).

Нет причин для предположения, что русские победили армию Мамая, **превосходившую их по численности**. Общее количество войск у русских и у татар могло иметь соотношение даже в пользу московской рати. Однако возможная неравновеликость армии Дмитрия Ивановича Московского и армии Мамая весьма существенно корректировалась отсутствием военного профессионализма у преобладавшей части русских участников сражения. Не должна, поэтому удивлять величина приводимых летописями цифр, в которых говорится об общем числе собранных русских войск (имею в виду, разумеется, только летописи, где эти цифры не подвергнуты позднейшей гиперболизации).

В грозной исторической обстановке 1380 года, когда само существование Руси оказалось под смертельной угрозой, её народное ополчение должно было стать беспрецедентно многочисленным. (См.: Азбелев 2015б). Об этом вполне однозначно и единодушно говорят сами летописцы: «*От начала миру не бывала сила такова руских князеи, яко же при сем князи великом Дмитрии Ивановиче, бѣяше всея силы полтораста тысячь или съ двѣсти тысящи*» (ПСРЛ.VI. Вып. I: 458. Ср.: ПСРЛ. XLIII: 132 и др.).

По некоторым летописям, численность армии московского великого князя Дмитрия Ивановича, вместе с союзными войсками поддержавших его русских земель и отрядами отдельных князей, даже превышала двести тысяч. См., например, в Новгородской 4-й летописи: «*бёаше всеа силы и всихъ ратеи числом с полтораста тысящь или с двёсте. Еще же к тому приспёша в тои чинъ рагозны издалеча велицыи князи Олгердовичи, поклонитися и послужити: князь Ондрёи Полочкои съ Плесковици, брат его князь Дмитрии Бряньскии съ всеми своими мужи*» (ПСРЛ. IV. Часть I: 314). Более определённо - в Никоновской летописи: «*И повел̧ счести силу свою, колико ихъ есть, и бяше ихъ вящше двоюсотъ тысящь*» (ПСРЛ. IX: 54-55).

Надо сказать, что отечественные историки, описывавшие Куликовскую битву конкретнее, чем С.М. Соловьев, стремились проявлять удивительную осторожность в оценках достоверности цифр, приводимых летописцами.

Из учёных XIX столетия наиболее обстоятельный разбор похода 1380 года и сражения на Куликовом поле осуществил генерал Д.Ф. Масловский - профессор кафедры истории военного искусства Николаевской академии Генерального штаба. Не подвергая сравнительному анализу разные мнения о количестве русских войск на Куликовом поле, Масловский остановился на минимальной цифре 100-150 тысяч, замечая, однако, что «такой великой армии никогда не запомнят на Руси» (Масловский 1881: 215). Вопрос о размерах поля битвы он не обсуждал, но обратил внимание на то, что при устоявшейся тогда локализации этого поля и при устоявшемся тогда взгляде на общее расположение войск, выбор русской позиции – спиной к Дону и Непрядве – следует признать неудачным, так как при этом армия

[1] Здесь и далее выделения полужирным в цитатах принадлежат мне - С.А.

Дмитрия Ивановича оказалась бы в мешке и в случае поражения могла вся погибнуть.

Вплоть до 80-х годов XX века русские историки придерживались тех же в основном представлений о количестве русских войск. Правда, в 1910 году академик А.А. Шахматов внёс важное уточнение. Он верно истолковал странные слова Софийской 1-й летописи «сто тысяч и сто» - при указании численности только основной части русской армии - как результат палеографической ошибки, исказившей информацию о ста семидесяти тысячах (Шахматов 1910: 127). Однако на последующие работы историков это указание А.А. Шахматова почти не повлияло[1].

В дважды опубликованной специальной работе о Куликовской битве академик М.Н. Тихомиров приводил упомянутые цифры «в 100 или 150 тысяч воинов», не решаясь их «отвергнуть или подтвердить». Он, правда, напомнил, что «Великая армия» Наполеона, перешедшая Неман, насчитывала 420 тысяч человек, а в Бородинской битве с обеих сторон сражалось 250 тысяч человек (Тихомиров 1959: 252-253).

Академик Л.В. Черепнин, констатировав, что «общую численность русского войска, двинувшегося навстречу полчищам Мамая, летописные своды определяют по-разному», приводит эти различающиеся цифры: «от 150 до 200 тысяч», «около 200 тысяч», «свыше 200 тысяч», 300 тысяч, и «свыше 400 тысяч». Подводя итог, Л.В. Черепнин отмечал: «Во всяком случае, все памятники летописания подчеркивают, что в 1380 г. Русь смогла выставить против ордынских захватчиков войско в таком количестве, какое раньше никогда еще не удавалось собрать». По заключению Л.В. Черепнина, «в бой с Ордой вступило подлинно народное ополчение. Учитывая, что летописные данные, вероятно, несколько преувеличены, - как полагал этот автор, - можно допустить, что реальная цифра русских вооруженных сил, участвовавших в борьбе с Мамаем, достигала 100-150тысяч» (Черепнин 1960: 606-607).

Любопытно, что спустя лишь два десятилетия почти все наши историки, писавшие о сражении 1380 года, предпочитали вообще отказывать в доверии летописным информациям о численности русских войск, прибывших на Куликово поле. Отказывали на том «основании», что размеры самого поля будто бы не позволяли поместиться на нём сотням тысяч воинов.

В подробной юбилейной брошюре 1980 года, принадлежащей археологу А.Н. Кирпичникову, читаем следующее (с отсылками к трудам М.Н. Тихомирова, А.А. Строкова и Л.В. Черепнина): «Историки склоняются определить силы каждой из враждующих сторон в 100-150 тыс. человек», однако, «эти исчисления нуждаются в корректировке» (Кирпичников 1980: 62), ибо «предполагаемые размеры удобного для битвы поля (2,5 – 3 на 4 км) не позволяли бы развернуть такие силы» (там же: 64). А.Н. Кирпичников не сообщал, на чём базируются его сведения о столь малой площади поля, «удобного» для сражения. Но, согласно его итоговым заключениям о количестве русской армии в 1380 году, «численность тактических единиц, непосредственно участвовавших в битве, предположительно, 40-45 тыс. человек» (там

[1] Подробнее об этом см. ниже в примечании 4.

же, с. 65-66). Таким образом, А.Н. Кирпичников уменьшал в три или в четыре раза даже минимальные цифры русских летописей.

Необходимо отметить, что этот автор, говоря о количестве русских войск на Куликовом поле, странным образом уклонился от привлечения обычно использовавшихся летописей, наиболее близких по времени их составления к событиям 1380 года и цитированных мною выше. Он упомянул только Никоновскую летопись XVI столетия, где не в основном тексте, а лишь в позднейшей вставке фигурирует явно недостоверная здесь цифра 400 тысяч (о происхождении этой летописной ошибки будет мною сказано ниже). Ещё более странным представляется отбор используемых А.Н. Кирпичниковым иностранных источников. Он приводит для своих сопоставлений суждения, **позднейших** сербских и польских авторов по поводу сражений на Косовом поле в 1389 году и при Грюнвальде в 1410 году, но вовсе умалчивает о том, как сообщали иноземные **современники** о сражении на Куликовом поле в 1380 году. Между тем, их информации о количестве войск не раз публиковались, они близки к показаниям русских летописей XV столетия и использовались ещё Н.М. Карамзиным. Таковы сообщения немецких хронистов XIV столетия Детмара (Detmar-Chronik 1884: 568) и Позильге (Scriptores 1866: 114-115), таков рассказ немецкого историка конца XV века Альберта Кранца (Krantz 1619: 207). Далее скажу об этом подробнее.

Впечатляющая избирательность археолога А.Н. Кирпичникова в подходе к источникам, по-видимому, связана, помимо прочего, со стремлением попасть в русло намечающейся тенденции. В его брошюре мы имеем дело с отображением первых отзвуков начинавшегося как раз тогда под эгидой Государственного исторического музея и Института географии Академии наук комплексного исследования палеоландшафта **у низовий Непрядвы**. Место для изучения было определено привычным, но ошибочным представлением, что именно там произошло сражение 1380 года. Напечатанные впоследствии результаты этого исследования требовали согласиться с тем, что в эпоху Куликовской битвы открытые участки лесостепной местности **вблизи нижнего течения Непрядвы** по площади были очень невелики (подробнее см. ниже). Этим оказалось как бы «подкреплёно» начатое по существу именно брошюрой А.Н. Кирпичникова и приобретшее настойчивый характер в 1990-е годы и позже оспаривание некоторыми историками, в особенности же – археологами, реалистичных представлений о масштабах сражения на Куликовом поле. Представлений, опиравшихся на показания достоверных летописей.

В 1980 году В.А. Кучкин, соглашаясь с заключением А.А. Шахматова, писал, что «цифра в 170 тыс. воинов Дмитрия не кажется завышенной» (Кучкин 1980: 11). Но в 1998 году он уже напишет (отзываясь на это же заключение А.А. Шахматова), что «на пространстве Куликова поля просто невозможно было технически разместить две армии по 100000 или более человек в каждой» и что

«предводительствуемое Дмитрием Московским русское войско» лишь «достигало нескольких десятков тысяч человек»[1].

В 2003 году А.Е. Петров в обзорной статье приходил к заключению, что реальными являются, «пространство для боя» достигавшее только «**2-3 квадратных километров**», и «численность войск в **30-40 тысяч человек** с каждой стороны» (Петров 2003: 29).

В 2005 году тульские археологи М.И. Гоняный и О.В. Двуреченский в интервью московскому журналу сообщали, что «**протяженность места боевых столкновений – два километра** при максимальной ширине восемьсот метров», и что на этой площади Куликова поля сражались «**от пяти до десяти тысяч** как с той, так и с другой стороны» (Чеботарев 2005: 95-96).

В 2007 году тульским музеем была опубликована под редакцией его директора археолога В.П. Гриценко энциклопедия «Куликово поле» где сказано (без конкретных отсылок к чьим-либо исследованиям), что «по последним научным данным, русские войска выстроились, имея за спиной Дон и Непрядву между балкой Рыбий Верх и Смолкой, **занимая фронт не более полутора километров**»[2].

А в 2013 году тульский музей издал антологию «Куликово поле», где в комментариях её составителя археолога А.Н. Наумова можно уже прочесть следующее: «Итоги современных исследований поля Куликовской битвы показывают, что само сражение разыгралось в узком пространстве водораздела р. Смолки и балки Рыбий Верх **на фронте не более 1 км**»[3].

Возникает впечатление, что тульские археологи как бы соревновались в попытках минимизировать сражение, вразумительных следов которого они не сумели найти, так как неверно истолковывали указания летописными источниками места, где на самом деле произошла великая битва 1380 года[4].

Забавный «выход» из создающегося тупика предлагал ещё в 2010 году автор двухтомного сочинения о Куликовской битве тульский историк А.В. Журавель. Рассуждая «о ёмкости Куликова поля», он констатирует, что «в настоящее время оно практически всеми исследователями рассматривается как непреодолимое препятствие для размещения там 100-тысячных ратей: они, мол, там просто не уместятся!» (Журавель 2010: 357)[5]. По убеждению же самого А.В. Журавеля «на

---

[4] Памятники 1998: 51-52. В примечании к Софийской первой летописи. В.А. Кучкин отклонил предположение А.А. Шахматова о том, что сообщённая в этой летописи цифра «100000 и сто» образовалась в результате неверного прочтения цифр ҂р̃ (100000) и ҂о̃ (70000) из-за того, что ҂о̃ было истолковано как р̃ (100). (Шахматов 1910: 127). Однако исследователь, по-видимому, не учёл, что, как указывал здесь в сноске А.А. Шахматов, такие именно цифры «по свидетельству Хронографа, имел общерусский свод - «И сочте князь великий своея силы сто тысящъ, а у князей его 70 т.»».

[2] Куликово поле 2007: 316-317.

[3] Куликово поле 2014: 131. Для подтверждения здесь даётся отсылка к странице 225 недавней статьи О.В. Двуреченского, на которой, однако, на самом деле нет речи ни о реке Смолке, ни об одном километре.

[4] Археологи не нашли следов захоронений погибших в Куликовской битве, так как искали их вблизи «устья Непрядвы», имея в виду то значение этих слов, какое преобладает в наше время – место впадения этой реки в Дон. Летописцы же под словом «устье» разумели исток Непрядвы из озера Волово – на расстоянии приблизительно сорока километров от места слияния её с Доном. См. об этом подробно ниже и в статьях: Азбелев 2012б; 2013а.

[5] Дальнейшие отсылки к страницам этой работы даются в тексте.

Куликовом поле сошлись рати численностью порядка 100 тысяч человек с каждой стороны» (360). Однако протяжённость «линии непосредственного соприкосновения войск», согласно мнению этого автора, «составляла порядка 1100 м (700 м между балками Рыбий верх и Прудовой и 400 м в лесу на берегу Смолки)» (Журавель 2010: 357).

По заключению А.В. Журавеля, общая численность русского войска, прибывшего на Куликово поле – «150 тысяч», из которых «треть составляли вспомогательные подразделения» (Журавель 2010: 356). Соответственно, в самом сражении непосредственно участвовали со стороны русских сто тысяч человек.

В своих дальнейших суждениях А.В. Журавель исходит из следующей посылки – прямо им не объявляемой, но подразумеваемой: все участники битвы были хорошо вооружёнными воинами, доспехи которых весили приблизительно 20 килограмм – не считая веса самого оружия и щитов. Сославшись на «опыт современных военно-исторических клубов» А.В. Журавель заключил, что «имея на себе порядка 20 кг железа, держа в руках железный меч и щит», физически крепкий воин того времени мог «*выдержать активный бой в среднем… 2 минуты*» (Журавель 2010: 357, многоточие и курсив - цитированного автора). По словам А.В. Журавеля, «такой бой - взаимное ожидание, кто раньше пустится в бегство. Если этого не происходило, то бойцы, вступившие в этот скоротечный бой, должны были, либо погибнуть, либо быстро выйти из него» и «битва происходила как последовательность «суимов» - коротких схваток, после которых уцелевшие отступали, или шли отдыхать, а на смену им подходили другие» (Журавель 2010: 357)[1]. По словам Журавеля, он произвёл «расчёт», который хотя и «условен» но «ясно показывает, что в течение трех часов на относительно небольшом пространстве Куликова поля вполне могли и должны были поучаствовать все 200000 человек» (Журавель 2010: 357-358).

Внимательное отношение этого автора к летописным сведениям о численности войск похвально, но его расчёт элементарно неверен, - так же как, разумеется, неверны и его исходные сведения о протяжённости поля боя.

На самом деле при той «линии непосредственного столкновения» о которой пишет А.В. Журавель – «порядка 1100 м» (Журавель 2010: 357) - и при том, что, согласно его уверенности, «2 минуты», это «максимальный срок, в течение которого воин может продержаться на линии смерти, занимая 1 м ее протяженности» (Журавель 2010: 357), каждый из 100 тысяч русских воинов мог **только один раз в продолжение 2-х минут** поучаствовать в битве и, если при этом не погибал, то всё остальное время, либо отдыхал, либо обращался в бегство.

Чтобы расчёт приобретал достаточные черты серьёзности, необходимо принять за протяжённость «линии непосредственного столкновения» не 1100 метров, о которых пишет А.В. Журавель, (исходивший из ошибочного «традиционного» представлении о самом месте, где происходила битва), а **десять вёрст**, о которых, как правило, говорится в летописях. Летописи вовсе не упоминают ни Смолку, ни балку Прудовую, ни балку Рыбий Верх, которые фигурируют на современных

[1] Ср.: Срезневский 1903: 6014: «СУИМ – схватка: - Убьенъ бысть на первомъ суимё».

картах, и к которым по собственному только разумению привязывали Куликовскую битву некоторые недавние предшественники А.В. Журавеля[1].

Естественно, что подавляющее большинство из 100 или 150 тысяч русских участников сражения в течение трёх часов, о которых сообщают летописцы, не ограничивались одной двухминутной схваткой, а вступали многократно в «непосредственное столкновение» с противниками. Как замечал по сходному поводу упомянутый мною историк военного дела, «летопись под 1395 г. в полном соответствии с источниками тимуровской поры описывает бой между Тохтамышем и Тимуром, **состоявший из серии схваток-суимов**»[2].

Аналогично происходило сражение 1380 года на Куликовом поле. Говоря об этой битве русских с татарами достаточно конкретно, упомянутый уже мною немецкий историк Альберт Кранц (ошибочно отнёсший событие к 1381 году) писал: «Как обычно сражаются, оба народа не стоя, а набегая большими вереницами, бросают копья и наносят удары и вскоре отступают назад» (Krantz 1619: 207).

Летописная повесть о Куликовской битве оговаривала вполне конкретно личное участие в ней великого князя Дмитрия Ивановича: «*бил бо ся с татары в лиц, ставъ напред, на 1-мъ суиме*» (ПСРЛ. XLIII: 136). Из дальнейшего текста явствует, что великий князь затем продолжал активно действовать в сражении. Так же поступали, разумеется, и рядовые русские воины, остававшиеся в живых после их участия в первом суиме.

Побоище 1380 года на Куликовом поле — не театрализованная игра «военно-исторических клубов», а смертельное противостояние людей, вставших на защиту своей страны и своего народа от вторжения армии грабителей и насильников, намеревавшихся повторить Батыево нашествие. На протяжении десяти вёрст у истока Непрядвы в центральной части Куликова поля совершалось подлинно эпическое событие русской истории. Как резюмировал недавно исследователь исторической географии Куликова поля О.Ю. Кузнецов, «в противоположность традиционным представлениям отечественной историографии советского периода, следует признать значительность его линейных размеров, достигающих 120 км с запада на восток и 80 км севера на юг» (Кузнецов 1999: 30). Что касается небольшой поляны у юго-восточного края Куликова поля при впадении Непрядвы в Дон, то она не могла, разумеется, стать ареной «Мамаева побоища».

Относительно численности армии Мамая прямых сведений в бесспорно достоверных восточных источниках пока не найдено[3]. Но ряд косвенных данных

---

[1] Другим крупным заблуждением этого автора является попытка доказать, что сражение с Мамаем на Куликовом поле произошло не в 1380 году, а в 1379. См. мой разбор его построений по данному поводу (Азбелев 2014: 148-150).

[2] Кирпичников 1980: 60. Приведу соответствующий летописный отрывок. «И поиде с тмочислеными полкы на царя Тахтамыша Большиа Орды, и бысть имъ въ полѣ чистѣ бой <…>. И толико бысть пробито отъ обою въ соймѣхъ тѣхъ, аки нѣкыя великыа сѣнныя валы лежаше обоихъ избиенныхъ» (ПСРЛ. XI: 159).

[3] Такие сведения есть в «Джагфар Тарихы» - выполненном в двадцатом веке русском переводе утраченного древнебулгарского текста (реальное существование которого категорично оспаривается). Согласно этому тексту, у Мамая было 80 тысяч ордынцев и пять тысяч союзников из булгар и воинов других национальностей с двумя булгарскими пушками (которые в бою ни разу не выстрелили и были вместе с пушкарём захвачены русскими). См. характеристику этого текста: Гагин 2006. Ср. его критику в сборнике: Фальсификация 2011.

позволяет приблизительно её установить. Под властью Мамая было девять улусов, каждый из которых мог выставить 10 тысяч воинов. Кроме того, до 10 тысяч могли выставить названные в летописях «бесермены» (волжские булгары). Остаётся неизвестным число упомянутых летописями «фрязов» (крымских генуэзцев), «черкасов», ясов, буртасов и армян. Как резюмировал не так давно нынешний исследователь истории Орды Ю.В. Селезнёв, «общее число Мамаевых войск составляло не менее 100 тысяч», поэтому сведения, определяющие «численность татар в 100-150 тысяч человек, можно считать близкими к истине» (Селезнев 2000: 298)[1].

Таким образом, противостоявшая русским и побеждённая ими армия Мамая была, вероятно, аналогичной по своей численности, но существенно превосходившей по уровню своего профессионализма. Упомянутая мной немецкая хроника Детмара под 1380 годом сообщила о происшедшей тогда «великой битве» между русскими и татарами, где с обеих сторон сражалось четыреста тысяч и где победили русские (Detmar-Chronik 1884: 568). А уже названный немецкий историк Кранц (годы жизни 1450-1517) подробнее писал об этом событии, характеризуя его как «величайшее в памяти людей сражение» в котором погибло двести тысяч (Krantz 1619: 207).

2

Чтобы устранить вопиющие несуразности недавних трактовок великой битвы 1380 года, необходимо **отказаться от неверной её локализации**.

Научный спор о месте сражения на Куликовом поле разгорелся после юбилея 1980 года. «Традиционному» представлению, состоявшему в том, что сражение произошло на правом берегу Непрядвы, около впадения её в Дон, была тогда противопоставлена альтернативная точка зрения, переносившая место боя на левый берег Непрядвы[2]. Сторонники этого мнения даже опубликовали в своих статьях картосхемы, на которых было обозначено место битвы при впадении в Дон Непрядвы, но - на левом её берегу[3]. Для разрешения этого спора палеопочвоведы и палеоботаники провели свои исследования на обоих берегах Непрядвы около слияния ее с Доном. Выяснилось, что в этих местах левый берег Непрядвы в прошлом был покрыт лесом, а на правом берегу была лесостепь, имевшая только небольшие открытые участки протяженностью не более 2-3 километров и шириной

[1] У этого автора, впрочем, присутствует досадная непоследовательность. Цифры 100-150 тысяч в отношении татарского войска находятся не в русских летописях (что утверждал безапелляционно, не отослав к источникам, Ю.В. Селезнёв), а в использовавших летописи исследовательских работах, где эти цифры были выведены гипотетически - по аналогии с летописными сведениями о количестве войска московского. Несколько иначе этот же автор высказался в статье, опубликованной годом позже (Селезнев 2001: 151-152). Здесь названа численность войск самого Мамая - около 100 тысяч.

[2] «Левобережная» гипотеза - см.: Кучкин 1980: 16-19; Флоренский 1984: 41-47; Кучкин 1984: 47-53. «Правобережная» гипотеза – см.: Скрынников 1983: 54-57; Хотинский, Фоломеев, Александровский, Гуман 1985: 35-37; Зайцев, Фоломеев, Хотинский 1990: 4-9. См. также: Петров 2003: 26-30.

[3] См. картосхемы в упомянутых статьях К.П. Флоренского и В.А. Кучкина (Природа. 1984. № 8. С. 44 и 51).

менее километра (Александровский 1990: 70). Естественно, что ни на одной из таких полян никак не могло бы разместиться значительное количество участников битвы.

Этим и был спровоцирован радикальный пересмотр представлений о масштабах сражения на Куликовом поле. Местные историки, перестав доверять летописцам, поспешили приписать им преувеличение во много раз размеров поля битвы и числа участвовавших в ней войск.

Тульским археологам, уже долгие годы производившим свою работу около впадения Непрядвы в Дон, легче стало объяснять удивляющую малочисленность найденных ими фрагментов оружия и отсутствие там следов массовых захоронений. Руководители археологических работ на Куликовом поле в своих интервью столичной прессе стали тогда утверждать, что речь должна идти не о крупномасштабном сражении, а только о стычке небольших конных отрядов[1].

Так оказались дискредитированы идущие ещё от С.М. Соловьева и основанные на свидетельствах всех русских и иностранных письменных источников выводы специалистов об историческом значении Куликовской победы (подробнее см.: Азбелев 2012б; 2013а; 2013б).

Важно выяснить, каким образом утвердилось ошибочное определение места сражения – вопреки данным русских летописей. Дело в том, что именно на летописи в первую очередь опирался Н.М. Карамзин в своей «Истории Государства Российского», из которой наиболее образованные его современники черпали сведения о сражении 1380 года на Куликовом поле. Непрядва упоминается неоднократно при цитировании источников в примечаниях Карамзина и один раз даже в его основном тексте. Там эта река названа после сообщения о переправе русского войска через Дон. Но не сказано, верхнее или нижнее течение Непрядвы имеется в виду (Карамзин 1819: 69).

Среди читателей Н.М. Карамзина были помещики юго-востока Тульской губернии, чьи владения располагались у низовий Непрядвы, поблизости от слияния её с Доном. Местные крестьяне не раз приносили своим господам артефакты, найденные при пахоте в этих местах. Помимо нательных крестов, иконок и других старинных вещей попадались наконечники стрел и копий. Помещики вполне резонно расценивали это как показатель проходивших некогда здесь боевых

[1] Имеет смысл подробно привести запечатленные по случаю юбилея битвы на страницах массового московского журнала примеры безапелляционности и научного уровня таких высказываний. Корреспондент журнала встретился в 2005 году с тогдашними руководителями археологических работ, которые особенно интенсивно велись на Куликовом поле с 1995 года. Это кандидаты исторических наук Михаил Гоняный и Олег Двуреченский. Как сообщает не без иронии корреспондент, «по рассказам ученых, истинная картина великого сражения сильно отличается от хрестоматийной <…>. «Протяженность места боевых столкновений – два километра при максимальной ширине восемьсот метров» - считает начальник Верхне-Донской экспедиции Михаил Гоняный» <…> По мнению археологов, - констатирует корреспондент, - число участников битвы в общественном сознании сильно преувеличено. «В советское время думали, - говорит Двуреченский. – что это было народное ополчение. Сейчас мы считаем, что сражались профессионалы – от пяти до десяти тысяч как с той, так и с другой стороны, конники»». Он даже упомянул о летописях, назвав никогда не существовавшую вообще «Новгородскую четвертую летопись младшего извода» и приводя вымышленную цитату «близ устья Дона и Непрядвы», будто бы почерпнутую в не сохранившемся на самом деле «Новгородском Софийском летописном своде» (приведённое мною выше словосочетание представляет собой тенденциозное искажение того, что читается на самом деле в русских летописях) (Чеботарев 2005: 94-101).

действий. Впрочем, среди военных реликвий всё же преобладали бердыши и кремневые пистолеты, одинаково пополнявшие домашние музеи местных любителей старины. Владельцы их ещё не имели профессиональных познаний, которые позволяли бы выделить в находках то, что действительно можно было бы отнести к реликвиям сражения 1380 года. На этом же Куликовом поле русские воеводы победили крымских татар в 1542 году (Соловьев 1993: 455). Во время Ливонской войны Епифанский уезд более двадцати раз подвергался татарским набегам. Здесь происходили крупные бои с крымскими татарами и в 1571 и 1659 годах (Фомин 1999: 128-133). Помимо этого, в период Смуты тут имели место столкновения с отрядами поляков и казаков.

Но Куликовская битва 1380 года была наиболее выдающимся событием местной истории, которое подробно описано в летописях. Поэтому район находок старинного оружия на своих землях местные помещики посчитали ареной великого сражения 1380 года, толкуя в пригодном для этого смысле летописные сведения, из которых следовало, что битва происходила вблизи «устья Непрядвы».

Хотя понятие «устье реки» и тогда имело в русском языке несколько значений, подходящим представилось только место впадения Непрядвы в Дон. Обладателям этих земель хотелось считать именно себя наследниками Поля русской славы. Поскольку они и были главными интерпретаторами летописных упоминаний «устья Непрядвы», мнение их закрепилось. Этому способствовала эволюция русского языка, где соответствующее значение самого слова «устье» со временем становилось преобладающим.

Выдающийся лингвист академик Измаил Иванович Срезневский при жизни не успел издать составленный им словарь древнерусского языка. Лишь в начале прошлого века в последнем его томе можно было прочесть нужное пояснение: «Усть – устье реки <…> исток реки: на усть – при истоке». Конкретно имелся в виду исток Невы из Ладожского озера, и давалась отсылка к памятнику XIV столетия - Синодальному списку Новгородской первой летописи (Срезневский 1903: 1292). Впрочем, слово «устье» при обозначении истока реки из озера в средневековых текстах фиксировалось отнюдь не только для Невы, а и для гораздо более протяжённых рек. Таковы, например, устье Шексны или устье Сухоны. Повесть об Усть-Шехонском монастыре сообщала о перенесении «града Белаозера» на новое место «вверхъ по Белу езеру от Шехонскаго устия десять поприщъ»[1]. Сказание Паисия Ярославова о Каменном монастыре повествовало о «великой реке Сухоне, яже течет из Кубенского езера в Студеное море-окиян своим устием от начала миру»[2] (Сухона является притоком Северной Двины). Составители авторитетных словарей всегда фиксировали традиционность устаревавшего со временем значения «устье» - «исток реки». Достаточно напомнить знаменитый словарь Владимира Ивановича Даля: «*устье реки*, исток» (Даль 1882: 514). Можно указать и недавний словарь народных географических терминов: «Устье <…>. В старых источниках

[1] Публикация Повести - в статье: Прохоров 1994: 168.
[2] Публикация Сказания: Православный собеседник 1861: 261.

употребляется в значениях «исток реки из озера»; <…> «узкий выход из водоема» (Мурзаев 1984: 583)[1].

Но уже более ста лет почти в любом учебнике русской истории можно увидеть гипотетическую картосхему сражения на Куликовом поле около впадения Непрядвы в Дон. Вариации подобной схемы публиковались как в трудах военных историков, так и в сочинениях популяризаторов XIX и XX веков (например - Афремов 1849)[2].

Начало этому положил тульский помещик, в молодости – декабрист и литератор, а в старости – тайный советник и сенатор, Степан Дмитриевич Нечаев (1792-1860). Он с 1817 по 1823 год служил директором училищ Тульской губернии и приобретал у местных крестьян любопытные предметы старины, найденные в почве при пахоте.

Как помещик С.Д. Нечаев был наследственным владельцем земель у нижнего течения Непрядвы, в частности, сельца Куликовка (Шаховское тож), которое являлось одним из многих населенных пунктов подобного названия, расположенных на Куликовом поле. Более пяти лет он выступал в наиболее читаемых литературно-исторических журналах Москвы с рядом статей (Нечаев 1820, 1821а, 1821б, 1823, 1825). В них последовательно проводилась мысль, получившая итоговую формулировку в статье 1825 года, помещенной в «Московском телеграфе» Николая Полевого. Там уже прямо говорится, что «в самом средоточии места сражения» находилось «селение <…> принадлежащее сочинителю сей статьи» (Нечаев 1825: 379).

Нечаевское сельцо Куликовка находилось вблизи Непрядвы, южнее изображенного на его схеме предполагаемого места сражения. Аналогичное название, как я уже упоминал, имели и другие населенные пункты Куликова поля (всего таковых насчитывается десять)[3]. Один из них располагался на еще менее значительном расстоянии от почти незаметного повышения местного рельефа в четырех километрах южнее Непрядвы. С.Д. Нечаев посчитал это повышение «Красным Холмом», на котором по преданию находилась ставка Мамая, наблюдавшего за действиями своих войск в день Куликовской битвы. Впрочем, письменных указаний на это не существует.

Зато существует доныне селение Красный Холм, расположенное на гораздо более значительной возвышенности, с которой, действительно, открывается широкий обзор центральной части Куликова поля. Но этот Красный Холм довольно далёк от земельных угодий, принадлежавших упомянутому тульскому помещику. Он - у верховья Непрядвы, всего в двух километрах от левого берега знаменитой

---

[1] Автор другого справочника указывал: «слово «устье» в русском языке раньше имело три значения: «исток реки из озера», «место слияния двух рек» и «место впадения реки в озеро или море»» (Кузнецов 1994: 12). Первое из этих значений проиллюстрировано здесь примерами из средневековых актовых источников.

[2] Автор брошюры — морской офицер, позже преподаватель Тульского кадетского корпуса. Став историком-краеведом, он взял, видимо, за основу картосхему С.Д. Нечаева (см. ниже, примечание 23) и обозначил на ней предполагаемое расположение войск.

[3] «На территории Куликова поля по данным письменных и картографических источников XVII-XIX в. мы можем зафиксировать десять топонимов типа Куликово, Куликовка» (Маркина 1990: 137). Автор указывает конкретное местоположение упоминаемых ею топографических объектов.

реки. Как сообщал в своё время выдающийся тульский краевед и археолог Николай Иванович Троицкий (1851-1920), Красный Холм находился не во владениях помещиков, а был расположен «близ верховья Непрядвы на земле казенных крестьян села Никитского». С этим именно холмом, согласно информации Н.И. Троицкого, как раз и «соединяются предания местных жителей о Кудеяре, Мамае и т.п.» (Троицкий 1890: 82).

Однако не здесь, а в сорока километрах восточнее - на земле соседей Нечаевых по имению, Олсуфьевых – воздвигнута была памятная колонна в честь Куликовской победы. Воздвигали же её именно там из уважения к настоятельной просьбе скончавшегося к тому времени отца сочинителя упомянутых статей - крупного тульского помещика Дмитрия Степановича Нечаева (1742-1820).

Об этом довольно ясно свидетельствует текст адресованного генерал-губернатору Рязанской, Тульской, Орловской, Воронежской и Тамбовской губерний А.Д. Балашову и датированного 9-м июля 1820 года обращения тогдашнего тульского гражданского губернатора графа В.Ф. Васильева. Он писал, что получил «от г. помещика Нечаева, почтенного старца, которого по всем историческим вероятиям почить должно настоящим владельцем самого места, где была битва и центр оной, извещение, в оригинале у сего представленное, что он почтет щастливейшим случаем в жизни его, ежели сей драгоценный для каждого русского памятник согласно историческим преданиям сооружен будет в дачах его поместья, сохраняющего предпочтительно пред другими вероятное название самой битвы, именно в сельце Куликове, в Епифанском уезде, между реками Доном и Непрядвой» (Карпова 2001: 254).

Незадолго перед тем упомянутый уже сын этого почтенного старца, член «Союза благоденствия» и одной из масонских лож Москвы, Степан Дмитриевич Нечаев в основанном Н.М. Карамзиным журнале «Вестник Европы» опубликовал свое письмо, в котором говорилось: «Нынешний г. губернатор граф Владимир Федорович Васильев первый предложил мысль о сооружении приличного памятника Димитрию Донскому на самом месте знаменитой победы над Мамаем на славном поле Куликове, лежащем за реками Доном и Непрядвой <…> Патриотическое сие желание через г. генерал-губернатора А.Д. Балашева доведено было до сведения государя императора и удостоилось высочайшего одобрения <…> Известный художник И.П. Мартос трудится теперь над проектом сего драгоценного для всех русских монумента» (Нечаев 1820: 149).

В следующем 1821 году этот же сын почтенного старца напечатал в этом же журнале «Вестник Европы» уже конкретные свои предположения относительно точного места Куликовской битвы[1]. Позже в том же году он воспроизвел на страницах того же журнала рисунки восьми найденных, по его словам, на Куликовом поле старинных предметов (Нечаев 1821б, № 24: 348-351). На самом деле только один из них - наконечник стрелы XIV века, – действительно, мог бы быть

[1] См.: Нечаев 1821а: 125-129. Картосхема, приложенная здесь на с. 164-а, представляет собой общий план местности, на которой, по представлению Нечаева, происходило сражение 1380 года - без обозначения предполагаемых расположений войск и их действий во время битвы.

связан с Куликовской битвой. Но Нечаев уже тогда организует сбор пожертвований на возведение монумента. А в 1823 году он публикует в этом журнале описания и изображения найденных «на Куликовом поле» и находящихся в собрании древностей коллекционера В.А. Левшина «старинных оружий» - хотя это были всего лишь пистолет и бердыш, не имевшие, разумеется, отношения к событиям 1380 года (Нечаев 1823: 307-312).

После разоблачения декабристов С.Д. Нечаев, который к следствию непосредственно не привлекался, ненадолго оказался вне пределов Тульской губернии, а с 1828 года, по протекции князя П.С. Мещерского, служит в Синоде.

Эстафета основных радетелей и спонсоров «мемориализации» Куликова поля со временем переходит от Нечаевых к их близким соседям по имениям в низовьях Непрядвы – Олсуфьевым. Дело в том, что Александр и Василий Дмитриевичи Олсуфьевы получили поместья на Куликовом поле в 1843 году после смерти их тётки бездетной княгини Е.А. Долгорукой.

В 1850 году на так называемом «Красном Холме», в трех километрах от сельца Куликовка (Шаховское тож), находившегося в имении Нечаевых, и в километре от другого сельца Куликовка (Телятинка тож), находившегося в имении Олсуфьевых, была торжественно открыта памятная колонна в ознаменование победы великого князя Дмитрия Донского над Мамаем. Этот памятник, строительство которого вследствие дела декабристов и иных причин не раз откладывалось, был, наконец, возведён, но уже не по проекту И.П. Мартоса, а по утверждённому тогда императором Николаем I проекту архитектора А.П. Брюллова. Через несколько лет, в связи с коронацией императора Александра II, старший из владельцев земли, предоставленной под сооружение этого монумента, Василий Дмитриевич Олсуфьев (1796-1858), был удостоен графского титула.

В 1880 году у памятной колонны прошли организованные тульскими губернскими властями официальные торжества в ознаменование 500-летия великого сражения.

Наконец, в 1913 году заботами графов Олсуфьевых на участке их земли, некогда специально предназначенным для этой цели умершим незадолго до того графом Александром Васильевичем (1843-1907), в непосредственной близости от памятной колонны, был заложен храм, который строился с одобрения императора Николая II по проекту известного архитектора А.В. Щусева. В церемонии закладки участвовал сын мною только что упомянутого граф Юрий Александрович Олсуфьев (1878-1938). Храм был посвящён вдохновителю Куликовской победы преподобному Сергию Радонежскому. Строительство храма замедлилось из-за начавшейся войны с Германией, и его освящение произошло только в 1918 году (но вследствие начавшейся революции отделка храма осталась тогда незавершённой)[1].

Таким образом, позитивным итогом настойчивых забот любителей русской истории (но – дилетантов!), влиятельных помещиков юго-востока Тульской губернии Нечаевых и Олсуфьевых, оказались возведённые именно в их владениях мемориалы знаменитой победы русского оружия в 1380 году. Победа одержана была вблизи

[1] См.: Ашурков 1890: 275-288; Гриценко, Наумов 2005: 299-344; Наумов, Наумова 2012: 148-180.

берегов Непрядвы. Но произошло это много западнее территории, впоследствии принадлежавшей Нечаевым и Олсуфьевым.

В 1980-х годах на ней развернулись археологические разведки, место которых определила ставшая к тому времени уже привычной ошибочная локализация сражения именно у впадения Непрядвы в Дон. Локализация, основанная на давно утвердившемся сначала в обществе, а затем и среди ученых, идущем от помещиков Нечаевых и Олсуфьевых, тенденциозном истолковании сведений Н.М. Карамзина. Как я уже упоминал, Карамзин писал, что знаменитая битва 1380 года, согласно использованным им летописям, происходила вблизи Непрядвы, - но без указания на её низовья.

Несмотря на многолетние старания тульских археологов, им не удалось найти захоронения участников Куликовской битвы (или вообще какие-либо массовые погребения) у нижнего течения Непрядвы. Не удалось обнаружить в этих местах и сколько-нибудь значимые остатки оружия того времени[1].

Историкам следует более квалифицированно обращаться к летописным известиям о знаменитом сражении вблизи «устья Непрядвы», учитывая в необходимой степени историю русского языка. Соответственно, археологам, которые все недавние десятилетия безуспешно искали следы упомянутых летописями могил десятков тысяч русских воинов, погибших в 1380 году на Куликовом поле, целесообразно передвинуть в западном направлении километров на 40 или на 50 основной район своих полевых разведок. (подробнее см.: Азбелев 2012б, 2013а, 2013б).

Впрочем, недостаточность «традиционного» ареала археологических работ начинала, видимо, осознаваться в среде сотрудников тульского музея. В печати проскальзывало пожелание, «чтобы работники музея-заповедника не замыкались в своих исследованиях местности, традиционно определяемой ими как Куликово поле в узком смысле слова, а расширили бы район своих поисков» (Фомин 1999: 38). Однако, радикальному его расширению мешала приверженность упомянутых ученых привычной для них «аксиоме», что битва произошла около впадения Непрядвы в Дон.

3

Новое обращение к летописным свидетельствам заставило пересмотреть мнение о *низовьях* Непрядвы как о месте сражения 1380 года при её «устье». До её обмеления Непрядва вытекала из Волова озера, расположенного в центральной части Куликова поля на расстоянии 40 километров от слияния этой реки с Доном. При истоке из озера в XIV-XV столетиях находилось *устье* Непрядвы, оговорённое в летописных повествованиях о Куликовском сражении. Впоследствии Волово озеро

[1] Опубликованный к юбилею битвы комментированный сводный перечень «реликвий», найденных на Куликовом поле, содержит всего 27 наименований, из которых только первые пятнадцать могут быть отнесены к фрагментам оружия или предметов военного снаряжения. См.: Каталог реликвий 2005.

(карстового происхождения) сильно сократилось в своих размерах. Но к востоку от его теперешних берегов до сих пор сохраняются следы прежнего русла Непрядвы.

Устье Непрядвы - географический ориентир, указавший цель движения русской армии - для боевой встречи с армией Мамая раньше, чем сможет к ней присоединиться союзное войско литовского князя Ягайла. Правда, ордынцам всё же удалось первыми занять господствующие высоты у истока Непрядвы. Но русская армия успела развернуться к северо-востоку от позиций Мамая.

Намереваясь упредить действия противников, русские от переправы устремились к истоку Непрядвы «переидоша за Дон вскоре» (ПСРЛ. Т. XLIII: 134). Естественно полагать, что описанная в летописях переправа русских войск через Дон в ночь с 7 на 8 сентября произошла не около впадения в него Непрядвы, как это принято было считать, - исходя **только** из «традиционного» представления о месте самой битвы, а ближе к центру Куликова поля - там, где Дон еще менее полноводен, а дорога, по которой двигались с севера русские войска, подошла к нему вплотную при впадении в Дон речки Муравлянки. В наше время здесь находится мост и, конечно, существовала используемая в те времена переправа.

Отсюда основные русские силы двинулись по кратчайшему пути в направлении устья Непрядвы, заняв при этом один из двух пологих холмов в центральной части Куликова поля и, таким образом, перекрывая ордынцам путь к Москве, впоследствии получивший название «Муравский шлях». Так тогда обозначалось пространство между лесами, которое использовалось крымскими татарами для набегов на Москву. Летописцы единодушно и неоднократно упоминают именно безлесную местность («поле чисто»), по которой русское войско «поидоша за Дон в далняя части земля» (ПСРЛ. Т. XLIII: 134). При этом наши летописи довольно единодушны и в том, что войска были развернуты **на протяжении десяти вёрст** открытой местности Куликова поля: «И покрыша полки полё, яко на десяти верстъ отъ множества вои» (ПСРЛ. Т. IV. Часть I: 319. Ср.: ПСРЛ. Т. VI. Вып. I: 463; ПСРЛ. Т. XLIII: 135).

Отправив «вверх по Дону» от места его форсирования засадный полк под командованием князя Владимира Андреевича Серпуховского, и «мужа мудра и храбра» Дмитрия Михайловича Боброка Волынского и «в дубравах утаив» (ПСРЛ. XLIII: 134) этот ударный резерв, великий князь Дмитрий Иванович обеспечил победу[1]. Дубрава – не ельник и не кустарник, которые затрудняют передвижение войска. Под кронами дубов можно было скрытно расположить отборную конницу и затем в нужный момент направить ее в атаку неожиданно для противника.

Местонахождение исчезнувшей уже давно небольшой дубравы разные историки Куликовской битвы предполагали в разных пунктах поблизости от слияния Непрядвы с Доном.

Однако существовал доныне дубовый лес у самого края Куликова поля, в направлении на северо-северо-восток от Волова озера. Этот лес обозначен как на современных картах Тульской области, так и на старых картах генерального

[1] В летописных текстах этот полк чаще назван «западный», что отвечает расположению на запад от главных сил.

межевания Тульской губернии. Площадь остатков дубравы - около двадцати квадратных километров (Атлас Тульской области 2006: Карта № 56). Теперешнее расстояние южного края этого леса от верховья Непрядвы – приблизительно двадцать пять километров. Но прежнее расстояние должно было быть существенно меньше, ибо южную часть дубравы впоследствии, очевидно, вырубили при постройке расположенного теперь вплотную к этому лесу с юга города Богородицка.

Конный полк князя Владимира Андреевича мог достигнуть края этого дубового леса (приблизительно в 3-х километрах к северу и в 20 километрах к западу от места переправы русских войск) значительно раньше, чем пешие полки приблизились к верховьям Непрядвы (см.: Азбелев 2012б, 2013а).

Основные силы развернутой на десять верст по фронту русской армии должны были, очевидно, располагаться в междуречье притоков Дона и Оки, перегораживая неприятелям путь к Москве. Как следует полагать, – на северо-восток от местности, непосредственно прилегавшей к Волову озеру, между верховьями рек Непрядвы и Уперты, значительно севернее верховьев реки Мечи (теперь Красивая Меча) и ее притока – речки Плотовая Меча (теперь Сухая Плота). Татары же подошли к истоку Непрядвы с юга, от северной излучины Мечи.

Передовой полк великого князя Дмитрия Ивановича и наёмники Мамая сошлись на равнине, спускаясь с противолежащих холмов (Азбелев 2015а). Генуэзская пехота двигалась от Волова озера на северо-восток, между левым притоком Непрядвы и правым притоком Упы, которая вытекала тогда из Волова озера в западном направлении. Навстречу шли ратники русского ополчения. Они спускались с другого холма, расположенного между правыми притоками Дона. «Русский» холм несколько ниже «татарского»: теперешняя высота их, соответственно, 15 и 30 метров. Ставка же Мамая находилась в стороне, согласно устному преданию, - на Красном Холме. Доныне существующая именно под этим названием деревня располагается несколько восточнее, на более крутом, значительном возвышении, на левом берегу Непрядвы (в двух километрах севернее этой реки и в семи километрах на восток от Волова озера). Как я уже упоминал, с этого Красного Холма и в наше время открывается широкий обзор центральной части Куликова поля.

Согласно данным Никоновской летописи, «бё же то поле велико и чисто и отлогъ велик имёа на усть-рёки Непрядвы» (ПСРЛ. IX: 58). Побывав на реальном месте сражения вблизи истока Непрядвы и осмотрев с реального Красного Холма центральную часть обширного Куликова поля, могу засвидетельствовать, что её рельеф соответствует приведенным словам – как и дальнейшему описанию в летописи схождения противостоявших войск.

4

Хорошо известно, что именно в Никоновской летописи находится самая обстоятельная редакция летописного повествования о Куликовской битве. В этом тексте есть информации о фактах боевых действий, отсутствующие в других летописях и восходящие к свидетельствам современников событий 1380 года.

С.К. Шамбинаго в своём труде, посвящённом Повестям о Мамаевом побоище, назвал эту редакцию Киприановской редакцией, и временем её составления считал начало второй четверти XV столетия (Шамбинаго 1906: 182). Позже, под воздействием критического отзыва А.А. Шахматова, С.К. Шамбинаго в коллективном труде определил её как вторую редакцию, а вторую (согласно его начальной классификации) — как первую[1].

А.А. Шахматов, подвергнув суровой критике работу Шамбинаго за его суждения о последовательности и взаимоотношениях редакций Повести, согласился с тезисом о вымышленности сведений Киприановской редакции относительно роли митрополита Киприана в событиях на Руси, связанных с Куликовской битвой 1380 года (Шахматов 1910: 194-195). Но если для С.К. Шамбинаго создание этой редакции явилось как бы реализацией тенденциозного прославления Киприана вскоре после его кончины, то А.А. Шахматов относил возникновение такой тенденции к первой четверти XVI века и объяснял общим стремлением составителя самой Никоновской летописи, либо - предшествовавшего ей, но недошедшего митрополичьего свода, преувеличивать роль митрополитов в истории Руси.

Некоторые авторы коллективных публикаций середины и второй половины XX столетия, посвященных Куликовской битве, предпочитали скептически воспринимать сведения источников относительно позитивной роли русской Церкви в освободительной войне 1380 года, а в особенности, всё, что относилось в этой связи к деятельности митрополита Киприана[2]. Дело не только в том, что у историков-атеистов наличествовало негативное отношение к Церкви и к её деятелям вообще. Подобная позиция не была свойственна историкам дореволюционным, но умеренно критическая тенденция, неявно шедшая, в сущности, ещё от Н.М. Карамзина, а в начале прошлого столетия утвердившиеся с работой С.К. Шамбинаго, была вскоре подкреплена авторитетом А.А. Шахматова.

Однако в начале XXI века в русской историографии произошел отход от одного из закрепившихся ранее параметров в изучении исторической основы Повести о Мамаевом побоище. Ещё в 1987 году киевский историк Ф.М. Шабульдо оспорил довольно основательно ставшее к тому времени уже хрестоматийным представление об отсутствии митрополита Киприана на Руси в 1380 году (Шабульдо 1987: 130-131). Представление, обязанное как раз авторитету Н.М. Карамзина, который доверился хронологическому указанию Троицкой летописи XV века (и летописей, восходивших к ней), хотя и знал о противостоящем указании в летописи Никоновской.

Вскоре выводы Ф.М. Шабульдо поддержал в научно-популярной книге Н.С. Борисов (Борисов 1990: 209). Затем К.А. Аверьянов аргументировал их в докладах на международных научных конференциях в 2000-м и в 2005-м годах (Аверьянов 2002: 15-16; 2006а: 186-193). Гораздо более подробно этот вопрос рассматривался К.А. Аверьяновым в его монографии о преподобном Сергии Радонежском (Аверьянов 2006б: 239-340). Под углом зрения истории общественного сознания и истории

[1] См.: История русской литературы 1945: 215-219.
[2] См.: Повести 1959; Слово 1966; Сказания и повести 1982; Памятники 1998.

летописания проблема обсуждалась в моём докладе, на конференции 2010 года, полностью напечатанном в 2012 году, а годом ранее – сокращенно, в составе монографии (Азбелев 2011: 105-116, 134-136; 2012а: 77-82)[1].

Наиболее важный вывод заключался в том, что «Лётописецъ великий Русьский» (ЛВР), составлявшийся, как выяснил А.А. Шахматов, ещё при митрополите Петре, дополненный и редактированный под руководством митрополита Киприана, должен был содержать подробные сведения о судьбоносных для России событиях 1380 года.

Напомню важнейшие заключения А.А. Шахматова об общерусском летописном своде, составителем которого «всего вероятнее», был ещё митрополит Пётр: «Новая редакция» этого летописного свода «принадлежала митрополиту Киприану» и «была доведена до 1390 г. О ней упоминает Троицкая летопись начала XV века, называя ее «Лётописцемъ великимъ Русскимъ». Составитель этой московской летописи, сказав о разрыве, последовавшем в 1392 г. между великим князем Василием Дмитриевичем и новгородцами, восклицает: «*кого отъ князь не прогневаша? Или кто отъ князь угоди имъ, ще и великий Александръ Ярославичь не уворовалъ им?... и аще хощеши распытовати, разгни книгу, Лётописецъ великій Русьскій, и прочти отъ великаго Ярослава и до сего князя нынёшняго…*» (И.Г.Р., т. V, пр. 148)[2]. Итак, московскому летописцу начала XV века была известна книга, содержавшая общерусский свод, ибо, что другое можно разуметь под «Великим летописцем»? Свод этот был доведен до великого князя Василия Дмитриевича; московская летопись воспользовалась им как источником: вот почему мы найдем в ней тверские, новгородские, нижегородские известия». Сопоставив Троицкую летопись с Симеоновской, которые «тождественны до 1390 г. включительно» А.А. Шахматов резюмирует: «Троицкая летопись положила в свое основание московскую летопись в редакции 1390 г. Появление же этой редакции, воспользовавшейся общерусским сводом, указывает, что свод этот был доведен до 1390 г., то есть, до окончательного утверждения в Москве митрополита Киприана. Вот откуда мы получаем основание говорить о Киприановской редакции общерусского свода» (Шахматов 1900, № 11: 151).

---

[1] Благодаря интернету я ознакомился с документами Константинопольского патриархата, из которых следует, что утверждённый патриархом митрополит Киприан действительно мог прибыть из Константинополя в Москву в мае 1380 года (о чём подробно сообщила дважды Никоновская летопись – см.: ПСРЛ. XI: 41 и 49), и, соответственно, мог лично участвовать в событиях, связанных с Куликовской битвой - о чём рассказывается более или менее подробно (хотя и не без элементов преувеличения его исторической роли) во вех редакциях русской Повести (или «Сказания») о Мамаевом побоище. Дело в том, что один из крупнейших историков византийской церкви Мануил Гедеон (1851-1943) – «великий хартофилак» (архивариус) Константинопольского патриархата – в свое время установил «продолжительность патриаршества Нила от июня 1379 до конца 1388 г.» (цитировано по: Похоров 1978: 91). А как раз патриарх Нил санкционировал поставление Киприана митрополитом. После этого Киприан спешно уехал (получив очевидно сведения о начавшейся войне с Мамаем). Поэтому подпись Киприана присутствует в перечне участников Собора 1380 года в Константинополе, но отсутствует в его заключительном акте. Наиболее существенные материалы доступны в приложениях к книге, изданной не так давно на русском языке в Париже (Мейендорф 1990). Между тем, неподтверждённое представление об отсутствии митрополита Киприана в Москве летом и осенью 1380 года долго служило поводом для оспаривания его причастности к Куликовской битве.

[2] Имеется в виду, конечно, «История государства Российского» Н.М. Карамзина.

«*Лётописец великий Русьский*» в одной из позднейших его обработок, очевидно, послужил важным источником Никоновской летописи, будучи именно тем митрополичьим сводом, к которому некогда возводил эту летопись А.А. Шахматов. Известно, что М.Д. Приселков был даже убеждён в существовании помимо редакции ЛВР, обязанной самому митрополиту Киприану, двух последующих редакций «*Лётописца великого Русьского*», датируя их предположительно 1426 и 1463 годами (Приселков 1996: 231-242)[1].

5

Присутствовавшая в составе ЛВР Повесть о сражении 1380 года должна была, конечно, отразиться в Никоновской летописи (см.: Азбелев 2015а).

А.А. Шахматов, датируя шестнадцатым веком находящуюся в составе этой летописи Киприановскую редакцию Повести о Мамаевом побоище, довольно бегло упоминал о наличии в её тексте оригинальных описаний хода военных действий. Часть этих фрагментов летописного текста вовсе не находила соответствия в прочих редакциях Повести, другие в Никоновской летописи оказывались полнее. Отнюдь не ставя под сомнение достоверность фактического содержания таких фрагментов, А.А. Шахматов склонен был возводить их отчасти к недошедшему Слову о Мамаевом побоище, отчасти – к московской летописи (Шахматов 1910: 200-201). Судя по ранее мною приведённым суждениям А.А. Шахматова, речь идёт о том митрополичьем своде, который был использован составителями Никоновской летописи, то есть, о «*Лётописце великом Русьском*» в его позднейшей редакции.

Обращусь к текстам упомянутых оригинальных описаний.

«*Тоя же нощи, утру свитающу, мёсяца сентября в 8 день на праздникъ Рожества пречистыа Богородицы, и возходящу сълнцу, бысть мгла велия по всей землё, аки тма, и до третьяго часа дни, и потомъ нача убывати. Князь велики же отпусти брата своего изъ двоюродныхъ князя Володимера Андрёевича вверхъ по Дону въ дубраву, западной полкъ, давъ ему достойныхъ изъ своего двора избранныхъ; еще же отпусти съ нимъ извёстнаго воеводу Дмитреа Боброкова Волынца; еще же устрои той воевода Дмитрей и полки*» (ПСРЛ. XI: 58). Если отвлечься от находящихся здесь, хотя и беглых, но существенных дополнительных сведений, то содержимое этого фрагмента присутствует и в других летописях.

Дальнейший же текст Никоновской летописи представляет уникальное повествование о схождения двух войск, русского и ордынского, которые двигались навстречу друг другу с двух противолежащих холмов на открытой местности Куликова поля. «*И изполчишася христианьстии полцы вси и возложиша на себе доспёхы, и сташа на полё Куликовё, на усть Непрядвы рёки; бё же то поле велико и чисто и отлогъ великъ имёа на усть-рёки Непрядвы. И выступиша татарскаа сила на шоломе и поидоша съ шоломяни; такоже и христианьскаа сила поидоша съ шоломяни и сташа на поле чисте, на месте тверде*» (ПСРЛ. XI: 58).

[1] Впрочем, без достаточно объяснённых причин Приселков, в отличие от Шахматова, считал ЛВР летописью великокняжеской, а не митрополичьей.

Холмы, о которых говорится в Никоновской летописи, отсутствуют около впадения Непрядвы в Дон. Они расположены на реальном месте сражения - вблизи верховья Непрядвы. Их нетрудно определить согласно нынешним топографическим картам. Вершина «татарского» холма - около тогдашнего истока Непрядвы из озера Волова (у теперешнего районного центра Волово). Она имеет отметку 276 м, а вершина противолежащего «русского» холма (вблизи теперешнего посёлка Ольминка) имеет отметку 260 м. Седловина между этими холмами (около истоков речек Малевка и Кузовка, впадающих, соответственно, в Непрядву и в Упу) имеет отметки 245 и 247 м. Она находится приблизительно на равном расстоянии от вершин обоих холмов. Соответственно, перепад высот на месте встречи двух войск у центра Куликова поля составляет от 15 до 30 метров, причём более пологим был склон «русского» холма. Дистанция между вершинами этих холмов - 22 км[1].

Последующие сведения лишь деталями повествования и некоторыми именами отличаются от других редакций. Здесь сказано, что великий князь сам объезжает и вдохновляет войска, ставит на своё место Михаила Бренка и обращается с молитвой к Господу. Прибывают посланцы от преподобного Сергия Радонежского с его благословением и ободрением. Великий князь, обратившись с молитвой к Богородице, приказывает своему войску «вмалё выступати». При этом названы «передовыа воеводы его Дмитрей Всеволжь, да Владимеръ братъ его, с правую же руку прииде Микула Васильевичь, да князь Семенъ Ивановичь, да Семенъ Меликъ со многими силами» (ПСРЛ. XI: 58-59)[2].

Но далее снова идёт оригинальный почти во всём текст: «*И бѣ уже 6 часъ дьни; сходящимся имъ на усть-Непрядвы рѣки и се внезапу сила великаа татарскаа борзо с шоломяни грядуще, и ту пакы, не поступающе, сташа, ибо несть места, где имъ разступитися; и тако сташа, копиа покладше, стѣна у стѣны, кождо их на плещу предних своих имуще, предниии краче, а задниии должае*».

Дело в том, что открытое ровное пространство между верховьями упомянутых мною рек на пути копейщиков Мамая сужалось от десяти до двух километров, и пеший ордынский авангард, состоявший, очевидно, из генуэзцев, оказался вынужден здесь или остановиться, или замедлить своё движение.

«*А князь великий такоже с великою своею силою русскою з другаго шоломяни поиде противу им. И бѣ страшно видѣти двѣ силы великиа сънимающеся на кровопролитие, на скорую съмерть; но татарскаа бяше сила видѣти мрачна потемнена, а русскаа сила видѣти въ свѣтлыхъ доспѣхех, аки нѣкаа великааа рѣка лиющися, или море колеблющеся, и солнцу свѣтло сиающу на нихъ и лучи испущающи, и аки свѣтилницы издалече зряхуся*» (ПСРЛ. XI: 59).

Как следует из топографии местности, ордынский авангард двигался по направлению на северо-восток, то есть почти спиной к солнцу. Это были, как явствует из приведённого текста, конечно, не татарские всадники, а «фряжские» копейщики генуэзской пехоты. Навстречу им шли, очевидно, пешие ратники

[1] См.: Атлас 2006: 18-19; Атлас автомобильных дорог 2010: 17.

[2] В других редакциях отсутствуют в этом фрагменте упоминания воевод князя Семена Ивановича и Семена Мелика.

русского ополчения, чьи металлические доспехи блестели в лучах взошедшего солнца.

Приведённый текст передал впечатления не участника самой битвы, а стороннего наблюдателя, который, не будучи человеком военным, принял генуэзских воинов за татарских. Всё это могли видеть взятые великим князем, как сообщено в летописях, ещё при выходе войска из Москвы, «*десять мужей сурожанъ, гостей, видёниа ради: аще что Богъ случитъ, имутъ повёдати въ дальныхъ земляхъ*» (ПСРЛ. XI: 54)[1].

Не все они, может быть, действительно, наблюдали за началом боя. Но в Никоновской летописи написано, что двое из этих гостей сурожан - Василий Капица и Семен Антонов - в ночь перед битвой имели видение: святой митрополит всея Руси Пётр побивает «от поля грядуща множество ефиоп» (ПСРЛ. XI: 58)[2]. Другие летописи не содержат этой вставки. В них находится только эпизод видения бывшего разбойника Фомы Кацыбея, где подразумевается, что полк врагов Руси побивают святые Борис и Глеб. В Никоновской же летописи эпизод видения Фомы Кацыбея сокращён, а следовавшая за этим эпизодом молитва Дмитрия Ивановича перемещена. Она в несколько изменённом виде находится непосредственно вслед за эпизодом с видением гостей сурожан, а святые Борис и Глеб фигурируют здесь уже в связи с митрополитом Петром - после рассказа сурожанами великому князю о видении ими чудесной победы святого Петра над врагами Руси.

Как известно, митрополит Киприан после Куликовской битвы сочинил собственную редакцию Жития московского митрополита Петра. Она вошла как составная часть в написанную Киприаном Службу митрополиту Петру. В ней содержатся «выражения радости по поводу недавно одержанной победы над «агарянами»», т.е., очевидно, победы над Мамаем в Куликовской битве» (Словарь книжников 1988: 466)[3].

Естественно предполагать, что если не Киприаном было сочинено, то Киприаном было инспирировано добавленное в Повесть описание видения митрополита Петра гостями сурожанами в ночь накануне сражения на Куликовом поле. Поскольку данное описание есть только в Никоновской летописи,

---

[1] «Си же суть имена ихъ: Василей Капица, Сидоръ Елферьевъ, Константинъ, Кузма Коверя, Семионъ Онтоновъ, Михийло Саларевъ, Тимофёй Весяковъ, Дмитрей Саларевъ, Иванъ Шихъ» (ПСРЛ. XI: 54).

[2] Привожу полный текст: «И тогда въ той же нощи видёние видёша Василей Капица да Семенъ Антоновъ: видёша от поля грядуща множество ефиопъ въ велицей силё, ови на колесницахъ, ови на конехъ, и бё страшно видёти ихъ и абие внезапу явися святый Петръ митрополитъи всея Русии, имёя въ руцё жезлъ златъ, и прииде на нихъ съ яростию велиею, глаголя: «почто приидосте погубляти мое стадо, его жа ми дарова Богъ съблюдати?». И нача жезломъ своимъ ихъ прокалати, ови же на бёгъ устремишася, и ови избёжаша, друзии же въ водахъ изтопоша, овии же язвени лежаша. И сии вси сказаша вся видёниа сиа великому князю Дмитрею Ивановичю; он же повелё имъ никому же сего повёдати и начатъ со слезами молитися Господу Богу и пречистёй Бргородицё и великому чюдотворцу Петру, хранителю Русской землё, и святымъ мученикомъ Борису и Глёбу, да избавятъ ихъ от татарскиа сиа ярости и да не поперуть свята пси и да не поястъ татарскый мечь православнаго христианьства».

[3] Статья о митрополите Киприане написана здесь Г.М. Прохоровым.

напрашивается и предположение о причастности к одному из её источников митрополита Киприана[1].

В данной связи обращает на себя внимание находящееся в Никоновской летописи оригинальное завершение летописной характеристики поведения великого князя в бою: «*Преже всѣхъ нача битися съ татары; да одесную его и ошуюю его оступиша татарове аки вода и много по главѣ его и по плещама его и по утробѣ его бьюще и колюще и сѣкуще, но отъ всѣхъ сихъ Господь Богъ милостию своею, и молитвами пречистыа Его Матерее, и великого чюдотворца Петра и всѣхъ святыхъ молитвами, соблюде его отъ смерти. Утруденъ же бысть и утомленъ отъ великого буания татарьского толико, яко близъ смерти. Бѣаше же самъ крѣпокъ зѣло и мужественъ, и тѣломъ великъ и широкъ, и плечистъ и чреватъ велми, и тяжекъ собою зѣло, брадою же и власы чернъ, взором же дивен зѣло*» (ПСРЛ. XI: 63). Две последние фразы, отсутствуют в других летописях. Эта концовка выдаёт в её авторе современника, который лично знал великого князя. (См.: Азбелев 2015б).

6

Сравнительно недавно И.Б. Грековым было обосновано мнение, что сам митрополит Киприан мог участвовать в создании Повести о Мамаевом побоище (Греков 1970: 31)[2]. Замечу, что из всех её редакций именно текст Никоновской летописи даёт этому подтверждение. Только в ней находится обширная вставка, не имеющая непосредственного отношения к самой Куликовской битве, а объяснявшая правомерность поставления Киприана митрополитом в 1380 году и осуждавшая поступки тогдашних его соперников Митяя и Пимена (ПСРЛ. XI: 49)[3]. Подобный пассаж, естественно, не мог быть актуальным в контексте повествования о сражении на Куликовом поле через полтораста лет после этого события, когда составлялась Никоновская летопись. Тем более, что в ней ещё под 1378 годом рассказывалось весьма подробно и о Митяе, и о Пимене (ПСРЛ. XI: 35-41). Вторично о том же кратко написано в ней под 1379 годом (ПСРЛ. XI: 44).

Однако такие сведения были важны именно для самого Киприана в то время, когда он, после своего окончательного утверждения митрополитом в Москве, редактировал «Лѣтописецъ великий Русьский».

Нет возможности согласиться с мнением С.К. Шамбинаго (хотя оно и было поддержано А.А. Шахматовым) относительно вымышленности всех сведений Повести о Мамаевом побоище об участии митрополита Киприана в событиях 1380 года на Руси. Сохранившаяся официальная документация Константинопольского патриархата свидетельствует, что Киприан находился в Константинополе только до

[1] Впрочем, С.К.Шамбинаго считал, что эпизод с видением Василия Капицы и Семена Антонова вставлен самим составителем Никоновской летописи (Шамбинаго 1906: 182); это вызвало удивление А.А. Шахматова (Шахматов 1910: 160).

[2] Согласно наблюдениям И.Б. Грекова, это произведение «могло возникнуть в годы бурной деятельности Киприана» - во второй половине девяностых годов XIV столетия (Греков 1970: 34).

[3] См. об этой вставке: Шамбинаго 1906: 169.

весны 1380 года[1]. Как уже говорилось, нет причин оспаривать сведения Никоновской летописи о приезде Киприана в Москву до лета 1380 года (см: ПСРЛ. XI: 41, 49)[2].

Прибыв в Москву, митрополит, конечно, благословил великого князя на противостояние ордынской агрессии. Лишенный реальной возможности непосредственно влиять на ход победоносной для его паствы войны 1380 года, но редактируя впоследствии свой «Лѣтописецъ», митрополит Киприан, вероятно, озаботился не только акцентированием своей роли в событиях, но и подобающей - по его представлениям - интерпретацией успешных боевых действий русских войск. Не будучи, однако, человеком военным, он это делал, как бы мы теперь сказали, без должного профессионализма.

Исследователей не раз смущало находящееся только в Никоновской летописи, несомненно, гиперболичное число сражавшихся на Куликовом поле русских воинов – 400000. Однако, изначально такая цифра, очевидно, присутствовала в контексте, где речь шла об общем количестве участников сражения с обеих сторон. При редактировании этого текста часть фразы оказалась перемещена несколько далее, в результате цифра 400000 стала выглядеть как численность русского войска. Привожу реконструируемый исходный текст.

«*И тако поидоша обѣ силы вмѣсто сниматися, оттуду татарскаа сила великаа, а отселѣ самъ князь велики Дмитрей Ивановичь, со всѣми князи русскыми; и бѣ видѣти русьскаа сила неизреченна многа, такоже и татарьскаа сила многа зѣло. И уже близъ себя сходящимся обѣимъ силамъ, яко вящше четырехсот тысящъ и конныя и пѣшиа рати, выёде изъ полку татарьскаго богатырь великъ зёло*»[3]. Далее рассказывается, в согласии с другими редакциями Повести, о поединке Пересвета с татарским богатырём, о ходе сражения основных русских сил с татарскими и о вступлении в битву засадного полка.

Ошибочность упомянутой перестановки доказывается тем, что ранее в той же Никоновской летописи, как и в предшествовавших ей летописях, была сообщена вдвое меньшая общая численность армии великого князя Дмитрия Ивановича, зафиксированная после перехода ею границы и вступления в рязанские пределы: «*И прешедшу всему воинству его чрезъ Оку рёку въ день недёльный, и на заутрие въ понедёлникъ самъ перевезеся* < ....> *И повелё счести силу свою, колико ихъ есть, и бяше ихъ вящше двоюсот тысящь*»[4]. Невероятно, чтобы после исчисления, произведённого уже в пределах враждебного Москве Рязанского княжества, количество московского войска могло увеличиться на двести тысяч. По-видимому, для согласования с

[1] См. об этом выше, примечание 32 и в статье: Азбелев 2015а: примечание 11.

[2] Подробнее об этом выше и в монографии: Азбелев 2011: 110-111.

[3] При цитировании выше устранена, несомненно, ошибочная перестановка группы слов «и бё видёти русьскаа сила неизреченна многа, яко вящше четырехсотъ тысящь и конныа и пёшиа рати; такоже и татарскаа сила многа зёло. И уже близъ себя сходящимся обёимъ силамъ, выёде изъ полку татарьскаго богатырь великъ зёло» (ПСРЛ. XI: 59).

[4] ПСРЛ. XI: 54-55 - «И бё ему печаль, яко мало пёшиа рати; и остави у Лопасны великого воеводу своего Тимофёя Васильевичя тысяцкаго, да егда пёшиа рати или конныа поидетъ за нимъ, да проводитъ ихъ безблазно, и никто же отъ тёхъ ратныхъ, идя по Рязанской землё, да не кнснется ничему и ничтоже да не возметъ у кого».

упоминанием четырёхсот тысяч в приведённой фразе Никоновской летописи, в неё ещё дважды был введён повтор понравившейся редактору гиперболы[1].

В разных редакциях Повести о Мамаевом побоище итоговые цифры потерь хотя и гиперболичны, но, при небольших отклонениях от средних, довольно стабильны: говорится, как правило, что погибло 250 тысяч или 253 тысячи, осталось 40 или 45 или, 50 тысяч[2]. Таковым, очевидно, запомнилось запомнилось исчисление павших, устоявшееся при бытовании Сказания о Мамаевом побоище в устной передаче. Основой послужил, очевидно, текст официальной информации в повреждённом документе, где пострадавшая литера ҂р҃ могла быть прочтена как ҂с҃, что увеличивало цифру на сто тысяч.

Состав русского войска на Куликовом поле отраженный в указаниях числа погибших его предводителей из разных земель и княжеств, не раз подвергался обсуждению в общеисторических трудах. При этом упоминания новгородских воевод, как и более или менее подробные информации о прибытии самого новгородского контингента, которые находятся в разных редакциях Повести о Мамаевом побоище, обычно признавались плодами вымысла или даже квалифицировались как баснословие. «Основанием» служило отсутствие упоминаний о роли новгородцев в старших летописях не только Москвы, но и Новгорода.

Такое мнение, однако, не разделил опытный исследователь летописей А.А. Шахматов. По его заключению, «самый скептический ум не решится признать выдуманными некоторые факты», о которых сказано в Повести о Мамаевом побоище. В данной связи А.А. Шахматов назвал упоминание «о прибытии новгородцев в числе 7000 человек» (Шахматов 1910: 175). Но точка зрения А.А. Шахматова у советских историков поддержки не получала. Негативное мнение закреплялось и в популярной литературе.

В 1972 году были опубликованы результаты разностороннего изучения комплекса сведений по данной проблеме. Оно позволило показать участие Новгорода в событиях 1380 года, объяснило причины умолчаний об этом в летописях и подтвердило правоту А.А. Шахматова (Азбелев 1972: 77-102).

Источником упомянутых выше сведений немецких хроник и «Вандалии» Альберта Кранца была, по-видимому, информация, сообщённая делегатами от Новгорода на ганзейском съезде 1381 года в Любеке и передававшая рассказы новгородских участников событий 1380 года.

---

[1] В первый раз её содержат две фразы, которые, очевидно, были введены в Повесть им самим, и на фоне общего её контекста выглядят странно. В них говорится, что во время дискуссии военачальников о том, следует ли уже готовой для сражения русской армии переходить Дон, «ту приидоша много пешаго воинства, и житейстии мнози людие и купци изо всёхъ земель и градовъ; и бё видёти зёло страшно, многое множество людей собрашяся, грядущие в поле противу татар. И начаша считати, колико ихъ всёхъ, и изочтоша вящше четырехсот тысящ воинства коннаго и пёшего» (ПСРЛ. XI: 56). Во второй раз такой повтор, - по контексту ещё менее уместный, - добавлен после указания числа оставшихся в живых после битвы: «Тогда глагола князь великий Дмитрий Ивановичь: «изочтите, братие, колико осталося вс¸х нас. И изочтоша, и глагола Михайло Александровичь, московьской бояринъ: «Господине княже, осталося всёхъ насъ 40000. А было всёх вяще четырехсотъ тысящь и конныа и пёшиа рати» (ПСРЛ. XI: 65).

[2] См. публикации: Поведание 1838: 67; Шамбинаго 1906: 35, 72, 122, 164, 190; Русские повести 1958: 37; Повести 1959: 17, 201 (здесь странное уточнение: погибло «от безбожнаго царя Мамая 200000 без четырех человек»); Сказания 1982: 126; Памятники 1998: 186, 249, 335.

Новгородцы тогда подверглись разбойному нападению литовцев при своём возвращении с Куликова поля. Дождавшись исхода Куликовской битвы и не оказав обещанной помощи Мамаю, литовцы захотели отнять военную добычу у тех победителей, которые направились в Новгород вдоль литовского рубежа. Бой новгородцев с литовцами произошёл, вероятно, у речки Синяя Тулица, притока Тулицы, являющейся правым притоком Упы - в семи километрах на северо-восток от теперешней Тулы и в семидесяти километрах севернее места сражения с армией Мамая на Куликовом поле.

Отсюда - неточность географического указания немецких источников, будто бы «великая битва» русских с татарами произошла «у Синей Воды»[1]. Новгородцы рассказывали о двух сражениях, в которых пришлось им тогда участвовать. Название речки, у берегов которой произошёл второй бой, немецкие слушатели истолковали как указание места той самой «великой битвы», в которой с обеих сторон, согласно данным хроники Детмара, сражалось четыреста тысяч, а погибло, согласно «Вандалии» Кранца, двести тысяч.

Информации иностранных современников об общем числе участников сражения на Куликовом поле близки наиболее ранним из дошедших до нас известий русских летописцев. А.А. Шахматов даже возводил к недошедшей летописи не только информацию о новгородцах, но и большой комплекс других данных, которые содержатся лишь в Повести о Мамаевом побоище (Шахматов 1910: 175-176). Он как бы отвлекался от того обстоятельства, что и она могла непосредственно восходить к рассказам современников событий 1380 года в такой же степени, как первоначальные повествования летописей. Со временем подобные рассказы, передаваясь в последующих поколениях, не могли не влиять на составителей более поздних летописей, использовавших как письменные источники, так и устную традицию. Поэтому не приходится удивляться тому разнобою в летописных указаниях численности русский армии, который впоследствии отмечал Л.В. Черепнин.

Но очень существенно, что практически совпадают сведения весьма разнородных источников. Четыреста тысяч – общее количество участников сражения 1380 года, и по хронике Детмара, и по Киприановской редакции Повести о Мамаевом побоище. Это согласуется и со сведениями летописей XV века о численности русских войск, отправившихся на Куликово поле.

С.К. Шамбинаго едва ли ошибался, считая, что Киприановская редакция Повести о Мамаевом побоище предшествовала почти всем другим её разновидностям. Мнение же А.А. Шахматова, объяснявшего нарочитое прославление в этой редакции митрополита Киприана общей тенденцией или самой Никоновской летописи, или использованного в ней митрополичьего свода XVI века (Шахматов 1910: 194-195), трудно согласовать с там фактом, что о роли митрополита Киприана сказано более или менее подробно во всех редакциях Повести о Мамаевом побоище (см.: Азбелев 2012б, 2013а).

[1] Ранее мною была: предложена несколько иная гипотеза относительно происхождении географической ошибки в немецких источниках (Азбелев 2007: 147), совместимая с гипотезой, излагаемой здесь.

О Киприане, как известно, вовсе не говорит подробная Летописная повесть о Куликовской битве, обязанная устным своим первоисточником воинской среде и составлявшаяся тогда, когда Киприан находился вне пределов Руси, будучи изгнан великим князем (ПСРЛ. XLIII: 131-137)[1]. Уснащение исторической информации домыслами целью подчеркнуть роль митрополита Киприана – это особенность самой Повести о Мамаевом побоище, возникшая в ходе той обработки устного Сказания о сражении на Куликовом поле, которая была закреплена именно в этом письменном произведении.

Прославление митрополита, как бы умалявшее роль великого князя и его сподвижников, не могло устойчиво и повсеместно продолжаться в устной традиции и в её письменных отображениях. Другие редакции Повести о Мамаевом побоище либо более или менее скупо сообщали о роли Киприана, либо удерживали некоторые следы и фрагменты тенденциозных пассажей Киприановской редакции. Однако она оказалась востребована, очевидно, целиком при составлении Никоновской летописи, ибо отвечала её общему стремлению акцентировать историческое значение высших иерархов русской Церкви - стремлению, которое и проследил А.А. Шахматов (Шахматов 1910: 195).

Сдержанное отношение многих историков к уникальным известиям Никоновской летописи лишь частично оправдывается на материале текстов о событиях 1380 года. Восходя к достоверным сведениям о фактах реально бывших и будучи интерпретируемы при передаче «Лѣтописцем великим Русьским», эти известия отобразили не только историческую реальность, но и восприятие её митрополитом Киприаном. А впоследствии они испытали вмешательство редактора самой Никоновской летописи.

7

Постараюсь максимально коротко подытожить принципиальные тезисы работ, которые обобщались выше.

Показания источников ясно свидетельствуют, что сражение 1380 года произошло **в центральной части Куликова поля**, **вблизи тогдашнего истока Непрядвы**, примерно в сорока километрах от слияния её с Доном.

Совокупность имеющихся материалов позволяет заключить, что **русские войска**, отправившиеся в 1380 году на Куликово поле, **насчитывали в общей сложности порядка двухсот тысяч человек**.

Четыреста тысяч участников с обеих сторон – таков, по русским и иностранным источникам, приблизительный масштаб сражения, шедшего согласно летописям, **на фронте протяжённостью в десять вёрст**.

В финале ожесточённого трёхчасового боя его исход решила внезапная **атака ударного резерва**, который великий князь Дмитрий Иванович заранее расположил **в дубраве позади позиции русских войск**.

[1] Подробно об этой Повести см: Азбелев 2011: 70-96.

Бегство остатков разгромленной армии Мамая происходило не только в южном направлении. Часть ордынцев, по-видимому, устремилась на запад, где они смогли присоединиться к литовским отрядам Ягайла, которые затем напали на возвращавшихся новгородцев. Другая часть бежала в направлении, откуда войско Мамая прибыло на Куликово поле, то есть обратно на восток, к ближайшему броду через Дон. Здесь они встретили на пути Непрядву – в среднем (мередианальном) течении этой реки. Татары тонули, стараясь перебраться на её правый берег. Настигаемые преследователями, ордынцы гибли и на обоих берегах Непрядвы. Беглецов, отстреливавшихся из луков, русские догоняли у берегов Смолки, недалеко от впадения этой речки в Дон. Следами преследования убегавших являются немногочисленные находки здесь фрагментов оружия XIV века – наконечники стрел и копий, которые в XIX столетии питали «музееведческий» энтузиазм владевших тогда этой землёй помещиков Нечаевых и Олсуфьевых[1].

ЛИТЕРАТУРА

Аверьянов 2002 - *Аверьянов К.А.* Дмитрий Донской и Сергий Радонежский накануне Куликовской битвы // Троице-Сергиева лавра в истории, культуре и духовной жизни России: Материалы II Международной конференции 4-6 октября 2000 г. Сергиев посад, 2002. С. 15-16.

Аверьянов 2006а - *Аверьянов К.А.* О местонахождении митрополита Киприана в 1380 г. // Куликовская битва в истории России. Тула, 2006. С. 186-193.

Аверьянов 2006б - *Аверьянов К.А.* Сергий Радонежский: Личность и эпоха. М., 2006.

Азбелев 1972 - *Азбелев С.Н.* Сказание о помощи новгородцев Дмитрию Донскому // Русский фольклор. Т. 13. Л.: Издательство АН СССР, 1972. С. 77-102.

Азбелев 2007 - *Азбелев С.Н.* Устная история в памятниках Новгорода и Новгородской земли. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007.

Азбелев 2011 - *Азбелев С.Н.* Куликовская победа в народной памяти: Литературные памятники Куликовского цикла и фольклорная традиция. СПб.: Дмитрий Буланин, 2011 (Studiorum Slavicorum Orbis. Вып. 2). 311 с.

Азбелев 2012а - *Азбелев С.Н.* Куликовская битва и православная церковь // Куликовская битва в истории России. Тула, 2012. Вып. 2. С. 77-82.

Азбелев 2012б - *Азбелев С.Н.* О географии Куликовской битвы // Русское поле: Научно-публицистический альманах. Красноярск; Stokholm, 2012. № 2. С. 43-52.

Азбелев 2013а - *Азбелев С.Н.* География сражения на Куликовом поле // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2013. № 4 (54). С. 11-19.

Азбелев 2013б - *Азбелев С.Н.* Место сражения на Куликовом поле // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Материалы XXV Международной научной конференции. Москва, 31 января - 2 февраля 2013 г. М., 2013. Часть 2. С. 185-187.

Азбелев 2014 - *Азбелев С.Н.* К вопросу о месте и дате Куликовской битвы (историографические заметки) // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2014. № 3 (57). С. 145-151.

[1] Нынешние функционеры тульского музея – те самые археологи, которые безуспешно искали следы захоронений – с упорством, достойным лучшего применения, продолжают настаивать, что именно эти фрагменты и следует считать следами самой Куликовской битвы, которая, согласно их убеждению, была лишь стычкой небольших конных отрядов около слияния Непрядвы с Доном - на лесной поляне протяженностью не более одного километра. Отсутствие там следов захоронений эти археологи объясняют стопроцентным разложением на Куликовом поле органических останков, включая даже кости. Вместо того, чтобы радикально расширять площадь археологических разведок, тульский музей, продолжает «освоение» предоставляемых средств, возводя на предполагаемом месте этой поляны странные сооружения (не только надземные, но и подземные) и высаживая дубки на участке, где, согласно их представлениям, в 1380 году могла бы находиться дубрава.

Азбелев 2015а - *Азбелев С.Н.* Об уникальных известиях Никоновской летописи // Академик А.А. Шахматов: Жизнь, творчество, научное наследие. (К 150-летию со дня рождения). СПб: Нестор-История, 2015. С. 317-327.

Азбелев 2015б - *Азбелев С.Н.* Численность и состав войск на Куликовом поле // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2015. № 4 (62). С. 23-29.

Александровский 1990 - *Александровский А.Л.* Палеопочвенные исследования на Куликовом поле // Куликово поле: Материалы и исследования / Отв. ред. А.К. Зайцев. М., 1990. С. 60-70.

Атлас 2006 - Общегеографический региональный атлас: Тульская область / Редакторы Д. Трущин, В. Пятницкая. М., 2006.

Атлас автомобильных дорог 2010 - Атлас автомобильных дорог Тульской области и прилегающих территорий / Руководители проекта А.П. Притворов, А.Н. Бушнев. М.: Издательство Астрель, 2010.

Атлас Тульской области 2006 - Атлас Тульской области. Масштаб в 1 см – 1 км. / Отв. ред. А.Г. Косиков. М.: Ультра Экстеит, 2006.

Афремов 1849 - *Афремов И.* Куликово поле с реставрированным планом Куликовской битвы в 8-й день сентября. 1380 года. М., 1849.

Ашурков 1980 - *Ашурков В.Н.* Памятники Куликова поля // Куликовская битва. Сб. статей. М., 1980. С. 275-288.

Борисов 1990 - *Борисов Н.С.* И свеча бы не угасла… М., 1990.

Гагин 2006 - *Гагин И.А.* Версия участия волжских булгар в Куликовском сражении // Сборник Русского исторического общества. М., 2006. Т. 10 (158). С. 475-481.

Грачева 2005 - *Грачева И.В.* Декабрист во главе Синода // Нева. 2005. № 10. С. 227-231.

Греков 1970 - *Греков И.Б.* О первоначальном варианте Сказания о Мамаевом побоище // Советское славяноведение. 1970. № 6. С. 27-36.

Гриценко, Наумов 2005 - *Гриценко В.П., Наумов А.Н.* Музей-заповедник «Куликово поле» // Куликово поле и Донское побоище 1380 года. М., 2005. С. 299-344.

Даль 1882 - *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. Второе издание, исправленное и значительно умноженное по рукописи автора. Т. 4. СПб.; М., 1882.

Журавель 2010 - *Журавель А.В.* «Аки молния в день дождя». Кн. 1: Куликовская битва и ее след в истории. М., 2010.

Зайцев, Фоломеев, Хотинский 1990 - *Зайцев А.К., Фоломеев Б.А. Хотинский Н.А.* Проблемы междисциплинарного изучения Куликова поля // Куликово поле: Материалы и исследования / Отв. редактор А.К. Зайцев. М., 1990. С. 4-9.

История русской литературы 1945 - История русской литературы. Т. 2. Ч. 1. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1945.

Карамзин 1819 - *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Издание второе, исправленное. Т. 5. СПб., 1819.

Карпова 2001 - *Карпова Е.В.* Работа И.П. Мартоса над проектом памятника Дмитрию Донскому. (По новым материалам) // Дмитрий Донской и эпоха возрождения Руси: События, памятники, традиции. Тула, 2001. С. 260-273.

Каталог реликвий 2005 - Каталог реликвий Донского побоища, найденных на Куликовом поле. К 625-летию Куликовской битвы / Составитель О.В. Двуреченский. М., 2005.

Кирпичников 1980 - *Кирпичников А.Н.* Куликовская битва. Л.: Наука, 1980.

Кузнецов 1994 - *Кузнецов А.В.* Сухона от устья до устья. Вологда, 1994.

Кузнецов 1999 - *Кузнецов О.Ю.* Локализация Куликова поля по русским средневековым письменным источникам // Изучение историко-культурного и природного наследия Куликова поля / Государственный музей-заповедник «Куликово поле». Научные труды. М.; Тула, 1999.

Куликово поле 2007 - Куликово поле: Большая иллюстрированная энциклопедия / Под общей редакцией В.И. Гриценко. Тула: Государственный музей-заповедник «Куликово поле», 2007.

Куликово поле 2014 - Куликово поле: Антология публикаций XIX-XX веков / Составитель и автор комментариев Наумов Андрей Николаевич, канд. ист. наук. Тула, 2014.

Кучкин 1980 - *Кучкин В.А.* Победа на Куликовом поле // Вопросы истории. 1980. № 8. С. 3-21.

Кучкин 1984 - *Кучкин В.А.* О месте Куликовской битвы // Природа. 1984. № 8 (828). С. 47-53.

Маркина 1990 - *Маркина Е.Д.* Возникновение села Куликовки. К вопросу о заселении Куликова поля // Куликово поле. Материалы и исследования. Труды гос. Исторического музея. Вып. 73. М., 1990.

Масловский 1881 - *Масловский Д.М.* Из истории: военного искусства России: Опыт критического разбора похода Дмитрия Донского 1380 г. до Куликовской битвы включительно // Военный сборник. СПб., 1881. № 8. Отд. 1.

Мейендорф 1990 - *Мейендорф Иоанн, протоиерей.* Византия и Московская Русь: Очерк по истории церковных и культурных связей в XIV веке. Париж, 1990.

Мурзаев 1984 - *Мурзаев Э.М.* Словарь народных географических терминов. М., 1984.

Мухина 1975 - *Мухина С.Л.* Безвестные декабристы (П.Д. Черевин, С.Д. Нечаев) // Исторические записки. М., 1975. Т. 76. С. 242-251.

Наумов, Наумова 2012 - *Наумов А.Н., Наумова Т.В.* Находки с Куликова поля XIX – 30-х гг. XX вв.; их состав, обстоятельства обнаружения и владельцы // Куликовская битва в истории России. Тула, 2012. Вып. 2. С. 148-180.

Нечаев 1820 - *Нечаев С.* Письмо из Тулы // Вестник Европы. 1820. № 22. С. 149.

Нечаев 1821а - *Нечаев С.Д.* Некоторые замечания о месте Мамаева побоища // Вестник Европы. 1821. № 14. С. 121-129.

Нечаев 1821б - *Нечаев С.Д.* Описание вещей, найденных на Куликовом поле // Вестник Европы. 1821. № 24. С. 348-351.

Нечаев 1823 - *Нечаев С.Д.* О найденных на Куликовом поле двух старинных оружиях // Вестник Европы. 1823. № 8. С. 307-312.

Нечаев 1825 - *Нечаев С.* Отечественные известия // Московский телеграф. 1825. Ч. 1. № 4. С. 377-381.

Олсуфьев 1908 - *Олсуфьев Ю.А.* Из прошлого села Красного Буйцы тож (Архангельского прихода) и его усадьбы. 1663-1907. М., 1908.

Памятники 1998 - Памятники Куликовского цикла / Сост. А.А. Зимин, Б.М. Клосс, Л.Ф. Кузьмина, В.А. Кучкин. СПб., 1998.

Петров 2003 - *Петров А.Е.* Куликово поле в исторической памяти: Формирование и эволюция представлений о месте Куликовской битвы // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2003. № 3 (13). С. 26-30.

Поведание 1838 - Поведание и Сказание о побоище великаго князя Димитрия Ивановича Донскаго / Изд. И. Снегирева // Русский исторический сборник. Т. 2. Кн. 1. М., 1838.

Повести 1959 - Повести о Куликовской битве / Издание подготовили М.Н. Тихомиров, В.Ф. Ржига, Л.А. Дмитриев. М., 1959.

Православный собеседник 1861 - Православный собеседник, издаваемый при Казанской духовной академии. Часть 1. Казань, 1861.

Приселков 1996 - *Приселков М.Д.* История русского летописания XI-XV вв. СПб., 1996.

Прохоров 1978 - *Прохоров Г.М.* Повесть о Митяе. Л., 1978.

Прохоров 1994 - *Прохоров Г.М.* Повесть об Устьшехонском Троицком монастыре и рассказы о городе Белозерске // Книжные центры Древней Руси. XVII век: Разные аспекты исследования. СПб., 1994. С. 163-183.

ПСРЛ. IV. Часть I - Полное собрание русских летописей. Т. IV. Часть I. Новгородская четвертая летопись. М.: Языки русской культуры, 2000. 690 с.

ПСРЛ. Т. VI. Вып. I - Полное собрание русских летописей. Т. VI. Вып. I. Софийская первая летопись старшего извода. М.: Языки русской культуры, 2000. 312 с.

ПСРЛ. Т. XI - Полное собрание русских летописей. Т. XI. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. Продолжение. М.: Языки русской культуры, 2000. 254 с.

ПСРЛ. Т. XLIII - Полное собрание русских летописей. Т. XLIII. Новгородская летопись по списку П.П. Дубровского. М.: Языки русской культуры, 2004.

Русские повести 1958 - Русские повести XV-XVI веков / Сост. М.О. Скрипиль. М.; Л., 1958.

Селезнев 2000 – *Селезнев Ю.В.* Стратегия и тактика Мамая: К вопросу о численности ордынских войск на Куликовом поле // Куликово поле: Вопросы историко-культурного наследия. Тула, 2000. С. 297-299.

Селезнев 2001 - *Селезнев Ю.В.* Темник Мамай противник великого князя Московского Дмитрия Ивановича Донского. (Историко-биографический очерк) // Дмитрий Донской и эпоха возрождения Руси: События, памятники, традиции. Тула, 2001. С. 147-154.

Сказания 1982 - Сказания и повести о Куликовской битве / Издание подготовили *Л.А. Дмитриев, О.П. Лихачева. Л.*, 1982.

Скрынников 1983 - *Скрынников Р.Г.* Куликовская битва: Проблемы изучения // Куликовская битва в истории и культуре нашей родины. (Материалы юбилейной научной конференции). М.: Издательство Московского университета, 1983. С. 54-57.

Словарь книжников 1988 – Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Ч. 1. *Л.*, 1988.

Слово 1966 - «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла / Редакторы Д.С. *Лихачев* и *Л.А.* Дмитриев. М.; *Л.*, 1966.

Соловьев 1993 - *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. 2. История России с древнейших времен. Тома 3-4. М.: Голос, 1993.

Срезневский 1903 - *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 3. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1903.

Тихомиров 1959 - *Тихомиров М.Н.* Куликовская битва 1380 года // Повести о Куликовской битве. М.: Издательство АН СССР, 1959. С. 335-376.

Троицкий 1890 - *Троицкий Н.И.* Берега Непрядвы в историко-археологическом отношении // Труды Седьмого Археологического съезда в Ярославле. М., 1890. С. 80-97.

Фальсификация 2011 - Фальсификация исторических источников и конструирование этнократических мифов. М., 2011.

Флоренский 1984 - *Флоренский К.П.* Где произошло Мамаево побоище? // Природа. 1984. № 8 (828). С. 41-47.

Фомин 1999 - *Фомин Н.К.* Топоним «Куликово поле» по документам XVI-XVII вв. // Изучение историко-культурного наследия Куликова поля / Государственный музей-заповедник «Куликово поле». Научные труды. М.; Тула, 1999.

Хотинский, Фоломеев, Александровский, Гуман 1985 - *Хотинский Н.А., Фоломеев Б.А., Александровский А.Л., Гуман М.А.* Куликово поле: Природа и история последних 6 тысяч лет // Природа. 1985. № 12 (844).

Чеботарев 2005 - *Чеботарев А.* В поисках Куликова поля (датированная 15–м августа 2005 г. беседа с руководителями Верхнее-Донской археологической экспедиции Государственного исторического музея) // Нескучный сад. М., 2005. № 4 (15). С. 94-101.

Черепнин 1960 - *Черепнин Л.В.* Образование русского централизованного государства в XIV-XV веках. М., 1960.

Шабульдо 1987 - *Шабульдо Ф.М.* Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского. Киев, 1987.

Шамбинаго 1906 - *Шамбинаго С.К.* Повести о Мамаевом побоище. СПб., 1906. 375+190 с.

Шахматов 1900 - *Шахматов А.А.* Общерусские летописные своды XIV и XV веков // Журнал Министерства народного просвещения. 1900. № 11. С. 135-200.

Шахматов 1910 - *Шахматов А.А.* Отзыв о сочинении С.К. Шамбинаго «Повести о Мамаевом побоище» // Отдельный оттиск из «Отчета о двенадцатом присуждении премий митрополита Макария». СПб., 1910. С. 79-204.

Detmar-Chronik 1884 - Detmar-Chronik von 1101-1395 mit der Fortzetzung von 1395-1400 // Die Chroniken der Deutschen Städte vom 14. bis 16. Jahrhundert. Leipzig, 1884. Bd 19.

Krantz 1619 - *Krantz A.* Vandaliae. Hanoviae, 1619.

Scriptores 1866 - Scriptores rerum Prussicarum. T. 3. Leipzig, 1866.

REFERENCES

Afremov 1849 - *Afremov I.* Kulikovo pole s restavrirovannym planom Kulikovskoj bitvy v 8-j den' sentjabrja. 1380 goda [Kulikovo field with the restored plan of the Battle of Kulikovo in the 8th day of September 1380], Moscow, 1849 [in Russian].

Aleksandrovskij 1990 - *Aleksandrovskij A.L.* Paleopochvennye issledovanija na Kulikovom pole [Paleopochvenny researches on Kulikovo field], in: Kulikovo pole: Materialy i issledovanija / Otv. red. A.K. Zajcev [Kulikovo field: Materials and researches / Contributing editor A.K. Zaytsev], Moscow, 1990, pp. 60-70 [in Russian].

Ashurkov 1980 - *Ashurkov V.N.* Pamjatniki Kulikova polja [Monuments of Kulikovo field], in: Kulikovskaja bitva. Sb. statej [Battle of Kulikovo. Withbornik articles], Moscow, 1980, pp. 275-288 [in Russian].

Atlas 2006 - Obshhegeograficheskij regional'nyj atlas: Tul'skaja oblast' / Redaktory D. Trushhin, V. Pjatnickaja [All-geographical regional atlas: Tula region / Editors D. Trushchin, V. Pyatnitskaya], Moscow, 2006 [in Russian].

Atlas avtomobil'nyh dorog 2010 - Atlas avtomobil'nyh dorog Tul'skoj oblasti i prilegajushhih territorij / Rukovoditeli proekta A.P. Pritvorov, A.N. Bushnev [Atlas of highways of Tula region and adjacent territories / Project managers A.P. Pritvorov, A.N. Bushnev], Moscow, Izdatel'stvo Astrel' Publ., 2010 [in Russian].

Atlas Tul'skoj oblasti 2006 - Atlas Tul'skoj oblasti. Masshtab v 1 sm – 1 km. / Otv. red. A.G. Kosikov [Atlas of Tula region. Scale in 1 cm – 1 km. / Contributing editor A.G. Kosikov], Moscow, Ul'tra Jeksteit Publ., 2006 [in Russian].

Aver'janov 2002 - *Aver'janov K.A.* Dmitrij Donskoj i Sergij Radonezhskij nakanune Kulikovskoj bitvy [Dmitry Donskoy and Sergey of Radonezh on the eve of the Battle of Kulikovo], in: Troice-Sergieva lavra v istorii, kul'ture i duhovnoj zhizni Rossii: Materialy II Mezhdunarodnoj konferencii 4-6 oktjabrja 2000 g. [Trinity-Sergius Lavra in the history, culture and spiritual life of Russia: Materials II International conference on October 4-6, 2000], Sergiev posad, 2002, pp. 15-16 [in Russian].

Aver'janov 2006a - *Aver'janov K.A.* O mestonahozhdenii mitropolita Kipriana v 1380 g. [About location of the metropolitan Kiprian in 1380], in: Kulikovskaja bitva v istorii Rossii [Battle of Kulikovo in the history of Russia], Tula, 2006, pp. 186-193 [in Russian].

Aver'janov 2006b - *Aver'janov K.A.* Sergij Radonezhskij: Lichnost' i jepoha [Sergey of Radonezh: Personality and era], Moscow, 2006 [in Russian].

Azbelev 1972 - *Azbelev S.N.* Skazanie o pomoshhi novgorodcev Dmitriju Donskomu [Legend on the help of Novgorodians to Dmitry Donskoy], in: Russkij fol'klor. T. 13 [Russian folklore. Volume 13], Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1972, pp. 77-102 [in Russian].

Azbelev 2007 - *Azbelev S.N.* Ustnaja istorija v pamjatnikah Novgoroda i Novgorodskoj zemli [Oral history in monuments of Novgorod and the Novgorod earth], St. Petersburg, Dmitrij Bulanin Publ., 2007 [in Russian].

Azbelev 2011 - *Azbelev S.N.* Kulikovskaja pobeda v narodnoj pamjati: Literaturnye pamjatniki Kulikovskogo cikla i fol'klornaja tradicija [Kulikovsky victory in national memory: Literary monuments of the Kulikovsky cycle and folklore tradition], St. Petersburg: Dmitrij Bulanin Publ., 2011 (Studiorum Slavicorum Orbis. Vyp. 2), 311 p. [in Russian].

Azbelev 2012a - *Azbelev S.N.* Kulikovskaja bitva i pravoslavnaja cerkov' [Battle of Kulikovo and orthodox church], in: Kulikovskaja bitva v istorii Rossii [Battle of Kulikovo in the history of Russia], Tula, 2012, Vyp. 2, pp. 77-82 [in Russian].

Azbelev 2012b - *Azbelev S.N.* O geografii Kulikovskoj bitvy [About geography of the Battle of Kulikovo], in: Russkoe pole: Nauchno-publicisticheskij al'manah [Russian field: Scientific-journalistic almanac], Krasnojarsk; Stokholm, 2012, № 2, pp. 43-52 [in Russian].

Azbelev 2013a - *Azbelev S.N.* Geografija srazhenija na Kulikovom pole [Battle geography on Kulikovo field], in: Drevnjaja Rus': Voprosy medievistiki [Old Russia. The Questions of Middle Ages], 2013, № 4 (54), pp. 11-19 [in Russian].

Azbelev 2013b - *Azbelev S.N.* Mesto srazhenija na Kulikovom pole [The place of battle on Kulikovo field], in: Vspomogatel'nye istoricheskie discipliny v sovremennom nauchnom znanii: Materialy XXV Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Moskva, 31 janvarja - 2 fevralja 2013 g. Chast' 2 [Auxiliary historical disciplines in modern scientific knowledge: Materials XXV International scientific conference. Moscow, on January 31 - on February 2, 2013], Moscow, 2013, pp. 185-187 [in Russian].

Azbelev 2014 - *Azbelev S.N.* K voprosu o meste i date Kulikovskoj bitvy (istoriograficheskie zametki) [To a question of the place and date of the Battle of Kulikovo (historiographic notes)], in: Drevnjaja Rus': Voprosy medievistiki [Old Russia. The Questions of Middle Ages], 2014, № 3 (57), pp. 145-151 [in Russian].

Azbelev 2015a - *Azbelev S.N.* Ob unikal'nyh izvestijah Nikonovskoj letopisi [About unique news of the Nikonovsky chronicle], in: Akademik A.A. Shahmatov: Zhizn', tvorchestvo, nauchnoe nasledie. (K 150-letiju so dnja rozhdenija) [Academician A.A. Shakhmatov: Life, creativity, scientific heritage (To the 150 anniversary since birth)], St. Petersburg, Nestor-Istorija Publ., 2015, pp. 317-327 [in Russian].

Azbelev 2015b - *Azbelev S.N.* Chislennost' i sostav vojsk na Kulikovom pole [The number and structure of troops on Kulikovo field], in: Drevnjaja Rus': Voprosy medievistiki [Old Russia. The Questions of Middle Ages], 2015, № 4 (62), pp. 23-29 [in Russian].

Borisov 1990 - *Borisov N.S.* I svecha by ne ugasla… [And the candle would not die away], Moscow, 1990 [in Russian].

Chebotarev 2005 - *Chebotarev A.* V poiskah Kulikova polja (datirovannaja 15–m avgusta 2005 g. beseda s rukovoditeljami Verhnee-Donskoj arheologicheskoj jekspedicii Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeja) [In search of Kulikovo field (dated on August 15, 2005 conversation with heads Top - Donskoy archaeological expedition of the State Historical Museum)], in: Neskuchnyj sad [Neskuchny Garden], Moscow, 2005, № 4 (15), pp. 94-101 [in Russian].

Cherepnin 1960 - *Cherepnin L.V.* Obrazovanie russkogo centralizovannogo gosudarstva v XIV-XV vekah [Formation of the Russian centralized state in XIV-XV centuries], Moscow, 1960 [in Russian].

Dal' 1882 - *Dal' V.* Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo jazyka. Vtoroe izdanie, ispravlennoe i znachitel'no umnozhennoe po rukopisi avtora. T. 4 [Explanatory dictionary of living great Russian language. The second edition corrected and considerably increased according to the manuscript of the author, Volume 4], St. Petersburg; Moscow, 1882 [in Russian].

Detmar-Chronik 1884 - Detmar-Chronik von 1101-1395 mit der Fortzetzung von 1395-1400 [Chronicle Titmara 1101-1395 with continuation 1395-1400], in: Die Chroniken der Deutschen Städte vom 14. bis 16. Jahrhundert [Chronicles of the German cities XIV-XVI centuries], Leipzig, 1884, Bd 19 [in German].

Fal'sifikacija 2011 - Fal'sifikacija istoricheskih istochnikov i konstruirovanie jetnokraticheskih mifov [Falsification of historical sources and designing of etnokratichesky myths], Moscow, 2011 [in Russian].

Florenskij 1984 - *Florenskij K.P.* Gde proizoshlo Mamaevo poboishhe? [Where there was a General fight?], in: Priroda [Nature], 1984, № 8 (828), pp. 41-47 [in Russian].

Fomin 1999 - *Fomin N.K.* Toponim «Kulikovo pole» po dokumentam XVI-XVII vv. [Toponym «Kulikovo field» according to documents XVI-XVII centuries], in: Izuchenie istoriko-kul'turnogo nasledija Kulikova polja / Gosudarstvennyj muzej-zapovednik «Kulikovo pole». Nauchnye trudy [Studying of historical and cultural heritage of Kulikovo field / State memorial estate «Kulikovo field». Scientific works], Moscow; Tula, 1999 [in Russian].

Gagin 2006 - *Gagin I.A.* Versija uchastija volzhskih bulgar v Kulikovskom srazhenii [The version of participation Volga the Bulgar in Kulikovsky battle], in: Sbornik Russkogo istoricheskogo obshhestva [Collection of the Russian historical society], Moscow, 2006, T. 10 (158), pp. 475-481 [in Russian].

Gracheva 2005 - *Gracheva I.V.* Dekabrist vo glave Sinoda [The Decembrist at the head of the Synod], in: Neva [Neva], 2005, № 10, pp. 227-231 [in Russian].

Grekov 1970 - *Grekov I.B.* O pervonachal'nom variante Skazanija o Mamaevom poboishhe [About the original version of the Legend on Mamayevy slaughter], in: Sovetskoe slavjanovedenie [Soviet Slavic studies], 1970, № 6, pp. 27-36 [in Russian].

Gricenko, Naumov 2005 - *Gricenko V.P., Naumov A.N.* Muzej-zapovednik «Kulikovo pole» [Memorial estate «Kulikovo field»], in: Kulikovo pole i Donskoe poboishhe 1380 goda [Kulikovo field and Don slaughter of 1380], Moscow, 2005, pp. 299-344 [in Russian].

Hotinskij, Folomeev, Aleksandrovskij, Guman 1985 - *Hotinskij N.A., Folomeev B.A., Aleksandrovskij A.L., Guman M.A.* Kulikovo pole: Priroda i istorija poslednih 6 tysjach let [Kulikovo field: Nature and history of the last 6 thousand years], in: Priroda [Nature], 1985, № 12 (844) [in Russian].

Istorija russkoj literatury 1945 - Istorija russkoj literatury. T. 2. Ch. 1 [History of the Russian literature. Volume 2. Part 1], Moscow; Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1945 [in Russian].

Karamzin 1819 - *Karamzin N.M.* Istorija gosudarstva Rossijskogo. Izdanie vtoroe, ispravlennoe. T. 5 [History of the state Russian. The edition second corrected. Volume 5], St. Petersburg, 1819 [in Russian].

Karpova 2001 - *Karpova E.V.* Rabota I.P. Martosa nad proektom pamjatnika Dmitriju Donskomu. (Po novym materialam) [I.P. Martos's work on the project of a monument to Dmitry Donskoy. (On new materials)], in: Dmitrij Donskoj i jepoha vozrozhdenija Rusi: Sobytija, pamjatniki, tradicii [Dmitry Donskoy and Renaissance of Russia: Events, monuments, traditions], Tula, 2001, pp. 260-273 [in Russian].

Katalog relikvij 2005 - Katalog relikvij Donskogo poboishha, najdennyh na Kulikovom pole. K 625-letiju Kulikovskoj bitvy / Sostavitel' O.V. Dvurechenskij [The catalog of the relics of the Don slaughter found on Kulikovo field. To the 625 anniversary of the Battle of Kulikovo. Originator O.V. Dvurechensky], Moscow, 2005 [in Russian].

Kirpichnikov 1980 - *Kirpichnikov A.N.* Kulikovskaja bitva [Battle of Kulikovo], Leningrad, Nauka Publ., 1980 [in Russian].

Krantz 1619 - *Krantz A.* Vandaliae [Vandaliya], Hanoviae, 1619 [in Latin].

Kuchkin 1980 - *Kuchkin V.A.* Pobeda na Kulikovom pole [Victory on Kulikovo field], in: Voprosy istorii [History questions], 1980, № 8, pp. 3-21 [in Russian].

Kuchkin 1984 - *Kuchkin V.A.* O meste Kulikovskoj bitvy [About the place of the Battle of Kulikovo], in: Priroda [Nature], 1984, № 8 (828), pp. 47-53 [in Russian].

Kulikovo pole 2007 - Kulikovo pole: Bol'shaja illjustrirovannaja jenciklopedija / Pod obshhej redakciej V.I. Gricenko [Kulikovo field: The big illustrated encyclopedia / Under the general edition of V.I. Gritsenko], Tula, Gosudarstvennyj muzej-zapovednik «Kulikovo pole» Publ., 2007 [in Russian].

Kulikovo pole 2014 - Kulikovo pole: Antologija publikacij XIX-XX vekov / Sostavitel' i avtor kommentariev Naumov Andrej Nikolaevich, kand. ist. nauk [Kulikovo field: Anthology of publications XIX-XX centuries / Originator and author of comments Naumov Andrey Nikolaevich], Tula, 2014 [in Russian].

Kuznecov 1994 - *Kuznecov A.V.* Suhona ot ust'ja do ust'ja [Sukhona from the mouth to the mouth], Vologda, 1994 [in Russian].

Kuznecov 1999 - *Kuznecov O.Ju.* Lokalizacija Kulikova polja po russkim srednevekovym pis'mennym istochnikam [Localization of Kulikovo field on the Russian medieval written sources], in: Izuchenie istoriko-kul'turnogo i prirodnogo nasledija Kulikova polja / Gosudarstvennyj muzej-zapovednik «Kulikovo pole». Nauchnye trudy [Studying of historical and cultural and natural heritage of Kulikovo field / State memorial estate «Kulikovo field». Scientific works], Moscow; Tula, 1999 [in Russian].

Markina 1990 - *Markina E.D.* Vozniknovenie sela Kulikovki. K voprosu o zaselenii Kulikova polja [Emergence of the village of Kulikovka. To a question of settling of Kulikovo field], in: Kulikovo pole. Materialy i issledovanija. Trudy gos. Istoricheskogo muzeja. Vyp. 73 [Kulikovo field. Materials and researches. Works stateudarstvenny Historical museum. Release 73], Moscow, 1990 [in Russian].

Maslovskij 1881 - *Maslovskij D.M.* Iz istorii: voennogo iskusstva Rossii: Opyt kriticheskogo razbora pohoda Dmitrija Donskogo 1380 g. do Kulikovskoj bitvy vkljuchitel'no [From history: military art of Russia: Experience of critical analysis of a campaign of Dmitry of the Don 1380 to the Battle of Kulikovo inclusive], in: Voennyj sbornik [Military collection], St. Petersburg, 1881, № 8, Otd. 1 [in Russian].

Mejendorf 1990 - *Mejendorf Ioann, protoierej.* Vizantija i Moskovskaja Rus': Ocherk po istorii cerkovnyh i kul'turnyh svjazej v XIV veke [Byzantium and Moscow Russia: A sketch on stories of church and cultural ties in XIV century], Paris, 1990 [in Russian].

Muhina 1975 - *Muhina S.L.* Bezvestnye dekabristy (P.D. Cherevin, S.D. Nechaev) [Unknown Decembrists (P.D. Cherevin, S.D. Nechayev)], in: Istoricheskie zapiski [Historical notes], Moscow, 1975, T. 76, pp. 242-251 [in Russian].

Murzaev 1984 - *Murzaev Je.M.* Slovar' narodnyh geograficheskih terminov [Dictionary of national geographical terms], Moscow, 1984 [in Russian].

Naumov, Naumova 2012 - *Naumov A.N., Naumova T.V.* Nahodki s Kulikova polja XIX – 30-h gg. XX vv.; ih sostav, obstojatel'stva obnaruzhenija i vladel'cy [Finds from Kulikovo field XIX – 30th. XX centuries; their structure, circumstances of detection and owners], in: Kulikovskaja bitva v istorii Rossii [Battle of Kulikovo in the history of Russia], Tula, 2012, Vyp. 2, pp. 148-180 [in Russian].

Nechaev 1820 - *Nechaev S.* Pis'mo iz Tuly [The letter from Tula], in: Vestnik Evropy [Bulletin of Europe], 1820, № 22, pp. 149 [in Russian].

Nechaev 1821a - *Nechaev S.D.* Nekotorye zamechanija o meste Mamaeva poboishha [Some remarks on the place of General fight], in: Vestnik Evropy [Bulletin of Europe], 1821, № 14, pp. 121-129 [in Russian].

Nechaev 1821b - *Nechaev S.D.* Opisanie veshhej, najdennyh na Kulikovom pole [The description of the things found on Kulikovo field], in: Vestnik Evropy [Bulletin of Europe], 1821, № 24, pp. 348-351 [in Russian].

Nechaev 1823 - *Nechaev S.D.* O najdennyh na Kulikovom pole dvuh starinnyh oruzhijah [About two ancient oruzhiya found on Kulikovo field], in: Vestnik Evropy [Bulletin of Europe], 1823, № 8, pp. 307-312 [in Russian].

Nechaev 1825 - *Nechaev S.* Otechestvennye izvestija [Domestic news], in: Moskovskij telegraf [Moscow telegraph], 1825, Ch. 1, № 4, pp. 377-381 [in Russian].

Olsuf'ev 1908 - *Olsuf'ev Ju.A.* Iz proshlogo sela Krasnogo Bujcy tozh (Arhangel'skogo prihoda) i ego usad'by. 1663-1907 [From the last village of Red Buytsa tozh (Arkhangelsk arrival) and its estates. 1663-1907], Moscow, 1908 [in Russian].

Pamjatniki 1998 - Pamjatniki Kulikovskogo cikla / Sost. A.A. Zimin, B.M. Kloss, L.F. Kuz'mina, V.A. Kuchkin [Monuments of the Kulikovsky cycle / Sostavitel A.A. Zimin, B.M. Klos, L.F. Kuzmina, V.A. Kuchkin], St. Petersburg, 1998 [in Russian].

Petrov 2003 - *Petrov A.E.* Kulikovo pole v istoricheskoj pamjati: Formirovanie i jevoljucija predstavlenij o meste Kulikovskoj bitvy [Kulikovo field in historical memory: Formation and evolution of ideas of the place of the Battle of Kulikovo], in: Drevnjaja Rus': Voprosy medievistiki [Old Russia. The Questions of Middle Ages], 2003, № 3 (13), pp. 26-30 [in Russian].

Povedanie 1838 - Povedanie i Skazanie o poboishhe velikago knjazja Dimitrija Ivanovicha Donskago / Izd. I. Snegireva [Povedaniye and Legend on slaughter of the grand duke Dimitrii Ivanovich Donskago / Edition I. Snegireva], in: Russkij istoricheskij sbornik. T. 2. Kn. 1 [Russian historical collection. Volume 2. Book 1], Moscow, 1838 [in Russian].

Povesti 1959 - Povesti o Kulikovskoj bitve / Izdanie podgotovili M.N. Tihomirov, V.F. Rzhiga, L.A. Dmitriev [Stories about the Battle of Kulikovo / Edition were prepared by M.N. Tikhomirov, V.F. Rzhiga, L.A. Dmitriyev], Moscow, 1959 [in Russian].

Pravoslavnyj sobesednik 1861 - Pravoslavnyj sobesednik, izdavaemyj pri Kazanskoj duhovnoj akademii. Chast' 1 [The orthodox interlocutor published at the Kazan spiritual academy. Part 1], Kazan, 1861 [in Russian].

Priselkov 1996 - *Priselkov M.D.* Istorija russkogo letopisanija XI-XV vv. [History of the Russian annals XI-XV centuries], St. Petersburg, 1996 [in Russian].

Prohorov 1978 - *Prohorov G.M.* Povest' o Mitjae [The story about Mityae], Leningrad, 1978 [in Russian].

Prohorov 1994 - *Prohorov G.M.* Povest' ob Ust'shehonskom Troickom monastyre i rasskazy o gorode Belozerske [The story about Ustshekhonsky Trinity Monastery and stories about the city of Belozersk], in: Knizhnye centry Drevnej Rusi. XVII vek: Raznye aspekty issledovanija [Book centers of Ancient Russia. XVII century: Different aspects of research], St. Petersburg, 1994, pp. 163-183 [in Russian].

PSRL. IV. Chast' I - Polnoe sobranie russkih letopisej. T. IV. Chast' I. Novgorodskaja chetvertaja letopis' [Complete collection of the Russian chronicles. Volume IV. Part I. Novgorod Fourth Chronicle], Moscow, Jazyki russkoj kul'tury Publ., 2000, 690 p. [in Russian].

PSRL. T. VI. Vyp. I - Polnoe sobranie russkih letopisej. T. VI. Vyp. I. Sofijskaja pervaja letopis' starshego izvoda [Complete collection of the Russian chronicles. Volume VI. Release I. Sofia First Chronicle of the Early Redaction], Moscow, Jazyki russkoj kul'tury Publ., 2000, 312 p. [in Russian].

PSRL. T. XI - Polnoe sobranie russkih letopisej. T. XI. Letopisnyj sbornik, imenuemyj Patriarshej ili Nikonovskoj letopis'ju. Prodolzhenie [Complete collection of the Russian chronicles. Volume XI. The

annalistic collection called by the Patriarchal or Nikonovsky chronicle. Continuation], Moscow, Jazyki russkoj kul'tury Publ., 2000, 254 p. [in Russian].

PSRL. T. XLIII - Polnoe sobranie russkih letopisej. T. XLIII. Novgorodskaja letopis' po spisku P.P. Dubrovskogo [Complete collection of the Russian chronicles. Volume XLIII. The Novgorod chronicle according to P.P. Dubrovsky's list], Moscow, Jazyki russkoj kul'tury Publ., 2004 [in Russian].

Russkie povesti 1958 - Russkie povesti XV-XVI vekov / Sost. M.O. Skripil' [Russian stories XV-XVI centuries], Moscow; Leningrad, 1958 [in Russian].

Scriptores 1866 - Scriptores rerum Prussicarum. T. 3 [Compositions of Prussian writers. Volume 3], Leipzig, 1866 [in Latin].

Seleznev 2000 - *Seleznev Ju.V.* Strategija i taktika Mamaja: K voprosu o chislennosti ordynskih vojsk na Kulikovom pole [Strategy and tactics of Mamaya: To a question of the number of the Horde troops on Kulikovo field], in: Kulikovo pole: Voprosy istoriko-kul'turnogo nasledija [Kulikovo field: Questions of historical and cultural heritage], Tula, 2000, pp. 297-299 [in Russian].

Seleznev 2001 - *Seleznev Ju.V.* Temnik Mamaj protivnik velikogo knjazja Moskovskogo Dmitrija Ivanovicha Donskogo. (Istoriko-biograficheskij ocherk) [Temnik Mamay opponent of the grand duke Moscow Dmitry Ivanovich Donskoy. (Historical and biographic sketch)], in: Dmitrij Donskoj i jepoha vozrozhdenija Rusi: Sobytija, pamjatniki, tradicii [Dmitry Donskoy and Renaissance of Russia: Events, monuments, traditions], Tula, 2001, pp. 147-154 [in Russian].

Shabul'do 1987 - *Shabul'do F.M.* Zemli Jugo-Zapadnoj Rusi v sostave Velikogo knjazhestva Litovskogo [The earth of Southwest Russia as a part of Grand Duchy of Lithuania], Kiev, 1987 [in Russian].

Shahmatov 1900 - *Shahmatov A.A.* Obshherusskie letopisnye svody XIV i XV vekov [All-Russian annalistic arches XIV and XV centuries], in: Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshhenija [Magazine of the Ministry of national education], 1900, № 11, pp. 135-200 [in Russian].

Shahmatov 1910 - *Shahmatov A.A.* Otzyv o sochinenii S.K. Shambinago «Povesti o Mamaevom poboishhe» [Review of S. K. Shambinago's composition of «Story about Mamayevy slaughter»], in: Otdel'nyj ottisk iz «Otcheta o dvenadcatom prisuzhdenii premij mitropolita Makarija» [Separate print from «The report on the twelfth award of awards of the metropolitan Makari»], St. Petersburg, 1910, pp. 79-204 [in Russian].

Shambinago 1906 - *Shambinago S.K.* Povesti o Mamaevom poboishhe [Stories about Mamayevy slaughter], St. Petersburg, 1906, 375+190 p. [in Russian].

Skazanija 1982 - Skazanija i povesti o Kulikovskoj bitve / Izdanie podgotovili L.A. Dmitriev, O.P. Lihacheva [Legends and stories about the Battle of Kulikovo / Edition were prepared by L.A. Dmitriyev, O.P. Likhacheva], Leningrad, 1982 [in Russian].

Skrynnikov 1983 - *Skrynnikov R.G.* Kulikovskaja bitva: Problemy izuchenija [Battle of Kulikovo: Studying problems], in: Kulikovskaja bitva v istorii i kul'ture nashej rodiny. (Materialy jubilejnoj nauchnoj konferencii) [Battle of Kulikovo in the history and culture of our homeland. (Materials of anniversary scientific conference)], Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta Publ., 1983, pp. 54-57 [in Russian].

Slovar' knizhnikov 1988 – Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnej Rusi. Vyp. 2. Ch. 1 [Dictionary of scribes and knizhnost of Ancient Russia. Release 2. Part 1], Leningrad, 1988 [in Russian].

Slovo 1966 - «Slovo o polku Igoreve» i pamjatniki Kulikovskogo cikla / Redaktory D.S. Lihachev i L.A. Dmitriev [«Tale of Igor's Campaign» and monuments of the Kulikovsky cycle / Editors D. S. Likhachev and L.A. Dmitriyev], Moscow; Leningrad, 1966 [in Russian].

Solov'ev 1993 - *Solov'ev S.M.* Sochinenija. Kn. 2. Istorija Rossii s drevnejshih vremen. Toma 3-4 [Compositions. Book 2. History of Russia since the most ancient times. Volume 3-4], Moscow, Golos Publ., 1993 [in Russian].

Sreznevskij 1903 - *Sreznevskij I.I.* Materialy dlja slovarja drevnerusskogo jazyka po pis'mennym pamjatnikam. T. 3 [Materials for the dictionary of Old Russian language on written monuments. Volume 3], St. Petersburg, Tipografija Imperatorskoj Akademii nauk Publ., 1903 [in Russian].

Tihomirov 1959 - *Tihomirov M.N.* Kulikovskaja bitva 1380 goda [Battle of Kulikovo of 1380], in: Povesti o Kulikovskoj bitve [Stories about the Battle of Kulikovo], Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1959, pp. 335-376 [in Russian].

Troickij 1890 - *Troickij N.I.* Berega Neprjadvy v istoriko-arheologicheskom otnoshenii [Nepryadva's coast in the historical and archaeological relation], in: Trudy Sed'mogo Arheologicheskogo s’ezda v Jaroslavle [Works of the Seventh Archaeological congress in Yaroslavl], Moscow, 1890, pp. 80-97 [in Russian].

Zajcev, Folomeev, Hotinskij 1990 - *Zajcev A.K., Folomeev B.A. Hotinskij N.A.* Problemy mezhdisciplinarnogo izuchenija Kulikova polja [Problems of interdisciplinary studying of Kulikovo field], in: Kulikovo pole: Materialy i issledovanija / Otv. redaktor A.K. Zajcev [Kulikovo field: Materials and researches / Contributing editor A.K. Zaytsev], Moscow, 1990, pp. 4-9 [in Russian].

Zhuravel' 2010 - *Zhuravel’ A.V.* «Aki molnija v den' dozhdja». Kn. 1: Kulikovskaja bitva i ee sled v istorii [«Like a lightning in day of a rain». Book 1: Battle of Kulikovo and its trace in the history], Moscow, 2010 [in Russian].

Азбелев Сергей Николаевич – Доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН, профессор кафедры отечественной истории Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого.
Azbelev Sergey – Doctor of Philological Sciences, Professor of Russian History at the Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Senior Research Scientist at the Institute of Russian Literature (The Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences.
E-mail: azbelev@mail.ru

УДК 94(367)

ДРЕВНИЕ СЛАВЯНЕ НА ВОЛЫНИ (I ТЫС. Н.Э.). ЧАСТЬ ПЕРВАЯ*

М.И. Жих
Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7/9
e-mail: max-mors@mail.ru
Scopus Author ID: 55358941500
Researcher ID: F-3154-2014
http://orcid.org/0000-0003-2212-6416
SPIN-код: 6149-3974

Авторское резюме
Готский историк VI в. Иордан в своём повествовании об истории готов сообщает, что на пути с Балтийских берегов к Чёрному морю они заняли некую землю Oium и победили «племя» (gens) спалов/Spali. Это название логично сопоставлять со славянским «исполин» (праслав. *jьspolinъ/*spolinъ). Спалов Иордана можно отождествить с волынскими славянами, которым принадлежали памятники зубрецкой (волыно-подольской) группы пшеворской культуры. Война с ними была осмыслена в готской эпической традиции как борьба с народом древних великанов.
Ключевые слова: Волынь, готы, славяне, Иордан, Ойум.

EARLY SLAVS IN VOLHYNIA (1st MILLENNIUM). PART ONE

Maksim Zhikh
Saint Petersburg State University
7/9 The Universitetskaya Embankment, St. Petersburg, 199304, Russia
e-mail: max-mors@mail.ru

Abstract
In the 6th century AD, historian Jordanes, in his narration of the Goths' history, claimed that on their way from the Baltic shores to the Black Sea the Goths occupied the land of Oium and conquered the tribe of Spali. «Spali» closely matches the Slavic word «ispolin» (*jьspolinъ/*spolinъ in proto-Slavic), which means «giant». Jordanes' Spali could be identified as Volhynian Slavs, to whom the monuments of Zubretsky (Volhynian-Podolian) group of the Przeworsk culture belonged. A war with them was presented in the Gothic epic tradition as a fight with ancient giants.
Keywords: Volhynia, Goths, Slavs, Jordanes, Oium.

* * *

* Работа выполнена при финансовой поддержке СПбГУ, проект 5.38.265.2015.

I. Проблема локализации земли Oium и «племени» (gens) Spali в труде Иордана «О происхождении и деяниях гетов»[1]

Одним из ключевых событий в истории ранних славян стала их «встреча» с готами. Есть основания полагать, что столкновение с готами стало важнейшим событием и в ранней истории первых славян Волыни. Детально остановиться на этом событии следует также потому, что в связи с ним волынские славяне, как я постараюсь показать, впервые упомянуты в письменных источниках, что позволяет, в свою очередь, уточнить время первого появления славян на Волыни.

Речь идёт о рассказе, повествующем о миграции германского «народа» готов от Балтики к Чёрному морю, который дошёл до нас в составе труда готского историка Иордана «О происхождении и деяниях гетов» (в науке также используется введённое Моммсеном условное сокращённое название Getica/Гетика), написанном в 550-551 гг., скорее всего в Равенне (Скржинская 2013: 29-31, 46-51).

Происхождение этого рассказа и время его записи порождает ряд источниковедческих проблем. Во-первых, труд Иордана в значительной мере не имел самостоятельного характера, представляя собой, как сообщает сам автор (Iord., Get. 1), сокращённое переложение не сохранившейся истории готов в двенадцати книгах, написанной на основе разнообразных устных и письменных источников италийским политиком и писателем Кассиодором Сенатором между 526/527-533 гг.

Кассиодор, бывший сподвижником остготского короля Теодориха (470-526), в своей «Истории» проводил идеи о древности и величии готской истории, не уступавшей античной и бывшей её составной частью (в рамках этой концепции он отождествляет германцев-готов и фракийцев-гетов, хорошо известных античным авторам, чтобы таким образом вписать историю готов в историю античного мира), дабы таким образом римляне примирились с правлением готов в Италии.

Иордан писал на 20 лет позже, в ситуации, когда королевство остготов было завоёвано Византией, и его труд имел задачу как бы подменить собой сочинение Кассиодора, из которого была взята фактура, но подана в соответствии с иной концепцией: готы как часть античного мира должны подчиниться Ромейской империи, слава и мощь которой превосходят их славу и мощь (Скржинская 2013: 31-40): «изобразил я это (историю готов – М.Ж.) ведь не столько во славу их самих, сколько во славу того, кто победил (императора Юстиниана – М.Ж.)» (Iord., Get. 316; Иордан 2013: 121-122).

При этом остаётся открытым следующий вопрос: является ли работа Иордана механическим сокращением труда Кассиодора с простой подменой его идеологического заряда, или же Иордан дополнял Кассиодора какими-то собственными данными, почерпнутыми как у других авторов, так и в готских сказаниях, которые вполне могли быть ему известны, ведь Иордан сам был готом по его же признанию (Iord., Get. 316) и служил нотарием у византийского полководца Гунтигиса Базы (Iord., Get. 266), принадлежавшего к правящему остготскому роду Амалов, соответственно, должен был знать родовые предания Амалов.

[1] Главы I-III являются переработанным и дополненным вариантом работы: Жих 2014.

К примеру, в «Гетике» Иордана есть ссылки на труд некоего историка Аблабия, о котором нам неизвестно ничего, написавшего историю готов, видимо, ранее Кассиодора. И встаёт вопрос: ссылки на Аблабия Иордан просто выписал вместе со всем остальным из труда Кассиодора (который, кстати, в одном из своих сохранившихся текстов упоминает Аблабия), как полагает, например, А.Н. Анфертьев (Анфертьев 1994: 100), или же он мог пользоваться работой Аблабия самостоятельно, используя её для дополнения данных Кассиодора, как предполагала Е.Ч. Скржинская (Скржинская 2013: 24. Примечание 60)?

Окончательного ответа на этот вопрос, видимо, дать при нашем состоянии источниковой базы, невозможно, а между тем, в конце рассказа о миграции готов в Причерноморье Иордан даёт прямую отсылку к Аблабию, труд которого характеризуется как «достовернейший» (Iord., Get. 28-29) и готской эпической традиции. Последняя, впрочем, в любом случае была исходным источником «Повести о переселении гротов» (так я условно именую рассказ о миграции готов с Балтики в Причерноморье, входящий в состав «Гетики», далее – «Повесть»). Кассиодор, близкий ко двору короля Теодориха, а равно и Иордан, служивший у одного из Амалов, могли быть знакомы с ней независимо от труда Аблабия.

Можно полагать, что оба историка, ознакомившись с трудом Аблабия (независимо от того, знакомился ли с ним Иордан лично или только через Кассиодора) нашли подтверждение сообщаемым им данным в знакомой им живой готской эпической традиции. Это говорит о её распространённости и устойчивости, но не решает вопроса о достоверности.

Применительно к последней проблеме в историографии наметилось два направления. Одни учёные рассматривают «Повесть», и в особенности сюжет о стране Ойум (Oium, готское Aujom – «страна, изобилующая водой»), как чисто фольклорно-эпическое произведение. В качестве примера приведём суждения А.Н. Анфертьева, который фактически отвергал все сообщаемые «Повестью» фактические данные: «считать готов выходцами со Скандинавского полуострова, по всей видимости, нельзя» (Анфертьев 1994: 115. Комментарий 5), «вставка фольклорного сюжета, сопоставимого с рассказом о происхождении гуннов, а может быть, с представлениями о Меотийском болоте вообще. Дальнейший анализ этого сюжета (о приходе готов в землю Ойум – М.Ж.) требует собирания фольклорных мотивов о труднодоступных местностях и обрушивающихся мостах, а не попыток географической локализации рассказанного» (Анфертьев 1994: 115. Комментарий 25) и т.д. Проблема, однако, в том, что **принципиально** данные «Повести» о готской миграции с севера на юг, от Балтики к Черноморью, подтверждаются всей совокупность данных (письменных, археологических и т.д.), которыми располагает наука и никак не могут быть отвергнуты, что, конечно, не исключает наслоения на достоверную фактическую основу тех или иных легендарных фольклорных мотивов.

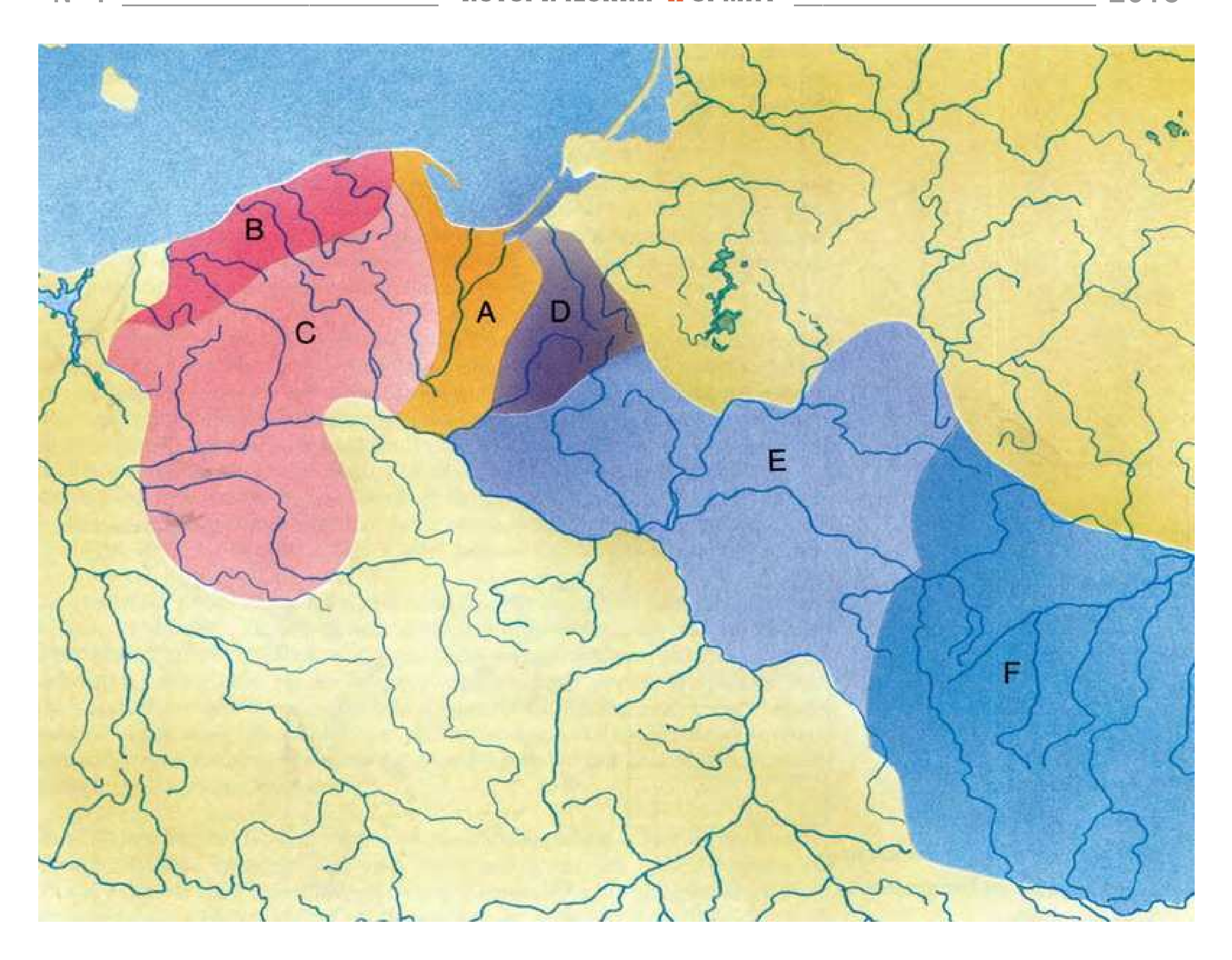

Рис. 1. Зоны распространения вельбаркской культуры от позднего предримского до позднеримского времени по Р. Волонгевичу (Шаров 2013: 119), отражающие процесс постепенного расселения готов.

Противоположная оценка данных «Повести» ярко выражена С.В. Воронятовым и Д.А. Мачинским, которые настаивают на её высокой достоверности: «Несомненно мы имеем дело с первоклассным и недооценённым в отечественной и зарубежной науке историческим источником» (Мачинский, Воронятов 2011: 248); «Несомненно, в готском предании есть некоторые образы и сюжеты, которые напоминают ''общие места'' в сказаниях разных народов о переселении. Но эти сюжеты в нашем случае столь конкретны и столь хорошо подтверждены археологией, что и к ним следует отнестись с достаточным доверием» (Мачинский, Воронятов 2011: 251. Примечание 6).

Доверие этих авторов к данным Иордана доходит до откровенной наивности: в чисто фольклорных формулах они готовы видеть свидетельства некоей реальности. «Несомненно, чисто "прозаическая" вставка в этот текст, являющийся сокращённым прозаическим пересказом песенного, это фрагмент: "Можно поверить свидетельству путников, что **до сего дня** там слышатся…", *свидетельствующий о том, что и позднее, после ухода готов из «Скифии» некие конкретные «путники» проникали в места, описанные в «песни о переселении», и имели совершенно определённые сведения о*

местонахождении «болотистой» местности… Этот фрагмент восходит, вероятнее всего, только к Аблавию… и не имеет прямого отношения к песенно-эпической традиции. Такого же характера фрагмент: "**до сего дня** оно так и называется Gothiscandza" (жирный шрифт авторов статьи, курсив мой – М.Ж.)» (Мачинский, Воронятов 2011: 249). На самом деле оборот «до сего дня» является характерным именно для фольклора, выполняя роль «историзации» повествования. В этом качестве он используется, к примеру, и в русских летописных легендах.

Думается, вопрос о соотношении между теми элементами «Повести», которые сохранили для нас память о реально происходивших событиях и фольклорно-легендарными мотивами может быть решён только одним путём: тщательным и кропотливым рассмотрением каждого звена «Повести» и его сопоставлением со всеми остальными видами источников, какие только нам доступны. При этом сразу надо отметить следующее: в устной памяти реальное событие легко могло обрасти шаблонными фольклорными мотивами, что само по себе не свидетельствует о недостоверности самого события. «В легендах могут быть зёрна истинной правды» – писал Б.Д. Греков и вычленение этих зёрен и должно составлять основу любого исследования, посвящённого теме «эпос и историческая действительность».

Что касается тех учёных, которые, не отрицая наличия в «Повести» фольклорных мотивов, пытались, тем не менее, выявить в ней историческое зерно, то их О.В. Шаров разделил условно на две большие группы: сторонников «западной» концепции (страна Ойум, в которую стремились готы, находилась к западу от Днепра) и сторонников концепции «восточной» (Ойум к востоку от Днепра) (Шаров 2013: 122-127).

В свою очередь, в рамках каждого из двух означенных «общих» подходов также возможна значительная вариация. Рассмотрим кратко основные оригинальные гипотезы относительно локализации «желанной земли» готов – Ойума.

1. «Западная» версия. В.В. Седов локализовал Ойум в окружённом болотами регионе Мазовии, Подлясья и Волыни, куда «вельбаркцы»-готы продвинулись в конце II в. и где вельбаркская культура функционировала на протяжении двух столетий, до последних десятилетий IV в. Река, которую пересекли готы на пути в Скифию – это, согласно учёному, Висла, которая и отграничивала по мнению греческих и римских авторов, в т.ч. и самого Иордана (Iord., Get. 31), Скифию/Сарматию от Германии. Готы продвигались на юго-запад из левобережных районов Нижнего Повисленья (Седов 1994: 227-228; 2002: 147).

Ф. Бирбрауэр предположил на основе археологических данных, что страна Ойум – это Волынь, а река, через которую переправлялись готы и на которой во время переправы обрушился мост – это Припять, болотистая местность же, в которой остались не сумевшие переправиться готы – Пинские болота. При этом речь идёт об относительно небольшой группе разведчиков-первопроходцев, основной же массив готов проследовал через Волынь позже (Bierbrauer 1994: 105; Бірбрауер 1995: 38-39).

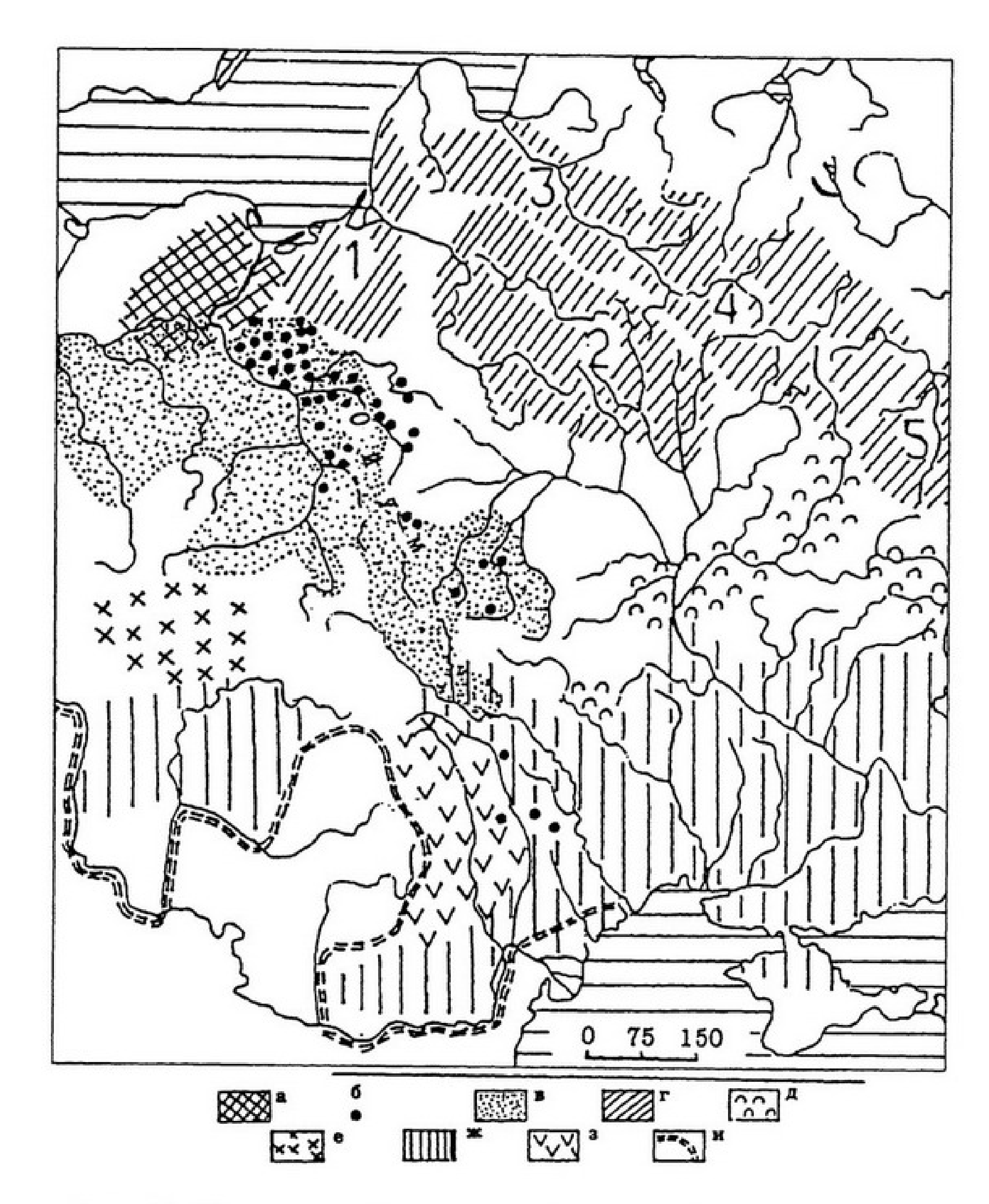

Рис. 29. Первый этап миграции готов к Черному морю

а — исходный регион вельбарской культуры; **б** — памятники вельбарской культуры, основание которых относится к последним десятилетиям II в.; **в** — ареал пшеворской культуры накануне миграции вельбарского населения к Черному морю; **г** — регионы балтских племен: **1** — культура западнобалтских курганов; **2** — штрихованной керамики; **3** — латвийский вариант культуры штрихованной керамики; **4** — днепро-двинская культура; **5** — верхнеокская культура; **д** — области позднезарубинецкой культуры; **е** — ареал котинов; **ж** — территория расселения сарматов; **з** — ареал культуры Поянешты—Выртешкой; **и** — северо-восточная граница Римской империи.

Рис. 2. Первый этап миграции готов к Чёрному морю по В.В. Седову (Седов 2002: 145)

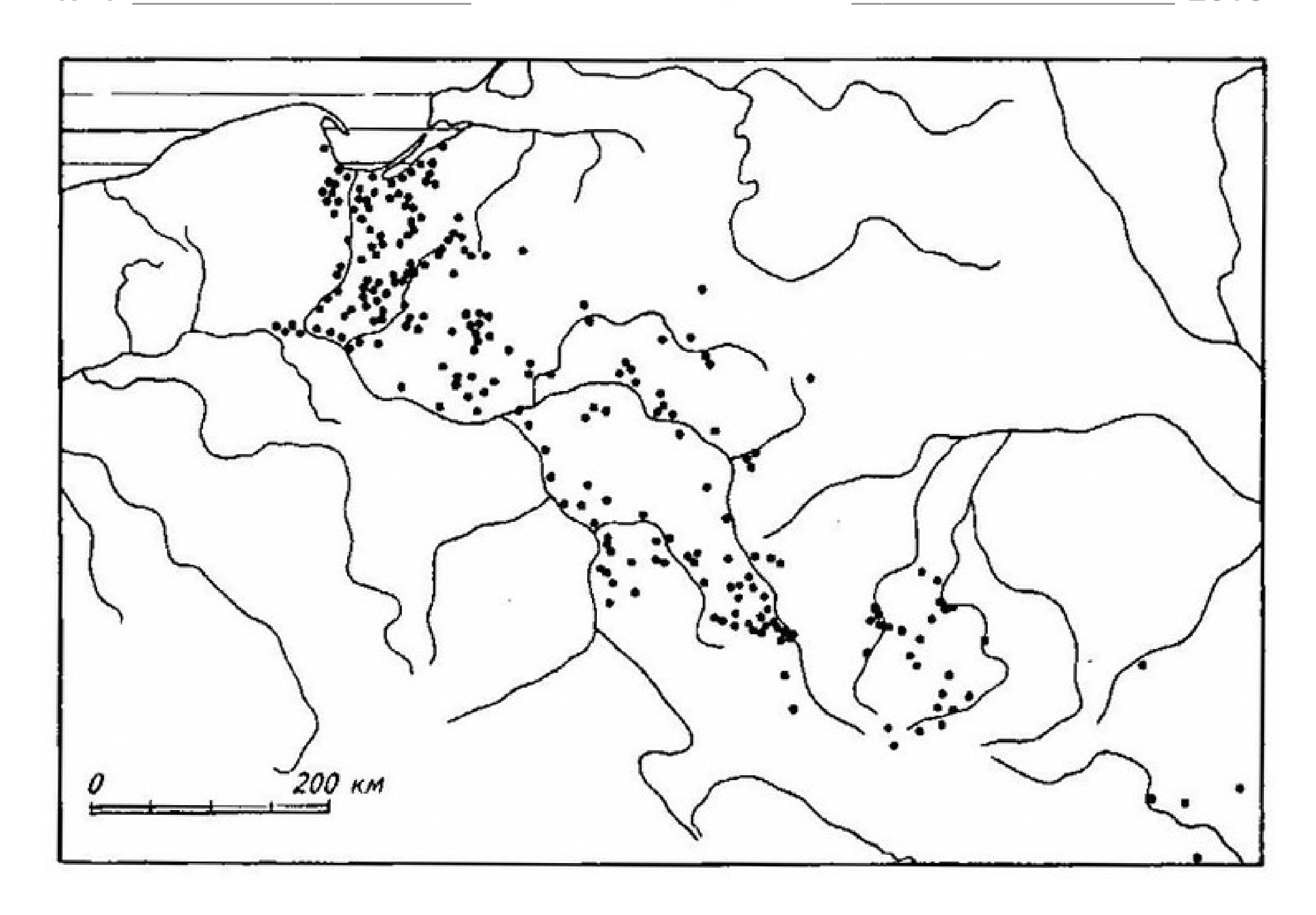

Рис. 3. Распространение вельбаркской культуры на юг от Поморья к Волыни (Бірбрауер 1995: 37)

М.Б. Щукин в одном месте своей книги «Готский путь» по поводу рассказа Иордана о приходе готов страну Ойум писал, что «этот сюжет безусловно сказочный, хотя, быть может, и не лишенный зерна исторической истины» (Щукин 2005: 89). В другом же месте указанной книги учёный осторожно попытался выделить это «зерно», обратив внимание на то, что в ходе второй, дытыничской, волны продвижения на юг готов, носителей вельбаркской культуры, возобновляются захоронения на заброшенных зарубинецких могильниках в Велемичах и Отвержичах в болотистой местности Полесья к югу ото Припяти, что «очень напоминает описанную Иорданом местность на пути движения готов Филимера (Iord., Get. 26)» (Щукин 2005: 108). Таким образом, рекой, через которую согласно «Повести» переправились готы, в построениях историка оказывается Припять, и в целом позиция М.Б. Щукина напоминает взгляды Ф. Бирбрауэра, хотя он и не ссылает на него.

В этой связи категоричное утверждение О.В. Шарова, согласно которому «М.Б. Щукин во всех своих прижизненных работах предлагал совсем другой вариант локализации страны «Ойум», значительно восточнее» (Шаров 2013: 123-124), выглядит странным. О.В. Шаров ссылается на карту в рассматриваемой книге (Щукин 2005: 149. Рис. 52), где Ойум просто отождествлён со Скифией, но в тексте книги это тождество нигде никак не поясняется, а говорится то, что процитировано

выше. В своих более ранних работах М.Б. Щукин ещё более чётко связывал Ойум с Волынью. В статье 1986 г. учёный писал, что «вельбаркцы двумя волнами проникают на Волынь («стрефа Е»), достигают на востоке Посеймья (Пересыпки), а на юге – Молдовы (Козья – Яссы). Это совпадает со свидетельствами о переселении готов и гепидов в страну Oium» (Щукин 1986: 187). В вышедшей в 1994 г. книге М.Б. Щукина читаем: «через 5 поколений готы Филимера двинулись в страну Ойум, чему соответствует движение носителей вельбаркской культуры в Мазовию и на Волынь» (Щукин 1994: 249).

Особняком в рамках «западной» концепции локализации Ойума стоит гипотеза В.Н. Топорова, согласно которой «желанная земля» находилась в устье Дуная (Топоров 1983: 254).

2. «Восточная» версия. Ряд учёных, начиная с Л. Шмидта до Г.В. Вернадского, помещали Ойум в южнорусских степях, на берегах Днепра, сдвигая его то на юг, к Причерноморью, то на север, к региону будущего Киева (историографию см.: Седов 2002: 143). Не называя Ойума, фактически тоже самое пишет Х. Вольфрам: «рекой, которая разделила готов, был, вероятно, Днепр» (Вольфрам 2003: 70).

Е.Ч. Скржинская выдвинула гипотезу о тождественности готского Ойума древней греческой Гилее, упоминаемой ещё Геродотом, на левом берегу Нижнего Днепра и его лимана. Рекой, которую готы пересекли на своём пути в таком случае оказывается Днепр, который и разделил их на две части: остроготов, занявших левобережье Днепра и везеготов, оставшихся на его правобережье (Скржинская 2013а: 188-189. Комментарий 68).

Т. Левицкий, опиаясь на некоторые известия Плиния и Менандра Протектора помещал Ойум на Керческом полуострове (Lewicki 1951: 82). Близкую идею высказал О.Н. Трубачев, согласно которому готский Ойум тождественен синдскому острову Eon, упоминаемому Плинием (Трубачев 1999: 71-72).

В.П. Буданова, обстоятельно изложив историографию Ойума (Буданова 2001: 94), не сформулировала чётко своей позиции относительно его локализации, но сделала следующее небезынтересное замечание: «…вне внимания исследователей осталась противоречивость сообщений Иордана об ʹʹОйумʹʹ. Она упоминается дважды… Сопоставление этих двух фрагментов (в одном Ойумом называются просто ʹʹземли Скифииʹʹ, в другом говорится о местности за рекой – М.Ж.) показывает, что в первом случае ʹʹОйумʹʹ, у Иордана, довольно широкое понятие, близкое по смыслу к ʹʹземле Скифииʹʹ. Во втором фрагменте топоним ʹʹОйумʹʹ – это более конкретное географическое определение тех областей в Скифии, куда двигались готы, так как в этой ʹʹОйумʹʹ готы перешли какую-то, вероятно большую, реку» (Буданова 2001: 94-95). Обращает внимание исследовательница и на то, что «тот конкретный географический регион в Скифии, который обозначен историком (Иорданом – М.Ж.) как ʹʹОйумʹʹ, не стал для готов *конечным пунктом* их передвижения в Скифию, но лишь *промежуточным звеном* в переходе с севера на юг (курсив В.П. Будановой – М.Ж.)» (Буданова 2001: 95).

Недавно вышли две обстоятельные статьи, посвящённые проблеме локализации Ойума, авторы которых подходят к ней как раз с обозначенных противоположных сторон: статья, написанная в соавторстве С.В. Воронятовым и Д.А.

Мачинским (Мачинский, Воронятов 2011; см. также: Воронятов 2014) и статья О.В. Шарова (Шаров 2013).

Обе статьи весьма эрудированы и интересны, но, к сожалению, впечатление от первой из них сразу портится двумя вещами. Во-первых, Д.А. Мачинский и С.В. Воронятов в качестве третьего автора статьи записали М.Б. Щукина, с которым её замысел Д.А. Мачинский обсуждал незадолго до его смерти (Мачинский 2011: 13-14), но в написании которой он прямого участия уже не принимал. Этот не совсем этичный факт «посмертного соавторства» уже вызвал обоснованное возмущение ряда учеников М.Б. Щукина, которые, однако, перегнули при этом палку, утверждая, что что Мачинский и Воронятов исказили идеи Щукина и напрасно приписали ему тезис о волынской локализации Ойума, который учёный будто бы никогда не озвучивал (Казанский, Шаров 2010: 12. Примечание 2; Шаров 2013: 123-124). Выше уже было показано, что это не так: в ряде работ Щукин действительно локализовал страну Ойум на Волыни, хотя детально на этом и не останавливался, что не отменяет неэтичности факта «посмертного соавторства», так как неизвестно, согласился ли бы М.Б. Щукин со всеми положениями рассматриваемых авторов. К сожалению, разные группы коллег и учеников М.Б. Щукина после его смерти пытаются, так сказать, «приватизировать» его имя и наследие.

Во-вторых, Д.А. Мачинский и С.В. Воронятов, основной пафос статьи которых состоит в отождествлении Ойума с Волынью, нарочито проигнорировали работы своих предшественников В.В. Седова и Ф. Бирбрауэра так, словно их и нет и представили дело таким образом, что они первыми выдвигают означенную идею. Такое самолюбование авторов выглядит откровенно некрасиво, о чём мне уже приходилось писать в работе, посвящённой В.В. Седову (представить, что его работы, равно как и работы Бирбрауэра им неизвестны, совершенно нереально) (Жих 2013: 121).

Остроумной гипотезой, высказанной Воронятовым и Мачинским является предположенная ими связь между наконечником копья, найденным в 1858 г. близ дер. Сушично к югу от Припяти (поскольку неподалёку находится г. Ковель, его называют также Ковельским копьём, рисунок 1), с рунической надписью, интерпретируемой как «к цели ездок»/«к цели скачущий»/«стремящийся к цели»/«преследующий цель» (Мельникова 2001: 91), и переправой готов через реку, о которой идёт речь в «Повести», коей, по мнению этих авторов, и была Припять. По мысли учёных копьё было при переправе воткнуто в землю в магических ритуальных целях, надпись на нём надо интерпретировать таким образом, что оно как бы достигло цели готов – земли Ойум, в которую они переправились (Мачинский, Воронятов 2011: 263-270). Разумеется, это красивое построение сугубо гипотетично.

В содержательной статье О.В. Шарова большой интерес представляет источниковедческий блок. Автор сопоставляет рассказ Иордана о миграции готов от Балтики к Чёрному морю с другим рассказом древнего автора – о происхождении гуннов и их приходе в Европу, находит в них сходные черты и различия и выделяет некий канон, по которому они оба, так или иначе, построены (Шаров 2013: 127-132). Тем не менее, по мнению учёного за фольклорными наслоениями вычленяется реальное историческое ядро, поскольку многие моменты в рассказе о готской

миграции находят подтверждение в других источниках (Шаров 2013: 132-138). О.В. Шаров приходит к выводу, согласно которому земля Ойум находилась близ Меотиды, вероятнее всего, в степном Крыму. После покорения Ойума готы, согласно О.В. Шарову, продвинулись дальше: на территорию южного берега Крыма, или же в район Приазовья, вплоть до Танаиса и Таманского полуострова, что соответствует движению готов в крайнюю часть Скифии, о котором говорит Иордан (Шаров 2013: 142).

Рис. 4. Наконечник копья из Сушично (Мачинский, Воронятов 2011: 265)

Таким образом, мы видим, что позиция О.В. Шарова более всего соответствует взглядам Т. Левицкого и О.Н. Трубачева. К сожалению, работа последнего Шаровым вообще не упоминается, хотя там можно найти интересные лингвистические соображения в пользу приазовской локализации Ойума.

Очевидной слабостью такой локализации «желанной земли» является следующий факт: согласно повествованию Иордана, готы вступили в Ойум сразу по приходу в Скифию, т.е. искать его логично где-то в северо-западной её части, но никак не на юго-востоке. Фактически основой для локализации Ойума,

предложенной О.В. Шаровым, является только тезис о приазовско-крымском расположении «племени» *спалов (Spali)*, с которым столкнулись готы, заняв Ойум. Этот момент мы разберём ниже.

Кроме того, сам О.В. Шаров констатирует, что «на сегодняшний день, мы не знаем ни одного памятника вельбаркской культуры в данном обширном регионе (Крым и Приазовье – М.Ж.), которые можно было бы как-то соотнести с миграцией готов Филимера» (Шаров 2013: 142). Учёный пытается решить эту проблему так: напомнив о том, что по пути готы подчинили ряд других германских племён, он приводит данные о находках в крымско-приазовском регионе германских артефактов интересующего нас времени (вторая половина II – начало III в.) en masse (Шаров 2013: 142-144). Однако, едва ли такой подход можно считать решением проблемы, скорее это можно было бы назвать стремлением обойти её, причём едва ли удачным: археологическим эквивалентом миграциям готов является распространение вельбаркской культуры, что общепризнано со времён работ Р. Волонгевича (Wołągiewicz 1981; Кухаренко 1980: 64-76; Русанова 1993: 190-191; Бірбрауер 1995: 36; Седов 1994: 222-232; 2002: 142-150; Щукин 1994: 244-249; 2005: 28-48, 93-108).

Соответственно, находки просто германских артефактов никак не могут служить доказательством присутствия где-либо готов, ибо так можно «доказать» их присутствие где угодно, где найдётся что-либо германское. Если уж предполагается, что даже младшие союзники готов оставили где-то свой археологический след, то археологический след готов там тем более должен обнаруживаться. Да и число германских артефактов, указанных О.В. Шаровым, весьма скромно. Что же касается ранних комплексов могильников типа Ай-Тодор (Шаров 2013: 144), то едва ли они могут маркировать масштабную готскую миграцию, о которой повествует Иордан и доказывать присутствие в регионе значительных масс готского или вообще германского населения, скорее только небольших готских дружин.

Как видим, разброс мнений относительно достоверности и географической локализации данных, сохранённой Иорданом «Повести о переселении готов», значителен. Попробуем заново детально проанализировать её, разбив на два условных смысловых блока, сопоставив сообщаемые «Повестью» факты со всеми иными доступными данными источников.

II. Скандинавская прародина готов, их переселение на юг Балтики

«(25) С этого самого острова Скандзы (Скандинавии, которая в античной и раннесредневековой традиции считалась островом – М.Ж.), как бы из мастерской, [изготовляющей] племена, или, вернее, как бы из утробы, [порождающей] племена, по преданию вышли некогда готы с королем своим по (26) имени Бериг. Лишь только, сойдя с кораблей, они ступили на землю, как сразу же дали прозвание тому месту. Говорят, что до сего дня оно так и называется Готискандза (Gutisk-andja, «готский берег» – М.Ж.). Вскоре они продвинулись оттуда на места ульмеругов («островных ругов» – М.Ж.), которые сидели тогда по берегам океана; там они расположились лагерем, и, сразившись [с ульмеругами], вытеснили их с их

собственных поселений. Тогда же они подчинили их соседей вандалов, присоединив и их к своим победам» (Иордан 2013: 65. См. также: Иордан 1994: 105).

«(94) Если же ты спросишь, каким образом геты и гепиды являются родичами, я разрешу [недоумение] в коротких словах. Ты должен помнить, что вначале я рассказал, как готы вышли из недр Скандзы (95) со своим королем Берихом, вытащив всего только три корабля на берег по эту сторону океана, т.е. в Готискандзу. Из всех этих трех кораблей один, как бывает, пристал позднее других и, говорят, дал имя всему племени, потому что на их [готов] языке «ленивый» говорится «gepanta». Отсюда и получилось, что, понемногу и [постепенно] искажаясь, родилось из хулы имя гепидов… (96) Эти самые гепиды прониклись завистью, пока жили в области Спезис, на острове, окруженном отмелями реки Висклы, который они на родном языке называли Гепедойос» (Иордан 2013: 79-80).

Итак, готы и гепиды, согласно «Повести», – выходцы из Скандинавии, мигрировавшие некогда оттуда на юг Балтики (причём легенда сохранила указание на то, что миграция была не совсем одновременной и осуществлялась, видимо, волнами), где победили местных жителей: ульмеругов и вандалов.

Древнейшие аутентичные сведения о готах сохранились в трудах римского политического деятеля и историка Публия Корнелия Тацита (середина I в. – ок. 120 г.). В своём труде «О происхождении германцев и местоположении Германии» (конец I в.) он говорит: «(44) За лугиями живут готоны (Gotones), которыми правят цари, и уже несколько жестче, чем у других народов Германии, однако еще не вполне самовластно. Далее, у самого Океана, – ругии и лемовии; отличительная особенность всех этих племен – круглые щиты, короткие мечи и покорность царям. За ними, среди самого Океана, обитают общины свионов» (Тацит 1993: 354).

Эти данные позволяют довольно точно локализовать готов конца I в. на юге Балтики, что с одной стороны совпадает с соответствующим известием Иордана, а с другой – даёт ему хронологическую привязку. Лугии – объединение германских «племён», проживавшее, очевидно, в пределах западной, германской части пшеворской культуры (Седов 1994: 180-181; 2002: 122-123). Между ними и ругами (а также лемовиями), живущими «у самого океана» и размещены источником готы. Обратим внимание, что Тацит называет ругов соседями готов в полном соответствии с Иорданом. Что же касается вандалов, то они жили по-соседству с лугиями, также в пределах пшеворской культуры (Седов 1994: 180-181; 2002: 122-123). Как видим, совпадение между аутентичными данными Тацита и сохранённой для нас Иорданом эпической «Повестью о переселении готов» полное.

Обратим внимание на ещё один интересный момент: Иордан говорит не просто о ругах, с которыми столкнулись готы, а об ульмеругах, т.е. «островных ругах» (от holmr/holm – остров), что наводит на мысль, что жили они на каком-то острове или островах. Вероятнее всего таким островом был Рюген, самое имя своё получивший от живших на нём в дославянский период ругов. В этой связи нельзя не вспомнить один пассаж Иордана, весьма загадочный, и не находящий в тексте «Гетики» никакого объяснения: «(38) Однако мы нигде не обнаружили записей тех их (готов – М.Ж.) басен, в которых говорится, что они [готы] были обращены в рабство в Бриттании или на каком-то из островов, а затем освобождены кем-то

ценою одного коня» (Иордан 2013: 68). Из этих слов следует, что тот, кто их написал (Аблабий? Кассиодор? Иордан?) знал некие готские «басни» о том, что готы на некоем острове «были обращены в рабство, а затем освобождены кем-то ценою одного коня», но не находил им подтверждения в письменных источниках, да и не слишком-то эти «басни» стыковались с задачей прославления готов и рода их правителей Амалов.

Между тем, имеются данные, позволяющие понять смысл этих готских «басен». В.И. Меркулов обратил внимание на то обстоятельство, что на острове Рюген Саксоном Грамматиком и Титмаром Мерзебургским зафиксирован обычай, в соответствии с которым важные решения принимались в соответствии с поведением священного коня. Приведя соответствующие показания источников учёный констатирует: «Таким образом, важные решения у ругов принимались по поведению священного коня. Скорее всего, это гадание использовалось во всех принципиальных ситуациях. Поэтому можно предположить, что если однажды готы потерпели поражение и были обращены в рабство, то могли быть помилованы ''ценою коня'', то есть вследствие состоявшего ритуала, о котором сообщают исторические источники» (Меркулов 2015: 122).

Таким образом, вопреки победной реляции Иордана, «примерная реконструкция событий показывает, что ''басни'' Иордана вполне могли иметь под собой историческое основание. Готы вступили в войну с ''островными ругами'' и, конечно, могли потерпеть поражение, в особенности, на чужой территории» (Меркулов 2015: 122). Эта унизительная для готов ситуация, воспринимавшаяся ими с неизбежностью как оскорбление, которое они пытались с одной стороны забыть (у Иордана об этих событиях только глухой отзвук), а с другой – отмстить, предопределила драматические отношения готов и ругов на весь последующий период, которые могут быть охарактеризованы практически как «кровная месть» (Меркулов 2015: 122). Иордан, видимо, ничего не знал об острове Рюген и сопоставил несчастливый для готов остров из их легенд с Британией.

Для нас изящная гипотеза В.И. Меркулова интересна тем, что готы на своём пути, видимо, проследовали через Рюген или прилегающие к нему земли. Обратим внимание на карту готской миграции, составленную М.Б. Щукиным на основе археологических данных (рисунок 2): на ней путь готов также пролегает мимо Рюгена и именно близ него, согласно учёному, и высадились на побережье первые мигранты из Скандинавии, представленные так называемой густовской группой памятников, появившейся на рубеже эр (Щукин 2005: 45-48), более ранней, чем памятники типа Одры-Венсёры, давшие начало «классической» вельбаркской культуре (Щукин 2005: 38). Именно с появлением памятников типа Одры-Венсеры М.Б. Щукин сопоставляет переселение Берига и его людей (Щукин 2005: 38), которому, таким образом, могли предшествовать и более ранние готские миграции.

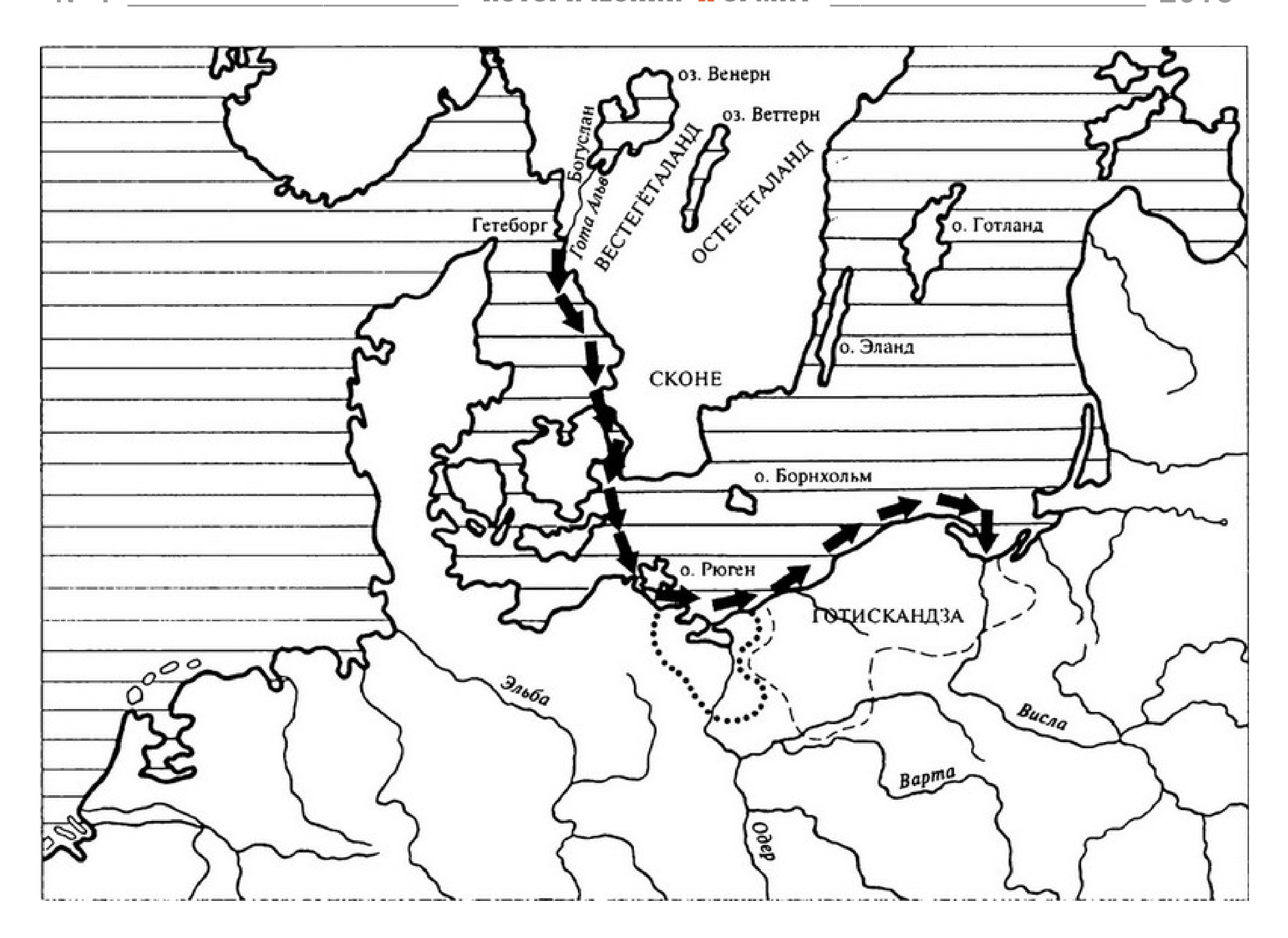

Рис. 5. Предполагаемый путь миграции готов из Скандинавии на территорию Польского Поморья по М.Б. Щукину (Щукин 2005: 55)

В другом труде Тацита, «Анналах» (после 110 или 113 г.), под 19 г. упоминается некий гот Катуальда: «(62) Друз (сын императора Тиберия – М.Ж.), подстрекая германцев к раздорам, чтобы довести уже разбитого Маробода (лидер германского «племени» маркоманнов, не раз воевавший с Римом – М.Ж.) до полного поражения, добился немалой для себя славы. Был между готонами знатный молодой человек по имени Катуальда, в свое время бежавший от чинимых Марободом насилий и, когда тот оказался в бедственных обстоятельствах, решившийся ему отомстить. С сильным отрядом он вторгается в пределы маркоманов и, соблазнив подкупом их вождей, вступает с ними в союз, после чего врывается в столицу царя и расположенное близ нее укрепление… (63) Для Маробода, всеми покинутого, не было другого прибежища, кроме милосердия Цезаря. Переправившись через Дунай там, где он протекает вдоль провинции Норик, он написал Тиберию… И Маробода поселили в Равенне... Сходной оказалась и судьба Катуальды, и убежище он искал там же, где Маробод. Изгнанный несколько позже силами гермундуров, во главе которых стоял Вибилий, и принятый римлянами, он был отправлен в Форум Юлия, город в Нарбоннской Галлии…» (Тацит 1993а: 68-69).

Из этого рассказа Тацита нельзя внести никаких уточнений в географическое расположение готов, но можно заключить, что уже в самом начале I в. они присутствовали на континенте и были там деятельной политической силой,

соответственно, первая волна скандинавских мигрантов должна была появиться на юге Балтики не позднее рубежа эр.

Но есть ли в письменных источниках подтверждения в пользу выхода готов из Скандинавии? Многие учёные сомневались в возможности скандинавской прародины готов или даже категорически отрицали возможность таковой (ср. приведённое выше мнение А.Н. Анфертьева; довольно скептическую позицию в вопросе о возможности миграции готов из Скандинавии занимает и Ф. Бирбауэр (Бірбрауер 1995: 32-36); недавно с обоснованием отсутствия связи готов со Скандинавией выступила Л.П. Грот: Грот 2014).

Сам Иордан, перечисляя «народы» Скандинавии, многие названия которых с трудом поддаются интерпретации (Скржинская 2013а: 184. Комментарий 52), по всей видимости, основываясь на некоем итинерарии, упоминает остроготов (Iord., Get. 26; Иордан 2013: 65).

С одной стороны, это название могло быть и вставлено в исходный текст, на что указывает сама его форма, ведь разделение на остроготов и везеготов произошло уже на континенте в ходе миграции к Чёрному морю (Iord., Get. 42, 82; Иордан 2013: 68, 77). С другой стороны, в Средней Швеции имеются две исторические области: Остергёталанд и Вестергёталанд, в которых в начале н.э. ещё могли жить оставшиеся на территории прародины родичи континентальных готов, также подразделявшиеся по географическому принципу на «западных» и «восточных». Название последних Кассиодор/Иордан и могли передать как «остроготы».

В описании Скандинавии в «Гетике» упоминаются и некие гаутиготы/Gauthigoth (Iord., Get. 22; Иордан 2013: 65), вероятно, тождественные гаутам (Γαυτοί) Птолемея (Ptolem. II. 11, 16). Последних знает и Прокопий Кесарийский: «из них (жителей острова Фулы, как именовалась в античной литературе Скандинавия – М.Ж.) самым многочисленным племенем являются гавты» (Прокопий 1996: 161). Эти гауты/гавты также, видимо, являются «родственниками» континентальных готов (ср.: Вольфрам 2003: 62-63).

Второй по времени после Тацита автор, упоминающий готов – знаменитый географ Клавдий Птолемей (ок. 100-170 гг.). Данные его «Географии» (между 150-170 гг.) интересны в двух отношениях. Во-первых, он, как уже сказано, упоминает в числе скандинавских народов гаутов (Γαυτοί), подтверждая этим скандинавское происхождение континентальных готов. Во-вторых, Птолемей размещает континентальных готов/гутонов на правом берегу Вислы, в пределах Европейской Сарматии, что отражает, по всей видимости, начавшийся процесс их продвижения на юго-восток.

Следующее аутентичное свидетельство о готах относится к 262 г. и фиксирует их уже вблизи римских рубежей: в этом году иранский правитель Шапур I Великий (240/243 – 272/273) повелел высечь надпись, где в числе прочих разбитых римских отрядов были указаны и готы (Вольфрам 2003: 36-37). Таким образом, в промежутке между известием Птолемея и надписью Шапура I и произошла миграция готов с балтийских берегов на черноморские.

Но прежде чем обратиться к этой следующей теме, рассмотрим кратко археологические данные о происхождении готов. Как уже было сказано выше, со

времён работ Р. Волонгевича общепризнано, что археологически готы представлены вельбаркской культурой, которая складывается в I в. н.э. в Польском Поморье. В это время в ареале местной оксывской культуры (существовала со II в. до н.э.) появляются островками курганы типа Одры-Венсеры, не имеющие местных корней и аналогов погребальные сооружения в виде каменных курганов, каменных кругов со стелами и т.д., которые имеют прямые многочисленные аналогии в Скандинавии.

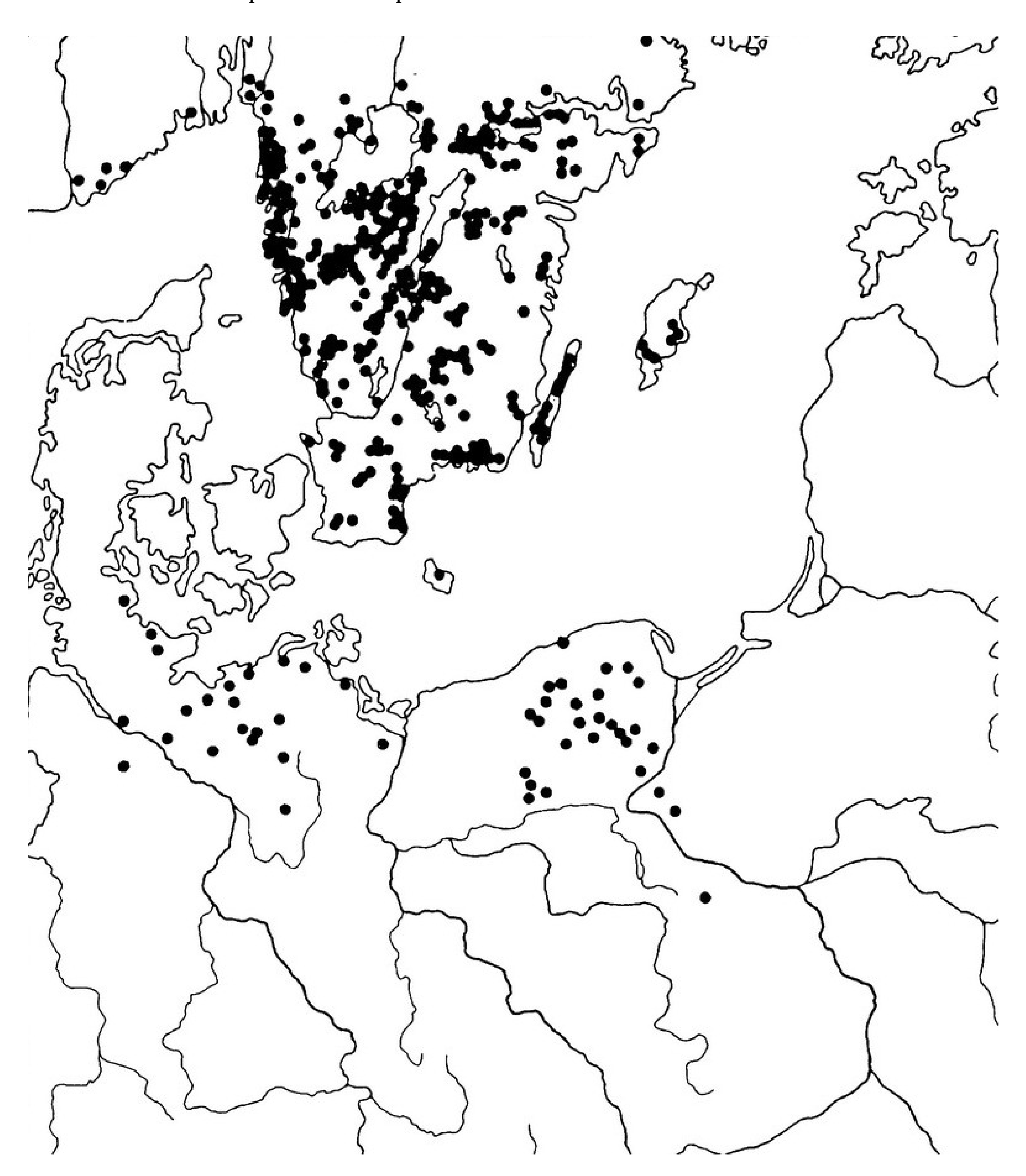

Рис. 6. Распространение каменных кругов по Р. Волонгевичу (Щукин 2005: 33)

Пришельцы из Скандинавии принесли и ряд других новаций: обряд ингумации, отсутствие оружия в погребениях, новые формы керамики, новые типы металлических изделий и т.д. В тех местах, где не было оксывского населения, как, например, в Кашубско-Крайенском поозерье, переселенцы основывали собственные поселения и могильники, в районах, заселённых аборигенами, подселялись к ним, стимулируя трансформацию оксывской культуры (Седов 1994: 223-224; 2002: 144-145).

Так постепенно при смешении культуры скандинавских мигрантов и местных «оксывцев» при ведущей роли первых формируется новая археологическая культура – вельбаркская (любовидзьская стадия, середина I – конец II в., среднее и восточное Поморье с прилегающими районами) (Седов 1994: 223-225; 2002: 144-145; Щукин 1994: 244-249; 2005: 28-48). Не вдаваясь детально в споры о механизме её формирования (а он, очевидно, был сложным и неоднозначным), решающая роль в этом процессе импульса из Скандинавии представляется ныне очевидной (Щукин 2005: 25-57).

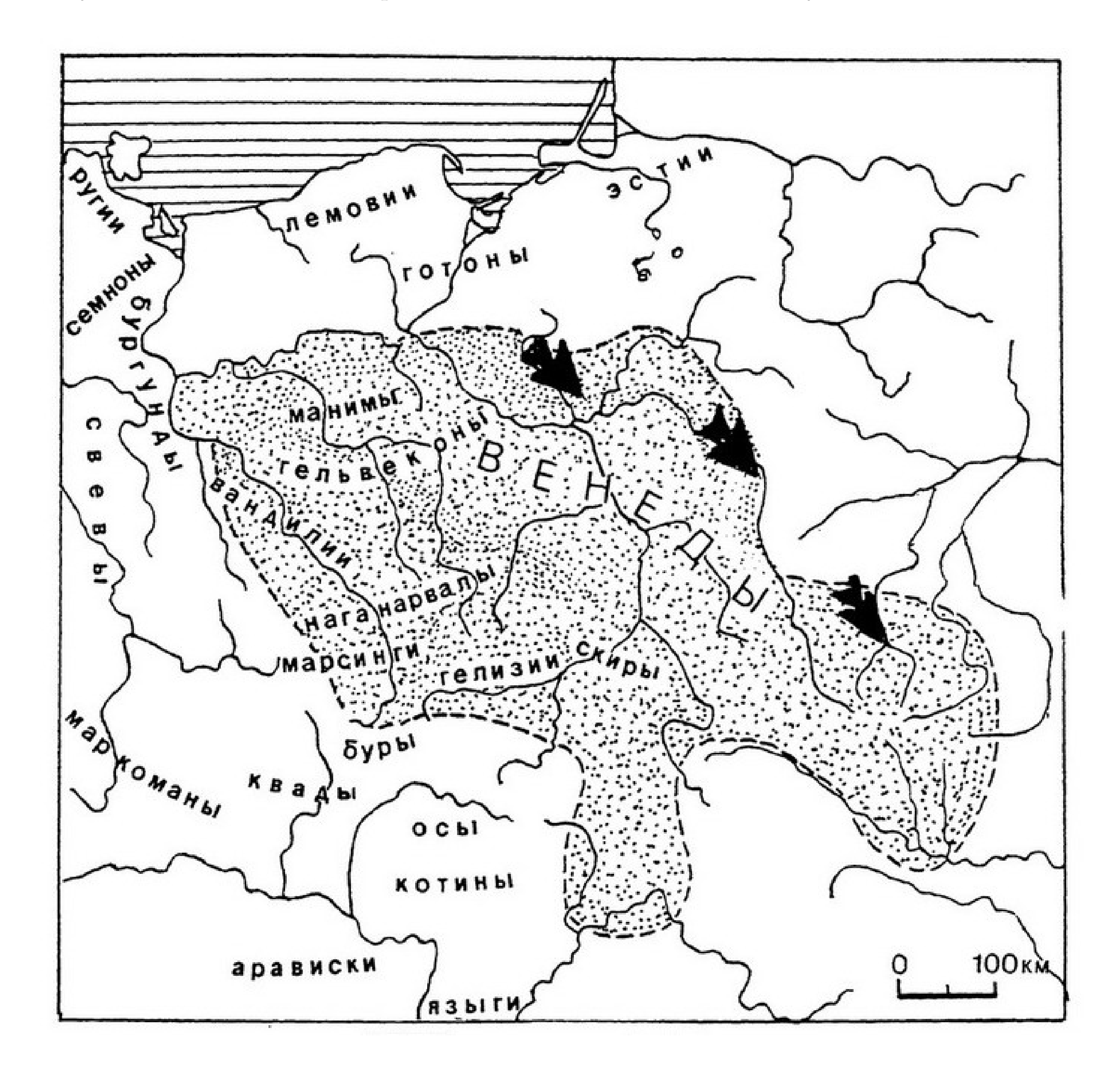

Рис. 7. Миграция готов с Балтики в Скифию по В.В. Седову (Седов 2002: 123)

Немало в Скандинавии и «готской» топонимики. Выше уже упоминались исторические области Остергёталанд и Вестергёталанд. К ним можно добавить остров Готланд, реку Гота-Альв и город Гётеборг в её устье и т.д. Вероятно, некогда готы составляли значительный этнополитический союз на юге Скандинавии.

В последних десятилетиях II в. в ряде районов Поморья происходит значительное сокращение вельбаркского населения: существенно уменьшается число поселений, перестают функционировать многие могильники, зато вельбаркские памятники появляются в Мазовии, Подлясье, на Волыни (цецельская стадия, конец II – IV вв.). Происходит перемещение культуры на юго-восток, что отражало, очевидно, процесс готской миграции (Русанова 1993: 182-183; Бірбрауер 1995: 36; Седов 2002: 146-147). Шла она двумя волнами: ранней брест-тришинской (вторая половина II – начало III в.) и более поздней и массовой дытыничской (30-60-е гг. III в.) (Русанова 1993: 189-190; Щукин 2005: 103-108). Обе эти волны миграции шли через Волынь (рисунок 3). В эпической памяти готов они, вероятно, контаминировались.

Подводя некоторые итоги можно сказать, что первая часть «Повести о переселении готов», рассказывающая о миграции их из Скандинавии, о проживании на юге Балтийского моря, о войне с ругами и т.д., в основе своей полностью подтверждается свидетельствами других источников.

Напоследок отмечу вот какой момент: название висленского острова, где проживали гепиды, Гепедойос (Gepedoios), содержит в себе интересующее нас слово Ойум (Oium) и означат «Ойум гепидов» (Скржинская 2013а: 253. Комментарий 312), т.е. соответствующий топоним отнюдь не был уникален для готов. По этой причине попытки связать Ойум Иордана с какими-либо причерноморскими топонимами известными по античным источникам (см. например: Трубачев 1999: 71-72), лишены оснований.

III. Миграция готов к Чёрному морю. Овладение землёй Ойум (Oium) и война со спалами (Spali)

«(26) Когда там (в Готискандзе на южном берегу Балтики – М.Ж.) выросло великое множество люда, а правил всего только пятый после Берига король Филимер (если Берига связывать с появлением в Поморье памятников типа Одры-Венсеры в середине I в. н.э., то пятое поколение после него придётся где-то на третью четверть II в. – М.Ж.), сын Гадарига, то он постановил, (27) чтобы войско готов вместе с семьями двинулось оттуда. В поисках удобнейших областей и подходящих мест [для поселения] он пришел в земли Скифии, которые на их языке назывались Ойум. Филимер, восхитившись великим обилием тех краев, перекинул туда половину войска, после чего, как рассказывают, мост, переброшенный через реку, непоправимо сломался, так что никому больше не осталось возможности ни прийти, ни вернуться. Говорят, что та местность замкнута, окруженная зыбкими болотами и омутами; таким образом, сама природа сделала ее недосягаемой, соединив вместе и то и другое. Можно поверить свидетельству путников, что до сего дня там раздаются голоса скота и уловимы признаки человеческого [пребывания], (28) хотя слышно это издалека. Та же часть готов, которая была при Филимере, перейдя реку, оказалась,

говорят, перемещенной в области Ойум и завладела желанной землей. Тотчас же без замедления подступают они к племени спалов и, завязав сражение, добиваются победы. Отсюда уже, как победители, движутся они в крайнюю часть Скифии, соседствующую с Понтийским морем, как это и вспоминается в древних их песнях как бы наподобие истории и для всеобщего сведения; о том же свидетельствует и Аблавий, выдающийся описатель (29) готского народа, в своей достовернейшей истории» (Иордан 2013: 66. См. также: Иордан 1994: 105).

Этот рассказ имеет выраженные черты фольклорного повествования: поломка моста при переправе через реку из-за которой половина народа осталась в недосягаемой местности, где издали можно увидеть следы её жизнедеятельности – это набор распространённых фольклорных сюжетов. Хотя сквозь флёр фольклорных наслоений и можно предположить здесь некую память о разделении готов в процессе миграции: какая-то часть народа не пошла дальше определённого места. Археологические данные говорят, что именно так оно и было: часть готов на протяжении их «балтийско-черноморского пути» оседала и не продолжала движения (ср.: Бірбрауер 1995: 37; Седов 2002: 146-147).

Поиск географического прототипа реки, через которую переправлялись готы в «Повести» является делом непростым уже в силу того, что на своём пути от Балтики к Чёрному морю готы переправились в разное время через несколько крупных рек, память о которых могла контаминироваться в их сказаниях: Вислу, Западный Буг, Припять, Днепр. Собственно, каждую из них разные учёные и предлагали на роль «реки со сломанным мостом» из готского сказания.

Так, например, В.В. Седов видел в этой реке Вислу (Седов 2002: 147), но проблема в том, что уже исходный регион вельбаркской культуры охватывал оба берега этой реки, что наглядно демонстрирует карта, составленная самим Седовым (Рисунок 1).

Распространённая трактовка «реки со сломанным мостом» как Днепра, которую отстаивала, например, переводчик и комментатор Иордана Е.Ч. Скржинская (Скржинская 2013а: 188-189. Комментарий 68), маловероятна: у Иордана речь идёт о реке где-то на северо-западной границе Скифии, в то время как «Днепр находился в глубине Скифии, за ним начиналась не Скифия, а Меотида» (Седов 2002: 147).

В этом смысле атрибуция «реки со сломанным мостом» как Припяти, выглядит более логичной. Думается, что если не рассматривать «реку со сломанным мостом» как исключительно фольклорный мотив, то Припять является на данный момент наиболее обоснованным претендентом на роль её реального гидрографического прототипа.

Следующим ориентиром для нас является «народ» (gens) спалов (Spali), с которым сразились готы по приходу в Ойум. В историографии наметилось два направления атрибуции спалов. Одно из них связывает его со славянским «исполин» и, соответственно, трактует спалов как славянский народ, другое связывает с упоминаемыми Плинием Старшим (между 22 и 24 гг. – 79 г.) спалеями (Spalaei). «Другие [сообщают], что сюда вторглись скифы: авхеты, атернеи, асампаты; они поголовно уничтожили танаитов и напеев. Некоторые пишут, что река Охарий течет

через земли кантиков и сапеев и что Танаис перешли сатархеи, гертихеи, спондолики, синхиеты, анасы, иссы, катееты, тагоры, кароны, нерипы, агандеи, меандареи, сатархеи-спалеи» (Plin. VI. 22-23; Подосинов, Скржинская 2011: 189).

Д.А. Мачинский и С.В. Воронятов, равно как и О.В. Шаров, безоговорочно принимают вторую интерпретацию, в то время как первую даже не рассматривают. Объясняется это, к сожалению, внеисточниковыми причинами. Указанные исследователи принадлежат к петербургской археологической школе, которая разрабатывает так называемую «лесную» концепцию славянского этногенеза, согласно которой a priori славян на «готском пути» от Балтики к Чёрному морю быть не могло, так как их предки тогда проживали в ареале «лесных» культур: штрихованной керамики, днепро-двинской, юхновской и т.д. (Щукин 1994: 26-30; 1997; Kazanski 1999; Рассадин 2008; Мачинский 2009: 472-483).

Не вдаваясь сейчас в дискуссию о происхождении славян, отмечу, что здесь существует целый ряд концепций, среди которых «лесная» – лишь одна из нескольких и отнюдь не является общепринятой (её критику см: Седов 1994: 50; 218-220; 2000; Русанова 1993а: 195-197; Егорейченко 2006: 115-116; Жих 2013: 111-114, 118-119; 2014а). Объективный исследователь не должен игнорировать этот факт и ставить телегу впереди лошади: не общие концепции должны направлять чтение источников, но верное объективное прочтение источников должно показать правоту той или иной концепции.

В данном случае хорошо видно, как авторы рассматриваемых статей приняв a priori одну возможную атрибуцию спалов Иордана попали в своеобразную логическую ловушку так, что им пришлось домысливать за источники. Поскольку Плиний Старший знает сатархеев-спалеев где-то в Подонье, Д.А. Мачинский и С.В. Воронятов в соответствии со своими взглядами на географическую локализацию Ойума, соответствующими, надо сказать, тексту Иордана, вынуждены были постулировать не имеющее никакой опоры в источниках допущение, согласно которому они переселились далеко на северо-запад, а заодно из небольшого «племени», фигурирующего в конце длинного перечня стали «настолько сильными, что победа над ними отпечаталась в эпической памяти готов» (Мачинский, Воронятов 2011: 256).

В свою очередь, О.В. Шаров, понимая, что никаких оснований «переносить» сатархеев-спалеев из Придонья и Приазовья источники не дают, локализовал Ойум вопреки тексту Иордана не на северо-западном пограничье Скифии, куда ранее всего продвинулись готы, а на её далёкой юго-восточной окраине.

Таким образом, мы видим, что удовлетворительно согласовать повествование Иордана об Ойуме с отождествлением его спалов с сатархеями-спалеями Плиния нельзя. Видимо, правы те, кто как, например, А.Н. Анфертьев утверждает, что перед нами лишь случайная омонимия (Анфертьев 1994: 118-119. Примечание 37).

Более того, есть серьёзные основания полагать, что спалеи/Spalaei Плиния – это не этноним вообще. По словам О.Н. Трубачева «Плиниевская форма Spalaei уводит в индо-арийский Крым и относится к сатархам – Satarcheos Spalaeos, букв, ʹʹсатархи – жители пещерʹʹ от греч. апеллатива Σπηλιοι ʹпещерникиʹ» (ЭССЯ 8: 241). Т.е. перед нами всего лишь определение, данное в источнике сатархам и ничего

больше: сатархи-«пещерники». То, что это именно так удостоверяет следующий пассаж из «Хорографии» Помпония Мелы (I в. н.э.), объясняющий плиниево прозвище сатархов: «*Сатархи*… из-за суровой и к тому же постоянной зимы *живут в выкопанных в земле жилищах, в пещерах и подземельях*, при этом они закутывают всё тело и даже лицо прикрывают так, чтобы только видеть (курсив мой – М.Ж.)» (II. 10; Подосинов, Скржинская 2011: 55). Обычно считается, что о них же говорит Страбон (ок. 64/63 г. до н.э. – ок. 23/24 г. н.э.) в своей «Географии», описывая предгорья Кавказа: «Здесь живут также некоторые *троглодиты, из-за холодов обитающие в звериных берлогах*; но даже у них много ячменного хлеба (курсив мой – М.Ж.)» (XI. V, 7; Страбон. 1994: 479).

Греческое «кабинетное» прозвище сатархов – «пещерники» (*Spalaei*) не имеет никакого отношения к реальной этнической номенклатуре Восточной Европы и, соответственно, не может привлекаться для атрибуции спалов Иордана. Данному этнониму следует искать другое объяснение.

Учитывая сказанное, логично обратиться к давней и прочной лингвистической и исторической традиции, связывающей спалов Иордана со славянским «исполин» (праслав. *jьspolinъ/*spolinъ: Скржинская 2013а: 189-190. Комментарий 70; ЭССЯ 8: 240-242; Анфертьев 1994: 118-119. Комментарий 37; Седов 2002: 148)[1].

Где готы могли столкнуться со славянами на своём пути с берегов Балтики к Чёрному морю? По мнению В.В. Седова этими славянами были жители восточного ареала пшеворской культуры Мазовии, Подлясья и Западной Волыни (Седов 2002: 148). Пшеворская культура, как показали в своих работах И.П. Русанова и В.В. Седов, представляла собой сложное поликомпонентное образование, в составе которого были кельты, германцы и славяне, последние преобладали в восточной части пшеворского ареала (Русанова 1976: 201-215; 1990; Седов 1994: 180-198; 2002: 115-122). По словам И.П. Русановой «постоянный славянский компонент в пшеворской культуре был довольно многочисленным и мало смешивался с другими этническими группами» (Русанова 1990: 135). Современные данные по структуре ДНК обитателей висло-одерского региона пшеворского времени полностью подтверждают эти выводы и показывают, что в этот период там проживали как германцы, так и славяне (Рожанский 2015: 96-105).

[1] Здесь также нельзя не коснуться ещё одного вопроса, имеющего богатую историографию, о соотношении спалов (Spali) Иордана и споров (Σποροι) Прокопия Кесарийского, которых этот автор называл предками антов и славян: «да и имя встарь у склавинов и антов было одно. Ибо и тех и других издревле звали ''спорами'', как раз из-за того, думаю, что они населяют страну, разбросанно расположив свои жилища» (IV. 29; Прокопий 1994: 185). Этимология византийского автора, очевидно, имеет чисто кабинетный и наивный характер (ср. выше аналогичную народную этимологию происхождения этникона «гепиды» у Иордана как «ленивые»). Вариантов расшифровки известия Прокопия было предложено немало и эта тема нуждается в обстоятельном рассмотрении, которое в рамках данной статьи невозможно. Поэтому скажу только о том, что не вижу связи между спалами Иордана и спорами Прокопия хотя бы потому, что в свете сказанного выше следует, что спалы – это вообще не этноним, а лишь готское осмысление славянской лексемы в качестве маркирования в своей исторической памяти славян как древнего легендарного народа – своего противника.

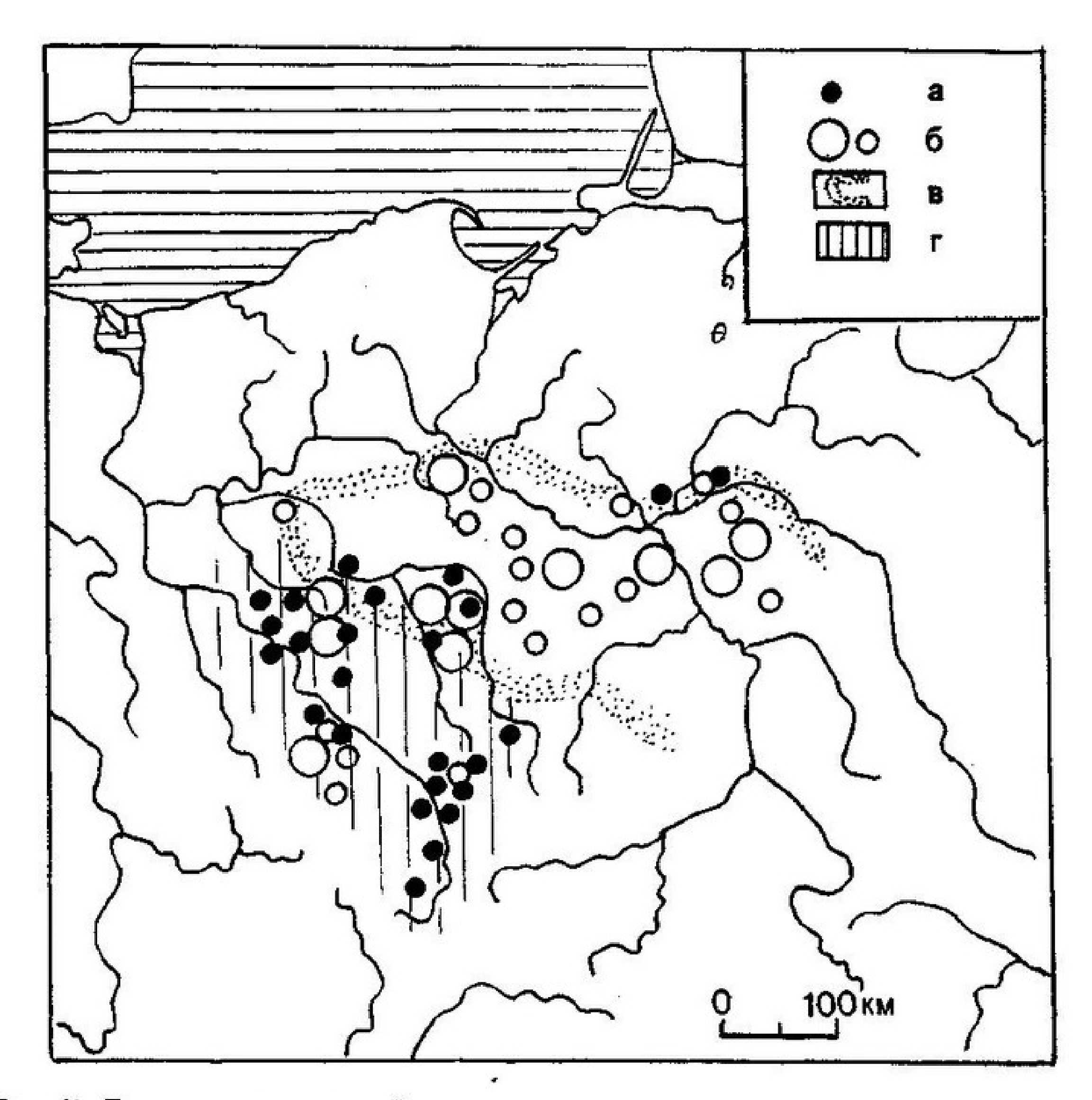

Рис. 61. Два региона пшеворской культуры

Картированы только могильники, в которых раскопано свыше 10 погребений: а — могильники с преобладанием (свыше 60%) урновых захоронений; б — могильники с преобладанием (свыше 60%) ямных погребений (более крупными значками выделены могильники с количеством вскрытых погребений, превышающим 50); в — приблизительные границы Висленского региона; г — Одерский регион

Рис. 8. Два региона пшеворской культуры по В.В. Седову: восточный (висленский) с преобладанием безурновых погребений (славяне) и западный (одерский) с преобладанием урновых погребений (германцы) (Седов 1994: 190)

Применительно к нашему сюжету эти выводы могут быть и конкретизированы. Наиболее точным соответствием иордановым спалам является так называемая зубрецкая (волыно-подольская) группа пшеворских памятников, существовавшая в позднелатенское и раннеримское время на Волыни и в Верхнем Поднестровье и сложившаяся при некотором участии позднезарубинецкого населения. То, что основу населения зубрецкой группы составляли славяне, убедительно показал её ведущий исследователь Д.Н. Козак (Козак 1984; 1991; 2008).

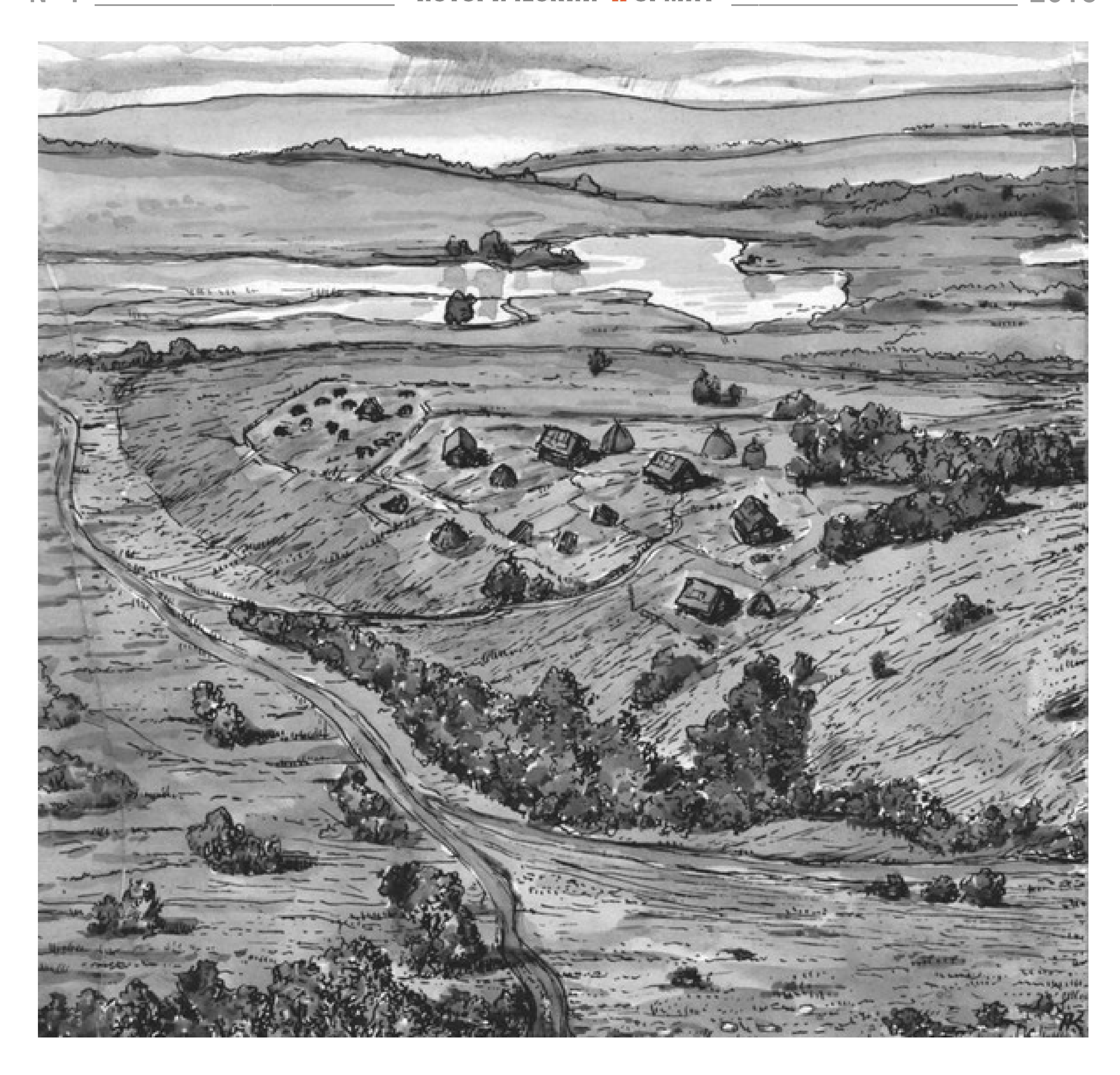

Рис. 9. Зубрецкое поселение близ села Сокольники, реконструкция (Козак 2008: 58)

По археологическим материалам отчётливо видно, что при вторжении «вельбаркцев»-готов на Волынь в конце II – начале III вв., славяне постепенно перемещаются к югу, в Поднестровье, где количество их поселений растёт, в то время как на севере, на Волыни, они исчезают, здесь распространяется вельбаркская культура готов (Магомедов 2001: 125; Козак 2008: 211; Щукин 2005: 107-108). Эта археологически фиксируемая картина вытеснения с Волыни «вельбаркцами» носителей зубрецких древностей хорошо согласуется со сведениями Иордана о победе готов над спалами при покорении Ойума. Именно с носителями зубрецких традиций встретились готы по приходу в Скифию, именно с ними вступили в борьбу, и именно их вытеснили с определённой территории.

Рис. 10. Славянский вождь-воин зубрецкой культуры, реконструкция по материалам погребений (Козак 2008: 120). С такими воинами пришлось столкнуться вторгшимся на Волынь «вельбаркцам»-готам – М.Ж.

К сожалению, эти материалы оказались полностью проигнорированы авторами двух рассмотренных новейших работ, посвящённых локализации Ойума. Д.А. Мачинский и С.В. Воронятов лишь бегло упомянули зубрецкую группу, никак не связывая её со спалами Иордана: «Сам же плодородный Oium был занят без боя. Здесь могли обитать либо бастарны-певкины (зубрецкая группа - ?), о военной пассивности которых сообщает Тацит, либо проникающие с севера венеты-славяне» (Мачинский, Воронятов 2011: 255). Этот пассаж может вызвать лишь недоумение.

Остров Певка (Peuce, Πεύκη) согласно античной традиции находился в устье Дуная, соответственно, именно там и проживали те бастарны, которые от этого

острова прозвались певкинами: «бастарны… делятся на несколько племен… те, что владеют Певкой, островом на Истре (Дунае – М.Ж.) носят название певкинов» (Strab. VII. III, 17; Страбон 1994: 280). Соответственно, певкины никак не могут быть носителями зубрецких древностей, так как отделены от них сотнями километров. Анализ античных сведений о венетах начала н.э. показывает, что римские авторы (Птолемей, Плиний Старший и Тацит) помещают их в бассейне Вислы (рисунок 6), там, где в составе пшеворского населения преобладали славяне (Седов 1994: 179-180; 2002: 122-123). И носители зубрецких традиций, очевидно, также входили в число венетов (Козак 2008).

То, что именно Волынь была «желанной землёй», куда в своей историко-эпической памяти стремились готы, хорошо показывают археологические материалы. М.Б. Щукин констатирует, что «наибольшая концентрация вельбаркских памятников наблюдается на Волыни» (Щукин 2005: 107). Волынь стала важным готским центром и своеобразной базой для дальнейшей экспансии «вельбаркцев»-готов в земли Скифии, одним из районов кристаллизации черняховской культуры.

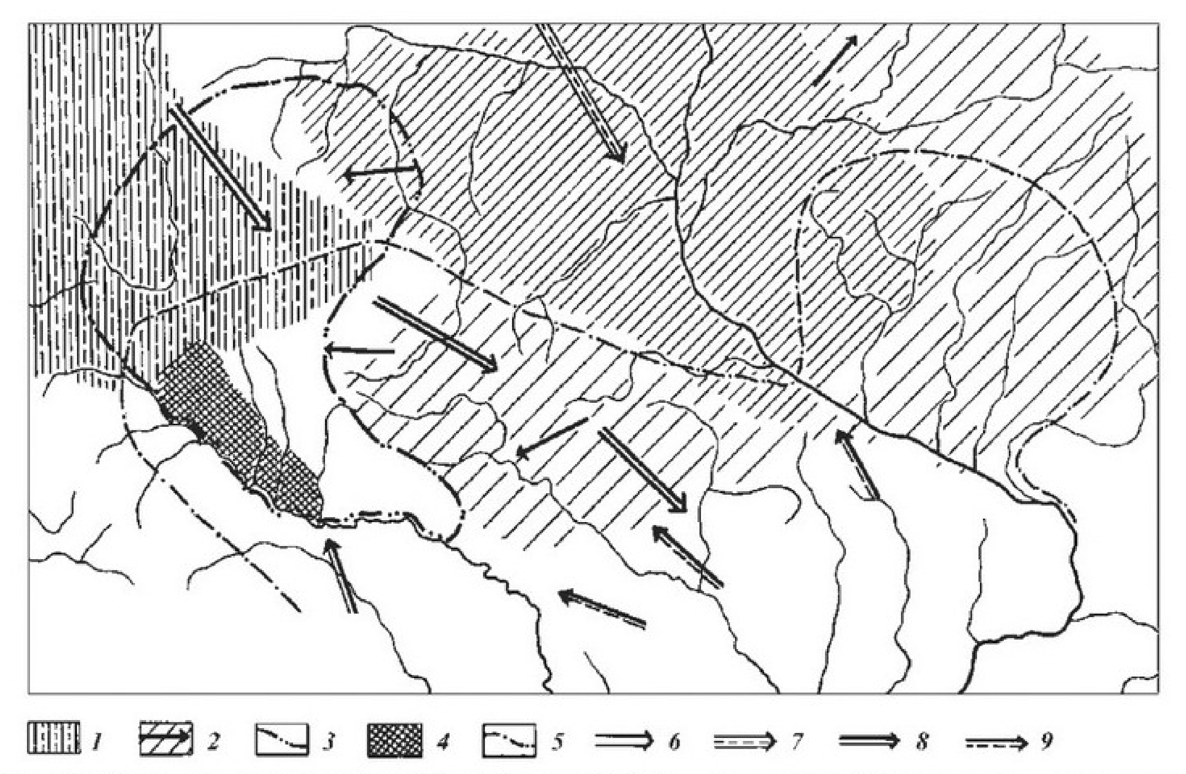

Рис. 63. Етнокультурна ситуація в Україні наприкінці I — на початку III ст. н. е.: *1* — пшеворська культура; *2* — напрям руху зарубинецьких племен; *3* — зубрицька культура; *4* — липицька культура; *5* — черняхівська культура; *6* — напрям руху готів; *7* — напрям руху балтів; *8* — напрям руху дакійців; *9* — напрям руху сарматів.

Рис. 11. Зубрецкая культура и её соседи (Козак 2008: 174)

Что же касается славян-«спалов», носителей зубрецких культурных традиций, отошедших под готским натиском на юг, в район Верхнего Днестра, то они на следующем этапе представлены памятниками типа Черепин-Теремцы, включаемыми обычно в качестве особого локального варианта в состав черняховской

культуры (хотя, например, М.Б. Щукин высказался за их исключение оттуда в силу выраженного своеобразия: Щукин 2005: 109-112), которые стали одной из основ для становления славянской пражской культуры, что рельефно показано их исследователем В.Д. Бараном (Баран 1961; 1981; 1988; 2008; Баран, Гопкало 2005).

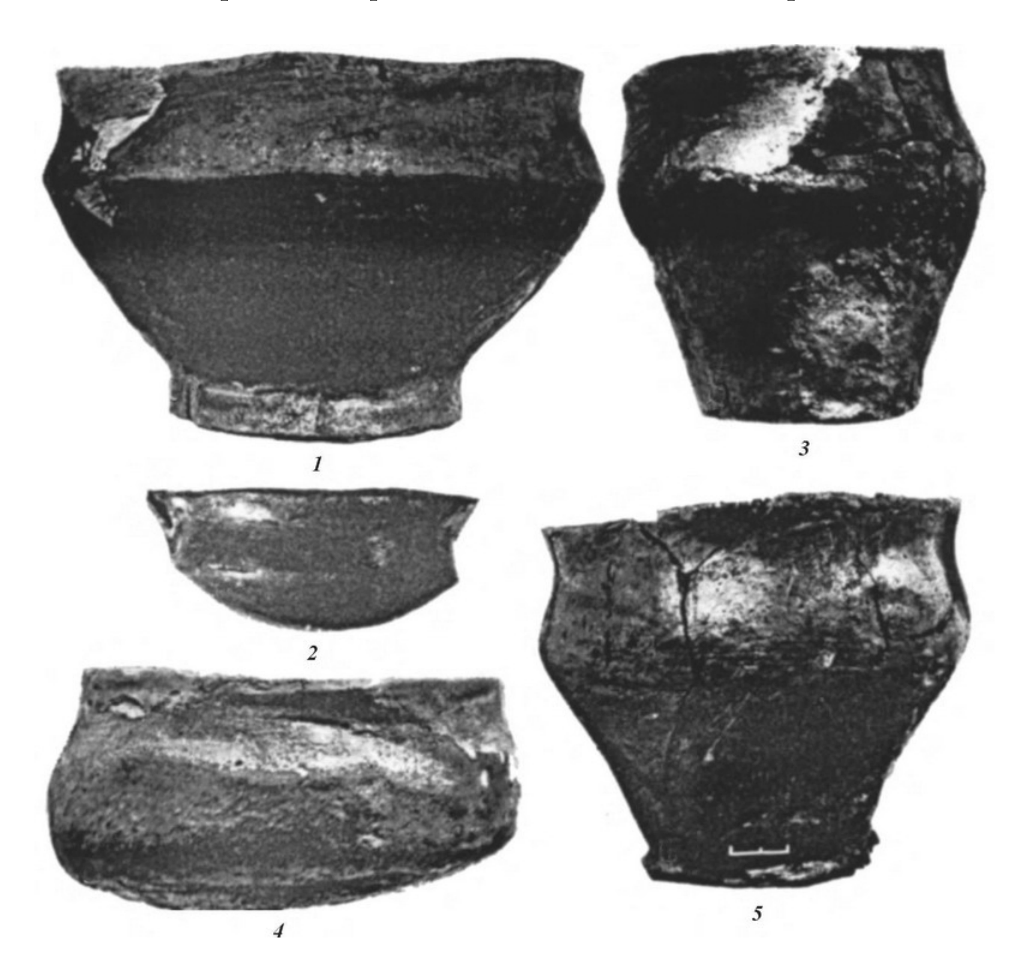

Рис. 12. Посуда с поселений зубрецкой культуры:
1-4 – Подберезцы, 5 – Зубра (Козак 2008: 73)

В преданиях многих народов говорится о том, что некогда землю населяли мифические великаны, которым на смену пришли обычные люди, нередко так тот или иной народ осмысляет историю своей борьбы с какими-то древними сильными врагами. Славяне, к примеру, так осмыслили свою борьбу с аварами (Жих 2015). В Повести временных лет пересказано славянское эпическое сказание о войне между аварами и дулебами, в котором авары наделены чертами мифических великанов (ПСРЛ. I: 11-12; ПСРЛ. II: 9). Аналогично и «в старопольской традиции авары-обры наделялись обликом допотопных – доисторических – исполинов» (Петрухин, Раевский 2004: 178). Видимо, в готском эпосе в качестве древних великанов, противников готов, рассматривались славяне.

То, что дело обстояло именно так подтверждают факты, собранные А.Н. Веселовским. Ещё Я. Гримм высказал гипотезу, согласно которой др.-в.-нем, *antisc, antrisc, entrisc* 'autiquus, priscus', а.-сакс. *entisc* 'giganteus' от ent 'gigas' и прочие родственные лексемы производны от имени антов (Веселовский 1883: 80). Как пишет

Веселовский, образ антов был в немецкой фольклорной традиции обобщен «в народных поверьях, как то случилось с другими отжившими, когда-то славными народами: гуннами у немцев, обрами, чудью, спалами у славян, эллинами у современных греков. Анты явились исполинами, им стали приписывать загадочные древние сооружения (Entiskenweg, entisca geweorc) как у нас курганы нередко носят этнические прозвища… в преданиях является какое-то ʻʻантскоеʼʼ пещерное племя» (Веселовский 1883: 81).

А.Н. Веселовский приводит несколько соответствующих немецких преданий об антах, в котором они предстают в качестве древнего исчезнувшего народа, подобно славянским обрам или чуди. Вот для примера одно из них: «Предание записано в Тироле. Если пойти из Преграттена (Pregratten. слав. Преграда) в Виндталь (Windthal = долина вендов?), то на разделе вод п племен, баварского и славянского, встретишь так называемую антскую берлогу (das antische Loch), о которой рассказывают следующее: в старые годы жили в Виндтале, в этой берлоге, какие-то люди, редко или никогда не показывавшиеся в долине. Только однажды пришла оттуда девушка-красавица и напилась в услужение в Преттау. Она была молчалива и никому не говорила о своем роде-племени; говорила только, что в Преттау ей быть не долго, потому что когда появится там вооруженный всадник на белом коне, ей снова надо будить вернуться в свою берлогу. Так рассказывая, она плакала; и, действительно, как скоро появился всадник, девушка исчезла. Из берлоги и теперь еще слышится детский плачь, а на камнях кругом видели нередко пелёнки, сушившиеся на солнце. В песке у берлоги находили крошечные светло-желтые камешки, величиной с горошину и менее; им приписывают целебный свойства: вытягивать из глаз осколки дерева и сор, туда попавший. Говорят, что это окаменевшие слезы Антских людей» (Веселовский 1883: 82).

Таким образом, в германской традиции славяне заняли место древнего народа великанов, сошедшего с исторической сцены. Интересно при этом, что в качестве его обозначения в обиход вошёл один из древних славянских этнонимов, относящийся к рассматриваемой нами эпохе и вышедший с VII в. из оборота. Иордан сообщает о большой войне антов и готов в годы гуннского нашествия (Iord., Get. 246-247; Иордан 2013: 108).

А.Н. Анфертьев по этому поводку отметил: «можно думать, что этноним (анты – М.Ж.) попал на запад в составе готских фольклорно-исторических преданий об остроготско-антском конфликте. Может быть, уже в ранний период её формирования, частично отразившийся у Иордана, анты изображались великанами, победа над которыми была особенно почётна?» (Анфертьев 1994: 159. Комментарий 254).

В рассказе «Повести о переселении готов» о борьбе готов со спалами отразилась готская традиция о древней войне или войнах со славянами на Волыни, в рамках которой противники готов уже начали осмысляться в качестве древнего народа великанов.

Любопытно, что впоследствии, когда в VI в. уже «пражские» славяне осваивали покинутую германцами Волынь, судя по всему, имел место зеркальный процесс. Летописцы отмечают, что древнейшим известным им славянским «племенем» на

Волыни были дулебы: «дулеби живяху по Бугу, где ныне велыняне» (ПСРЛ. I: 12-13; ПСРЛ. II: 9). Этот название имеет германскую этимологию. Согласно О.Н. Трубачеву «в слав. *dudlebi скрывается герм. *daud-laiba- с этимологическим значением ‘‘наследство умершего, выморочное наследство’’, что хорошо вяжется с раннеисторическим процессом освоения славянами земель, покинутых одно время германскими племенами» (Трубачев 1974: 53). Такой этноним указывает, что славяне, носители пражской культуры, вполне могли воспринимать предшествующих им насельников Волыни, германцев-готов, в качестве древнего вымершего народа.

Не смотря на очевидные вкрапления фольклорных мотивов, в основе «Повести о переселении готов», донесённой до нас Иорданом, лежит память о реальных событиях ранней истории готов, которые вместе с тем являются и составной частью истории древних славян.

ЛИТЕРАТУРА

Анфертьев 1994 - *Анфертьев А.Н.* Иордан. Перевод фрагментов о славянах и комментарии // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. I. М.: Восточная литература, 1994. С. 98-161.

Бірбрауер 1995 - *Бірбрауер Ф.* Готи в I-VII ст.: Територия розселення та просування за археологічними джерелами // Археологія. 1995. № 2. С. 32-51.

Баран 1961 - *Баран В.Д.* Поселення перших століть нашої ери біля села Черепин. Київ, 1961. 126 с.

Баран 1981 - *Баран В.Д.* Черняхівска культура (за матеріалами Верхнього Дністра та Західного Бугу). Київ: Наукова думка, 1981. 264 с.

Баран 1988 - *Баран В.Д.* Пражская культура Поднестровья (по материалам поселения у с. Рашков). Киев, 1988. 160 с.

Баран 2008 - *Баран В.Д.* Слов’янське поселення середини I тисячоліття нашої ери біля села Теремці на Дністрі. Київ, 2008. 134 с.

Баран, Гопкало 2005 - *Баран В.Д., Гопкало О.В.* Черняхівські поселення бассейну Гнилої Липи. Київ, 2005. 144 с.

Буданова 2001 - *Буданова В.П.* Готы в эпоху Великого переселения народов. 2-е издание (Византийская библиотека. Исследования). СПб.: Алетейя, 2001. 320 с.

Веселовский 1883 - *Веселовский А.Н.* Заметки по литературе и народной словесности. I. СПб., 1883. 98 с.

Вольфрам 2003 - *Вольфрам Х.* Готы. От истоков до середины VI в. Опыт исторической этнографии / Перевод с немецкого П.Б. Миловидов М.Ю. Некрасов / под редакцией М.Б. Щукина, Н.А. Бондарко и П.В. Шувалова. СПб.: Ювента, 2003. 656 с.

Воронятов 2014 - *Воронятов С.В.* О территории сражения готов со спалами в «Getica» Иордана // Война и военное дело в скифо-сарматском мире. Ростов-на-Дону: Издательство ЮНЦ РАН, 2014. С. 57-72.

Грот 2014 - *Грот Л.П.* Кто такие готы и откуда они взялись? 2014 / Электронный ресурс: http://pereformat.ru/2014/02/goths/ (дата обращения – 18.02.2016).

Егорейченко 2006 - *Егорейченко А.А.* Культуры штрихованной керамики. Минск: БГУ, 2006. 207 с.

Жих 2013 - *Жих М.И.* Валентин Васильевич Седов. Страницы жизни и творчества славянского подвижника. Часть II. Проблема славянского этногенеза в работах В.В. Седова // Международный исторический журнал «Русин». 2013. № 1 (30). С. 106-135.

Жих 2014 - *Жих М.И.* Славяне и готы на Волыни и в Верхнем Поднестровье. Проблема локализации земли Oium и «племени» (gens) Spali // Международный исторический журнал «Русин». 2014. № 2 (36). С. 76-103.

Жих 2014а - *Жих М.И.* Рецензия на книгу: Рассадин С.Е. Первые славяне. Славяногенез. Минск, 2008 // Rossica antiqua. 2014. № 1. С. 104-120.

Жих 2015 - *Жих М.И.* Дулебы и авары в Повести временных лет: славянский эпос или книжная конструкция? // Исторический формат. 2015. № 3. С. 52-71.

Иордан 1994 - *Иордан.* Getica. Фрагменты о славянах / Перевод и комментарии А.Н. Анфертьева // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. I. М.: Восточная литература, 1994. С. 98-161.

Иордан 2013 - *Иордан.* О происхождении и деяниях гетов / Вступительная статья, перевод и комментарии Е.Ч. Скржинской. 2-е издание (Византийская библиотека. Источники). СПб.: Алетейя, 2013. 512 с.

Казанский, Шаров 2010 - *Казанский М.М., Шаров О.В.* Предисловие // Germania-Sarmatia II: Сборник, посвящённый памяти М.Б. Щукина. Калининград, 2010. С. 11-13.

Козак 1984 - *Козак Д.Н.* Пшеворська культура у Верхньому Подністров'ї та Західному Побужжі. Київ: Наукова думка, 1984. 128 с.

Козак 1991 - *Козак Д.Н.* Етнокультурна історія Волині (I ст. до н.е. - IV ст. н.е.). Київ, 1991. 172 с.

Козак 2008 - *Козак Д.Н.* Венеди. Київ, 2008. 470 с.

Кухаренко 1980 - *Кухаренко Ю.В.* Могильник Брест-Тришин. М.: Наука, 1980. 128 с.

Магомедов 2001 - *Магомедов Б.В.* Черняховская культура. Проблема этноса. Lublin, 2001. 290 с.

Мачинский 2009 - *Мачинский Д.А.* Некоторые предпосылки, движущие силы и исторический контекст сложения русского государства в середине VIII – середине XI в. // Труды Государственного Эрмитажа. Т. 49. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2009. С. 460-538.

Мачинский 2011 - *Мачинский Д.А.* Рыцарь познания // Европейская Сарматия. Сборник, посвященный М.Б. Щукину. СПб.: Нестор-история, 2011. С. 3-15.

Мачинский, Воронятов 2011 - *Мачинский Д.А., Воронятов С.В.* Готский путь, плодороднейшие земли Oium и вельбаркско-черняховское поселение Лепесовка // Европейская Сарматия. Сборник, посвященный М.Б. Щукину. СПб.: Нестор-история, 2011. С. 246-291.

Мельникова 2001 - *Мельникова Е.А.* Скандинавские рунические надписи. Новые находки и интерпретации. М.: Восточная литература, 2001. 496 с.

Меркулов 2015 - *Меркулов В.И.* Руги и готы: истоки кровной вражды // Исторический формат. 2015. № 1. С. 118-123.

Петрухин, Раевский 2004 - *Петрухин В.Я., Раевский Д.С.* Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. М.: Знак, 2004. 416 с.

Подосинов, Скржинская 2011 - *Подосинов А.В., Скржинская М.В.* Римские географические источники: Помпоний Мела и Плиний Старший. Тексты, перевод, комментарий. М.: Индрик, 2011. 504 с.

Прокопий 1994 - *Прокопий Кесарийский.* Фрагменты о славянах / Перевод и комментарии С.А. Иванова, Л.А. Гиндина, В.Л. Цымбурского // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. I. М.: Восточная литература, 1994. С. 170-251.

Прокопий 1996 - *Прокопий Кесарийский.* Война с готами / Перевод С.П. Кондратьева. М.: Арктос, 1996. 336 с.

ПСРЛ. I - Полное собрание русских летописей. Т. I. Лаврентьевская летопись. М.: Языки славянской культуры, 1997. 496 с.

ПСРЛ. II - Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. М.: Языки славянской культуры, 1998. 648 с.

Рассадин 2008 - *Рассадин С.Е.* Первые славяне. Славяногенез. Минск: Белорусский экзархат, 2008. 288 с.

Рожанский 2015 - *Рожанский И.Л.* Кто такие немцы? Ономастика и ДНК-генеалогия // Исторический формат. 2015. № 3. С. 87-106.

Русанова 1976 - *Русанова И.П.* Славянские древности VI-VII вв. Культура пражского типа. М.: Наука, 1976. 194 с.

Русанова 1990 - *Русанова И.П.* Этнический состав носителей пшеворской культуры // Раннеславянский мир: Материалы и исследования. Вып. 1. М., 1990. С. 119-150.

Русанова 1993 - *Русанова И.П.* Вельбарская культура // Славяне и их соседи в конце I тыс. до н.э. – первой половине I тыс. н.э. М.: Наука, 1993. С. 183-191.

Русанова 1993а - *Русанова И.П.* Заключение // Славяне и их соседи в конце I тыс. до н.э. – первой половине I тыс. н.э. М.: Наука, 1993. С. 192-197.

Седов 1994 - *Седов В.В.* Славяне в древности. М.: Фонд археологии, 1994. 343 с.

Седов 2000 - *Седов В.В.* Рецензия на книгу: Kazanski M. Les Slaves. Les origines (I-er - VIIe siècle après J.-C.). Paris, 1999 // Российская археология. 2000. № 3. С. 197-202.

Седов 2002 - *Седов В.В.* Славяне. Историко-археологическое исследование. М.: Языки русской культуры, 2002. 622 с.

Скржинская 2013 - *Скржинская Е.Ч.* Иордан и его «Getica» // Иордан. О происхождении и деяниях гетов / Вступительная статья, перевод и комментарии Е.Ч. Скржинской. 2-е издание (Византийская библиотека. Источники). СПб.: Алетейя, 2013. С. 9-58.

Скржинская 2013а - *Скржинская Е.Ч.* Комментарий // Иордан. О происхождении и деяниях гетов / Вступительная статья, перевод и комментарии Е.Ч. Скржинской. 2-е издание (Византийская библиотека. Источники). СПб.: Алетейя, 2013. С. 175-375.

Страбон 1994 - *Страбон.* География в 17 книгах / Перевод, статья и комментарии Г.А. Стратановского, под общей редакцией проф. С.Л. Утченко, редактор перевода проф. О.О. Крюгер (серия «Памятники исторической мысли»). М.: Ладомир, 1994. 944 с.

Тацит 1993 - *Корнелий Тацит.* О происхождении германцев и местоположении Германии / Перевод А.С. Бобовича, редактор М.Е. Сергеенко // Корнелий Тацит. Сочинения в двух томах (Серия «Литературные памятники»). СПб.: Наука, 1993. С. 337-356.

Тацит 1993а - *Корнелий Тацит.* Анналы / Перевод А.С. Бобовича, редактор Я.М. Боровский // Корнелий Тацит. Сочинения в двух томах (Серия «Литературные памятники»). СПб.: Наука, 1993. С. 7-312.

Топоров 1983 - *Топоров В.Н.* Древние германцы в Причерноморье. Результаты и перспективы // Балто-славянские исследования. 1982. М.: Наука, 1983. С. 227-263.

Трубачев 1974 - *Трубачев О.Н.* Ранние славянские этнонимы – свидетели миграции славян // Вопросы языкознания. 1974. № 6. С. 48-67.

Трубачев 1999 - *Трубачев О.Н.* Indoarica в Северном Причерноморье. М.: Наука, 1999. 320 с.

Шаров 2013 - *Шаров О.В.* В поисках страны «Ойум»: эпос или реальность? // Древности Западного Кавказа. Выпуск I. Краснодар, 2013. С. 118-155.

Щукин 1986 - *Щукин М.Б.* Готы и Готоны, Готискандза и Ойум // X Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии. Тезисы докладов. М., 1986.

Щукин 1994 - *Щукин М.Б.* На рубеже эр: Опыт историко-археологической реконструкции политических событий VI в. до н.э. – I в. н.э. в Восточной и Центральной Европе. СПб.: Фарн, 1994. 324 с.

Щукин 1997 - *Щукин М.Б.* Рождение славян // Стратум. Структуры и катастрофы. СПб., 1997. С. 110-147.

Щукин 2005 - *Щукин М.Б.* Готский путь (готы, Рим и черняховская культура). СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. 576 с.

ЭССЯ 8 - Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под ред. О.Н. Трубачева. Выпуск 8. М.: Наука, 1981. 252 с.

Bierbrauer 1994 - *Bierbrauer V.* Archäologie und Geschichte der Goten vom 1-7. Jahr. // Frühmittelalterliche Studien. Bd. 28. Berlin; New York, 1994.

Kazanski 1999 - *Kazanski M.* Les Slaves. Les origines (I-er - VIIe siècle après J.-C.). Paris, 1999.

Lewicki 1951 - *Lewicki T.* Zagadnienie Gotyv na Krymie // Pzegląd Zachodni. T. VII. № 5/8. Poznań, 1951.

Wołągiewicz 1981 - *Wołągiewicz R.* Kultura wielbarska – problemy interpretacji etnicznej // Problemy kultury wielbarskiej. Slupsk, 1981.

REFERENCES

Anfert'ev 1994 - *Anfert'ev A.N.* Iordan. Perevod fragmentov o slavjanah i kommentarii [Jordanes. The translation of fragments about Slavs and the comment], in: Svod drevnejshih pis'mennyh izvestij o slavjanah. T. I [Arch of the most ancient written news of Slavs. Volume I], Moscow, Vostochnaja literatura Publ., 1994, pp. 98-161 [in Russian].

Baran 1961 - *Baran V.D.* Poselennja pershih stolit' nashoï eri bilja sela Cherepin [Settlements of the first centuries AD near the village of Cherepin], Kiev, 1961, 126 p. [in Ukrainian].

Baran 1981 - *Baran V.D.* Chernjahivska kul'tura (za materialami Verhn'ogo Dnistra ta Zahidnogo Bugu) [Chernyakhov culture (on materials of the Top Dniester and Western to Bug)], Kiev, Naukova dumka Publ., 1981, 264 p. [in Ukrainian].

Baran 1988 - *Baran V.D.* Prazhskaja kul'tura Podnestrov'ja (po materialam poselenija u s. Rashkov) [The Prague culture of Podnestrovya (on settlement materials at the village of Rashkov)], Kiev, 1988, 160 p. [in Russian].

Baran 2008 - *Baran V.D.* Slov'jans'ke poselennja seredini I tisjacholittja nashoï eri bilja sela Teremci na Dnistri [Slavic settlements of the middle of the I millennium AD near the village of Teremtsa on Dniester], Kiev, 2008, 134 p. [in Ukrainian].

Baran, Gopkalo 2005 - *Baran V.D., Gopkalo O.V.* Chernjahivs'ki poselennja bassejnu Gniloï Lipi [Chernyakhovsk settlements of the pool of the Rotten Linden], Kiev, 2005, 144 p. [in Ukrainian].

Bierbrauer 1994 - *Bierbrauer V.* Archäologie und Geschichte der Goten vom 1-7. Jahr. [Archeology and history of the Goths in 1-7th centuries], in: Frühmittelalterliche Studien. Bd. 28 [Researches of the early Middle Ages. Release 28], Berlin; New York, 1994 [in German].

Birbrauer 1995 - *Birbrauer F.* Goti v I-VII st.: Teritorija rozselennja ta prosuvannja za arheologichnimi dzherelami [Goths in I - the 7th centuries: The territory of moving and migration according to archaeological data], in: Arheologija [Archeology], 1995, № 2, pp. 32-51 [in Ukrainian].

Budanova 2001 - *Budanova V.P.* Goty v jepohu Velikogo pereselenija narodov. 2-e izdanie (Vizantijskaja biblioteka. Issledovanija) [Goths during an era of Great resettlement of the people. 2nd edition (Byzantine library. Researches)], St. Petersburg, Aletejja Publ., 2001, 320 p. [in Russian].

Egorejchenko 2006 - *Egorejchenko A.A.* Kul'tury shtrihovannoj keramiki [Cultures of the shaded ceramics], Minsk: BGU Publ., 2006, 207 p. [in Russian].

Grot 2014 - *Grot L.P.* Kto takie goty i otkuda oni vzjalis'? [Who such Goths and from where they undertook?], 2014, Electronic resource: http://pereformat.ru/2014/02/goths/ (Date of access – 18.02.2016) [in Russian].

Iordan 1994 - *Iordan.* Getica. Fragmenty o slavjanah / Perevod i kommentarii A.N. Anfert'eva [Getica. Fragments about the Slavs / Translation and comments A.N. Anfertyev], in: Svod drevnejshih pis'mennyh izvestij o slavjanah. T. I [Arch of the most ancient written news of Slavs. Volume I], Moscow, Vostochnaja literatura Publ., 1994, pp. 98-161 [in Russian].

Iordan 2013 - *Iordan.* O proishozhdenii i dejanijah getov / Vstupitel'naja stat'ja, perevod i kommentarii E.Ch. Skrzhinskoj. 2-e izdanie (Vizantijskaja biblioteka. Istochniki) [About an origin and acts of the Getaes / Introductory article, translation and comments E.Ch. Skrzhinskaya. 2nd edition (Byzantine library. Sources)], St. Petersburg, Aletejja Publ., 2013, 512 p. [in Russian].

JeSSJa 8 - Jetimologicheskij slovar' slavjanskih jazykov. Praslavjanskij leksicheskij fond / Pod red. O.N. Trubacheva. Vypusk 8 [Etymological dictionary of Slavic languages. Praslavyansky lexical fund / Under O.N. Trubachev edition. Release 8], Moscow, Nauka Publ., 1981, 252 p. [in Russian].

Kazanski 1999 - *Kazanski M.* Les Slaves. Les origines (I-er - VIIe siècle après J.-C.) [Origin of Slavs (the 1-7th centuries AD)], Paris, 1999 [in French].

Kazanskij, Sharov 2010 - *Kazanskij M.M., Sharov O.V.* Predislovie [Preface], in: Germania-Sarmatia II: Sbornik, posvjashhjonnyj pamjati M.B. Shhukina [Germania-Sarmatia II: The collection devoted to M.B. Schukin memory], Kaliningrad, 2010, pp. 11-13 [in Russian].

Kozak 1984 - *Kozak D.N.* Pshevors'ka kul'tura u Verhn'omu Podnistrov'ï ta Zahidnomu Pobuzhzhi [Przeworsk culture in the Top Podnestrovye and the Western Pobuzhye], Kiev, Naukova dumka Publ., 1984, 128 p. [in Ukrainian].

Kozak 1991 - *Kozak D.N.* Etnokul'turna istorija Volini (I st. do n.e. - IV st. n.e.) [Ethnocultural history of Volhynia (1st century BC - 4th century AD)], Kiev, 1991, 172 p. [in Ukrainian].

Kozak 2008 - *Kozak D.N.* Venedi [Veneds], Kiev, 2008, 470 p. [in Ukrainian].

Kuharenko 1980 - *Kuharenko Ju.V.* Mogil'nik Brest-Trishin [Burial ground Brest-Trishin], Moscow, Nauka Publ., 1980, 128 p. [in Russian].

Lewicki 1951 - *Lewicki T.* Zagadnienie Gotyv na Krymie [Goths in the Crimea], in: Pzegląd Zachodni. T. VII. № 5/8 [Researches of the West. Volume VII. No. 5/8], Poznań, 1951 [in Polish].

Machinskij 2009 - *Machinskij D.A.* Nekotorye predposylki, dvizhushhie sily i istoricheskij kontekst slozhenija russkogo gosudarstva v seredine VIII – seredine XI v. [Some prerequisites, driving forces and historical context of addition of the Russian state in the middle of VIII – the middle of the 11th century], in: Trudy Gosudarstvennogo Jermitazha. T. 49 [Works of the State Hermitage. Volume 49], St. Petersburg, Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Jermitazha Publ., 2009, pp. 460-538 [in Russian].

Machinskij 2011 - *Machinskij D.A.* Rycar' poznanija [Knight of knowledge], in: Evropejskaja Sarmatija. Sbornik, posvjashhennyj M.B. Shhukinu [European Sarmatiya. The collection devoted to M. B. Schukin], St. Petersburg, Nestor-istorija Publ., 2011, pp. 3-15 [in Russian].

Machinskij, Voronjatov 2011 - *Machinskij D.A., Voronjatov S.V.* Gotskij put', plodorodnejshie zemli Oium i vel'barksko-chernjahovskoe poselenie Lepesovka [Gothic way, the most fertile lands Oium and velbarksko-Chernyakhovsk settlement of Lepesovka], in: Evropejskaja Sarmatija. Sbornik, posvjashhennyj M.B. Shhukinu [European Sarmatiya. The collection devoted to M.B. Schukin], St. Petersburg, Nestor-istorija Publ., 2011, pp. 246-291 [in Russian].

Magomedov 2001 - *Magomedov B.V.* Chernjahovskaja kul'tura. Problema jetnosa [Chernyakhov culture. Ethnos problem], Lublin, 2001, 290 p. [in Russian].

Mel'nikova 2001 - *Mel'nikova E.A.* Skandinavskie runicheskie nadpisi. Novye nahodki i interpretacii [Scandinavian runic inscriptions. New finds and interpretations], Moscow, Vostochnaja literatura Publ., 2001, 496 p. [in Russian].

Merkulov 2015 - *Merkulov V.I.* Rugi i goty: istoki krovnoj vrazhdy [Rugii and Goths: the origin of blood feud], in: Istoricheskij format [Historical format], 2015, № 1, pp. 118-123 [in Russian].

Petruhin, Raevskij 2004 - *Petruhin V.Ja., Raevskij D.S.* Ocherki istorii narodov Rossii v drevnosti i rannem srednevekov'e [Sketches of history of the people of Russia in the ancient time and early Middle Ages], Moscow, Znak Publ., 2004, 416 p. [in Russian].

Podosinov, Skrzhinskaja 2011 - *Podosinov A.V., Skrzhinskaja M.V.* Rimskie geograficheskie istochniki: Pomponij Mela i Plinij Starshij. Teksty, perevod, kommentarij [Roman geographical sources: Pomponius Mela and Pliny the Elder. Texts, translation, comment], Moscow, Indrik Publ., 2011, 504 p. [in Russian].

Prokopij 1994 - *Prokopij Kesarijskij.* Fragmenty o slavjanah / Perevod i kommentarii S.A. Ivanova, L.A. Gindina, V.L. Cymburskogo [Fragments about the Slavs / Translation and comments S.A. Ivanov, L.A. Gindin, V.L. Tsymbursky comments], in: Svod drevnejshih pis'mennyh izvestij o slavjanah. T. I [Arch of the most ancient written news of Slavs. Volume I], Moscow, Vostochnaja literatura Publ., 1994, pp. 170-251 [in Russian].

Prokopij 1996 - *Prokopij Kesarijskij.* Vojna s gotami / Perevod S.P. Kondrat'eva [War about the Ghots / Translation S.P. Kondratyev], Moscow, Arktos Publ., 1996, 336 p. [in Russian].

PSRL. I - Polnoe sobranie russkih letopisej. T. I. Lavrent'evskaja letopis' [Complete collection of the Russian chronicles. Volume I. Laurentian Codex], Moscow, Jazyki slavjanskoj kul'tury Publ., 1997, 496 p. [in Russian].

PSRL. II - Polnoe sobranie russkih letopisej. T. II. Ipat'evskaja letopis' [Complete collection of the Russian chronicles. Volume II. Hypatian Codex], Moscow, Jazyki slavjanskoj kul'tury Publ., 1998, 648 p. [in Russian].

Rassadin 2008 - *Rassadin S.E.* Pervye slavjane. Slavjanogenez [First Slavs. Slavyanogenez], Minsk, Belorusskij jekzarhat Publ., 2008, 288 p. [in Russian].

Rozhanskij 2015 - *Rozhanskij I.L.* Kto takie nemcy? Onomastika i DNK-genealogija [Who are «Nemtsi»? Onomast ics and DNA-Genealogy], in: Istoricheskij format [Historical format], 2015, № 3, pp. 87-106 [in Russian].

Rusanova 1976 - *Rusanova I.P.* Slavjanskie drevnosti VI-VII vv. Kul'tura prazhskogo tipa [Slavic antiquities of the VI-VIIth centuries. Culture of the Prague type], Moscow, Nauka Publ., 1976, 194 p. [in Russian].

Rusanova 1990 - *Rusanova I.P.* Jetnicheskij sostav nositelej pshevorskoj kul'tury [Ethnic structure of carriers of the Przeworsk culture], in: Ranneslavjanskij mir: Materialy i issledovanija. Vyp. 1 [Early Slavic world: Materials and researches. Release 1], Moscow, 1990, pp. 119-150 [in Russian].

Rusanova 1993 - *Rusanova I.P.* Vel'barskaja kul'tura [Wielbark culture], in: Slavjane i ih sosedi v konce I tys. do n.je. – pervoj polovine I tys. n.je. [Slavs and their neighbors at the end of I thousand BC – the first half of I thousand AD], Moscow, Nauka Publ., 1993, pp. 183-191 [in Russian].

Rusanova 1993a - *Rusanova I.P.* Zakljuchenie [Conclusion], in: Slavjane i ih sosedi v konce I tys. do n.je. – pervoj polovine I tys. n.je. [Slavs and their neighbors at the end of I thousand BC – the first half of I thousand AD], Moscow, Nauka Publ., 1993, pp. 192-197 [in Russian].

Sedov 1994 - *Sedov V.V.* Slavjane v drevnosti [Slavs in the ancient time], Moscow, Fond arheologii Publ., 1994, 343 p. [in Russian].

Sedov 2000 - *Sedov V.V.* Recenzija na knigu: Kazanski M. Les Slaves. Les origines (I-er - VIIe siècle après J.-C.). Paris, 1999 [Review of the book: Kazanski M. Origin of Slavs (the 1-7th centuries AD). Paris, 1999], in: Rossijskaja arheologija [Russian archeology], 2000, № 3, pp. 197-202 [in Russian].

Sedov 2002 - *Sedov V.V.* Slavjane. Istoriko-arheologicheskoe issledovanie [Slavs. Historical and archaeological research], Moscow, Jazyki russkoj kul'tury Publ., 2002, 622 p. [in Russian].

Sharov 2013 - *Sharov O.V.* V poiskah strany «Ojum»: jepos ili real'nost'? [In search of the country «Oium»: epos or reality?], in: Drevnosti Zapadnogo Kavkaza. Vypusk I [Antiquities of Western Caucasus. Release I], Krasnodar, 2013, pp. 118-155 [in Russian].

Shhukin 1986 - *Shhukin M.B.* Goty i Gotony, Gotiskandza i Ojum [Goths and Gotons, Gotiskandz and Oium], in: X Vsesojuznaja konferencija po izucheniju istorii, jekonomiki, literatury i jazyka Skandinavskih stran i Finljandii. Tezisy dokladov [X All-Union conference on studying of history, economy, literature and language of the Scandinavian countries and Finland. Theses of reports], Moscow, 1986 [in Russian].

Shhukin 1994 - *Shhukin M.B.* Na rubezhe jer: Opyt istoriko-arheologicheskoj rekonstrukcii politicheskih sobytij VI v. do n.je. – I v. n.je. v Vostochnoj i Central'noj Evrope [At a boundary Eras: Experience of historical and archaeological reconstruction of political events of the VIth century BC – Ist century AD in Eastern and the Central Europe], St. Petersburg, Farn Publ., 1994, 324 p. [in Russian].

Shhukin 1997 - *Shhukin M.B.* Rozhdenie slavjan [Birth of Slavs], in: Stratum. Struktury i katastrofy [Stratum. Structures and accidents], St. Petersburg, 1997, pp. 110-147 [in Russian].

Shhukin 2005 - *Shhukin M.B.* Gotskij put' (goty, Rim i chernjahovskaja kul'tura) [Gothic way (Goths, Rome and Chernyakhov culture)], St. Petersburg, Filologicheskij fakul'tet SPbGU Publ., 2005, 576 p. [in Russian].

Skrzhinskaja 2013 - *Skrzhinskaja E.Ch.* Iordan i ego «Getica» [Jordanes and its «Getica»], in: Iordan. O proishozhdenii i dejanijah getov / Vstupitel'naja stat'ja, perevod i kommentarii E.Ch. Skrzhinskoj. 2-e izdanie (Vizantijskaja biblioteka. Istochniki) [Jordanes. About an origin and acts of the Getaes / Introductory article, the translation and comments E.Ch. Skrzhinskaya. 2nd edition (Byzantine library. Sources)], St. Petersburg, Aletejja Publ., 2013, pp. 9-58 [in Russian].

Skrzhinskaja 2013a - *Skrzhinskaja E.Ch.* Kommentarij [Comment], in: Iordan. O proishozhdenii i dejanijah getov / Vstupitel'naja stat'ja, perevod i kommentarii E.Ch. Skrzhinskoj. 2-e izdanie (Vizantijskaja biblioteka. Istochniki) [Jordanes. About an origin and acts of the Getaes / Introductory article, the translation and comments E.Ch. Skrzhinskaya. 2nd edition (Byzantine library. Sources)], St. Petersburg, Aletejja Publ., 2013, pp. 175-375 [in Russian].

Strabon 1994 - *Strabon.* Geografija v 17 knigah / Perevod, stat'ja i kommentarii G.A. Stratanovskogo, pod obshhej redakciej prof. S.L. Utchenko, redaktor perevoda prof. O.O. Krjuger (serija «Pamjatniki istoricheskoj mysli») [Geography in the 17th books / Translation, article and comments G.A. Stratanovsky, under the general edition of the prof. S.L. Utchenko, the translation editor the prof. O.O. Kruger (Monuments to Historical Thought series)], Moscow, Ladomir Publ., 1994, 944 p. [in Russian].

Tacit 1993 - *Kornelij Tacit.* O proishozhdenii germancev i mestopolozhenii Germanii / Perevod A.S. Bobovicha, redaktor M.E. Sergeenko [On the Origin and Situation of the Germanic Peoples / Translation A.S.

Bobovich, editor M.E. Sergeenko], in: Kornelij Tacit. Sochinenija v dvuh tomah (Serija «Literaturnye pamjatniki») [Cornelius Tacitus. Compositions in two volumes (Literary Monuments series)], St. Petersburg, Nauka Publ., 1993, pp. 337-356 [in Russian].

Tacit 1993a - *Kornelij Tacit.* Annaly / Perevod A.S. Bobovicha, redaktor Ja.M. Borovskij [Annals / Translation A.S. Bobovich, editor Ya.M Borovsky], in: Kornelij Tacit. Sochinenija v dvuh tomah (Serija «Literaturnye pamjatniki») [Cornelius Tacitus. Compositions in two volumes (Literary Monuments series)], St. Petersburg, Nauka Publ., 1993, pp. 7-312 [in Russian].

Toporov 1983 - *Toporov V.N.* Drevnie germancy v Prichernomor'e. Rezul'taty i perspektivy [Ancient Germans in Black Sea Coast. Results and prospects], in: Balto-slavjanskie issledovanija. 1982 [Balto-Slavic researches. 1982], Moscow, Nauka Publ., 1983, pp. 227-263 [in Russian].

Trubachev 1974 - *Trubachev O.N.* Rannie slavjanskie jetnonimy – svideteli migracii slavjan [Early Slavic ethnonyms – witnesses of migration of the Slavs], in: Voprosy jazykoznanija [Linguistics questions], 1974, № 6, pp. 48-67 [in Russian].

Trubachev 1999 - *Trubachev O.N.* Indoarica v Severnom Prichernomor'e [Indoarica in Northern Black Sea Coast], Moscow, Nauka Publ., 1999, 320 p. [in Russian].

Veselovskij 1883 - *Veselovskij A.N.* Zametki po literature i narodnoj slovesnosti. I [Notes on literature and national literature. I], St. Petersburg, 1883, 98 p. [in Russian].

Vol'fram 2003 - *Vol'fram H.* Goty. Ot istokov do serediny VI v. Opyt istoricheskoj jetnografii / Perevod s nemeckogo P.B. Milovidov M.Ju. Nekrasov / pod redakciej M.B. Shhukina, N.A. Bondarko i P.V. Shuvalova [The Goths. From sources to the middle of the 6th century. Experience of historical ethnography / the translation from German P.B. Milovidov M.Yu. Nekrasov / under M.B. Schukin, N.A. Bondarko and P.V. Shuvalov edition], St. Petersburg, Juventa Publ., 2003, 656 p. [in Russian].

Voronjatov 2014 - *Voronjatov S.V.* O territorii srazhenija gotov so spalami v «Getica» Iordana [About the territory of battle the Goths a Spalis in «Getica» of Jordanes], in: Vojna i voennoe delo v skifo-sarmatskom mire [War and military science in the Skifo-Sarmatian world], Rostov-on-Don, Izdatel'stvo JuNC RAN Publ., 2014, pp. 57-72 [in Russian].

Wołągiewicz 1981 - *Wołągiewicz R.* Kultura wielbarska – problemy interpretacji etnicznej [Wielbark culture – problems of ethnic interpretation], in: Problemy kultury wielbarskiej [Problems of the Wielbark culture], Slupsk, 1981 [in Polish].

Zhih 2013 - *Zhih M.I.* Valentin Vasil'evich Sedov. Stranicy zhizni i tvorchestva slavjanskogo podvizhnika. Chast' II. Problema slavjanskogo jetnogeneza v rabotah V.V. Sedova [Valentin Vasilyevich Sedov. Pages of life and creativity of the Slavic devotee. Part II. A problem of Slavic ethnogenesis in V.V. Sedov works], in: Mezhdunarodnyj istoricheskij zhurnal «Rusin» [International historical magazine «Rusin»], 2013, № 1 (30), pp. 106-135 [in Russian].

Zhih 2014 - *Zhih M.I.* Slavjane i goty na Volyni i v Verhnem Podnestrov'e. Problema lokalizacii zemli Oium i «plemeni» (gens) Spali [Slavs and Goths in Volhynia and in the Top Podnestrovye. Problem of localization of the earth of Oium and «tribe» (gens) of Spali], in: Mezhdunarodnyj istoricheskij zhurnal «Rusin» [International historical magazine «Rusin»], 2014, № 2 (36), pp. 76-103 [in Russian].

Zhih 2014a - *Zhih M.I.* Recenzija na knigu: Rassadin S.E. Pervye slavjane. Slavjanogenez. Minsk, 2008 [Review of the book: Rassadin S.E. First Slavs. Slavyanogenez. Minsk, 2008], in: Rossica antiqua [Rossica antiqua], 2014, № 1, pp. 104-120 [in Russian].

Zhih 2015 - *Zhih M.I.* Duleby i avary v Povesti vremennyh let: slavjanskij jepos ili knizhnaja konstrukcija? [The Dulebes and Avars in the Tale of bygone years: the story from a slavic epic or book construct?], in: Istoricheskij format [Historical format], 2015, № 3, pp. 52-71 [in Russian].

Жих Максим Иванович – Научный сотрудник Института истории Санкт-Петербургского государственного университета.

Zhikh Maksim – Research associate of Institute of history of St. Petersburg State University.

E-mail: max-mors@mail.ru

УДК 903.2

АНТРОПОМОРФНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ У ПРУССОВ

В.И. Кулаков
Институт археологии Российской академии наук
Россия, 117036, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19
e-mail: drkulakov@mail.ru
Scopus Author ID: 26038228300
SPIN-код: 3764-2260

Авторское резюме

В прусском изобразительном искусстве его творцы решали задачу осознания своего места в окружающем их мире, наполненным, как считалось, различными формами жизни. На земле древней Пруссии сделано к настоящему времени довольно много находок антропоморфных изображений I тыс. н.э. Однако большая их часть связана не с прусской культурой, а с древностями скандинавского происхождения. Северяне, активно осваивая Янтарный берег на исходе I тыс. н.э., принесли в юго-восточную Балтию свою традицию изготовления и использования антропоморфных изображений, имеющую в немалой мере культовый смысл.

Ключевые слова: пруссы, антропоморфные изображения, балты, археология, изобразительное искусство.

ANTHROPOMORPHIC IMAGES IN PRUSSIAN ART

Vladimir Kulakov
Institute of archeology of the Russian Academy of Sciences
19 The Dmitry Ulyanov Street, Moscow, 117036, Russia
e-mail: drkulakov@mail.ru

Abstract

The Prussian visual art creators tried to become aware of their place in the surrounding world, filled, as they thought, with various forms of life. There have been a considerable number of findings of anthropomorphic images dated to the first millennium AD on the lands of Old Prussia. However, most of them are related to Scandinavian culture, not Prussian. Northerners, actively colonizing the Amber Coast at the end of the first millennium AD, brought to the south-eastern Baltic their traditions of manufacturing and the use of anthropomorphic images, which served mainly religious purposes.

Keywords: Prussians, anthropomorphic images, Balts, archeology, visual arts.

* * *

В прусском изобразительном искусстве, как показывают исследования последних лет (Кулаков 2002: 248-273; Смирнова 2002: 275-285), его творцы решали задачу осознания своего места в окружающем их мире, наполненным, как считалось, различными формами жизни. Важную роль в передаче своего видения макро- и микрокосма художник решал через орнамент, который у раннесредневековых прусов украшал, как правило, отдельные зоны или периметр украшаемого предмета

(Смирнова 2002: 283, 284). Однако упрощённые детали этого декора не всегда позволяют адекватно интерпретировать семантику определённых композиций. Лишь изображения, представленные на отдельных металлических элементах убора жителей юго-восточной Балтии сер. I тыс. поддаются смысловой «дешифровке». Примером этого могут служить арбалетовидные звериноголовые фибулы эпохи видивариев, являвшиеся свадебными дарами и нёсшие изображение змея – символа плодородия и семейного счастья (Кулаков 2011: 50). Иначе складывается ситуация с антропоморфными изображениями у пруссов.

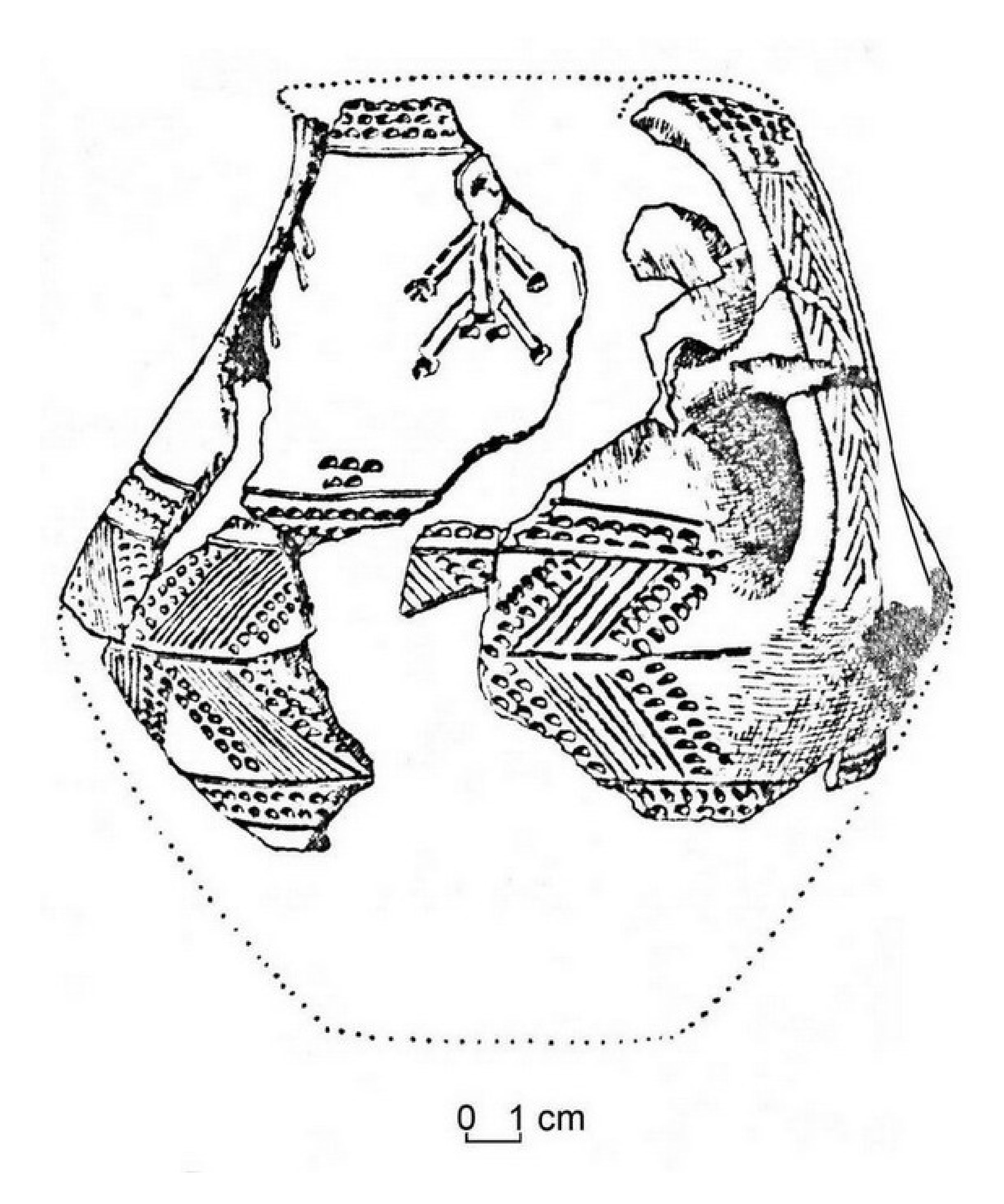

Рис. 1. Изображение человека на урне из Tykrehnen/Зори (Зеленоградский р-н) (Okulicz 1973: ryc. 155,a).

Древнейшее изображение человеческой фигуры было обнаружено в кон. XIX в. при раскопках кургана, оставленного в раннем железном веке носителями культуры западнобалтийских курганов на юго-восточной окраине Tykrehnen/Зори (Зеленоградский р-н) (Hollack 1908: 169). Под венчиком фрагментированной биконической урны, снабжённой двучастной ручкой, найденной в Tykrehnen/Зори, представлена практически полностью сохранившаяся фигура человека, представленная при помощи прорезных линий (**рис. 1**), нанесённых на глину урны до её обжига. Слева от неё на рисунке видны остатки аналогичной (?) фигуры. Аналог этому изображению был найден на таком же биконическом погребальном сосуде на близлежащем курганном могильнике Rantau/Гора Великанов (Зеленоградский р-н) (Grunert 1944: Abb. 4). Выполненные в сходной манере (простейшие фигурки людей и животных, прорезанные по глине до обжига сосудов – **рис. 2**) известны в северной части ареала так наз. «богачевской» культуры[1], охватывавшей западную часть Мазурского Поозерья в раннеримское время (Szymański 2000: tabl. IV, X, XIV, XVIII).

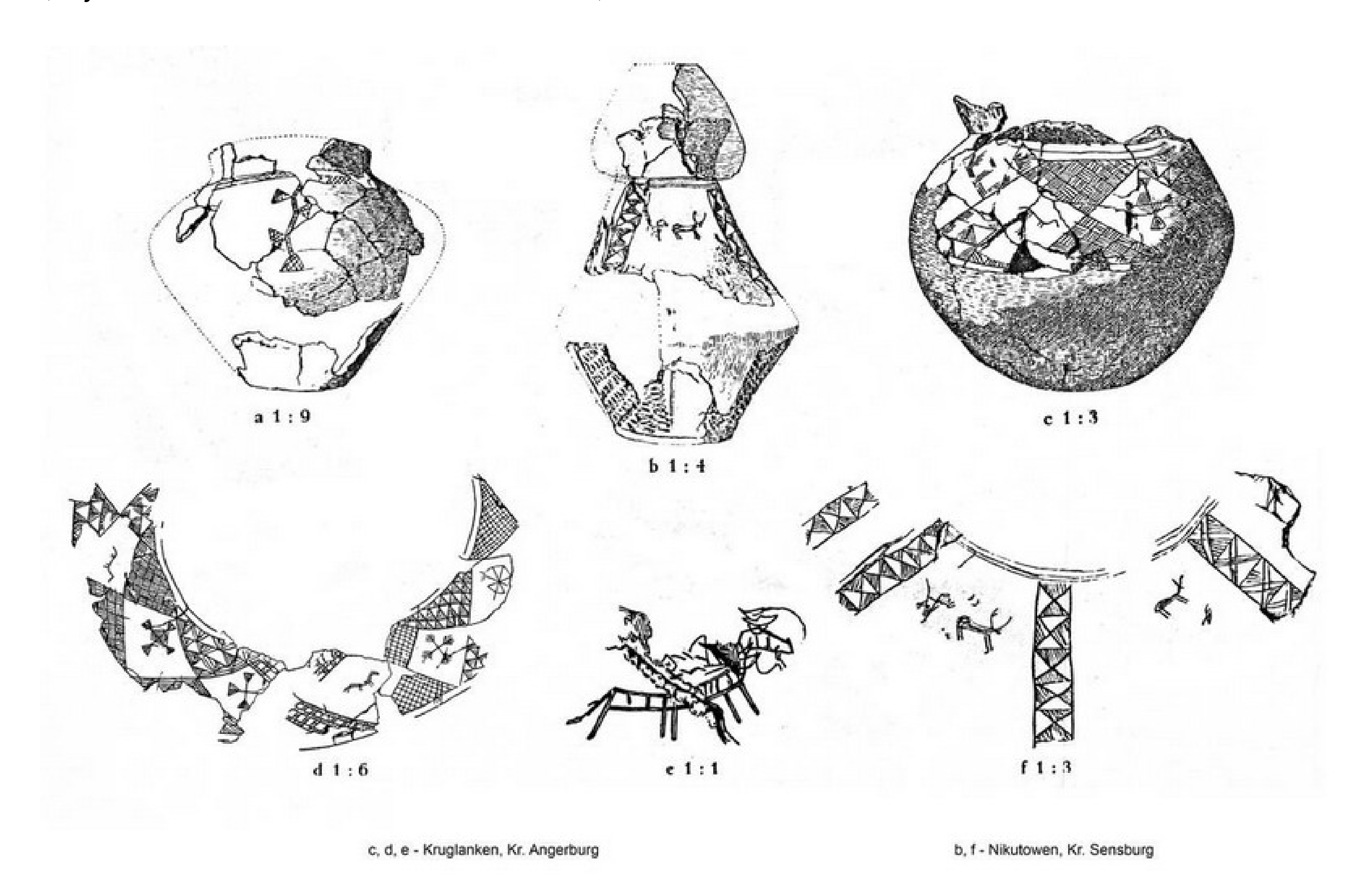

Рис. 2. Изображения людей на урнах раннего железного века:
c, d, e – Kruglanken/Kruglanki, woj. warmińsko-mazurskie Polski,
b, f – Nikutowen/Nikuty (woj. warmińsko-mazurskie Polski)
(Gaerte 1929: Abb. 122).

[1] Так как адекватное определение этой культуры по сей день отсутствует, её название и в целом существование довольно условны.

Как и в более ранних урнах поморской культуры, рисунки на урнах культуры западнобалтийских курганов и «богачевской» культуры изображения людей у далёких предков эстиев и пруссов были связаны с функцией использования этих сосудов в качестве урн. Возможность преемственности традиции изображения антропоморфных фигур древними обитателями Самбии подтверждается находкой собственно лицевой урны на могильнике Rantau/Заостровье (Hollack 1908: 127). Не исключено, что указанные изображения, представленные на сосудах поморской культуры и западнобалтских культур эпохи раннего железа при помощи различных изобразительных приёмов (пластики и графика), были призваны отображать души (?) людей, прах которых содержался в данных урнах. Эти урны могли восприниматься их изготовителями как дома для душ умерших. Данный вывод подтверждается находкой под венчиком одной из биконических урн изображения дома с двухскатной крышей. Эта находка, сделанная на курганном могильнике Craam/Грачёвка (Зеленоградский р-н) в нач. XX в., как и сосуд из Tykrehnen/Зори, отнесена к средней фазе эпохи Латена (III-II вв. до н.э.) (Stadie 1919: 388, 389).

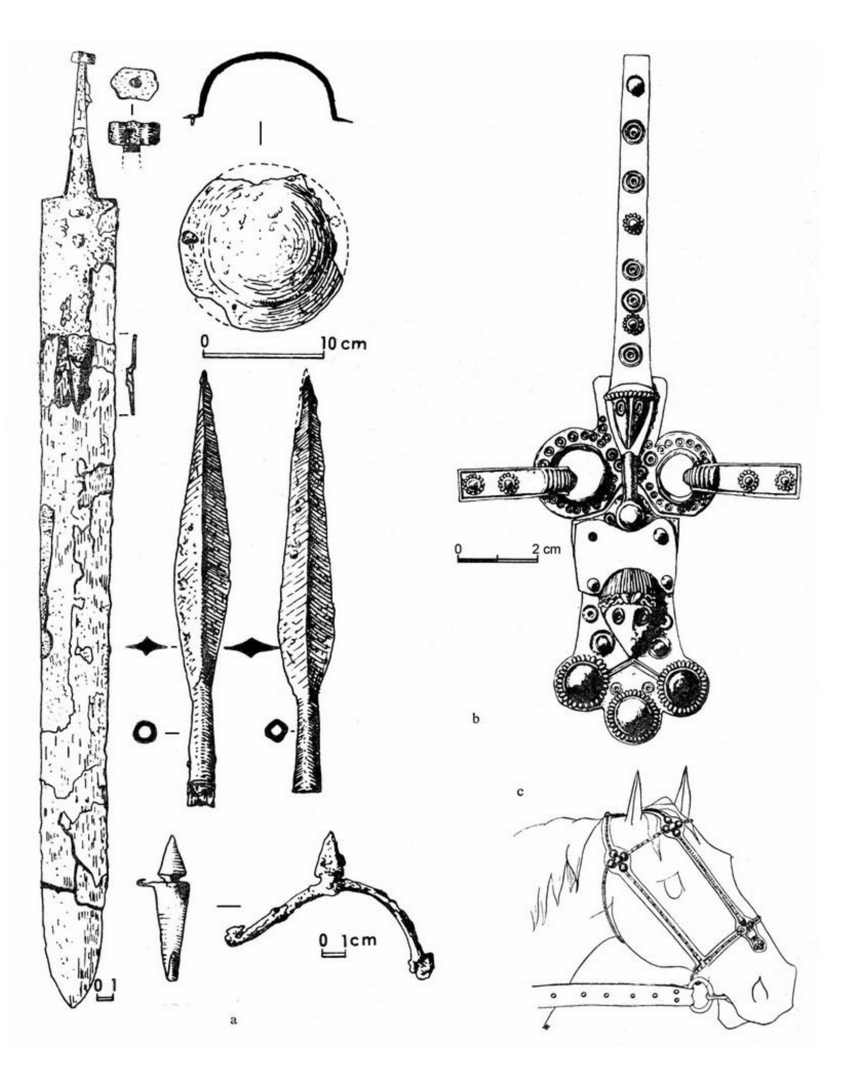

Рис. 3. Комплекс вооружения и оголовье коня из «княжеского» захоронения в кург. 2 могильника Swajzaria, woj. warmińsko-mazurskie Polski (Кулаков 2012: рис. 200).

С эпохи Великого переселения народов изображения людей в прусском искусстве заметно увеличивается. Этот феномен можно связать как с изменениями в местном культе, так и с влиянием иноэтничныих традиций (на тот же культ и на связанное с ним искусство). Примером реализации таких влияний может служить изображение мужской головы на наноснике конского оголовья (**рис. 3**) из «княжеского» захоронения в кург 2 могильника Szwajzaria (woj. warmińsko-mazurskie Polski), рсположенного в южной зоне распространения западных балтов. Датируемое фазой C_2, это изображение восходит к перенятой германцами кельтской по своему происхождению традиции жертвоприношения мужской головы (Кулаков 2012: 206) и явно не связано с традициями западных балтов. Различные стороны археологии Мазурского Поозерья, в том числе – распространение на его просторах германских культовых традиций, свидетельствуют в пользу того, что южная часть западнобалтского ареала в римское время была чресполосно занята группами древних германцев (Kulakov 2011: 54-56).

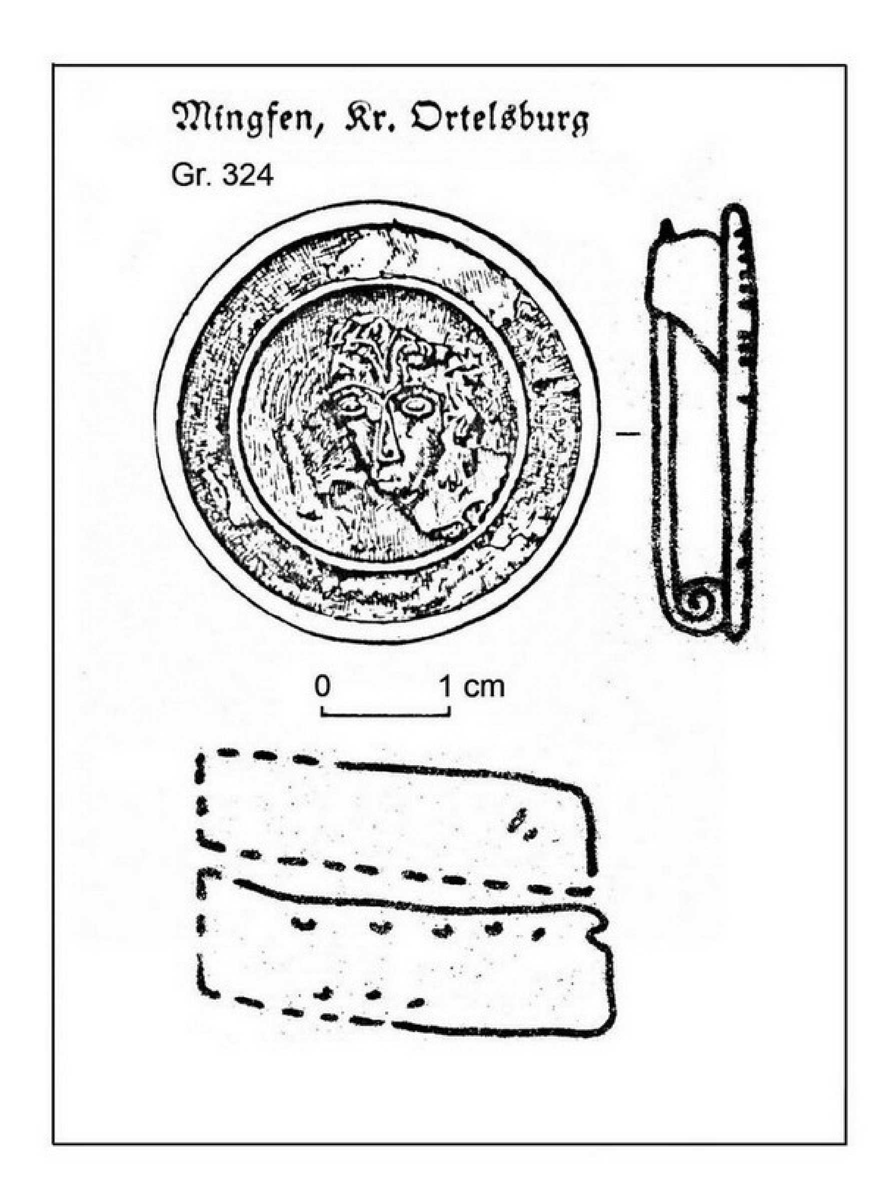

Рис. 4. Инвентарь погр. 324 могильника Mingfen/Mietkie (woj. warmińsko-mazurskie Polski) (Gaerte 1929: 319; Кулаков 1990: рис. 12,3).

Изображения головы мужчины на круглой фибуле из погр. 324 грунтового могильника Mingfen/Miętkie-I (woj. warmińsko-mazurskie Polski) сер. I тыс. н.э. (**рис. 4**) указывают на присутствие в искусстве западных балтов византийского влияний. Эта фибула, найденная в урне вместе с бронзовой прямоугольной накладкой, украшенной по периметру псевдо-жемчужным орнаментом и куском бронзы, в своём центре имела тонкий бронзовый лист с рельефным изображением мужского лица анфас. Ф.Е. Пайсер, исследуя эту фибулу в нач. XX в., пришёл к выводу о том, что изображение на ней скопировано с монеты Императора Юстиниана I (путём изготовления басменной копии-?), что позволяет датировать фибулу 40-годами VI в. (Peiser 1919: 374).

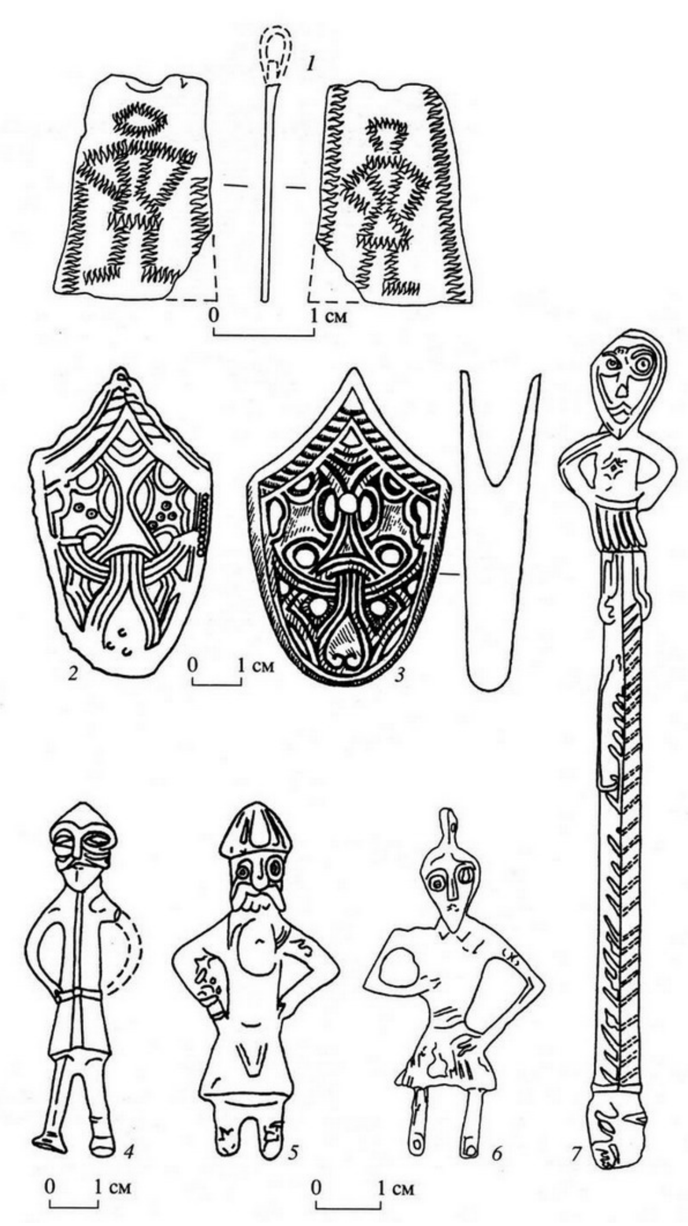

Рис. 5. Фигуры мужчины с руками, упёртыми в бока: 1 – Раскоп III могильника Dollkeim/Коврово (Зеленоградский р-н); 2 – погр. 117 могильника Yrzekapinis/Клинцовка-1 (Зеленоградский р-н); 3 – погр. 94 могильника Žasinas (Šilialė raj., Lietuva); 4 – Lindby (Scone, Sverige); 5 – Schwedt-an-Oder (Deutschland); 6, 7 – г. Новгород Великий (Кулаков 2003: рис. 1).

В эпоху Великого переселения народов на Самбии известны изображения мужских (?) фигур с согнутыми в локтях и упёртыми в бока руками (**рис. 5**). Эти фигуры представлены на двух сторонах подвески, обнаруженной в культурном слое грунтового могильника Dollkeim/Коврово (Зеленоградский р-н) и относимой к указанной эпохи по близлежащим погребальным комплексам. Как показывает массив аналогий этой форме представления (кстати, как и более ранние фигурки – выполненной графическим путём), таким образом представляли фигуры людей мастера из славянского мира (**рис. 5**,*4-7*).

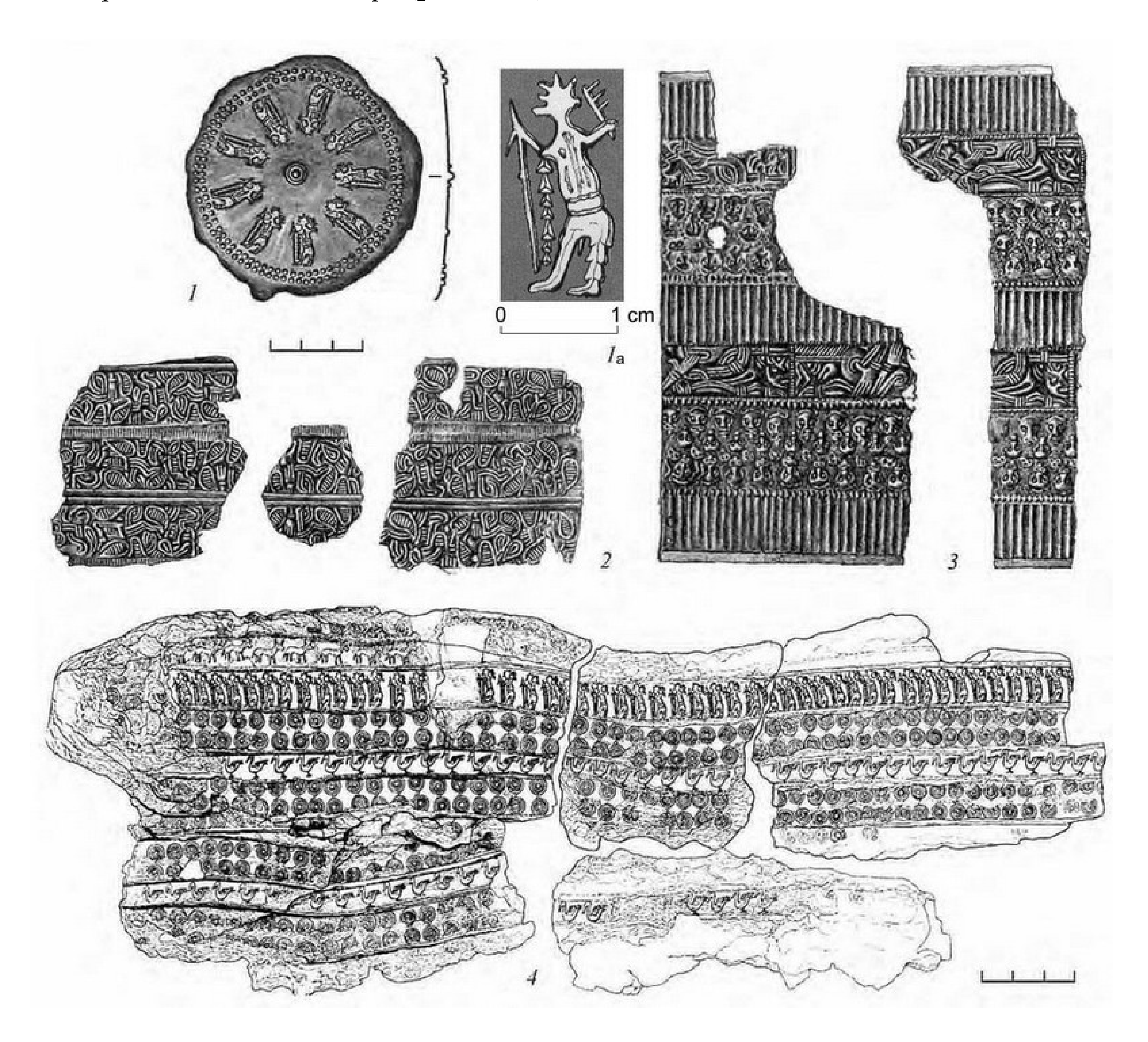

Рис. 6. Басменные изображения мужских фигур: 1 – накладка на четверик из погр. 334 могильника Stantau/Митино (Гурьевский р-н); 1а – фигура воина из накладки 1; 4 - накладка луки седла из погр. 334 могильника Stantau/Митино; 2, 3 – накладки на рукояти спат (?) из погр. 1 и 4 могильника Warnikam/Первомайское (Багратионовский р-н) (Казанский, Мастыкова 2013: рис. 1).

Значительный интерес представляют найденные сравнительно недавно на могильнике Stantau/Митино (Гурьевский р-н) серебряные накладки на четверик конского оголовья и на луку седла (**рис. 6**) из погр. 335. М.М. Казанский и А.В. Мастыкова считают эти накладки результатом влияния «скандинавской «воинской» культуры, очевидно, времени около сер. VI в. (Казанский, Мастыкова 2013: 99, 109). К.Н. Скворцов, опубликовавший под р м едакцией А.В. Мастыковой материал могильника Stantau/Митино, не более конкретен в своих выводах относительно множественных оттисков изображения человеческой фигуры: «…общий вид фигурок воинов с нашей пластины напоминает иконографию северогерманских брактеатов эпохи Великого переселения народов» (Скворцов 2010: 166). Учитывая крайнюю схематичность оттисков миниатюрного пуансона, весьма трудно интерпретировать детали этого интереснейшего изображения. Так, в поднятой вверх левой руке воина автор публикации видит или пальцы, или топор (Скворцов 2012: 166). На самом деле при осмотре увеличенного оттиска пунсона видно (**рис. 6,1а**), что в левой руке воин держит предмет, являющийся стилизованной моделью гребня. Поднеся его к своей голове с гипертрофированно показанными длинными волосами, воин из Stantau/Митино становится в позу, аналогичную позе германского воина, представленного на надгробии из Niederdollendorf/Rhein (ок. 650 г. н.э.) (Ament 1980: 54). Свою левую руку этот воин держит на скрамасаксе. Таким образом, оба воина, изображённые на обкладке луки седла и на надгробии, одной рукой сжимают своё оружие, а другой причёсываются. Известен факт важной роли причёски в статусном обозначении германского воина (римское время – различные волосяные узлы типа skuft, в эпоху Меровингов – длинные волосы как показатель знатности происхождения).

Если изображения воина из Stantau/Митино предположительно германского происхождения, то тем более представленные в I Общегерманском зверином стиле декоративные серебряные пластины, происходящие из погр. 1 и 4 могильника Warnikam/Первомайское (Багратионовский р-н), и несущие также стилизованные изображения людей (**рис. 6**,3,4), имеют аналогичный этно-культурный источник. Европейская археология традиционно относит эти памятники древнегерманского декоративного искусства ко времени ок. 500-550 гг. (Capelle, Vierck 1975: 118).

Более поздним артефактом, несущем множественные изображения человеческих фигур, является так наз. «кольцо из Штробьенен» (Ring von Strebjehnen), случайно найденное в 1798 г. на пашне в окрестностях упомянутого селения (ныне – Куликово, Зеленоградский р-н) на севере Самбии. «Одежда прусских всадников, изображённых на «кольце», представляет собой рубах, заправленную в короткие штаны, перетянутые в талии поясом…» (Кулаков, 1991: 128). Особенности изображений на «кольце» из Штробьенен (прежде всего – изображение сустава ноги коня в виде полукруга с точкой) указывают на то, что этот золотой браслет изготовлен аварским мастером на рубеже VII-VIII вв. по заказу прусса и отображает, возможно, некое реально происшедшее, но ко времени изготовления «кольца» довольно мифологизированное событие (Kulakov 1994: 208-210). В сущности, эта находка является первым артефактом, на котором, как можно с долей уверенности предполагать, изображены собственно пруссы (Кулаков 1991:

128). В правой части композиции за всадником, одним из участников поединка (это – главная сцена, изображённая на «кольце», поединок всадников реконструируется по тексту Симона Грунау) показан едущий на волке старик (**рис. 7**). Левого всадника окружают странное двухголовое существо (божество-?), лучник с двумя аварскими косицами и «человек-рыба» (его левая нога кончается плавником) с такими же косицами (**рис. 7а**). Новейший исследователь «кольца» македонский коллега Николай Чаусидис видит в этой композиции славяно-дунайского происхождения некий космологический смысл, при этом не отрицая возможность и предложенной мною интерпретации (Чаусидис 2012: 15).

Рис. 7. Фигурка правого всадника с кольца из Strobjehnen/Куликово (Зеленоградский р-н) (1, 3 – ГМИИ им. А.С. Пушкина, инв. № Б-з-396; 3 – Кулаков 2003: рис. 60).

Рис. 7а. Фигурка левого всадника с кольца из Strobjehnen/Куликово (Зеленоградский р-н) (1, 3 – ГМИИ им. А.С. Пушкина, инв. № Б-з-396; 3 – Кулаков 2003: рис. 60).

Непосредственным творением прусских мастеров следует считать лишь изображения женской и детских (?) фигур, найденных в июле 2013 г. на могильнике Kl. Kaup (г. Зеленоградск). Судя по условиям своего обнаружения в нижнем ярусе погр. K70, несшие эти изображения костяные накладки располагались по гребню центральной части передней (?) луки деревянного седла и крепились к ней при помощи железных гвоздиков длиной ок. 1 см. С течением времени этот крепёж коррозировал и привёл к разрушению прилежащих участков накладок. Самая крупная из них, имеющая разм. 5,5 х 3,7 см, на своей лицевой стороне несла прорезанное резцом с П-образной режущей кромкой фронтальное изображение женщины (**рис. 8**, в центре). Женщина обращена к реципиенту лицом, её согнутые в локтях руки подняты вверх, причём у правой руки видны несколько пальцев. Женщина одета в длинное, расклёшенное книзу платье, из-под подола которого проглядывают две её ноги, намеченные циркульным орнаментом. Им же заполнен фон фигуры. Рядом с этой накладкой была обнаружена другая накладка, к

сожалению – фрагментированная. Её сохранившаяся часть, имеющая разм. 2,5 х 5 см, представляет собой некую фигуру, как бы закутанную в подобие распашной бурки (**рис. 8,** справа) с косо вырезанным воротом. В этнографической одежде поляков изредка встречаются подобного рода одежда, изготовлявшаяся для зим из войлока, обшитого ко краю тесьмой. Наконец, в комплексе накладок из погр. К70 была найдена ещё одна, однотипная описанной выше. Эта накладка также фрагментирована, имеет разм. 2 х 3,6 см (**рис. 8**, слева). На представленной здесь фигуре вдоль вертикальной кромки «бурки» показаны две группы рисок, каждая из которых состоит из 5-и коротких полосок. Они, вероятно, призваны отображать пальцы рук, которыми одетый в «бурку» персонаж удерживает её в запахнутом состоянии. У нижнего края «бурки» двумя крупами циркульного орнамента показаны ноги персонажа. К сожалению, головы двух персонажей, одетых в «бурки», не сохранились из-за феномена коррозирования железных гвоздей, которыми в их районе накладки крепились к деревянному массиву седла. С очень большой осторожностью можно полагать, что на описанных накладках была изображена женщина и двое детей. На последнее указывает небольшая длина накладок, явно бывших короче центральной.

Рис. 8. Изображение людей на накладках на луку седла из погр. К70 могильника Kl. Каир (г. Зеленоградск) (Архив ИА РАН 2013).

Рис. 9. Фрагмент фигурки Бога Тора, случайно найденный у Michelau/Каменка (Зеленоградский р-н) (Skvorcov 2012: fig. 2).

По своим композиционным и иконографическим признакам они не находят аналогий в искусстве народов Европы эпохи викингов. Упомянутые фигурки имеют, скорее всего, культовое значение. Этот вывод подчёркивается находкой изображений из Kl. Kaup в составе инвентаря погребения X в.

Фрагмент бронзовой фигурки бога Тора (характерно для повелителя молний держит рукой бороду), случайно обнаруженной в распашке (?) у Michelau/Каменка (Зеленоградский р-н) связан с северной традицией. Этот иконографический вариант изображений реализуется только на скандинавском материале эпохи викингов. В различных пунктах севера Европы известны трёхмерные изображения лысого или с приглаженными волосами человека, сидящего или «в позе Будды» (санскр. «свастикасана»), или на стуле. Обеими руками мужчина держится за бороду, причём в ряде случаев она разделена на две пряди. На фигурке из Чёрной Могилы, входящий в описываемый иконографический ряд, изображён широкий пояс с некими роскошными накладками. Т.А. Пушкина и эту фигурку, и остальные сходные с ней по её специфическим признакам изображения правомерно атрибутировала как фигурки Бога Тора с его волшебными атрибутами – с бородой и

с Поясом Силы (Пушкина 1984: 86, 87). На находке из Michelau/Каменка он, кажется, тоже слабо заметен. Определение Т.А. Пушкиной выглядит справедливым. Оно ещё более укрепилось после обнаружения в 2003 г. на поселении Гнёздово роговой фигурки стоящего мужчины в шлеме, держащегося двумя руками за длинную бороду. Эта фигурка также бесспорно принадлежит Тору (Murasheva 2007: 99). Как правило, жители Земли изображают своих богов с атрибутами их сакрального могущества и в позах, ему соответствующих. Таким образом, и поза Тора на его фигурках показывает зрителю жест Повелителя молний, отражающий его мощь. Очевидно, волосы божества являются её средоточием, что, кстати, прекрасно отразил в сказке о царе Салтане А.С. Пушкин.

Рис. 10. Изображения мужчины с воздетыми вверх руками: 1-3 – Mikulcize (Morava, Czech); 4 – лицевая сторона каменного изваяния из Mozgowo-Laseczno (woj. warmińsko-mazurskie Polski); 4а – правая сторона каменного изваяния из Mozgowo-Laseczno; 5 – фигура Св. Олафа на чаше для св. воды Домского собора (Königsberg/ Калининград) (Кулаков 2003: рис. 2).

Вне рамок этой статьи остались каменные изваяния раннесредневековых пруссов, которые заслуживают отдельного и вполне конкретного исследования. Для нашей же темы эти изваяния представляют лишь опосредованный интерес. Дело в том, что воздвигнутые на культовых границах земли пруссов в эпоху, последовавшую за движением викингов, в хронологический отрезок, называвшийся немецкими археологами spätheidnische Zeit (XII-XIII вв.) (Кулаков 1994: 21), эти изваяния имели сугубо специфическую форму. Она зависела не от навыков и/или таланта прусского мастера-камнереза, а от естественной формы валуна. Поэтому в чистом виде «антропоморфными» эти изваяния считать, пожалуй, нельзя. Тем не менее одна из этих фигур – изваяние из Mozgowo-Laseczno (woj. warmińsko-mazurskie Polski) привлекается в данной статье. Дело в том, что на правом боку этого изваяния графически представлена мужская фигура с расставленными в стороны руками. При этом в правой руке этот муж держит молот, в левой – меч-?) (**рис. 10**,4). Привлечение иконографического материала из различных пунктов Европы (**рис. 10**,1-3,5) позволяет определить изображение, вырезанное на боку гранитного изваяния из Mozgowo-Laseczno как плоскостную фигурку прусского Бога Перкуно (Кулаков 2003а: 66-68).

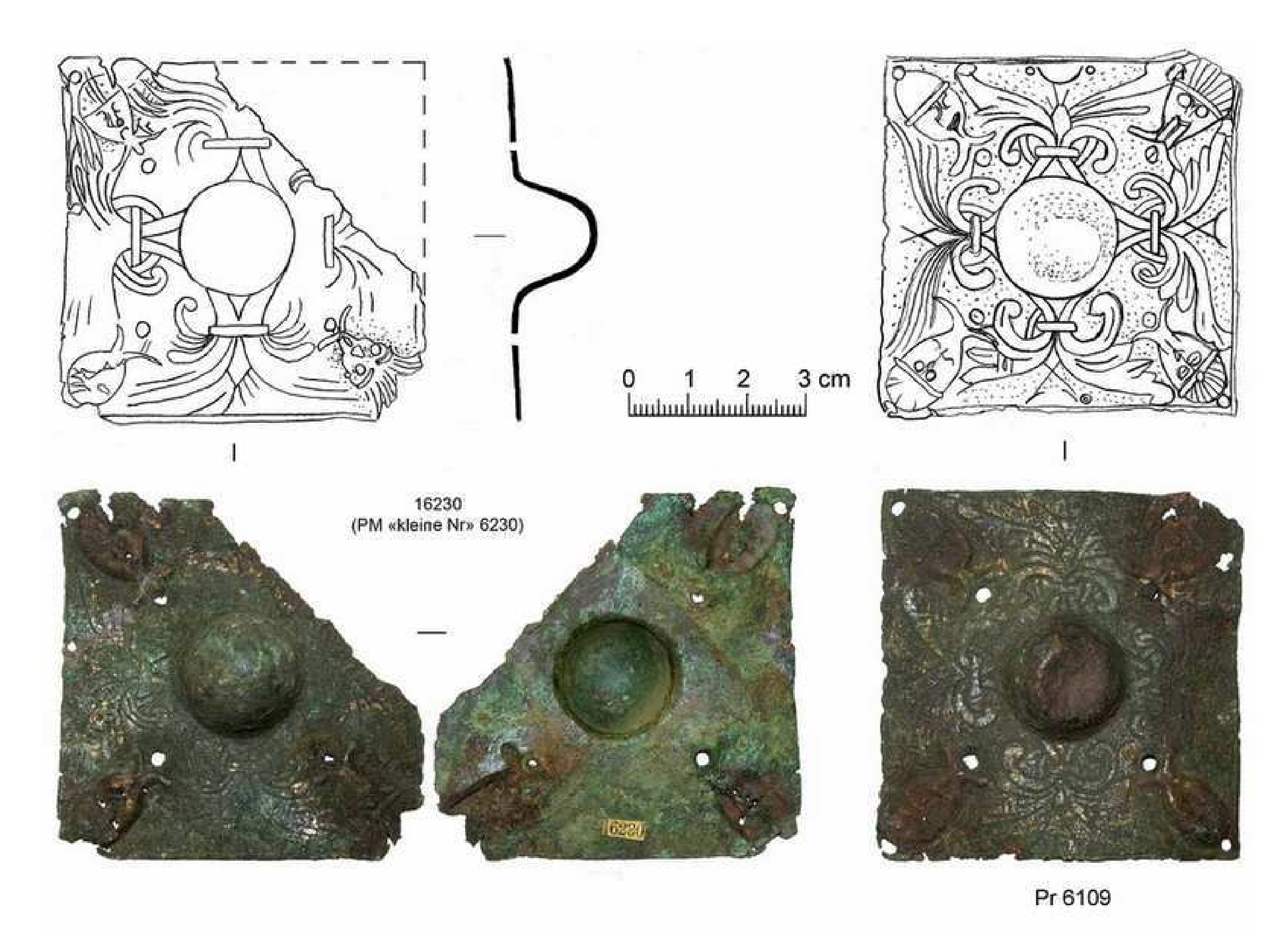

Рис. 11. Две бронзовые накладки из Ostpreussen (Museum: PM «kleine» Nr 16230, Pr 6109).

Антропоморфные изображения несут бронзовые пластины с умбоном в центре, хранящиеся ныне в фонде «Prussia-Museum» Музея до- и ранней истории (Берлин). Ранее эти находки находились в фондах Prussia-Museum (Königsberg, Prow. Ost-Preußen), место их находки неизвестно и определяется как в целом «Ost-Preußen» (**рис. 11**). Пользуясь случаем, выражаю свою глубокую признательность сотрудникам указанного музея за возможность ознакомиться с этими находками и опубликовать их. Обе пластины имеют стандартный параметр, изготовлены отливкой по восковой матрице в виде квадрата разм. 6 х 6 см, толщиной 1 мм, в центре имеют по одному умбону диам. ок. 2 см, высотой 1,7 см. Пластины разнятся степенью своей сохранности. Находка № 6230 имеет утраченный (отломанный) угол, вторая накладка № Pr 6109 обладает практически полной сохранностью. Обе накладки сохранили патину, имеющую термальное (?) происхождение. Возможно, эту патину они обрели в результате событий 1945 г. Обе накладки по своим углам имеют 4отверстия диам. ок. 1,5 мм и такие же отверстия в своей центральной части, вокруг умбона. В каждой из накладок по их периметру прослеживаются ещё по одному отверстию, появившемуся, видимо, в результате починки накладок. Декор на накладках стандартный и описывается суммарно. В каждом из четырёх углов накладок присутствует мужская маска с волосами, зачёсанными на лоб и с раздвоенной бородой. На оборотной стороне накладки № 6230 видны следы налепов, оставленных при формовке этих масок на основной восковой матрице (**рис. 11**). Пространство между масками на поле лицевых сторон накладок занимает гравированное изображение процветшего креста, сдвоенные мачты которого у своих оснований перехвачены поперечными тяжами. Поле накладок вне плоскости креста заполнено следами точечных ударов игловидного керна.

Не зная места и обстоятельств этих находок, не обладая информацией о памятнике археологии и комплексе, с которыми они связаны, делать выводы об их дате, принадлежности и, тем более, о семантике изображений, на накладках представленных, невозможно. Можно лиши предполагать, что изображения на этих интереснейших предметах относятся к стилю Маммен, могут датироваться эпохой викингов (X в.-?) и, соответственно, не являются творением прусских мастеров. Напротив, мотив мужской головы, характерной для кельтского искусства раннеримского времени, пережил своеобразное возрождение в североевропейской среде эпохи викингов и нашёл прочное место в наборе деталей убора скандинавских женщин (Кулаков 2012: 211). Правда, в нашем случае мужские головы представлены не на украшениях, а на накладках, покрывавших, скорее всего, некий крупногабаритный предмет (например – сундук).

В 2004 г. при новостроечных работах на грунтовом могильнике Goytehnen/Геройское (Зеленоградский р-н) Н. Зубарев в культурном слое могильника обнаружил два бронзовых предмета с человеческими масками (**рис. 12**). Не являясь специалистом по археологии пруссов, раскопщик обозначил эти предметы как «два бронзовых распределителя ремней оголовья, происходящих из одного комплекса» (Нигматулин, Бакланова и др. 2005: 60). Спеша завершить раскопки, их автор мог просто не заметить остатки железных удил, от которых на овальных отверстиях в штангах остались следы железной окалины (**рис. 12**). К

сожалению, полевой отчёт Н. Зубаревым об этих раскопках не сдан даже в нач. 2016 г., поэтому более развёрнутой информации об этих уникальных для ранне-средневековой Балтии находках научное сообщество не располагает.

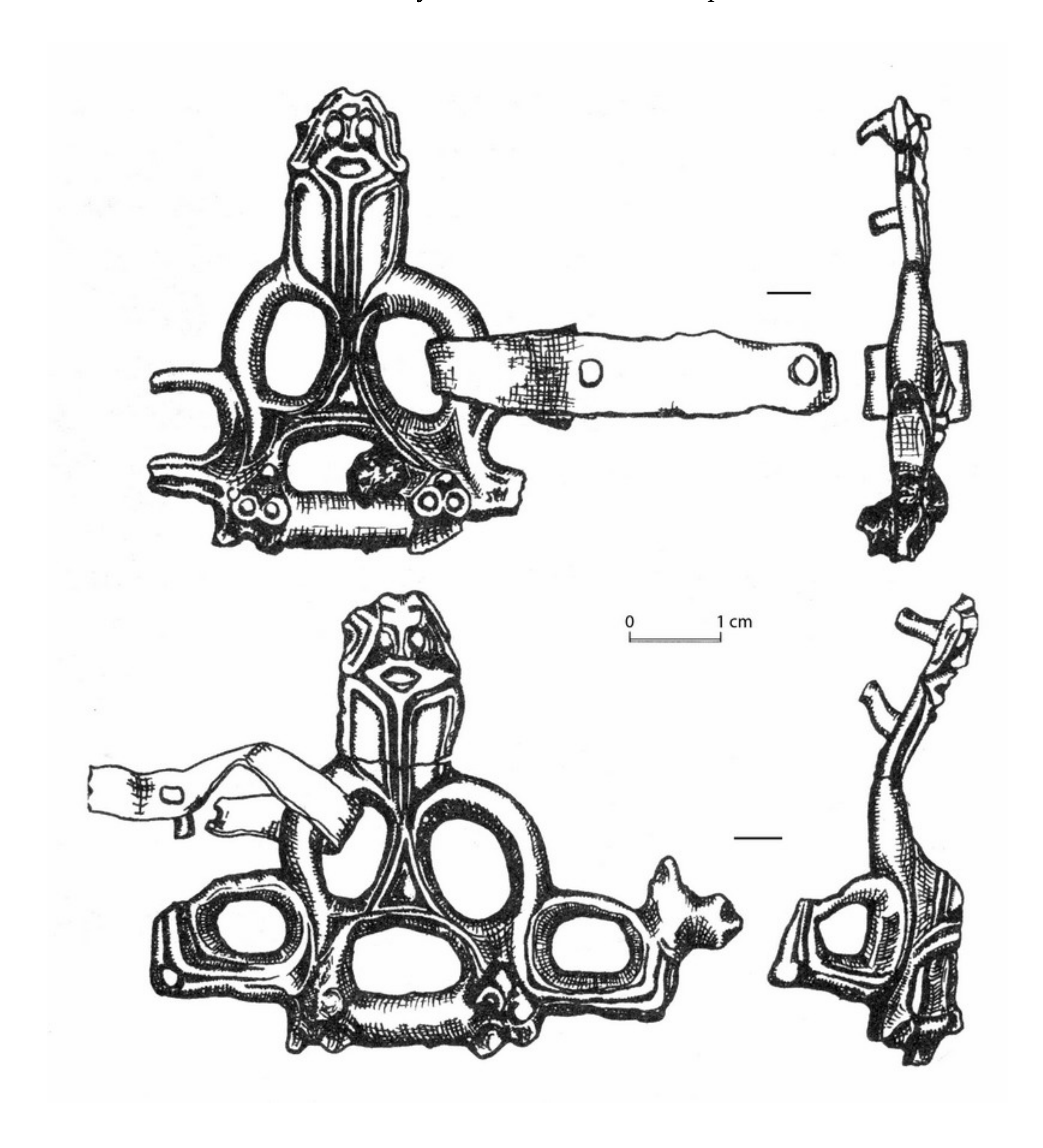

Рис. 12. Штанги удил из культурного слоя могильника Goytehnen/Геройское (Нигматулин, Бакланова и др. 2005: рис. 8).

Подводя итог по теме, рассмотренной в статье, можно сделать вывод о том, что на земле древней Пруссии сделано к настоящему времени довольно много находок антропоморфных изображений I тыс. н.э. Однако большая их часть связана не с прусской культурой, а с древностями скандинавского происхождения. Северяне, активно осваивая Янтарный берег на исходе I тыс. н.э., принесли в юго-восточную Балтию свою традицию изготовления и использования антропоморфных изображений, имеющую в немалой мере культовый смысл.

ЛИТЕРАТУРА

Архив ИА РАН 2013 - Архив ИА РАН. Кулаков В.И. Отчёт о работе Балтийского отряда ИА РАН. 2013.

Казанский, Мастыкова 2013 - *Казанский М.М., Мастыкова А.В.* О морских контактах эстиев в эпоху Великого переселения народов // Археология Балтийского региона, М.; СПб., 2013. С. 97-111.

Кулаков 1990 - *Кулаков В.И.* Могильники западной части Мазурского Поозерья конца V - начала VIII вв. по материалам раскопок 1878-1938 гг. // Barbaricum-1989. Warszawa, 1990. С. 148-273.

Кулаков 1994 - *Кулаков В.И.* Пруссы (V-XIII вв.). М., 1994.

Кулаков 2002 - *Кулаков В.И.* Стилистика и символика прусского орнамента I-XI вв. // Nuo kulto iki simbolio. Senovės baltų kultūra. Vilnius, 2002. С. 248-273.

Кулаков 2003а - *Кулаков В.И.* Варианты иконографии Одина и Перуна/Перкуно // Российская археология. 2003. № 1. С. 60-71.

Кулаков 2003б - *Кулаков В.И.* История Пруссии до 1283 г. М., 2003.

Кулаков 2011 - *Кулаков В.И.* Декоративное искусство Янтарного края. Орнамент фибул V-VII вв. Saarbrücken, 2011.

Кулаков 2012 - *Кулаков В.И.* Неманский янтарный путь в эпоху викингов. Калининград, 2012.

Нигматулин, Бакланова и др. 2005 - *Нигматулин Р.А., Бакланова Л.А., Калашников Е.А., Зубарёв Н.В., Пузакова Г.С., Радюш О.А., Смирнова М.Е.* Работы Деснинской экспедиции на территории Калининградской области // Археологические открытия 2004 года. М., 2005. С. 59-61.

Пушкина 1984 - *Пушкина Т.А.* Бронзовый идол из Чёрной Могилы // Вестник Московского университета. 1984. Серия 8. История. № 3. С. 86-90.

Скворцов 2010 - *Скворцов К.Н.* Могильник Митино V-XIV вв. (Калининградская область). По результатам исследований 2008 г. Часть первая. М., 2010.

Смирнова 2002 - *Смирнова М.Е.* Орнамент на погребальных украшениях населения междуречья рр. Ногаты и Деймы // Nuo kulto iki simbolio. Senovės baltų kultūra. Vilnius, 2002. С. 248-273.

Чаусидис 2012 - *Чаусидис Н.* Кольцо из Штробьенен. Иконографический и семиотический анализ // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 3. Тула, 2012. С. 1-24.

Ament 1980 - *Ament H.* Die germanischen Stämme // Wilson D.M. Kulturen im Norden. Die Welt der Germanen, Kelten und Slawen 400-1000 n. Chr. München, 1980.

Capelle, Vierck 1975 - *Capelle T., Vierck H.* Weitere Modeln der Merowinger- und Wikingerzeit // Frühmittelalterliche Studien. Bd. 9. Berlin; New York, 1975.

Gaerte 1929 - *Gaerte W.* Urgeschichte Ostpreußens. Königsberg, 1929.

Grunert 1944 - *Grunert W.* Von Hünenberg bei Rantau // Alt-Preußen. 1944. 9. Jg., H. ½. S. 20-27.

Hollack 1908 - *Hollack E.* Erläuterungen zur vorgeschichtlichen Übersichtskarte von Ostpreussen. Glogau; Berlin, 1908.

Kulakov 1994 - *Kulakov W.I.* Der Goldreif von Strobjehnen und seine Bedeutung im Beziehungengeflecht von Prussen und Steppenvölkern // Acta Praehistorica et Archaeologica. 1994. Bd. 26/27. Berlin, 1994/95. S. 204-212.

Kulakov 2011 - *Kulakov W.* Water sacrifices in the country of the Prussians (a code of data) // Slavia Antiqua. T. LII. 2011. S. 33-58.

Murasheva 2007 - *Murasheva V.* Scandinavian God ‘idol’ from Gnëzdovo // Cultural interaction between east and west. Archaeology, artefacts and human contacts in northern Europe. Stockholm, 2007. S. 97-100.

Museum - Museum für Vor- und Frühgeschichte. Berlin. Prussia Museum (Magazine).

Okulicz 1973 - *Okulicz J.* Pradzieje źiem pruskich od późnego paleolitu do VII w. n.e. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1973.

Peiser 1919 - *Peiser F.E.* Eine byzantische Scheibenfibel // Prussia. H. 23. II. Teil; Königsberg, 1919. S. 373-376.

Skvorcov 2012 - *Skvorcov K.* Reflection of Prussian's religious beliefs in small sculpture plastic of the Late Iron Age // Sacred Landscapes in the Baltic Sea Region. Kaliningrad, 2012.

Stadie 1919 - *Stadie K.* Hügelgräberfunde von Craam, Kr. Fischhausen // Prussia. H. 23. II. Teil; Königsberg, 1919. S. 381-389.

Szymański 2000 - *Szymański P.* Ceramika z cmentarzysk kultury bogaczewskiej. Próba analizy na podztawie wybranych materialów // Barbaricum. T. 6. Warszawa, 2000. S. 109-201.

REFERENCES

Ament 1980 - *Ament H.* Die germanischen Stämme [German trunks], in: Wilson D.M. Kulturen im Norden. Die Welt der Germanen, Kelten und Slawen 400-1000 n. Chr. [Wilson D.M. Cultures in the north. The world of Germans, Celts and Slavs in 400-1000 AD.], München, 1980 [in German].

Arhiv IA RAN 2013 - Arhiv IA RAN. Kulakov V.I. Otchjot o rabote Baltijskogo otrjada IA RAN [Archive of Institute of archeology of the Russian Academy of Sciences. Kulakov V.I. Report on work of the Baltic group of Institute of archeology of the Russian Academy of Sciences], 2013 [in Russian].

Capelle, Vierck 1975 - *Capelle T., Vierck H.* Weitere Modeln der Merowinger- und Wikingerzeit [Following models of time of Meroving and Vikings], in: Frühmittelalterliche Studien. Bd. 9 [Early medieval researches. Volume 9], Berlin; New York, 1975 [in German].

Chausidis 2012 - *Chausidis N.* Kol'co iz Shtrob'enen. Ikonograficheskij i semioticheskij analiz [Ring from Shtrobyenen. Iconographic and semiotics analysis], in: Lesnaja i lesostepnaja zony Vostochnoj Evropy v jepohi rimskih vlijanij i Velikogo pereselenija narodov. Konferencija 3 [Forest and forest-steppe zones of Eastern Europe during eras of the Roman influences and Great resettlement of the people. Conference 3], Tula, 2012, pp. 1-24 [in Russian].

Gaerte 1929 - *Gaerte W.* Urgeschichte Ostpreußens [History of primitive society of East Prussia], Königsberg, 1929 [in German].

Grunert 1944 - *Grunert W.* Von Hünenberg bei Rantau [From the mountain of the athlete at Rantau], in: Alt-Preußen [Old Prussians], 1944, 9, Jg., H, ½, pp. 20-27 [in German].

Hollack 1908 - *Hollack E.* Erläuterungen zur vorgeschichtlichen Übersichtskarte von Ostpreussen [Comments to the prehistoric survey map of East Prussia], Glogau; Berlin, 1908 [in German].

Kazanskij, Mastykova 2013 - *Kazanskij M.M., Mastykova A.V.* O morskih kontaktah jestiev v jepohu Velikogo pereselenija narodov [About sea contacts estiyev during an era of Great resettlement of the people], in: Arheologija Baltijskogo regiona [Archeology of the Baltic region], Moscow; St. Petersburg, 2013, pp. 97-111 [in Russian].

Kulakov 1990 - *Kulakov V.I.* Mogil'niki zapadnoj chasti Mazurskogo Poozer'ja konca V - nachala VIII vv. po materialam raskopok 1878-1938 gg. [Burial grounds of the western part of Mazursky Poozerya of the end of V - the beginning of the 8th centuries on materials of excavation of 1878-1938], in: Barbaricum-1989 [Barbaricum-1989], Warszawa, 1990, pp. 148-273 [in Russian].

Kulakov 1994 - *Kulakov V.I.* Prussy (V-XIII vv.) [Old Prussians (the V-XIIIth centuries)], Moscow, 1994 [in Russian].

Kulakov 1994 - *Kulakov W.I.* Der Goldreif von Strobjehnen und seine Bedeutung im Beziehungengeflecht von Prussen und Steppenvölkern [The Golden Ring Strobjehnen and its value in a relational texture of Prussians and the steppe people], in: Acta Praehistorica et Archaeologica [Researches on a doistoriya and archeology], 1994, Bd. 26/27, Berlin, 1994/95, pp. 204-212 [in German].

Kulakov 2002 - *Kulakov V.I.* Stilistika i simvolika prusskogo ornamenta I-XI vv. [Stylistics and symbolics of a Prussian ornament of the I-XIth centuries], in: Nuo kulto iki simbolio. Senovės baltų kultūra [From a cult to a symbol. Ancient Baltic culture], Vilnius, 2002, pp. 248-273.

Kulakov 2003a - *Kulakov V.I.* Varianty ikonografii Odina i Peruna/Perkuno [Options of an iconography of Odin and Peruna/Perkuno], in: Rossijskaja arheologija [Russian archeology], 2003, № 1, pp. 60-71 [in Russian].

Kulakov 2003b - *Kulakov V.I.* Istorija Prussii do 1283 g. [History of Prussia till 1283], Moscow, 2003 [in Russian].

Kulakov 2011 - *Kulakov V.I.* Dekorativnoe iskusstvo Jantarnogo kraja. Ornament fibul V-VII vv. [Decorative art of the Amber land. Ornament fibul V-VIIth centuries], Saarbrücken, 2011 [in Russian].

Kulakov 2011 - *Kulakov W.* Water sacrifices in the country of the Prussians (a code of data), in: Slavia Antiqua, T. LII, 2011, pp. 33-58 [in English].

Kulakov 2012 - *Kulakov V.I.* Nemanskij jantarnyj put' v jepohu vikingov [Neman amber way to an era of Vikings], Kaliningrad, 2012 [in Russian].

Murasheva 2007 - *Murasheva V.* Scandinavian God 'idol' from Gnëzdovo, in: Cultural interaction between east and west. Archaeology, artefacts and human contacts in northern Europe, Stockholm, 2007, pp. 97-100 [in English].

Museum - Museum für Vor- und Frühgeschichte. Berlin. Prussia Museum (Magazine) [The museum - the museum for background and early history. Berlin. Prussia museum (magazines)] [in German].

Nigmatulin, Baklanova i dr. 2005 - *Nigmatulin R.A., Baklanova L.A., Kalashnikov E.A., Zubarjov N.V., Puzakova G.S., Radjush O.A., Smirnova M.E.* Raboty Desninskoj jekspedicii na territorii Kaliningradskoj oblasti [Works of Desninsky expedition in the territory of the Kaliningrad region], in: Arheologicheskie otkrytija 2004 goda [Archaeological opening of 2004], Moscow, 2005, pp. 59-61 [in Russian].

Okulicz 1973 - *Okulicz J.* Pradzieje źiem pruskich od późnego paleolitu do VII w. n.e. [The earth of Prussians from a late paleolith till the VIIth century AD.], Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1973 [in Polish].

Peiser 1919 - *Peiser F.E.* Eine byzantische Scheibenfibel [Byzantine glass], in: Prussia [Prussia], H. 23, II, Teil; Königsberg, 1919, pp. 373-376 [in German].

Pushkina 1984 - *Pushkina T.A.* Bronzovyj idol iz Chjornoj Mogily [Bronze idol from the Black Grave], in: Vestnik Moskovskogo universiteta. 1984. Serija 8. Istorija. № 3 [Bulletin of the Moscow university. 1984. Series 8. History. № 3], pp. 86-90 [in Russian].

Skvorcov 2010 - *Skvorcov K.N.* Mogil'nik Mitino V-XIV vv. (Kaliningradskaja oblast'). Po rezul'tatam issledovanij 2008 g. Chast' pervaja [Burial ground of Mitino V-XIVth centuries (Kaliningrad region). By results of researches of 2008. Part one], Moscow, 2010 [in Russian].

Skvorcov 2012 - *Skvorcov K.* Reflection of Prussian's religious beliefs in small sculpture plastic of the Late Iron Age, in: Sacred Landscapes in the Baltic Sea Region, Kaliningrad, 2012 [in English].

Smirnova 2002 - *Smirnova M.E.* Ornament na pogrebal'nyh ukrashenijah naselenija mezhdurech'ja rr. Nogaty i Dejmy [Ornament on funeral jewelry of the population of Entre Rios rr. Nogata and Deyma], in: Nuo kulto iki simbolio. Senovės baltų kultūra [From a cult to a symbol. Ancient Baltic culture], Vilnius, 2002, pp. 248-273 [in Russian].

Stadie 1919 - *Stadie K.* Hügelgräberfunde von Craam, Kr. Fischhausen [Finds of barrows of Craam, krone. Fish Hauzen], in: Prussia [Prussia], H. 23, II, Teil; Königsberg, 1919, pp. 381-389 [in German].

Szymański 2000 - *Szymański P.* Ceramika z cmentarzysk kultury bogaczewskiej. Próba analizy na podztawie wybranych materialów [Ceramics from burials of bogachevsky culture. Attempt of the analysis on the basis of collected materials], in: Barbaricum. T. 6 [Barbaricum. Volume 6], Warszawa, 2000, pp. 109-201 [in Polish].

Кулаков Владимир Иванович – Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела археологии эпохи великого переселения народов и раннего средневековья Института археологии РАН (Москва, Россия).
Kulakov Vladimir – Doctor of historical sciences, Leading researcher of Department of Archeology of an Migration Period and early Middle Ages of Institute of archeology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).
E-mail: drkulakov@mail.ru

УДК 94(47)

«ГОСУДАРЬ ВСЕЯ РУСИ» ИВАН III И РУССКАЯ АРИСТОКРАТИЯ*

А.Л. Корзинин
Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7/9
e-mail: a.korzinin@spbu.ru
Reseacher ID: G-5890-2015
http://orcid.org/0000-0003-3249-1249
SPIN-код: 7986-8603

Авторское резюме

В фокусе внимания автора дискуссионные в отечественной историографии сюжеты, затрагивающие проблему взаимоотношений самодержавной власти и аристократии в Русском государства конца XV-XVI вв. Наибольший интерес и споры вызывают два события в период правления великого князя Ивана III Васильевича: заговор 1497 г., повлекший за собой опалу сына «государя всея Руси» Василия Ивановича, и расправа в 1499 г. над князьями Патрикеевыми и Ряполовским. Автор попытался раскрыть причины данных конфликтов государя со знатью с помощью генеалогии и просопографии (исследуя происхождение и карьеры участников заговоров), исходя из исторического контекста (реконструируя обстоятельства, приведшие к кровавой развязке). Тесно примыкает к исследуемой теме дискуссионный сюжет о начальном этапе складывания поместной системы в Новгородской земле и причинах исчезновения у аристократии владений на северо-западе в начале XVI в. Обосновано мнение о естественной, а не насильственной утрате новгородских земель.

Ключевые слова: Иван III Васильевич, аристократия, придворная борьба, историография, просопография.

«TSAR OF ALL THE RUSSIAS» IVAN III AND THE RUSSIAN NOBILITY

Alexander Korzinin
Saint Petersburg State University
7/9 The Universitetskaya Embankment, St. Petersburg, 199304, Russia
e-mail: a.korzinin@spbu.ru

Abstract

The focus of the author's attention is on controversial plots in the Russian historiography concerning relations between the autocratic power and the nobility in the 15th-16th centuries AD. Two events during the ruling of Grand Prince Ivan III Vasilyevich attract the greatest interest and debate: the conspiracy of 1497 when Vasily, Ivan III's son, became involved in a failed plot against his father and fell into disgrace; and the public beheading of Prince Patrikeev and Prince Ryapolovsky with their families in 1499. The author attempted to uncover the causes of these conflicts between the tsar and the nobility by applying the methods

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 16-06-00134 «Правящая элита Русского государства последней четверти XV-середины XVI в.: электронная база данных и историко-генеалогическое исследование».

of genealogical research and prosopography, examining the lineage and careers of the conspiracies' members and reconstructing the circumstances that led to the bloody outcome. Concurrent with the events under investigation is a controversial story about the onset of the manorial system on Novgorodian lands and the reasons for the loss of land possessions by nobility in the northwest at the beginning of the 16th century. The author has substantiated claims of natural causes of the loss of lands (as opposed to forcible seizure).

Keywords: Ivan III Vasilyevich, nobility, fight in the Russian Tsar's Household, historiography, prosopography.

* * *

Эпоха Ивана III Васильевича (1462-1505 гг.) – переломное время в истории России. В правление великого князя или, как его называли, «государя всея Руси» практически завершается объединение земель вокруг Москвы: в 1468-1471 гг. был присоединен Ярославль, в 1474/1475 гг. – Ростов, в 1478 г. – Новгород Великий, в 1485 г. – Тверь, в 1494-1503 гг. в результате русско-литовских войн к России отошли Чернигово-Северские земли. В 1480 г. после стояния на реке Угре пало монголо-татарское иго.

При великом князе Иване Васильевиче продолжается формирование Государева двора – объединения служилых людей «по отечеству», имевших право на занятие высших должностей в государстве. В конце XV в. в него входили представители старомосковского боярства, зарекомендовавшие себя на службе первым московским князьям, а также выходцы из титулованных княжеских родов. Некоторые влиятельные сановники попали в Боярскую думу – высший законосовещательный орган власти при великом князе.

В правление «государя всея Руси» на службу Москве переходят многие представители княжеской знати Северо-Восточной и Западной Руси, значительно потеснив нетитулованную боярскую аристократию в Государевом дворе и Боярской думе. Власть великого князя приобретает самодержавные черты. Однако многочисленная аристократия, окружавшая государя «всея Руси», оказывала существенное влияние на политику. Отдельные вельможи, выходцы из знатных и могущественных родов, решали важнейшие дела совместно с московским правителем. Между высокопоставленными аристократами и великим князем Московским завязываются отношения, построенные по принципу взаимной поддержки и взаимовыгодного сотрудничества. Однако эти отношения не всегда были гладкими. В некоторые периоды случались конфликты, имевшие кровавую развязку. В княжение Ивана III можно выделить два таких эпизода: в 1497 г. и 1499 г. Оба они оказались тесно связаны с династическим кризисом. Остановимся на них подробнее.

Под 1497 г. летопись передает следующие известия: «*декабря по дьявольству всполъся князь великы Иванъ Васильевич на сына своего князя Василья, да и на женоу свою на великоую княгиню Софью, да в той спалке велел казнити детей боярских Володимера Елизарова сына Гоусева да князя Ивана Палецкого Хруля, да Поярка Роунова брата, да Щавея Скрябина сына Травина, да Федора Стромилова, диака введеного, да Офонасья Яропкына. Казниша их на ледоу, головы изсекоша декабря 27. Тое же зимы февраля 4 в*

неделю князь великы Иван Васильевичь всея Роуси благословилъ и посадилъ на великое княженье Володимерьское и Московское всеа Роуси вноука своего князя Дмитрея Ивановича» (ПСРЛ 39: 112, 172). Этот приведенный выше отрывок из списка Царского Софийской I летописи, составленного в 1508 г. в правление великого князя Василия III, не говорит нам о подлинных причинах гнева Ивана III на сына. Однако в распоряжении исследователей имеется список Дубровского Новгородской IV летописи. По мнению Я.С. Лурье, он содержит в себе наиболее ранний к описываемым событиям Московский свод 1500 г. (Лурье 1994: 202). Под 7000 [правильная дата 7005 (1497 г.), а не 1492 г.] Новгородская IV летопись так объясняет причины ареста князя Василия Ивановича: «*того ради, что онъ сведал от дьяка от Федора от Стромилова то, что отец его князь велики хощет жаловати великимъ княжениемъ Володимирским и Московским внука своего князя Дмитрия Ивановича; и нача думати князю Василью вторый сотонин предтеча Афонасей Ропченокъ, бысть в думе в тои и дьяк Федор Стромиловъ, и Поярок Руновъ брат, и иные дети боярские, а иных таино к целованию приводиша на том, чтобъ князю Василью от отца своего отъехати великого князя, казна пограбити на Вологде и на Белеозере, и нат князем Дмитреем над внуком израда учинити*» (ПСРЛ. Т. IV. Ч. I. Вып. 2: 530). Каковы же подлинные причины событий 1497 г.?

События 1497 г. различно интерпретировались в исторической литературе. С.М. Соловьев, В.О. Ключевский, И.И. Смирнов и в начале 50-х гг. XX в. А.А. Зимин считали, что в заговоре на стороне Софьи и её сына Василия выступили дети боярские и дьяки, а князья и бояре поддерживали Елену Стефановну и Дмитрия-внука (Каштанов 1967: 79).

С.Б. Веселовский первым показал, что многие заговорщики происходили из знатных родов и были связаны с удельными дворами. Ученый полагал, что Гусев и его товарищи «по неосторожности или из побуждений карьеры вмешались в семейное дело великого князя» (Веселовский 1939: 31-47).

Я.С. Лурье считал, что В. Гусев «был представителем феодального блока, пытавшегося привлечь Тверь на свою сторону». Таким образом, Софья и Василий оказались у Лурье выразителями интересов аристократии, а Елена и Дмитрий лидерами дворянства (Лурье 1941: 90-92).

К.В. Базилевич согласился с мнением Лурье о принадлежности заговорщиков «к феодально-оппозиционным кругам», полагая, что основная причина конфликта Ивана III с Софьей лежала в области не внутренних, а внешних отношений (Софья Палеолог добивалась примирения своего мужа Ивана III с зятем великим князем литовским Александром Казимировичем в отличие от Елены Волошанки и Дмитрия-внука, сторонников войны с Литвой) (Базилевич 1954: 364-368).

Л.В. Черепнин доказывал проуглицкую направленность заговора 1497 г., считая его попыткой возродить феодальную раздробленность: «Гусев и его товарищи были выразителями оппозиционных боярских настроений, которые шли из бывших уделов Московского княжества. Эти настроения использовали в своих целях Софья Палеолог и ее сын Василий Иванович» (Черепнин 1951: 303).

С.М. Каштанов считает коронацию Дмитрия-внука проявлением антиудельной направленности, которая означала торжество самодержавия:

«Дмитрий внук был политической фигурой нового типа. Его последовательное возвышение на всем протяжении 90-х г. (по крайней мере, с 1492 г.) не сопровождалось предоставлением ему каких-либо земель в удел. Вполне естественно, что именно он оказался у трона рядом с Иваном III после разгрома проудельного заговора» (Каштанов 1967: 90).

А.А. Зимин в одной из своих поздних работ пришел к выводу, что Дмитрия-внука поддерживали сторонники тверской вольности, тогда как на стороне Василия III стояли силы, опиравшиеся на удельное княжье и новгородское окружение архиепископа Геннадия. Таким образом, в 1497 г. боролись два блока: проуглицкий удельный блок Василия Ивановича с протверским удельным блоком Дмитрия-внука (Зимин 1982: 145-147).

Для советской историографии были характерны идеологические штампы, рассмотрение политической истории Русского государства конца XV-XVI вв. через призму борьбы боярства, сторонника удельной раздробленности, и дворянства, являвшегося опорой самодержавной власти московских князей в деле строительства единого государства. Эта идея была не нова и была впервые высказана в дореволюционной историографии представителями так называемой «государственной школы» С.М. Соловьевым и К.Д. Кавелиным, а затем нашла отражение в работах В.И. Ленина. Для того чтобы лучше разобраться в причинах заговора 1497 г., необходимо остановиться на биографиях его участников, как уже предложил сделать С.Б. Веселовский.

Владимир Елизарович Гусев был из влиятельного старомосковского рода Добрынских, происходившего от легендарного касажского богатыря Редеги. Отец Владимира Елизар связал свою службу с удельными князьями. В 1448 г. он находился при дворе князя Ивана Андреевича Можайского и вел переговоры с великим князем Василием Темным «по наущению» Дмитрия Шемяки (Веселовский 1969: 303). В походе на Новгород 1477/1478 г. Елизар Гусев назван воеводой князя Андрея Меньшого Васильевича (ПСРЛ. Т. 25: 315). Старший сын Елизара Юрий (Юшка) уже служил старшему сыну Ивана III князю Ивану Ивановичу Молодому. Но в ноябре 1492 г. бежал в Литву (ПСРЛ. Т. 27: 292). Младшие братья Владимира Василий и Михаил служили удельному князю Юрию Ивановичу Дмитровскому. Сам Владимир Гусев осенью 1483 г. ездил в Тверь «с поклоном» от великого князя Московского к князю Михаилу Борисовичу Тверскому сообщить о рождении у Ивана III внука Дмитрия (сына Ивана Ивановича Молодого), но был выслан тверским князем «вон из избы». В 1495 г. Владимир среди детей боярских сопровождал в Вильно великую княгиню Елену Ивановну, дочь Ивана III (Сборник РИО: 164). Следует отметить, что, несмотря на удельную службу отца и братьев, Владимиру Гусеву удалось попасть во двор к великому князю, хотя он занимал невысокое положение.

Князь Иван Иванов сын Хруль Палецкий происходил из знатного рода Стародубских князей, но относился к его младшей ветви. Его дядя князь Федор Иванович Большой Палецкий в апреле 1497 г. посадил на престоле в Казани прорусски настроенного Абдул-Латыфа. Зимин отмечал, что «князь Иван Иванович

Хруль Палецкий накануне казни был, очевидно, очень молодым человеком, ибо его отец служил воеводой даже в 1507-1512 гг.» (Зимин 1982: 143).

Поярок приходился братом Ивану Дмитриевичу Руну, известному полководцу, который выдвинулся при великом князе Василии Темном как один из его верных сподвижников и прославился при его сыне Иване III. Особенно он отличился в Казанском походе 1469 г. О его брате Поярке никаких сведений не сохранилось. Он в отличие от других заговорщиков был малоизвестным человеком (Базилевич 1954: 363).

Щавей Тимофеевич Скрябин-Травин происходил из смоленского рода князей Фоминских, которые начали свою службу при московском дворе в правление великого князя Дмитрия Ивановича уже в 50-е гг. XIV в. (Веселовский 1969: 488). Отец Щавея Тимофей Скряба упомянут в 1500 г. на свадьбе князя В.Д. Холмского. Двоюродные братья Щавея Григорий Пырей и Иван Отава в 1495 г. входили в свиту Елены Ивановны (Сборник РИО. Т. 35: 164). Двоюродный брат Тимофея Иван Иванович Салтык Травин, приходившийся его сыну двоюродным дядей, участвовал в походах на Устюг и Казань в 1469 г., Пермь в 1483 г., Вятку в 1489 г.

Дьяк Федор Стромилов являлся внуком дьяка великого князя Василия II Темного Алексея Стромилова, который изменил государю и бежал в Можайск. По ходатайству митрополита Ионы Василий II помиловал А. Стромилова, но передал его вместе с сыном Михаилом Чертом и вотчиной в «дом» митрополита (Базилевич 1954: 363-364). Что касается самого Федора Стромилова, то Зимин установил, что он «в 1490-е годы был дьяком Василия Ивановича, тогда великого князя тверского», то есть находился при князе Василии (сыне Ивана III от второго брака с Софьей Палеолог) на службе (Зимин 1982: 296).

Наконец, Афанасий Еропкин, также, как и Щавей Скрябин, происходил из рода Фоминских князей. Он был сыном Дмитрия Азарьевича Еропкина. Двоюродный брат Афанасия Дмитриевича Михаил Степанович Кляпик Еропкин являлся лицом, приближенным к княжичу Василию (Зимин 1988: 233). Он был сокольничим, а Василий Иванович (будущий великий князь Василий III), как известно, очень любил соколиную охоту.

Возможно, что именно через Афанасия Еропкина, двоюродного брата Михаила, с Василием Ивановичем сблизился их дальний родственник Щавей Травин. Весьма показательно, что главными заговорщиками Новгородская IV летопись называет дьяка Ф. Стромилова и А. Еропкина, поскольку они были самыми приближенными к Василию людьми. Что касается остальных заговорщиков, то рассмотрение их биографий вопреки укоренишемуся в историографию мнению показывает отсутствие связей у большинства из них с удельными дворами, близость к Василию Ивановичу. Некоторые из мятежников были княжеского происхождения, Владимир Гусев происходил из старомосковского боярского рода. Бросается в глаза, что все лица родовитого происхождения были отпрысками младших ветвей родов. Их старшие родственники в большинстве случаев занимали высокие воеводские посты, некоторые попали даже в Думу, в то время как их младшие родичи ждали своего «звездного часа». Увы, они могли его безрезультатно прождать всю жизнь. Вероятно, мятежники приняли сторону Василия в 1497 г. по той простой и

очевидной причине, что хотели помочь ему взойти на престол и в дальнейшем получить за свое содействие щедрые награды, продвижение по службе. Но риск был велик, расчет не удался, заговорщики были обезглавлены.

Тем не менее, князь Василий Иванович, оказавшись в конце концов у власти, не забыл своих верных сторонников, поддержавших его в трудные для него времена. Князь Дмитрий Щереда Федорович Палецкий из рода Стародубских князей, двоюродный брат обезглавленного князя Ивана Ивановича Хруля, стал доверенным лицом государя (Зимин 1988: 43). Дочь Щереды в 1547 г. была выдана замуж за второго сына Василия Ивановича князя Юрия (Зимин 1988: 43).

После расправы с заговорщиками, поддержавшими Василия, 4 февраля 1498 г. Дмитрий-внук был провозглашен великим князем и посажен на великое княжение Владимирское и Московское (ПСРЛ. Т. 39: 172). В качестве наказания опального Василия Ивановича посадили «за приставы на его же дворе», а с его матерью Софьей Палеолог Иван III «с тех мест нача жити в брежении» (ПСРЛ. Т. IV. Ч. I. Вып. 2: 530-531).

В феврале 1498 г., по мнению А.А. Зимина, в связи с коронационными торжествами Дмитрия-внука был составлен Хронографический список бояр (Зимин 1988: 310-311; Шмидт 1951: 272-273). Особый интерес представляет порядок записи лиц в боярском списке, поскольку он был строго местническим и отражал ту иерархию фамилий при дворе, которая сложилась к началу 1498 г. Приведем этот список: "А бояр у великого князя": князь И.Ю. Патрикеев, его сын князь Василий Иванович Патрикеев, Яков Захарьич, князь С.И. Ряполовский, князь Д.А. Пенко, князь А.В. Оболенский, князь С.Р. Ярославский, князь П.В. Нагой Оболенский, Юрий Захарьевич, А.Ф. Челяднин, С.Б. Брюхо-Морозов, И.В. Чебот, Т.М. Плещеев, П.М. Плещеев, Г.А. Мамон, И.А. Колычев, князь П.Г. Заболоцкий, Г.Ф. Давыдов, Д.В. Ховрин, князь Б.М. Туреня, И.В. Шадра. Зимин убедительно доказал, что лица, начиная с С.Б. Морозова и до конца списка, являлись в 1498 г. окольничими, кроме Д.В. Ховрина и князя Б.М. Турени (Зимин 1988: 286-287).

Заметно, что казнь князя И.И. Хруля Палецкого не отразилась на служебной карьере его родственника стародубского князя Семена Ивановича Молодого Ряполовского. В списке бояр он стоит на четвертом месте после Якова Захарьича и могущественных князей Патрикеевых, его родственников. В феврале 1498 г. тесть князя Семена Ряполовского князь И.Ю. Патрикеев не только возглавлял Боярскую думу, но и занимал высокий пост наместника Москвы (Зимин 1974: 277).

Возросшее положение князя С.И. Ряполовского в 1498 г., несомненно, было связано с его свадьбой на дочери князя И.Ю. Патрикеева, которая состоялась примерно в то время (Зимин 1988: 41). Благодаря родству с самым могущественным, "наивысшим" боярином Думы, князь Семен Иванович приблизился к великокняжеской семье. Именно к 1498 г. относится появление у князя С.И. Ряполовского почетного титула «слуги и боярина» (Скрынников 1997: 207).

Взлет карьеры князя Семена Молодого, породнившегося с родственниками государя князьями Патрикеевыми (Иван Юрьевич Патрикеев приходился Василию Темному двоюродным братом, а Ивану III дядей) (Алексеев 1992: 49) в 1499 г. внезапно был насильственно прерван. В летописях об этом сообщается следующее.

31 января 1499 г. «*велелъ князь великый поимати бояръ своих князя Ивана Юрьевича з детми да князя Семена Ивановичя Ряполовского, головы емоу ссекоша на Москве рецъ, пониже мостоу февраля 5 въ вторник. А князя Ивана Юрьевичя Кривого отпоустил в манастырь в Кырилов на Бълоозеро*» (ПСРЛ. Т. 39: 175). Новгородская IV летопись по списку Дубровского сообщает подробности расправы: «*а князя Ивана Юрьевича пожаловал, по печалованию Симона митрополита всеа Руси и архиепископа и владык; смертныя ему казни не предал, отпустил их с сыном с его князем Васильем Косым в черньцы; а князя Иоанна Мынынну велел посадити за приставы*» (ПСРЛ. Т. IV. Ч. I. Вып. 2: 531). Сразу же вслед за этим 21 марта 1499 г. Иван Васильевич «*пожаловалъ сына своего князя Василья: вины ему отдалъ, а нарекъ его государемъ великимъ княземъ, дал ему Великий Новгородъ и Псково великое княжение*» (ПСРЛ. Т. IV. Ч. I. Вып. 2: 531).

Последовательность в изложении событий в летописях говорит о существовании некоей связи между прощением князя Василия Ивановича, казнью князя С.И. Ряполовского и опалой князей Патрикеевых. Ранние источники ничего не говорят нам о причинах опал первых вельмож государства. Сохранилось единственное их истолкование лишь в позднем источнике – в Степенной книге начала 60-х гг. XVI в. Рассказав о прощении князя Василия в марте 1499 г., летописец заметил, что в течение примерно двух лет до того великий князь имел гнев на сына и жену «некоих ради людьских крамол». В итоге великим князем был провозглашен Дмитрий-внук. Однако потом государь Иван III, «*испыта подробну вся преже бывшая крамолы, их же ради повеле князя Симиона Ряполовского казнити смертным посечением, а князей Ивана с сыном Василием пощадил; та же великий князь о внуке своемъ великом князе Дьмитрии нерадети нача и за приставы посади его и матерь его, великую княгиню Елену, идъже во своя времена сконьчастася. И по благословению митрополита Симона всю державу царствия своего поручи Богом дарованному сыну своему и наследнику, великому князю Василью*» (ПСРЛ. Т. 21: 571-572).

Несмотря на то, что данный отрывок появился после 1547 г. в правление Ивана IV, он содержит ряд интересных деталей. Казнь С.И. Ряполовского и опала Патрикеевых в Степенной книге связаны непосредственно с династическим вопросом, который развивался в следующей последовательности: в начале великий князь опалился на сына Василия и жену, в связи с этим наследником престола был провозглашен Дмитрий-внук. Затем был казнен князь С.И. Ряполовский и пострижены в монахи князья И.Ю. и В.И. Патрикеевы, сын Ивана III Василий Иванович был прощен, о внуке великом князе Дмитрии Иван III перестал заботиться и потерял к нему интерес, а вскоре посадил вместе с его матерью в темницу, и великое княжение передал в конце концов сыну Василию Ивановичу. Видно, что казнь С.И. Ряполовского и опала Патрикеевых связываются в Степенной книге с прощением Василия и началом опалы Дмитрия-внука. Эту версию летописи приняли Н.М. Карамзин и С.М. Соловьев. Последний о причинах «измены» Патрикеевых и Ряполовского писал, что они «состояли в действиях их против Софии и ее сына в пользу Елены и Дмитрия-внука» (Соловьев. Кн. II: 63). Мнение Соловьева поддержали В.О. Ключевский, И.И. Смирнов и в начале 50-х гг. XX в. А.А. Зимин (Каштанов 1967: 103).

И.И. Смирнов полагал, что «в ходе династического кризиса 1497-1502 гг. удельно-княжеские круги, очевидно, рассчитывали использовать малолетство внука Ивана III, Дмитрия, для захвата власти в свои руки (в форме регентства и т.д.)» (Смирнов 1952: 143). По мнению Смирнова, суть политики Патрикеевых и Ряполовского сводилась к восстановлению «прежней роли удельных князей», поскольку ученый рассматривал князей и бояр как носителей начал феодальной раздробленности и противников централизаторской политики московских князей.

Противоположную точку зрения на московские опалы 1499 г. впервые обосновал Я.С. Лурье. Он считал, что доверять Степенной книге не следует, так как она относится к более позднему времени (Лурье 1994: 197). Причины падения Дмитрия-внука Лурье усматривал в области внешней политики: «Мать Дмитрия Елена была дочерью молдавского государя Стефана Великого, и возвышение ее сына в 1498 г., вероятно было связано с русско-молдавским союзом против Литвы, а падение Дмитрия – с поражением Молдавии в войне и примирением ее с Ягеллонами» (Лурье 1994: 211). Опалы Ряполовского и Патрикеева Лурье не связывал с падением Дмитрия-внука, а считал их прямым следствием «высокоумничанья» воевод во время переговоров с Александром Каземировичем в 1494 г., ссылаясь на наказ великого князя, данный русским послам в мае 1503 г.: «Вы бы во всем себя берегли; а не так бы есте чинили, как князь Семенъ Ряполовской высокоумничалъ княземъ Васильем княжим Ивановымъ сыном Юрьевича» (Сборник РИО. Т. 35: 428).

Л.В. Черепнин искал причины опал 1499 г. в том, что Патрикеевы и Ряполовский были сторонниками русско-литовского сближения, основываясь на их ведущей роли в подписании мира с Литвой в 1494 г. По мнению историка, опальные князья принадлежали к партии Елены Стефановны и Дмитрия-внука, высказывавшейся против войны с Литвой. Черепнин полагал, что «опала на Дмитрия и Елену была вызвана нежеланием отца Елены Стефана разрывать молдавско-литовские отношения и вступать в войну против Литовского государства на стороне Ивана III», то есть присоединился к мнению Лурье (Черепнин 1951: 306-316).

К.В. Базилевич впервые обратил внимание на известие Вологодско-Пермской летописи, следующее после описания московских расправ: в апреле 1499 г. после прощения Василия Ивановича и передачи ему в великое княжение Новгорода и Пскова, «поимал князь великий Иван Васильевич князя Василья Ромодановского да Ондрея Коробова Тферитина» (ПСРЛ. Т. 26: 291). Базилевич объединял опалы Патрикеевых, Ряполовского, Ромодановского и Коробова в одно целое, считая, что все эти лица были противниками «вооруженной борьбы за русские земли с литовским государем», не усматривая, как и Лурье, никакой связи между этими опалами и падением Дмитрия-внука (Базилевич 1954: 373-374).

Н.А. Казакова поддержала точку зрения Смирнова о связи опал Патрикеевых и Ряполовского с падением Дмитрия-внука, и привела дополнительный материал, говорящий о близости Патрикеевых к Федору Курицыну, лидеру группировки Дмитрия-внука (Казакова 1970: 95-96).

С.М. Каштанов полагает, что попытка Дмитрия присвоить себе титул великого князя «всея Руси» привела к конфликту между ним и Иваном III уже в 1498

г. По мнению ученого, «допуск к власти антиудельно настроенного Дмитрия в условиях фактической неизжитости удельной системы способствовал возникновению планов куда более опасных для Ивана III, чем удельные притязания Василия. Сторонники Дмитрия могли замышлять либо прямое отстранение от власти самого Ивана III, либо грандиозный раздел государства на два самостоятельных великих княжества» (Каштанов 1967: 101). Каштанов считает Ряполовского и Патрикеевых сторонниками Дмитрия-внука, а князя В.В. Ромодановского и А. Коробова, напротив, сподвижниками Василия Ивановича. «Они олицетворяли силы, боровшиеся за реальное предоставление Василию прав на Тверское и Белозерское княжения», – пишет Каштанов (Каштанов 1967: 113, 117-118).

А.А. Зимин в поздней работе присоединился к мнению о близости Патрикеевых и Ряполовского к Дмитрию-внуку как сторонников русско-литовского сближения. По мнению Зимина, Ромодановский и Коробов были близки к Ряполовскому (Зимин 1982: 177, 169).

Ю.Г. Алексеев отмечает умозрительность всех точек зрения на причины опал Ряполовского и Патрикеевых в связи с отсутствием достоверных свидетельств по этому вопросу в источниках, и поэтому воздерживается от какого-либо утверждения (Алексеев 1991: 201-204). По мнению исследователя, династическая борьба не повлияла на «основную линию внутренней и внешней политики Русского государства. <…> Она не касалась принципиальных политических вопросов и была борьбой не идей и не социальных групп, а конкретных лиц за свое благополучие» (Алексеев 1991: 204).

Р.Г. Скрынников считал, что желание Ивана III передать Новгород и Псков под управление сына Василия, с которым великий князь решил в 1499 г. примириться, вызвало протест со стороны руководства Боярской думы, владевшей под Новгородом обширными землями и поддерживавшей на престоле Дмитрия-внука. Первостатейная знать опасалась раздела государства между соправителями и боялась передела земель под Новгородом (Скрынников 1997: 204-206). Конфликт между великим князем и Боярской думой закончился казнью Ряполовского и опалой Патрикеевых. В результате Новгородская земля была выведена из-под контроля Боярской думы и аристократия утратила здесь свои обширные пожалования. По мнению ученого, «передача Новгорода Василию не была формальным актом. Иван III прибегнул к экстраординарной мере, чтобы вывести Новгородскую землю из-под контроля Боярской думы» (Скрынников 1997: 207).

Разобраться в причинах «измены» Патрикеевых и Ряполовского помогает рассмотрение дальнейших событий, наступивших после расправы с ними. 11 апреля 1502 г. через три года после казни в Москве Иван III положил опалу на Дмитрия-внука и его мать, посадил их в темницу, а 14 апреля 1502 г. Василий Иванович был провозглашен великим князем Владимирским и Московским. В октябре 1502 г. был составлен наказ послам в Крым. В случае, если хан Менгли Гирей спросит о судьбе Дмитрия, послы должны были так ответить ему: «Внука был своего государь наш пожаловал великим княжеством, и он да и мати его великаа княгина Алена передъ государем проступили, непопригожу учинили; и государь наш за ту ихъ проступку, у своего внука великое княжество взял да пожаловал всеми княжествы сына своего

великого князя Василья» (Сборник РИО. Т. 41: 440). В посольском наказе в мае 1503 г. русским послам в Литву была изложена такая же причина отстранения Дмитрия: «который сын отцу служит и норовит, ино отецъ того боле и жалует, а которой сын родителем не служит и не норовит, ино того за что жаловати?» (Сборник РИО. Т. 35: 430). Наконец, в наказе послам, данном в августе 1504 г., они так должны были отвечать Менгли Гирею: «Внука был своего государь наш пожаловал и он учял государю нашему грубити; ино ведь всякой жалует дитя, которое родителем норовит и служит; а которой не норовит да еще грубит, ино того за что жаловати?» (Сборник РИО. Т. 41: 535). Таким образом, Иван III обвинял внука и его мать в том, что они совершили какой-то особый проступок, как бы предательство перед ним, за что и были справедливо наказаны. Дмитрий-внук, которого Иван III пожаловал великим княжением, вместо того, чтобы служить и слушаться деда, начал ему грубить и, вероятно, делать по-своему. За это Иван Васильевич и лишил внука великого княжения. В отрывке из Степенной книги известие о том, что «великий князь о внуке своемъ великом князе Дмитрии нерадети нача и за приставы посади его и матерь его», стоит сразу после казни Ряполовского и опалы Патрикеевых. Случайно ли это?

С.М. Каштанов установил, что уже «к концу 1498-началу 1499 г. Дмитрий был фактически отстранен от участия в делах внутреннего управления» (Каштанов 1967: 91-95). В отличие от Лурье и Феннела, считавших, что с 1499 г. произошло лишь некоторое уменьшение власти Дмитрия, своеобразное разделение власти между ним и Василием Ивановичем, Каштанов полагает, что после московских опал 1499 г. Иван III пытался сосредоточить всю власть в своих руках: «Не дав реальной политической власти Василию, он и Дмитрия сохранил лишь как подставную фигуру, отчасти как пугало для Василия и выдвигал его на политическую арену в моменты отстранения Василия от выполнения формальной роли соправителя. Великий князь поддерживал видимость системы соправления, но по существу стремился ее ликвидировать» (Каштанов 1967: 169). По наблюдениям ученого, «Иван III не доверял Василию и не отдал ему в фактическое обладание Новгородскую землю. Василий был лишь формальным соправителем Ивана III по части дел, касавшихся Новгородской земли» (Каштанов 1967: 144).

А.А. Зимин заметил, что, уже начиная со второй половины 1500 г., Дмитрий-внук, формально оставаясь соправителем, фактически перестал допускаться к каким-либо государственным делам, в то время как влияние Василия постепенно росло (Зимин 1982: 196-197). В сентябре 1500 г. Василий уже упоминался с титулом великого князя. К марту 1501 г. к нему перешло руководство судебными делами на Белоозере, а 1 августа 1501 г. Василий Иванович выдал жалованную грамоту на двор в Кашине (Зимин 1982: 197).

Таким образом, отстранение от власти Дмитрия-внука фактически произошло уже в конце 1498-начале 1499 г. и, вероятно, было тесно связано с арестами вельмож, возглавлявших Боярскую думу, то есть князей И.Ю. и В.И. Патрикеевых, С.И. Ряполовского. Какая связь могла существовать между влиятельными и знатными боярами и Дмитрием- внуком?

В апреле 1492 г. Иван III вместе с женой и детьми, а также с невесткой и Дмитрием-внуком переехал на время жить к своему родственнику князю И.Ю.

Патрикееву. В октябре 1495 г., когда государь Иван Васильевич отправился в Великий Новгород вместе с Дмитрием, боярскую делегацию возглавлял князь В.И. Патрикеев, сын Ивана Юрьевича. В феврале 1498 г. во время коронации Дмитрия И.Ю. и В.И. Патрикеевы фактически возглавляли Боярскую думу и присутствовали на торжествах. В феврале 1498 г. и январе 1499 г. князь И.Ю. Патрикеев был наместником в Москве (Зимин 1974: 277). Словом, Патрикеевы были близко знакомы с князем Дмитрием.

Князь С.И. Ряполовский был женат на дочери князя И.Ю. Патрикеева, сестре князя В.И. Патрикеева. Сближение между Ряполовским и Патрикеевыми началось, вероятно, в 1491 г., когда С.И. Ряполовский и В.И. Патрикеев участвовали в аресте Андрея Углицкого и его детей. В 1494 г. В.И. Патрикеев и Ряполовский вели переговоры с литовскими послами и заключили мир с литовским князем Александром Казимировичем. Об особом доверии к князю С.И. Ряполовскому со стороны Ивана III говорит то, что он поручил Семену сопровождать его дочь Елену в Литву в 1495 г. В 1498 г. Семен Иванович был назван четвертым боярином в Думе после Патрикеевых и Я. Захарьича.

Скорее всего казнь С.И. Ряполовского и опала Патрикеевых была связана с тем, что они добились заметного влияния на Дмитрия-внука, которому в 1499 г. исполнилось шестнадцать лет. Первые вельможи Русского государства через Дмитрия, вероятно, стремились оказывать существенное влияние на политику. После смерти «государя всея Руси» Ивана III это было чревато тем, что великокняжеский престол мог попасть под контроль аристократии, а великий князь Дмитрий стать марионеткой в ее руках. Можно предположить, что у князей Патрикеевых и Ряполовского была своя программа взаимоотношений с Литвой, которая отличалась от великокняжеской, однако это трудно доказать.

Великий князь Иван Васильевич, видимо, заметил неповиновение внука своей воле и догадался, кто на него влияет, стоит за его спиной. Государь расценил это как предательство, измену со стороны бояр, как угрозу дворцового переворота. Гедиминовичей от казней спасло лишь родство с Иваном Васильевичем и родовитое литовское происхождение. Семен Ряполовский пострадал больше других, так как не обладал такими же связями и влиянием как его родственники Патрикеевы.

Что касается арестов князя В.В. Ромодановского и тверитина Андрея Коробова в апреле 1499 г., то несомненна их связь с делом Патрикеевых-Ряполовского. Ромодановский был троюродным братом С.И. Ряполовского. В 1494 г. С.И. Ряполовский сопровождал в Литву Елену Ивановну, а князь В.В. Ромодановский в начале следующего года, вероятно, по протекции Семена Ивановича был отправлен к ней «на прожитье». В январе 1496 г. А.И. Коробов вторым воеводой полка левой руки ходил в войске князя В.И. Патрикеева на шведские земли. В сентябре 1499 г. за несколько месяцев до расправ в Москве, В.В. Ромодановский и А. Коробов в войске С.И. Ряполовского совершили поход на Казань. Поимка В.В. Ромодановского и А. Коробова в апреле 1499 г. говорит о том, что после января-февраля 1499 г. началось следствие по делу об «измене» Патрикеевых и Ряполовского. Скорее всего, как раз по этому делу они и были схвачены. Накануне опал осенью 1498 г. оба воеводы находились при князе Ряполовском и поэтому могли быть с ним заодно. А.И.

Коробов происходил из тверских бояр и мог быть близок к Дмитрию-внуку. Опала Ромодановского и Коробова оказалась кратковременной. Князь Ромодановский появляется в источниках с осени 1501 г., а Коробов с осени 1505 г. Вероятно, они имели только косвенное отношение к заговору 1499 г. и поэтому серьезно не пострадали.

Казнь С.И. Ряполовского и пострижение в монахи И.Ю. и В.И. Патрикеевых привели к конфискации их обширных земель под Новгородом и роспуску дворов. В 1500-1505 гг. Иван III отписал на себя земли других представителей княжеской знати. Новгородские пожалования утратило большинство Ростовских, Ярославских, Стародубских князей.

В конце XV в. после завоевания великим князем Иваном III Новгорода с новгородских земель были выселены в массовом порядке новгородские бояре. Были конфискованы земли новгородских монастырей. В 80–90-е гг. часть этого комплекса земель пошла в поместную раздачу московской аристократии и детям боярским. Г.В. Абрамович, тщательно изучивший вопрос о начальном этапе складывания поместной системы в своей докторской диссертации, выделил несколько этапов проведения реформы. Второй этап 1484-1489 гг., последовавший за выселением новгородских бояр, был назван им аристократическим, поскольку земли достались исключительно ближайшему княжеско-боярскому окружению Ивана III (Абрамович 1975: 89). После 1489 г. на новгородских землях стали испомещаться младшие представители княжеско-боярских родов, дети боярские, составившие в дальнейшем основу поместного ополчения. Что касается представителей аристократии, то большинство их к 30-м гг. XVI в. не сохранило за собой новгородских владений и не передало по наследству. Абрамович считал, что знать утратила новгородские поместья сразу после прекращения службы в Новгороде (Абрамович 1975: 100). Другую точку зрения выдвинул Р.Г. Скрынников, связывавший потерю аристократией новгородских земель с династической борьбой конца XV в. По мнению историка, в 1499-1502 гг. «после перехода Новгорода под власть удельного князя бояре и прочие знатные лица, присягнувшие на верность своему коронованному государю Дмитрию-внуку и продолжавшие служить в великом княжестве Московском и Владимирском должны были покинуть владения великого князя Новгородского Василия Ивановича» (Скрынников 1994: 24). Решение вопроса о причинах утраты земельных владений московской аристократией тесно связано с уточнением датировки новгородских писцовых книг.

Перепись Деревской пятины следует датировать 7004-7005 гг. (осенью 1495-осенью 1496/1497 гг.), составление писцовой книги – первой половиной 7007 г. (осенью 1498-зимой 1499 гг.). Перепись Бежецкой пятины имела место, вероятно, в 7005-7007 гг. (осенью 1496 г.-осенью 1498/1499 гг.), составление писцовой книги во второй половине 7007-7008 гг. (в 1499-1500 гг.). Перепись Водской пятины была проведена в 7006 г. – летом 7008 гг. (осенью 1497 г. – в мае-июне 1500 г.), появление писцовой книги относится к первой половине 7009 г. (зима-весна 1501 г.). Перепись Шелонской пятины завершена в 7006-7008 гг. (осенью 1497 г.-осенью 1499 гг.), написание писцовой книги относится ко второй половине 7008 г. (весна-лето 1500 г.) (Корзинин 2008: 207-224).

В писцовой книге Водской пятины после указания на принадлежность земель князю Ивану Михайловичу Волынскому стоит приписка, отличающаяся от почерка основного текста (вставка выполнена другой рукой, более размашистой, и светлыми чернилами): «Отдано Олеше Иванову сыну Отяеву» (РГАДА. Ф. 137. Новгород. № 3. Ч. 2. Л. 10). Когда появилась эта приписка? Несомненно, что после составления писцовой книги Водской пятины – после 7009 (1501 г.). С чем могла быть связана утрата владений феодала? Князь Иван Михайлович Волынский упоминался на посту новгородского дворецкого с декабря 1492 г. по 1501 г., после 1501 г. сведения о нем в источниках отсутствуют (Зимин 1958: 182), что может свидетельствовать не только о прекращении его новгородской службы, но и службы вообще, о его смерти после 1501 г., за которой последовала передача поместья Отяеву. Над описанием поместья князя Василия Даниловича Холмского в тексте подлинной писцовой книги Водской пятины находим явную приписку, выполненную другим почерком: «Отдана князю Василию Лыкову» (РГАДА. Ф. 137. Новгород. № 3. Ч. 1. Л. 29), появившуюся, очевидно, после 1501 г. (времени составления документа). В ноябре 1508 г. князь Василий Холмский попал в опалу и возможно по этой причине утратил земли.

Любопытно, что писцовая книга Водской пятины отмечает факты утраты Андреем Федоровичем Челядниным новгородских земель на момент возникновение источника (Временник ОИДР. Кн. XI: 119-121, 121-123, 123-130, 136). В описании г. Орешка двор наместника Челяднина упомянут как пустой (Временник ОИДР. Кн. XI: 113). Следовательно, А.Ф. Челяднин утратил земли уже к 7009 гг. (1501 г.). Только в погосте Куйвошском сказано о владении волостью Андреем Федоровичем, хотя дальше в тексте встречается приписка, выполненная другим почерком и другой рукой: «Отдана Белоголопухиным» (Временник ОИДР. Кн. XI: 153-158). Вероятно, составители писцовой книги имели дело с ранними черновыми материалами переписи пятины, в которых А.Ф. Челяднин был указан еще реальным владельцем земель. Подьячие могли механически внести эти сведения без поправок в текст составляемой ими писцовой книги. Челяднин последний раз упоминается в источниках весной 1500 г., поэтому причины утраты им новгородских земель можно видеть не только в прекращении его службы, но и в смерти, постигшей его вскоре после 1500 г.

Несомненно, что часть приписок о передаче оброчных владений помещикам могла появиться после 1501-1503 гг., когда они были розданы в поместья (Гневушев 1908: II). Например, не ранее 1501-1503 гг. возникла приписка относительно земель в Каргальском погосте Копорского уезда: «Отдано Ивану да Мите, да Гриде Ивановым детем Сукина», поскольку она повторяет ту же самую фразу из отрывка писцовой книги 7010-7011 гг., представляющую часть первоначального текста (Гневушев 1908: 27; НПК. Т. III: 494).

Помимо князей И.М. Волынского, В.Д. Холмского, А.Ф. Челяднина, утративших новгородские земли в конце XV – самом начале XVI в., и князей Патрикеевых и Ряполовского, лишившихся земель вследствие опалы в 1499 г., трудно сказать что-либо определенное о времени исчезновения новгородских земель у других представителей аристократии. Потеря ими земель на Северо-Западе засвидетельствована писцовыми книгами Водской, Деревской, Шелонской и

Бежецкой пятин конца 30-х – начала 40-х гг. XVI в. Например, в писцовой книге Бежецкой пятины 1535/1536 гг. говорится в прошлом времени о владении поместьями князьями Ф.А. Хохолковым Ростовским, В.И. Волохом Пужбальским, Иваном Гундором, Иосифом Дорогобужским, И.Ф. Ушатым, С.Д. и В.Д. Холмскими, С.Р. Ярославским (в момент новой переписи пятины их земли были зафиксированы за другими людьми) (НПК. Т. VI: 67-79, 130-134, 159-162, 197-209, 213-215, 231-241, 252-254, 310-316, 422, 466). Факты утраты вышеперечисленными княжатами земель вряд ли возможно вслед за Г.В. Абрамовичем связывать с прекращением новгородской службы, поскольку князь Д.А. Пенков наместничал в Новгороде в 1485-1493 гг. (Зимин 1988: 92), а земли сохранял в 1499-1500 гг., Яков Захарьич был наместником Великого Новгорода в 1483-1493 гг. (Зимин 1988: 45), а землями владел в 1500/1501 гг. К тому же, многие новгородские землевладельцы не служили по Новгороду, а землями распоряжались. Точка зрения Абрамовича о причинах лишения земель в большинстве случаях не подтверждается фактами. Мнение Р.Г. Скрынникова о времени утраты знатью поместий в 1499-1502 гг. не находит подтверждения в писцовых книгах. Многочисленные факты исчезновения у аристократии новгородских пожалований в период с конца XV в. до начала XVI в. должны были отразиться в тексте писцовых книг в виде значительного количества приписок, между тем их практически нет (за исключением рассмотренных выше случаев с А.Ф. Челядниным, М.И. Воротынским, В.Д. Холмским). Наиболее вероятен «естественный» процесс потери новгородских земель представителями аристократии (за исключением тех, кто попал в опалу), связанный с их смертью, старостью, бездетностью, прекращением их службы, либо с другими причинами. С конца XV в. до конца 30-х – 40-х гг. XVI в. сменилось 2-3 поколения владельцев поместий, но эта ситуация была характерна не только для аристократии, но и для представителей менее знатных родов. Можно высказать предположение, что только те княжеские фамилии, для которых новгородские земли являлись главным источником их доходов и которые соглашались жить в них постоянно и нести с них службу, смогли передать свои земли детям и внукам, остальные княжеские фамилии (владевшие вотчинами на территории своих уездов) после смерти старших членов своих семей земли на Северо-Западе утратили (Корзинин 2006: 388-409). Это никак не было связано с династическим кризисом в Русском государстве в конце XV в. и заговором князей Патрикеевых и Ряполовского, а было продиктовано нуждами великокняжеской власти закрепить завоеванные новгородские земли.

Подводя итог проведенному исследованию, следует подчеркнуть, что идеологические штампы мешают объективному изучению исторических событий. Из анализа политической истории и взаимоотношений аристократии и великого князя Ивана III не вытекает вывод о том, что среди бояр находились сторонники удельной старины и децентрализации. Врял ди можно противопоставлять бояр и боярских детей (дворян) как две антагонистические группы среди элиты. На материалах складывания поместной системы на Новгородских землях видно, что поместьями здесь в конце XV-начале XVI в. наделяли детей боярских, то есть младших представителей боярских родов. Столкновения самодержавной власти и могущественного боярства в правление Ивана III Васильевича и позже (в период

боярского правления, в царствование Ивана Грозного) возникали не на основе разногласий о форме правления (самодержавная монархия в целом всех устраивала), а из-за конкретных кандидатур на великокняжеский престол, происходивших из законной династии Рюриковичей. Князья Патрикеевы и Ряполовский, видимо, возлагали свои надежды на Дмитрия-внука, а не на княжича Василия Ивановича, родившегося от второго брака государя. Болезнь Ивана IV Васильевича в марте 1553 г. вскрыла разногласия в Боярской думе. Оказалось, что часть бояр хотела бы видеть на престоле не сына царя пелёночника царевича Дмитрия, а двоюродного брата князя Владимира Андреевича Старицкого (ПСРЛ. Т. 13: 523-526, 530). Однако самостоятельный выбор представителями аристократии претендентов на престол в корне пресекался носителем верховной самодержавной власти.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамович 1975 - *Абрамович Г.В.* Поместная система и поместное хозяйство в России в последней четверти XV и в XVI вв. Диссертация на соискание учёной степени доктора исторических наук (Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Фонд диссертаций. Д. 130). Л., 1975.

Алексеев 1991 - *Алексеев Ю.Г.* Государь всея Руси. Новосибирск, 1991.

Алексеев 1992 - *Алексеев Ю.Г.* Под знаменами Москвы. М., 1992.

Базилевич 1954 - *Базилевич К.В.* Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV в. М., 1954.

Веселовский 1939 - *Веселовский С.Б.* Владимир Гусев - составитель Судебника 1497 г. // Исторические записки. Т. 5. М., 1939. С. 31-47.

Веселовский 1969 - *Веселовский С.Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969.

Временник ОИДР. Кн. XI - Временник Общества истории и древностей Российских. Кн. XI. М., 1851.

Гневушев 1908 - *Гневушев А.М.* Отрывок писцовой книги Вотской пятины второй половины 1504-1505 гг. Киев, 1908.

Зимин 1958 - *Зимин А.А.* О составе дворцовых учреждений Русского государства конца XV и XVI в. // Исторические записки. Т. 63. М., 1958. С. 181-205.

Зимин 1974 - *Зимин А.А.* Наместническое управление в Русском государстве второй половины XV в. – первой трети XVI в. // Исторические записки. Т. 94. М., 1974. С. 271-301.

Зимин 1982 - *Зимин А.А.* Россия на рубеже XV-XVI столетий. М., 1982.

Зимин 1988 - *Зимин А.А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988.

Казакова 1970 - *Казакова Н.А.* Очерки по истории русской общественной мысли. Первая треть XVI в. Л., 1970.

Каштанов 1967 - *Каштанов С.М.* Социально-политическая история конца XV – первой половины XVI в. М., 1967.

Корзинин 2006 - *Корзинин А.Л.* Княжеская аристократия под Новгородом в конце XV – начале XVI в. Причины утраты знатью Новгородских земель // Труды кафедры Истории России с древнейших времен до XX века. Т. 1. СПб., 2006. С. 388-409.

Корзинин 2008 - *Корзинин А.Л.* О датировке писцовых книг Новгородской земли конца XV века // Труды кафедры Истории России с древнейших времен до XX века. Т. 2. СПб., 2008. С. 207-223.

Лурье 1941 - *Лурье Я.С.* Из истории политической борьбы при Иване III // Ученые записки ЛГУ. 1941. Серия исторических наук. Т. 80. Вып. 10. С. 75-92.

Лурье 1994 - *Лурье Я.С.* Две истории Руси XIV-XV вв. СПб., 1994.

НПК. Т. III - Новгородские писцовые книги. Т. III. СПб., 1868.

НПК. Т. VI - Новгородские писцовые книги. Т. VI. СПб., 1910.
ПСРЛ. Т. 13 - Полное собрание русских летописей. Т. 13. М., 2000.
ПСРЛ. Т. 21 - Полное собрание русских летописей. Т. 21. Ч. 2. СПб, 1908.
ПСРЛ. Т. 25 - Полное собрание русских летописей. Т. 25. М.; Л., 1949.
ПСРЛ. Т. 26 - Полное собрание русских летописей. Т. 26. М.; Л., 1959.
ПСРЛ. Т. 27 - Полное собрание русских летописей. Т. 27. Л., 1962.
ПСРЛ. Т. 39 - Полное собрание русских летописей. Т. 39. М., 1994.
ПСРЛ. Т. IV. Ч. I. Вып. 2 - Полное собрание русских летописей. Т. IV. Ч. I. Вып. 2. СПб., 1853.
РГАДА - Российский государственный архив древних актов.
Сборник РИО. Т. 35 - Сборник Русского исторического общества. Т. 35. СПб., 1882.
Сборник РИО. Т. 41 - Сборник Русского исторического общества. Т. 41. СПб., 1884.
Скрынников 1994 - *Скрынников Р.Г.* Трагедия Новгорода. М., 1994.
Скрынников 1997 - *Скрынников Р.Г.* История Российская IX-XVII вв. М., 1997.
Смирнов 1952 - *Смирнов И.И.* Рецензия на книгу К.В. Базилевича «Внешняя политика Русского централизованного государства» // Вопросы истории. 1952. № 11. С. 139-144.
Соловьев. Кн. II - *Соловьев С.М.* История России. Кн. II. М., 1960.
Черепнин 1951 - *Черепнин Л.В.* Русские феодальные архивы XIV-XV вв. Ч. 2. М., 1951.
Шмидт 1951 - *Шмидт С.О.* Продолжение хронографа редакции 1512 года // Исторический архив. Т. VII. М., 1951. С. 254-299.

REFERENCES

Abramovich 1975 - *Abramovich G.V.* Pomestnaja sistema i pomestnoe hozjajstvo v Rossii v poslednej chetverti XV i v XVI vv. Dissertacija doktora istorichescih nauk (Arhiv Sankt-Peterburgskogo instituta istorii RAN. Fond dissertacij. D. 130) [The pomestnaya system and economy in Russia in the last quarter of XV and in the XVI centuries. The dissertation of phd (The Archive of the St. Petersburg institute of history of the Russian Academy of Sciences. Fund of dissertations, № 130)], Leningrad, 1975 [in Russian].
Alekseev 1991 - *Alekseev U.G.* Gosudar' vseja Rusi [The Sovereign of Russia], Novosibirsk, 1991 [in Russian].
Alekseev 1992 - *Alekseev U.G.* Pod znamenami Moskvy [Under banners of Moscow], Moscow, 1992 [in Russian].
Bazilevich 1954 - *Bazilevich K.V.* Vneshnjaja politika Russkogo centralizovannogo gosudarstva. Vtoraja polovina XV v. [Foreign policy of the Russian centralized state. Second half of the XV century], Moscow, 1954 [in Russian].
Cherepnin 1951 - *Cherepnin L.V.* Russkie feodal'nye arhivy XIV-XV vv. [Russian feudal archives of the XIV-XV centuries], Part. 2, Moscow, 1951 [in Russian].
Gnevushev 1908 - *Gnevushev A.M.* Otryvok piscovoj knigi Votskoj pjatiny vtoroj poloviny 1504-1505 gg. [Fragment of the pistsovy book of the Votsky pyatina of the second half of 1504-1505], Kiev, 1908 [in Old Russian].
Kashtanov 1967 - *Kashtanov S.M.* Social'no-politicheskaja istorija konca XV-pervoj poloviny XVI v. [Socio-political history of the end of the XV first half of the XVI century], Moscow, 1967 [in Russian].
Kazakova 1970 - *Kazakova N.A.* Ocherki po istorii russkoj obshhestvennoj mysli. Pervaja tret' XVI v. [The sketches on history of the Russian social thought. First third of the XVI century], Leningrad, 1970 [in Russian].
Korzinin 2006 - *Korzinin A.L.* Knjazheskaja aristokratija pod Novgorodom v konce XV – nachale XVI v. Prichiny utraty znat'ju Novgorodskih zemel' [The princely aristocracy near Novgorod at the end of XV-the beginning of the XVI century. The reasons of loss of the Novgorod lands], in: Trudy kafedry Istorii Rossii s drevnejshih vremen do XX veka [Works of department of History of Russia from the most ancient times to the XX century], Volume. 1, St. Petersburg, 2006 [in Russian].
Korzinin 2008 - *Korzinin A.L.* O datirovke piscovyh knig Novgorodskoj zemli konca XV veka [About the dating of the pistsovye books of the Novgorod earth of the end of the XV century], in: Trudy kafedry

Istorii Rossii s drevnejshih vremen do XX veka [Works of the chair of of Russian History from the most ancient times to the XX century], Volume. 2, St. Petersburg, 2008 [in Russian].

Lur'e 1941 - *Lur'e J.S.* Iz istorii politicheskoj bor'by pri Ivane III [From the history of the political struggle at Ivan III], in: Uchenye zapiski LGU. 1941. Serija istoricheskih nauk [Scientific notes Leningrad State University. Series of historical sciences], Volume 80, Issue. 10 [in Russian].

Lur'e 1994 - *Lur'e J.S.* Dve istorii Rusi XIV-XV vv. [Two histories XIV-XV of Russia of XIV-XV centuries], St. Petersburg, 1994 [in Russian].

NPK. T. III - Novgorodskie piscovye knigi [Novgorod pistsovy books], Volume III, St. Petersburg, 1868 [in Old Russian].

NPK. T. VI - Novgorodskie piscovye knigi [Novgorod pistsovy books], Volume VI, St. Petersburg, 1910 [in Old Russian].

PSRL. T. 13 - Polnoe sobranie russkih letopisej [Complete collection of the Russian chronicles], Volume 13, Moscow, 2000 [in Russian].

PSRL. T. 21 - Polnoe sobranie russkih letopisej Polnoe sobranie russkih letopisej [Complete collection of the Russian chronicles], Volume 21, Part 2, St. Petersburg, 1908 [in Old Russian].

PSRL. T. 25 - Polnoe sobranie russkih letopisej Polnoe sobranie russkih letopisej [Complete collection of the Russian chronicles], Volume 25, Moscow; Leningrad, 1949 [in Russian].

PSRL. T. 26 - Polnoe sobranie russkih letopisej. Polnoe sobranie russkih letopisej [Complete collection of the Russian chronicles], Volume 26, Moscow; Leningrad, 1959 [in Russian].

PSRL. T. 27 - Polnoe sobranie russkih letopisej [Complete collection of the Russian chronicles], Volume 27, Leningrad, 1962 [in Russian].

PSRL. T. 39 - Polnoe sobranie russkih letopisej [Complete collection of the Russian chronicles], Volume 39, Moscow, 1994 [in Russian].

PSRL. T. IV. Ch. I. Vyp. 2 - Polnoe sobranie russkih letopisej [Complete collection of the Russian chronicles], Volume IV, Part I, Issue. 2, St. Petersburg, 1853 [in Old Russian].

RGADA - Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov [Russian state archive of ancient acts] [in Russian].

Sbornik RIO. T. 35 - Sbornik Russkogo istoricheskogo obshhestva [The Collection of the Russian historical society], Volume 35, St. Petersburg, 1882 [in Old Russian].

Sbornik RIO. T. 41 - Sbornik Russkogo istoricheskogo obshhestva [The Collection of the Russian historical society], Volume 41, St. Petersburg, 1884 [in Old Russian].

Shmidt 1951 - *Shmidt S.O.* Prodolzhenie hronografa redakcii 1512 goda [Continuation of a Chronograph of edition of 1512], in: Istoricheskij arhiv [Historical archive], Volume VII, Moscow, 1951 [in Russian].

Skrynnikov 1994 - *Skrynnikov R.G.* Tragedija Novgoroda [Tragedy of Novgorod], Moscow, 1994 [in Russian].

Skrynnikov 1997 - *Skrynnikov R.G.* Istorija Rossijskaja IX-XVII vv. [Russian History of IX-XVII centuries], Moscow, 1997 [in Russian].

Smirnov 1952 - *Smirnov I.I.* Recenzija na knigu K.V. Bazilevicha «Vneshnjaja politika Russkogo centralizovannogo gosudarstva» [The review of K.V. Bazilevich's book «Foreign policy of the Russian centralized state»], in: Voprosy istorii [The Questions of History], 1952, № 11 [in Russian].

Solov'ev. Kn. II – *Solov'ev S.M.* Istorija Rossii [The History of Russia], Book II, Moscow, 1960 [in Russian].

Veselovskij 1939 - *Veselovskij S.B.* Vladimir Gusev-sostavitel' Sudebnika 1497 g. [Vladimir Gusev-the author of the Code of laws of 1497], in: Istoricheskie zapiski [Historical notes], Volume 5, Moscow, 1939 [in Russian].

Veselovskij 1969 - *Veselovskij S.B.* Issledovanija po istorii klassa sluzhilyh zemlevladel'cev [The investigation of the class of land owners], Moscow, 1969 [in Russian].

Vremennik OIDR. Kn. XI - Vremennik Obshhestva istorii i drevnostej Rossijskih [Vremennik of society of history and Russian antiquities], Book. XI, Moscow, 1851 [in Old Russian].

Zimin 1958 - *Zimin A.A.* O sostave dvorcovyh uchrezhdenij Russkogo gosudarstva konca XV i XVI v. [About the structure of palace establishments of the Russian state of the end of XV and XVI century], in: Istoricheskie zapiski [Historical notes], Volume 63, Moscow, 1958 [in Russia].

Zimin 1974 - *Zimin A.A.* Namestnicheskoe upravlenie v Russkom gosudarstve vtoroj poloviny XV v. – pervoj treti XVI v. [The local management in the Russian state of the second half of the XV century-the first third of the XVI century], in: Istoricheskie zapiski [Historical notes], Volume 94, Moscow, 1974 [in Russian].

Zimin 1982 - *Zimin A.A.* Rossija na rubezhe XV-XVI stoletij [Russia at a turn of the XV-XVI centuries], Moscow, 1982 [in Russian].

Zimin 1988 - *Zimin A.A.* Formirovanie bojarskoj aristokratii v Rossii vo vtoroj polovine XV – pervoj treti XVI v. [Formation of the boyar aristocracy in Russia in the second half of the XV first third of the XVI century], Moscow, 1988 [in Russian].

Корзинин Александр Леонидович – Кандидат исторических наук, доцент института Истории Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия).
Korzinin Alexander – Candidate of historical sciences, Associate Professor of the History institute of Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia).
E-mail: a.korzinin@spbu.ru

УДК 94(363)

ЗАГАДКА КИМВРОВ

И.Л. Рожанский
Академия ДНК-генеалогии (Цукуба, Япония)
e-mail: igorrozhanskii@gmail.com

Авторское резюме

Анализ первоисточников, а также демографические и военно-исторические оценки одного из ключевых событий истории Древнего Рима – войны с кимврами и тевтонами в конце II в. до н.э., - показал, что ее традиционная трактовка, как нашествие племен с севера Европы, имеет очень слабую доказательную базу. Более обоснованной можно считать гипотезу, что путь кимвров начался в Центральной Азии, а после истребления основной части племени римскими войсками уцелевшие кимвры с союзниками осели на территории современной Дании, где влились в состав германских народов. В пользу такой трактовки свидетельствует наличие Y-хромосомные линий азиатского происхождения на северо-западе Европы на статистически значимом уровне, сведения из древнекитайских источников о масштабных переселениях народов Центральной Азии незадолго до вторжения кимвров, а также данные лингвистики и древнескандинавской мифологии.

Ключевые слова: кимвры, ДНК-генеалогия, Древний Рим, этногенез.

A MYSTERY OF THE CIMBRI

Igor Rozhanskii
Academy of DNA-Genealogy (Tsukuba, Japan)
e-mail: igorrozhanskii@gmail.com

Abstract

A scrutiny of primary literature sources, along with demographical and military historical considerations concerning the Cimbrian War in the late 2nd century BC revealed, that its common description as an invasion of tribes from the Northern Europe is far from convincing. There is more firm support to the hypothesis that the Cimbri have originated from the Central Asia. After being massacred by the Roman Army, their remnants and allies have settled in modern-day Denmark, becoming gradually a part of Germanic peoples. The presence of Asia-originated Y-chromosomal lineages in the North-Western Europe on statistically significant levels, Ancient Chinese reports about massive migrations in the Central Asia just preceding the Cimbrian War, as well as certain arguments from linguistics and Old Scandinavian myths are in agreement with this suggestion.

Keywords: Cimbri, DNA genealogy, Ancient Rome, ethnogenesis.

* * *

Войны сопровождают всю обозримую историю человечества. В памяти каждого народа они делятся на захватнические и освободительные, из которых последние зачастую играли ключевую роль в национальной истории. В ряду освободительных войн, в свою очередь, выделяются битвы, победы в которых имели знаковое значение для формирования национального самосознания, как, например, Куликовская битва для русских или взятие Орлеана под предводительством Жанны

д’Арк для французов. В истории Древнего Рима, казалось бы, довольно сложно найти подобный пример: римляне беспрестанно вели захватнические войны, но не смогли выступить, как единый народ, когда наступили трудные времена варварских нашествий, и проиграли. Однако, как минимум, одну такую знаковую победу можно назвать, хотя она и не привлекала заслуживающего ее внимания. Речь идет о сражении, состоявшемся в конце лета 101 г. до н.э. у местечка Верцеллы (Vercelli) на севере Италии, в котором римские легионы под предводительством Гая Мария (G. Marius) и Квинта Лутация Катула (Q. Lutatius Catulus) наголову разгромили вторгшихся в пределы Римской Республики чужеземцев. Это была не первая и не последняя победа римского оружия над племенами «варваров», но в их ряду она стоит особо из-за цены, которую пришлось за нее заплатить.

Из скупых сведений, что дошли до нас, можно догадаться, с насколько серьезным врагом столкнулась Римская Республика. Даже в самые тяжелые годы Рим не терял четыре (!) консульских армии за 8 лет в войне с одним и тем же противником. Пятая по счету армия спаслась лишь потому, что бывший тогда консулом Катул фактически капитулировал, оставив Цизальпинскую Галлию в обмен на возможность уйти. Кимвры, самое мощное из тех племен, были вторыми после Ганнибала, и последними из соперников Рима, кто прорвался на территорию Италии через Альпы. Если противником карфагенян в альпийском походе была только непогода и горные тропы, то кимврам в горах пришлось сразиться с римскими войсками, выстроившими укрепленный лагерь на их пути. Чтобы справиться с угрозой, Римской Республике пришлось пойти на немыслимые до того меры: позволить популярному политику Гаю Марию занимать высшую должность консула пять лет подряд, провести реформу армии, сделав ее профессиональной, и дать право на римское гражданство каждому ветерану, вне зависимости от его происхождения. По сути, веками выстраивавшиеся республиканские устои были подорваны, и вскоре после победы над «варварами» страна погрузилась в череду гражданских войн, диктатур и восстаний, длившихся с перерывами почти 70 лет, до воцарения императора Августа. Так рождалась Римская Империя.

Так кем же были те народы, победа над которыми стала поворотным пунктом в истории Древнего Рима и, опосредованно, всей Европы? Античные историки упоминают несколько племен. Тон задавали, по их единодушному мнению, кимвры и тевтоны. С течением времени их постоянно путали между собой, используя порой как синонимы (сравните описания одних и тех же событий у Ливия и Аппиана). Однако, самые ранние из авторов достаточно четко различали эти два народа. Кимврам досталось больше внимания, но что это был за народ, до сих пор остается одной из нерешенных загадок мировой истории. Хотя в учебниках и справочных изданиях кимвров называют германским племенем, более точно о них высказался Страбон, который мог еще застать в живых ветеранов той военной кампании: «Περί δέ Κίμβρων τα μεν ουκ ευ λέγεται, τα δ’εχει πιθανότητας ου μετρίας» - «*Что касается кимвров, то одни рассказы о них неточны, а другие — совершенно невероятны*».

За более чем пять лет, прошедших со времени публикации исследования, посвященного этой загадке (Рожанский 2010), ДНК-генеалогия сделала большой шаг вперед, как по объему имеющихся данных, включая ископаемую ДНК, так и по

глубине его анализа. Это дало возможность вернуться к теме кимвров и рассмотреть ее на качественно новом уровне.

1. Загадки

Откуда пришли?

В любом учебнике истории можно найти, что германское племя кимвров жило на территории современной Дании. По не вполне выясненным причинам в конце 2-го века до н.э. они двинулись на юг, объединились по пути с тевтонами, и сообща напали на Рим. Подается это как надежно установленный факт, подкрепляемый часто картой со схемой их походов. Но на чем основана такая уверенность? Если внимательно рассмотреть первоисточники, то конструкция базируется всего на двух доводах: кимвры были высокими и голубоглазыми, и в начале нашей эры они жили на севере полуострова Ютландия (Август, XXVI; Страбон, VII, I, 3). Аргументы явно шаткие, потому что внешний облик - критерий слишком неопределенный и субъективный, а то место, где кимвры жили спустя 100 лет после войны, вовсе не обязано быть местом, откуда они вышли. По той же логике, родиной англичан следовало бы считать Америку или Австралию.

Нужны подтверждения независимыми методами. Вначале следует восстановить путь кимвров по источникам, самым близким к ним по времени. Это «География» Страбона, законченная около 10 г. н.э., и глава о Гае Марии из «Сравнительных жизнеописаний» Плутарха, датируемая примерно 75 г. н.э. Некоторые другие эпизоды кимврской войны упоминаются у живших позднее Аппиана и Аннея Флора, а также в виде «конспектов»-периохов не дошедших до нас книг «Истории от основании Города» Тита Ливия.

Основные эпизоды их 12-летней одиссеи, от появления до краха, можно представить в виде карты (рис. 1). Главное ее отличие от карт, приводимых в учебниках, - отсутствие пути из Ютландии к землям кельтского племени скордисков, живших на территории современной Сербии. Ни один из античных историков не сообщает о путях кимвров до их появления в районе Железных Ворот на Дунае. Современники вторжения не были единодушны относительно их родины. Страбон и Плутарх сообщают о предположениях, что кимвры - это племя, получившееся при смешении кельтов и скифов где-то восточнее Меотиды (Азовское море), или что они «*...варвары, которых сперва называли киммерийцами, а позже, и не без основания, кимврами*» (Плутарх, Марий, 11). Версия об их северном происхождении и причинах, по которым кимвры пошли на Рим, ставилась этими авторами под сомнение (Страбон, VII, II, 1).

Реконструкция пути из Ютландии вверх по Эльбе, через земли племенного союза бойев (современная Чехия), видимо, берет начало в свидетельстве греческого ученого-энциклопедиста Посидония (139/135 - 51/50 гг. до н.э.): «*... бойи жили прежде в Геркинском лесу, а кимвры проникли в эту область, но были отброшены бойями и спустились к Истру и в страну скордискских галатов*» (Страбон, VII, II, 2). Античные географы называли Геркинским лесом обширный район от современных Страсбурга на западе до Кошице на востоке. Его пересекало несколько древних торговых путей,

по которым с Балтики доставляли высоко ценимый в античном мире янтарь. Если бы жители Ютландии воспользовались для похода на Италию каким-либо из этих знакомых им маршрутов, то столкновение с бойями должно было произойти у северной или западной границы их земель.

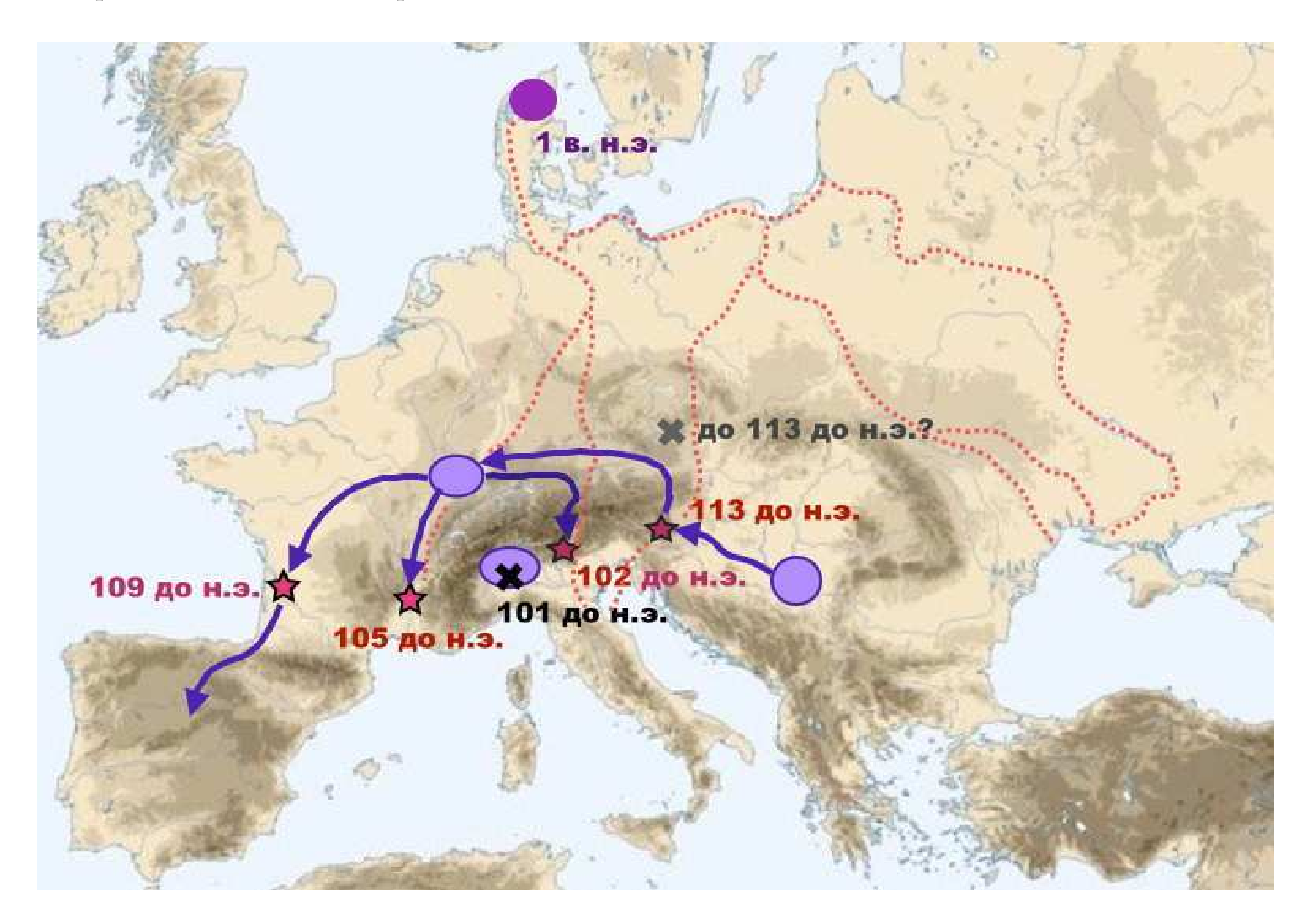

Рис. 1. Карта предполагаемых мест расселения кимвров, их походов, побед (звездочки) и поражений (кресты), согласно сведениям из античных источников. Пунктиром обозначены древние торговые пути, по которым балтийский янтарь доставлялся в Средиземноморье, по данным М. Михельбертаса (M. Michelbertas, 1963)

После того, как кимвры были отброшены (ἀποκρουσθέντας в тексте оригинала) при попытке пройти с северо-запада, то, чтобы достичь территории современной Воеводины, они либо должны были обойти неуступчивых бойев с юга, через союзный Риму Норик, либо с севера в обход Высоких Татр и переходом через Карпаты на Среднедунайскую равнину. В первом случае они не могли не остаться незамеченными для Рима, во втором – не очень понятен мотив подобного маневра, если конечной целью похода была Италия или земли кельтов к западу от Альп. Если же допустить, что стычка с бойями произошла при продвижении кимвров со стороны Карпат, то все неувязки разрешаются естественным путем. Если повернуть назад при попытке пробиться от современного Будапешта к Вене, то путь к Белграду, находящемуся на землях племени скордисков, в точности соответствует фразе «спустились к Истру». В оригинале это передано выражением «ἐπὶ τὸν Ἴστρον <…>

καταβῆναι», что можно перевести как «двигались вдоль Истра (Дуная)».

Возможной неудачей в первой попытке пробиться в Центральную Европу вверх по Дунаю можно объяснить, например, несколько загадочное решение кимвров двигаться менее удобной дорогой через Восточные Альпы и еще более загадочное их нежелание повернуть в Италию, когда путь туда был открыт после разгрома римской армии в 113 г. до н.э. Очевидно, Италия не была тогда их целью, но об этом ниже.

РЕЗЮМЕ. Античные источники не содержат свидетельств, что кимвры пришли на Дунай с севера. Исходя из дошедшей до нас последовательности событий, более логичным представляется, что они двигались с востока, перейдя Карпаты на каком-то из участков от Железных Ворот до современной Словакии.

Сколько их было?

Все историки подчеркивают многочисленность кимвров и тевтонов, казавшуюся поначалу невероятной, когда слухи об их появлении достигли Рима. «*В самом деле, только вооруженных мужчин шло триста тысяч, а за ними толпа женщин и детей, как говорили, превосходившая их числом. Им нужна была земля, которая могла бы прокормить такое множество людей, и города, где они могли бы жить*» (Плутарх, Марий, 11). Для сравнения, в тот же самый год по переписи во всей Республике насчитывалось 394336 римских граждан, способных носить оружие (Ливий, книга 63). Можно сделать оценку, какова могла быть численность всего народа, если воспользоваться доступными данными ЦРУ о мобилизационных потенциалах стран мира (http://www.umsl.edu/services/govdocs/wofact2006/).

Из современных стран по демографии и укладу хозяйства ближе всего к племенам кимвров и тевтонов находится, видимо, Бутан - небольшое королевство в Гималаях с патриархальным общественным укладом, где 93% населения занято в сельском хозяйстве, почти целиком натуральном. Уровень рождаемости - 33,65 на 1000 человек, или 4,74 детей на одну женщину, средняя продолжительность жизни - 54,78 лет. По оценкам на 2006 г., общее население Бутана составляло 2279723 человек, из них 453860 мужчин возрастом от 18 до 49 лет, в том числе 314975 боеспособных. Цифра практически та же, что привел Плутарх для кимвров. Примерно такой же процент боеспособного населения приводится и для других стран «третьего мира», например, Ботсваны с ее очень высоким уровнем смертности (продолжительность жизни - 33,74 лет). Исходя из той же пропорции, получаем, что в обществе с традиционным укладом хозяйства способны были «стать под ружье» около 15% населения. Таким образом, общая численность «варваров» должна была составлять не менее 2 млн. человек, что сопоставимо с современной численностью населения Автономного края Воеводина в Сербии (1,9 млн. человек) - района, примерно соответствующего тому, где кимвры впервые вошли в контакт с римлянами и греками.

По контексту не вполне понятно, идет у Плутарха речь об объединенных силах кимвров и тевтонов, или только о кимврах, появившихся в Иллирии. Если принять первый вариант, и оставить на долю кимвров половину (что, в принципе, согласуется с числом потерь в битвах при Секстиевых Аквах и Верцеллах), то и в

этом случае получается около миллиона мигрантов - цифра огромная даже по нынешним временам, сопоставимая с 700 тысячами беженцев из Руанды времен геноцида 1994 г. (Banatvala 1998). Так что требование земли, способной прокормить такое количество людей, выглядит вполне естественным - это был единственный способ избежать катастрофы, подобной той, что случилась в Центральной Африке два десятилетия назад.

Возникает вопрос: «Мог ли народ такой численности разместиться на севере полуострова Ютландия, известного в позднеантичное время как Cimbria?» Та часть Ютландии, которую, очевидно, занимало племя кимвров во времена императора Августа - это современный регион Норд-Юлланд Королевства Дании. Его площадь - 7927 кв. км, или 18,4% от европейской части Дании, население - 578839 человек, или 10,6%, плотность населения - 73,2 чел./кв.км. Очевидно, во времена Римской Республики плотность населения этого региона вряд ли достигала такой величины, а потому следует воспользоваться данными самой ранней переписи населения Дании и сделать оценку для того времени. В 1769 г. в королевстве насчитывалось 797584 жителей. Население тогда в основном жило в сельской местности, и равномерно распределялось по всей территории страны. Потому можно принять, что население Норд-Юлланда в то время составляло 18,4% от всей Дании, то есть примерно 147 тыс. человек.

Эти данные 18-го века можно принять как верхний предел численности населения региона за 1900 лет до того, за неимением других. Сколько боеспособных воинов мог выставить этнос такой численности? Не более 22,5 тысяч, если исходить из демографии. Это хорошо согласуется с характеристикой, данной Страбоном кимврам начала нашей эры, перечислившим их среди десятка «других, более бедных германских племен». Ни о каком миллионном этносе и 150 тыс. воинов речи быть не может - вся Дания вплоть до начала 19-го века не вмещала такое количество населения.

Можно сослаться на то, что античные историки во много раз завысили численность своих противников, и в действительности с римскими легионами сражалось несколько десятков тысяч воинов. Однако, косвенные данные показывают, что если преувеличение и было, то не столь уж большое. Например, тевтонская армия перед битвой при Секстиевых Аквах шла непрерывным потоком мимо укрепленного лагеря Гая Мария в течение шести дней (Плутарх, Марий, 18). Если считать, что тевтоны шли колонной по одному только при свете (12 часов в сутки) со скоростью 4 км/час, это дает колонну длиной 288 км, и численность не менее 100 тыс. воинов. Цифры потерь тевтонов в последовавшей за этим маршем битвой вполне согласуются с оценкой. Если оценка выглядит слишком умозрительной, то можно привести пример армии под руководством А.В. Суворова. Корпус численностью 20000 человек, измотанный двухнедельными боями, в изношенной обуви, в октябре 1799 г. прошел за неполные двое суток перевал Паникс (2407 м) в полном составе, вместе с вьючными мулами и французскими военнопленными (2800 чел.). Как выглядел спуск с перевала, каждый знает по известной картине В. Сурикова, изобразившей этот эпизод легендарного Швейцарского похода. Сколько пеших солдат могло пройти за втрое больший срок комфортабельной долиной Роны,

оценить несложно.

РЕЗЮМЕ. Численность кимвров, появившихся в Иллирии до 113 г. до н.э., можно оценить как около 1 млн. человек. Территория современной Дании не могла вместить в то время даже половину такого населения. Очевидно, ранее кимвры занимали намного более обширную территорию, но вынуждены были покинуть ее по неизвестным причинам.

Как они воевали?

С легкой руки популяризаторов истории принято почему-то считать, что кимвры были плохо вооруженной толпой дикарей, что чуть ли не с голыми руками бросались на римские боевые порядки, побеждая исключительно за счет безумной отваги и колоссального численного перевеса. Их современники были более уважительны, отдавая дань умению противника. Чего стоит, например, штурм укрепленного римского лагеря на реке Натизон (современная Адидже) с использованием запруды и груженых камнями плотов, разрушивших переправы (Плутарх, Марий, 23). Успех сражения в узкой долине решает не столько численный перевес, сколько мастерство и неожиданность действий.

К сожалению, история сохранила мало сведений, как именно были вооружены кимвры, в какие боевые порядки выстраивались, какую тактику использовали. Практически единственное развернутое описание можно найти в рассказе Плутарха о трагически сложившемся для кимвров сражении под Верцеллами в 101 г. до н.э. (Плутарх, Марий, 25-26). Рассказ особенно ценный, поскольку Плутарх, как считают, использовал несохранившиеся записки Корнелия Суллы (138 - 78 гг. до н.э.), участника той битвы.

«*Пехота кимвров не спеша вышла из укрепленного лагеря; глубина строя у них была равна ширине и каждая сторона квадрата имела тридцать стадиев*».

Будущий диктатор метким глазом профессионального военного отметил отличия в вооружении и тактике кимвров от привычных ему римских. Очевидно, построение пехоты, глубина которого равнялась ширине, - это применявшийся с давних времен для борьбы с конницей строй «каре», позволявший отражать ее атаки со всех сторон. Судя по растянутости строя (30 стадиев ≈ 5,5 км) и упоминанию о детях и женщинах в лагере, кимврские пешие воины призваны были защищать находившихся внутри квадрата невооруженных соплеменников, а также прикрывать основные силы от возможного обхода противником. Если каждый пехотинец занимал фронт около метра, то глубина столь растянутого построения составляла 5 рядов, если исходить из численности в 100 тысяч бойцов. Подобный боевой порядок был способен нести чисто оборонительные функции, а потому главная роль в сражении принадлежала, очевидно, коннице.

«*А конница, числом до пятнадцати тысяч, выехала во всем своем блеске, с шлемами в виде страшных, чудовищных звериных морд с разинутой пастью, над которыми поднимались султаны из перьев, отчего еще выше казались всадники, одетые в железные панцири и державшие сверкающие белые щиты. У каждого был дротик с двумя наконечниками, а врукопашную кимвры сражались большими и тяжелыми мечами*».

В греческом оригинале мечи названы словом μαχαίραις. Греки того времени

так называли рубящие клинки типа сабли, как прямые, так и изогнутые. В изложении Плутарха это мог быть как массивный кельтский меч, так и восточная сабля. Сейчас сложно сказать, как в действительности выглядели эти клинки, но в любом случае это подразумевает знакомство кимвров с последними достижениями металлургии того времени. Большая сабля из плохого металла скорее мешает, чем помогает в бою. Загадочный «дротик с двумя наконечниками» в оригинале называется не менее загадочным словом διβολία, производным от δίβολος «двуострый». В античных текстах оно встречается крайне редко, и переводчики испытывали явные трудности с его интерпретацией.

Можно предположить, что это слово придумал сам Сулла, воочию видевший в руках у кимврских всадников незнакомое ему оружие. Свои мемуары он писал по-гречески, как было принято у римских аристократов того времени. В дословном переводе с древнегреческого про это оружие говорится, что его применяли на расстоянии броска копья (ἀκόντισμα δὲ ἦν ἑκάστῳ διβολία). Седла той эпохи, что были в ходу, например, у скифов и кельтов, не позволяли использовать оружие типа сулицы (как можно предположить из контекста) без риска упасть с лошади. Либо кимврские конники спешивались, чтобы метнуть «диболию», либо нужный упор им давали стремена, либо это позволяла сделать конструкция седла с твердой рамой. Первый вариант маловероятен, поскольку ударная мощь при броске метательных копий кавалерией достигается за счет сложении импульсов всадника и лошади. Да и время, затрачиваемое на подготовку броска с земли, свело бы на нет весь эффект от конной атаки.

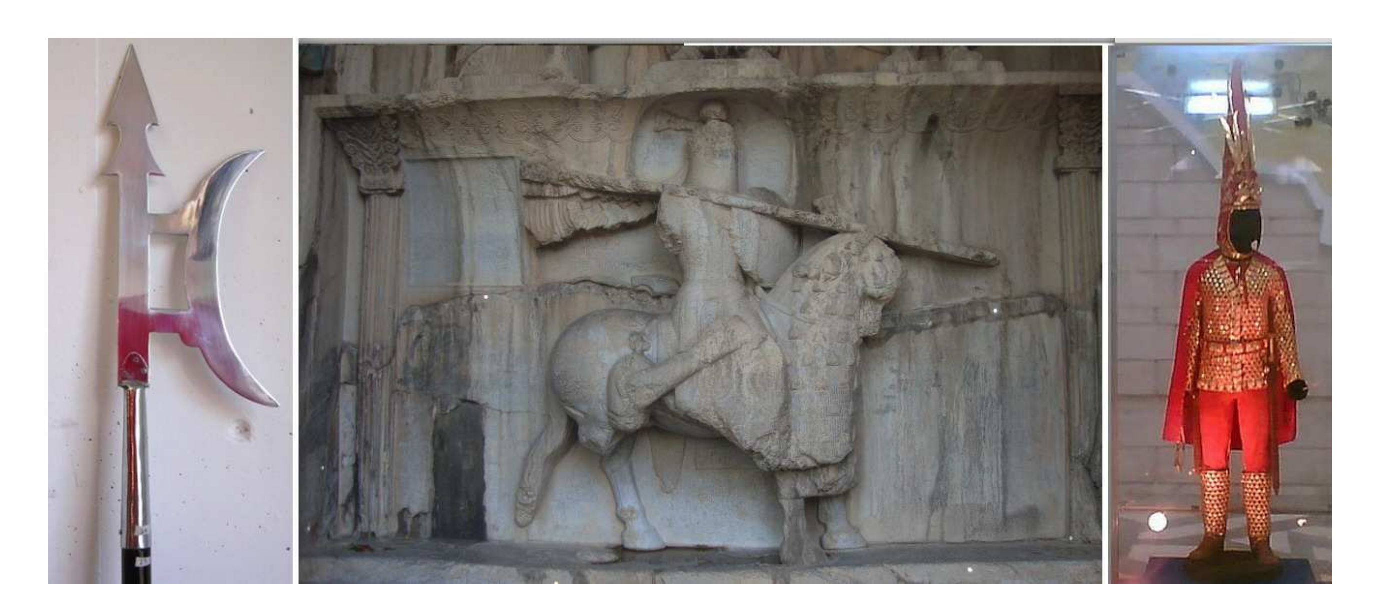

Рис. 2 (слева направо). Китайская алебарда «цзи», II в. до н.э., реконструкция; Тяжеловооруженный всадник из армии Сасанидов, вооруженный длинным копьем, в полном доспехе, защищающем также коня, и круглым щитом, IV в. н.э., наскальный барельеф из Таг-э-Бостан, Иран; «Золотой человек» из кургана Иссык, Южный Казахстан, IV-V вв. до н.э., реконструкция.

Что касается стремян, то в Европе они вошли в обиход спустя несколько столетий, но к времени нашествия кимвров были известны в Центральной и Южной Азии, составляя часть амуниции кавалерии из североиндийских княжеств I-II вв. до н.э. (White 1964, с. 14). Где и когда появились усовершенствованные седла, остается предметом дебатов, но самые ранние их изображения находят в китайской скульптуре эпохи Западной Хань (206 до н.э. – 6 н.э.). Вскоре после победы над кимврами, в I веке до н.э., римская кавалерия принимает на вооружение т.н. четырехрогие седла, конструкция которых позволяла эффективно использовать метательные копья. По мнению историков, они переняли их конструкцию у народов причерноморских степей (Gawronski 2004). Случайно ли это по времени последовало за кимврской войной или нет, еще предстоит выяснить. Возвращаясь к загадочной «диболии», следует заметить, что в более поздние времена так по-гречески называли алебарду, о применении которой в войнах античности нет сведений. Однако, в Древнем Китае подобное оружие, известное как «цзи» (戟 – идеограмма составлена из знаков «колесница» и «копье»), было широко распространено, и в эпоху Хань (206 до н.э. – 220 н.э.) существовало много его разновидностей, состоявших на вооружении как пехоты, так и конницы (Yang 1999, с. 38).

Защитное вооружении кимврских всадников (железные панцири, щиты и шлемы) – это типичный арсенал тяжелой конницы, которая то появлялась, то выходил из употребления в разные эпохи у разных народов. Упоминание о султанах из перьев (λόφοις πτερωτοῖς в оригинале) на шлемах у кимвров позволяет предположить, что всадники были экипированы для ближнего боя с применением сабель и алебард, поскольку эта деталь была не столько украшением, сколько помехой для нанесения рубящего удара сверху. Содержание тяжелой конницы обходилось дорого, а эффективность зависела во многом от мастерства всадников и селекционной работы коневодов. В Европе конца 2-го века до н.э. ни одно из существовавших тогда сообществ не имело на вооружении таких войск: кельты чаще сражались на колесницах, римляне, парфяне и скифы предпочитали более мобильную легкую кавалерию. В начале нашей эры тяжелая конница появляется у сарматов и в сасанидском Иране (рис. 2, центр), но это уже другая эпоха. В то же самое время, в ханьском Китае и у окружавших его степных народов экипировка всадников во многом совпадала с той, что предстает в описании Плутарха. Образец их защитного вооружения - парадный золотой наряд вождя из Иссыкского кургана под Алма-Атой, имитирующий боевые доспехи (рис. 2, справа).

Еще один характерный признак тактики кимвров - ложное отступления, что они применили под Верцеллами:

«*Всадники не ударили на римлян прямо в лоб, а отклонились вправо и понемногу завлекли их в промежуток между конницей и выстроившейся левее пехотой. Римские военачальники разгадали хитрость противника, но не успели удержать солдат, которые сразу же бросились вдогонку, едва один из них закричал, что враг отступает*».

Такой сложный маневр требует хорошей выучки конников и умелого взаимодействия боевых единиц. Вряд ли неорганизованные толпы варваров смогли бы его освоить. Это была опытная, испытанная в боях армия. О вооружении пеших

воинов, численно превосходивших конницу во много раз, почти ничего не сообщается, если не считать несколько курьезной, если не фантазийной, заметки об их переходе через Альпы:

«*А те преисполнились такой дерзости и презрения к врагам, что даже не по необходимости, а лишь для того, чтобы показать свою выносливость и храбрость, нагими шли сквозь снегопад, по ледникам и глубокому снегу взбирались на вершины и, подложив под себя широкие щиты, сверху съезжали на них по скользким склонам самых высоких и крутых гор*».

Упоминание о широких щитах было, по сути, единственным доводом в пользу того, что кимвры были вооружены по кельтскому образцу (Щукин 1999). Ни доказать, ни опровергнуть этот вывод пока не представляется возможным.

РЕЗЮМЕ. Численность, вооружение и тактика армии кимвров указывают на то, что она была рассчитана на сражения конных войск на открытой местности. Основной ударной силой была тяжеловооруженная конница, видимо, состоящая из племенной знати. Задачей простых общинников, сражавшихся пешими, была защита своего лагеря и основных сил от возможного обхода с фланга или тыла. Профессиональная римская армия, набранная после реформ Мария, воспользовалась слабостью этой тактики, не слишком приспособленной к отражению атаки пеших копейщиков, и нанесла удар по слабому месту - сильно растянутому строю пехотинцев, что и предопределило исход сражения.

На каком языке они говорили?

Споры о том, были кимвры кельтским или германским племенем, ведутся уже почти два столетия, но согласие так и не достигнуто по очевидной причине - история не донесла до нас ни одного слова из их языка, кроме самого этнонима и горстки личных имен. Эти имена, известные в латинской передаче как Boiorix, Lugius, Claodicus и Caesorix, как правило, трактуют как кельтские или кельтизированные (Hubert 1934, 140). Однако, не будучи подкрепленными из независимых источников, они мало что могут сказать о языке и происхождении их владельцев. Все гипотезы строятся на косвенных доводах, главный из которых – это постулат, что народ, оказавшийся на кельтской территории в конце II века до н.э., мог быть либо кельтским, либо германским. Все остальные варианты во внимание не принимаются.

В этой связи интересно рассмотреть версию Посидония о загадочных азиатских «кельтоскифах» (Κελτοσκυθαι) и киммерийцах (Κιμμέριοι), о которой упомянуто выше (Страбон, VII, II, 2; Плутарх, Марий, 11). Если родина кимвров - не лесная зона Европы, как *a priori* принято считать, а степи Евразии, то количество вариантов многократно возрастает. Языком народа, вторгшегося с востока в долину Дуная, мог быть любой из тех, что был тогда в ходу на огромных пространствах от Карпат до Саян, как индоевропейский, так и принадлежащий к другой языковой семье.

РЕЗЮМЕ. Убедительного отнесения языка кимвров к той или иной ветви нет. В связи с полной неопределенностью в этом вопросе, лингвистические аргументы при решении поставленной задачи следует рассматривать в последнюю очередь.

Куда и зачем они шли?

Античные авторы называли кимвров странствующим народом (πλάνητας - «блуждающие» у Страбона, uaga - то же у Т. Ливия), но из контекста неясно, можно ли было назвать его кочевым. Соответствующие слова νομάς/νομάδος по отношению к кимврам не использовались. Судя по упоминаниям у Плутарха, в их хозяйстве важную роль мог играть крупный рогатый скот. Так, кимвры после захвата римского лагеря на реке Адидже «...*отпустили пленных, заключив перемирие и поклявшись на медном быке*», а, потерпев поражение, «*мужчины, которым не хватило деревьев* <чтобы повеситься - И.Р.>, *привязывали себя за шею к рогам или крупам быков, потом кололи их стрелами и гибли под копытами, влекомые мечущимися животными*». Налицо явно сакральный характер этих действий, но особой подсказки это не дает - культ быка был у многих народов древности, вспомним индийских священных коров, египетского Аписа или греческие мифы о похищении Европы, Минотавре или Ио.

Но один вывод сделать можно - кимврам, как минимум, нужны были пастбища для крупного рогатого скота. Не поиском ли подходящих для этого земель и объясняется нелогичный, с точки зрения военной стратегии, маршрут кимвров (см. рис. 1)? Не раз, имея перед собой открытую дорогу на Рим, они поворачивали в сторону, давая римлянам передышку, а будущим историкам - очередной повод убедиться в их «дикости». Лишь после того, как не удалось закрепиться на равнинах Подунавья из-за противодействия бойев, а в долину Сены их не пустили бельги, кимвры решились на рискованное переселение в Цизальпинскую Галлию.

То, что переход через Альпы был частью именно переселения, а не грабительского набега на Рим, говорит то, с какой легкостью кимвры заключили перемирие после капитуляции римского гарнизона на Адидже (Плутарх, Марий, 23), и не стали преследовать легионы консула Катула. Очевидно, условия перемирия и клятвы, принесенные римлянами, полностью удовлетворили амбиции кимврских вождей. Увы, они не подозревали, какую ловушку им расставил Марий.

Если оценить пропускную способность альпийских перевалов тех времен, то очевидно, что переход большой массы людей, со стадами и повозками, занял долгое время, не один месяц. Видимо, возможность беспрепятственного перехода через Альпы и была главным условием договора, что заключили кимвры с Римом на Адидже. То, что переселение состоялось, говорят свидетельства очевидцев, описавших трагическую гибель женщин и детей среди мечущихся стад быков. Место для укрепленного лагеря под Верцеллами также не выглядит случайным - современный город Верчелли находится у речной переправы на дороге, соединяющей плодородную долину реки По с освоенным еще в энеолите проходом к верховьям Роны через перевал Большой Сен-Бернар (рис. 3). Река Сезия, впадающая в По в 25 км ниже по течению, - это одна из немногих естественная преград в западной части Паданской равнины, и местоположение Верцелл на ее правом берегу имело стратегическое значение для охраны подходов к горным долинам, через которые шел поток переселенцев. По сведениям, сохранившимся у Страбона, кимвры прошли через земли кельтского племени гельветов перед тем, как пересечь Альпы. Поскольку гельветы, как следует из записок воевавшего с ними Цезаря, жили в районе Женевского озера, то именно этим проходом, скорее всего,

воспользовалась основная часть племени. Если ход событий был таковым, то следует признать незаурядное стратегическое мышление кимвров и их союзников из альпийских народов, атаковавших позиции римлян там, где их меньше всего ожидали.

РЕЗЮМЕ. Основные усилия кимвров в их перемещениях по Европе были, по всей видимости, направлены на заселение удобных для хозяйства земель, способных прокормить большой, по меркам тогдашней Европы, этнос. Другие цели, как грабеж или контроль торговых путей, были вторичны. Но именно они и остались в памяти современников.

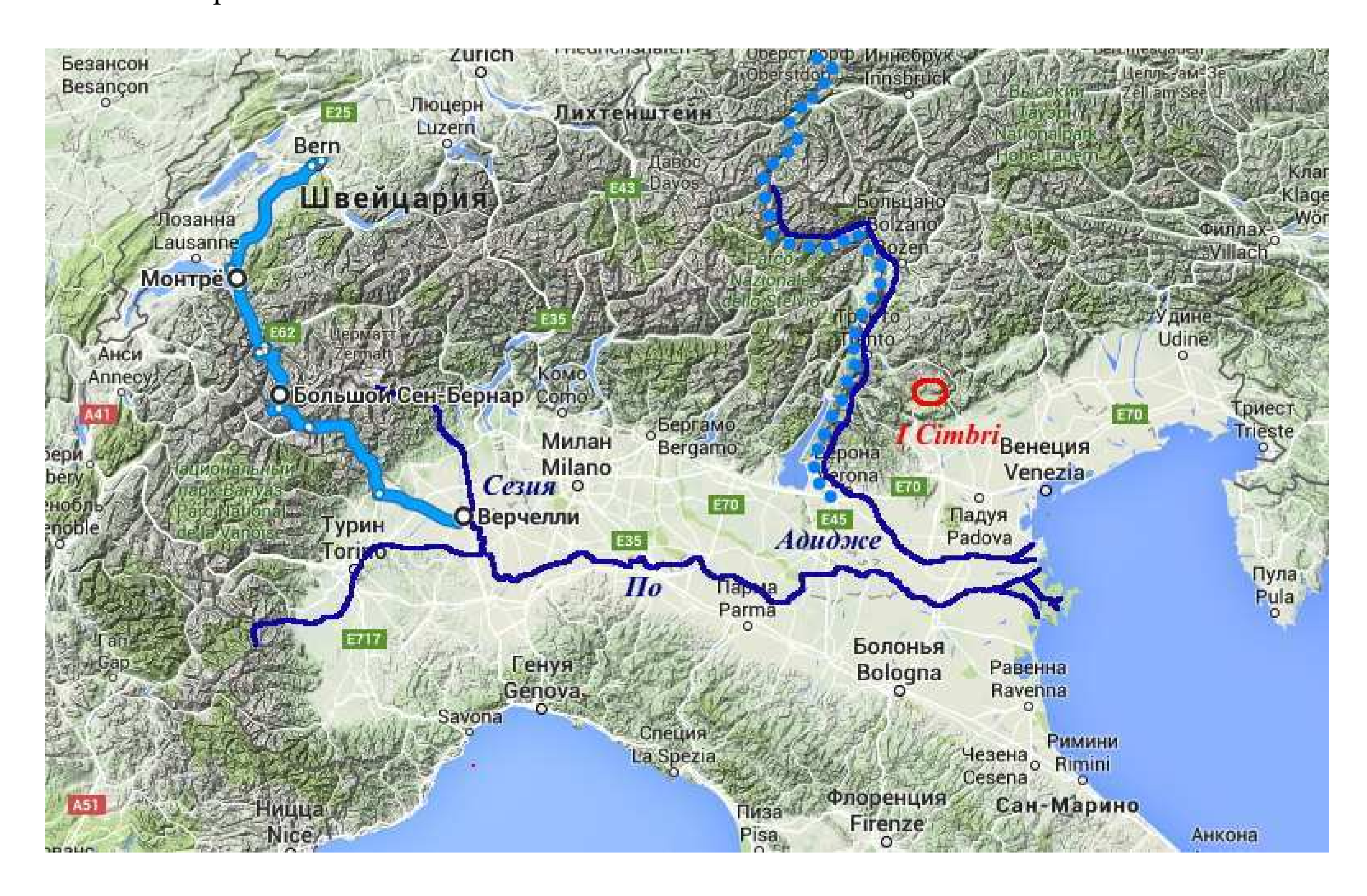

Рис. 3. Предполагаемые маршруты проникновения кимвров в Италию. Отмечен район проживания этнической группы Zimbern (ит. I Cimbri), говорящей на баварском диалекте немецкого языка.

Что от них осталось?

Очевидно, что без материальных подтверждений ни одна из предлагаемых гипотез о родине кимвров не будет в должной мере обоснованной. Что же может добавить археология? К сожалению, нет находок, которые можно было бы напрямую связать с материальной культурой кимвров времен их борьбы с Римом. За 12 лет они нигде подолгу не останавливались, а те артефакты, что могли дойти до нас, практически невозможно интерпретировать однозначно.

Обширный материал посвящен находке Гундеструпского котла с севера Ютландии, который сопоставляют с упомянутым у Страбона драгоценным котлом, отправленным кимврами в дар императору Августу (Страбон VII, II, 1). Среди

датских исследователей получила распространение гипотеза, что котел был изготовлен в последние столетия до н.э. из серебра, добывавшегося во Фракии, по технологии, принятой у фракийцев того времени, но неизвестной на севере Европы. Соответственно, его находка рассматривалась как доказательство похода жителей этих мест (т.е. кимвров) на Балканы. Однако, всесторонний анализ материалов, из которого был изготовлен котел, вплоть до стеклянных бусинок в глазах фигур и частичек окаменевшего воска на его внутренней поверхности, не дал серьезных аргументов в пользу такой версии (Nielsen 2005). Данные оказались настолько разноречивыми, что для однозначных выводов о происхождении этой уникальной находки пока недостаточно материала. Наконец, сам факт того, что котел был явно преднамеренно спрятан в тайнике на торфяном острове среди трясины, будучи предварительно разобранным на составлявшие его серебряные пластины (одну из них так и не нашли), не исключает того, что это был трофей, добытый в войне или пиратском набеге, и он не имеет прямого отношения к жителям этих мест. Глубоко врезающийся в Ютландию Лимфьорд, в 10 км от побережья которого находится хутор Гундеструп, изобилует неприметными гаванями и мелями, знакомыми только посвященным, что делает его почти идеальным укрытием для пиратов, веками промышлявших на проходивших рядом торговых путях. Если тайник на торфянике был оставлен кем-то из них, то количество вариантов с происхождением котла возрастает в разы, а это, соответственно, не дает возможности рассматривать его в контексте поставленной задачи – найти материальные свидетельства, оставленные кимврами.

Что касается косвенных признаков, то временем вторжения кимвров и тевтонов датируются заметные изменения в археологических комплексах Восточной и Центральной Европы (Щукин 1999). Так, авторы отмечают, что «*по времени именно с кампаниями кимвров и тевтонов совпадает смена в латенской культуре ступени* C_2 *ступенью* D_1. *Абсолютная дата этого перехода определяется дендрохронологическим анализом бревен моста около поселения в Тилле (Швейцария): деревья были срублены между 120 и 116 гг. до н.э.* <...> *Происходит "вторая кельтская революция", выражающаяся в изменении самой структуры кельтского общества: на смену военизированной организации и институту царской власти приходят ранние олигархические предгосударственные образования.* <...> *В значительной части Кельтики, особенно в южной Германии, Швейцарии, Чехии, Моравии и частично во Франции, полностью исчезают погребальные памятники. Распространяются зато так называемые Viereckenschanzen, странные подквадратные сооружения в виде рвов со следами жертвоприношений, имеющие в некоторых частях Кельтики (например, в Шампани) и более древнюю традицию. Практически повсеместно кельты переходят к погребальным обрядам, неуловимым археологически, поскольку совершались они на поверхности*». По предположению авторов, смена погребального обряда на тех землях, где обосновались кимвры, могла быть связана с клятвой, которую дали кельтские вожди, признавая верховенство кимвров.

На большой территории к западу от Эльбы происходят значительные подвижки населения, которые отслеживаются по распространению элементов пшеворской культуры, берущей начало в бассейне Вислы, а «*в Скандинавии*

достаточно широко распространяется обряд погребения с оружием» (Щукин 1999). Тогда же в Европе распространяются шпоры, известные ранее по ограниченному числу находок. Авторы исследования не сделали конкретных выводов, к какому этносу могли принадлежать кимвры. По их мнению, собственно кимвры были лишь частью более масштабного передвижения народов, причиной которого могла стать перенаселенность региона к северу и востоку от Карпат. Потому «*избыточное население, по преимуществу, видимо, молодежь, и было вовлечено, вероятно, в мероприятия кимвров и тевтонов*».

РЕЗЮМЕ. Археология не дает прямой информации о кимврах. Однако, с их передвижениями совпадают по времени заметные перемены в материальной культуре кельтского общества, в первую очередь на территории Южной Германии. Были ли они вызваны нашествием кимвров, или это было следствием естественных процессов, однозначно судить трудно.

2. Что говорит ДНК?

Итак, из анализа дошедших до нас первоисточников, демографических оценок и археологических данных следует, что общепринятая версия о германском племени кимвров с родиной на полуострове Ютландия имеет крайне слабую доказательную базу. Потому нужно рассмотреть все более-менее обоснованные версии, и выбрать из них наименее противоречивую. Вот они в порядке поступления:

Гипотеза № 1 Степное племя кельтоскифов или киммерийцев (Посидоний, около 70 г. до н.э.).

Гипотеза № 2 Германское племя, мигрировавшее из Ютландии, возможно, из-за наводнения (автор неизвестен, после 20 г. до н.э., когда экспедиция римского флота обнаружила кимвров на Севере).

Гипотеза № 3 Разноплеменная орда из Восточной Европы (бассейны Вислы, Западного Буга и Днепра) – преимущественно молодежь, покинувшая родные дома из-за перенаселенности (Щукин 1999).

Любая из этих версий может быть обоснована при соответствующей интерпретации скудных данных, что изложены в первой части. Нужна независимая информация, и дать ее может ДНК-генеалогия.

Попытка использовать данные ДНК уже предпринималась. Группа датских и итальянских популяционных генетиков провела исследование митохондриальной и Y-хромосомной ДНК жителей северной Ютландии и германоязычной этнической группы «цимберн» («i cimbri» по-итальянски), живущих на северо-востоке Италии (Børglum 2002, 2007). В работе рассчитали генетические дистанции между двумя популяциями. В результате оказалось, что итальянские «кимвры» попали в один кластер с итальянцами, а жители севера Дании - с остальными датчанами, а также немцами и норвежцами. Какого-то особого сходства между предполагаемыми потомками исторических кимвров не обнаружилось. Закономерный вывод - этническая группа, проживающая в местности, где более 2000 лет назад кимвры пересекали Альпы, не показывает генетической близости с жителями местности, где кимвры осели после похода. Этот, в общем-то, ожидаемый результат не добавляет

ничего к разрешению загадок. Популяционная генетика здесь мало чем способна помочь в силу отсутствия временно́й координаты в ее методах.

Более надежные данные можно получить, сравнивая Y-хромосомные линии в высоком разрешении по STR- и SNP-филогении. Если среди жителей регионов, где когда-то жили кимвры, обнаружатся общие линии, время жизни предков которых попадает на последние века до н.э., то их можно трактовать как то, что они восходят к народу, прошедшему в то время через резкое сокращение численности, а затем расселившемуся в двух разных местах. В сопоставлении с другими данными можно оценить вероятность того, какой народ это был, и где находилась его вероятная прародина. Поскольку из реконструкции миграций кимвров следует, что перед своим поражением под Верцеллами они, по всей видимости, населяли западную часть Паданской равнины, то их потомков реальнее найти не в небольшой коммуне Азиаго (Asiago) в регионе Венеция, как это делали Børglum с соавторами, а среди жителей регионов Пьемонт и Ломбардия. Исходные данные были взяты с географических проектов компании Family Tree DNA и из полевых выборок в 23-маркерном формате из судебно-медицинских баз данных (Purps 2014, Robino 2015).

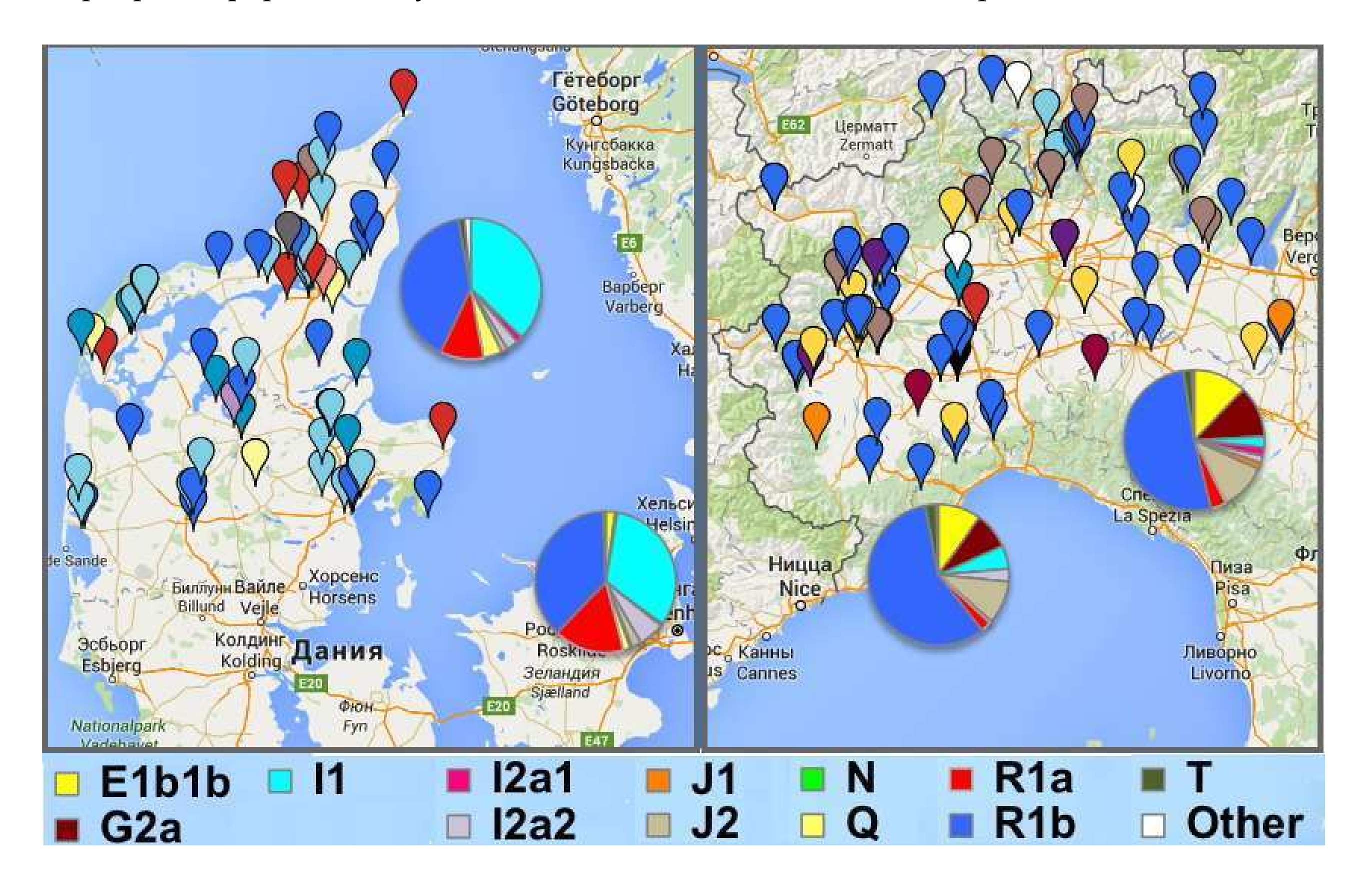

Рис. 4. Распределение Y-хромосомных гаплогрупп среди современного населения Дании и Италии, согласно данным с проектов FTDNA (метки с местами рождения самых ранних предков по мужской линии) и судебно-медицинским выборкам (круговые диаграммы) из Копенгагена (185 гаплотипов), Пьемонта (203) и Ломбардии (195). Статистика по северу Дании (70 г/т) составлена на основе датских проектов FTDNA.

Сводная статистика по гаплогруппам из сравниваемых регионов (рис. 4) позволяет выявить линии, что могут маркировать миграции из Северной Европы в Италию. Очевидно, их следует искать в гаплогруппе I1, которая доминирует у датчан, и в которой есть ветви, специфические для скандинавских народов. Среди участников итальянских ДНК проектов только четверо представителей гаплогруппы I1 указали свои корни в Пьемонте или Ломбардии. Трое из них принадлежат к ветвям M227, Z138 и Z63, редко встречающимся в Скандинавии и более характерным для Центральной и Восточной Европы. В целом по Италии в проектах FTDNA к гаплогруппе I1 принадлежат 69 из 1415 участников (5% от общего числа), из которых только для 18 известно отнесение к той или иной ветви.

Статистика явно недостаточна для однозначных выводов о том, какими путями пришли их предки, но даже в этой незначительной по объему выборке очевиден перевес ветвей, редких для северо-запада Европы. Это субклады I1a1a (M227), I1a2a1a (Z140), I1a2b (Z138) и I1a3 (Z63), которые охватывают 13 участников. Субклад I1a1b1 (P109), к которому относятся 4 участника, распространен среди скандинавских народов, но не является для них специфическом, поскольку рассеян по всему ареалу гаплогруппы I1, а его предок жил на тысячелетие раньше появления кимвров в Северной Италии, а именно 3100±350 лет назад.

Таким образом, анализ представителей гаплогруппы I1 среди современных итальянцев, включая уроженцев Пьемонта и Ломбардии, не позволяет выявить среди них линии, которые можно было бы отнести к потомкам выходцев с северо-запада Европы, появившихся около 2100 лет назад. В силу незначительного размера выборки пока нельзя полностью исключить, что такие линии не обнаружатся на большем по объему материале, но по состоянию на сегодняшний день их следует связывать с более поздними и хорошо документированными миграциями германских племен времен Великого Переселения Народов. От одного из них, лангобардов (*Lombardi* по-итальянски), получила свое название историческая область, рассмотренная в настоящем исследовании.

Вторая по счету гаплогруппа, в которой есть вероятность найти след миграции 2100-летней давности – это гаплогруппа R1b, к которой принадлежат более половины жителей Северной Италии и не менее 1/3 датчан. Ее детальная филогения хорошо разработана, что должно облегчить поиск и отнесение возможных кандидатов. Однако, участники итальянских и датских проектов FTDNA относительно редко заказывают детальные анализы на снипы, и примерно 2/3 из них не имеют информации, к какой из нескольких сот ветвей гаплогруппы R1b они принадлежат. В силу ограниченного размера выборки в требуемом разрешении, следует рассмотреть данные из научных публикаций, в которых определяли основные субклады R1b у жителей Западной Европы (Lucotte 2015), а также сопоставить их с ДНК проектами, по которым имеется более детальная информация. Такая статистика представлена в графической форме на рис. 5.

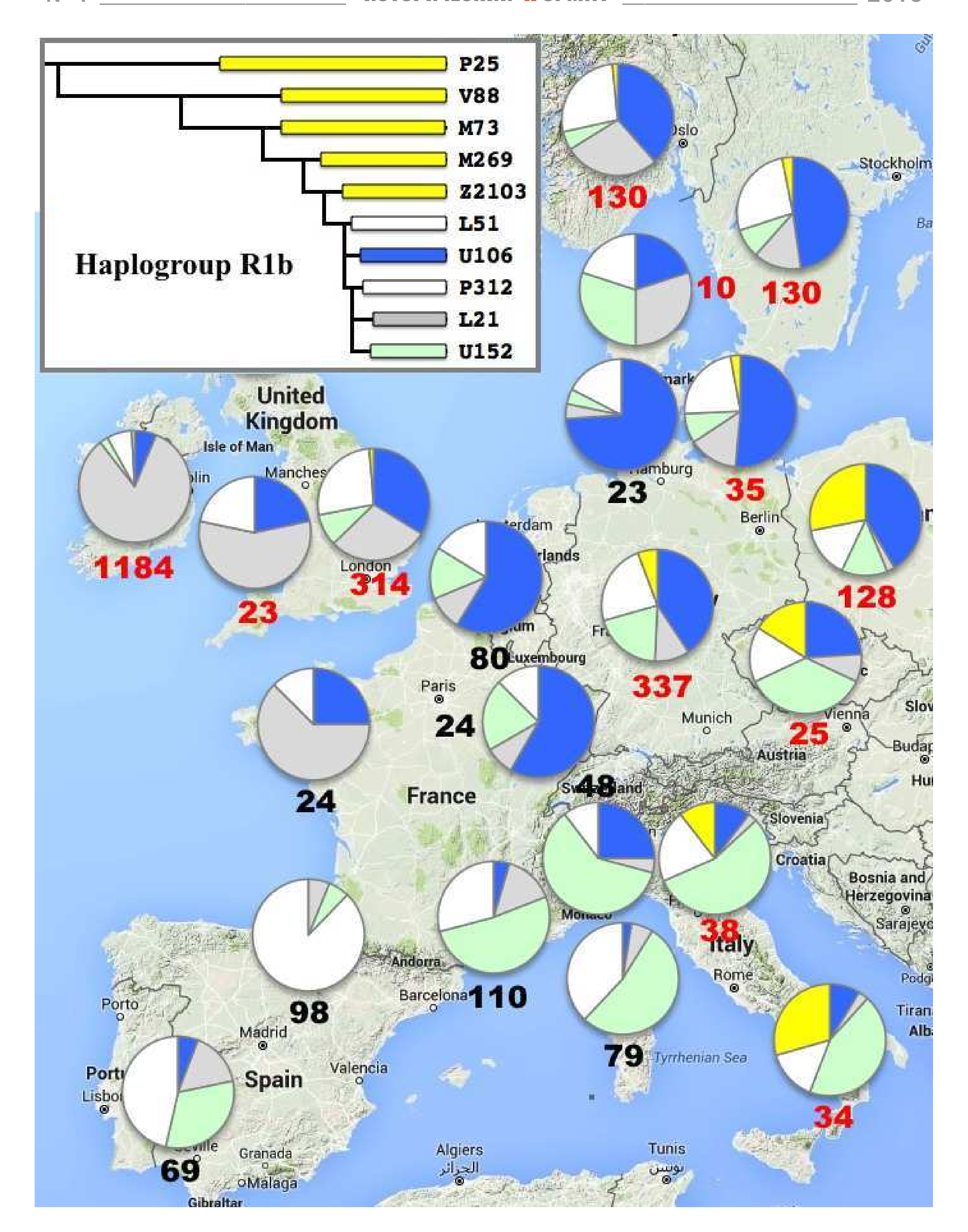

Рис. 5. Распределение основных субкладов гаплогруппы R1b в Западной Европе. Цифрами отмечено количество гаплотипов в выборках из проектов FTDNA (красные) и из работы Lucotte 2015 (черные).

На карте (рис. 5) хорошо видны корреляции между распределением субкладов U106 и L21 и расселением германских и островных кельтских народов в историческое время, соответственно. С другой стороны, субклад U152 не имеет столь выраженной этнической привязки, поскольку является общим для потомков разных народов, населявших в античные времена регионы, примыкающие к Альпам и Апеннинам. На севере Ютландии его доля (3 из 10 участников) оказалась выше, чем в среднем по северу Европы, в том числе в южной и островной части Дании. Если это не следствие статистической погрешности на малой выборке, то повышенную долю «альпийских» ветвей и сниженную «германских» там, где на рубеже нашей эры жило племя кимвров, можно было бы трактовать как след миграции какого-то народа со стороны Альп, создавшего анклав в германском окружении. Однако, объем имеющегося материала не позволяет ни подтвердить сам факт такой миграции, ни оценить время, когда она могла произойти. Повторяется ситуация с Гундеструпским котлом, когда при косвенных указаниях на континентальное кельтское происхождение отсутствуют надежные данные, кто и когда оставил эти следы на севере Ютландии.

В сочетании с анализом античных источников и демографии, эти косвенные указания на возможную миграцию с юга на север, а не наоборот, свидетельствуют не в пользу версии № 2, о кимврах, начавших свой путь с территории современной Дании. Следовательно, требуется найти данные ДНК, которые могли бы дать поддержку версиям № 1 («кельтоскифы» из Меотиды) или № 3 (молодежь из Восточной Европы). Такие линии должны быть достаточно специфическими для северо-запада Европы, иметь времена жизни предков в пределах последних столетий до н.э., но не восходить к гаплогруппам и субкладам, характерным для местного населения времен античности и ранее. По данным ископаемой ДНК из Дании и юга Швеции известно, что в эпоху энеолита и бронзы там жили представители гаплогрупп I, I1, R1a1, R1b-M269 и R1b-U106 (Allentoft 2015). Среди современных жителей скандинавских стран и севера Германии к ним принадлежит от 85 до 95% гаплотипов в исследованных выборках, а потому потомков возможных мигрантов времен кимврской войны надежнее искать среди минорных гаплогрупп этого региона. Их легче идентифицировать и сопоставлять с другими популяциями, чем носителей основных гаплогрупп, по которым зачастую недостаточно информации в высоком разрешении.

Первой по алфавиту идет гаплогруппа A1a, носители которой были найдены среди норвежцев, финнов шведского происхождения, голландцев, немцев, англичан, а также жителей США, не оставивших информации о своих корнях. Анализу этой экзотической для Европы ветви, в которой существуют линии с требуемыми характеристиками, была посвящена заметка автора данной статьи (http://pereformat.ru/2015/05/afrikancy-na-severe-evropy/), где был сделан вывод, что это реликт миграции эпохи мезолита, предположительно, с юго-запада Европы. По этой причине, а также из-за крайней малочисленности гаплогруппы A1a, ее вряд ли можно рассматривать как метку кимвров, появившихся на севере Европы 2100 лет назад.

Далее следует гаплогруппа E, которая в Европе представлена почти исключительно ветвью V13, предок которой жил 3750±380 лет назад. Ее доля плавно спадает по мере продвижения на север, составляя 1-2% в выборках из Дании, Норвегии и Швеции. В силу малой статистики в Скандинавии и отсутствия выраженных территориальных кластеров ветви V13 в других частях Европы, ее также можно исключить из списка ДНК-меток кимвров. Даже если в их составе были представители E-V13, их потомков невозможно распознать среди других носителей этой чрезвычайно однородной европейской ветви, история которой начинается в эпоху бронзы.

Гаплогруппа G2a, доля которой в Скандинавии также мала (1-2%), была одной из основных Y-хромосомных линий Европы эпохи неолита, наряду с I2 (Allenloft 2015, Haak 2015, Szécsényi-Nagy 2015). Начиная со времен энеолита, она уступила место прибывшим позднее представителям других гаплогрупп, преимущественно R1b и R1a, и из современных популяций Европы составляет заметную долю (>10%) только в континентальной части Италии и на Северном Кавказе. В силу такой истории, гаплогруппу G2a также можно исключить из возможных меток миграции кимвров.

Гаплогруппа J1, широко распространенная на Ближнем Востоке и Кавказе, встречается на севере Европы реже, чем даже экзотическая A1a. Из 2708 участников скандинавских ДНК проектов только двое принадлежат к гаплогруппе J1. Родственная гаплогруппа J2 представлена в этом регионе на уровне 1-3%, из которых половина участников относится к ветви J2b2a (L283). Время жизни предка и география у нее практически те же самые, что и у рассмотренной выше ветви E-V13, а это предполагает, что их носители входили в эпоху бронзы в состав одних и тех же народов. Соответственно, выводы, сделанные для ветви V13 в Скандинавии, распространяются и на L283. Остальные представители гаплогруппы J2 принадлежат к разрозненным ветвям субклада J2a (M410), среди которых не выявляются линии, специфические для Северной Европы. Таким образом, гаплгруппы J1 и J2 в силу перечисленных причин также не могут рассматриваться для поставленной задачи.

В отличие от упомянутых выше ветвей, гаплогруппа N составляет заметную долю среди народов Скандинавии, в то время как ее представители, очевидно, не входили в состав древнего населения Европы, поскольку эта гаплогруппа имеет восточноазиатское происхождение. Помимо того, времена жизни предков нескольких европейских ветвей гаплогруппы N попадают в интервал 2500-2000 лет назад, как следовало бы ожидать для линий, восходящих к кимврам. Чтобы оценить вероятность того, маркируют ли какие-либо из них миграции кимвров, следует рассмотреть, как они распределены на территории Северной Европы.

Как следует из карты (рис. 6), на территории Швеции и Норвегии примерно в равной пропорции представлены как специфические для прибалтийско-финских народов субклады Z1936 и L1022, так и характерная для стран Прибалтики и Восточной Европы ветвь L550. Они сосредоточены в основном в шведских ленах Упсала, Вестманланд, Стокгольм, Сёдерманланд, Эстергётланд, Эребру и Вермланд, а также в норвежской провинции Хедмарк. Доля гаплогруппы N в этом поясе

достигает 15-20% (Purps 2014), но резко падает на юге Швеции и почти исчезает в Дании. В полевой выборке из Копенгагена к ней принадлежит один гаплотип из 185 (Purps 2014), а в географических проектах FTDNA – 2 из 382 датчан. Исходя из найденной закономерности, наиболее вероятный миграционный маршрут носителей гаплогруппы N на Скандинавский полуостров пролегал не через Ютландию, а через Балтийское море со стороны Ботнического, Финского и (возможно) Рижского заливов. Следовательно, гаплогруппа N также не показывает какой-либо связи с кимврами, осевшими на севере Ютландии.

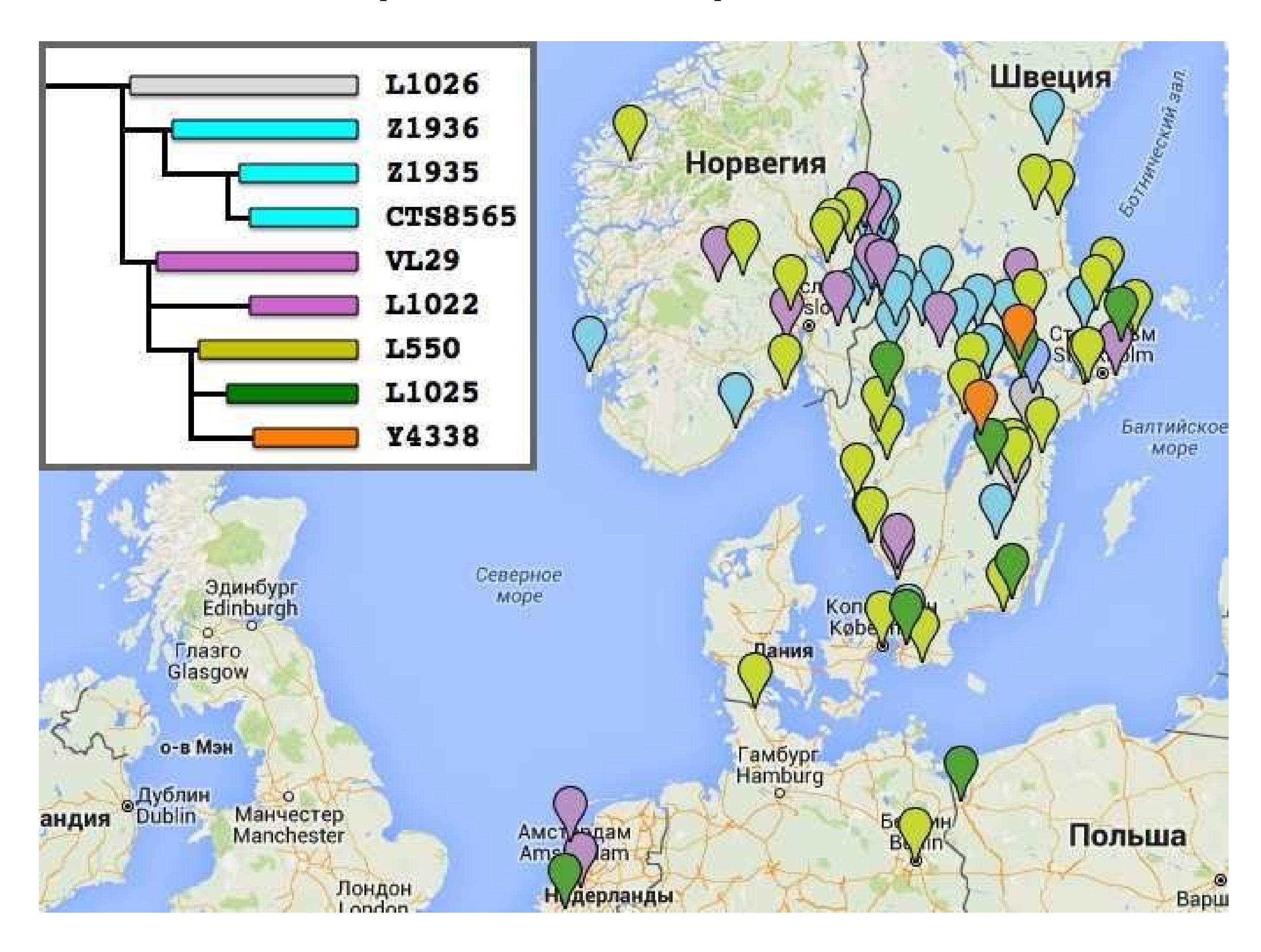

Рис. 6. Места рождения самых ранних документированных предков по мужской линии для участников проектов FTDNA из германоязычных стран Северной Европы, принадлежащих к гаплогруппе N.

Переходя к гаплогруппе Q, следует отметить, что будучи чрезвычайно редкой в континентальной Европе (за исключением евреев-ашкенази), она оказывается довольно специфической для Скандинавии и Ютландии. Это ветви Q-L527 и Q-L804, которые охватывают 2-3% современных датчан, норвежцев и шведов, доходя до 7% у исландцев (Helgason 2015). Они имеют следующие даты жизни предков и базовые 111-маркерные гаплотипы:

Q-L527 – 2350±260 лет назад

13 23 13 10 13 21 12 12 12 12 14 28 18 9 10 11 12 27 15 19 29 14 15 16 16 10 11 19 22 17 15 18 20 33 36 12 12 11 8 17 17 8 9 10 8 10 9 12 22 22 18 11 12 12 15 8 13 27 19 13 14 11 13 10 11 12 12 35 15 9 15 11 25 26 20 12 12 11 13 11 9 11 11 10 11 12 31 13 11 25 17 11 11 24 16 16 11 23 17 11 15 25 13 22 21 10 14 17 9 12 11

Q-L804 – 2150±240 лет назад

13 23 13 10 13 17 12 12 12 12 12 29 16 9 9 11 11 24 14 19 30 14 14 14 15 10 10 19 20 16 13 19 17 34 36 11 11 11 8 15 17 8 11 10 8 12 10 12 24 24 17 11 13 12 14 8 12 20 22 14 13 11 13 12 11 12 12 33 14 9 15 11 25 27 19 12 11 12 13 11 9 11 11 10 11 12 30 12 13 24 15 11 10 22 15 18 11 23 16 11 15 25 12 22 21 10 14 17 9 12 11

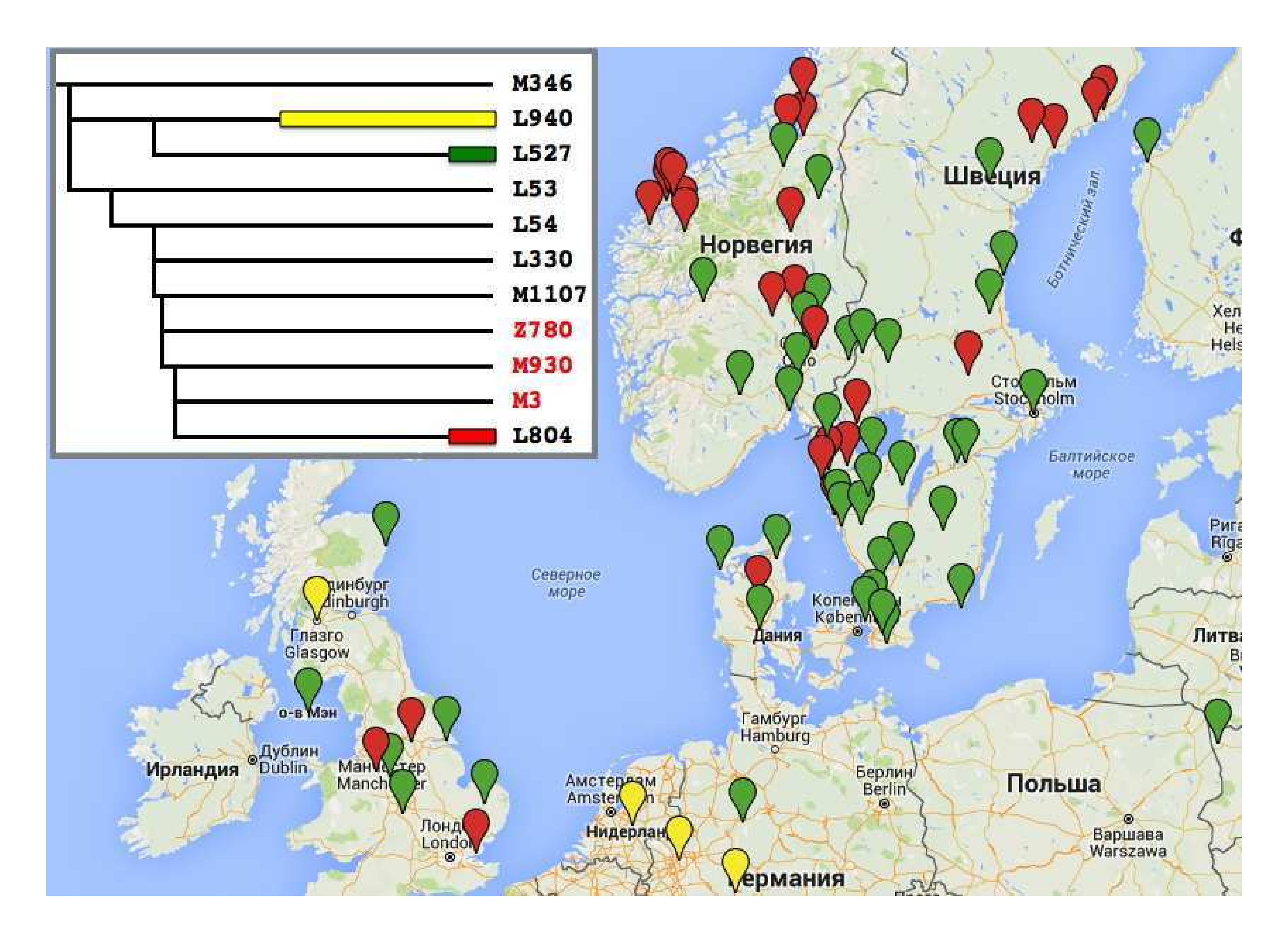

Рис. 7. Места рождения самых ранних документированных предков по мужской линии для участников проектов FTDNA из стран Северной Европы, принадлежащих к ветвям Q-L940, Q-L527 и Q-L804. Красным шрифтом на дереве выделены ветви, найденные исключительно у коренных жителей Америки.

В 111-маркерном формате эти гаплотипы расходятся на 84 маркера, что дает разницу в 18000 лет, или около 11000 лет до общего предка, с учетом датировок базовых гаплотипов. На таком масштабе времен счет по стандартным наборам маркеров дает заниженные датировки, а потому следует перепроверить оценку по медленной 22-маркерной панели, где дистанция составляет 8 мутаций. Это соответствует вдвое большей разнице во времени, а именно 37000 лет. Соответственно, время жизни общего предка сдвигается примерно до 20000 лет назад. Наконец, для времени жизни общего предка обеих ветвей имеется оценка, сделанная специалистами компании YFull (http://www.yfull.com/tree/Q/) по снипам, которая дает для него интервал 21700-18100 лет назад с 95% вероятностью, что то же самое. Их взаимное расположение на упрощенном древе гаплогруппы Q и географическое распределение показаны на рис. 7.

В отличие от гаплогруппы N, представители этих двух азиатских по происхождению ветвей концентрируются преимущественно в Норвегии, на юго-западе Швеции и севере Дании, что говорит о других путях их появления. Филогения гаплогруппы Q (точнее, субклада Q1a2-M346) не дает прямой подсказки, каким образом эти два далеко отстоящие друг от друга ДНК-рода оказались незадолго до начала нашей эры в районе, где некогда жили кимвры. Если скандинавы из гаплогруппы N входят в состав тех же ветвей, что преобладают к востоку от Балтийского моря, или находятся с ними в близком родстве, то общие предки скандинавских ветвей Q с их ближайшими известными «кузенами» уходят примерно на 16000 лет назад. Для ветви Q-L804 это общий предок с субкладом Q-M3, в который входило до 2/3 жителей обеих Америк в доколумбову эпоху, а для Q-L527 это родительская ветвь Q-L940, рассеянная с низкой частотой в Средней и Передней Азии, и отмеченная единичными гаплотипами в Европе.

Более близких генеалогических линий в современной и ископаемой ДНК пока не найдено, а это оставляет открытым вопрос, являются ли скандинавские ветви Q реликтами древнейшего населения севера Европы, или они там появились в историческое время в ходе одной из миграций с Востока. Косвенным аргументом в пользу второго варианта можно считать то, что все остальные линии гаплогруппы Q, найденные в Европе, являются дочерними к ветвям, характерным для Центральной Азии и Сибири. Помимо уже упомянутого субклада L940, это ветви L330 и YP4000, найденные, помимо Европы и Кавказа, среди уроженцев Казахстана и Сибири (см. рис. 8), а также рассеянный вдоль всей полосы евразийских степей субклад Q-M25 и гаплогруппа Q1b, родительская ветвь которой отмечена в Центральной Азии. Если со скандинавскими ветвями ситуация окажется такой же, то это можно рассматривать как серьезный аргумент в пользу гипотезы № 1, о «кельтоскифах» из евразийских степей.

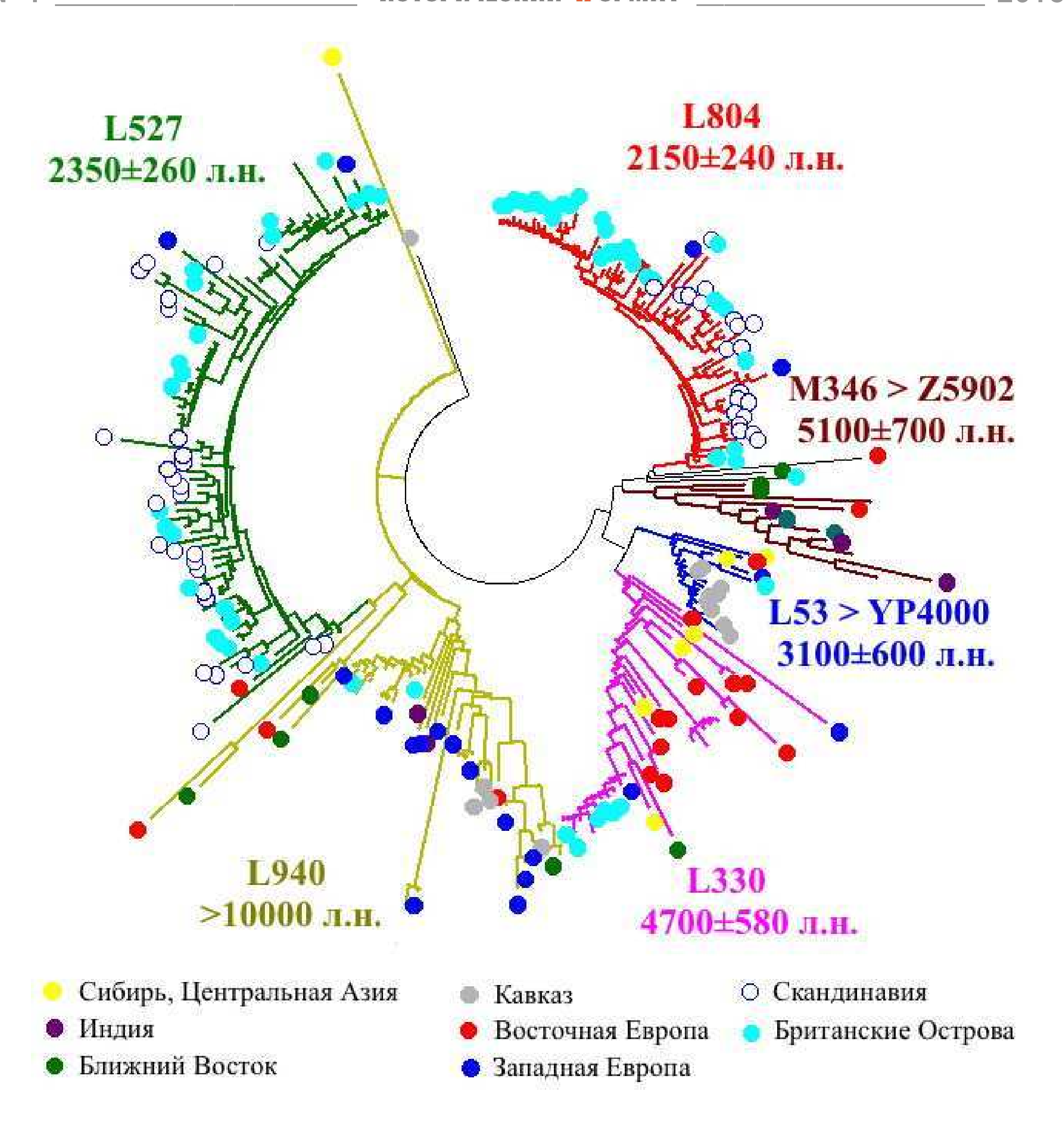

Рис 8. Дерево 37-маркерных гаплотипов субклада Q1a2 из Старого Света.

Наконец, еще одним косвенным аргументом в пользу того, что миграции из евразийских степей достигали Северной Европы по маршруту, близкому к тому, что реконструируется для кимвров, служат найденные у европейцев гаплотипы из специфического для степных народов субклада Z2124, дочернего к Z94 (рис. 9).

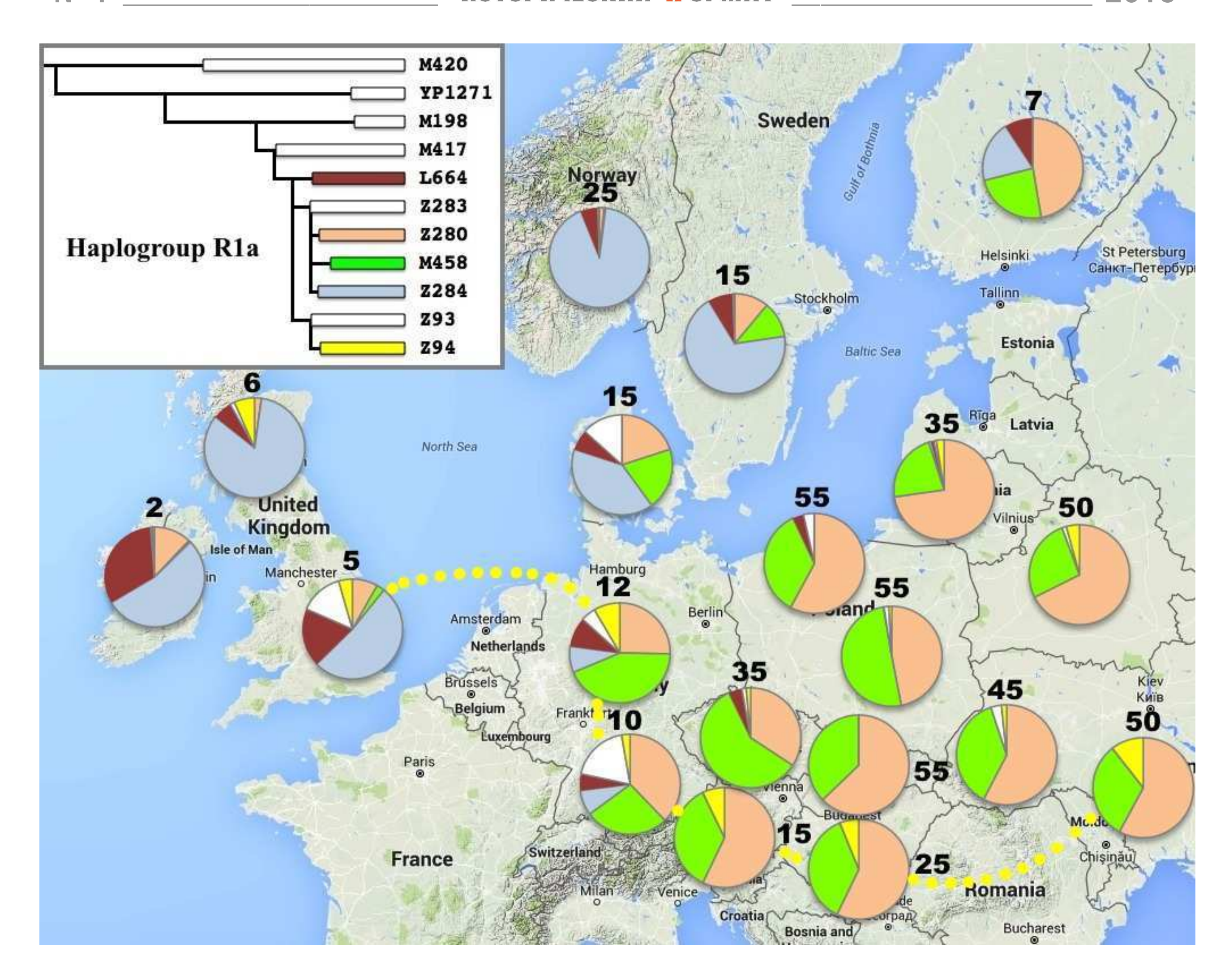

Рис. 9. Распределение основных ветвей гаплгоруппы R1a в Европе, согласно статистике из базы данных IRAKAZ. Цифры у круговых диаграмм отмечают долю гаплгруппы R1a в процентах; пунктирная линия соединяет регионы, где на статистически значимом уровне отмечен субклад Z94.

РЕЗЮМЕ. Анализ Y-ДНК жителей Северной Европы и севера Италии не позволяет выявить следов миграции из Ютландии на юг Европы времен поздней Римской Республики, но дает указания на то, во тогда же на полуострове Ютландия и/или юге Скандинавии появилась группа людей - носителей гаплогруппы Q1a2, положившая начало новым генеалогическим линиям, влившимся в состав датского, шведского и норвежского этносов. По сумме косвенных признаков, эти новые линии можно связать с выходцами из Азии.

3. Азиатский след: фантастика или реальность?

Итак, из трех гипотез ДНК-генеалогия указывает на ту, которую более 2000 лет назад предложил грек Посидоний - современник, хотя и не прямой свидетель кимврской войны. Он тогда жил в Сирии, но во время своих многочисленных путешествий, несомненно, общался с участниками кампании, может быть, даже и с

обращенными в рабство кимврами. Наверняка у этого энциклопедически образованного ученого, вхожего в высшие круги римского общества (он служил послом Египта в Риме), были основания считать кимвров пришельцами с Востока. Но Рим был занят гражданскими войнами и политическими интригами, никто особенно не прислушался к голосу иностранца. Когда же легионы Юлия Цезаря (кстати, племянника Гая Мария) впервые столкнулись с высокими голубоглазыми германцами, то кимвров с тевтонами задним числом записали к ним, и это уже стало считаться само собой разумеющимся.

Кем же были кимвры в реальности? Вот какие факты выявились при критическом разборе первоисточников: тяжелая конница, усовершенствованная сбруя, позволявшая всадникам эффективно бросать копья, кочевой или полукочевой уклад хозяйства, мастерство в работе с металлом (мечи, доспехи) и разведении лошадей (это необходимое условие для содержания тяжелой конницы), при этом высокий рост, голубые глаза, имена, звучащие по-кельтски, и жертвоприношения, внешне напоминающие обряды друидов (Страбон, VII, II, 3). Очевидно, изобретенное Посидонием слово «кельтоскифы» описывает кимвров точнее всего. Вряд их могли перепутать, например, с сарматами, имевшими похожее вооружение и хозяйственный уклад - с ними греки и римляне были достаточно хорошо знакомы.

Неужели такой большой и своеобразный народ появился неизвестно откуда, и никто его не заметил? Вряд ли, их очевидные навыки в ремеслах и военном деле предполагают достаточно длительные контакты с центрами цивилизации. Вот только с какими? Вероятно, с теми, рядом с которыми могли жить носители гаплогруппы Q1a2 (M346). Методом исключения в качестве таких центров остаются Средняя Азия и Китай.

Что же тогда происходило в том далеком от Рима регионе? Были ли события, что могли заставить большой по численности народ оставить свою родину и двинуться на Запад? Были. Китайские хроники и отчеты послов описывают череду войн, завоеваний и переселений народов, что независимо подтверждается на богатом нумизматическом материале (Loeschner 2008). Вот их краткий перечень (Боровкова 2001):

Около 177 до н.э. – сюнну вторгаются в земли народа юэчжи в современной провинции Ганьсу; часть народа, сяоюэчжи (малые юэчжи), уходят в бассейн Тарима и в Тибет, другая, даюэчжи (большие юэчжи), селится в бассейне Или.

Около 145 до н.э. – разрушен (предположительно, саками) город Евкратидия, столица Греко-Бактрийского царства; на этом закончилась почти 200-летняя история этого эллинистического государства.

133-131 до н.э. – усуни в союзе с сюнну вытесняют даюэчжи из северных предгорий Тяньшаня, те проходят мирным путем через земли народа канцзюй на берега Амударьи, где основывают государство, ставшее известным как Кушанская империя.

129-127 до н.э. – ханьская кавалерия разбивает сюнну на плато Ордос, заставляя отойти их от Великой Стены.

121-119 до н.э. – 150-тысячная китайская армия совершает поход вглубь территории сюнну, окружает и заставляет капитулировать их главные силы;

правящему клану даруют жизнь в обмен на обещание уйти к северу от пустыни Гоби; сюнну надолго отброшены от границ империи Хань.

Китайские этнонимы намеренно даны без расшифровок, потому что с их отнесением до сих пор нет единства у специалистов. В той запутанной этнополитической обстановке вполне могло оказаться, что значительный по численности народ вынужден был мигрировать очень далеко от своей родины. Ничего фантастического в этом нет - даюэчжи в течение 40-50 лет переселились на расстояние более 3500 км, а несколькими столетиями спустя от Центральной Азии до Европы прошли гунны и авары. Однако, «могло оказаться» еще не означает «оказалось», и нужны независимые свидетельства. Их можно найти в фундаментальном трактате основоположника китайской исторической науки Сымя Цяня «Ши цзи» (Сыма Цянь, гл. 123).

В разгар событий, непосредственно предшествовавших появлению кимвров в Европе, в Среднюю Азию отправилась китайская дипломатическая миссия во главе с высокопоставленным чиновником Чжан Цянем, составившим подробный отчет о том, что увидел и узнал через своих информаторов. Вполне вероятно, что в списке народов и царств из этого отчета он отметил и будущих кимвров. Вот этот список:

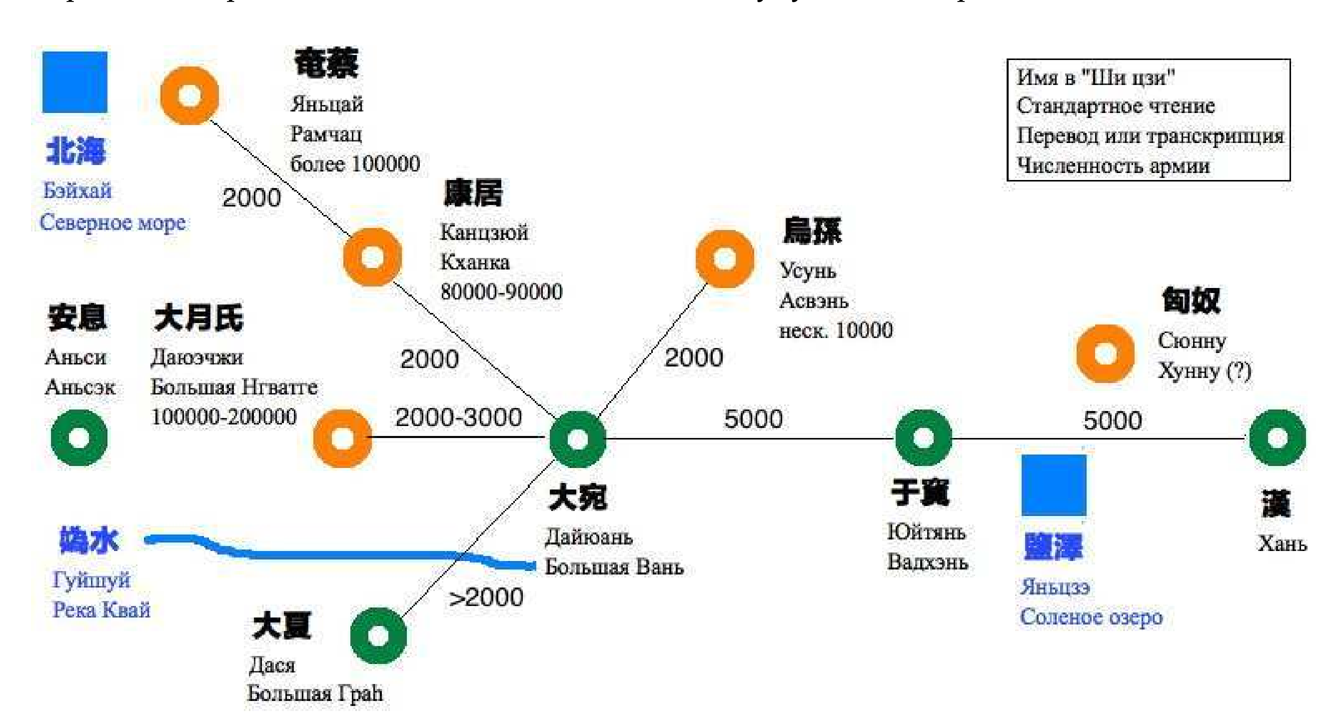

Рис. 10. Расположение народов и водных объектов, упомянутых Чжан Цянем. Дистанции между странами приведены в ли (1 ли ≈ 0,4 км в эпоху Хань); зеленым цветом отмечены земледельческие народы, оранжевым – кочевые; транскрипция вероятного чтения иероглифов на рубеже нашей эры дана в соответствии с реконструкцией С.А. Старостина.

В отличие от греков - натурфилософов и систематизаторов, Чжан Цянь прежде всего был дипломатом и разведчиком, и его отчеты лишены подробностей, рассыпанных в трудах Страбона или Птолемея. Его стиль - цифры и сухие факты: расстояния между (предположительно) столицами государств, количество воинов,

уклад хозяйства. Об обычаях - по минимуму, о языке - ни слова. Еще более осложняют интерпретацию китайские этнонимы и топонимы, об этимологии и реальном чтении которых до сих пор нет согласия. Иероглифическая запись могла с равной вероятностью быть как фонетической, так и идеографической, и иметь мало общего с теми названиями, что привычны для нас в греческой, по преимуществу, передаче. Оттого интерпретаций списка, пожалуй, в несколько раз больше, чем народов, там перечисленных.

В принципе, любой народ из списка, кроме самих ханьцев и, пожалуй, сюнну, может оказаться кандидатом в кимвры. Прежде всего, внимание следовало бы уделить к народам, жившим сеаернее и известным в современном стандартном чтении как Яньцай и Канцзюй. Первый из них чаще всего сопоставляют с аорсами из античных источников (Страбон XI, II, 1), относительно второго мнения расходятся. Жителей Канзцюя относят то племени, родственному ираноязычным согдам, то к тюркам, то к народам, близким к тохарам из оазисов Синцзяня (Namba Walter 2006). Однако, эти предположения основаны во многом на ничем не доказанных постулатах (как, например, повсеместное ираноязычие Великой Степи на рубеже нашей эры) или собственной трактовке расстояний, сообщенных Чжан Цянем. Потому, к примеру, гипотезу об идентичности Яньцай и сарматского племенного союза аорсов пока следует считать почти спекулятивной, в отсутствие независимых доказательств. Если рассматривать только факты, то нельзя не отметить военную мощь и мобильность этих двух народов, способных выставить сообща не менее 200000 воинов (*кунсяньчже* буквально, натягивающих тетиву). Даже относительно небольшая их часть (Плутарх пишет о 15-тысячной коннице), появившись в Европе, могла нанести серьезный удар по существовавшим там государствам и племенным союзам.

Переводчики «Ши цзи» не могли также не обратить внимания, что в сведениях Чжан Цяня имеется явное противоречие между небольшим размером владений Канцзюй (характеризуется сочетанием *го сяо* - небольшая, малозначительная страна) и количеством лучников, которыми она располагала (80-90 тысяч), что вызвало сомнения в достоверности фразы. Однако, китайский дипломат лично побывал в Канцзюе и вряд ли мог столь грубо ошибиться с оценкой территории, если это только не позднейшая описка переписчика. Возможно, мы имеем косвенное свидетельство высокой по тем временам плотности населения, что не совсем совместимо с чисто кочевым укладом хозяйства, но находится в согласии с существованием в то же самое время развитой Хорезмской цивилизации в Приаралье, экономика которой базировалась как на поливном земледелии, так и на отгонном скотоводстве (Толстов 1948, с. 84-102). Многочисленные городища и крепости, открытые С.П. Толстовым и его учениками, находятся на той же территории, где Чжан Цянь разместил Канцзюй, или в непосредственной от нее близости. Перенаселенность могла оказаться одной из движущих причин миграции, особенно в случае смут или природных бедствий.

Что касается их северо-западных соседей, Яньцай, то с этим народом (народами) также связано несколько загадок. Почему, например, упоминания о столь мощном «царстве» исчезают из китайских источников в начале нашей эры,

когда империя Хань наладила регулярные связи с этим регионом? Или почему Сымя Цянь использовал для его записи тот же самый редкий иероглиф *цай*, что и в названии княжества, существовавшего в эпоху Чжоу на территории современной провинции Хэнань? В комментариях к «Ши цзи» его трактуют как «степь», но каких-либо доказательств такого использования в других источниках не приводят. Сейчас этот иероглиф можно встретить только в именах собственных, как клановую фамилию Цай, что носят потомки уроженцев давно исчезнувшего княжества.

Обширные земли, что занимали эти народы, могли прокормить существенно большее население, чем даже сейчас - это было время увлажнения Великой Степи, когда на месте современной полупустыни раскинулись обильные пастбища, а площадь пахотных земель была несравнима с современной (Yang 2009). Каковы могли быть предпосылки, чтобы из большого по численности этноса, занимавшего территорию, некогда заселенную аборигенами - носителями гаплогруппы Q, могло выйти в поисках новых земель столь многочисленное и организованное племя, каким были кимвры? Можно лишь предполагать, что, помимо перенаселенности, миграция могла быть вызвана давлением сюнну с востока или изменениями в экологии, приведшими к падению продуктивности пастбищ. Впрочем, это все взаимосвязано. В той ситуации, что сложилась в регионе в конце II в. до н.э., все пути миграции, кроме западного, были закрыты, так что столкновение с античной цивилизацией становилось неизбежным.

Но почему «кельтоскифы»? Что могло быть общего у степного азиатского народа и оседлых земледельцев, расселившихся по всей Европе? Логично предположить - язык и обычаи, что не восстанавливаются из археологических находок. В этом предположении опять же нет ничего фантастического. Вот что пишет о языке тохар, возможный дальних родственников людей из Канцзюой и/или Яньцай, Д. Адамс - один из самых авторитетных тохароведов: «*Хотя географически ближайшие соседи индийских и иранских, из которых оба тохарских языка много заимствовали религиозных и других технических терминов, тохарские не кажутся особенно близко родственными им. На удивление, тохарские делят больше общего словаря с германскими языками, чем с какой-либо иной индоевропейской ветвью, и, в целом, их лексические и морфологические черты сближают их больше с западными индо-европейскими языками, чем с теми, что находятся у восточного края ареала*» (Mallory 1997, с. 590-594) (перевод автора - И.Р.).

Это наблюдение профессионального лингвиста хорошо согласуется с результатами анализа ископаемых ДНК из Красноярского края (Keyser 2009) и Синьцзяна (Li 2010). Исследованные останки принадлежали людям высокого роста с голубыми или зелеными глазам, и среди них доминировала гаплогруппа R1a. Было также доказано, что древние обитатели Таримского бассейна не принадлежали к субкладу R1a-Z93, доминирующему ныне в Азии, то есть были носителями либо рано отошедшей, ныне пресекшейся линии R1a (что вероятнее всего), либо какой-либо из европейских ветвей R1a-Z283 (Zhou 2014). Датировки самых ранних захоронений (3900 лет назад), предшествуют времени миграции ариев в Индию и Иран (3500-3600 лет назад). Это можно трактовать как то, что носители индоевропейских языков (R1a, по действующей гипотезе) достигли территории

Южной Сибири и Китая раньше, чем стали формироваться сатемные диалекты, давшие начало индо-иранским и балто-славянским языкам. Диалекты Центральной Азии и Сибири сохранили архаичные черты, свойственные кентумным языкам Западной Европы, но утраченные в сатемных языках Азии и Восточной Европы. Так что сходство языков тохар (видимо, потомков сяоюэчжи) с германскими уже не выглядит столь уж экзотичным. Еще более вероятно, что область распространения языков этой «восточно-кентумной» ветви была намного шире, и охватывала также даюэчжи и их соседей. Практически все их носители влились в состав тюркских народов или смешались с ираноязычными саками и согдами, за исключением кимвров (и тевтонов?), принявших участие в этногенезе германцев. Они-то и могли привнести в германские языки суперстрат, сблизивший эту ветвь с тохарскими. Находят в германских и заимствования из азиатских языков, никогда не контактировавших с европейцами в исторические времена. Например, енисейских, если принять трактовку протогерманского **hus* (дом) как заимствование из енисейского **χuˀs* (чум) (Гамкрелидзе 1984, с. 939).

Прямые указания на миграцию из Азии имеются и в германской мифологии. Вот цитата из «Саги об Инглингах», с которой начинается древнеисландский сборник, известный как «Круг Земной» (в квадратных скобках комментарии переводчика М.И. Стеблина-Каменского):

Большой горный хребет тянется с северо-востока на юго-запад [вероятно, имеются в виду Уральские горы]. Он отделяет Великую Швецию от других стран. Недалеко к югу от него расположена Страна Турок. Там были у Одина большие владения. В те времена правители римлян ходили походами по всему миру и покоряли себе все народы, и многие правители бежали тогда из своих владений. Так как Один был провидцем и колдуном, он знал, что его потомство будет населять северную окраину мира. Он посадил своих братьев Ве и Вили правителями в Асгарде, а сам отправился в путь и с ним все дии [одно из названий языческих богов, слово ирландского происхождения] и много другого народа. Он отправился сначала на запад в Гардарики [древнескандинавское название Руси], а затем на юг в Страну Саксов. У него было много сыновей. Он завладел землями по всей Стране Саксов и поставил там своих сыновей правителями. Затем он отправился на север, к морю, и поселился на одном острове. Это там, где теперь называется Остров Одина [исл. Óðinsey (из Óðinsvé — «святилище Одина»). Современное Оденсе, город на острове Фюн] на Фьоне.

Большинство исследователей трактует приведенный выше отрывок как наивную попытку вывести этимологию слова «Швеция» (Svíþjóð по-старонорвежски) из «Скифия» (Σκυθαι по-гречески) или кальку с библейских зачинов (...Авраам родил Исаака, и т.д.). А если взглянуть на карту Азии? Все совпадает, даже направления хребтов Западного Тяньшаня и Алая, отделяющих равнины Средней Азии от густонаселенных Ферганской долины и Сурхандарьинского оазиса - объекта набегов кочевников во все века. Снорри Стурулсон (1178 - 1241), записавший сагу, не мог привязать этот горный хребет к какому-либо из известных - ни один из географических трактатов, доступных ему в то время, не показывает гор, расположенных в таком направлении, кроме гор Норвегии. Последние могли отделять легендарный Асгард разве что от Балтийского моря. Значит, записал, так,

как было принято в традиции, не стал додумывать.

Если принять эту версию, то в ней парадоксальным образом оказываются верны две, казалось бы, взаимоисключающие гипотезы времен Древнего Рима: № 1 - о кельтоскифах, и № 2 - о древних германцах. Даже полуфантастическое бегство от наводнения может оказаться чистой правдой. Катастрофические наводнения рек Средней Азии, сопровождавшиеся сменой русла, а также колебания уровня Балхаша и Аральского моря достаточно хорошо документированы геологами (Yang 2009; Boroffka, 2009).

Следует остановиться и на версии № 3 – о жителях Восточной Европы. Согласно саге, путь легендарных асов пролегал через Гардарики (т.е. бассейн Днепра), а это означает, что к ним могла присоединиться часть местного населения, подобно жителям предгорий Альп - кельтским племенам амбронов и гельветов (тигуринов), вошедшим в коалицию с кимврами. Если, согласно гипотезе Щукина и Еременко (Щукин 1999), в Восточной Европе был переизбыток населения, то на хорошо организованную и вооруженную по последнему слову тогдашнего военного дела армию кимвров там вполне могла возлагать надежды на расширение своих земель. Возможно, наличием большого количества не столь искушенных в сражениях союзников можно объяснить значительный перевес пехоты над конницей в битве под Верцеллами, равно как и очевидную рассогласованность действий кимвров, приведшую к их разгрому.

Чтобы проверить гипотезу № 3, а также найти следы других азиатских линий у возможных потомков кимвров, помимо Q1a2, следует рассмотреть в деталях ветви гаплогруппы R1a, которые могут маркировать население Восточной Европы и Центральной Азии в последние столетия до н.э. На настоящий момент это представляется сложной задачей из-за крайне слабого охвата Средней Азии и коренных народов Сибири коммерческим ДНК тестированием. По Восточной Европе статистика более представительная, но пока недостаточная, чтобы распознать линии, дающие привязку к той или иной конкретной миграции из этого региона в Италию, Ютландию и Скандинавию. По этой теме предстоит дальнейшая работа, по мере накопления материала.

То же самое можно сказать и про другие направления поисков. Например, в решении загадки о происхождении древнескандинавской рунической письменности. Среди специалистов принято считать, что сходство в начертании ее букв с древнетюркскими рунами и нерасшифрованными надписями из Средней Азии V-III веков до н.э. – не более, чем случайность. Действительно это так, или все же знание одного из бытовавших в Центральной Азии алфавитов было кем-то принесено на север Европы? Вопрос пока далек от решения, однако, находка самой ранней из датированных надписей (гребень из Вимозе, 160 г. н.э.) на датском острове Фюн может косвенно указывать, где зародились руны. Гребень и нескольких других древних рунических надписей были найдены в 15 км от города Оденсе – Острова Одина из «Саги об Инглингах». Тоже случайность?

Выводы

Подводя итог обсуждению этой версии, можно отметить, что на сегодняшний день нет фактических данных, что позволили бы ее отвергнуть. Утвердившееся с античных времен мнение о кимврах с севера Европы ничем пока не подтверждается, тогда как в поддержку их азиатской родины имеется целый ряд признаков, которые сложно объяснить как-то иначе. Во-первых, это несоответствие демографических оценок, сведений о маршрутах, вооружении и тактике кимвров с их родиной на северо-западе Европы. Во-вторых, это наличие в том же регионе генеалогических линий, характерных для Центральной Азии, начало роста которых попадает на времена появления кимвров в Европе. В-третьих, это сведения из древнекитайских источников, археологии и антропологии, отмечающие значительные подвижки населения в Средней Азии (европеоидов по антропотипу) между 170 и 100 гг. до н.э., в ходе которых некоторая его часть оказалась вытесненной из региона. И в-четвертых, на миграцию из Азии какой-то части предков германцев указывают древнегерманские мифы, а также данные лингвистики.

При выборе между фантастикой и реальностью, чаша весов на настоящий момент склоняется к реальности. Более того, реконструированный ход событий не является чем-то экстраординарным. То же самое происходило спустя 500 лет, когда хорошо вооруженные и организованные степняки-гунны, которых принято отождествлять с сюнну из «Ши цзи», вторглись в Европу, подчинили или сделали своими союзниками многочисленные народы, надеявшиеся на свою долю в раздираемой на части Римской Империи, и затем лицом к лицу столкнулись с объединенными силами наследовавших Империи королевств на Каталаунских полях. Точно так же, как кимвры после Верцелл, гунны вскоре превратились в народ-призрак, не оставивший материальных следов, которые можно было бы трактовать как бесспорно гуннские. Поиск их меток в ДНК – это отдельная задача, которую пока даже неясно, как ставить. Принципиальное различие этих двух вторжений состоит в том, что в конце II века до н.э. находившаяся на подъеме Римская Республика нашла в себе силы ответить на вызов с Востока и выйти из столкновения окрепшей для завоевания всего античного мира, а ее одряхлевшая преемница распалась еще до прямого контакта с гуннами. Пока это всего лишь гипотеза, но у нее есть одно существенное достоинство: ее можно подтвердить или опровергнуть экспериментальным путем - через анализ ДНК, как древней, так и современной. По определению К. Поппера, критерием научности модели является принцип фальсифицируемости, то есть возможности поставить реальный или мысленный эксперимент, ее опровергающий. Про многие из устоявшихся исторических догматов этого сказать нельзя, если они опираются по преимуществу на многократное повторение когда-то кем-то высказанного мнения.

Благодарность

Проделанный в статье анализ первоисточников был бы невозможен без существования интернет-портала Perseus (www.perseus.tufts.edu), на котором

предоставлен открытый доступ к значительной части античной литературы на языке оригинала, а каждое слово текста снабжено ссылками на академические словари древнегреческого и латинского языков. Это дает возможность самостоятельно проверять точность переводов и оценивать различные трактовки неясных мест. Автор приносит искреннюю благодарность создателям и администраторам этого интернет-ресурса.

ЛИТЕРАТУРА

Август 1990 - *Шифман И.Ш.* Цезарь Август. Л.: Наука, 1990.

Анней Флор 1977 - *Луций Анней Флор* - историк древнего Рима / Перевод А.И. Немировского и М.Ф. Дашковой. Воронеж: Изд. Воронеж. ун-та, 1977. 167 с.

Аппиан 2002 - *Аппиан Александрийский*. Римская история / Перевод с греческого и комментарии С.П. Кондратьева. М.: Издательство АСТ, Ладомир, 2002. 878 с.

Боровкова 2001 - *Боровкова Л.А.* Царства «западного края» во II-I веках до н.э. (Восточный Туркестан и Средняя Азия по сведениям из «Ши цзи» и «Хань шу»). М.: Институт востоковедения РАН, 2001. 353 с.

Гамкрелидзе, Иванов 1984 – *Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси: Изд. Тбилисского ун-та, 1984. 1328 с.

Круг Земной 1980 - *Снорри Стурлусон*. Круг Земной / Перевод А.Я. Гуревич, Ю.К. Кузьменко, О.А. Смирницкой, М.И. Стеблин-Каменского. М.: Наука, 1980. 688 с.

Ливий 2002 - *Тит Ливий*. История Рима от основания Города. В 3 т. Т. 3 / Перевод М.Л. Гаспарова. М.: Ладомир, 2002. 795 с.

Плутарх 1994 - *Плутарх*. Сравнительные жизнеописания в двух томах. Т. 1 / Перевод С.А. Ошерова. М.: Наука, 1994.

Рожанский 2010 – *Рожанский И.Л.* Загадка кимвров. Опыт историко-генеалогического расследования // Вестник Российской Академии ДНК-генеалогии. 2010. Т. 3. № 4. С. 545-594.

Страбон 1964 - *Страбон*. География: В 17 кн. / Перевод, статья и комментарии Г.А. Стратановского. Л.: Наука, 1964. 943 с.

Сыма Цянь - *Сыма Цянь.* Ши цзы. Давань ле чжуань / Электронный ресурс: http://ctext.org/shiji/da-wan-lie-zhuan (дата обращения – 18.04.2015).

Сыма Цянь 2010 - *Сыма Цянь*. Исторические записки. Том IX / Перевод А.Р. Вяткина. М.: Восточная литература, 2010. 624 с.

Толстов 1948 - *Толстов С.П.* Древний Хорезм. М.: Изд. МГУ, 1948. 439 с.

Щукин 1999 - *Щукин М.Б., Еременко В.Е.* К проблеме кимвров, тевтонов и кельтоскифов: три загадки // Археологический сборник Гос. Эрмитажа. 1999. № 34. С. 134-160 / Электронный ресурс: http://www.archaeology.ru/Download/Eremenko/Eremenko_1999_Kimbri.pdf (дата обращения – 18.04.2015).

Allenloft 2015 - *Allenloft M.E. et al.* Population genomics of Bronze Age Eurasia // Nature. 2015. V. 522. S. 167–172.

Annaeus Florus 1929 - *Lucius Annaeus Florus*. Epitome of Roman history / Translated by J.C. Rolfe. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1929 / Электронный ресурс: http://penelope.uchicago.edu/Thayer/E/Roman/Texts/Florus/Epitome/home.html (дата обращения – 18.04.2015).

Appian 1879 - *Appian.* The Foreign Wars. L. Mendelssohn. Leipzig: Teubner, 1879 / Электронный ресурс: http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus%3Atext%3A1999.01.0229%3Atext%3DGall.%3Achapter%3D1%3Asection%3D5 (дата обращения – 24.02.2016).

Appian 1899 - *Appian*. The Foreign Wars. Horace White. New York: The Macmillan Company, 1899 / Электронный ресурс: http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus%3Atext%3A1999.01.0230%3Atext%3DGall.%3Achapter%3D1%3Asection%3D5 (дата обращения – 18.04.2015).

Augustus - The Deeds of the Divine Augustus. Translated by Thomas Bushnell, BSG / Электронный

ресурс: http://classics.mit.edu/Augustus/deeds.html (дата обращения – 18.04.2015).

Banatvala 1998 - *Banatvala N. et al*. Mortality and morbidity among Rwandan refugees repatriated from Zaire, November, 1996 // Prehosp. Disaster Med. 1998. 13 (2-4). S. 17-21.

Børglum 2002 - *Børglum A.D. et al.* Population genetic study of possible descendants of the Cimbri in Denmark and Italy // Bienn Books EAA. 2002. V. 2. S. 169–178.

Børglum 2007 - *Børglum A.D. et al*. No Signature of Y Chromosomal Resemblance Between Possible Descendants of the Cimbri in Denmark and Northern Italy // Am. J. Phys. Anthropology. 2007. V. 132. S. 278–284.

Boroffka 2009 - *Boroffka N.* Archaeology and its relevance to the history of climate and hydrology, International Conference Aral '09 (12-15 October, Saint Petersburg, Russia), presentation / Электронный ресурс: http://www.zin.ru/conferences/Aral2009/ppt/Boroffka.pdf (дата обращения – 18.04.2015).

Caesar Augustus - *Caesar Augustus.* Res Gestae Divi Augusti / Электронный ресурс: http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus%3atext%3a1999.02.0127 (дата обращения – 24.02.2016).

Gawronski 2004 - *Gawronski R.S.* Some Remarks on the Origins and Construction of the Roman Military Saddle // Archeologia. 2004. V. 55. S. 31-40.

Haak 2015 - *Haak W. et al*. Massive migration from the steppe was a source for Indo-European languages in Europe // Nature. 2015. V. 522. S. 207–211.

Heimskringla 1844 – Heimskringla or the Chronicle of the Kings of Norway / English translation by Samuel Laing. London, 1844 / Электронный ресурс: http://omacl.org/Heimskringla/ (дата обращения – 18.04.2015).

Helgason 2015 - *Helgason A. et al*. The Y-chromosome point mutation rate in humans // Nature Genetics. 2015. V. 47. S. 453–457.

Hubert 1934 - *Hubert H.* The Greatness and Decline of the Celts // London: K. Paul, Trench Trubner, 1934. 314 p.

Keyser 2009 - *Keyser C. et al.* Ancient DNA provides new insights into the history of south Siberian Kurgan people // Human Genetics. 2009. V. 126. S. 395-410.

Li 2010 - *Li C. et al.* Evidence that a West-East admixed population lived in the Tarim Basin as early as the early Bronze Age // BMC Biology. 2010. V. 8, 15 / Электронный ресурс: http://www.biomedcentral.com/content/pdf/1741-7007-8-15.pdf (дата обращения – 18.04.2015).

Livy 1850 - *Livy*. History of Rome by Titus Livius: the epitomes of the lost books / Literally translated, with notes and illustrations, by. William A. McDevitte. London: Bohn, Child and son, 1850 / Электронный ресурс: http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus%3atext%3a1999.02.0150 (дата обращения – 18.04.2015).

Loeschner 2008 - *Loeschner H.* Notes on the Yuezhi – Kushan Relationship and Kushan Chronologyю // ONS Member Articles, 2008. 28 p. / Электронный ресурс: http://www.onsnumis.org/publications/Yuezhi-Kushan_Hans-Loeschner_2008-04-15.pdf (дата обращения – 18.04.2015).

Lucius Annaeus Florus 1929 - *Lucius Annaeus Florus.* Epitome of Roman history. Florus, Lucius Annaeus. Edward Seymour Forster. London: William Heinemann; New York: G.P. Putnam's Sons, 1929 / Электронный ресурс: http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus:text:2008.01.0496: book=1:topic=38:chapter=3&highlight=cimbros%2Ccimbri (дата обращения – 24.02.2016).

Lucotte 2015 - *Lucotte G.* The Major Y-Chromosome Haplogroup R1b-M269 in West-Europe, Subdivided by the Three SNPs S21/U106, S145/L21 and S28/U152, Shows a Clear Pattern of Geographic Differentiation // Advances in Anthropology. 2015. V. 5. S. 22-30.

Mallory 1997 - *Mallory J.P. and Adams D.Q.* Encyclopedia of Indo-European culture. Fitzroy Dearborn, 1997. 829 p.

Namba Walter 2006 - *Namba Walter M.* Sogdians and Buddhism, Sino-Platonic Papers, 2006. №. 174. 89 p. / Электронный ресурс: http://www.sino-platonic.org/complete/spp174_sogdian_buddhism.pdf (дата обращения – 18.04.2015).

Nielsen 2005 - *Nielsen S. et al.* The Gundestrup Cauldron. New Scientific and Technical Investigation // Acta Archaeologica. 2005. V. 76. S. 1-58.

Plutarch 1920 - *Plutarch*. Plutarch's Lives. Translation by Bernadotte Perrin. Cambridge, MA:

Harvard University Press, 1920 / Электронный ресурс: http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus%3atext%3a2008.01.0049 (дата обращения – 18.04.2015).

Plutarch 1920 - *Plutarch.* Plutarch's Lives. with an English Translation by Bernadotte Perrin. Cambridge, M.A. Harvard University Press. London. William Heinemann Ltd., 1920 / Электронный ресурс: http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus%3atext%3a2008.01.0132 (дата обращения – 24.02.2016).

Purps 2014 - *Purps J. et al.* A global analysis of Y-chromosomal haplotype diversity for 23 STR loci // Forensic Science International: Genetics. 2014. V. 12. S. 12–23.

Robino 2015 - *Robino C. et al.* Development of an Italian RM Y-STR haplotype database: Results of the 2013 GEFI collaborative exercise // Forensic Science International: Genetics. 2015. V. 15. S. 56-63.

Strabo 1924 - *Strabo*. Ed. H. L. Jones, The Geography of Strabo. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1924 / Электронный ресурс: http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus%3atext%3a1999.01.0198 (дата обращения – 18.04.2015).

Strabo 1877 - *Strabo.* Ed. A. Meineke, Geographica. Leipzig: Teubner, 1877 / Электронный ресурс: http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus%3atext%3a1999.01.0197 (дата обращения – 18.04.2015).

Szécsényi-Nagy 2015 - *Szécsényi-Nagy et al.* Tracing the genetic origin of Europe's first farmers reveals insights into their social organization // Proceedings of the Royal Society B. 2015. V. 282. №. 1805, 20150339.

White 1964 - *White L., Jr.* Medieval Technology and Social Change. Oxford: Oxford University Press, 1964. 194 p.

Yang 1999 - *Yang J.-M.* Ancient Chinese Weapons: A Martial Artist's Guide // Boston: YMMA Publication Center, 1999. 144 p.

Yang 2009 - *Yang B. et al.* Late Holocene climatic and environmental changes in arid central Asia // Quaternary International. 2009. V. 194. pp. 68–78.

Ynglinga saga - Ynglinga saga / Электронный ресурс: http://norse.ulver.com/src/konung/heimskringla/ynglinga/on1.html (дата обращения – 18.04.2015).

Zhou 2014 – *Zhou H.* The origin of Xiaohe Bronze Age mummy: Comment to Li C., et al. Evidence that a West-East admixed population lived in the Tarim Basin as early as the early Bronze Age / Электронный ресурс: http://bmcbiol.biomedcentral.com/articles/10.1186/1741-7007-8-15/comments (дата обращения – 18.04.2015).

REFERENCES

Allenloft 2015 - *Allenloft M.E. et al.* Population genomics of Bronze Age Eurasia, in: Nature, 2015, V, 522, pp. 167–172 [in English].

Annaeus Florus 1929 - *Lucius Annaeus Florus*. Epitome of Roman history / Translated by J.C. Rolfe. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1929, Electronic resource: http://penelope.uchicago.edu/Thayer/E/Roman/Texts/Florus/Epitome/home.html (Date of access – 18.04.2015) [in English].

Annej Flor 1977 - *Lucij Annej Flor* - istorik drevnego Rima / Perevod A.I. Nemirovskogo i M.F. Dashkovoj [Lucius Annaeus Florus is a historian of ancient Rome / Translation of A.I. Nemirovsky and M.F. Dashkova], Voronezh, Izd. Voronezh. un-ta Publ., 1977, 167 p. [in Russian].

Appian 1879 - *Appian.* The Foreign Wars. L. Mendelssohn. Leipzig: Teubner, 1879, Electronic resource: http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus%3Atext%3A1999.01.0229%3Atext%3DGall.%3Achapter%3D1%3Asection%3D5 (Date of access – 24.02.2016) [in English].

Appian 1899 - *Appian*. The Foreign Wars. Horace White. New York: The Macmillan Company, 1899, Electronic resource: http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus%3Atext%3A1999.01.0230%3Atext%3DGall.%3Achapter%3D1%3Asection%3D5 (Date of access – 18.04.2015) [in English].

Appian 2002 - *Appian* Aleksandrijskij. Rimskaja istorija / Perevod c grecheskogo i kommentarii S.P. Kondrat'eva [The Roman history / Translation with Greek and comments S.P. Kondratyev], Moscow, Izdatel'stvo AST, Ladomir Publ., 2002, 878 p. [in Russian].

Augustus - The Deeds of the Divine Augustus. Translated by Thomas Bushnell, BSG, Electronic

resource: http://classics.mit.edu/Augustus/deeds.html (Date of access – 18.04.2015) [in English].

Avgust 1990 - *Shifman I.Sh.* Cezar' Avgust [Caesar Augustus], Leningrad, Nauka Publ., 1990 [in Russian].

Banatvala 1998 - *Banatvala N. et al*. Mortality and morbidity among Rwandan refugees repatriated from Zaire, November, 1996, in: Prehosp. Disaster Med., 1998, 13 (2-4), pp. 17-21 [in English].

Børglum 2002 - *Børglum A.D. et al.* Population genetic study of possible descendants of the Cimbri in Denmark and Italy, in: Bienn Books EAA, 2002, V. 2, pp. 169–178 [in English].

Børglum 2007 - *Børglum A.D. et al*. No Signature of Y Chromosomal Resemblance Between Possible Descendants of the Cimbri in Denmark and Northern Italy, in: Am. J. Phys. Anthropology, 2007, V. 132, pp. 278–284 [in English].

Boroffka 2009 - *Boroffka N.* Archaeology and its relevance to the history of climate and hydrology, International Conference Aral '09 (12-15 October, Saint Petersburg, Russia), presentation, Electronic resource: http://www.zin.ru/conferences/Aral2009/ppt/Boroffka.pdf (Date of access – 18.04.2015) [in English].

Borovkova 2001 - *Borovkova L.A.* Carstva «zapadnogo kraja» vo II-I vekah do n.je. (Vostochnyj Turkestan i Srednjaja Azija po svedenijam iz «Shi czi» i «Han' shu») [Kingdoms of «the western edge» in the 2-1st centuries BC. (East Turkistan and Central Asia according to data from «Records of the Grand Historian» and «Book of Han»)], Moscow, Institut vostokovedenija RAN Publ., 2001, 353 p. [in Russian].

Caesar Augustus - *Caesar Augustus.* Res Gestae Divi Augusti [The Deeds of the Divine Augustus], Electronic resource: http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus%3atext%3a1999.02.0127 (Date of access – 24.02.2016) [in Latin].

Gamkrelidze, Ivanov 1984 – *Gamkrelidze T.V., Ivanov V.V.* Indoevropejskij jazyk i indoevropejcy [Indo-European language and Indo-Europeans], Tbilisi, Izd. Tbilisskogo un-ta Publ., 1984, 1328 p. [in Russian].

Gawronski 2004 - *Gawronski R.S.* Some Remarks on the Origins and Construction of the Roman Military Saddle, in: Archeologia, 2004, V. 55, pp. 31-40 [in English].

Haak 2015 - *Haak W. et al*. Massive migration from the steppe was a source for Indo-European languages in Europe, in: Nature, 2015, V. 522, pp. 207–211 [in English].

Heimskringla 1844 – Heimskringla or the Chronicle of the Kings of Norway / English translation by Samuel Laing. London, 1844, Electronic resource: http://omacl.org/Heimskringla/ (Date of access – 18.04.2015) [in English].

Helgason 2015 - *Helgason A. et al*. The Y-chromosome point mutation rate in humans, in: Nature Genetics, 2015, V. 47, pp. 453–457 [in English].

Hubert 1934 - *Hubert H.* The Greatness and Decline of the Celts, in: London: K. Paul, Trench Trubner Publ., 1934, 314 p. [in English].

Keyser 2009 - *Keyser C. et al.* Ancient DNA provides new insights into the history of south Siberian Kurgan people, in: Human Genetics, 2009, V. 126, pp. 395-410 [in English].

Krug Zemnoj 1980 - *Snorri Sturluson.* Krug Zemnoj / Perevod A.Ja. Gurevich, Ju.K. Kuz'menko, O.A. Smirnickoj, M.I. Steblin-Kamenskogo [Heimskringla / Translation A.Ya. Gurevich, Yu.K. Kuzmenko, O.A. Smirnitskoy, M.I. Steblin-Kamensky], Moscow, Nauka Publ., 1980, 688 p. [in Russian].

Li 2010 - *Li C. et al.* Evidence that a West-East admixed population lived in the Tarim Basin as early as the early Bronze Age, in: BMC Biology, 2010, V. 8, 15, Electronic resource: http://www.biomedcentral.com/content/pdf/1741-7007-8-15.pdf (Date of access – 18.04.2015) [in English].

Livij 2002 - *Tit Livij.* Istorija Rima ot osnovanija Goroda. V 3 t. T. 3 / Perevod M.L. Gasparova [History of Rome from the founding of the city. In three volumes. Volume 3 / Translation of M.L. Gasparov], Moscow, Ladomir Publ., 2002, 795 p. [in Russian].

Livy 1850 - *Livy*. History of Rome by Titus Livius: the epitomes of the lost books / Literally translated, with notes and illustrations, by. William A. McDevitte. London: Bohn, Child and son, 1850, Electronic resource: http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus%3atext%3a1999.02.0150 (Date of access – 18.04.2015) [in English].

Loeschner 2008 - *Loeschner H.* Notes on the Yuezhi – Kushan Relationship and Kushan Chronologyю, in: ONS Member Articles, 2008, 28 p., Electronic resource: http://www.onsnumis.org/publications/Yuezhi-Kushan_Hans-Loeschner_2008-04-15.pdf (Date of access – 18.04.2015) [in English].

Lucius Annaeus Florus 1929 - *Lucius Annaeus Florus.* Epitome of Roman history. Florus, Lucius Annaeus. Edward Seymour Forster. London: William Heinemann; New York: G.P. Putnam's Sons, 1929, Electronic resource: http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus:text:2008.01.0496:book=1:topic=38:chapter=3&highlight=cimbros%2Ccimbri (Date of access – 24.02.2016) [in English].

Lucotte 2015 - *Lucotte G.* The Major Y-Chromosome Haplogroup R1b-M269 in West-Europe, Subdivided by the Three SNPs S21/U106, S145/L21 and S28/U152, Shows a Clear Pattern of Geographic Differentiation, in: Advances in Anthropology, 2015, V. 5, pp. 22-30 [in English].

Mallory 1997 - *Mallory J.P. and Adams D.Q.* Encyclopedia of Indo-European culture. Fitzroy Dearborn, 1997, 829 p. [in English].

Namba Walter 2006 - *Namba Walter M.* Sogdians and Buddhism, Sino-Platonic Papers, 2006. №. 174. 89 p., Electronic resource: http://www.sino-platonic.org/complete/spp174_sogdian_buddhism.pdf (Date of access – 18.04.2015) [in English].

Nielsen 2005 - *Nielsen S. et al.* The Gundestrup Cauldron. New Scientific and Technical Investigation, in: Acta Archaeologica, 2005, V. 76, pp. 1-58 [in English].

Plutarch 1920 - *Plutarch*. Plutarch's Lives. Translation by Bernadotte Perrin. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1920, Electronic resource: http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus%3atext%3a2008.01.0049 (Date of access – 18.04.2015) [in English].

Plutarch 1920 - *Plutarch.* Plutarch's Lives. with an English Translation by Bernadotte Perrin. Cambridge, M.A. Harvard University Press. London. William Heinemann Ltd., 1920, Electronic resource: http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus%3atext%3a2008.01.0132 (Date of access – 24.02.2016) [in English].

Plutarh 1994 - *Plutarh.* Sravnitel'nye zhizneopisanija v dvuh tomah. T. 1 / Perevod S.A. Osherova [Comparative biographies in two volumes. Volume 1 / Translation of S.A. Osherov], Moscow, Nauka Publ., 1994 [in Russian].

Purps 2014 - *Purps J. et al.* A global analysis of Y-chromosomal haplotype diversity for 23 STR loci, in: Forensic Science International: Genetics, 2014, V. 12, pp. 12–23 [in English].

Robino 2015 - *Robino C. et al.* Development of an Italian RM Y-STR haplotype database: Results of the 2013 GEFI collaborative exercise, in: Forensic Science International: Genetics, 2015, V. 15, pp. 56-63 [in English].

Rozhanskij 2010 – *Rozhanskij I.L.* Zagadka kimvrov. Opyt istoriko-genealogicheskogo rassledovanija [Riddle of Cimbri. Experience of historical and genealogical investigation], in: Vestnik Rossijskoj Akademii DNK-genealogii [Bulletin of the Russian Academy of DNA genealogy], 2010, T. 3, № 4, pp. 545-594 [in Russian].

Shhukin 1999 - *Shhukin M.B., Eremenko V.E.* K probleme kimvrov, tevtonov i kel'toskifov: tri zagadki [To a problem of Cimbri, Tevton and Keltoskif: three riddles], in: Arheologicheskij sbornik Gos. Jermitazha [Archaeological collection of the State Hermitage], 1999, № 34, pp. 134-160, Electronic resource: http://www.archaeology.ru/Download/Eremenko/Eremenko_1999_Kimbri.pdf (Date of access – 18.04.2015) [in Russian].

Strabo 1877 - *Strabo.* Ed. A. Meineke, Geographica. Leipzig: Teubner, 1877, Electronic resource: http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus%3atext%3a1999.01.0197 (Date of access – 18.04.2015) [in English].

Strabo 1924 - *Strabo*. Ed. H. L. Jones, The Geography of Strabo. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1924, Electronic resource: http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus%3atext%3a1999.01.0198 (Date of access – 18.04.2015) [in English].

Strabon 1964 - *Strabon.* Geografija: V 17 kn. / Perevod, stat'ja i kommentarii G.A. Stratanovskogo [Geography: In the 17th books / Translation, article and comments G.A. Stratanovsky], Leningrad, Nauka Publ., 1964, 943 p. [in Russian].

Syma Cjan' - *Syma Cjan'.* Shi czy. Davan' le chzhuan' [Records of the Grand Historian], Electronic resource: http://ctext.org/shiji/da-wan-lie-zhuan (Date of access – 18.04.2015) [in Russian].

Syma Cjan' 2010 - *Syma Cjan'.* Istoricheskie zapiski. Tom IX / Perevod A.R. Vjatkina [Records of the Grand Historian. Volume IX / Translation of A.R. Vyatkin], Moscow, Vostochnaja literatura Publ., 2010, 624 p. [in Russian]

Szécsényi-Nagy 2015 - *Szécsényi-Nagy et al.* Tracing the genetic origin of Europe's first farmers reveals insights into their social organization, in: Proceedings of the Royal Society B. 2015, V. 282, №. 1805, 20150339 [in English].

Tolstov 1948 - *Tolstov S.P.* Drevnij Horezm [Ancient Khwarezm], Moscow, Izd. MGU Publ., 1948, 439 p. [in Russian].

White 1964 - *White L., Jr.* Medieval Technology and Social Change. Oxford, Oxford University Press Publ., 1964, 194 p. [in English].

Yang 1999 - *Yang J.-M.* Ancient Chinese Weapons: A Martial Artist's Guide, in: Boston: YMMA Publication Center, 1999, 144 p. [in English].

Yang 2009 - *Yang B. et al.* Late Holocene climatic and environmental changes in arid central Asia, in: Quaternary International, 2009, V. 194, pp. 68–78 [in English].

Ynglinga saga - Ynglinga saga [Ynglinga saga], Electronic resource: http://norse.ulver.com/src/konung/heimskringla/ynglinga/on1.html (Date of access – 18.04.2015) [in Icelandic].

Zhou 2014 – *Zhou H.* The origin of Xiaohe Bronze Age mummy: Comment to Li C., et al. Evidence that a West-East admixed population lived in the Tarim Basin as early as the early Bronze Age, Electronic resource: http://bmcbiol.biomedcentral.com/articles/10.1186/1741-7007-8-15/comments (Date of access – 18.04.2015) [in English].

Рожанский Игорь Львович – Кандидат химических наук,
член научного совета Академии ДНК-генеалогии.
Rozhanskii Igor – Candidate of chemical sciences,
Member of scientific council of the Academy of DNA-Genealogy.
Email: igorrozhanskii@gmail.com

УДК 930.2

БЫЛА ЛИ «ПОВЕСТЬ О НАШЕСТВИИ ПЕРСИДСКОГО ЦАРЯ ХОЗРОЯ НА ЦАРЬГРАД» ОБРАЗЦОМ ДЛЯ НАПИСАНИЯ «ПОВЕСТИ О ТЕМИР-АКСАКЕ»?

Д.А. Ляпин
Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина
Россия, 399770, Липецкая область, Елец, ул. Коммунаров, д. 28
e-mail: denis-l@mail.ru
SPIN-код: 1232-3144

Авторское резюме

В статье сопоставляются два памятника русской средневековой письменности: «Повесть о Темир-Аксаке» и «Повесть о нашествии персидского царя Хозроя на Царьград». В результате, автор приходит к выводу, что мнение о решающем влиянии переводной греческой истории о нашествии Хозроя на Царьград на создание повести о Темир-Аксаке не объективно. Важнейшим творческим источником этого произведения был библейский рассказ из книги пророка Исайи о нашествии ассирийского войска на Иудею.

Ключевые слова: «Повесть о Темир-Аксаке», «Повесть о нашествии персидского царя Хозроя на Царьград», идеология Московского государства.

WAS *THE STORY OF THE INVASION OF CONSTANTINOPLE BY THE PERSIAN EMPEROR KHOSROW* A SOURCE FOR *THE TALE OF TEMIR-AKSAK*?

Denis Lyapin
Bunin Yelets state University
28 The Commoners Street, Lipetsk region, Yelets, 399770, Russia
e-mail: denis-l@mail.ru

Abstract

The article compares two documents from Russian medieval literature: *The Tale of Temir-Aksak* and *The Tale of the Invasion of Constantinople by the Persian Emperor Khosrow*. The author concludes that the story, translated from Greek, about the invasion of Constantinople by Khosrow was not the inspiration behind the tale of Temir-Aksak. The primary creative source of this work was the biblical story from the book of the prophet Isaiah of the Assyrian invasion of Judah.

Keywords: *The Tale of Temir-Aksak*, *The Tale of the Invasion Constantinople by Persian Emperor Khosrow*, ideology of Muscovy.

* * *

«Повесть о Темир-Аксаке» - выдающийся памятник русской литературы XV в., который повествует о событиях, связанных с приходом известного среднеазиатского завоевателя Тамерлана (Темир-Аксака) с войском к русским землям и о его

неожиданном отступлении от границ Руси. Центральное место в проведении занимает идея заступничества Богородицы, явившиеся ответом на молитвы русских людей. После своего возникновения в начале XV в. памятник получил множество редакции и дополнений, связанных с его популярностью и идеологическими установками формировавшегося Русского государства.

«Повести о Темир-Аксаке» давно и обстоятельно изучается историками и литературоведами. Дискуссии по поводу различных проблем, связанных с изучением этого памятника, продолжаются и сегодня. Историки справедливо отмечают сложную структуру памятника, его многочисленные правки и дополнения в разное время. В этой связи наметилась тенденция пересмотра многих традиционных представлений о повести. На наш взгляд, среди таких представлений, прежде всего, должно быть устоявшееся мнение, что главным источником для написания произведения послужила «Повесть о нашествии персидского царя Хозроя на Царьград» (Черепнин 1960: 673–682; Гребенюк 1971: 185–206).

В статье посвященной семантике образов и чисел «Повести о Темир-Аксаке» (далее - «Повести») нами было выдвинуто мнение, что ее основным творческим источником послужил рассказ книги пророка Исайи о нашествии ассирийского царя Синнахирима на Израиль (Ис. 36:1-38) (Ляпин 2015: 97-113). Однако в этой статье, в силу ограниченности объема мы не смогли уделить специального места анализу «Повести о нашествии персидского царя Хозроя на Царьград» (Далее – «Повесть о нашествии») (ГИМ: 181–192 об.). В данной статье мы ставим своей целью показать, что схожесть двух произведений не так значительна, как может показаться на первый взгляд, и история о Хозрое не являлась образцом для написания «Повести о Темир-Аксаке».

«Повесть о нашествии персидского царя Хозроя на Царьград»: текстологические особенности, сюжет и идеологическое наполнение

Русские паломники XIV-XV вв., направляющиеся в Константинополь, как правило, посещали одно из важнейших святых мест в столице православного мира – монастырь Святого Димитрия на берегу моря, в котором лежали мощи царя Ласкарнасафа, здесь был еврейский квартал, от которого и морской залив назывался Иудейским морем. Но главное, что здесь «было знамение: приходил Хозрой, царь персидский, ратью на Царьград и уже готов был взять город. И был в Царьграде плач великий. Тогда явился бог некоему старцу и сказал: “Возьмите пояс святой Богородицы и омочите конец его в море”. И сотворили все так с пением и плачем. Возмутилось море и разбило вражеские корабли о городскую стену. Тут и ныне кости их белеются, как снег, при городской стене близ Иудейских ворот» (Из странствия Стефана Новгородца 1984: 272).

Приведенный текст - отрывок из сочинения Стефания Новгородца о путешествии в Константинополь, который совершил свое «хожение», как считается в 1348-1349 гг. (Сахаров 1849: 49). Русский паломник описывает историю главного места, где произошло чудо во время нашествия врага – морская гавань, в которой потонули персидские корабли от внезапного шторма, разыгравшегося на море. По

местному преданию во время нашествия персидского царя Хозроя на Константинополь в начале VII в. здесь чудесным образом потонул неприятельский флот. Это предание бытовало на протяжении нескольких столетий, и постепенно на его основе появилась отдельная повесть, рассказывающая об этом событии. К сожалению, в историографии это произведение очень слабо изучено, вероятно, в силу того, что с литературной точки зрения оно не является успешным.

Веротяно, «Повесть о нашествии» была переведены с греческого языка в XIV-XV вв., однако не получила большого распространения, а в начале XVI в. вошла в состав одного из сборников. Местом бытования памятника на Руси была Москва, и переводчик был близок к местным церковным кругам. Перевод памятника для русского читателя можно с уверенностью назвать неудачным: он имеет громоздкую структуру, сбивчивое изложение, содержит запутанный и неясный рассказ о морских сражениях и поведении императора Ираклия, не к месту упоминает имена мятежных греческих полководцев. Чтобы разобраться в этих событиях, необходимо хорошо ориентироваться в византийской истории VII в. Русский переводчик адаптировать текст, даже в тех местах, которые не могли быть понятны русскому читателю. В силу этих обстоятельств памятник так и не получил широкого распространения на Руси.

Прежде чем перейти к рассмотрению сюжета произведения, остановимся на реальных событиях, которые легли в основу этого произведения. В 603 г., воспользовавшись политическим кризисом в Византии, персидский царь Хозрой с огромным войском вторгается в восточные провинции империи, завоевывая Армению, Сирию, Израиль. Одновременно с запада на Византию обрушивается конница авар. В ходе затянувшийся войны новый император Ираклий сумел к 627 г. освободить свои владения от врагов. Критическим моментом противостояния была осада Константинополя: вначале от стен столицы были отбиты авары, а затем Ираклий отправился сражаться с Хозроем, который, несмотря на численный перевес, потерпел поражение в бою и бежал. (Гиббон 2004: 122).

Эти реальные события обросли со временем преданиями и легендами. Конечно, осада столицы империи с двух сторон аварами и персами произвела большое впечатление на византийцев, а местные книжники объясняли чудесное спасение города Божественным промыслом. В результате персы и авары в народной памяти слились в образ единого врага, наступавшего с востока, а войско царя Хозроя стало именоваться «скифами». Память о том, что неприятель не смог преодолеть морскую преграду стала основой для появления мифа о гибели «скифских» кораблей от внезапной бури, главное сражение было перенесено под стены Константинополя, а победа объяснялась божественным заступничеством.

На основании этих преданий в местных церковных кругах была составлена «Повесть о нашествии персидского царя Хозроя», переведенная затем в Москве на церковно-славянский язык.

Русский памятник начинается с прославления Богородицы: «споминание являющи Преславной, бывшего чудеси, егда персии варвары царство и град отблегоша бранию иже и погибоша Божиим судом, искушение бывше град же невреден и соблюден быв молитвами Пресвятой Богородицы госпожи нашей…».

Уже это начало определяет смысловую нагрузку памятника: показать заступничество Богородицы за Константинополь, собственно говоря, именно Богородица – главный герой этого произведения.

Затем в повести рассказывается о том, как персидский царь Хозрой послал своего воеводу «с множеством вои во всю восточную сторону иже под греческую властью». Персы сумели захватить много земель и городов, пользуясь усобицами в Византии, где власть захватил «мучитель» Фока. Наконец персы достигли Константинополя, как раз накануне этого Фока был свергнут и к власти пришел Ираклий. Видя положение дел, новый правитель решил собрать корабли и уплыть из столицы («море убо корабли наполни»). После этого Хозрой с войском подошел к городу и приготовился к штурму, вызвав смятение у патриарха Сергия и жителей. Но затем патриарх принялся ободрять жителей Царь града: «тогда сущии патриархом утешаемы бываху и учимы не отпасть надеждою, но на Бога упованием спасение наше возложим и к нему руци и очи от всех едома возведем».

Затем в тексте рассказывается, как один воин – Осий, оставленный для командования над местным гарнизоном начал готовится к обороне города («мудроставовати»). Рассказчик сравнивает его воинское мужество и хитрость с достоинствами библейских героев - Иисуса Навина и Гедеона. Осий вместе с патриархом Сергием сумели навести порядок в городе, ободрил и вооружил жителей. Патриарх в это время взял икону Божьей матери с младенцем и устроил крестный ход по стенам. После этого на варваров напали «страх и бегание и пагуба».

После этого автор описывает моление патриарха и начало осады города. Это описание сводится к помощи Богородицы грекам: именно она помогала когда «бяше десять скиф собратися на единого гречина». Богородица сравнивается с воеводой, который руководил ходом битвы, но «скифы» не поняли, что осажденным помогает сама Божья матерь и «дерзостью наполнившееся» продолжали сражаться. Несмотря на это патриарх предложил начать переговоры с врагами о мире, но «каган зверонравен» ответил гордым отказом. Жители, узнав ответ, испугались и отправились молиться в храмы, а время враг «яко един человек» атаковал город с моря и суши.

Причем Хозрой решил главный удар нанести с моря, посадив на корабли избранных воинов. Когда вражеские корабли оказались напротив района Влахерн, где находилась церковь Богородицы, на море поднялась ужасная буря «и волна шеся убо на враги Божией матери, сурово убо наскокание», и тогда «толика же радость и сила одержася градские воя, варвары же боялись велися». Ободренные такой удачей жители Константинополя принялись атаковать врага, причем в этой атаке принимали участие и женщины, которые «много убийств сотворили». Затем загорелись на стенах леса, сооруженные для осады, и все люди возвели к небу руки, радуясь, что «десная рука Богородицы крушит врагов».

Это чудо на море является центральным эпизодом произведения, далее «безумный каган» с множеством воинов бежал от города. Затем, с 186 листа до оборота листа 192 следуют пространные рассуждения о случившемся, суть которых сводится к восхвалению Бога и Богородицы, которые заступились за город, несмотря на силу врага. Здесь же рассказывается о том, сколько стран завоевали персы, надеясь

на множество воинов «мздоприведенных» и «на уготовление бесчисленных борец». Автор не жалеет красок описывая сколько бедствий они причинили людям, которые вынуждены были бежать даже «и зимою лютою». И только под стенами Константинополя персы «предстанем Божьей матери в мори все потопишася». Последние несколько листов посвящены прославлению Богородицы и «православного рода», автор замечает, что всегда надо уповать на благодеяния и чудеса Богородицы, чтобы получить «неизреченные блага».

Таким образом, «Повесть о нашествии» рассказывает предание о приходе персидской армии под Константинополь, когда император покинул город, доверив его военачальнику и патриарху. Благодаря разумным действиям первого и молитвам второго город удалось успешно отбить атаки врага. Однако решающую роль в победе сыграло заступничество Богородицы, которая наделила греков силой в бою и наслала бурю на персидский флот. Около половины текста произведения – пространные рассуждения и восхваления Богородицы и православной веры.

Сам текст «Повести о нашествии», как уже отмечалось, лишен литературных достоинств. Его чересчур назидательный, религиозный и пафосный характер поглощает главный сюжет. Слог произведения сбивчив, противоречив, разрознен, а перевод греческих слов не всегда удачен. Приведем несколько примеров.

Уже начало «Повести о нашествии» крайне запутанно: «*Повесть полезна от древнего писания споминание являющи Преславной бывшего чудеси, егда персии варвары царство и град отблегоша бранию иже и погибоша Божиим судом искушение бывше град же невреден и соблюден быв молитвами Пресвятой Богородицы госпожи нашей и от толе молебное поется благодарение сиречь неседальное день тот именую Благовест песнями не усыпными благодарству есть то бя град твой иже в пособии неусыпную воспевает заступница*». Читателю совершенно неясно, о каком искушениях идет речь ведь в тексте произведения об этом ничего не сказано.

Вызывает недоумение эпизод с крестным ходом: вначале этот крестный ход навел «страх, бегание и пагубу» на врага. Затем патриарх начал молиться, а персы тем временем, как ни в чем не бывало, осадили город, начав приступ. Очевидно, что в этом эпизоде нет логики и события выстроены не в том порядке. Странным кажется история с отплытием императора Ираклия, который вроде бы собирался отплыть, но далее его действия не показаны, они уже совсем забыты автором текста. Только по ходу изложение читатель понимает, что Ираклия в городе нет.

Нелогичен рассказ о том, что нападающие на город «скифы» не обратили внимания на помощь Богородицы и «дерзостью наполнившееся» продолжали сражаться. Но каким образом они должны были понять, что высшие силы помогают защитникам не понятно, ведь тогда еще никаких чудес, знамений или предупреждений не произошло. Странным кажется предложение патриарха о мире, в тот момент, когда Богородица стала помогать грекам, откликнувшись на их молитвы, получается, что глава церкви не верит в победу с помощью небесных сил.

Быть может, мы слишком много хотим от обычного памятника средневековой литературы, однако некоторые отмеченные нами противоречия требуют разъяснения. Все эти логические упущения указывают на то, что «Повесть о нашествии» создавалась на основе устного предания или целой серии разрозненных

в народной памяти легенд о давно прошедших временах. Для народной памяти характерна подобная смысловая противоречивость и алогичность сюжетной линии. В нашем случае автор положил в основу произведения сбивчивые народные предания, которые стали доминирующими для формирования сюжетной линии, и потому произведение получилось столь слабым с литературной точки зрения и уж совсем странным оно оказалось в русском переводе.

«Повесть о нашествии персидского царя Хоздроя на Царьград» и рассказ о нашествии ассирийского царя Сеннахирима на Израиль книги пророка Исайи

Источником, вдохновившим автора произведения, были не только местные предания о чудесной победе над персами в VII в., но и библейская история о приходе ассирийского царя Сеннахирим на Израиль, рассказанная в главах 36 и 37 «Книги пророка Исайи». В качестве доказательства этой связи мы имеем схожесть мотива о хулении веры. В «Повести о нашествии» не говорится, о том, что Хозрой каким-либо образом хулил веру греков, на переговорах он заявляет: «не блазнитеся о Боге… убо утре град ваш яко птицу рукою возьму и пусто его положу». Здесь сказано только то, что персидский царь призывает не надеется на Бога, и обещает взять город штурмом. Однако автор произведения описывает молитвы греков после переговоров, в которых звучат просьбы покарать язычника, посмевшего хулить Богородицу и православную веру: «много же… Бога нашего и на рожевшею его злая хулившею» (ГИМ: 184).

Ответ на это противоречие следует искать в книге пророка Исайи, где также еврейский царь Езекия отправил послов к Сеннахириму, а тот в ответ заявляет, что евреи напрасно надеются на своего Бога: «Так скажите Езекии, царю Иудейсткому: пусть не обманывает тебя Бог твоей, на которого ты уповаешь, думая: «не будет отдан Иерусалим в руки царя Ассирийского» (Ис 37: 8), и тогда израильский царь обратился к Богу с просьбой покарать Сеннахирима, «который послал поносить Тебя, Бога живого» (Ис 37: 17). В этом отрывке и хуление, и призывы отомстить, равнозначны по своему содержанию и смысловому наполнению, чего не удалось добиться автору «Повести о нашествии». Хотя важно отметить, что в произведении нет прямых ссылок на книгу пророка Исайи.

Сопоставляя рассказ о Хозрое и текст и Сеннахириме уместно вспомнить идеологическую составляющую «Повести о нашествии». Она, в общем, очевидна: прославление Богородицы, как защитницы города Константинополя, помогающей грекам победить варваров. Ираклий и патриарх не являются главными героями произведения, его герой – Богородица, ей отведено больше всего места в тексте. Это возможно указывает еще раз на народный характер произведения, которое не имело ничего общего с официальной идеологией. Идея помощи императору в тексте отсутствует.

Показательно, что место, где появилась это предание – Еврейский квартал, а сам Хозрой разорил множество иудейских городов в составе Византийской империи. Может быть потому автор, собрав народные предания, внес мотив из книги пророка Исайи, хотя он не столь очевиден. Только лишь в одном месте (хуление веры) он

более-менее проявляет себя. Также остаются внешне схожи сюжеты: приход войска Сеннахирима и Хозроя, оба хулят веру (первый очевидно и ни один раз, второй как бы вскользь) и отступают в свои земли. Во всем остальном произведения сильно отличаются: в корне различно поведение правителей (Ираклия и Езекии), подробное сражение греков с персами и вовсе отсутствие битвы у Исайи, буря на море – как ключевой эпизод в «Повести о нашествии» и ангелы, напавшие на ассирийцев. Наконец, прославление Богородицы в повести и хвала Богу в книге пророка Исайи не имеют ничего общего, кроме понятной и необходимой идеи заступничества.

Таким образом, «Повесть о нашествии» хотя и использовала сюжет из книги пророка Исайи, взяла из него немного, только мотив хуления веры, а сюжетное сходство (приход вражеских армий) по-видимому, случайно, поскольку имеет исторически реальный контекст. С таким же успехом мы можем сравнить с историей о нашествии ассирийцев во главе с Сеннахиримом любое крупное нашествие на русские или византийские земли иноверцев с востока. В основе рассматриваемой повести лежат разрозненные народные предания, формировавшиеся в Константинополе (а возможно в районе Влахерн) за долгий период времени.

Подведем некоторые итоги. «Повесть о нашествии» была переведена на русский язык с греческого оригинала в XIV-XV вв. В основу этого произведение легли устные предания о событиях VII в. сильно искаженные народной памятью. Само произведение не выделялось литературными достоинствами, а после перевода на русский язык не пользовалось популярностью и осталось почти не известным читателю. Однако автору памятника была известна история из книги пророка Исайи о нашествии царя Сеннахирима на Израиль, отсюда он взял сюжет о хулении веры.

«Повесть о Темир-Аксаке»

Итак, считается, что «Повесть о нашествии персидского царя Хозроя на Константинополь» легла в основу сюжета «Повести о Темир-Аксаке».

«Повесть» рассказывает о событиях 1395 г., когда к границам русских земель подошло войско Тамерлана (Темир-Аксака) и московский князь Василий вместе с митрополитом Киприаном устроили массовый молебен и крестных ход, прося Бога избавить Москву от нашествия. В тот же день неприятель ушел восвояси «никем не гонимый». Произведение сохранилась почти в 200 списках XV-XIX вв. Как правило, списки разделяют на несколько редакций: первоначальную датируют первой полоивной XV в., а основные редакции и расширенные варианты повести относятся к 70-80-м гг. XV в. (Жучкова 1987: 283-287). Считается, что первый вариант повести сохранился в Типографской летописи (Жучкова 1988: 82-95; Жучкова 1989: 283-287).

Собственно говоря, рассмотрение истории бытования многочисленных списков повести не входит в задачу нашей работы. Главное, что произведение в своем первоначальном виде существовало в XV в. и наиболее близко к оригиналу сохранилось в Типографской летописи.

Важнейшим фактором, влиявшим на содержание «Повести» и все ее последующие редакции, являлось ее идеологическое наполнение, связь с формирующейся в Москве идеологией единого государства. Однако, чтобы правильно понять идеологически смысл произведения, необходимо определить источник, которым пользовался автор. Если бы это была история о Хозрое, то идеология сводилась бы чисто к религиозной идее: моление народа и церковных иерархов Богородице, упование на ее защиту. В задачу автора этого произведения не входило подчеркивание особой роли Константинополя, ведь никакой иной греческий город не претендовал на роль столицы земель обширной империи.

Наоборот, главной идеей произведения о Темир-Аксаке была идея Богоизбранности Москвы среди русских городов. В начале XV в. было важно показать читателю, что именно Москве покровительствует Богородица и по молитве московского князя и собранного его волей народа происходит чудо. Московский князь Василий получает божественное заступничество, и ему благоволит Богородица. Между тем как Ираклий «Повести о нашествии» бежал из столицы вместе со свитой, наполнив море своими кораблями. Мог ли послужить этот сюжет идей для создания произведения подчеркивающего Богоизбранность правителя? Очевидно, что источником здесь было совсем другое произведение.

«Повесть о Темир-Аксаке» и рассказ о нашествии ассирийского царя Сеннахирима на Израиль книги пророка Исайи

Сравнение двух памятников необходимо начать с анализа Ермолиной летописи, где сохранилась первоначальная версия истории о Темир-Аксаке (ПСРЛ. Т. 23: С. 8.). История это не велика по объему и сообщает о том, как «некий царь, именем Темир Аксак» завоевал в «восточной стране» много городов и народов. Затем он одолел хана Орды Тохтамыша, и «восхоте поити на Русь». Осуществив свое намерение Темир-Аксак захватил Рязанскую землю и «князя поима, и люди помучи». Затем сообщается, что московский князь Василий отправился с войском на Оку, а люди «молящеся беспрестани Богу и пречистеи его Матери». Посовещавшись с митрополитом, Василий решил привезти в Москву из Владимира икону Божьей Матери. Икона была взята на праздник Успения и отвезена в столицу. Недалеко от города встречать иконописный образ вышли митрополит с множеством народа: отсюда икона была торжественно доставлена в Москву. Как только это произошло, Темир-Аксака «обыяала страх и гроза, яко [от] некого воинства от Руси идущего». После чего грозный завоеватель поспешно ушел от границ Руси.

Это сообщение содержит в своей основе главную, но еще не расширенную московскими идеологами мысль, о небесном заступничестве за Москву. Сюжет этой истории отличается логичностью, стройностью и завершенностью, в нем нет обширных религиозных рассуждений, обычных для средневековых памятников письменности. В этом летописном рассказе нет явных следов влияния библейской истории о царе Сеннахириме и русского перевода повести о царе Хозрое.

Это небольшое по объему произведение, не указывает прямо на помощь Богородицы Василию и ее заступничество за Москву, эта мысль проходит как-бы

вскользь. В силу этого уже к середине XV в. назрела необходимость создания на этой основе более обширного и конкретного произведения, отвечающего политическим и идеологическим задачам формирующегося Московского государства.

Логично было воспользоваться схожими сюжетными линиями двух известных тогда памятников: библейской истории о царе Сеннахириме и русского перевода повести о царе Хозрое. Но во втором случае мы имеем сумбурный перевод, а в первом стройное произведение, и что особенно важно, с необходимым идеологическим подтекстом (идеей Богоизбранности Израиля).

Неудивительно, что в основу нового расширенного варианта «Повести» взят библейский сюжет из «Книги пророка Исайи», где говорилось о приходе к Иерусалиму войска ассирийского царя Сеннахирима (Ис. 36-37).

В частности, главе 36 «Книги пророка Исайи» рассказывается о том, что в 14-й год правления Иудейского царя Езекия к границам его государства подошел Сеннахирим, царь ассирийский, который до этого завоевал много стран и народов. В повести о Темир Аксаке также читаем: «*Сий же Темирь Аксакъ нача многи рати творити и многи брани въздвиже, многи побѣды учини, многимъ полкомъ спротивнымъ одолѣ, многи грады раскопа, многи люди погуби, много страны и земли повоева, многи области и языки поплени*» (ПСРЛ. Т. 6: 124-128).

Далее в книге пророка Исайи говорится о том, как велись переговоры между послами двух царей Езекия и Сеннахирима. Причем последний постоянно «хулил» веру и Бога иудеев, заявляя, что ему покорились многие народы, и каждый уповал на своих богов (Ис. 36:4-6). В «Повести» этот сюжет мы не встречаем, ни о каких переговорах Василия с Темир-Аксаком нет и намека, нигде не говорится о том, что эмир тот каким-либо образом хулил православную веру.

После неудачных переговоров царь Езекия обращается к Богу. Точно так же поступает Василий, узнавший о нашествии Тамерлана. Сопоставим их речи:

Книга пророка Исайи (37:16-17): «*Господи Саваоф, Боже Израилев, сидящий на херувимах! Ты один Бог всех царств земли; Ты сотворил небо и землю. Приклони, Господи, ухо Твое и услышь; открой, Господи, очи твои и воззри… спаси нас от руки его…*».

«Повесть»: «*Создателю и заступниче нашь, Господи, Господи, призри от святаго жилища твоего, виждь смири онаго варвара и сущих с нимъ, дерьзнувшихъ хулити святое великолѣпное имя твое и пречистыя всенепорочныя твоея Матери! Заступниче нашь Господь, да не речеть: "Гдѣ есть Богь ихъ?" — ты бо еси Богъ нашь, иже гордымъ противляяся! Стани, Господи, в помощь рабомъ твоимъ, на смиреныя своя рабы призри! Не попусти, Господи, сему окаянному врагу поносити нас, твоя бо держава неприкладна и цесарство твое нерушимо!*».

Обращаясь к Богу, Василий акцентирует внимание на том, что враг «дерзнул хулить святое имя», но в «Повести» об этом ничего не сообщается. Однако если мы обратимся к библейскому тексту, то увидим, что хуление Бога иудеев ассирийским царем действительно было. Далее в молитве Василия идут еще более нелогичные на первый взгляд слова: «…да не речеть: "Гдѣ есть Богь ихъ?" — ты бо еси Богъ нашь, иже гордымъ противляяся… Не попусти, Господи, сему окаянному врагу поносити нас…». Но в тексте Темир-Аксак не говорил ничего подобного и не «поносил» русских.

Здесь снова, чтобы понять эти фразы, нужно обратиться к библейскому тексту. Действительно, ассирийский царь во время переговоров говорил иудеям о том, что многие народы он завоевал, и каждый молился своему Богу, но «который их всех богов земель сих спас землю свою от руки моей? Так неужели спасет Господь Иерусалим от руки моей?» (Ис. 36:16—20).

Таким образом, текстологический анализ молитвы Василия показывает нам, что основой для «Повести» послужил библейский сюжет. Сам Василий был поставлен автором на место иудейского царя Езекия. Но на этом библейские заимствования не заканчиваются. События 1395 г. в «Повести», одно за другим, как на нить, «нанизываются» автором на историю из рассказа о Сеннахириме.

Узнав о приходе ассирийцев, Езекия посылает гонца к пророку Исайе с просьбой молиться Богу «против Сеннахирима, царя ассиийского» (Ис. 37:21). Также московский князь Василий «посла вѣсть къ отцю своему, боголюбивому архиепископу Кипреяну… чтобы народу повелѣлъ прияти пост и молитву, съ усердьемь и слезами Бога призывати». Пророк Исайя в библейском рассказе, чтобы взбодрить иудеев, ведет себя очень уверенно, он убежден в том, что Бог защитит Иерусалим.

В «Повести» митрополит Киприан тоже спокоен и уповает на Божью защите, он молится Богу и призывает молиться народ, а также вдохновляет воевод и князей: «Сам же пресвященный Кипреянъ митрополитъ, такоже по вся дни призывая к собѣ благовѣрныя князи, благочестивыя княгини и вся властели и воеводы, по всякъ час наказая их, учаше; сам же Купреянъ митрополитъ по вся дни и часъ от церкви не отступая, принося молитвы къ Богу за князь и за люди».

Иудейский царь Езекия, обращаясь к Богу, указывает на то, что завоеванные Сеннахиримом народы имели ложных богов и не знали истинного Бога. С истинным Богом иудейский народ непобедим — так считает Езекия, и в Боге он видит главную защиту. Князь же Василий обращается к чудотворной Владимирской иконе Божьей Матери, которую приказывает принести в Москву по просьбе митрополита Киприана. В этом поступке также проступает библейский смысл: Василий не просто хочет поднять боевой дух войска, чествуя икону, он демонстрирует свою приверженность единственно истинной вере — православию.

В «Книге» ангел, посланный Богом, поражает войско ассирийцев, и Сеннахирим спешно отступает в свою столицу (Ис. 37:36). В «Повести» эпизод ухода Тамерлана из русских пределов описан более подробно. Вначале кратко сообщается, что «Темирь Аксакъ царь возратися въспять, поиде въ свою землю». Но затем автор «Повести» подробно описывает смятение завоевателя: «царь убояся и устрашися, и ужасеся, и смятеся, и нападе на нь страхъ и трепетъ, вниде страх въ сердце его и ужасъ в душю его, вниде трепетъ в кости его».

Здесь мы снова видим противоречие. От чего грозного завоевателя охватило смятение? По библейскому сюжету мы знаем, что ангел поразил 185 тысяч человек из армии Сеннахирима, но о потерях войск Темир-Аксака ничего не сказано. В первоначальной редакции «Повести» сообщается лишь о том, что Богородица заступилась за Москву, но о форме ее заступничества не говорится ни слова. Примерно через 100 с лишним лет это очевидное логическое упущение автора было

устранено созданием эпизода «о сне Темир-Аксака», в котором ему явилась Богородица со своим небесным воинством. Таким образом дописанная «Повесть» впервые появилась уже в XVI в. и вошла в Никоновскую летопись.

Но автор «Повести» и сам, видимо, осознал недостатки своего изложения. Поэтому он и отсылает читателя к истории о Езекии и Сеннахириме: «Якоже древле при Езикѣиле цари и при Исаии пророцѣ Сенахиримъ, царь асурийский, прииде на Ерусалимъ ратью» (ПСРЛ. Т. 6: 122).

В конце «Повести», где автор показывает неожиданный уход армии Тамерлана с русских земель, лейтмотив пророчества Исайи о спасении Иерусалима от ассирийцев прослеживается наиболее отчетливо: Богородица спасла Москву, потому что заступилась за православный народ, свято верующий в истинного Бога. «*Господь изъ рукы врагъ нашихъ татаръ, избавилъ ны еси от сѣча и от меча, и от кровопролития:* ***мышцею*** *силы своея разгналъ еси враги наша» — читаем в «Повести». В пророчестве Исайи о спасении Иерусалима сказано: «И возгремит Господь величественным гласом Своим и явит тяготеющую* ***мышцу*** *свою…*» (Ис. 30:30).

В конце «Повести» Тамерлан назван безумным: «*убо безумный Темирь Аксакъ со множествомъ бесчисленыхъ вой пришедъ, съ срамомъ отиде*». Тем самым автор показывает, что бессмысленно было надеяться захватить русские земли, находящиеся под властью Москвы, которой покровительствует сама Богородица.

«Повесть о нашествии персидского царя Хозроя на Царьград» и «Повесть о Темир-Аксаке»

Сравним теперь сюжеты двух повестей и их идеологию. Отчасти мы уже делали это и видели, что идеология двух произведений сильно отличается.

Нас не должно путать сходство сюжета: в обоих памятниках описывается нашествия неприятеля. Но в «Повести» это приход к русским землям, а в истории о Хозрое нападение на столицу. В первом случае Темир-Аксак бежал «никем не гонимый» после заступничества Богородицы, а во втором произошла реальная битва, в ходе которой Богородица помогла потопить корабли врага и одолеть персов в бою. Кардинальным образом отличается поведение правителей: бегство Ираклия и организация моления Василием.

Важно отметить, что в произведении о Хозрое значительное место уделено прославлению Богородицы, которое вовсе не носит официальный характер, а связанно с ее народным почитанием. Ведь победили в сражении с Хозроем не царь, а простые люди, даже женщины, участвовавшие в бою. Это они, жители Константинополя воздавали руки к небу и призывали Богородицу спасти их от плена и смерти. Никакого официального характера идеология «Повести о нашествии» не несет.

Напротив, произведение о Темир-Аксаке полностью связанно с официальной московской идеологией. В этом весь его смысл: Богородица ответила на просьбу Василия Дмитриевича, организовавшего моление, и заступилась за Москву – показав тем самым, что покровительствует этому городу, как единственно возможной столице русских земель. Суть произведения – убедить читателя, что московские

князья получили божественное покровительство, и только Москва может рассматриваться в качестве столицы Русских земель.

В XV в. этот аспект политики московских властей был очень важен, поскольку подчинить русские земли дому Ивана Калиты силой было одно, а заставить населения смириться с гегемонией одного княжества совсем другое. Идея Богоизбранности еврейского народа, покровительство Бога и заступничество во время вражеских нашествий на Израиль (в случае прекрасного по сюжету и идеи рассказа о Сеннахириме из книги пророка Исайи) прекрасно подходила для московского книжника в качестве сюжета и примера.

Если два произведения сходи только внешне, но кардинально отличимые, по сути, знал ли вообще автор «Повести о Темир Аксаке» историю о царя Хозрое? На этот вопрос следует ответить утвердительно. Свидетельством связи двух произведений является использование эпитета «безумный» в отношении Темир-Аксака и Хозроя. Между тем этого эпитета нет в библейской истории о Сеннахириме. В «Повести о нашествии» читаем: «и множество славы твоей стерлись си супостаты и тако убо безумный каган со множеством вои пришед и срамом возвратися» (ГИМ: 187). Также и «убо безумный Темирь Аксакъ со множествомъ бесчисленыхъ вой пришедъ, съ срамомъ отиде». Здесь мы видим почти полное текстологическое совпадение: оба «безумных» правителя, придя с множеством воинов «со срамом» возвратились, вражеское войско названо варварским, а предводитель врага – варваром.

Мы знаем, что повесть о Темир-Аксаке уже в XV в. прошла долгий путь редактирований, на что указывали исследователи (Путилов 1958: 185-186; Жучкова 1984: 97-109). Чтобы понять, когда именно два памятника получили свою идентичность, т.е. на каком этапе история о Хоздрое повлияла на текст рассказа о Темир-Аксаке, важно сличить ранние тексты московского памятника с переводным произведением о Хозрое.

Считается, что наиболее ранняя редакция «Повести о Темир-Аксаке» (начала XV в.) сохранилась до нашего времени в составе Ермолинской летописи. Мы уже отмечали, что в этом произведении нет явных следов схожести с историей о Хозрое или библейским рассказом о Сеннахириме. Этот ранний вариант повести отличается логичностью, лаконичностью и четкостью сюжета. Здесь не никаких указаний на «безумство» Темир-Аксака, на многочисленную армию врага, истории о ангелах, поражающих его войско и пространных рассуждений о уповании на Божественное заступничество во всех бедах. Нет здесь и рассказа о том как «хулил» Темир-Аксак христианскую веру, указание на его «варварство» и самомнение.

Другой, более поздний вариант «Повести о Темир-Аксаке» (вероятно середины XV в.), вошел в состав Типографской летописи, составленной в начале XVI в. (ПСРЛ. Т. 24: 3). Здесь мы видим уже объемное произведение, автор которого явно взял за основу предыдущий текст повести и значительно его расширил благодаря многочисленным вставкам. История о завоеваниях Темир-Аксака он не очень удачно «разорвал» на две части для того, чтобы вставить рассказ, объясняющий прозвище завоевателя, связанное с его хромотой. После сообщения о завоеваниях рассказывается, что взят был в Рязанской земле город Елец и елецкий князь, а не

рязанский, как было в тексте Ермолинской летописи. Затем идет описание различных качеств Темир-Аксака, которые не находят аналогий, он якобы похвалялся, что «воздвигнет гонение великое на христианы». И здесь мы уже можем вспомнить похожий сюжет в библейской истории о Сеннахириме, который также хвалился тем, что похулит еврейского бога и завоюет их страну.

Следующий эпизод связан с появлением митрополита Киприана, который организует всенародные моления, также как действовал библейский пророк Исайя. Летопись воспроизводит молитву митрополита и называет его инициатором принесения иконы из Владимира в Москву, затем вновь следует пространная молитва Богородице и описание того, как Темир-Аксак «возвратися вспять». Очевидно молитва имеет характер вставки, так как разрывает логическую последовательность текста: после принесения иконы, грозный завоеватель должен был испугаться и покинуть пределы Руси. Получился же не совсем удачный конец: икону приносят, следует молитва, Темир-Аксак уходит от границ, затем вновь следует описание принесения иконы, ставшей причиной чуда, и вновь летописец возвращается к описанию ухода врага, но уже подробнее чем выше: «В той же день Темир Аксак царь убояся и устрашися… и скоро гряду к Орде, а к Руси тыл показуша».

Заканчивается «Повесть» ссылкой на историю о Сеннахириме в книге пророка Исайи, с которой автор сравнивает случившееся. Следует даже краткий пересказ событий библейского сюжета и выводы о божественном вмешательстве в иудейские времена и в годы нашествия Тамерлана.

Таким образом, рассказ Типографской летописи представляет собой, первую попытку расширить первоначальный текст «Повести» различными вставками и добавлением мотивов из книги пророка Исайи. Автор еще не решался пользоваться библейским текстом активнее. Следов же истории о Хозрое мы в этом тексте не находим. Обработку произведения в целом следует признать неудачной. Вместо первоначального логичного и ясного сюжета «Повесть» приобрела вид сбивчивой истории, разбавленной объемными молитвами. Смысл произведения оставался прежним: упования на божественный промысел и заступничество. Показательно, что не князь Василий (даже имя его автор путает), а митрополит Кипиран играет в новой версии решающую роль.

Следующий вариант «Повести» вошел в состав Софийской второй летописи, и вероятно он был создан в конце XV в. (ПСРЛ. Т. 6: 124-128). Только здесь, в этом варианте «Повести», мы находим указанные конкретные следы истории о нашествии Хозроя на Царьград. Этот рассказ мы анализировали выше, сравнивая «Повесть» с библейской историей о Сеннахириме.

Конечно, нельзя согласиться с утверждением, что первоначально была создана обширная, полная цитат и логических противоречий, наполненная московской идеологией «Повесть о нашествии Темир-Аксака», а затем появилась краткая летописная версия истории этого сюжета (Памятники Литературы Древней Руси 1981: 565).

Таким образом, основным источником для «Повести о нашествии Темир-Аксака», вошедшей в Софийскую вторую летопись (конца XV в.) и широко

известного в научной и научно-популярной литературе послужил рассказ книги пророка Исайи о нашествии ассирийского царя Синнахирима на Израиль (Ис. 36:1-38). При этом, автору был известен рассказ о нашествии Хозроя на Царьград, и он сделал несколько заимствований из этого памятника, однако, история о Хозрое не являлась образцом для написания «Повести о Темир-Аксаке».

ЛИТЕРАТУРА

Гиббон 2004 - *Гиббон Э.* История упадка и разрушения Римской империи. Т. V. СПб., 2004.

Гребенюк 1971 - *Гребенюк В.П.* «Повесть о Темир-Аксаке» и ее литературная судьба в XVI–XVII веках // Русская литература на рубеже двух веков (XVII – начало XVIII в.). М., 1971. С. 185–206.

Жучкова 1984 - *Жучкова И.Л.* Повесть о Темир–Аксаке в составе летописных сводов XV—XVI вв. (редакция Б) // Древнерусская литература: Источниковедение. Л., 1984. С. 97-109.

Жучкова 1987 - *Жучкова И.Л.* Повесть о Темир-Аксаке // Словарь книжников Древней Руси. Вып. 2. Ч. 2. М., 1987. С. 283-287.

Из странствия Стефана Новгородца 1984 - Из странствия Стефана Новгородца // Книга хожений. Записки русских путешественников XI-XV вв. М., 1984.

Ляпин 2015 - *Ляпин Д.А.* Семантика образов и чисел «Повести о Темир-Аксаке» // Русский книжник. 2015. № 14. С. 97-113.

Памятники Литературы Древней Руси 1981 - Памятники Литературы Древней Руси. XIV – середина XV века / Составление и общая редакция Л.А. Дмитриева, Д.С. Лихачева. М., 1981.

Повесть о нашествии персидского царя Хозроя на Царьград - Повесть о нашествии персидского царя Хозроя на Царьград // Государственный исторический музей. Собрание Уварова, № 1794/351/373. Л. 181–192 об.

ПСРЛ. VI - Софийская вторая летопись // Полное собрание русских летописей. Т. VI. СПб., 1853.

ПСРЛ. Т. XXIII - Ермолинская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. XXIII. СПб., 1910.

ПСРЛ. Т. XXIV - Типографская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. XXIV. Пг., 1921.

Путилов 1958 - *Путилов Б.Н.* Литература конца XIV—XV веков: Развитие исторических жанров и зарождение историко-бытовой повести // История русской литературы. Литература X-XVIII веков. М.; Л., 1958. С. 185-186.

Сахаров 1849 - *Сахаров И.* Сказания русского народа. Т. II. Кн. 8. СПб., 1849.

Черепнин 1960 - *Черепнин Л.В.* Образование Русского централизованного государства в XIV–XV веках: Очерки социально-экономической и политической истории Руси. М., 1960.

REFERENCES

Cherepnin 1960 - *Cherepnin L.V.* Obrazovanie Russkogo centralizovannogo gosudarstva v XIV–XV vekah: Ocherki social'no-jekonomicheskoj i politicheskoj istorii Rusi [Formation of the Russian centralized state in XIV–XV centuries: Essays on the socio-economic and political history of Russia], Moscow, 1960 [in Russian].

Gibbon 2004 - *Gibbon Je.* Istorija upadka i razrushenija Rimskoj imperii. T. V [The history of the decline and fall of the Roman Empire. Volume V], Sankt-Petersburg, 2004 [in Russian].

Grebenjuk 1971 - *Grebenjuk V.P.* «Povest' o Temir-Aksake» i ee literaturnaja sud'ba v XVI–XVII vekah [«A Tale of Temir-Aksak» and her literary fate was in XVI–XVII century], in: Russkaja literatura na rubezhe dvuh vekov (XVII – nachalo XVIII v.) [Russian literature at the turn of two centuries (XVII – beginning of XVIII century)], Moscow, 1971, pp. 185-206 [in Russian].

Iz stranstvija Stefana Novgorodca 1984 - Iz stranstvija Stefana Novgorodca [Journey of Stephen of Novgorod], in: Kniga hozhenij. Zapiski russkih puteshestvennikov XI-XV vv. [Book of horeni. Notes of Russian travelers of the XI-XV centuries], Moscow, 1984 [in Russian].

Ljapin 2015 - *Ljapin D.A.* Semantika obrazov i chisel «Povesti o Temir-Aksake» [Semantics of images and numbers «The Tale of Temir-Aksak»], in: Russkij knizhnik [Russian bibliophile], 2015, № 14, pp. 97-113 [in Russian].

Pamjatniki Literatury Drevnej Rusi 1981 - Pamjatniki Literatury Drevnej Rusi. XIV – seredina XV veka / Sostavlenie i obshhaja redakcija L.A. Dmitrieva, D.S. Lihacheva [Literary Monuments Of Ancient Russia. XIV-mid XV century / Compilation and General edition of L.A. Dmitriev and D.S. Likhachev], Moscow, 1981 [in Russian].

Povest' o nashestvii persidskogo carja Hozroja na Car'grad - Povest' o nashestvii persidskogo carja Hozroja na Car'grad [The story of the invasion of the Persian Emperor Chosroes on Constantinople], in: Gosudarstvennyj istoricheskij muzej. Sobranie Uvarova. № 1794/351/373, l. 181-192 ob. [The state historical Museum. Uvarov’s Meeting. № 1794/351/373, l. 181-192 ob.] [in Russian].

PSRL. VI - Sofijskaja vtoraja letopis' [Sofia the second Chronicles], in: Polnoe sobranie russkih letopisej. T. VI [Complete collection of Russian Chronicles. Volume VI], Sankt-Petersburg, 1853 [in Russian].

PSRL. XXIII - Ermolinskaja letopis' [Ermolinsky Chronicles], in: Polnoe sobranie russkih letopisej. T. XXIII [Complete collection of Russian Chronicles. Volume XXIII], Sankt-Petersburg, 1910 [in Russian].

PSRL. XXIV - Tipografskaja letopis' [Typographic Chronicles], in: Polnoe sobranie russkih letopisej. T. XXIV [Complete collection of Russian Chronicles. Volume XXIV], Petrograd, 1921 [in Russian].

Putilov 1958 - *Putilov B.N.* Literatura konca XIV—XV vekov: Razvitie istoricheskih zhanrov i zarozhdenie istoriko-bytovoj povesti [Literature of the XIV—XV centuries: the historical Development of genres and the emergence of the historical novel], in: Istorija russkoj literatury. Literatura X-XVIII vekov [History of Russian literature. Literature X-XVIII centuries], Moscow; Leningrad, 1958, pp. 185-186 [in Russian].

Saharov 1849 - *Saharov I.* Skazanija russkogo naroda. T. II. Kn. 8 [Tales of the Russian people. Volume II. Book 8], Sankt-Petersburg, 1849 [in Russian].

Zhuchkova 1984 - *Zhuchkova I.L.* Povest' o Temir–Aksake v sostave letopisnyh svodov XV—XVI vv. (redakcija B) [A Tale of Temir-Aksak as a part of the annalistic arches XV—XVI centuries (edition B)], in: Drevnerusskaja literatura: Istochnikovedenie [Old Russian literature: Chronology], Leningrad, 1984, pp. 97-109 [in Russian].

Zhuchkova 1987 - *Zhuchkova I.L.* Povest' o Temir-Aksake [A Tale of Temir-Aksak], in: Slovar' knizhnikov Drevnej Rusi. Vyp. 2. Ch. 2 [Dictionary of the scribes of old Russia. Release 2. Part 2], Moscow, 1987, pp. 283-287 [in Russian].

Ляпин Денис Александрович – Кандидат исторических наук, доцент кафедры российской истории и археологии, декан Исторического факультета Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина (Елец, Россия).

Lyapin Denis – Candidate of historical sciences, Associate Professor of the Russian history and archeology, Dean of Department of history of Bunin Yelets state University (Yelets, Russia).

E-mail: denis-l@mail.ru

УДК 94(47).022

ОБ ИМЕНИ ХЕЛЬГИ (ВТОРАЯ ЧАСТЬ)

Л.П. Грот
Общество «Русский салон» (Лулео, Швеция)
e-mail: mail@histformat.com
ResearcherID: D-1052-2016
http://orcid.org/0000-0003-0184-1023
SPIN-код: 1768-1727

Авторское резюме

Данная статья посвящена анализу скандинавского имени Хельги и показу ошибочности его отождествления с именем Олег. В статье показано, что именным компонентом, от которого образовалось прозвище Хельги с христианским содержанием, послужил перевод первого компонента теонима Святовит/Свентовит на германские языки. Кроме того, в статье показано, что «Сага об Одде Стреле» представляет компиляцию из двух древнерусских сюжетов, поэтому ее герой не мог быть прототипом для князя Олега. В статье представлена авторская концепция о том, что Олег и Ольга – древнерусские имена из самого архаичного именного слоя, сложившегося еще на основе индоевропейского субстрата в Восточной Европе.

Ключевые слова: имя Хельги, князь Олег, имя Ольга, прозвище, Одд Стрела, древнерусские имена, индоевропейский субстрат, гидронимы Русской равнины.

REGARDING THE NAME HELGI (PART TWO)

Lidia Groth
The Russian Salon society (Luleå, Sweden)
e-mail: mail@histformat.com

Abstract

The article analyzes the Scandinavian name Helgi and demonstrates the fallacy of its identification with the name Oleg. The article shows that the sobriquet Helgi, which implies Christian connotations, was formed from the first component of the theonym Svyatovit/Sventovit translated into ancient Germanic languages. Additionally, this paper illustrates that *the Saga of Örvar-Odd* represents a compilation of two old Rus' stories and, therefore, none of its characters could possibly be prototypes for Oleg the Seer. The article uncovers the author's ideas regarding the true origin of the names Oleg and Olga: they came from the most archaic name layer that developed on the basis of the Indo-European language substratum in Eastern Europe.

Keywords: name Helgi, Oleg the Seer, Oleg of Novgorod, name Olga, sobriquet, Örvar-Odds saga, old Rus' names, Indo-European substratum, hydronyms of the Russian Plain.

* * *

В первой части данной статьи (Грот 2015.) была приведена работа Е.А. Мельниковой, в которой утверждалось происхождение древнерусского имени Олег от скандинавского Хельги и заявлялось, что это имя соответствует прилагательному *helgi* (стяженная и слабая форма прилаг. *heilagr* <**hailagaz*, др.-англ. *hālig* и др.) и что

оно получило широчайшее распространение в Скандинавии в христианскую эпоху в связи с тем, что за ним закрепилось значение ”святой”» (Мельникова 2005: 138).

Но далее из рассуждений Мельниковой выявилось, что норманистам не удалось обнаружить имен с корнем **hail-* ни в скандинавских именословах, ни в древнегерманских именословах вообще, что и констатировалось Мельниковой: «Слово *heilagr* многократно встречается в эддических мифологических и героических песнях... Казалось бы, апеллятив с таким семантическим полем должен был бы быть широко употребителен в качестве личного имени уже в древнегерманское время... Однако основа **hail-* в древнегерманских, а затем и древнескандинавских личных именах встречается редко... В древнескандинавском именослове корень **hail-* дал только одно личное имя – *Helgi* (в женском роде *Helga*, др.-англ. Halga)…» (Мельникова 2005: 138-140).

Таким образом, норманисты декларируют, что слово *heilagr* из эддических и мифологических песен превратилось в имя *Helgi* и перешло из дохристианской эпохи в германские именословы христианской эпохи, как в литературные, так и в реальные, но доказательств в поддержку данного утверждения привести не могут. Следовательно, слово *heilagr* могло существовать в языке само по себе, а имя *Helgi* – само по себе, и прямой связи между ними не было, т.е. первое не выступало имяобразующей основой для второго.

Данная мысль хорошо подтверждается приведенным в первой части статьи материалом о Хельги как прозвище. Несмотря на то, что прозвание *den helige* использовалось при королевских именах, например, *Erik den helige* (Эрик святой) или сделалось неотделимым приложением к именам христианских мучеников, например, den helige Staffan (Sankt Stephanius), у нас нет оснований говорить, что именно это прозвание *den helige* преобразовалось в прозвище/дополнительное имя (binamn) *Helgi* таким же образом, как это получилось, например, с именем Магнус, заимствованным в именослов скандинавских королей от прозвания короля франков *Carolus Magnus*, т.е. *Карл Великий* и образовавшимся, таким образом, непосредственно, от прилагательного *magnus* «великий, сильный».

Явно, что создание антропонима-прозвища (binamn) *Helgi*/*Hælghi*, сделавшееся литературным антропонимом, а также превратившееся в личное имя для простолюдинов, войдя со временем и в общенародный именослов, происходило совершенно иначе. Для анализа того, откуда в германские именословы пришло прозвище *Helgi*/*Hælghi* со значением «святой», мне удалось отыскать убедительный материал, полностью пропущенный норманистами, что лишний раз свидетельствует об отсутствии научного потенциала в норманистских конструкциях.

Южнобалтийский теоним Святовит и именной компонент *helgi-*

Очевидно, что прилагательное *helig* «святой» входит в скандинавскую лексику с распространением и утверждением христианства, причем входит как часть общегерманской лексики и как вариант общего для германских языков прилагательного того же значения: нем. *heilig*, древнесакс. *helag* и др. Это

прилагательное, как уже упоминалось, становится основой для образования прозвания *hin hælghi/den helige* 'святой', но не преобразуется в личное имя.

Для того, чтобы исследовать, каким образом прозвище *Helghi/Hælghe* со значением 'святой' появилось в скандинавских именословах, я сделало допущение, что оно могло быть также прямым заимствованием с европейского континента, тем более что по форме оно совпадало со скандинавскими гипокористиками, а гипокористики от иноязычных имен традиционно использовались в скандинавских именословах как самостоятельные имена, например, Goske от нем. Godskalk, Mette от нем. Mechtild и др. Собственно, и поэмы, в которых впервые упоминается имя Helghi (Halga) – героя, связанного с датской историей, создавались в англосаксонской языковой среде, а не в скандинавской, и могут рассматриваться как возможное передаточное звено для скандинавских именословов. Но откуда имя Helghi (Halga) попало в англосаксонский эпос?

Я стала исследовать именословы на европейском континенте на предмет выявления там личных имен с первым именным компонентом *heilig-/ helag-/ hailag-* и возможных гипокористик от них. И надо сказать, такие имена отыскались без проблем, правда, эти имена по своему происхождению выходят за рамки германских именословов, в силу чего норманисты, чьи взгляды определяются германоцентризмом, и прошли мимо этого антропонимического материала.

Нужные нам личные имена отыскиваются в каталоге М.-Т. Морлѐ «Личные имена на территории древней Галлии VI–XII вв.».

Комментарии к этим именам, сделанными М.-Т. Морлѐ, предельно четки. Первый компонент в данных именах – это *hailag-* со значениями: гот. *hailags,* древнеисл. *heilagr*, древнеангл. *hālig,* древнесакс. *helag,* т.е. *saint, sacré* или *святой.* Вот эти имена:

Helehilehus (680) – в документах архива департамента Ионн, сев.-вост. Франция;

Heligbertus (794) – в документах по истории региона Нижний Рейн, хранятся в Лейдене;

Helegbrath (828) – в акте, подтверждавшем дарственное письмо храму Св. Мартина в Утрехте от 7 февраля 828 года.

Приводятся в каталоге и гипокористики от антропонимов с первым именным компонентм *hailag-/ hālig-/ helag-*:

Helca (820) – в документах по истории региона Нижний Рейн, хранятся в Лейдене;

Heleca (853) – в архиве монастыря Сен-Бертен, Сент-Омер, Сев.Франция (Morlet 1968: 121).

Почему перечисленные имена не привлекались до сих пор к анализу как антропонимы с компонентом *hailag-*, вариант – древнеангл. *hālig*, т.е. как имена, обнаруживающие явную связь с англосаксонским литературным именем Halga, объяснить сложно. Возможно, это произошло от неспособности тех, кто исследовал имя Хельги, выйти за рамки норманистских стереотипов, заданных в XVIII-XIX вв., а возможно, – от сознательного нежелания покидать эти рамки из опасения разрушить привычную германоцентристскую схоластическую схему. И как показывают результаты моих исследований, опасения эти, если они имели место,

были оправданны: рассмотрение антропонимов из галльских именословов типа *Heligbertus* и гипокористик от них (*Heleca*) еще раз со всей очевидностью показывает зависимость скандинавских именословов от антропонимических процессов на европейском континенте и большую роль в этих процессах южнобалтийского компонента, что я продемонстрирую в данном разделе.

Начиная анализ интересующих нас антропонимов из галльских именословов, прежде всего, стоит обратить внимание на то, в каких регионах они были зафиксированы: это – северо-восток и север Франции, а также Утрехт, Нижний Рейн в Германии. Эта область уже с античного времени была отмечена интенсивным развитием духовной жизни, оттуда расходились волны культурного влияния далеко за пределы данного региона.

Представители каких народов участвовали в культурногенетических процессах в очерченном выше регионе? Чистой воды «германским миром» этот регион не назовешь. Уже сам источник, откуда взяты имена с компонентом *helig-*, называется «Личные имена на территории древней Галлии VI–XII вв.», т.е. это, как минимум, регион смешанной кельто-германской культуры. Но и этого недостаточно. Могу еще раз напомнить, что с VI века во Фризии поселились велеты/вильтины (венды в немецких источниках) и стали распространять в этих землях городскую жизнь, возводя там крепости и города, среди которых был и Вильтабург или Утрехт, где в VII в. был возведен собор Св.Мартина и где позднее и обнаруживается имя *Helegbrath* – *Хэлегбрат*, в котором первый именной компонент находит соответствие в древнесакс. *helag*, т.е. ’святой’.

В латиноязычных источниках рассказывалось о поселениях вильтинов между фризами и саксами, о том, что голландские славяне обитают там с самых древних времен, и хотя воинственны, но живут в ладу с окружающими фризами и саксами: эти три народа избирают себе общих вождей, и славянский город Вильтенбург (Утрехт) является у них как бы столицей. Король франков Дагоберт (603–639) начал покорение фризов и славян-вильтов, а его последователь Пипин II Геристальский (635 – 714) уже совершенно подчинил своей власти Фризскую Славонию (так владения вильтинов были названы в Утрехтской хронике) и Голландию, превратил их в область, которая получила название Восточной Франции.

Вместе с расселением велетов/вильцев по Европе распространялись не только топонимы, рождаемые от их названия, но и антропонимы. Интересный материал по этому вопросу можно найти в труде английского исследователя Томаса Шора «Происхождение англосаксонского народа». Стремясь выделить всех предков англичан, Шор большое внимание уделял славянским народам, напоминая, что эти народы были известны римским авторам под именем венедов или вендов. Шор был убежден в том, что видеть в народах Германии Тацита только представителей тевтонской расы (в современной науке говорят о германских племенах) ошибочно.

Венды интересовали Шора как один из народов, участвовавших в формировании английской нации. И когда с середины V столетия будущая Восточная Франция явилась частью тех земель, откуда потекли волны захватчиков и переселенцев на Британские осторова: саксов, фризов, англов, ютов, то в этих миграционных потоках Шор выделял венедов/вендов, а в их среде – вильтинов/

вильцев. Они ему были интересны также, как народы, также участвовавшие в формировании английского народа.

Шор выявил, что вильтины/вильцы (Wilti) дали свое имя области Уилтшир (Wiltshire), а некоторые более ранние поселения, связанные с вильтинами, именовались Уилсэтен/Вилсэтен (Wilsaeten). Вильтины дали эти названия новым местам своего жительства таким же образом, как они назвали Вильтению и Вильтабург во Фризии. Уилтшир был заселен во второй половине VI столетия, и по мнению Шора, вильтины могли переселиться туда как из поселений вильцев во Фризии, так и непосредственно из Приэльбской области или из Балтии, как исконные вильтины/Wilsaetas.

Таким образом, потоки германских и славянских мигрантов с Атлантики и Балтии на Британские острова, сливаясь постепенно в течение V–VII вв. в единую народность, связывали названные области в один культурный узел. Совершенно естественно, что и такая часть духовной культуры как новые имена, образуясь в этой полиэтнической среде, расходились по именословам, как реальным, так и литературным. На это указывает и Шор, называя, например, антропонимы, образовавшиеся от этнонима вильтины. Это Уилт или Вилт/Wilte, Уиллеман или Виллеман/Willeman, Вилиа/Wilia (Shore 1906: 91-92).

Я полагаю, что к названным антропонимам можно добавить и такие как Св.Виллиброрд (657?–739), выходец из англосаксонской семьи в Нортумбрии, апостол фризов, проповедовал христианство королю фризов Радбоду (680-719). У Беды имя миссионера было написано как Wilbrord, и Шор передает его именно так. Кроме того можно назвать и отца апостола Св. Вильгиса. Помимо этого был Св.Вильфрид (639–709), епископ Йоркский, родом также из Нортумбрии. Правда, что касается толкования последнего из названных имен, то тут германисты уже объяснили его происхождение от древнегерманских welja – воля и friduz – защита. Хотя очевидно, что первый компонент *вил-* в имени *Вильфрид* обнаруживает такую же связь с этнонимом *вильцы*, как и вышеприведенные имена *Вилт* и *Виллеман*. Двучленные антропонимы могли быть гибридного состава, когда именные компоненты принадлежали к разным языковым семьям (германо-латинские или латино-греческие и т.д.). Ну, и еще раз надо напомнить, что этническая принадлежность носителя антропонима сплошь и рядом не совпадает с присхождением самого антропонима. Личные имена, с которыми связывалось величие, могущество и древние корни, расходились в полиэтнической среде и закреплялись за представителями различных родов и семей.

Развивая высказанную мысль, хотела бы обратить внимание на то, что носители личных имен, этимология которых обнаруживала связь с этнонимом *вильцы*, хотя по своему происхождению эти люди считались выходцами из англосаксонской среды, были активными апостолами христианства, чья религиозная деятельность также объединяла Атлантику и Британские острова.

Поэтому если в именословах на территории королевства франков в VII–VIII вв. фиксируются полные имена *Helehilehus* и *Heligbertus* с начальным именным компонентом *helig-*, т.е. *saint, sacré* 'святой', а в VIII–IX вв. в англосаксонских эпических произведениях фигурирует герой с именем Halga (**Hailaga*), то можно

предположить, что создатели англосаксонского эпоса стали использовать имена с начальным компонентом *helig-*, взяв их из реальных именословов, формировавшихся на территории Франкского королевства, где такие имена с компонентом *helig-* обнаруживались как минимум столетием раньше.

Тогда возникает следующий вопрос: что обусловило появление личных имен с компонентом *helig-* в области, известной в прежние времена как Фризская Славония. И здесь необходимо вспомнить, что распространению христианства в этих землях противостоял древний культ божества Святовита/Свентовита.

Саксон Грамматик писал о Святовите/Свентовите, что он был «первый или высший из богов», «бог богов», связанный с войной и с победами, а также с гаданиями. Культовый центр *Святовита/Свентовита* – четырехстолпный храм – находился в балтийско-славянском городе Арконе. Явно с этим теонимом было связано название устья Одера как Свиноусча/Свиноусща. Однако согласно Саксону Грамматику, культ Святовита предстает как мощнейший и влиятельнейший культ не только на южнобалтийском побережье, но и как имевший широкое распространение за пределами Арконы и Рюгена, в соседних странах. Все венды, рассказывал Саксон Грамматик, платили дань в пользу божества Svantevita, а все короли из соседних стран отправляли на его имя дары (Saxo 1999: 140).

Поскольку вендами в германоязычных источниках, как уже упоминалось, называли и «голландских славян» вильтинов, то можно представить, что область влияния культа Святовита в Европе была, действительно, обширной. Это предположение подтверждается и другим рассказом Саксона о том, что Карл Великий принудил рюгенцев платить дань в пользу католического святого, мученика Святого Вита и отправлять эти дары в монастырь в Корвее – мера, явно направленная на снижение влияния культа Святовита.

Но помимо экономических мер, вытеснение старинных культов шло и с помощью манипуляции популярными теонимами. Например, как это было в случае со Святым Витом, раннехристианские деятели и политики, поддерживавшие христианскую церковь, старались, используя созвучие имени святого с теонимом Святовит, «подменить» языческий теоним именем из христианского именослова. То, что данная подоплека была понятна поклонникам Святовита, видно из продолжения рассказа Саксона. После смерти Карла Великого рюгенцы прекратили отправлять дары в Корвей и стали по своей традиции приносить их храму Святовита, прокламируя, что теперь они одаривают своего истинного Святого Вита. Эта игра слов, по-видимому, привилась, поскольку у Саксона иногда названия *Святовит* и *Святой Вит* (Sankt Veit) взаимозаменяемы (Saxo 1999: 269-270).

А популярность имени Святовита/Свентовита в европейских именословах была очень велика. Особенно это касалось первого компонента *свят-/свет-* или *свент-*, что отражало славянские произносительные нормы Южной Балтии, в частности, нормы польского языка, в котором звук «ę» - носовой: Швентослав (Świętosław), Швентопалк (Świętopałk). Данная особенность славянских языков повлияла на оформление имени Святослав в византийских и латинских источниках именно с основой *свент-* как Сфендослав. Имя князя Великой Моравии Святополка (правил

850–894) приводилось у Константина Багрянородного как Свантиплук. Киевский князь Святополк Владимирович у Титмара Мерзебургского назван как Suentepulcus.

Высокородные имена славянских правителей с корнем *свят-* были популярны и у западноевропейских правителей на протяжении всего средневековья. Король Лотарингии Свендоболд/Swentibold/Zwentibold (правил 895–900) был назван в честь своего крестного отца, князя Великой Моравии Святополка.

Древность и могущество Свентовита обеспечивало славу его имени у многих европейских народов, включая и народы Скандинавского полуострова, о чем можно написать интересную работу, но это – отдельная тема, к тому же крайне мало изученная. Причина понятна – славянское влияние на германоязычные народы не изучалось в силу укоренившегося с XVII в. германоцентризма в рамках готицизма.

Но хорошо известно, что личное имя с корнем *свят-* пришло, например, в династийный именослов королей данов вместе с польской княжной Гунхильдой Святославой, вышедшей замуж за датского короля Свена Вилобородого, и их дочь была названа по имени матери *Святославой.* Это имя в монастырских актовых книгах «Liber vitae of the New Minster and Hyde Abbey Winchester» значилось в форме Santslaue (Santslaue soror CNVTI regis nostri).

В шведском именослове имя Святополк было заимствовано как Свантеполк. Первым носителем этого имени в среде шведской знати считается Свантеполк Кнутссон: точная дата рождения неизвестна, первое упоминание его имени относится к 1253 году, а дата смерти – 1310 г. Он был сыном Кнута Вальдемарссона, герцога Ревельского, внебрачного сына датского короля Вальдемара Сейра. Относительно его матери точных сведений нет, но считается, что имя Свантеполка/Святополка сын Кнута получил по линии своей матери, с большой долей вероятности, из именослова поморских герцогов. Свантеполк Кнутссон принадлежал к высшему слою шведской знати, носил титул гос. советника, был посвящен в рыцарское звание, являлся лагманом или высшим должностным лицом с судебными полномочиями в Восточной Гёталанд. От него имя Свантеполк (Swantepolk, Svatopluk, Swietopelk, Sviatopolk) вошло в шведский именослов в форме Сванте, т.е. как гипокористика, образованная от первого компонента *свят-/све(н)т-* в двусоставном имени.

Имя Сванте стало популярным в Швеции, многие известные и знатные лица в истории Швеции носили это имя. Оно стало календарным именем, именины отмечаются 10 июня вместе с другим заимствованным именем Борис.

Из приведенного материала очевидно, что начальный компонент теонима Святовит/Свентовит у латиноязычных авторов переводился как Sankt-/sanct-, т.е. в значении ʼсвятойʼ, что соответствовало и древнесакс. *helag-* или скандинавс. *helig-* в том же значении.

На мой взгляд, популярность имени могущественного Святовита/Свентовита и стремление христианских деятелей вытеснить его из европейских именословов породило творческий процесс образования новых имен с помощью передачи начального именного компонента *свят-/свент-* при использовании лат. sanctus, sancta и с помощью таких германоязычных лексем, как древнеангл. *hālig,* древнесакс. *helag* со значением ʼсвятойʼ. Деятели культуры, естественно, подключились к этому

процессу, и в эпических произведениях появились литературные герои с соответствующими личными именами.

Примерно в тот же самый период, когда на территории франкского королевства фиксируются личные имена с начальным именным компонентом *helig*-, т.е. *saint, sacré* ʹсвятойʹ, на территории «древней Галлии» обнаруживаются такие личные имена как:

Sanctitildis (739)
Sanctebertus (780)
Sanctefredus (Les noms de personne du Polyptyque de Wadalde 814)
Sanctaemerus (814) и др. (Morlet 1968:195)

Имя *Sanctebertus*, зафиксированное в 780 г. в документах аббатства Сен-Виктор в Марселе, в бывшей романизированной провинции Галлии, практически идентично имени *Heligbertus*, зафиксированного в 794 г. в Утрехте – бывшем Вильтенбурге Фризской Славонии, что свидетельствует о том, что личные имена и именные компоненты не тиражировались бездумно, а переводились на общепонятные языки. Это хорошо известно из русской традиции, когда многие древнерусские имена в переводе точно соответствовали библейским именам: греч. *Агафон* в переводе «добрый» соответствовало русскому имени *Добрыня*, лат. *Павел* в переводе «малый» соответствовало русским именам *Мал, Малой, Малыш* и др. (Суслова, Суперанская 1985:49).

Подобный принцип перевода имен был характерен и для западноевропейских средневековых литературных памятников. Например, в «Песне о саксах» («Les Saisnes»), написанной в конце XII в. французским поэтом Жаном Боделем, фигурирует герой, который прозывается «великан Фьерабрас Русский». Исследователь французского эпоса А.И. Дробинский полагал, что образ Фьерабраса Русского мог быть навеян историей жизни князя лютичей Драговита. Лютичи/велеты и их князья, благодаря своей героической борьбе против Карла Великого, во французских преданиях приняли исполинские черты и превратились в обощенный образ великана Фьерабраса Русского. Дробинский предполагал, что распространенное во французском фольклоре литературное имя «Фьерабрас» (Fierabras, собственно, Железная рука), под которым действовал великан Фьербрас Русский, вполне могло быть переводом славянского имени *Хоробр* (др.-рус. *Храбр*), поскольку *«fier à bras»* переведится и как «храбрая рука» (Дробинский 1948: 102-106, 112- 116). М. Халанский вообще отмечал, что слово *хоробр* было более старинным синонимом слова *богатырь* (Халанский 1902: 294).

Пара *Хоробр/Фьерабрас* подсказывает, что аналогичным образом, в результате перевода *свент- → helgi-* могло возникнуть имя героя англосаксонских поэм Halga, перешедшее позднее в исландские саги и далее – в скандинавские именословы. Подтверждением того, что имя *Hælghe/Hælge* в шведских именословах только в христианскую эпоху стало пониматься в значении ʹсвятойʹ служит отмеченный Янце́ном факт перевода на латынь прозвища (binamn) *Hælghe* как *Sankte* в одном средневековом шведском документе (Janzén 1947: 254-255). Данный факт дополнтельно подтверждает, что имена новых именословов, входивших в духовную

жизнь общества вместе с новой сакральной системой, повторялись в форме переводов на родной язык.

Классическим примером заимствования скандинавами славянского имени с основой *свят-/свен-* является вышеупомянутое имя Сванте – уменьшительное от имени Свантеполк, предположительно, из именослова поморских герцогов, отмеченное у шведской знати с XIII в. Как видим, заимствован только первый именной компонент, оформленный как уменьшительное имя или как прозвище, также как и в случае с Хельге/Хельги.

Зафиксированное Янцéном дублирование *Hælghe* как латинского *Sankte* показывает, каким длительным и непростым был процесс укоренения в скандинавских именословах имен с христианским содержанием, а также подкрепляет тот факт, что *Hælghe* как прозвище со значением 'святой' было в скандинавской ономастике пришлым с континента.

Все приведенные наблюдения подводят к мысли о том, что теоним Святовит/Свентовит был, очевидно, тем исходным «материалом», из которого в ходе распространения христианства были созданы новые именные компоненты, послужившие к образованию германоязычных прозвищ *Хельги* с христианским содержанием, вытеснивших постепенно языческие гипокористики и прочно занявшие свое место в скандинавских именословах.

В завершение этого раздела следует упомянуть о том, что до сих пор встречается заблуждение, восходящее, кажется, еще к Г.В. Вернадскому, согласно которому имя Хельги связывается с названием уроженца исторической области в Норвегии Хельгеланда (Helgeland). Это заблуждение поддерживается теми, кто не владеет ни скандинавскими языками, ни скандинавской тематикой вообще. Название в форме Хельгеланд закрепилось за одной из северных областей Норвегии уже в так называемый средневековый период (в истории Норвегии XI–XIII вв.). А до этого времени область носила название Хологаланд (Hålogaland), восходившее к древнескандинавскому Халогаланд (Hálogaland). Названный топоним Халогаланд был образован от этнонима халейгиры (háleygir) – имя очень древнее, но никто не знает его происхождения и значения. С распространением христианства многие старинные топонимы в скандинавских странах стали принимать более христианизированную форму. Так, древнее название Hálogaland/Hålogaland на фоне распространения христианства превратилось в Helgeland.

Древнерусские предания и их компиляция в Саге об Одде Стреле

Общеизвестно, что российские норманисты придерживаются устаревшего взгляда на исландские саги как достоверный и важнейший для них исторический источник, что и понятно, поскольку других исторических источников у них нет. Одной из исландских саг, которой придается особое значение в попытках подобрать для князя Олега прототип из среды датских или норвежских правителей, является «Сага об Одде Стреле», где приводится рассказ о смерти ее героя, во многом схожий с летописным рассказом о смерти князя Олега от укуса змеи. Это сюжетное сходство толкуется как безусловное подтверждение того, что Олег был родом из Норвегии, и

там якобы автор-исландец нашел сюжет для саги, поэтому «Сага об Одде Стреле» содержит доказательство того, что князь Олег был выходцем из среды «датских и норвежских локальных династий».

Конкретно, рассуждают таким образом: «Рассказ саги ...о смерти Одда... был сопоставлен исследователями с летописным рассказом в Повести временных лет...о смерти князя Олега от укуса змеи... сказания об Одде и Олеге, сохранившиеся в этих двух памятниках, проявляют значительное сходство, что позволило исследователям поставить вопрос о едином источнике, лежащем в их основе…» (Сага об Одде Стреле: 265). Что это за «единый» источник, без обиняков разъясняется в работах Мельниковой: «Среди многочисленных сюжетов о деяниях первых русских князей ...наиболее показательным является предание о смерти князя Олега, восходящее к тому же источнику, что и "Сага об Одде Стреле"... Возникшее в среде дружинников-варягов сказание об их вожде и киевском князе Хельги-Олеге, таким образом, изначально являлось историческим преданием о реально существовавшем человеке и отражало мифо-ритуальное сознание скандинавов, опираясь на языческие традиции севера. На Руси, видимо, еще в устной передаче сказание, с одной стороны, подверглось дальнейшей историозации, с другой – были устранены непонятные в XI в. скандинавские языческие реалии и коннотации. В Скандинавии, напротив, сказание деисторизировалось..., но сохранило – на сюжетном, но не семантическом уровне – мотивы, восходящие к мифо-ритуальной практике эпохи язычества» (Мельникова 2001: 99 – 102).

Эта цитата хорошо отражает норманистскую характеристику ПВЛ, которая по словам В.В. Фомина, трактует ПВЛ «как памятник, вобравший в себя многие скандинавские мотивы...» (Фомин 2005: 212), что постоянно тиражируется норманистами в форме общего постулата о том, что рассказ ПВЛ отражал «мировосприятие, менталитет и культурные традиции древних скандинавов... Отбор и форма репрезентации устной традиции ...сопровождались существенной переработкой... Наиболее ярким примером подобных модификаций служит сказание о смерти Олега: в летописном преломлении мотивы, наиболее тесно связанные с древнескандинавской мифологией и культовой практикой... практически полностью элиминированы. Славянизация первоначально скандинавской дружины сделала эти мотивы непонятными, и установить их изначальное присутствие в сказании возможно только при сопоставлении со скандинавским вариантом того же сюжета (в «Саге об Одде Стреле») (Мельникова 2007: 118-124).

Проведем здесь сопоставление летописного предания ПВЛ о смерти князя Олега с описанием смерти героя норвежской саги Одда Стрелы и посмотрим, устанавливаются ли при этом мотивы древнескандинавской мифологии. «Сага об Одде Стреле» принадлежит к так называемым сагам о древних временах – особому жанру саг, получившему развитие в XIII и XIV вв. Саги эти носят легендарно-фантастический характер, и историческое ядро там выделить подчас невозможно. Исследовательница исландских саг Г.В. Глазырина пишет, что саги о древних временах (Fornaldarsögur, от forn öld – древнее, мифическое время) появились в конце XII в. и получили развитие в XIII и XIV вв. Принято считать, что «древнее

время», описываемое в сагах, относится к периоду до заселения Исландии или к тому времени, когда появились достоверные рассказы. Глазырина полагает, что несмотря на легендарно-фантастический характер саг о древних временах, в основе сюжета некоторых из них выделяется историческое зерно, вокруг которого строится повествование, но отмечает, что легендарность сюжетов этих саг, создававшихся в XIII–XIV вв., существенно снижает достоверность включенных в них сведений. (Глазырина 2009: 241-243).

О чем повествует названная сага, появившаяся не ранее второй половины XIII в., и как ее герой Одд мог быть связан с князем Олегом? Согласно саге, Одд – выходец с хутора Беруръёдра в Норвегии. Пророчица предсказала ему смерть от головы его коня. Одд убивает коня, сбрасывает его тушу в яму и заваливает камнями, засыпает песком и грязью. Жизнь Одда проходит в путешествиях по разным странам, таким как Гардарики, где Одд становится правителем, женившись на дочери умершего короля. Через несколько лет Одд решает посетить родные места в Норвегии. Приехав, он увидел, что там все пришло в запустение, родной дом разрушен, развалины обильно поросли осокой. Бродя по пустырю, Одд спотыкается обо что-то, что оказывается черепом когда-то убитого им коня. Из черепа взвивается змея и жалит Одда в ногу «повыше лодыжки. Яд сразу подействовал, распухла вся нога и бедро. От этого укуса так ослабел Одд, что им пришлось помогать ему идти к берегу, и когда он пришел туда, сказал он: "Вам следует теперь поехать и вырубить мне каменный гроб, ..Не нужно ничего другого предпринимать, все, что случилось, уже предсказала вёльва, и потому сейчас я лягу в каменный гроб и там умру". …И тогда лёг он в каменный гроб» (Сага об Одде Стреле: 259-266).

На мой взгляд, рассказ о смерти главного героя саги, которому норманистами придается такое чрезвычайное значение для отождествления князя Олега с Оддом и через это отождествление – для доказательства того, что князь Олег был «скандинавским вождем Олегом (< Helgi) ...захватившим Киев в 882 г., что положило начало "собиранию" восточнославянских земель вокруг Киева» (Мельникова 2009:89), совершенно очевидно представляет компиляцию из двух древнерусских сюжетов. Первый – это смерть князя Олега от укуса змеи, выползшей из черепа коня, согласно преданию, рассказанному в ПВЛ. Второй – это смерть древнерусского богатыря Святогора в каменном гробу, на который натолкнулись Святогор и Илья Муромец, разъезжая по Святым горам (Гильфердинг 1873: № 1).

Что такое летописное предание о смерти князя Олега? Это полный иносказаний рассказ о смерти сакрального вождя, жизнь которого была прервана волею высших сил, олицетворенных в образах коня и змеи.

В эпоху мифо-поэтического сознания люди видели прямую связь между физической силой и молодостью обожествляемого правителя и благополучием социума. Соответственно, считалось, что стареющий и дряхлеющий правитель терял способность приносить своему народу стабильность и процветание, поэтому требовалось заменить его новым правителем – молодым и сильным, старый же царь подлежал ритуальному умервщлению – такой жестокий обычай стал со временем заменяться ограничением срока правления царя на определенное количество лет, но это уже вопрос из другой темы.

Поэтому рассказ о смерти Олега Вещего нельзя воспринимать в буквальном смысле: как описание случая смерти, вызванного укусом змеи. Змея и конский череп в летописном предании – атрибуты древнерусского языческого божества, зооморфными воплощениями которого были конь и змея, и которому, очевидно, служил князь Олег, а рассказ о смерти князя Олега при посредстве двух сакральных атрибутов – конского черепа и змеи – это архаичнейший обычай ритуального умервщления состарившегося сакрального правителя с целью освободить место новому молодому правителю. Этот обычай имел очень древние истоки, зафиксирован в истории многих народов и в частности, прекрасно описан известным этнографом Д.Фрэзером (Фрэзер 1980).

Наиболее архаичной разновидностью ритуального умервщления было ритуальное самоубийство, ярким примером которого служит обычай, описанный в античных мифах о гипербореях. Согласно этим мифам, когда кто-либо из гипербореев чувствовал, что насытился жизнью, он украшал себя гирляндами и бросался в море с особой скалы. Такая смерть считалась очень почетной (Боднарский 1953: 225).

Обычай ритуального умервщления или ритуального самоубийства прослеживается в истории в течение тысячелетий, трансформируясь и принимая различные формы. Кардинальным изменением становился формировавшийся со временем запрет на самовольный уход из жизни, поскольку в обществе крепло убеждение в том, что жизнь и смерть зависят от богов, представителями которых были жрецы или иные представители власти, связанные с ними.

В Римской империи, например, личность императора приравнивалась к божеству, потому сложилось обыкновение, что приказ о самоубийстве посылался императором тому или иному высокопоставленному лицу. В литературе есть немало рассказов о ритуале такого самоубийства, осуществляемого прилюдно: самоубийца вскрывал себе вены во время празднества, в окружении друзей.

Но можно обратиться и к временам более архаичным, например, к афинской истории. Известно, что древнегреческого философа Сократа (469–399) афинское правительство приговорило к принятию яда. Рассуждения Сократа относительно жизни и смерти, записанные его учениками и друзьями в период, когда он ожидал присылки яда, показывают, как с течением веков смешались идеи о ритуальном умервщлении и ритуальном самоубийстве. Сократ ушел из жизни, окруженный друзьями, и один из них оставил для потомства следующее описание: «Я был свидетелем кончины близкого друга...он казался мне счастливым...в Аид он отходит не без божественного предопределения и там, в Аиде, будет блаженнее, чем кто-либо другой» (Платон 1993: 59).

Христианство решительно осудило любую форму самоубийства. Но очень долго идеи ритуального умервщления продолжали жить и влиять на политико-этические нормы многих обществ.

С мыслями Сократа о том, что, покидая земную юдоль, человек уходит к умершим, и что предвкушение этого наполняет человека радостной надеждой, хорошо перекликается рассказ арабского путешественника и писателя начала X в. Ибн Фадлана, в 921–922 гг. побывавшего на Волге в качестве секретаря посольства

аббасидского халифа и оставившего путевые заметки, в которые вошло и описание погребального обряда знатного руса. Частью этого обряда было умервщление одной из девушек покойного.

Ибн Фадлан описывает, как девушка вызывается сама и после этого в течение нескольких дней до дня, назначенного для жертвенного костра «...пьет и веселится, украшает свою голову и саму себя разного рода украшениями и платьями... девушка каждый день пила и пела, радуясь будущему... в пятницу привели девушку к чему-то, сделанному ими еще раньше наподобие обвязки ворот. Она поставила свои ноги на ладони мужей, поднялась над этой обвязкой [смотря поверх нее вниз] и произнесла [какие-то] слова на своем языке, после чего ее опустили. Потом подняли ее во второй раз, причем она совершила подобное же действие, [как] и в первый раз. Потом ее опустили и подняли в третий раз... я спросил переводчика о ее действиях, и он сказал: ″Она сказала в первый раз, когда ее подняли: «Вот я вижу своего отца и свою мать», – и сказала во второй раз: «Вот все мои умершие родственники, сидящие», – и сказала в третий раз: «Вот я вижу своего господина, сидящим в саду, а сад красив, зелен, и с ним мужи и отроки, и вот он зовет меня, – так ведите же меня к нему» (Ковалевский 1956: 141).

Известно, что этот рассказ Ибн Фадлана норманисты пытаются представлять как доказательство пребывания скандинавов на Руси, но аргументы, которые приводятся для этого, отличаются узостью и непониманием того, что погребальный обряд должен анализироваться во всей совокупности его составляющих. Как минимум, следует учитывать тот факт, что ладья как принадлежность похоронного обряда не является специфически скандинавской особенностью, а прослеживается у многих народов, причем с очень древних времен. Комплексный анализ обряда похорон знатного руса помог бы обнаружить, что этот обряд содержит не больше «скандинавских» черт, чем любой из вышеприведенных примеров архаичного обычая ритуального умервщления.

Описанный Ибн-Фадланом архаичный погребальный обряд есть часть древнерусской истории. Но понять это можно только, если начинать древнерусскую историю от ее истоков, т.е. от переселения представителей гаплогруппы R1a на Русскую равнину около 4600–4900 лет тому назад или на рубеже III–II тыс. до н.э. При таком подходе для древнерусского обряда начала X в. найдутся другие соответствия, например, арийские Веды. Именно там есть царь мертвых Яма, сын бога восходящего солнца Вивасвата и брат божественных близнецов Ашвинов, объезжавших на быстроходной колеснице вселенную. Яма был первым смертным, указавшим людям путь смерти. Этот путь для вождей, воинов и жрецов вел на высшее небо, куда переселялись души умерших предков, в честь которых совершались поминальные обряды. Души предков или отцы, пировавшие на небе вместе с царем Ямой, наделялись мудростью древних риши – создателей гимнов Ригведы и посредников между богами и людьми (Ригведа 1989: 758-762).

Корни священного знания Вед уходят на Русскую равнину, где предки ариев и древние русы в течение столетий жили в лоне общей культуры, поэтому сходство ведических представлений о высшем небе, где пируют души предков, с представлениями древних русов, запечатленных Ибн-Фадланом, о небесах

обетованных, о небесных кущах, где сидят умершие родители и родственники, объясняется общим древним происхождением этих представлений в Восточной Европе. Культовая традиция обладает способностью сохраняться в обществе в течение тысячелетий. У ариев и древних русов и конь, и змея были священными животными, наделенными собственной божественной сущностью или выступавшими спутником/соратником божественнх сил.

Конь являлся атрибутом или образным уподоблением одного из основных богов РВ – бога огня и бога жертвенного костра Агни, «увозившего» жертву к богам, бога домашнего очага и хранителя его богатства и славы, победоносный блеск которого сравнивается с белым конем-скакуном. Языки же пламени жертвенного костра сравнивались с рыжими конями (Ригведа 1989: 32, 58, 76). Основное ведийское солярное божество и глаз богов Сурья запрягал рыжих кобылиц или коней и объезжал мир или сам выступал в образе рыжего коня (Ригведа 1989: 140). Действует в РВ и конь солнца Эташа («скакун») (Ригведа 1989: 758).

В Ригведе (РВ) действовали два бога-близнеца Ашвины, чье имя так и переводилось как «имеющий коней», «правящий конями». Ашвины утром и вечером объезжали вселенную на быстроходной колеснице, полной всяких благ. У Ашвинов был белый конь, который обожествлялся в РВ. Белый конь – это драгоценный дар стремительных колесничих Ашвинов-близнецов, как бы символизировавший светлую сторону жизни. Кроме того, Ашвины несут свет и «переправляют» людей через ночь к следующему утру (Ригведа: 141). Божество Митру везли по небу белые кони, подкованные серебром и золотом (Бойс 1988: 18).

Прославлен был священный белый конь Святовита – главного бога славянского Поморья, бога-наездника и воителя, что засвидетельствовал Гильфердинг (Гильфердинг 2013: 236-237).

В русском фольклоре конь также занимал одно из центральных мест и отображал удивительно многослойную образную систему. В цикле сказок о Василисе Прекрасной и бабе-яге образ всадника на коне и цветовая символика, тождественная арийской, выражали собой великие феномены природы. Василисе явился белый всадник, одетый в белое, на белом коне, сбруя на коне белая – всадник принес рассвет и воплощал собой свет, день ясный. Явился также Василисе другой всадник, сам красный, одет в красном и на красном коне – стало всходить солнце, а всадник был солнышком красным. Еще одного всадника увидела Василиса: сам черный, одет во все черное и на черном коне – настала ночь, а всадник на черном коне олицетворял темную ночь, темноту небесную. Близость арийской и древнерусской образных систем в данных примерах лишний раз демонстрирует, что их создатели древние русы и арии долгое время находились в границах одной культурно-языковой общности.

В русской эпической традиции хорошо представлен образ коня как посредника между земным и небесным миром, как посланца могущественных сакральных сил на землю в помощь их избранникам, как неразлучного спутника и защитника эпического героя.

«Сивка-Бурка, вещая Каурка, встань передо мной, как лист перед травой!» – такими колдовскими заклинаниями вызывал герой русской сказки чудесного коня,

отмеченного магической для индоевропейской традиции триадностью цветов: сивый, бурый и каурый или светлый, темный и рыжеватый – основные цветовые оттенки ведических божественных коней. И конь из русской сказки являлся, как воплощение неведомой тайной силы: «Сивко бежит, только земля дрожит, из очей пламя пышет, а из ноздрей дым столбом». Сивка-Бурка – вещий конь, как и конь-прорицатель Святовита.

Вторым сакральным атрибутом в древнерусском предании о смерти князя Олега выступала змея – зооморфное воплощение древних хтонических божеств, игравших важную роль в религиозно-мифологической традиции ариев и древних русов. Вообще, культ змеи или змея, по словам исследовательницы культа змеи в индуистской мифологии С.А. Маретиной, относится к числу древнейших и встречается почти во всех мифологиях мира. Змея в индуистской мифологии выступает как воплощение многих ведущих богов или как их символ. Существо хтонического мира, змея повсеместно взаимодействует и пересекается с обитателями высшего уровня Вселенной, змее присущи мудрость и обладание вещим знанием. Рядом со змеей в мифической традиции постоянно действует такой мифический персонаж как змей, часто приобретавший образ дракона (Маретина 2005: 3-7).

Культ змей, характерный для Индии, был впервые засвидетельствован в «Атхарваведе» («веда заклинаний»), завершенной к середине I тысячелетия до н.э. (Елизаренкова 1984: 8-22).

Традиция змеепочитания в Индии полно представлена во всех древнейших памятниках и запечатлелась в разных вариантах: змея связана с нижним миром, миром мертвых; есть змеи в водной стихии, в царстве Варуны; со временем змея, оставаясь существом хтоническим, передвигается в небесные сферы, приобретая черты небесного существа, солнечного и огненного. Поединок ведического божества Индры с демоном-змеем Вритрой – один из главных сюжетов, которому посвящены многие гимны РВ. С течением времени мотив змееборчества настолько трансформировался, что сам герой-змееборец подчас вынужден перевоплощаться в образ своего извечного врага змея (Маретина 2005: 79-99).

Хтонические существа связаны древнейшими узами и с Восточной Европой. Это и дева-змея из легенды о происхождении скифов (Геродот), и дева-ящерица – Медной горы Хозяйка из русских уральских сказов, и различные змеевидные персонажи русских былин, сказаний и сказок, такие как владелец стад Змиулан, связанный с огнем и водой Змей Горынич со многими головами (Маретина отмечает, что в индийской мифологии самые знаменитые божественные кобры обычно бывают многоголовыми, что подчеркивает их сверхъестественную сущность), Огненный Змей, лютый змей – «виновник» рождения былинного героя Волха Всеславьевича (Вольги Буслаевича) и т.д.

Но помимо змеи, и конь в древнерусской традиции наделялся хтонической природой, связанной и с культом плодородия, и с загробным миром. И это роднило коня и змею в мифологической древнерусской традиции. Конь считался вещим животным, способным предвещать судьбу: у русских были распространены святочные гадания с участием коня. Связь коня с загробным миром находила

выражение в сжигании маски конского черепа на Ивана Купалу, когда согласно поверьям все мифологические персонажи, связанные с загробным миром, покидали землю и возвращались на тот свет. Поэтому одной из функций волшебного коня было служить проводником хозяину на тот свет, в загробный мир. Существовал обычай хоронить коня вместе с хозяином (Конь 1995: 228-229).

Обрисовав сакральную природу коня и змеи в арийской и древнерусской традициях, можно выявить, атрибутами какого божества следует считать конский череп и змею в предании о смерти князя Олега и соответственно, – жрецом какого божества был князь Олег.

В древнерусской традиции, как известно, центральными персонажами дохристианской религиозной системы выступали Перун и Волос: «...да имъемъ клятву от бога, в его же вѣруемъ – в Перуна и в Волоса, скотья бога...». Есть много данных, свидетельствующих о том, что культ Волоса занимал в мировоззрении древних русов важнейшее место. На протяжении всего русского средневековья культ Волоса прослеживался на значительной территории русских земель. Сказания связывают его с Русским Севером, Новгородчиной, Уралом, а герои былин, наделенные чертами Волосова оборотничества, рождаются в Киеве. Идолы Волоса известны от северорусских земель до Владимиро-Суздальской и Ростовской земель вплоть до X–XI вв.

Известно, что это божество почиталось как покровитель скота. Волос выступал оберегом крестьянского двора, воспринимался как владыка аграрной магии и плодородия почвы, которого надо было умилостивлять. Коровы и кони считались главным богатством в древние времена, что провозглашалось и в РВ. Все это позволяет считать, что конь был животным, принадлежавшим Волосу. Вышеупомянутые хтонические черты коня роднили культ Волоса со змеей/змеем и другими хтоническими существами. Известен и образ Волоса как змеевидного или иного «земноводного» противника Перуна. Такое описание Волоса в разных воплощениях отразилось во многих былинах и древнерусских сказаниях.

Кроме былин и сказаний, зафиксированных в летописях, божество Волоса воплотилось в народном литературном творчестве в ярких сказочных образах, легко узнаваемых благодаря характерной атрибутике. В древнерусских сказаниях, бытовавших на Урале и записанных П.П. Бажовым уже в XX в., запечатлелся образ хранителя золота – хтонического существа Великого Полоза, который имел двойное обличье: человека и гигантского змея Бажов 1987:159-160). «Желтое лицо» Полоза созвучно рассказу ПВЛ о каре, которая постигнет преступившего клятву, данную именем Волоса. По выражению князя Святослава, «да будемъ золоти, яко золото...», что обычно переводится, как «да пожелтеем, как золото».

Таким образом, Волос рассматривался в системе древнерусского мировоззрения как всемогущий владыка, объединивший под своей властью три сферы: подземно-подводный, т.е. потусторонний мир, мир живой и плодоносящей природы и небесный мир божественного солнца. Это дает основания полагать, что конский череп и змея были атрибутами Волоса.

Но не менее могущественным божеством был и Перун. Кроме того, как бог-громовержец он мог выступать и в образе всадника на коне или управляющего

колесницей, в силу чего можно считать, что конь был и спутником Перуна. Наделялся Перун и змеиной природой.

Соответственно, и хтонические образы змея – дракона Перуна, и змея – «коркодила» Волоса играли в духовной жизни древнерусского общества важную роль. Однако именно Велесовым внуком назван эпический гусляр вещий Боян, соловей старого времени, который «вещие персты на живые струны вескладаше» – этот образ из «Слова о полку Игореве» естественно связывает изображение драконообразного существа на новгородских гуслях с древнейшим божеством русов Волосом/Велесом (Серяков 2001: 84).

А образ вещего Бояна, который вещими же перстами вызывает песнь о минувшем, сохраненную былинами своего времени, т.е. в устной традиции, вновь наводит на сравнение с ведийскими риши, по определению Елизаренковой, – провидцами, бывшими носителями вещего знания, непосредственно открытого им богами, а также певцами и поэтами, создавашими гимны РВ и хранившими их в своих семьях, передавая устно из поколения в поколение, и благодаря этому – мудрецами, воспринимавшимися как посредники между богами и людьми. (Ригведа 1989: 458, 761).

И приведенное сравнение помогает окончательно определиться с вопросом о том, жрецом какого божества был князь Олег. Данное ему прозвание «Вещий» соединяет князя Олега с хранителем древнего знания вещим Бояном, «родословие» которого эпическая традиция совершенно определенно возводит к Волосу/Велесу. Параллель с ведийскими риши – гимнопевцами проясняет и название Бояна Велесовым внуком: вещее знание хранилось в родах жрецов, в русской традиции называвшимися волхвами, связывавшимися происхождением и с княжеским родом.

Приведенные рассуждения подводят нас к выводу о том, что предел пребыванию князя Олега Вещего в земной юдоли положили посланцы его бога, скрытого под прозванием Волоса, «воля» которого была символически засвидетельствована такими сакральными атрибутами как конский череп и змея, считавшимися проводниками в потусторонний мир. Жрецы могли выступать в роли провозвестников воли богов, смерть же наступала от принятия яда. Под влиянием христианства рассказ о ритуальном умерщвлении состарившегося сакрального правителя с целью осободить место новому молодому правителю был закамуфлирован под поэтическую историю, представленную в ПВЛ.

Жреческое сакральное значение князя Олега подкрепляется и его прозвищем «Вещий», т.е. обладающий даром прорицателя и провидца, несущего священные весть и ведь – знания, открытые богами посвященным. Попытки норманистов увязать прозвище «Вещий» со значением ʼсвятойʼ – лишнее свидетельство того, что стереотипы норманизма препятствуют полноценному научному анализу материала древнерусской истории.

Прозвище «Вещий» – это знак, который оставила нам народная традиция для понимания личности князя Олега, и этот знак не так сложно растолковать: князь Олег – правитель с жреческим статусом или князь и жрец в одном лице. Собственно, в ПВЛ так об этом и говорится: «И прозваша Олга – въщий: бяху бо людье погани и

невъигласи» – «И прозвали Олега Вещим, так как были люди язычниками и непросвещенными».

Но был и другой знак, сохраненный летописцами как свидетельство о древнейшей сакральной традиции, служителем которой был князь Олег Вещий.

«И бысть всѣх лѣт княжения его 33», – завершается летописный рассказ о жизни и правлении князя Олега. В этой завершающей фразе закамуфлирована важная информация, поскольку число «3» наделено особой сакральностью в индоевропейской традиции, и его присутствие в архаичных текстах ариев и русов служило отметкой присутствия данной древнейшей сакральной традиции, намеком на то, что все изложение шло под знаком этой традиции, как крестное знамение символизировало охранительное присутствие христианской традиции.

Фанцузский ученый Ж. Дюмензиль называл трехчастной идеологией или теологической доктриной трех функций всю европейскую систему взглядов, начиная от ее истоков. Ее основное зерно, согласно наблюдениям Дюмензиля, это – трехфункциональность группы богов, обнаруживаемая в представлениях европейцев от ведийских индийцев и иранцев до древних римлян. В триадную группу организовывалась группа верховных божеств, т.е. божеств, обладавших наивысшей сакральной властью (Митра-Варуна, Индра, двое Натьев-Ашвинов). Тип трехвалентного божества представлял собой Агни, объединявший три сферы вселенной или «трижды рожденный»: на небе (солнце), на земле и в воде (Дюмензиль 1986: 11, 29, 158-159).

Трезубец или тришула («три копья») являлся одним из атрибутов Шивы и означал его тройственную природу: творца, хранителя Вселенной и ее разрушителя.

Триада божеств составляет основу и авестийской традиции: это – три верховных божества Митра, Апам-Напат («Сын вод») и стоящее над ними божество Ахура-Мазда («Господь мудрости»). Три эти божества поддерживали в мире вселенский закон рта/рита в ведийских текстах или арта/аша в древнеиранских текстах и сами ему подчинялись (Бойс 1988: 14-17).

Сакральное число «3» как сильный оберег часто воспроизводится во многих гимнах Ригведы, а в одном из гимнов, обращенном к Ашвинам, это число в разных вариантах воспроизводилось 36 раз: «*Трижды сегодня вы двое обратите взор на нас!.. Три обода у колесницы (вашей), везущей мед... Три опоры укреплены, чтобы (все) удерживать. Трижды ночью вы выезжаете, о Ашвины, и трижды днем. В один и тот же день трижды, о покрывающие (наши) ошибки, трижды сегодня жертву медом окропите! Трижды о Ашвины, сделайте вы набухшими для нас подкрепления, несущие награду, вечером и на заре! Трижды совершайте объезд, трижды – к человеку, верному обету, трижды, а также трояко будьте милостивы к усердному (в жертвоприношении), Трижды, о Ашвины, привезите вы радость! ...Трижды счастье и трижды славу нам (принесите)! На трехместную вашу колесницу поднимается дочь Солнца... Благословение, счастье и благо моему сыну, тройную защиту привезите, о повелители красоты! Трижды, о Ашвины, достойные жертвы, день за днем добирайтесь до нас, (объезжая) вокруг трехчленного мира, (вокруг) земли. По трем далям, о Насатьи-колесничие, приезжайте, как дыхание-ветер – на пастбища!..Три чана (с сомой). Трояко готовится жертвенное возлияние. Над тремя землями паря, дни и ночи охраняете вы установленный свод неба... Сюда, о Насатьи, с*

трижды одиннадцатью богами приезжайте на питье меда, о Ашвины! ...На повернутой к вам трехчастной колеснице привезите богатство – здоровых героев!» (Ригведа 1989: 43-45).

Древнерусская устная традиция, отразившаяся в эпосе, также пронизана упоминаниями священного числа «три», как знак того, что в данном эпизоде произойдет судьбоносный поворот событий или – встреча с божественной силой. Это во множестве встречается в знакомых с детства сказках, например, в «Сказке о царе Салтане»: «Три девицы под окном пряли поздно вечерком...» или в «Сказке о рыбаке и рыбке: «Старик ловил неводом рыбу... Раз он в море закинул невод – пришел невод с одною тиной. Он в другой раз закинул невод – пришел невод с травой морскою. В третий раз закинул невод – пришел невод с одною рыбкой, с непростою рыбкой, – золотою». Или в былинах, например, в былинах об Илье Муромце: «Доставай, Илья, коня собе богатырского, выходи в раздольице чисто поле, покупай первого жеребчика, станови его в срубу на три месяца, корми его пшеном белояровым. А пройдет поры-времени три месяца, ты по три ночи жеребчика в саду поваживай и в три росы жеребчика выкатывай…»; «Старому-де казаку да Илье Муромцу три пути пришло дорожки широкие...» (Былины 1988: 106, 206).

То же видим в былинах о Садко: «Садка день не зовут на почестен пир, другой не зовут на почестен пир, и третий не зовут на почестен пир... Показался царь морской, ...сам говорил таковы слова: …дам три рыбины – золоты перья. Тогда ты Садко счастлив будешь... Три купца повыкинулись, заложили по три лавки товара красного... Как настоятели новгородские ударили о велик заклад, о бессчетной золотой казны, о денежках тридцати тысячах... На свою бессчетну золоту казну построил Садке тридцать кораблей, тридцать кораблей, тридцать черленых…» (Новгородские былины 1978: 148-151).

Жизненный цикл человека, по представлениям индоевропейской традиции, также находился под влиянием троичной магии. Три декады в человеческой жизни рассматривались как важный этап, по достижении которого человеческая личность была готова к встрече с божественной силой. Согласно зороастрийским преданиям, Зороастр достиг тридцати лет, т.е. возраста зрелой мудрости, и тогда на него снизошло откровение: на берегу реки, на рассвете он узрел сияющее существо, которое привело Зороастра к Ахура-Мазде, от которого он получил откровение (Бойс 1988: 28).

Илья Муромец «сиднем сидел цело тридцать лет», когда к нему пришли калики перехожие и вдохнули в него «силушку великую». В некоторых сказаниях магия троичности могла быть усилена, например, двумя тройками: тридцать лет и три года, как в «Сказке о рыбаке и рыбке», в которой старик со старухой жили «ровно тридцать лет и три года», после чего цикл обыденной жизни завершался и встреча с волшебной силой могла пересечь жизнь человека.

И естественно, троичность в полной мере касалась смерти человека. Согласно наиболее архаичным представлениям о жизни человека, после смерти, расставшаяся с телом душа – урван – на три дня задерживалась на земле перед тем, как сойти в царство мертвых, где правил Яма (у авестийцев Йима). Души умерших зависели от своих потомков, оставшихся на земле. Потомки должны были кормить и одевать

души усопших. Обязанность совершать приношения ложилась на наследников покойного, как правило, на старшего сына, который должен был совершать их в течение тридцати лет – три декады, т.е. примерно, на протяжении жизни одного поколения.

Время смерти князя Олега в 913 году всего на десятилетие отстоит от описанного Ибн Фадланом в 921–922 гг. похоронного обряда руса на Волге с ритуальным умервщлением/самоубийством девушки. Поэтому ведические традиции и традиции древних русов должны были сохраняться и в окружении Олега в Киеве, и на севере Руси, в Приильменье. Это была одна из форм деяния во благо общества, поэтому идеологически ритуал мыслился с участием сакральных сил, зооморфными воплощениями которых были определенные атрибуты.

Третьим знаком, подтверждающим статус князя Олега, как сакрального вождя, служат сведения о захоронении князя Олега в разных местах: не то в Киеве, на горе Шековица, не то в Ладоге, не то «за морем», поскольку «яко идущу ему за море, и уклюну змия в ногу, и с того умре».

Разноречивы эти сведения только с точки зрения профанного знания, а с точки зрения знания сакрального они точно соответствуют древнейшему представлению, сохраненному в РВ и в русской «Голубиной книге», о происхождении Вселенной из разных частей тела Первобожества, расчлененного в ходе жертвенного ритуала для творения мира. Смерть сакрального вождя, согласно этим древнейшим представлениям, служила точкой отсчета для нового возрождения управлявшегося им мира – «воспроизведение в ритуале нового сотворения порядка из хаоса, повторение космогонического акта в ритуале...» (Скрынникова 1997:95).

Ритуал космогонического акта воспроизводил творение Вселенной из частей тела Первобожества, которое олицетворялось скончавшимся сакральным вождем – в летописном предании им был князь-жрец Олег, а летописные географические координаты Киев, Ладога и «заморье» маркировали границы той территории, гением-хранителем которой он воспринимался и где должно было состояться захоронение частей его праха, возможно, это было чисто символическое захоронение.

Что же касается Саги об Одде, то эта сага – неумелая компиляция древнерусского предания об Олеге, сделанная норвежскими или исландскими литераторами, для которых предание – просто занимательная история. Они были совершенно непосвящены в его символический контекст. Отсюда забавно натуралистические подробности: змея укусила героя повыше лодыжки, яд сразу подействовал, распухла вся нога и бедро. А чего стоит и вся непривлекательная сцена убийства коня, с безобразными подробностями того, как несчастного конягу засыпали камнями и грязью! Все это говорит о том, что исландские компиляторы древнерусского предания не понимали сокровенного его смысла. Поэтому и дополнили в конце фрагментом былины о Святогоре, стремясь сделать рассказ поэффектнее.

Соответственно, попытки норманистов выдать «Сагу об Одде Стреле» за какое-либо доказательство существования скандинавского вождя Хельги-Олега также

нелепы, как выглядела бы попытка доказать на основе норвежско-исландских компиляций из западноевропейских эпических и литературных произведений, что эти западноевропейские произведения также восходят к неким устным скандинавским источникам, якобы принесенными скандинавами в Западную Европу. В реальной исторической жизни все было наоборот – скандинавская литературная традиция питалась импульсами с европейского континента, как из восточноевропейской, так и западноевропейской культурных традиций.

Чтобы понять, каким образом мотивы из древнерусских преданий, письменно зафиксированные русскими летописцами в начале XII в., попали в сагу об Одде Стреле, созданную не ранее середины XIII в., надо представить себе особенности политической и культурной жизни Исландии и Норвегии, поскольку с 1258 года Исландия стала ярлством под властью норвежского короля Хокана IV Хоканссона (1217–1263).

В то время в Норвегии проявился интерес королевской власти к европейской литературе, начался, что называется, интенсивный «импорт» европейских литературных произведений, стали активно переводиться на древненорвежский произведения европейской придворной и прочей светской литературы с фокусом на героические образы прославленных наследственных правителей других народов, воспетых в истории своих народов как великие завоеватели и собиратели земель под единой рукой. При норвежском дворе переводились поэмы о падении Трои, мифы об Энее, сказания о короле Артуре, разнородные произведения о Карле Великом и др. Переводы или переложения адаптировались к сложившимся норвежско-исландским традициям, получали форму саги, их герои приобретали черты и нравы легендарных норвежских конунгов. Такие подражательные саги сделались очень популярны в норвежско-исландском обществе.

Интерес к подобным сюжетам был настолько велик, что литературные заимствования не ограничивались прямым привлечением опубликованных европейских произведений. Постепенно стали привлекаться и произведения устной традиции. Так, в середине XIII в. на древненорвежском языке была осуществлена первая письменная фиксация древненемецких сказаний о Тидреке Бернском, получившая известность как Тидрексага. Тидрексага передает эпическое наследие, восходящее к событиям V в. – войнам гуннов во главе с Аттилой и готов во главе с Теодорихом. Но кроме гуннского и готского правителей в ней фигурировали русский витязь Илья и русский король Владимир (Азбелев 2007:38-40).

Можно ли предположить, что при таком горячем интересе норвежского двора и норвежско-исландских деятелей литературы к произведениям европейской словесности о великих государях других народов они обошли бы вниманием творчество древнерусской летописной мысли и былевого эпоса? Помимо того, что сведения о Руси имелись во множестве в западноевропейских эпических произведениях, были и прямые связи между норвежским двором и русскими земляи. Например, к 1251 году относится поездка норвежских послов в Новгород для урегулирования спорных вопросов по северной границе, согласно «Саге о Хокане Старом», составленной сразу после смерти Хокана IV Стурлой Тордарсоном (Шаскольский 1970: 46).

Тогда-то норвежские представители, возможно, могли зафиксировать древнерусские сюжеты, переложенные позднее в форме саги. Таким образом, нет ничего удивительного или неожиданного в том, что вслед за Тидрексагой стали создаваться на древненорвежском языке компиляции из древнерусских сказаний в традиционной форме саг, герои которых принимали черты норвежских псевдоисторических конунгов и их сподвижников, примером чего, согласно моим выводам, и является «Сага об Одде Стреле».

Кроме этого, в связи с названной сагой есть и еще очень важный вопрос: а кто первый усмотрел сходство в описании смерти князя Олега и Одда Стрелы? Оказывается, тот же Олаф Рудбек в процессе работы над оформлением шведского политического мифа, где в истории Восточной Европы с древнейших времен русским места не отводилось. Исландские саги привлекли внимание представителей шведской политической мысли уже в начале XVII в. Но особенно интенсивно работа с текстами исландских саг осуществлялась в Швеции в период после Столбовского мира при активной поддержке официальных властей. И чудесным образом в процессе этой переводческой деятельности «обнаруживались» именно саги, которые работали на «подтверждение» основоположнической роли предков шведов (или выходцев из других скандинавских стран) в древнерусской истории. Нетрудно представить, сколько саг надо было проработать, чтобы в обширном рукописном наследии саг отобрать нужные произведения, которые работали бы на оформление шведского политического мифа с целью переформатирования восточноевропейской истории. Так в 1697 году Рудбек, наконец, отобрал из множества саг «Сагу об Одде Стреле и сделал ее первый перевод. Позднее последователь Рудбека и его горячий почитатель Элиас Бьёрнер (E.Björner) переиздал ее в 1737 г., включив в сборник избранных произведений, где уже и дал комментарий, в котором отождествил Одда с Олегом из ПВЛ.

Так что, истоки вышеприведенных норманистских рассуждений об Одде Стреле и князе Олеге – тот же рудбекианизм! А сопоставление летописного предания ПВЛ о смерти князя Олега с описанием смерти героя норвежской саги Одда Стрелы обнаруживает в летописном предании присутствие мотивов мифологии ариев и древних русов, а никак не скандинавских мотивов.

Исконные древнерусские имена Вольг – Ольг – Олег и Во́льга – Ольга

Олег и Ольга – древнерусские имена из самого архаичного именного слоя, рожденные той эпохой, когда представители гаплогруппы R1a заселяли Восточную Европу на рубеже III-II тыс. до н.э. Как всякие древние имена, они с течением времени видоизменялись, принимали разную форму, заимствуясь иноязычными носителями. Их наиболее архаичные формы это – Вольг/Вольга́ для мужского рода и Во́льга/Во́лга для женского рода, но в летописях наряду с ними можно видеть Олег и Ольга, поскольку чередование с начальной *в* и без нее было типично для древнерусского языка. В летописях можно встретить эти имена в обоих вариантах, т.е. с начальной *в* как Волга, так и без нее как Ольга/Олга. Вот несколько примеров из ПВЛ: «*Во́льга же бише в Киевѣ съ сыном своим дѣтьским Святославом…*», но далее: «*И*

послаша деревляне лучьшие мужи, числом 20, в лодьи к Ользе... (Повесть временных лет 2012: 402). *Ольга же повелѣ ископати яму велику... И заутра Во́лга сѣдящи в теремѣ...*». Или такие фразы: «*Во́льга же, раздая воем по голуби... И повеле Ольга...*», «*Иде Во́льга Ноугороду и устави по Месте повосты...*» (ПВЛ 2007: 27-29). В Ипатьевской летописи под 1196 годом встречается написание *Вольгович* наряду с *Ольговичи*.

Древность мужского имени Вольга́ подтверждается тем, что данное имя сохранилось в былинах. Это, например, известный Вольга́ Святославьевич, богатырь наших былин. Данный цикл былин принадлежит к наиболее архаичному слою в русском былинном эпосе. По какому праву норманисты начинают свой анализ с формы Олег, а не с формы Вольга́? Потому что введение архаичной именной формы Вольга́ может нарушить стройность германофильской лингвистической казуистики.

Чередование с начальной *в* и без нее было типично для древнерусского языка: возеро < озеро, востров < остров, вострый < острый и т.д. Поэтому для русского языка является типичным переход Вольга́ < Вольг < Ольг. Однако для древнерусского языка был типичен и переход начального *е* в *о* и обратно, напр.: озеро – езеро, орел - ерел, елень – олень, един – один, Елена – Олена (например, в ПВЛ сказано: «речено ей во крещении Олена»), Омельян-Емельян. Соответственно, Вольга < Ольга < Ельга самые обычные для древнерусского именослова чередования. Поэтому византийские авторы имели полное право изобразить имя Ольга как Ελγα. Но исследователь прошлого века М.Халанский находил и написание Οὔλγα на миниатюре I. Куропалата, изображавшей прием русской княгини во дворе византийского императора (Халанский 1902: 320-321).

Так что византийским соседям были известны обе формы имени: и Ольга, и Елга. Но в латыни и в германских языках перед гласной часто ставился знак придыхания *h* (history, Helena), поэтому в огласовке этих языков древнерусская Ельга стала Хельгой. Отсюда закономерный вывод: германская Хельга происходит от русской Елги/Ельги, а не наоборот. Но как же могли лингвисты так запутаться? Ведь здесь речь идет о достаточно широких лингвистических кругах.

И опять недобрым словом приходится вспомнить рудбекианизм и его вторую составляющую, т.е. созданную Рудбеком псевдокартину этнической карты Восточной Европы в древности, к которой, как это ни странно, восходят истоки наших представлений о позднем, позднее других народов, появлении славян, то бишь русских в Восточной Европе, якобы уже освоенной носителями других языков. Эта рудбекианистская трактовка породила искаженное толкование восточно-европейской гидронимики и в конечном итоге, – на толкование антропонимики.

Надо сказать, что шведский политический миф, истоки которого уходят во вторую половину XVI в., был вызван к жизни насущными политическими задачами, стоявшими перед шведским государством в то время, в частности, задачей определения национальной идеи, призванной консолидировать шведское общество. В период XVII–XVIII вв. данный политический миф переродился в информационную технологию для переформатирования русской истории. При этом надо сразу подчеркнуть, что шведский политический миф никогда не был связан с наукой, он обслуживал интересы политики шведской короны, и основной

его задачей было вытеснение русских из собственной истории: концепция русской истории в Восточной Европе в древности, но без русских.

Подобный подход сложился в так называемый великодержавный период в истории Швеции. По Столбовскому договору 1617 г., зафиксировавшему прекращение военных действий между Швецией и Русским государством, Швеция смогла удержать часть оккупированных ею русских земель (русские города Копорье, Ям, а также Ижорскую землю, Корелу и др.) Любое дело, особенно дело неправое, нуждается в идеологизации. Так, местному населению завоеванных русских земель надо было объяснять «законность» оккупации, т.е. обосновать «историческое право» Швеции на завоеванные в Смутное время новгородские земли, в частности, «право» облагать эти области данью, что после Столбовского мира (1617) означало на деле идеологизацию получения выгод от контроля за русской торговлей хлебом, а после поражения в Северной войне – оправдание попыток реванша с целью возврата земель в устье Невы, где рос молодой Санкт-Петербург.

Кроме того, шведская корона нуждалась в завоеванных землях в верноподданическом населении, верноподданическом если не по рождению, то хотя бы по лютеранской вере. Однако по Столбовскому договору насильственное обращение в лютеранство запрещалось, поэтому вопросы управления в русских землях, в том числе и религиозный вопрос, стали решать путем постепенного вытеснения православного населения и переселения на их место финских и немецких переселенцев, т.е. методом того, что сейчас называется этнической зачисткой.

Для обслуживания этих задач и прибегли к созданию нового политического мифа с использованием истории. При поддержке государства стала создаваться новейшая версия истории Восточной Европы в древности, для чего привлекли ни много ни мало, древнегреческие мифы о гипербореях, которых объявили прямыми предками шведских королей. Новый политический миф был призван доказать первенствующую роль предков шведов в Восточной Европе, которые, по созданной мифологии, якобы уже в гиперборейские времена осваивали Восточную Европу задолго до других народов, ходили и до Черного моря, и далее – до греческих островов. Придворный историограф Олоф Рудбек (1630-1702) в конце XVII в. создал «обобщающий» труд – пространную фантазию на темы древнешведской истории под названием «Атлантида», частично изданной в конце XVII в., где «упорядочил» этническую картину Восточной Европы в древности.

Согласно Рудбеку, в постгиперборейские времена финны заселили восточно-европейские земли задолго до славян, а шведы уже под именем варягов владычествовали над ними и собирали с них дань, а русские на севере и в центре Европы появились намного позднее.

Все аргументы Рудбека были взяты из воздуха, однако это была обычная манера того времени: XVI–XVIII вв. были эпохой создания вымышленных историй для североевропейских стран при поддержке государств. Со временем большинство фантазий Рудбека на исторические темы было отнесено к курьезам, но его этнической картине Восточной Европы в древности была суждена другая судьба.

Безумные фантазии «Атлантиды» Рудбека были провозглашены шведскими

властями как непререкаемая историческая истина, преподавались в учебных заведениях, в том числе и в Финляндии, которая была частью шведского королевства. И когда в начале XIX в. Финляндия вошла как княжество в состав Российской империи, то вся эта рудбекианистская ученость хлынула в российские университеты и была там многими принята за научные открытия, поскольку общественное мнение российского общества к началу XIX в. под влиянием галломании уже прониклось верой в то, что с Запада приходит все самое передовое и архинаучное.

В российской науке развитие рудбекианистских представлений об этнической карте Восточной Европы в древности получило, прежде всего, в трудах финских филологов и фольклористов, таких как М.А. Кастрен (1813–1853), Д. Европеус (1820–1884) и др. Эта плеяда финских деятелей культуры принадлежала поколению финской интеллигенции, сложившемуся на волне пробуждения национального самосознания в Финляндии в первой четверти XIX в. Но историю они учили «по Рудбеку», согласно которому первопоселенцами в Восточной Европе были финно-угорские народы.

С подачи этих ученых и стали названия русских рек выводить из финноугорских языков, включая и название Волги. А это в свою очередь, внесло путаницу в понимание связи имен Олег и Ольга с архаичными именными формами Вольг/Вольга́ для мужского рода и Во́льга/Во́лга для женского рода и их связи с гидронимикой Восточной Европы, в том числе, с названием Волги. Этимологию Волги стали объяснять от финно-угорского корня *valg*, т.е. «светлая», «белая» (Улуханов 1966:105-107).

Но приблизительно со второй половины XIX в. некоторые российские ученые стали возражать против идеи финно-угорского субстрата, поскольку основные гидронимы Русской равнины не получали объяснения из финно-угорских языков, но находили соответствия в областях, населенных носителями индоевропейских языков. Однако русской истории и здесь не повезло, поскольку для исследования восточноевропейских гидронимов с индоевропейской этимологией придумали никогда не существовавший в Восточной Европе «народ» балтов, ибо для «нефинских» гидронимов стали находить подходящую этимологию в прусском и литовском языках.

Хотя термин «балты» в Восточной Европе – не название исторически сложившегося там этноса, а сугубо книжный термин, вошедший в науку, согласно М.Гимбутас, с 1845 г. и искуственно образованный от гидронима *Балтийское море* для обозначения носителей «балтских» языков, поскольку славян, то бишь русских в Восточной Европе, под воздействием выдумок Рудбека и других шведских деятелей, не мыслилось ранее второй половины первого тысячелетия, в силу чего и сложилось убеждение, что именно предки литовцев заселяли в древности земли в районах Смоленска, Твери, Москвы и Чернигова.

В немалой степени этому способствовали труды В.Н. Топорова и О.Н. Трубачева. В частности, в известном труде «Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья» авторами прямо заявлялось о том, что «интерес к изучению гидронимии верхнего Днепра определился стремлением исследователей очертить

более древнюю территорию расселения балтийских племен (говоря конкретно, всякий раз имелись в виду древние литовцы) (Топоров, Трубачев 1962: 4).

Эту мысль развивала М. Гимбутас: «Балтийские названия рек и местностей, – писала она, – бытуют на всей территории, расположенной от Балтийского моря до Западной Великороссии... В течение столетий русские воевали против балтов, пока наконец не покорили их. С этого времени упоминаний о воинственных галиндянах не было. Скорее всего, их сопротивление было сломлено, и, вытесненные увеличившимся славянским населением, они не смогли выжить... западные балты сражались против славянской колонизации на протяжении 600 лет» (Гимбутас 2004: 31-36).

Эти представления укрепилось в советской науке, развившись в хорошо узнаваемые исторические образы, типа: «...славянская колонизация продвигалась в толщу балто-литовских и финно-угорских племен» (Рыбаков 1997: 141), где колонизованные русскими финно-угры – из Рудбека, а балты – из лингвистической умозрительности и теоретической неподготовленности XIX в. объяснить динамику миграций носителей индоевропейских языков в Восточной Европе в III–II тыс. до н.э.

Под влиянием названных факторов создалась теория: в процессе распада индоевропейской общности в южном ареале Восточной Европы в III–II тыс. до н.э., результатом которого стали миграции индоарийских и ираноязычных народов в Азию, появилась новая культура протобалтов – новая индоевропейская общность Восточной Европы, якобы оформившаяся на развалинах древнего индоиранского мира, которую в силу сходства между литовским и санскритом соотносят обычно с предками литовцев. Славянам или русским – прямым потомкам древних русов или носителей гаплотипа R1a-Z280 – в этой концепции отводилась роль завоевателей и колонизаторов.

Сейчас появились научные данные, которые показывают, что и финно-угры, и те, кто сегодня балты, пришли в Европу как носители уральских языков и представители одной гаплогруппы N1c1. В Восточную Европу представители гаплогруппы N1c1 шли как два разных потока и в разные времена. Первый поток N1c1 пришел в Восточную Европу около 2500–2000 лет тому назад, его представители восприняли ИЕ язык уже в Европе и стали предками нынешних балтских народов. А второй поток дошел до Финляндии 2000–1500 лет тому назад и сохранил язык уральской языковой группы. Таким образрм, оба миграционных потока представителей гаплогруппы N1c1 пришли в Восточную Европу много позднее переселения туда R1a, т.е. они пришли в Восточную Европу, уже освоенную ее насельниками ариями и древними русами, давшими свои названия гидронимам и другим географическим феноменам (Клёсов 2013).

Такова была реальная картина того, как закладывались основы российской полиэтничности, функционировавшие на протяжении тысячелетий. Но исторически верные представления о генезисе российской полиэтничности также оказались искажены до неузнаваемости.

Введение фантомных «балтов» в Восточную Европу отразилось и на толковании названия Волги: имя Волга из финской «зоны» перешло в «балтскую», в

силу чего стало утверждаться, что Волга – это балтская этимология, «валка» – небольшой ручей или ручей, текущий по болоту (Поспелов 1988: 47).

Как можно для величайшей реки Восточной Европы придумывать этимологию «ручей», остается непонятным. Но видимо, повлияла привычка к финно-угорскому *valg*, т.е. искали что-то, созвучное этому слову, поэтому остановились на *валке*. Правда, у Гимбутас есть и другое предложение по этимологии, и тоже из балтских языков – этимологии, по всей видимости, подвластно все, что угодно.

Гимбутас полагала, что «название реки Волги восходит к балтийскому *jilga* – "длинная река". Литовское *jilgas, ilgas* означает "длинный", следовательно, *Jilga* – "длинная река"» (Гимбутас 2004:36).

И «ручей на болоте», и «длинная река» – явная бессмыслица: первый вариант – своим полным несоответствием описываемому гидрониму, второй – наукообразной умозрительностью, вне связи с мифопоэтическим мышлением архаичных эпох. У носителей индоевропейских языков (ариев и древних русов) существовал культ поклонения рекам, поэтому принципы наречения гидронимов, особенно крупных основных гидронимов, были совершенно иными.

Нет смысла подробно останавливаться на всех гипотезах, которые циркулируют вокруг названия Волга, поскольку их множественность демонстрирует только явную беспомощность современной лингвистики, обусловленную негативным влиянием рудбекианизма, по-прежнему стоящего на пути исследований. Тем более, что и рассматриваемая здесь проблема – это личные имена, т.е. иная часть ономастики. Однако спецификой древнерусской истории духовной культуры является тесная связь наиболее важных гидронимов и антропонимов. По моему убеждению, данный факт является дополнительным доказательством автохтонности древнерусской традиции на той территории, где эта связь обнаруживается, т.е. в Восточной Европе, что и иллюстрируется явным тождеством названия главной реки Восточной Европы Волги, имя которой размножено в Волгарицах, Воложках, Волошках и др. как в бассейне Волги, так и за ее пределами, с былинными, летописными и календарными именами Вольги, Вóлга, Олега и Ольги.

Для рассматриваемой темы важно отметить, что в результате упомянутых историографических коллизий у лингвистов зацементировалось убеждение, что название Волга, а следовательно и имена Вольгá, Вольг или Елга нельзя толковать из русского, потому что в праславянском, как его понимает современная лингвистика, сомнительно наличие корня *волг-*. А если для какого-либо русского имени лингвистика не в состоянии подобрать славянскую этимологию, то в девяти случаев из десяти такое имя провозглашается... скандинавским!

Однако это ведь подгоняя под финно-угорские названия, выделили корень *волг-*. В древнерусском названии Волги, также как в древнерусском имени Волг/Олг корень или постоянно сохраняемая основа есть *вол-/ол-*, остальная же часть в этих словах подвержена изменениям. Кстати, в XIX в. высказывались мысли о том, что Волга – двуосновное имя, где корень *вол-*, а *га-* есть второй компонент, в названиях рек обозначавший гидроним: Онега, Пинега, Синюга или озеро Синего в Московской

области и пр., и также как и первый компонент, никакого отношения к финно-угорским языкам не имевший (Соболевский 1921-1924: 6-7).

Этот вывод подкрепляется сейчас результатами исследований новгородского ученого В.П. Васильева по архаичной топонимике Новгородской земли. Согласно Васильеву, такие гидронимы как *Онега, Онига* являются историческими вариантами гидронима *Онегость*, т.е. данные сокращенные формы есть не что иное, как отражение на топонимическом уровне закономерности усечения соответствующего антропонима на *–гость*. К реальности такого рода имен на иных славянских землях, можно добавить, например, надпись «Доброга» на корчаге не позже XI в., обнаруженной при разборке руин Успенского собора в Киеве (Васильев 2005: 161).

Данная работа Васильева представляет, на мой взгляд, ценнейшее исследование, но относительно трактовки именного компонента *-гость* хотелось бы внести некоторые дополнения. Совершенно согласна с мыслью о вторичности гидронима, но не относительно антропонима, а относительно теонима, поскольку по моему убеждению, такие имена с конечным компонентом *–гость* (Радогост, Велегост) и др. были изначально именами божеств или обожествленных предков. Без учета аспекта сакральности невозможно понять как роль компонента *–гость/гост-* , так и связь полного гидронима, оканчивающегося на *гост-/га*, с аналогичными антропонимами/теонимами.

Если именной компонент *-га* есть один из сокращенных вариантов *-гост/-гаст*, то он выступал как иносказательная форма древнерусского теонима, имевшего обережный смысл и оттого бывшего таким продуктивным и долговечным во всех областях ономастики, прежде всего в топонимике и антропонимике. В полной форме компонент *-гост/-гаст* полнее всего сохранился на южнобалтийском побережье, о чем будет сказано далее. В силу своей абсолютной значительности индоевропейский постпозитивный компонент *–га* сохранялся в названиях гидронимов и финно-угорскими народами, заселявшими Восточную Европу 2000–1500 лет тому назад.

Остановиться на толковании конечного компонента *га-* в имени Волги было необходимо, невзирая на то, что основное внимание в этом разделе должно быть сосредоточено на основе *вол-/ол-/л-* в гидронимах/антропонимах.

Мысль о том, что корнем в гидроним Волга является и.-е. ****el-/*ol-***, подтверждается и исследованиями в области так называемой древнеевропейской гидронимики. По поводу самого данного понятия приведу разъяснение Н.В. Васильевой, согласно которому такие термины как древнеевропейские гидронимы, древнеевропейская гидронимия, принадлежат только одной теории, в рамках которой они определяются и существуют. «Отцом» этой теории является немецкий индоевропеист Ханс Краэ, дальнейшее развитие она получила в работах немецких лингвистов В. Шмидта, Ю. Удольфа и др. По мнению сторонников данной концепции, к древнеевропейским гидронимам следует относить название такого водного объекта, которое восходит к индоевропейскому корню и которое нельзя объяснить только из того языка, на котором говорят в историческое время на данной территории; значение такого названия должно относиться к семантическому полю воды, кроме того, данный гидроним должен иметь хотя бы одно соответствие на

территории Европы в виде другого древнего названия со сходной структурой (Васильева 2001: 106-112).

Приведенный комментарий можно дополнить словами немецкого историка и археолога А. Пауля, писавшего о том, что концепция, получившая название «древнеевропейской гидронимии», возводит топонимику, необъяснимую из языков народов, проживающих в этих областях, к наследию первых индоевропейских переселенцев в Европе, давших названия рекам ещё до расхождения индоевропейских языков на разные группы. В наше время она является «общепринятой» в немецком научном мире. Спецификой этой концепции, возникшей на немецкой почве, были, в сущности, поиски подтверждения идеи «германской прародины» в Северной Германии, в силу чего, к примеру, полагали, что дославянская гидронимика Германии принадлежала «западной ветви» индоевропейцев, возникшей до заселения ее славянами. Однако трудами немецких сторонников концепции «древнеевропейской гидронимии» удалось систематизировать множество названий крупных рек Европы, выяснив, что все они происходят от одного индоевропейского корня, а изменения их форм зависят от дополнения этих корней разными формантами и суффиксами (Пауль 2014).

Надо сказать, что в немалой степени благодаря трудам названных немецких ученых удалось обнаружить и сходные с Волгой древние названия рек, выходящие за пределы территорий, населенных носителями как финно-угорских, так и балтских языков. Это – река Влга в бассейне Лабы (Чехия) и река Вилга в бассейне Вислы (Польша). Однако, как показывает ситуационный анализ, пока эти данные на вопрос о происхождении русской Волги, а вместе с этим – и на вопрос происхождения русских имен Олег и Ольга кардинального влияния не оказали, но тем не менее, введение их в научный оборот важно.

Так, об и.-е. корнях ***el-**/***ol-** в гидронимах Волхов и Волга писал немецкий лингвист, славист и известный специалист по славяно-германской топонимике К.Хенгст, выявляя древнеевропейскую гидронимию у восточных славян и представляя, в частности, результаты исследований В.Шмидта и Ю.Удольфа. Для гидронима Волхов, согласно В.Шмидту в его работе «Linguiticae scientiae collectania. Ausgewaehlte Schriften. Hrsg. V.S. Berlin-New York, 1994», выстраивается такой ряд: др.-европ. **Ol-s-* > , балт. *Alšava > зап.-фин. *Olhava* > в.-слав. *Волхов.* Как видим, в умозрительном лингвистическом мире В.Шмидта путь к восточнославянскому гидрониму Волхов все равно идет через балтские и западно-финские языки – именно носители этих языков должны, согласно лингвистическим стереотипам, восходящим к рудбекианизму, быть предшественниками русских в Восточной Европе.

В названии Волга Хенгст выделяет др.-европ. корень **Ol-g-* > дослав. **Algā* с переходом *а* >*о* и с протетическим *в* в славянское время. Такая новая интерпретация гидронима *Волга* на основе древнеевропейского корня, напомнил Хенгст, была дана еще Ю.Удольфом в статье «Die Stellung der Gewaessernamen Polens innerhalb der alteuropaeischen Hydronymie», опубликованной ещё в 1990 г. (Хенгст 2001: 103).

Начиная несколько лет тому назад работу над моей концепцией о древних русах как насельниках в Восточной Европе, я также использовала, за неимением лучшего, такие термины как индоевропейский субстрат, связанный с русской

историей и т.д. (Грот 2012:465-490), но теперь многое прояснилось, поэтому в последних работах я стала вместо индоевропейского субстрата писать более конкретно: *арии* и *древние русы*. И так называемый древнеевропейский корень ***el-*/**ol***, выделенный немецкими сторонниками концепции древнеевропейской гидронимии в восточноевропейских гидронимах, хорошо укладывается в рамки моей концепции. Тем более что, по свидетельству Н.В.Васильевой, ни в кельтском, ни в древнегерманском нет корня ***el-*/**ol-*** (Васильева 2001: 107).

Но зато этот корень очень хорошо представлен в русской топонимике и антропонимике, т.е. той топонимике и антропонимике, которая была создана древними русами до миграций в Восточную Европу представителей гаплогруппы N1c1, и является основой для имен Олег и Ольга. Приведу дополнительные примеры имен с основой *вол-/ол-/ел-/л-*, которые можно найти в русских источниках.

Пример из ПВЛ: «...*и повеле Ольга воемъ своимъ имати... И възложиша на ня дань тяжьку... а третьяя Вышегороду к Ользѣ; бѣ бо Вышегород град Во́льзинъ. И иде Во́льга по Деръвьстѣй земли …и по Днѣпру перевѣсища и по Деснѣ, и есть село ее Ольжичи и доселе*» (ПВЛ 2007:29). Как видим, в имени княгини Ольги первый компонент сохраняется неизменно с чередованием *ол-/вол-*. Кроме того, видно, как от этого антропонима образуются топонимы: Вользин град, село Ольжичи. Можно назвать и большее число таких топонимов.

В работе М. Халанского сообщается о том, что в городе Льгове Курской губернии существует предание об основании города Льгова княгиней Ольгой (Халанский 1902: 292). Город впервые упомянут в Ипатьевской летописи под 1152 году под названием Ольгов. В паре *Ольгов – Льгов* сохраняется только корневое *л-*.

М. Халанский приводит различные варианты названия небольшого монастыря-пу́стыни в Курской губернии, которые в подлинных актах архива курской консистории зафиксированы и как *Волпиновская* пустынь, и как *Льпиновская пустынь*, а также как *Илпиновская* пустынь. Такие корневые чередования как *вол-/ль/ил-* естественны для русского языка, что иллюстрируется Халанским на примере слова вольгота/льгота/ильгота (Халанский 1902: 325). Последний вариант чередования напоминает также о варианте Волга/Вилга.

Для имени Во́льга/Ольга/Ельга есть соответствия не только в названиях городов и сел, поскольку, за исключением названия пу́стыни, эти названия явно вторичны относительно личного имени Ольги. Важно то, что для каждого варианта имени, т.е. для *Во́льги, Ольги, Ельги* есть свои соответствия в русской гидронимике, что будет показано ниже. И это яркое свидетельство того, что все варианты данного имени родились на Русской равнине. Гидроним Волга, согласно немецким исследователям, образован от древнеевропейского корня ***el-*/**ol-***, а индоевропейскими насельниками Восточной Европы были арии и древние русы. Морфология данного имени, как было показано выше, принадлежит русскому языку, т.е. не может быть никаких сомнений в том, что это имя древних русов или древнерусское имя.

Прежде чем перейти к примерам из гидронимики, следует посмотреть, как варьируется в источниках имя Олег. Халанский собрал множество вариантов, которые разные древнерусские памятники сохранили для имени Олег. В

летописании это: *Олъгъ, Олегъ, Олгъ* в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях, но в падежных формах *Олгомь* и *Олгови*. В хронографе XVII века (сп. Московской Синодальной библиотеки № 135): (Рюрик) приказа... воеводе своему *Олгъ*. Т.е. здесь в именительном падеже мы видим такую форму имени как *Ольгá*. Но в именительном падеже могла быть и такая форма как *Олгъ* (Ольгé): об Олеге Рязанском под 1381 сказано: пріиде князь резанский *Олгъ Иванович*. Встречается в летописях и написание имени Олега с начальной *в-*. От именительного падежа имени *Волгъ* есть падежная форма по *Волзѣ* (ПСРЛ, IX, 18, прим. *г*) аналогично вариантам женского имени Вóльга и Ольга. Встречается имя и с опущением начального *о*: *Легъ, Лга* (ПСРЛ, IX, 25, прим. н и 15, прим. 5); сравн. *Лжичи* при Олжичи, Ольжичи (Ип. *л*. 315) (Халанский 1902: 322). Надо добавить, что форма мужского имени на *-е* как *Олгъ* была, видимо, распространена в Новгородской земле, например, встречается в былине о Садко; «Ай же ты, Садке-купец богатый гость!», «Стал поживать Садке во Нове-граде» и пр.

Приведенные примеры показывают, что чередования в корне для имени Олег такое же, как и для имени Ольга: *вол-/ол-/л-*. И данный вывод хорошо подтверждается русскими былинами. В онежских былинах для *Вольги* имеется вариант *Волья*: молодой Волья-то Всеславьевич/Щеславьевич, молода Волью Всеславьевича (Гильфердинг 1873: № 32).

О появлении на свет богатыря в былине повествуется так:

Да они слыша нарождене богатырское,
Сильного могучего богатыря
Да Вольву сына Щеславьевича
Да по той ли по Волги по реки
Взяли-де рыбоньку бѣлуженьку повыловили,
Окуня, сарожку повыдобыли,
Да лисицу куницу повыдавили
Да тут Вольвушенька раждается
(Гильфердинг 1873: № 254. Стлб. 1168-1169).

Очевидно, что в приведенных вариантах былинного имени *Вольгá* и *Волья* корнем является *вол-*.

Рассуждая о закономерности перехода *о* в *е*, Халанский распространяет примеры данного перехода не только для женской формы имени *Ольга/Ельга*, но и на его мужской вариант *Олег* из формы *Волья*. Халанский приводит такие примеры, как Евпатій – Олпатій, Елиферій – Олухвїръ, Есипъ – Осипъ. Поэтому по его убеждению, для такого варианта женского имени Ольга как Ельга логично предположить мужской вариант для Олега как Ельг. Халанский упоминает Эриха Ляссоту, в 1594-м году посетившего Киев и оставившего сведения о некоторых лицах древнерусского эпоса, в частности, о матери Владимира *Юлзѣ* и о богатыре его *Ельѣ Моровлин*. Халанский обращает внимание на то, что народную южно-русскую форму имени *Елья* Ляссота передал как *Elia*. В фонетическом отношении, по его мнению, *Елья* (Elia) должно считаться вариантом *Волья*, и как при *Волья* имелся вариант *Вольгá*, так и при *Елья* следует предположить форму *Ельгá*.

Согласно Халанскому, имя богатыря *Elia* из записок Ляссоты есть старый народный южнорусский вариант имени Олег, восходящий к основной форме **Ельгъ*

или **Ельгá*. Подтверждение своей мысли Халанский видит в древненемецкой поэме «Ортнит», где действует герой *Eligas* или *Eligus*, и данное имя есть вариант от *Ольгъ* и *Ольгá* в форме *Ельгъ* и *Ельгá*.

Имя русского короля или künig von Reussen изображалось в разных формах. Помимо *Eligas/Ilias* в редакции поэмы, входящей в печатное издание Heldenbuoch 1477 г. и воспроизведенное А. Келлером в 1867 г. Но в прозаическом введении к Heldenbuoch тот же самый герой назван *Elegast*. Халанский напомнил, что предположение о существовании в древнерусском языке формы *Елгъ* как варианта *Ольгъ* высказывалось также Д.И. Иловайским (Халанский 1902: 317-338).

Рассуждения Халанского об имени *Eligas* в древненемецких эпических произведениях как передачи русского *Ельгъ/Ольгъ* представляются логичными. Для архаичных антропонимов было обычным образование парных имен, т.е. таких имен, которые могут принадлежать как женщинам, так и мужчинам: *Кир – Кира*, *Марин – Марина*. Но традиция сохраняла парные имена неравномерно. Например, как отмечали Суслова и Суперанская, в официальных русских перечнях имен Августин числился, а Августина нет. Не числились такие мужские имена как Дарий, Елен, Олимпиад, а из женских имен не числились такие как Леонида, Модеста, Октавия и т.д (Суслова, Суперанская 1985: 14-15).

Выявление парности мужских *Вольгá/Ельгъ/Ольгъ* и женских *Вóльга/Ельга/Ольга* имен, функционировавших в древнерусской традиции, важное свидетельство архаичной природы этих именных пар и их укорененности в русской антропонимическлй культуре. Эти имена получали распространение в общеевропейской устной традиции и становились этническими маркерами русских правителей. *Eligas/Ilias* как отражение *Ельгъ/Ольгъ* лишний раз свидетельствует о том, что христианизация языческого именослова происходила при помощи «наложения» новых библейских имен на созвучную языческую основу. Сейчас имя *Eligas künig von Reussen* переводится в современных изданиях как Илья, хотя использованные Халанским ранние издания показывают, что путь к этому христианскому имени шел от древнерусских языческих *Ельгъ/Ельгá*, переданных в немецкоязычных произведениях как *Eligas* и *Elegast*, таким же образом, как от языческого Данслава/Данши – к библейскому Даниилу.

Особой разновидностью былинного имени *Вольги/Вольи* является имя такого мифологизированного древнерусского героя как Волх Всеславьевич. По определению В.В. Иванова и В.Н. Топорова, сюжет о Волхе Всеславьевиче (реже – Вольгá Буславлевич или Святославьевич) принадлежит к наиболее архаичному слою в русском былинном эпосе (Иванов, Топоров 1995: 108-109).

Теперь следует рассмотреть такой важный феномен, как тесную связь имен Олега и Ольги с гидронимикой, и в первую очередь, с гидронимикой Восточной Европы.

Прежде всего, личные имена *Вольгá* и *Вóльга*, соответствуют названию величайшей реке Восточной Европы Волге с массой ответвлений от этого названия. Есть небольшая речка Волга, несущая свои воды в Вятку как приток Медянки, есть река Волгарица с правым притоком Малая Волгарица, в один из левых притоков Вятки впадает Волошка. В документах XVI в. Каргапольского уезда упоминаются в

бассейне озера Лача реки Волга и Воложка (совр. Волошка, приток Онеги), а также Усть-Воложская волость. Есть своя Волга и в южном Беломорье, есть река Вольга во Владимирской губернии; есть река Вельга – приток Нудоли в Московской области; есть река Вилга в Прионежье и еще одна Вилга в Пряжинском и Кондопожском районах Карелии, которая впадает в Н*елгом*озеро. Две названные Вилги пытаются, понятное дело, объяснять из финских языков. Хотя течет Вилга и в Польше, есть даже польский шляхетский род Вилга.

Из этого же гнезда выходит и название Вологда – река и город на одноименной реке. В Вологодской области есть деревня Волшницы (а в Тверской губернии – Волшница). Волшница, согласно современным толковым словарям, это – место, где совершались предсказания жрецами-прорицателями. Есть в России и реки с названием Елга: Елга – приток Цильни, реки Верхневолжского бассейна; Елга – приток Вятки; Елга – приток Стерли (от Поволжья до Оренбургской области); Елга – приток Тора (Поволжье). Что же, все эти гидронимы тоже скандинавы принесли? Кроме того, следует еще назвать реку Олег, которая упоминается Ипатьевской летописью под 1251 годом, в походе Даниила Романовича на ятвягов, а также, разумеется, – и реку Волхов.

Таким образом, в Восточной Европе, на земле древних русов есть гидронимы, которые соответствуют всем формам личных имен Олега и Ольги: гидроним Волга соответствует мужскому имени Вольгá/Вольг и женскому имени *Волга/Вóльга*. Совпадение названий рек и имен богатырей типично для русского эпоса: известен богатырь Дунай в русский былинах. Гидроним Олег соответствует мужскому имени Олег, а гидронимы Ельга соответствуют женскому имени Елга/Ельга – одной из форм имени Ольга. Представляется, что происхождение имен Олега и Ольги яснее ясного: оба имени рождены на земле Русской равнины в лоне древнерусской традиции согласно архаичному мифо-поэтическому сознанию давать наиболее важным гидронимам имена родовых божеств или обожествленных предков и героев. Поэтому пора избавлять науку от рудбекианистского абсурда, под влиянием которого название русской реки Волги делят между финскими и балтскими языками, а происхождение личных имен Ольги и Олега выводят от «германских» корней.

Венцом этого абсурда является попытка норманизма представить эпические древнерусские имена Вольги и Волха как былинную трансформацию скандинавского имени *Helgi* в восточнославянской языковой среде. Тогда и сам древнерусский эпос в работах норманистов пытаются представить как плод вымышленного союза мировоззрения скандинавских викингов (напоминаю еще раз, что слово *викинг* означает *пират* и не более того) – якобы носителей дружинного эпоса с некими аморфными местными верованиями и понятиями восточнославянского языческого мировоззрения (Мельникова 2005: 144-145).

С какими понятиями роднятся имена *Олега/Вольги/Вольга* и *Ольги/Волги/Вольги*, если рассматривать их не в традициях шведской гипербореады? Начнем опять с имени великой русской реки Волги. Волга занимает совершенно особое место в древнерусской традиции, именуясь как Волга – матушка и как Волга – русская река.

Выше было показано, что название Волга было рождено древнерусской традицией, т.е. традицией, идущей от древних русов – насельников Восточной Европы, в силу чего имя Волга лучше и проще всего объясняется из русского языка. От древнерусского корня *вол-/вл-* рождаются слова, связанные с водной стихией (влага, волглый) – важнейшим объектом поклонения в древности. В словаре Даля с Волгой связано выражение: «Волга всем рекам мати». Поэтому Волга для древних русов была такой же священной рекой, как для ариев была река Сарасвати: «обладательница вод», т.е. главная священная река и богиня, персонифицировавшая эту реку.

Родство Волги и Волхова говорит о родстве имен *Вольгá/Вольг/Олег* и *Волга/Вóльга/Ольга* со словами от этого же корня, связанными с сакрально – мистическим содержанием: волхование, т.е. чародейство с помощью воды, волхвы и волховницы как древние жрецы и жрицы, Волхв – Вольга и Волховская коровница и др. Кроме того, это былинные герои князья-чародеи и богатыри Волхв Всеславьевич и Вольга Святославьевич – перерожденцы великого древнерусского божества Волоса, а также сам Волос/Велис – величайшее божество древних русов, всемогущий владыка трех сфер: небесного мира божественного солнца, мира живой и плодоносящей природы (урожая и скота – богатства человека) и подземно-подводного, т.е. потустороннего мира, где божество выступало в образе грозного змея-крокодила (Грот 2013).

Само слово *власть* родилось от этого же корня. Поэтому древнерусские *волости* явно перекликаются с *волошками* – местами, где священные ритуалы/предсказания совершались древнерусскими жрецами и жрицами. Но тогда летописное «володеть и править» в тексте приглашения варяжских братьев следует понимать как «осуществлять сакральные и административные функции». Слова *велий*, т.е. *великий* тоже образовалось от этого корня. Гиганты древнерусских преданий великаны или волоты происходят от этого же корня.

Корень этот поистине неисчерпаем, вот почему имена, от него образованные, обладали такой магической энергетикой и всегда были в числе любимых русских имен. Имя Олега, по наблюдениям Иловайского, встречалось до XIV в., а женское имя Ольга вошло и в христианские именословы.

Но эти имена были популярны не только у русских. Имена с корнем ****el-/*ol-*** и соответственно, родственные именам Олега и Ольги, получили распространение у многих народов. В гуннских именах VI в. встречается Ольдоганд – имя, явно заимствованное из древнерусского именослова, как и многие другие имена индоевропейского происхождения, принимавшиеся гуннскими предводителями. В словаре древнеиллирийских имен Ханс Краэ зафиксировал имя *Olcias*, вар. *Olciae (Olci), Holcias* (Ολκιαυ, Ολκια, Ολκιας*)* у двух носителей. Одним из них был полководец Македонии *Olcias (Ολκιαυ*) у писателя македонского происхождения Полиена (II в.). Аналогичное имя с вариантами *Olciae/Olci* (Ολκιας, Ολκιαυ, Ολκια) носил свергнутый король Иллирии в подложном завещании Александра (Krahe 1929: 56, 80). Здесь же надо вспомнить вышеприведенные сведения о сербском городе Ольгуне у Гедеонова, который напоминал, что у Плиния этот топоним пишется как Olchinium, а у Тита Ливия и Птолемея как Olcinium, что у Константина

Багрянородного переходит в форму Ελκύνιον, т.е. наблюдается тот же переход, как в личных именах Ольга и Ельга/Ελγα (Гедеонов 2005: 182-183).

У Краэ этот топоним приводится как иллирийский Olcinium. В наши дни это город в Черногории, название которого известно как Ульцин/Ульцинь. Чередование *ол-/ул-* понятно и естественно также и для русского языка. Поэтому и вышеназванные именные варианты легко узнаваемы и как имена из древнерусского именослова: в иллирийском и македонском Ольклас или Ольки виден древерусский *Олегъ/Олгъ* (Ольгé), см. выше пример: князь резанский *Олгъ Иванович* (по типу: Садкé– купец). Вариант *Holcias* еще раз наглядно свидетельствует, что в иноязычных именословах имена Олега и Ольги могли получать знак придыхания *h*, но эти варианты были всегда вторичны относительно древнерусского оригинала.

Таким образом, древнерусское имя *Олег/Вольгá*, связанное и с понятием власти, и с сакральной силой теонима Волоса/Велеса, обладало мощной притягательной силой для заимствования его в литературные произведения, и в произведения устной традиции соседних народов. Так появились и имя македонского полководца Ольклиаса, и имя иллирийского короля Ольклиаса/Ольки. От той же древнерусской именной основы было образовано имя *Eligas künig von Reussen* в германских эпических сказаниях.

Поэтому сейчас представляется возможным скорректировать некоторые, выдвинутые ранее толкования антропонимов в связи с рассуждениями об иранских и прочих параллелях имени Олег. В области антропонимических исследований относительно древнерусских летописных имен у А.Г. Кузьмина есть немало гениальных открытий и выводов, основанных на этих открытиях. Так, в своей ставшей классической статье «Об этнической природе варягов», Кузьмин писал: «Примечательно, что древнерусскому имени Олег имеется иранская параллель – Халег со значением ″творец″, ″создатель″. Возможно, что происхождение этого имени связано с ирано-тюркскими контактами: в тюркских языках улуг означает ″старший″, ″высший″. Один из венгерских вождей эпохи переселения на Дунай носил имя Хулек... На болгарской почве тюркское *улуг* дало *олг*. Данные о переходе тюркского *улуг* в болгарское *олг* взяты из статьи Заимова, в которой автор привел надпись от 904 г. на греческом языке ″...епи Феодору олгу тракану″, которая была переведена как″... при Феодоре олге тархане″ с пояснением, что *олг* значит ″великий″» (Кузьмин 2005: 617).

Имя древнерусского Вольга/Олъга было родственно Волосу – иносказательному прозвищу всемогущего божества русов, образ которого соединял небесный мир солнца, плодоносящую землю и потусторонний мир. Следовательно, оно вполне могло войти в ираноязычные именословы с семантикой «творец», «создатель». Поэтому более логично предположить, что родство значения имен Олег и Халег говорит не о ирано-тюркских контактах, а о контактах между древними русами и древними иранцами. Осталось данные контакты изучить, но для этого необходимо признать древние истоки русской истории, а не отодвигать их к V–VI вв.

То же самое можно сказать и о улуг и Хулек. И тюрки, и угры с древнейших времен находились под влиянием сакрально-мифологической традиции индоевропейского солнцепоклонства, что оказывало большое влияние на развитие

ономастики и ритуально-сакральной терминологии. Так, тюркский термин *кун – солнце* еще в дренетюркском языке явился заимствованием из тохарского (Иванов:1992). Влияние индоевропейской солярной религиозно-мифологической традиции сказалось и на этногенезе народов Сибири и Центральной Азии, названия которых были соединены внутренней связью с индоевропейскими божествами, в частности, с именем солнцебожества *Хорса*. Так, в Сибири и Центральной Азии отмечено широкое распространение этнонимов с *хори/ хор*: буряты – *хоринцы*, которые считаются субстратом в этногенезе бурят, *монг - хоры (монгоры)* Цинхая, *хор - па* Амдо и Тибета, *хоро (хоролоры)* в составе якутов, род *хорилар* и племенное объединение *хори – тумат*, упоминаемые в монгольской исторической хронике «Сокровенное сказание». Все эти этнонимы восходят к древнеиранским терминам *hvar* («*фарн*») – «солнце» и к древнеиран. *khors*, перс. *hôr/horsed* – «солнце», а также к древнерусскому солнцебогу Хорс (Грот 2008: 50).

То, что именно древнерусские сакральные традиции выступали культурным донором для представителей урало-алтайской языковой семьи, хорошо засвидетельствовано в таком памятнике начала XV в., как «Сказание о Мамаевом побоище», где описано, как Мамай, видя поражение своих войск, «...нача призывати боги своя: Перуна, Савана, Тамокоша, Раклия, Гурса и великого своего помощника Ахмета» (Сахаров 1885: 80). Из сказания видно, что и древнерусский Перун, и древнерусский Хорс/Гурс составляли важную часть сакральных верований полиэтнического населения Поволжья и южнорусских степей на протяжении столетий и сохранили свое влияние даже после распространения ислама. Но тогда можно предположить, что это влияние древнерусских сакральных традиций на лексику тюркских, угрских и других народов включало также лексику, рожденную от важнейших древнерусских теонимов или имен былинных героев с основой *вол-/ол-/юл-* (Ольга как Juulza у Э. Ляссоты).

Древнерусское *велий* в переводе на тюркский вполне могло дать тюркское *улуг*, а прототипом для угрского антропонима *Хулек* явилось то же древнерусское Олег/Ольг. И болгарское *олг* проще всего объяснить прямым воздействием древнерусского Олга, семантика которого заключала и значение великого, и значение власти. Если только данная надпись не содержала двух личных имен Феодора Олга. Не надо забывать, что из Восточной Европы на Балканы переселялись не только тюркские протоболгары и венгры, но и индоевропейские народы. Этнонимы серб (*sъrb, *sъrbi) и хорват обнаруживаются в Восточной Европе еще в античное время (Трубачев 1993: 23-25).

В этнониме *хорваты* явно отразился теоним Хорс, таким же образом, как в этнонимах хоринцы, хорилоры, *хор – па* и др. У сербов же известно личное имя Хрьсь. То, что антропонимы часто образуются от теонимов, факт общеизвестный. Поэтому нет ничего удивительного в том, что носители этнонимов серб и хорват в лоне своих миграций на Балканы уносили из Восточной Европы как теонимы, так и наиболее важные личные имена.

Перечисляя всех возможных носителей имени Олгъ/Олъгъ, нельзя не упомянуть и царя Русии, имя которого обозначено как Hlgw в так называемом Кембриджском документе – рукописи на древнееврейском языке, которая содержит

фрагмент письма некоего еврея к неназванному лицу и в котором содержится рассказ о русском правителе или «царе Русии» по имени Хлгу (Hlgw) (Коковцев 1932).

Опубликовавший этот документ семитолог П.К. Коковцев пояснял, что имя H-l-g-w может читаться как Halgu/Halgo или Helgu/Helgo. В этом имени стали усматривать максимально близкий вариант для имени Олег от якобы скандинавского оригинала *Хельги.* Мои исследования показывают, что в данной переписке скандинавская форма Хельги не могла участвовать, поскольку для «царя Русии» не могло быть использовано уменьшительное имя, каковым является скандинавская гипокористика Хельги. А вот древнерусская форма Елъгъ как вариант имени Олъгъ представляется вполне естественной в данной переписке. И не вижу никаких проблем в том, чтобы представить, что летописный князь Олег Вещий был не единственным носителем древнейшего имени русов Олъгъ/Елгъ/Волгъ.

Кроме реально зафиксированных в полиэтничных источниках вариантов древнерусского имени Олъгъ/Елгъ/Волгъ, появился пример и умозрительно сконструированного варианта. Этот вариант можно наблюдать в недавней работе лингвиста С.Л. Николаева. Для своего лингвистического конструкта Николаев явно воспользовался приведенным у Халанского вариантом *Eligas* или *Eligus* из немецкой поэмы «Ортнит» (без ссылки на источник) – производным от русских *Елъгъ* и *Ельгá* как одной из антронимических форм *Олъгъ* и *Ольгá* (Халанский 1902: 317-338).

Позаимствовав отразившийся в немецкоязычном эпосе вариант имени Олег, Николаев выступил с утверждением, что это имя Олег является славянизированной формой от *Elŭgŭ = Elig, а не наоборот. Как производные от *Elŭgŭ = Elig С.Л. Николаев указывает и др.-шв. Hæghe, др.-дат. Helghi и др.-сев. Helgi, объединяя, таким образом, как родственные имена древнерусское Олег и скандинавское Хельги (Повесть временных лет 2012: 405).

В разделах данной статьи было показано, что Хельги, как гипокористика, так и прозвище, не имеют никакого отношения к имени Олег, а *Elig/Eligas* являются производными от имени Олег.

Следует отметить, что С.Л. Николаев не затрудняет себя доказательствами в обоснование своих антропонимических утверждений. Вместо них он предлагает лингвистические абстракции, строящиеся на основе им самим умозрительно сконструированного северогерманского праязыка (ПСГ) или, по его словам, «…ранее неизвестного раннесредневекового восточносеверогерманского диалекта» (Повесть временных лет 2012: 402). Метод, используемый автором, разительно напоминает бездоказательные декларирования готицистов XVI – XVII в., убежденных в том, что некий абстрактный германский мир существовал как замкнутая система, развивавшаяся исключительно за счет своих внутренних закономерностей, без воздействия внешних импульсов. Впрочем, Николаев характеризует эти свои исследования как академичные по форме, но отмечает, что некоторые из них «находятся на грани "научного фола"» (Повесть временных лет 2012: 429). Данная авторская характеристика дает основание не воспринимать серьёзно антропонимические выводы С.Л. Николаева.

Завершая обзор антропонимов, образованных от именного компонента *ол-*, следует указать, что он виден в династийном имени Ольдржихов (Удальрихов), князей Моравии и Брно, а также князей Моравии в Оломоуце). В современных именословах чехов встречаются имена Olek/Alek, Oleg, Olha. От этого же именного компонента *ол-/ел-* с переходом в *ал-* образованы имена великого князя литовского Ольдгерда или Альгирдаса, а также – литовского князя Ольгимунта/Эльгимонта (XIV в.).

Южнобалтийское побережье пестрит названиями, родственными имени Волги, которые пронизывают с востока до запада и связаны с крупнейшими древними религиозными центрами балтийских славян. Несложно предположить, что названия религиозных центров должны восходить к соотвествующим теонимам.

В первую очередь следует назвать крупнейший поморский торговый центр Волин, а вблизи него Щецин – мать городов поморских, где был храм бога Триглава. Далее за ним Вологощь (ныне Вольгаста или Wolgast). В Волгасте находился храм Яровита, грозного бога войны, а также весенней яри и плодородия. У немецких хронистов это название выступало в вариантах Волигост/Олигост/Hologost/Hologast. Вот вам и подтверждение: славянский Волигост или Олигост, а у немцев Хологаст, таким же образом и славянская Вольга/Ольга/Елга у немцев превращалась в Хелгу.

Неподалеку от Вольгаста есть и небольшое озеро на острове Узедом (Узнам) под названием Вольгастзе (Wolgastsee) или Вологощское озеро. В Передней Померании рядом со Штральзундом есть поселок Velgast. В земле Саксония – Анхальт, рядом с г. Хавельберг есть деревня Vehlgast. В земле Шлезвиг – Гольштейн известен населенный пункт Walksfelde, что есть измененное славянское название Walegotsa, как это зафиксировано на памятном камне.

Высказывались предположения, что все важнейшие божества южно-балтийских славян: Триглав, Яровит, Свентовит суть одно и тоже божество под разными именами. Возможно, это так и есть, и Русь с Южной Балтией были связаны одной древней верой. Ведь и имя Волоса – это не имя бога, а только иносказательное прозвище. Но это прозвище отразилось в перечисленных южнобалтийских святилищах. Вот какой древностью и сакральной энергетикой веет от древнерусских имен Олега и Ольги.

* * *

Таким образом, как было показано в двух частях представленной статьи, утверждаемое норманистами родство скандинавского мужского имени Хельги и женского Хельга с русскими именами Олега и Ольги не подтверждается результатами объективного научного исследования. Имя Олег и имя Хельги имеют различное происхождение. Кроме того, скандинавское имя Хельги выступает в двух разных формах: гипокористики и прозвища, каждое из которых, очевидно, пришло в скандинавские именословы разными путями. Женское имя Хельга является заимствованием древнерусского Ельга/Ольга и таким образом, не выступает парным женским именем ни к гипокористике Хельги, ни к прозвищу Хельги. Напротив, древнерусские имена Олег и Ольга являются парными именами, поскольку рождены

в лоне одной духовной традиции, созданной первыми насельниками Восточной Европы – представителями гаплогруппы R1a в эпоху освоения ими Русской долины на рубеже III–II тыс. до н.э.

ЛИТЕРАТУРА

Азбелев 2007 - *Азбелев С.Н.* Устная история в памятниках Новгорода и Новгородской земли. СПб., 2007.

Бажов 1987 - *Бажов П.П.* Уральские сказы. М., 1987.

Боднарский 1953 - Античная география / Сост. М.С. Боднарский. М., 1953.

Бойс 1988 - *Бойс М.* Зороастрийцы. М., 1988.

Былины 1988 - Былины. М., 1988.

Васильев 2005 - *Васильев В.Л.* Архаическая топонимия Новгородской земли. Великий Новгород, 2005.

Васильева 2001 - *Васильева Н.В.* О термине и понятии «древнеевропейские гидронимы» // Ономастика Поволжья. М., 2001.

Гедеонов 2005 – *Гедеонов С.А.* Варяги и Русь. М., 2005.

Гильфердинг 1873 - *Гильфердинг А.Ф.* Онежские былины, записанные А.Ф. Гильфердингом летом 1871 года. СПб., 1873. № 1.

Гильфердинг 2013 - *Гильфердинг А.Ф.* История балтийских славян. М., 2013.

Гимбутас 2004 - *Гимбутас М.* Балты. Люди янтарного моря. М., 2004.

Глазырина 2009 - *Глазырина Г.В.* Саги о древних временах // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Древнескандинавские источники. М., 2009.

Грот 2008 - *Грот Л.П.* Древнерусские божества солнечного культа: анализ топонима Кола // Вестник Липецкого государственного университета. 2008. Серия Гуманитарные науки. Выпуск 2.

Грот 2012 - *Грот Л.П.* О Рослагене на дне морском и о варягах не из Скандинавии // Слово о Ломоносове / Изгнание норманнов из русской истории. Вып. 3. М., 2012.

Грот 2013 - *Грот Л.П.* Между громовержцем и скотьим богом / Электронный ресурс: http://pereformat.ru/2013/05/perun-volos/ (дата обращения – 17.02.2016).

Грот 2015 - *Грот Л.П.* Об имени Хельги (первая часть) // Исторический формат. 2015. № 4.

Дробинский 1948 - *Дробинский А.И.* Русь и Восточная Европа во французском средневековом эпосе // Исторические записки. Т. 26. М., 1948.

Дюмензиль 1986 - *Дюмезиль Ж.* Верховные боги индоевропейцев. М., 1986.

Елизаренкова 1984 - *Елизаренкова Т.Я.* Древнейшие памятники индийской литературы // Да услышат тебя земля и небо. Из ведийской поэзии. М., 1984.

Иванов 1992 - *Иванов В.В.* Тохары // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. М., 1992.

Иванов, Топоров 1995 - *Иванов В.В., Топоров В.Н.* Волх // Славянская мифология. М., 1995.

Клёсов 2013 - *Клёсов А.А.* Ответы дает ДНК-генеалогия / Электронный ресурс: http://pereformat.ru/2013/02/dna-genealogy/ (дата обращения – 17.02.2016).

Коковцев 1932 - *Коковцев П.К.* Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932.

Конь 1995 - Конь // Славянская мифология. М., 1995.

Ковалевский 1956 - *Ковалевский А.П.* Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествиях на Волгу в 921 – 922 гг. Харьков, 1956.

Кузьмин 2005 - *Кузьмин А.Г.* Об этнической природе варягов // Гедеонов С.А. Варяги и Русь. М., 2005.

Маретина 2005 - *Маретина С.А.* Змея в индуистской мифологии (по материалам МАЭ). СПб., 2005.

Мельникова 2001 - *Мельникова Е.А.* Реминисценции скандинавского язычества в преданиях повести временных лет // XIV конференция по изучению скандинавских стран и Финляндии. Тезисы докладов. М.; Архангельск, 2001.

Мельникова 2005 - *Мельникова Е.А.* Олгъ / Ольгъ / Олегъ <Helgi> Вещий: К истории имени и прозвища первого русского князя // Ad fontem / У источника: Сборник статей в честь С.М. Каштанова. М., 2005.

Мельникова 2007 - *Мельникова Е.А.* «Сказания о первых князьях». Принципы репрезентации устной дружинной традиции в летописи // Мир Клио. Сборник статей в честь Лорины Петровны Репниной. Том 1. М., 2007.

Мельникова 2009 - *Мельникова Е.А.* Возникновение древнерусского государства и скандинавские политические образования в Западной Европе (сравнительно-типологический аспект) // Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории старого света / Труды государственного Эрмитажа. Т. XLIX. СПб., 2009.

Новгородские былины 1978 - Новгородские былины. М., 1978.

Пауль 2014 - *Пауль А.* На каком языке говорили на юге Балтики до славян? / Электронный ресурс: http://pereformat.ru/2014/10/balto-slavica/ (дата обращения – 17.02.2016).

ПВЛ 2007 - Повесть временных лет / Подготовка текста, перевод, статьи и комментарии Д.С. Лихачева. 3-е издание. СПб., 2007.

Платон 1993 - *Платон.* Диалоги Платона. Федон // Платон. Собр. соч. В 4-х томах. Т. 2. М., 1993.

Повесть временных лет 2012 - Повесть временных лет / Перевод Д.С. Лихачева, О.В. Творогова. Комментарии А.Г. Боброва, С.Л. Николаева, А.Ю. Чернова, при участии А.М. Введенского и Л.В. Войтовича. СПб., 2012.

Поспелов 1988 - *Поспелов Е.М.* Школьный топонимический словарь. М., 1988.

Ригведа 1989 - Ригведа. Мандалы I – IV. Издание подготовила Т.Я. Елизаренкова. М., 1989.

Рыбаков 1997 - *Рыбаков Б.А.* Язычество древних славян. М., 1997.

Сага об Одде Стреле 2009 - Сага об Одде Стреле (перевод Г.В. Глазыриной) // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Том V. М., 2009.

Сахаров 1885 - *Сахаров И.П.* Сказания русского народа. Т. 1. Кн. IV. СПб., 1885.

Серяков 2001 - *Серяков М.Л.* Голубиная книга. М., 2001.

Скрынникова 1997 - *Скрынникова Т.Д.* Харизма и власть в эпоху Чингис-хана. М., 1997.

Соболевский 1921-1924 - *Соболевский А.И.* Русско-скифские этюды // Известия отделения русского языка и словесности Академии наук. Тт. XXVI – XXVII. Л., 1921 – 1924.

Суслова, Суперанская 1985 - *Суслова А.В., Суперанская А.В.* О русских именах. Л., 1985.

Топоров, Трубачев 1962 - *Топоров В.Н., Трубачев О.Н.* Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962.

Трубачев 1993 - *Трубачев О.Н.* К истокам Руси (наблюдения лингвиста). М., 1993.

Улуханов 1966 - *Улуханов И.С.* Происхождение названия Волга // Изучение географических названий. М., 1966.

Фомин 2005 - *Фомин В.В.* Варяги и Варяжская Русь. М., 2005.

Фрэзер 1980 - *Фрэзер Д.* Предание смерти божественного правителя // Золотая ветвь. Исследование магии и религии. М., 1980.

Халанский 1902 - *Халанский М.* К истории поэтических сказаний об Олеге Вещем // Журнал министерства народного просвещения. СПб., 1902.

Хенгст 2001 - *Хенгст К.* Древнеевропейские гидронимы у восточных славян // Ономастика Поволжья. М., 2001.

Шаскольский 1970 - *Шаскольский И.П.* Экономические связи России с Данией и Норвегией с IX – XVII вв. // Исторические связи Скандинавии и России. IX – XX вв. Сборник статей. Л., 1970.

Janzén 1947 - *Janzén A.* De fornsvenska personnamnen // Nordisk kultur VII. Personnamn. Stockholm; København; Oslo, 1947.

Krahe 1929 - *Krahe H.* Lexikon altillyrischer personennamen. Bearbeitet von Hans Krahe. Heidelberg, 1929.

Morlet 1968 - *Morlet M.-Th.* Les noms de personne sur le territoire de l`ancienne Gaule du VI au XII siècle. Paris, 1968.

Saxo 1999 - *Saxo.* Dannmarkskrøniken 2. Genfortalt af Helle Stangerup. Aschehoug, 1999.

Shore 1906 - *Shore Th.W.* Origin of the Anglo - Saxon race. London, 1906.

REFERENCES

Azbelev 2007 - *Azbelev S.N.* Ustnaya istoriya v pamyatnikah Novgoroda I Novgorodskoj zemli [Oral History in the monuments of Novgorod and Novgorodian land], St. Petersburg, 2007 [in Russian].

Bazhov 1987 - *Bazhov P.P.* Uralskie skazy [Folklore of the Urals], Moscow, 1987 [in Russian].

Bondarsky 1953 - Antichnajya geographia / Sost. M.S. Bondardky [Antique geography / Compiled by M.S. Bondarsky], Moscow, 1953 [in Russian].

Boyce 1988 - *Boyce M.* Zoroatrijcy [Zoroastrianist], Moscow, 1988 [in Russian].

Byliny 1988 - Byliny [Byliny], Moscow, 1988 [in Russian].

Drobinskij 1948 - *Drobinskij A.I.* Russ i Vostochnajya Evropa vo francuzkom srednevekovom epose [Russ and Eastern Europe in the French medieval epic], in: Istoricheskije zapiski T. 26 [Historical notes Volume 26], Moscow, 1948 [in Russian].

Dymenzill 1986 - *Dymenzill Zh.* Verhovnyje bogi indoevropejcev [Higher Gods of indoeuropeans], Moscow, 1986 [in Russian].

Elizarenkova 1984 - *Elizarenkova T.Ja.* Drevnejshie pamyatniki indijskij literatury [Ancient monuments of Indian literature], in: Da uslyshat tebya zemlya I nebo. Iz vedijskoj poezii [Let the earth and the sky hear you. From vedic poetry], Moscow, 1984 [in Russian].

Fomin 2005 - *Fomin V.V.* Varyagi i varyazhskaya Russ [Varangians and varangian Russ], Moscow, 2005 [in Russian].

Frazer 1980 - *Frazer G.* Predanie smerti bozhestvennogo pravitelya [The Killing of the Divine King], in: Zolotaya vetv. Issledovanie magii i religii [The Golden Bough: a Study in Magic and Religion], Moscow, 1980 [in Russian].

Gedeonov 2005 - *Gedeonov S.A.* Varyagi i Rus [Varangians and Russ], Moscow, 2005 [in Russian].

Gimbutas 2004 - *Gimbutas M.* Balty. Lydi jantarnogo morya [The Balts, People of the amber sea], Moscow, 2004 [in Russian].

Glazyrina 2009 - *Glazyrina G.V.* Sagi o drevnih vremenah [Sagas of the ancient times], in: Drevnyaja Rus v svete zarubezhnyh istochnikov. Drevneskandinavskie istochniki [Ancient Russ in the spotlight of the foreign sources. Ancient Scandinavian sources], Moscow, 2009 [in Russian].

Grot 2015 - *Grot L.P.* Ob imeni Hel'gi (pervaja chast') [Regarding the Name Helgi (part one)], in: Istoricheskij format [Historical format]. 2015. № 4.

Groth 2008 - *Groth L.P.* Drevnerusskie bozhestva solnechnogo kulta: analiz toponima Kola [Ancient russ deities of the solar cult: topological analisys of 'Kola'], in: Vestnik Lipetskogo gosudarstvennogo universiteta. 2008. Serija Gumanitaryje nauki. Vypusk 2 [Lipetsk State University journal. 2008. Series on Humanitarian sciences. Issue 2] [in Russian].

Groth 2012 - *Groth L.P.* O Roslagene na dne morskom i o varyagah ne iz Skandinavii [About Roslagen on the seabed and varangians not from Scandinavia], in: Slovo o Lomonosove / Izgnanie normannov iz russkoj istorii. Vyp. 3 [word on Lomonosov/ Explusion of Normans from Russian history. Issue 3], Moscow, 2012 [in Russian].

Groth 2013 - *Groth L.P.* Mezhdu gromoverzhcem i skotjim bogom [Between Thunderer and a cattle god], 2013, Electronic resource: http://pereformat.ru/2013/05/perun-volos/ (Date of access – 17.02.2016) [in Russian].

Halansky 1902 - *Halansky M.* K istorii poeticheskih skazanij ob Olege Veshem [On the history of poetic tales about Oleg of Novgorod], in: Zhurnal ministerstva narodnogo prosvesheniya [Journal of Ministry of Education], St. Petersburg, 1902 [in Russian].

Hengst 2001 - *Hengst K.* Drevneevropejskie gidronimy u vostochnyh slavyan [Ancient European hydronyms of eastern slavs], in: Onomastika Povolzhjya [Onomastics of Volga], Moscow, 2001 [in Russian].

Hilferding 1873 - *Hilferding A.F.* Onezhskie byliny, zapisannye Hilferdingom letom 1871 goda [Onega byliny, writted down by Hilferding A.F. during summer 1873], St. Petersburg, 1873, № 1 [in Russian].

Hilferding 2013 - *Hilferding A.F.* Istoriya baltijskih slavyan [History of the baltic slavs], Moscow, 2013 [in Russian].

Ivanov 1992 - *Ivanov V.V.* Tohary [Tocharians], in: Vostochny Turkestan v drevnosty I rannem srednevekovje [Eastern Turkestan in ancient and medieval times], Moscow, 1992 [in Russian].

Ivanov, Toporov 1995 - *Ivanov V.V., Toporov V.N.* Volkh [Volkhv], in: Slavyanskaya mifologija [Slavic mythology], Moscow, 1995 [in Russian].

Janzén 1947 - *Janzén A.* De fornsvenska personnamnen [Old swedish personal names], in: Nordisk kultur VII. Personnamn [Nordic culture VII. Personal names], Stockholm; København; Oslo, 1947 [in Swedish].

Klesov 2013 - *Klesov A.A.* Otvety daet DNK-genealogija [DNA-genealogy gives answers], 2013, Electronic resource: http://pereformat.ru/2013/02/dna-genealogy/ (Date of access – 17.02.2016) [in Russian].

Kokovcev 1932 - *Kokovcev P.K.* Evrejsko-hazarskaya perepiska v X veke [Jewish-khazarian correspondence in the X century], Lenigrad, 1932 [in Russian].

Kon 1995 - Kon [Horse], in: Slavyanskaya mifologija [Slavic mythology], Moscow, 1995 [in Russian].

Kovalevskij 1956 - *Kovalevskij A.P.* Kniga Ahmeda Ibn-Fadlana o ego puteshestvijyah na Volgu v 921-922gg. [Book of Ahmad Ibn-Fadlan and his journey to Volga in 921-922], Kharkiv, 1956 [in Russian].

Krahe 1929 - *Krahe H.* Lexikon Altillyrischer personennamen. Bearbeitet von Hans Krahe [Dictionary of ancient illyrian personal names.Collected and commented by Krahe], Heidelberg, 1929 [in German].

Kuzmin 2005 - *Kuzmin A.G.* Ob Etnicheskoj prirode varyagov [On ethnical nature of varangians], in Gedeonov S.A. Varyagi i Russ [Gedeonov S.A. Varangians and Russ], Moscow, 2005 [in Russian].

Maretina 2005 - *Maretina S.A.* Zmeja v induistskoj mifologii (po materialam MAE) [Snake in Hindu mythology (based on the materials of Museum of anthropology and mythology], St. Petersburg, 2005] [in Russian].

Melnikova 2001 - *Melnokova E.A.* Reminiscencii skandinavskogo jazychestva v predanijyah povesti vremennyh let [Reminiscences of the scandinavian paganism in the traditions of the Primary Chronicle], in: XIV konferenciya po izucheniju skandinavskih stran i Finlyndii. Tezisy dokladov [XIV research conference Field of Scandinavian countries and Finland. Main theses], Moscow; Arkhangelsk, 2001 [in Russian].

Melnikova 2005 - *Melnikova E.A.* Olg'' / Ol'g'' / Oleg'' <Helgi> Veshiiy: K istorii imeni i prozvisha pervogo russkogo kniazia [Prophetic Olg' / Ol'g' /Oleg' <Helgi> : On the history of the name and sobriquet of the first russian prince], in: Ad fontem / U istochnika: Sbornik stateiy v chest' S.M. Kashtanova [Ad fontem / Collection of publications in honour of S.M. Kashtanov], Moscow, 2005 [in Russian].

Melnikova 2007 - *Melnokova E.A.* Skazaniya o pervyh knyzjyah. Principy reprezentacii ustnoj druzhinnoj tradicii v letopisi [Legends of the first princes. Principals of representation of the oral squad tradition in chronicles], in: Mir Klio. Sbornik statej v chest Loriny Petrovny Repninoj. Tom 1 [World of Klio. Digest of articles in honor of Lorina Petrovna Repnina. Volume 1], Moscow, 2007 [in Russian].

Melnikova 2009 - *Melnikova E.A.* Vozniknovenie Drevnerusskogo gosudarstva i skandinavskie politicheskie obrazovaniia v Zapadnoiy Evrope [Establishment of the state of ancient Rus' and scandinavian political formations in Eastern Europe], in: Slozhenie russkoiy gosudarstvennosti v kontekste rannesrednevekovoiy istorii starogo sveta. Trudy gosudarstvennogo Ermitazha XLLX [Emergence of russian statehood in context of early middleages of the Old World. Works of State Hermitage], St. Petersburg, 2009 [in Russian].

Morlet 1968 - *Morlet M.-Th.* Les noms de personne sur le territoire de l`ancienne Gaule du VI au XII siècle [Personal Names on the territory of Gallia in VI – XII centuries], Paris, 1968 [in French].

Novgorodskyje byliny 1978 - Novgorodskie byliny [Byliny of Novgorod], Moscow, 1978 [in Russian].

Paul 2014 - *Paul A.* Na kakom yazyke govorili na uge Baltiki do slavyan? [Which language did southern Balts spoke before Slavs?], 2014, Electronic resource: http://pereformat.ru/2014/10/balto-slavica/ (Date of access – 17.02.2016) [in Russian].

Platon 1993 - *Platon.* Dialogi Platona. Fedon [Plato. dialogues of Plato. Phaedo of Elis], in: Platon. Sobr. soch. v 4-h tomah. T. 2 [Plato. Works in 4 volumes, Vol. 2], Moscow, 1993 [in Russian].

Pospelov 1988 - *Pospelov E.M.* Shkolnyj Toponomicheskij slovar [School toponymic dictionary], Moscow, 1988 [in Russian].

Povest vremennyh let 2012 - Povest vremennyh let. Perevod D.S. Likhacheva, O.V. Tvorogova. Kommentarii A.G. Bobrova, S.L. Nikolaeva, A.Ju. Chernova, pri uchastii A.M. Vvedenskogo i L.V.

Vojtovicha [Tale of Bygone Years. Translaton by D.S. Likhachev, O.V. Tvorogov. Commentary by A.G. Bobrov, S.L. Nikolaev, A.Ju. Chernov, in collaboration with A.M. Vvedenskij and L.V. Vojtovich], St. Petersburg, 2012 [in Russian].

PVL 2007 - Povest vremennyh let / Podgotovka teksta , perevod, statji I kommentarii D.S. Likhacheva. 3-e izdanie [Tale of Bygone Years / Preparation of text, translation, articles and commentary by D.S. Likhachev. 3rd edition], St. Petersburg, 2007 [in Russian].

Rigveda 1989 - Rigveda. Manadly I-IV. Izdanie podgotovila T.Ja. Elizarenkova [Rigverda. Mandalas I-IV. Edition preprared by T.Ja. Elizarenkova], Moscow, 1989 [in Russian].

Rybakov 1997 - *Rybakov B.A.* Jyazychestvo drevnih slavyan [Paganizm of ancient Slavs], Moscow, 1997 [in Russian].

Saga ob Odde Strele 2009 - Saga ob Odde Strele (perevod G.V. Glazyrinoj) [Örvar-Odds saga (Translation by G.V. Glazyrina], in: Drevnyaja Russ v svete zarubezhnyh istochnikov. Hrestomatija. V tom [Ancient Russ in the light of foreign sources. Chrestomathy. Volume V], Moscow, 2009 [in Russian].

Sakharov 1885 - *Sakharov I.P.* Skazanija russkogo naroda. T.1, Kn. IV [Stories of Russ people. Vol. 1. Book IV], St. Petersburg, 1885 [in Russian].

Saxo 1999 - *Saxo.* The History of the Danes. Perevod i kommentarii Helle Stangerup [The History of the Danes. Translation and commentary by Helle Standerup], Aschehoug, 1999 [in Danish].

Seryakov 2001 - *Seryakov M.L.* Golubinajya kniga [Pigeon book], Moscow, 2001 [in Russian].

Shaskolskyj 1970 - *Shaskolskyj I.P.* Economicheskie svyazi Rosii s Daniej I Norvegiej s IX- XVII vv. [Economical relationships between Russ, Denmark and Norway during IX-XVII ages], in: Istoricheskie svyazi Scandinavii i Rosii. IX – XX vv. Sbornik statej [Historical links of Scandinavia and Russia in IX – XX], Leningrad, 1970 [in Russian].

Shore 1906 - *Shore Th.W.* Origin of the Anglo - Saxon race, London, 1906 [in English].

Skrynnokova 1997 - *Skrynnikova T.D.* Harizma i vlast v epokhy Chingis-hana [Charisma and power in the era of Genghis Khan], Moscow, 1997 [in Russian].

Sobolevskij 1921-1924 - *Sobolevskij A.I.* Russko-skifskije etudy [Russian-Scythian etudes], in: IORYAS RAN. Tt. XXVI-XXVII [Journal of Russian academy of sciences. Volumes XXVI-XXVII], Leningrad, 1921-1924 [in Russian].

Suslova, Superanskaya 1985 - *Suslova A.V., Superanskaya A.V.* O russkih imenah [On Russian names], Leningrad, 1985 [in Russian].

Toporov, Trubachev 1962 - *Toporov V.N., Trubachev O.N.* Lingvisticheskij analiz gidronimov Verhnego Podneprovjya [Linguistical analisys of hydronyms of Upper Dniepr], Moscow, 1962 [in Russian].

Trubachev 1993 - *Trubachev O.N.* K istokam Rusi (nabludeniya lingvista) [To the basics of Russ (observations of a linguist)], Moscow, 1993 [in Russian].

Uluhanov 1993 - *Uluhanov I.S.* Proishozhdenie nazvaniya Volga [Origins of a name Volga], in: Izuchenie geograficheskih nazvanij [Research of geographical names], Moscow, 1966 [in Russian].

Vasiljeva 2001 - *Vasiljeva N.V.* O termine i ponyatii «drevneevropejskie gidronimy» [On the meaning and terminology of «ancient-european hydronyms»], in: Onomastika Povolzhja [Onomastics of the Volga region], Moscow, 2001 [in Russian].

Vasiljyev 2005 - *Vasiljyev V.L.* Arhaicheskaya toponomia Novgorodskoj Zemli [Archaic toponomy of Novgorodian land], Veliky Novgorod, 2005 [in Russian].

Грот *Лидия Павловна* – Кандидат исторических наук, заместитель председателя общества «Русский салон», историограф общества (Лулео, Швеция).
Groth Lidia – candidate of historical sciences, vice-chairman and historiographer of the Russian Salon society (Luleå, Sweden).
E-mail: mail@histformat.com

УДК 94(4)"375/1492"

«РУССКАЯ» ТОПОНИМИКА В ЮЖНО-БАЛТИЙСКОМ РЕГИОНЕ

С.А. Колтырин
Российско-немецкий исторический семинар (Москва, Россия)
e-mail: mail@histformat.com

Авторское резюме
В статье рассматривается топонимика южно-балтийского региона, предположительно связанная с этнонимом «русь». Делается вывод, что указанной топонимикой могут подкрепляться данные исторических источников о связи народа русь с островом Рюген и близлежащим поморьем (современная северная Германия), с территорией исторической Пруссии и с восточной Прибалтикой. Указывается, что приведенную топонимику с учетом данных других исторических дисциплин можно рассматривать как аргумент в пользу гипотезы о русах как о выходцах с южного побережья Балтийского моря.
Ключевые слова: топонимика, происхождение русов, русы, русские, связи Руси и южно-балтийского региона.

«RUSSIAN» TOPONYMS IN THE SOUTH BALTIC REGION

Sergey Koltyrin
The Russian-German Historical Seminar (Moscow, Russia)
e-mail: mail@histformat.com

Abstract
The author analyzes toponyms in the South Baltic region, presumably related to the ethnonym «Rus’». He concludes that these toponyms confirm historical sources associating the Rus’ with the island of Rügen and nearby Pomerania (modern-day northern Germany), as well as with the historic territory of Prussia and the Eastern Baltic. These toponyms, supplemented by data from other historical disciplines, can support the hypothesis that the Rus' initially relocated from the southern coast of the Baltic Sea.
Keywords: toponymy, origin of the Rus’ people, Rus, Russians, ties of Rus’ with South Baltic region.

* * *

Исходя из сведений исторических источников, а также результатов археологических, антропологических и лингвистических исследований, существуют серьезные основания считать летописную варяжскую русь выходцами с южного побережья Балтийского моря (Merkulov 2014; Кузьмин 1970; Кузьмин 2003; Меркулов 2003; Меркулов 2013; Пауль 2015; Фомин 2005). О том же, к примеру, тезисно высказывался академик В.Л. Янин: «Решено было отправить послов к Рюрику, к тем варягам, которые называли себя Русью. Проживали они на территории южной

Балтики, северной Польши и северной Германии. Наши пращуры призвали князя оттуда, откуда многие из них и сами были родом» (Итоги 2007: 24).

Действительно, летописные данные позволяют локализовать варяжскую русь именно на южнобалтийском побережье и волго-балтийском торговом пути: «*По сему же морю* (Варяжскому, Балтийскому – прим.) *седять Варязи семо къ вьстоку до предела Симова* (Волжская Булгария - прим.), *по тому же морю седять къ западу до земле Агнянски* (область Ангельн на юге Ютландского полуострова – прим.) *и до Волошьски*» (ПСРЛ, Т.I 1926-1928: 4)[1].

Рис. 1. Карта о. Рюген (Rugia) XVII в.
(Rugia Insula ac Ducatus из Theatrum Orbis Terrarum, sive Atlas Novus in quo Tabulæ et Descriptiones Omnium Regionum, Editæ a Guiljel et Ioanne Blaeu, 1645)

Гипотезу о связи народа русь с указанными территориями могут подтвердить, в том числе, и данные топонимики. Так, на южнобалтийском побережье и землях вдоль волго-балтийского торгового пути имеется целый ряд топонимов с основой «Rus». Причем данные названия имеют достаточно древнее происхождение. И их не

[1] Обоснование отождествления «*предела Симова*» указанного фрагмента летописи с Волжской Булгарией и «*земли Агнянски*» с областью Ангельн – ср. Кузьмин 2003.

объяснить, к примеру, пребыванием в Пруссии русских войск в XVIII в. Нельзя исключать того, что приведенные ниже топонимы не связаны с русью. Однако такое утверждение требует серьезного этимологического обоснования по каждому топониму и не сможет объяснить наличие целого комплекса названий с корнем «Rus» в землях, которые связаны с народом русь по данным исторических источников.

Рассмотрение «русской» топонимики южнобалтийского региона начнем с острова Рюген (средневековые названия: Ругия, Руйяна), располагающегося на юго-западном побережье Балтийского моря и в настоящее время входящего в состав федеральной земли Мекленбург-Передняя Померания (Германия). В древности остров населял этнос под названием Rugi, известный по историческим источникам со времен Тацита (I в. н.э.). Имеются веские аргументы для отождествления народа русь (в том числе варягов-руси летописей) с ругами (ранами, руйянами) европейских источников. В частности, в западноевропейских хрониках конца I – начала II тыс.н.э. (хроника продолжателя Регинона, Гильдесгеймские, Кведлинбургские анналы, Магдебургские анналы и т.д.) этнонимы руги и русы (русцы) взаимозаменяемы (подробнее: Кузьмин 1970; Кузьмин 2003; Меркулов 2003; Меркулов 2013; Пауль 2015).

Для изучения топонимики о. Рюген воспользуемся картой XVII в. «Rugia Insula ac Ducatus» голландского картографа Яна Виллема Блау, опубликованной в атласе Theatrum Orbis Terrarum, sive Atlas Novus in quo Tabulæ et Descriptiones Omnium Regionum, Editæ a Guiljel et Ioanne Blaeu, 1645 (рис. 1).

В северо-восточной части острова Рюген находится полуостров Ясмунд (Jasmund). На севере полуострова располагается населенный пункт **Ruskevitz**, первое упоминание которого в источниках датируется 1318 г. (PU: 413).

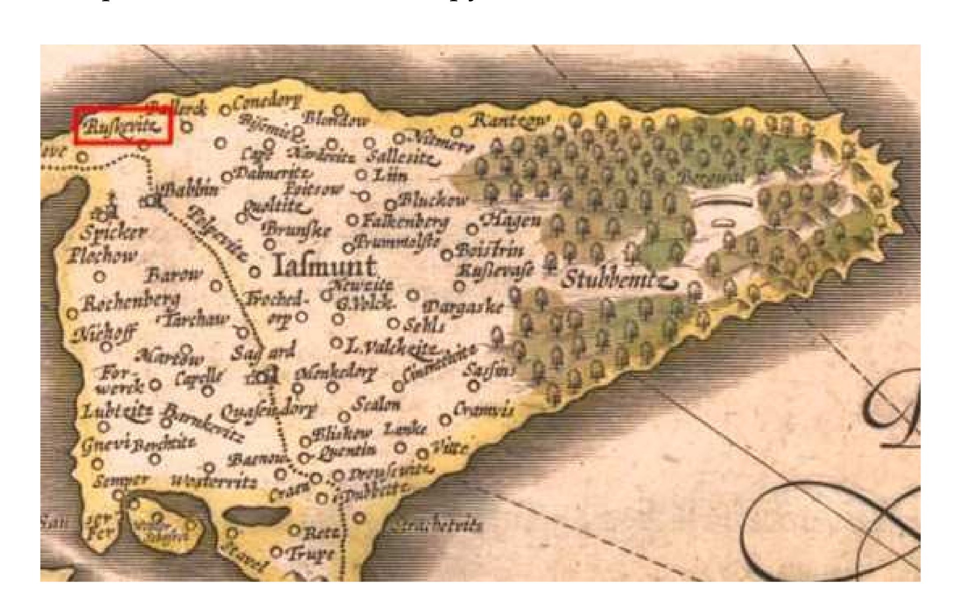

Рис. 2. Фрагмент карты о. Рюген XVII в. – п-ов Ясмунд

Селение сохранилось до нашего времени, и под названием Ruschvitz мы можем встретить его на современных картах:

Рис. 3. Фрагмент современной карты о. Рюген

Примечательно, что топоним получил известность благодаря знаменитому пирату XIV в. Клаусу Штортебекеру, согласно легенде родившемуся и выросшему именно в Рускевице. Германский хронист Адам Бременский еще в XI в. писал про остров Ругия, что тот «переполнен пиратами». В центральной части полуострова Ясмунд на карте XVII в. располагается селение под названием **Russevase**:

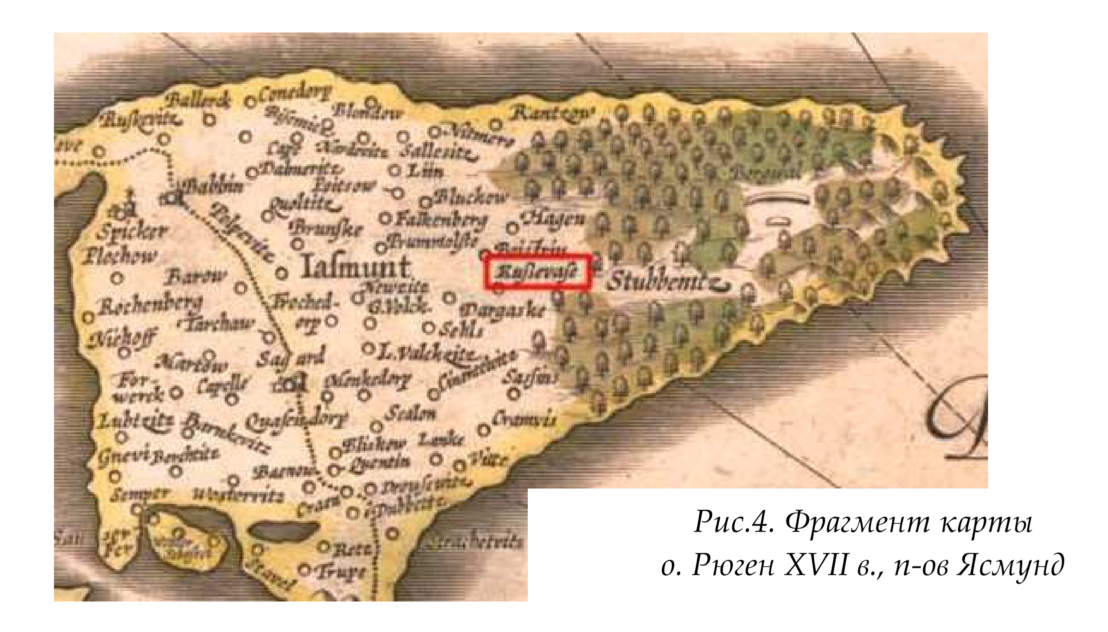

Рис.4. Фрагмент карты о. Рюген XVII в., п-ов Ясмунд

В южной части острова Ругия на той же карте имеется топоним **Ruse**:

Рис.5. Фрагмент карты о.Рюген XVII в., южная часть острова

На полуострове Виттов (Wittow), недалеко от Арконы, располагается еще один населенный пункт с названием **Russevase**:

Рис.6. Фрагмент карты о.Рюген XVII в., п-ов Виттов

Таким образом, только на острове Рюген обнаруживается 4 топонима с корнем «**Rus**». Западнее Рюгена на южнобалтийском побережье в окрестностях современного города Рерик находится населенный пункт под названием **Russow**. Данное поселение известно в письменных источниках как минимум с начала XIV века: под 1306 годом в Мекленбургских актовых книгах упоминается приходской священник Герхард из Руссова («Gerhardus plebanus in Russowe», MU 1869: 299).

Рис.7. Фрагмент современной карты Германии

В восточной части южнобалтийского побережья также находятся территории, устойчиво связываемые историческими источниками с русами. Это, в частности, устье реки Неман и земли исторической Пруссии в целом. Интересно, что древняя Пруссия, по всей видимости, имела культурно-религиозные связи как с русами, так и с островом Рюген и близлежащим поморьем, а также восточной Прибалтикой (Колтырин 2015).

Что касается устья Немана, то на существование так называемой Неманской Руси обращали внимание многие авторы древности и, позднее, историки. В частности, Адам Бременский (XI в.) упоминал Русь, смежную с Семландом (Самбийским полуостровом, нынешняя Калининградская область) (Adam Bremensis: 245); автор «Хроники земли Прусской» Петр из Дусбурга (XIV в.) размещал в районе Немана (Мемеля) некую Руссию (Petri de Dusburg: 50). Возможно, к «Неманской Руси» относится и свидетельство комментатора Адама Бременского, упоминавшего Руссию между Славонией и Пруссией (Adam Bremensis: 95-96). Эти и ряд других документов («Дагоме юдекс», Житие св. Ромуальда и т.д.), позволяющих локализовать некую Русь в нижнем течении Немана, приводили Н.И. Костомаров, И.П. Боричевский, И. Забелин, А.Г. Кузьмин (Боричевский 1840; Забелин 1908: 132-133, 171-174; Костомаров 1994: 19-20; Кузьмин 2003: 268-293).

Примечательно также, что данные источников позволяют локализовать севернее Немана область под названием Russigen (Russien) (Петр из Дусбурга 1997: 313). Помимо этого, как указание на присутствие русов в Пруссии можно рассматривать сообщение арабского географа XII в. Идриси о городе Гинтийар: «*Это большой, цветущий город, [расположенный] на высокой горе, на которую невозможно подняться. Его жители укрываются на ней от приходящих по ночам русов*» (цит. по Коновалова 1999: 142). Дело в том, что существуют основания отождествлять Гинтийар из работы Идриси с городом Кауп, расположенным на Самбийском полуострове (нынешняя Калининградская обл.) (Кулаков 1996: 50, 51, 53; Кулаков 2003: 134). Из приведенного фрагмента Идриси можно сделать вывод, что нападения **русов** на город носят внезапный и регулярный характер. Очевидно, такие нападения были возможны лишь при постоянном нахождении **русов** где-то в близлежащих землях**.**

Топонимика же дает следующие данные. На древнейших картах Пруссии все нижнее течение и устье Немана называется Русса **(Russe)**, там же располагается одноименный город:

Рис.8. Фрагмент карты Пруссии XVII в. (Prussia Accurate Descripta a Gasparo Henneberg Erlichensi. Amsterdam, 1650)

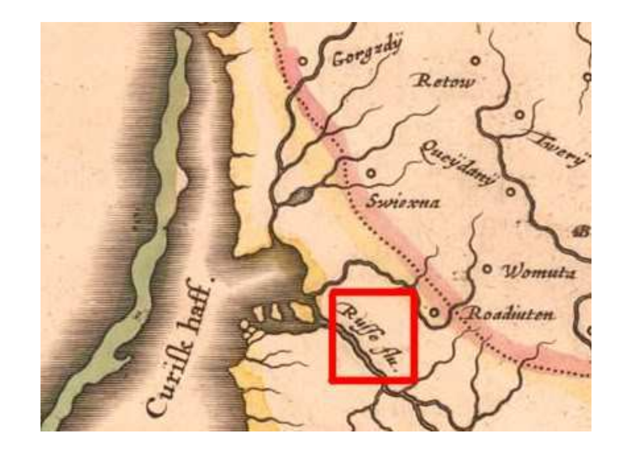

Рис.9. Фрагмент карты Ливонии XVII в. (Livonia vulgo Lyefland. Amsterdam, Blaeu, 1643-50)

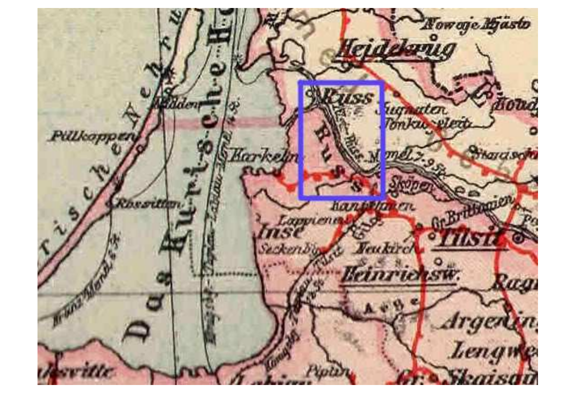

Рис.10. Фрагмент немецкой карты Восточной Пруссии 1-й половины XX в.

Наименование реки Неман как «Russe» встречается в источниках, как минимум, с XIV в. Так, в одном из документов Тевтонского ордена говорится о постройке в 1366 году некоего замка вблизи реки Russe (CDP 1848: 124). Помимо этого, выше по течению Немана, севернее реки, располагается известный с XIII в. под названиями **Rushigen**, **Rossyen** населенный пункт (совр. Русейняй, Расейняй).

Возможно, к «русской» топонимике Пруссии относится и древнейшее название города Раушен (совр. Светлогорск, Калининградская область). В середине XIII века поселение впервые упоминается в письменных источниках как Rusemoter (SUB: 26). Составляющую «moter» обычно переводят как «земля (край)», и, соответственно, название звучит как «край Ruse», что можно трактовать как «край русов». Позднее город стал носить немецкоязычное наименование Rauschen. Учитывая мнение А.В. Назаренко, что *Rausche* применительно к средневековым немецкоязычным топонимам является очевидной народной этимологией от *Ruzische* (Назаренко 1990: 122), вполне можно предположить в качестве изначального немецкого названия слово **Ruzischen** (т.е., «*Русский*»). В пользу правомерности этого говорят и польские наименование поселения: **Ruszowice, Ruskowo**. Таким образом, приведенная топонимика исторической Пруссии может подтверждать данные других исторических источников о связи этих земель с народом русь.

Далее рассмотрим связь русов с землями восточно-балтийского побережья: устьем Западной Двины (современная Латвия), областью Роталия/Вик с о. Саарема/Эзель (запад современной Эстонии). Существует целый ряд сведений исторических источников, упоминающих русов и Руссию/Рутению в указанном регионе. В частности, согласно булле Климента III бременскому архиепископу (XII в.), епископство Икскуль (совр. Икшкиле, 30 км от позднее появившейся Риги) располагалось «в Рутении» (HU 1842: 248) (как известно, Рутения – одно из традиционных наименований Руси в европейских источниках); шведский автор Иоганн Мессений размещал провинцию Вик «в Руссии» (Кейслер 1900: 92-93). Русов упоминает рядом с ливами и селами Ливонская рифмованная хроника (XIII в.); в ней же говорится о нахождении селонов, ливов и леттов под властью русов (LR 1844: 4-5,

18). Эти и ряд других исторических документов были приведены и проанализированы в контексте рассматриваемого вопроса, в том числе, А.Г. Кузьминым (Кузьмин 2003: 268-293; Кузьмин 2003а: 192-213). Интересно, что в данной местности источниками также упоминаются «Вендская земля» и венды (HCL 1955: 45; LR 1844: 39), история которых связана с южнобалтийским побережьем, а также, неким образом, и с русами. Обратимся к топонимике данного региона.

Помимо широко представленных «вендских» названий (известный замок Венден (ныне – Цесис), еще один Венден в области Вик, река Вента (Виндава), местности Винделе, Винде; селения Виндау, Венда; упоминаемые в некоторых документах «русские села» Вендекуле и Вендевер в области Вик, и т.д. (LECUR 1853: 102, 630, 679; HCL 1955: 45, 64, 67, 78, 95, 113; LR 1844: 249; Endzelins 1922: 17, 24, 30, 83, 88, 109,111; Чешихин 1884: 56), в данном регионе встречается и ряд наименований, связанных непосредственно с русами. Например, в источниках фигурируют топонимы **Russele** (где-то в окрестностях Ревеля и области Вик), **Russen (Russchen) dorpe** («русская деревня»?); возможно, сюда же относится **Rutzow** («Руссов»?) на курляндском побережье в области Megowe (LECUR 1853: 327, 630; LECUR 1857: 388-389). Севернее Цесиса (Вендена) на старинных и современных картах восточной Прибалтики присутствует топоним **Rujena** (Royen, Ruien):

Рис.11. Фрагмент современной карты восточной Прибалтики

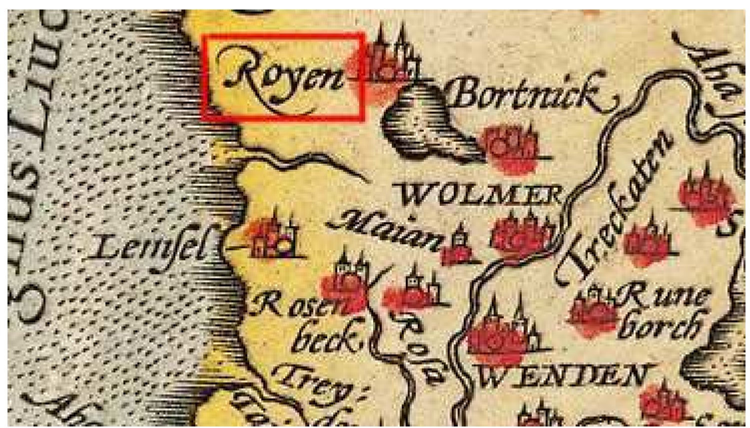

Рис.12. Фрагмент карты XVI в. (Livoniae nova descriptio / Ioanne Portantio auctore, 1579)

Рис.13. Фрагмент карты XVIIв. (Livonia vulgo Lyefland. Amsterdam, Blaeu, 1643-50)

Данные названия полностью соответствуют некоторым формам наименования о. Рюген – Руйян, Руйя. При этом существуют также старинные карты, на которых рассматриваемый город непосредственно именуется Rugen:

Рис.14. Фрагмент карты XVI в. (Livoniae nova descriptio / Ioanne Portantio auctore, 1598)

Рис.15. Фрагмент карты XVII в. (Livonia. Antwerpen, 1603)

Таким образом, в восточной Прибалтике не только присутствуют «русские» топонимы, но также и названия, связывающие данные территории с о. Рюген и южнобалтийским регионом в целом. Среди таких наименований – гидроним Ruschebek – река, протекающая недалеко от Икскуля и Риги и впадающая в Западную Двину:

Рис.16. Фрагмент карты XVIII в.
(Ducatuum Livoniae et Curlandiae Nova Tabula, 1705)

Идентичное наименование обнаруживается между Любеком и Рериком (недалеко от которого находится поселение Russow, см. выше):

Рис.17. Фрагмент современной карты Германии

Открытым оставим вопрос о связи этого гидронима с основой «Rus». Но отметим, что, учитывая приведенную точку зрения А.В. Назаренко, взаимозаменяемость Rus/Rusch вполне можно предположить. Таким образом, приведенные данные, по всей видимости, указывают на связь земель Балтийского побережья от устья Западной Двины до области Роталия-Вик с русами, а также с островом Рюген и близлежащим Поморьем.

В контексте затрагиваемой тематики нельзя не упомянуть о многообразных культурно-религиозных связях, которые исторически прослеживаются у рассмотренных в настоящей статье регионов (остров Рюген и южнобалтийское побережье в целом, Пруссия, восточная Прибалтика) как между собой, так и с Древней Русью (Колтырин 2015). Важно отметить и наличие генеалогических связей Руси с южнобалтийским регионом, что само по себе является интересной темой для исследования (Меркулов 2008).

В заключение отметим следующее. Приведенные в настоящей статье топонимические данные свидетельствуют о наличии на южнобалтийском побережье и в восточной Прибалтике целого пласта древних названий, предположительно связанных с этнонимом «русь». Рассмотренная «русская» топонимика указанных регионов в целом может подтвердить данные исторических источников о связи народа русь с островом Рюген и близлежащим поморьем (современная северная Германия), территорией исторической Пруссии и восточной Прибалтикой, а также гипотезу, в основе которой лежит положение о руссах как о выходцах с южного побережья Балтийского моря.

ЛИТЕРАТУРА

Боричевский 1840 - *Боричевский И.* Руссы на южном берегу Балтийского моря // Маяк. Ч. VII. СПб., 1840.

Забелин 1908 - *Забелин И*. История русской жизни с древнейших времен. Ч. I. М., 1908.

Итоги 2007 - Итоги. 2007. № 38.

Кейслер 1900 - *Кейслер Фридрих фон*. Окончание первоначального русского владычества в Прибалтийском крае в XIII столетии. СПб., 1900.

Колтырин 2015 - *Колтырин С.А.* Пруссы: происхождение и взаимосвязи // Исторический формат. 2015. № 3. С. 120-142.

Коновалова 1999 - *Коновалова И.Г.* Восточная Европа в сочинении ал-Идриси. М., 1999.

Костомаров 1994 - *Костомаров Н*. Русская республика. М., 1994.

Кузьмин 1970 - *Кузьмин А.Г.* «Варяги» и «Русь» на Балтийском море // Вопросы истории. 1970. № 10.

Кузьмин 2003 - *Кузьмин А.Г.* Начало Руси. М., 2003.

Кузьмин 2003а - *Кузьмин А.Г.* Два вида руссов в юго-восточной Прибалтике // Сборник Русского исторического общества. Том 8 (156). Антинорманнизм. М., 2003.

Кулаков 1996 - *Кулаков В.И.* Что мы знаем о древних пруссах // Восточная Пруссия с древнейших времен до конца Второй Мировой войны. Калининград, 1996.

Кулаков 2003 - *Кулаков В.И*. История Пруссии до 1283 года. М., 2003.

Меркулов 2003 - *Меркулов В.И.* Варяго-русский вопрос в немецкой историографии первой половины XVIII века. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2003.

Меркулов 2008 - *Меркулов В.И.* Мекленбургская генеалогическая традиция о Древней Руси // Труды Института российской истории РАН. 2008. Вып. 7. С. 8-28.

Меркулов 2013 - *Меркулов В.И*. Начало Руси по германским источникам (К уточнению научной проблематики) // Русин. Международный исторический журнал. 2013. № 1. С. 42-52.

Назаренко 1990 - *Назаренко А.В*. Южнонемецкие земли в европейских связях IX-X вв. // Средние века. 1990. Вып. 53. С. 121-136.

Пауль 2015 - *Пауль А*. Роксоланы с острова Рюген: Хроника Николая Маршалка как пример средневековой традиции отождествления рюгенских славян и русских // Исторический формат. 2015. № 1. С. 5-30.

Петр из Дусбурга 1997 - *Петр из Дусбурга*. Хроника земли Прусской. М, 1997.

ПСРЛ. Т. I. 1926-1928 - Полное собрание русских летописей. Т. I. Л., 1926-1928.

Фомин 2005 - *Фомин В.В.* Варяги и варяжская русь: К итогам дискуссии по варяжскому вопросу. М., 2005.

Чешихин 1884 - *Чешихин Е.В.* История Ливонии с древнейших времен. Т. 1. Рига, 1884.

Adam Bremensis - Magistri Adam Bremensis. Gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum. Hannoverae et Lipsiae, 1917.

CDP 1848 - *J.Voigt.* Codex diplomaticus Prussicus: Urkundensammlung zur ältern Geschichte Preussens aus dem Königl. Geheimen Archiv zu Königsberg, nebst Regesten. Bd. 3. Königsberg, 1848.

Endzelins 1922 - *Endzelins J*. Latvijas vietu vārdi. 1. d. Vidzemes vārdi. Rīga, 1922.

HCL 1955 - Heinrici Chronicon Livoniae. Editio altera / Recognoverunt L. Arbusow et A. Bauer // Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum ex Monumenta Germaniae Historica. Hannoverae, 1955.

HU 1842 - Hamburgisches Urkundenbuch / Hrsg. von J.M. Lappenberg. Hamburg, 1842.

LECUR 1853 - Liv-, Esth- und Curlandisches Urkundenbuch nebst Regesten. Bd. 1. Reval, 1853.

LECUR 1857 - Liv-, Esth- und Curlandisches Urkundenbuch nebst Regesten. Bd. 3. Reval, 1857.

LR 1844 - Livlädische Reimchronik. Stuttgart, 1844.

Merkulov 2014 - *Merkulov V.* Ostholstein – die Heimat der altrussischen Waräger. In: Federkiel, 10. Ausgabe, 2014. S. 4-9.

MU 1869 - Verein Für Mecklenburgische Geschichte Und Altertumskunde [Hrsg.] Mecklenburgisches Urkundenbuch. Band V. 1301-1312. Schwerin, 1869.

Petri de Dusburg - Petri de Dusburg Chronicon terrae Prussiae / Ed. M. Töppen // Scriptores rerum Prussicarum. Bd. 1. Leipzig, 1861.

PU - Pommersches Urkundenbuch. Bd. 5. Abt. 2, 1317-1320. Stettin, 1905.

SUB - Urkundenbuch des Bisthums Samland. Hrsg. von C.P. Woelky und H. Mendthal. Leipzig: Duncker & Humblot, 1891.

REFERENCES

Adam Bremensis - Magistri Adam Bremensis. Gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum [Deeds of the Bishops of Hamburg], Hannoverae et Lipsiae, 1917 [in Latin].

Borichevskiy 1840 - *Borichevskiy I.* Russy na yuzhnom beregu Baltiyskogo morya [Rus' people on the southern shore of the Baltic Sea], in: Mayak, Volume 7, S.-Petersburg, 1840 [in Russian].

CDP 1848 - *J.Voigt.* Codex diplomaticus Prussicus: Urkundensammlung zur ältern Geschichte Preussens aus dem Königl. Geheimen Archiv zu Königsberg, nebst Regesten [Diplomacy of Prussia: Collection of documents for the older history of Prussia from the Royal. Secret Archives at Koenigsberg, besides Regesten], Bd. 3, Königsberg, 1848 [in Latin and German].

Cheshikhin 1884 - *Cheshikhin E.V.* Istoriya Livonii s drevneyshikh vremen [History of Livonia from Ancient Times], T. 1, Riga, 1884 [in Russian].

Endzelins 1922 - *Endzelins J*. Latvijas vietu vārdi [Latvian place names]. 1. d. Vidzemes vārdi, Rīga, 1922 [in Latvian].

Fomin 2005 - *Fomin V.V.* Varyagi i varyazhskaya rus': K itogam diskussii po varyazhskomu voprosu [Varangians and Varangian Rus. By the end of the debate on the Varangian question], Moscow, 2005 [in Russian].

HU 1842 - Hamburgisches Urkundenbuch / Hrsg. von J.M. Lappenberg [Book of Deeds of Hamburg], Hamburg, 1842 [in German].

HCL 1955 - Heinrici Chronicon Livoniae. Editio altera / Recognoverunt L. Arbusow et A. Bauer // Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum ex Monumenta Germaniae Historica [The Livonian Chronicle of Henry], Hannoverae, 1955 [in Latin].

Itogi 2007 - Itogi [Results], Moscow, 2007, № 38 [in Russian].

Keysler 1900 - *Keysler Fridrikh fon.* Okonchanie pervonachal'nogo russkogo vladychestva v Pribaltiyskom krae v XIII stoletii [End of the initial Russian domination in the Baltic region in the XVIII century], S.-Petersburg, 1900 [in Russian].

Koltyrin 2015 - *Koltyrin S.A.* Prussy: proiskhozhdenie i vzaimosvyazi // Istoricheskiy format [Prussians: Their origin and ties], in: Historical Format, 2015, № 3, pp. 120-142 [in Russian].

Konovalova 1999 - *Konovalova I.G.* Vostochnaya Evropa v sochinenii al-Idrisi [Eastern Europe in the book of al-Idrisi], Moscow, 1999 [in Russian].

Kostomarov 1994 - *Kostomarov N.* Russkaya respublika [Russian Republic], Moscow, 1994 [in Russian].

Kulakov 1996 - *Kulakov V.I.* Chto my znaem o drevnikh prussakh [What we know about the ancient Prussians], in: Vostochnaya Prussiya s drevneyshikh vremen do kontsa vtoroy mirovoy voyny [East Prussia from ancient times until the end of the Second World War], Kaliningrad, 1996 [in Russian].

Kulakov 2003 - *Kulakov V.I.* Istoriya Prussii do 1283 goda [The history of Prussia up to 1283], Moscow, 2003 [in Russian].

Kuzmin 1970 - *Kuzmin A.G.* «Varyagi» i «Rus» na Baltiyskom more [«Varangs» and «Rus» in the Baltic Sea], in: Voprosy Istoryy [History matters], 1970, № 10 [in Russian].

Kuzmin 2003 - *Kuzmin A.G.* Nachalo Rusi [The origin of Rus], Moscow, 2003 [in Russian].

Kuzmin 2003a - *Kuzmin A.G.* Dva vida russov v yugo-vostochnoy Pribaltike [Two types of Rus in the south-eastern Baltic region], in: Sbornik Russkogo istoricheskogo obshchestva. Tom 8 (156). Antinormannizm [Proceedings of the Russian Historical Society. Volume 8 (156). Antinormannizm], Moscow, 2003 [in Russian].

LECUR 1853 - Liv-, Esth- und Curlandisches Urkundenbuch nebst Regesten. Bd. 1 [Book of Deeds of Livonia, Estland and Kurland. Volume 1], Reval, 1853 [in German].

LECUR 1857 - Liv-, Esth- und Curlandisches Urkundenbuch nebst Regesten. Bd. 3 [Book of Deeds of Livonia, Estland and Kurland. Volume 3], Reval, 1857 [in German].

LR 1844 - Livlädische Reimchronik [The Rhyme Chronicle of Livonia], Stuttgart, 1844 [in German].

Merkulov 2003 - *Merkulov V.I.* Varjago-russkij vopros v nemeckoj istoriografii pervoj poloviny XVIII veka. Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata istoricheskih nauk [Varangian-Russian question in the German historiography of the first half of the 18th eyelid. The abstract of the thesis for competition of an academic degree of the candidate of historical sciences], Moscow, 2003 [in Russian].

Merkulov 2008 - *Merkulov V.I.* Meklenburgskaya genealogicheskaya traditsiya o Drevney Rusi [Mecklenburg genealogical tradition of Ancient Russia], in: Trudy Instituta rossiyskoy istorii RAN [Proceedings of the Institute of Russian History RAS], Moscow, 2008. № 7, pp. 8-28 [in Russian].

Merkulov 2013 - *Merkulov V.I.* Nachalo Rusi po germanskim istochnikam (K utochneniju nauchnoj problematiki) [The beginning of Russia in the German sources (Specification of scientific problems)], in: Rusin. Mezhdunarodnyj istoricheskij zhurnal [Rusin. International historical magazine], 2013, № 1, pp. 42-52 [in Russian].

Merkulov 2014 - *Merkulov V.* Ostholstein – die Heimat der altrussischen Waräger [East Holstein as the native country of the early russian Varangian], in: Federkiel, 10. Ausgabe, 2014, pp. 4-9 [in German and Russian].

MU 1869 - Verein Für Mecklenburgische Geschichte Und Altertumskunde [Hrsg.] Mecklenburgisches Urkundenbuch. Band V. 1301-1312 [Book of Deeds of Mecklenburg. Volume 5. 1301-1312], Schwerin, 1869 [in German].

Nazarenko 1990 - *Nazarenko A.V.* Yuzhnonemetskie zemli v evropeyskikh svyazyakh IX-X vv. [South German land in European bonds of ninth and tenth centuries], in: Srednie veka [Middle Ages], 1990, Issue 53, pp. 121-136 [in Russian].

Paul 2015 - *Paul A.* Roksolany s ostrova Ruegen: Hronika Nikolaja Marshalka kak primer srednevekovoj tradicii otozhdestvlenija rjugenskih slavjan i russkih [The Roxolani from Rügen: Nikolaus Marschalk's Chronicle as an example of medieval tradition to associate the Rügen's Slavs with the Slavic Rus], in: Istoricheskij format [The Historical format], 2015, № 1, pp. 5-30 [in Russian].

Petr iz Dusburga 1997 - *Petr iz Dusburga.* Khronika zemli Prusskoy [Peter from Dusburg. Chronicle of Prussian land], Moscow, 1997 [in Russian].

Petri de Dusburg - Petri de Dusburg Chronicon terrae Prussiae / Ed. M.Töppen // Scriptores rerum Prussicarum. Bd. 1 [The Chronicle of the Prussian Land by Peter of Dusburg], Leipzig, 1861 [in Latin].

PSRL. T. I 1926-1928 - Polnoe sobranie russkikh letopisey [A complete collection of Russian chronicles], T. I, Leningrad, 1926-1928 [in Russian].

PU - Pommersches Urkundenbuch. Bd. 5. Abt. 2, 1317-1320 [Pomeranian Book of Deeds. Volume 5, 1317-1320], Stettin, 1905 [in German].

SUB - Urkundenbuch des Bisthums Samland. Hrsg. von C.P. Woelky und H. Mendthal [Book of Deeds of bishopric of Samland], Leipzig, Duncker & Humblot Publ., 1891 [in German].

Zabelin 1908 - *Zabelin I.* Istoriya russkoy zhizni s drevneyshikh vremen. Ch. 1 [The history of Russian life since ancient times. Volume 1], Moscow, 1908 [in Russian].

Колтырин Сергей Анатольевич – Общественно-научный проект
«Российско-немецкий исторический семинар» (Москва, Россия).
Koltyrin Sergey – The Public and Scientific project
«Russian-German Historical Seminar» (Moscow, Russia).
E-mail: mail@histformat.com

УДК 930.24;94(47).072.5

ХРОНОЛОГИЯ БОРОДИНСКОГО СРАЖЕНИЯ: К ВОПРОСУ О ВОСЬМИ АТАКАХ СЕМЁНОВСКИХ ФЛЕШЕЙ

В.П. Ануфриев
Независимый исследователь (Санкт-Петербург, Россия)
e-mail: vadimanufrief@yandex.ru

Авторское резюме
В статье восстанавливается хронология Бородинского сражения на основании указания как парижского, так и московского времени, часто используемого одновременно разными авторами относительно одних и тех же эпизодов, что искажает реальный ход событий. На основании этого восстанавливается объективная картина как сражения в целом, так и борьбы за Семёновские флеши. Анализ действий каждой из сторон объясняет, почему в отечественной историографии фигурирует до восьми атак флешей, и почему Кутузов оспаривал у Наполеона победу в этом сражении.
Ключевые слова: Бородинское сражение, хронология, флеши.

CHRONOLOGY OF THE BATTLE OF BORODINO: THE QUESTION OF EIGHT ATTACKS ON THE SEMENOV FLÈCHES

Vadim Anufriev
Independent researcher (St. Petersburg, Russia)
e-mail: vadimanufrief@yandex.ru

Abstract
The article restores the chronology of the Battle of Borodino using historical records with both Paris and Moscow time indications. The need for this has arisen from the fact that many historians use either Paris or Moscow time in relation to the same episodes, thus distorting the actual sequence of events. Accounting for the time difference has allowed the author a more coherent reconstruction of the course of the battle as a whole, and of the fight for the Semenov flèches in particular. Analysis of the actions of the opposing forces explains why the national historiography mentions up to eight attacks on the flèches, and why Kutuzov contested Napoleon’s victory in this battle.
Keywords: Battle of Borodino, chronology, flèches.

* * *

Оставив Шевардинский редут, русские сохранили за собой здесь Утицкий лес, *«егерский (стрелковый) бой 25 августа за который служил продолжением сражения 24 августа при деревне Шевардино. Он, то утихая, то возобновляясь, шел в ночь с 24 на 25 августа, продолжался ранним утром 25 августа, затих на некоторое время и вновь разгорелся «ввечеру 25 августа», снова затих и затем вплоть до начала Бородинского сражения, т. е. до раннего утра 26 августа, у нас происходили схватки и стычки на нашем*

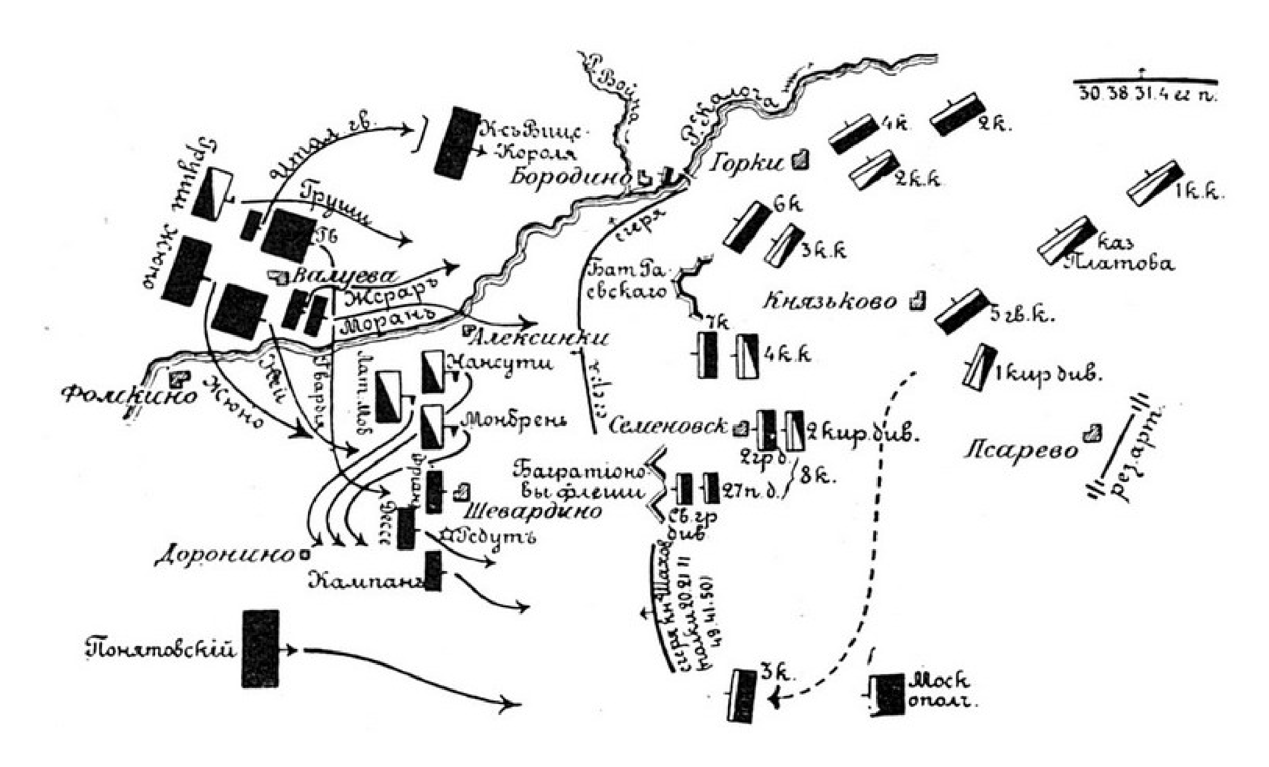
крайнем левом фланге с французскими вольтижерами и с польскими тиральерами (стрелками). Бой шел с переменным для нас счастьем. Были такие моменты боя, когда превосходный численно противник отодвигал наши войска назад и бой происходил «в лесу у флешей нашего левого фланга», но случались и такие моменты, когда наши войска отбрасывали неприятеля и занимали «находящийся на левом фланге нашего (Шевардинского) редута лес»» (Поликарпов 1913: 495-496). Если в районе Утицы действовали егеря бригады Шаховского (20 и 21-й егерские полки), которых здесь и позже упоминают многочисленные отечественные источники, то в районе Семёновских флешей резонно разместить егерей Гогеля (5-й и 42-й полки). Севернее, вероятно в районе д. Семёновской, сражались егеря бригады А.В. Воейкова (49 и 50-й полки). Адъютант командира 50-го егерского полка Н.И. Андреев вспоминает: *«На ночь* (на 25-е число – В.А) *мы опять пошли в стрелки и стояли смирно, а 25 числа утром сменены были 49-м егерским полком, но ненадолго. После весь полк был несколько раз в стрелках и много потерял, а 49-й еще и более нас…*» (Андреев 1879: 191).

В районе Центральной батареи бой вёлся в оврагах и перелесках первоначально между застрельщиками 1-й французской дивизии Морана и русскими егерями, очевидно, бригады Глебова (6-й и 41-й полки). Севернее действовали подразделения 3-й дивизии Жерара. Вскоре после полудня, Моран ввёл в дело весь свой 30-й линейный полк, батальоны которого, как уверяет командир одной из рот 1-го батальона 30-го полка капитан Ш. Франсуа, *«сменяя друг друга, вели перестрелку до 11 часов вечера»*, что соответствует 1 часу ночи 26 августа (7 сентября) московского времени, и потеряли в этот день *«300 человек, из которых 67 человек было убито»* (Земцов 2001: 38-64). Это больше, чем этот полк потерял в Шевардинском сражении, где он, правда, выполнял вспомогательную задачу. Наивно полагать, что с нашей стороны потери были меньше. Тем более, что Багратиону тоже пришлось для удержания позиций сменить егерей линейной пехотой, *«бригаду полковника Гоголя от сводной гренадерской дивизии* (2-й графа Воронцова – В.А.), *а 6-й и 41-й егерской* (Глебова – В.А) *от 7-го корпуса»*, в частности Смоленским пехотным полком 12-й дивизии. (Бородино 2004: 108). Кроме того, в бою 25 августа (6 сентября) приняли участие «*судя по отрывочным данным, Нижегородский и Полтавский пехотные полки (26-й пехотной дивизии 7-го пехотного корпуса) и батарейная № 32 рота (подполковника Белинсгаузена) 3-й резервной артиллерийской бригады*» (Поликарпов 1913: 496).

Тот же Поликарпов отмечает, что по *«числу наших войск, участвовавших в деле 25 августа…, по продолжительности боя и по нашим потерям, оно было и кровопролитное, и упорное* (Поликарпов 1913: 495). Но справедливо это только отчасти и только по отношению ко 2-й армии Багратиона, занимающей левый флаг. Ответственный за правый фланг Барклай-де-Толли в донесении Кутузову писал: «*25 числа кроме маловажных перепалок* (здесь и далее выделено мной – В.А.), *в коих взято было несколько пленных, ничего важнаго не происходило*» (Бородино 2004: 249). Сам же Кутузов предпочёл вообще не афишировать события этого дня. И для этого у него были свои причины.

Со стороны французов боевые действия этого дня имели целью оттеснения русских передовых частей (егерей) для обеспечения безопасного развёртывания своих войск на восточном (русском) берегу реки Колочи и обеспечения

последующих атак. Отчасти эта задача была выполнена, что создавало угрозу обхода русских армий с флангов. Этим, собственно, и был вызван и тот упорный бой, какой разгорелся в Утицком лесу, а также решение Кутузова направить для наблюдения за северным французским флангом казаков Власова[1]. Полностью выбить русских егерей из Утицкого леса так и не удалось, почему Наполеон и стал рассматривать возможность обхода левого крыла русских, где наблюдение вели казаки Карпова. Возможно, на отказ от этого плана повлияло то обстоятельство, что поляки всё-таки *«выиграли небольшое пространство, что дало весьма выгодную исходную позицию для завтрашней атаки на неприятельском фланге»* (Коленкур 1991: 125). Если в районе Бородина бой 3-й французской дивизии Жерара носил скорее ограниченный и демонстративный характер, о чём свидетельствует отказ Наполеона взять эту деревню в это день, то южнее (в районе Центральной батареи Раевского) 1-я дивизия Морана вела настоящий (хотя и стрелковый) бой за плацдарм на правом (русском) берегу р. Колочи. Ей удалось оттеснить русских егерей и к вечеру 25 августа (6 сентября) её застрельщики закрепиться здесь, хотя сама дивизия находилась «*на левом* (западном- В.А.) *берегу Колочи ещё с 5 сентября*» (Земцов 2010: 9).

Бородинский бой. Положение сторон 25 августа 1812 г.

Бородинское сражение началось в соответствии с диспозицией Наполеона атакой на рассвете около 5 (7) часов утра 13-й французской дивизией русского плацдарма непосредственно в районе деревни Бородино (Попов 2008: 14). Этому предшествовали манёвры по выдвижению атакующих войск, имевшие место с 4 (6) часов утра. М.Б. Барклай-де-Толли сообщает, что шеф лейб-гвардии Егерского полка

[1] Идея флангового удара по северному французскому фланга возникла позднее, когда окончательно выяснилось, что основной удар Наполеон наносит по южному русскому флангу.

полковник К.И. Бистром, оборонявший деревню, донес о движении неприятеля против него еще *"поутру до света"* (Бородино 2004: 249). Оно было основано в свою очередь на донесении командира 3-го батальона этого полка, полковника П.С. Макарова, который сообщил Бистрому, что в 4 часа утра (по парижскому времени, о чём он мог узнать и от пленных) *«неприятель спускается по правую сторону деревни двумя колоннами, полагая глазомером в восемь тысяч»* (Бородино 2004: 169). В «Описании сражения…» также сообщается, что *"в 4-е часа пополуночи первое стремление неприятеля было к селу Бородину»* (Бородино 2004: 327). А.П. Ермолов подтверждает, но только по московскому времени, что *«в шесть часов утра замечено движение в неприятельских войсках против правого нашего крыла, и вскоре началась атака на село Бородино»* (Ермолов 1991: 188). Адъютант Барклая-де-Толли капитан Лёвенштерн вспоминает: *«На восходе солнца поднялся сильный туман. Генерал Барклай в полной парадной форме, при орденах и в шляпе с черным пером стоял со своим штабом на батареи позади деревни Бородино.… Со всех сторон раздавалась канонада. Деревня Бородино, расположенная у наших ног, была занята храбрым лейб-гвардии Егерским полком. Туман, заволакивавший в то время равнину, скрывал сильные неприятельские колонны, надвигавшиеся прямо на него»* (Левенштерн 1900: 573).

В 5 (7) часов утра командир кавалерии 4-го корпуса генерал Ф. Орнано прибыл к своим подопечным из баварской шеволежерской дивизии. Он привёз воззвание императора, которое было тотчас переведено на немецкий язык и зачитано в эскадронах, после чего баварцы также пошли в атаку на деревню, поддерживая пехоту. Несмотря на малозаметную роль неприятельской кавалерии, один из эскадронов которой, как отмечает Н.Н. Муравьёв, был отброшен от Бородина русской артиллерией, французской пехоте удалось в первой половине 6-го (8-го) утра занять Бородино. В.И. Лёвенштерн сообщает: *«Стычка продолжалась не более 15 минут»* (Левенштерн 1900: 574). На эту продолжительность времени указывает и А.П. Ермолов. Другие говорят более расплывчато: «слишком скоро» (Митаревский), «мгновенно» (Граббе), «в короткое время» (Вольцоген), «менее чем за полчаса» (Сен-При-3-й). Причиной тому было не только преимущество атакующей стороны (включающей и умело созданное Наполеоном численное превосходство на направлении его ударов), но и беспечность защищавших её гвардейских егерей, спавших мертвецким сном, снявши мундиры. Они поспешно отступили за р. Колочу, не успев даже уничтожить за собой мосты. По одному из этих мостов 106-й французский полк генерала Плозонна перешёл на правый берег, создав угрозу д. Горки, где находился наблюдательный пункт Кутузова. Именно в 8-м часу по московскому времени, что соответствует 6-му часу европейского, по воспоминаниям майора М.М. Петрова, корпус Е. Богарне занял Бородино и мосты через Колочу, а генерал Беннигсен через полковника Никитина дал приказ командиру 1-го егерского полка Карпенко, *«чтобы он, сменив лейб- егерей своим полком, атаковал перешедшего из села Бородина на правый берег Колочи неприятеля и, переброся его обратно за реку, прогнал за с. Бородино»* (Петров 1991: 182). Эту контратаку Барклай поддержал бригадой Вуича (19 и 40 егерские полки), в результате чего удалось ликвидировать прорыв в районе Бородина 106-го полка убитого при этом Плозонна. Саму деревню после этого русские *«храбрые егеря ввиду целой армии удерживали более часу»* (Бородино 2004:

328), но вынуждены были всё-таки оставить ещё до 8 (9) часов, после атаки французского 92-го полка. При этом матросы гвардейского Экипажа мичмана Лермонтова вместе с егерями уничтожили мосты через Колочу.

После первого взятия Бородина Наполеон начинает штурм Семёновских флешей. Их атакует командир 1-го французского корпуса маршал Даву в половине 6 (8) часа утра, имея впереди 5-ю дивизию Компана. На расстоянии 250 метров впереди и южнее флешей в дело вступили русские егеря генерал-майора И.Л. Шаховского. Он, наряду со своим 20-м и 21-м полками (а также 1-м и 2-м сводно-гренадёрскими батальонами 3-й дивизии в Утицком лесу), имел в оперативном подчинении егерей 41-го и 11-го егерских полков. Если здесь нет ошибки, то 11-й егерский полк заменил 6-й и вместе с 41-м занимал кустарники вдоль р. Каменки от северной опушки леса, как о том свидетельствует К.Ф. Толь (Бородино 2004: 327) и другие авторы. Удар Даву разделил егерей Шаховского на тех, кто остался в лесу (20 и 21-й полки со сводными гренадёрами) и тех, кто был вынужден отступить к северу, а именно 11-й и 41-й полки. Вот тогда, вероятно, 41-й егерский полк перешёл в оперативное подчинение бригады Ф.Г. Гогеля (5 и 42 егерские полки), располагавшейся севернее, как это показано на карте расположения войск В.Н. Земцова и А.И. Попова (Земцов, Попов 2010: карта на стр. 8). А 11-й отступил к своей бригаде северо-восточнее Бородина, где его называет также и Н.Н. Муравьёв. Тем не менее, огонь егерей Шаховского и картечь русской артиллерии остановили французов, ряды которых были расстроены к тому же еще и лесистой местностью. Эту приостановку движения частей Компана некоторые отечественные историки, с некоторыми имеющимися на то основаниями, считают первой отбитой атакой флешей.

Около 6 (8) часов идущий в авангарде 57-й французский полк возобновил свою атаку, направленную непосредственно против самой мощной Южной флеши, не считаясь с потерями. «*Целые взводы падали сразу*», - вспоминает Сегюр (Сегюр 2003: 124). На краю Утицкого леса был ранен картечью (осколком гранаты) в правое плечо находившийся в этом полку Компан. Фактически сменивший его на острие атаки Тест свидетельствует, что движение его войск после ранения Компана замедлилось, а атака приостановилась, что и позволяет тем же нашим историкам говорить об отражении второй атаки флешей. Даву, видя замешательство 5-й дивизии, лично возглавил атаку 57-го полка. Французы шли молча, не отстреливаясь, и бросились прямо на пушки. Сам Даву при этом получил контузию в пах и правое бедро, упав с убитой под ним лошади, но его солдаты ворвались в Южную флешь. Дошедшая до нас легенда гласит, что Багратион не смог сдержать сорвавшегося с его уст возгласа «*Браво!*» (Троицкий 1988: 152). С русской стороны в борьбу за флеши вступила прикрывавшая их 2-я сводно-гренадёрская дивизия М.С. Воронцова, состоявшая из 11 сводных батальонов 3-х ротного состава. В передачи В. Харкевича сам Воронцов вспоминает: «*Сопротивление не могло быть продолжительным, но оно кончилось, так сказать, с окончанием существования моей дивизии. Находясь лично в центре и видя, что один из редутов* (Южный – В.А.) *на моем левом фланге потерян, я взял баталион 2-й гренадёрской дивизии и повел его в штыки, чтобы вернуть редут обратно. Там я был ранен, а этот баталион почти уничтожен. Было почти 8 часов утра и мне выпала судьба*

быть первым в длинном списке генералов, выбывших из строя в этот ужасный день…. Час спустя дивизия не существовала» (Харкевич 1900: 200-204). В наградных документах уточняется, что Воронцов получил пулевое ранение в ляжку ноги *«в 8-м часу»* по европейскому времени (Бородино 2004: 271). В другом варианте своих воспоминаний, написанных на английском языке, командир 2-й сводно-гренадёрской дивизии не указывает время своего ранения: «*Я был ранен мушкетной пулей в бедро в ходе нашей первой контратаки на флеши, моя бравая дивизия была полностью расстроена; от почти 5000 осталось не более 300 с одним полевым офицером… Мне перевязали рану прямо на поле, извлекли пулю и первые 3 или 4 версты меня везли в небольшой крестьянской телеге, одно из колес которой было сбито пушечным ядром, и мы умудрялись ехать на оставшихся трех. Таким манером мне удалось добраться до моей собственной коляски, которая была в обозе армии…*» (1812-1814: 278). Вот тогда, в 8-м (10-м по местному) часу командованию и стало известно о ранении Воронцова, которое, вероятно, имело место в 7 (9)-м часу утра. Но его гренадёрские батальоны продолжали сражаться и после ранения командира.

Именно русская гренадёрская ружейная пуля раздробила правую руку непосредственно руководившему атакой на Южную флешь генералу Тесту вскоре после её захвата. Вероятно, после Теста командование 5-й дивизией принял на себя бригадный генерал Дюпплен (Военная энциклопедия: 26). Но и он вскоре был ранен, сдав командование командиру 4-й дивизии Дессе (Дезе), которого сменил прибывший от Наполеона генерал-адъютант Ж. Рапп. Последний вспоминает: «*По прибытии к ней* (5-й дивизии – В.А) *я сговорился с маршалом Неем, на правом фланге которого я находился. Наши войска были в беспорядке; мы собрали их и, ринувшись на русских, заставили их дорого поплатиться за успех…. Мне еще ни разу не приходилось видеть такой резни»* (Россия 1991: 131).

Ней, получил приказ на атаку деревни Семёновской в 7 (9) часов утра (Военная энциклопедия 1911: 26; Земцов, Попов 2009: 25). Он уже начал было оттеснять егерей Ф.Г. Гогеля, когда вынужден был повернуть свою авангардную 10-ю дивизию Ледрю на поддержку Даву в борьбе за Южную флешь. Защищавшему её 57-му французскому полку пришлось оставить флешь, чтобы укрыться за ней от артиллерийского огня, что представляется отечественной историографией как освобождение Южной флеши и отражением второй французской атаки флешей. Это приписывают 2-й сводно-гренадёрской дивизии, которая дошла только до её гребня, но в саму флешь не входила, на чём не настаивает и раненый к тому времени ей командир. Причиной тому, возможно стала и 14-я легкая кавалерийская бригада О.Ф. Бёрмана, первой из кавалерии Мюрата пошедшая в атаку. Однако, если верить рапорту Сиверса, там побывали ахтырские гусары во главе с полковником Васильчиковым, посланные в контратаку по приказу Багратиона, вместе с новороссийскими драгунами, но «*пехота наша не подкрепила сей атаки и полковник Васильчиков принуждён был отступить за задний флешь*» (Бородино 2004: 254).

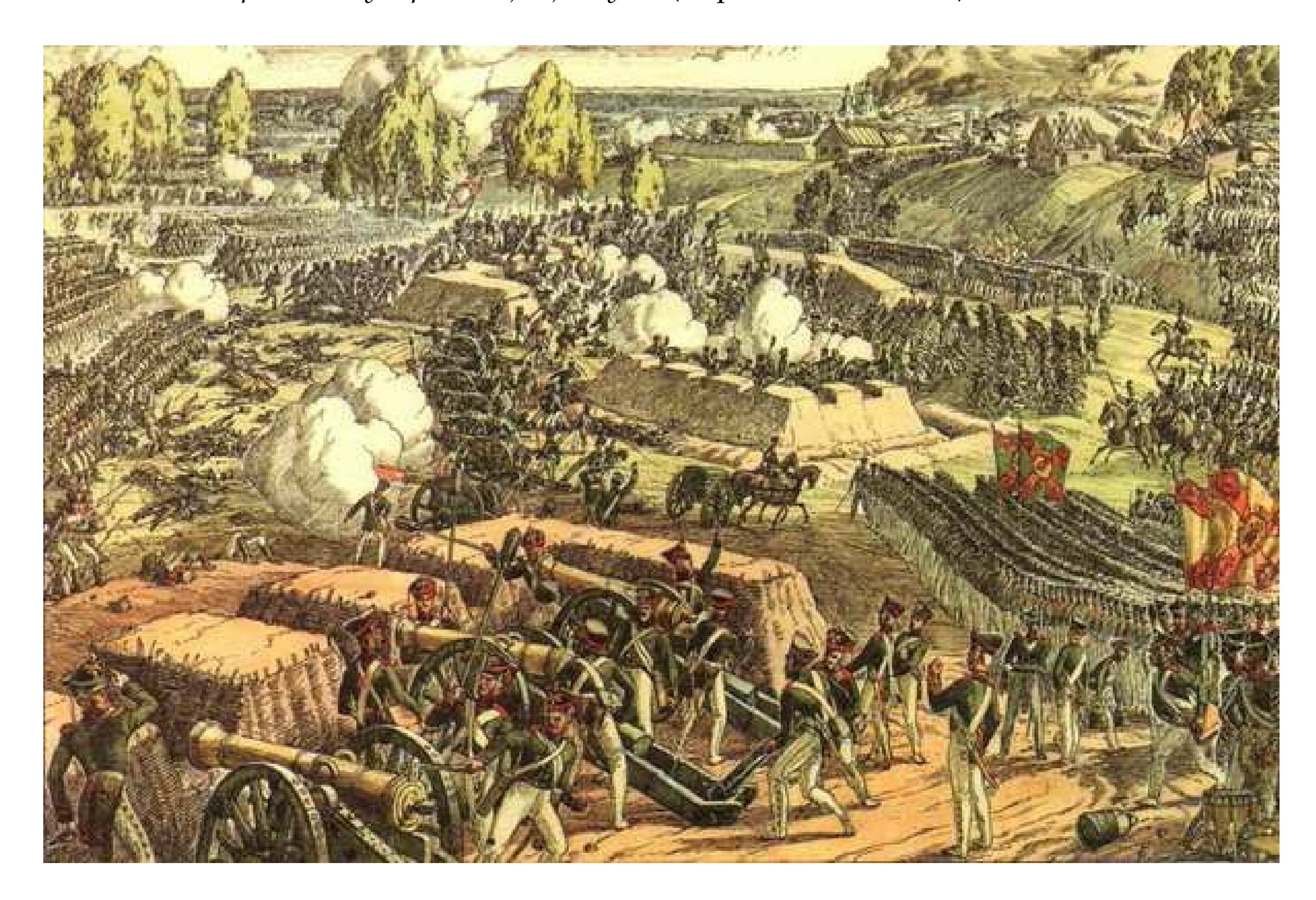
Между тем, 11-я дивизия Разу заняла оставленные русскими Северную и Восточную флеши, и её 4-й батальон 18-го полка дошёл до края Семёновского оврага, что представлено в некоторых исследованиях как начало первой атаки д. Семёновской. Но, столкнувшись с контратакующими русскими кирасирами

дивизии Дуки и солдатами 27-й дивизии Неверовского, он вынужден была оставить Восточную, и отойти даже за Северную флешь (Земцов, Попов 2009: 31-32). Это (наряду с оставлением французами 57-го полка Южной флеши и вхождение в неё ахтырских гусар) позволяет автором «Военной энциклопедии», разделившим удары Нея и Даву, говорить об отражении третьей атаки флешей. Тем более, что со стороны этих флешей из д. Семёновской атаковала 2-я бригада 2-й кирасирской дивизии, которая после этого, правда, сама перестала существовать как полноценная боевая единица, а её командир полковник М.И. Толбузин-1-й получил смертельное ранение. Бывший свидетелем этой атаки французский капитан Жиро сообщает, что из ходивших в атаку «*1500 русских кирасир*», что соответствует численности трёх полков этой бригады, «*вернулось из них к своим линиям едва ли более 200 человек*» (Россия 1991: 156). Это сообщение подтверждают официальная «ведомость потерь 1-й и 2-й Западных армии» по полкам (Бородино 2004: 332), с учётом входившего в эту бригаду Малороссийского кирасирского полка Шаталова-2-го, но атаковавшего каре 46-го линейного французского полка 10-й дивизии.

После этого 11-я французская дивизия Разу около 8 (10) или в самом начале 9 (11)-го возобновила атаку деревни и не только, «*в свою очередь*», вытеснила русских с Северной и Восточной флеши (батарей), как говорит Пельпор, но «*атаковала вновь и овладела укреплением*», прикрывавшим д. Семеновскую, о чём сообщает Солтык (Земцов и Попов 2010: 30). Это стало возможным благодаря успешному началу атаки 30-го полка Бонами из 1-й дивизии Морана на Центральный курган, предпринятой в 9-м (11-м) часу, после окончательной ликвидации русского плацдарма в районе Бородина. Захваченный курган защищал 7-й корпус Раевского, ослабленный на 8 батальонов, которые Багратион вынужден был бросить против Разу, поддержанного французской лёгкой кавалерии, «*которая покушалась несколько раз обойти флешь*», как о том сообщает Сиверс в своём рапорте (Бородино 2004: 254). Речь у него идёт о Южной флеши, занятой после оставления её ахтырскими гусарами 24-м полком 10-й французской дивизии, что можно назвать четвёртой атакой флешей. Но и этот полк вынужден был её оставить под натиском поддержавших Неверовского кирасир 1-й бригады Н.В. Кретова 2-й кирасирской дивизии, которые ворвались в эту флешь, что выглядит как отражение этой атаки. Русских кирасир в буквальном смысле штыками пришлось выбивать 25-й Вюртембергской дивизии генерала Ж-Г. Маршана, направленной Неем на помощь 57-му и 24-му французским полкам, что может быть представлено как пятая атака флешей. Именно в каре этой вюртембергской дивизии в Южной флеши нашёл убежище Мюрат, «*когда тому пришлось спасаться от русских кирасир*» (Лашук 2004: 526).

Атака русских кирасир была частью грандиозной контратаки Багратиона, который изъял для этого 3-ю дивизию Коновницына из корпуса Н.А. Тучкова, который после этого не смог удержать деревню Утицу, занятую в начале 9 (11)-го часа 5-м польским корпусом Понятовского. Вероятно, в том числе благодаря этому, французы смогли зацепиться за Южную флешь, тогда как позиции у Северной и Восточной флешей, а также д. Семёновскую, они вынуждены были оставить. Основная заслуга в этом и принадлежала 3-й дивизии, которая вступила в бой в 9-м (11-м) часу, если не раньше (Ивченко 2009: 157-158). В её 2-й бригаде полковника Д.И.

Мещерякова (1-ый батальон Селенгенского и Черниговский полк) и находился командир дивизии. В рапорте он не упоминает флеши и сообщает, что его полки *«были употреблены тотчас к завладению важной высоты, занимаемой неприятелем. Сие было исполнено с совершенным успехом; сказанные полки, презирая всю жестокость неприятельскаго огня, пошли на штыки, и с словом «ура», опрокинув превосходнаго неприятеля, привели в крайнее замешательство его колонны, и заняли высоту (**sic** – В.А.), с самаго начала сражения упорно защищаемую»* (Бородино 2004: 236).

На левом фланге между Утицким и Центральным курганами было две высоты, которые находились у д. Семёновской. Это высоты 220,0 и 226,8 на карте «Достопримечательные места поля Бородинского» (Иванов 1992: 56-58). Других высот в окрестности не было, включая и флеши, расположенные на возвышенности, которую только с большой долей фантазии можно было назвать высотой. «Из воспоминаний» Коновницына следует, что он освободил обе высоты (Харкевич 1900: 125-127). Но, говоря об этой контратаке, есть все основания больше доверять рапорту Коновницына, в котором говориться об освобождении им одной высоты, которой могла быть только высота 220,0 непосредственно у деревни. Сообщающий о её захвате 11-й дивизией, Солтык подтверждает, что торжество французов было не долгим, и контратакованная русскими *«дивизия третьего корпуса, имевшая задачу защищать Семеновскую, не смогла противостоять этому удару, и деревня вновь была взята русскими»*. Командир саксонского полка Гар дю Кор полковник А.Ф. Лейссер из бригады Тильмана того же корпуса Латур-Мобура был свидетелем того, как *«одна дивизия корпуса Нея, которая от только что захваченного шанца бросилась на*

неприятельские войска, выстроенные на пожарище Семеновского, была оттуда отбита и в беспорядке спускалась с возвышенности». «Перед нами, - вспоминает служивший здесь лейтенант (ротмистр) саксонцев Ф. Меерхайм, - *находились еще массы французской пехоты из корпуса Нея, которые, видимо, собирались атаковать высоты* (Семёновские – В.А.), *занимаемые противником; мы медленно следовали за ними, по временам останавливаясь… Теперь, когда мы уже находились в сфере действия картечного огня, мы заметили смятение среди французской пехоты … Вскоре после этого расстроенная пехота* (11-й дивизии Разу – В.А.) *весьма поспешно отступила по обе стороны нашей колонны; противник, однако, её не преследовал, но снова занял свою высоту* (sic – В.А)» (Земцов, Попов 2010: 30). Это сделала 2-я бригада 3-й русской дивизии.

А командную высоту 226,8, к которой прорвалась французская лёгкая кавалерия, контратаковал в 9 (11)-м часу при поддержке кавалерии Дорохова погибший здесь вместе со своей 1-й бригадой сводных гренадёр полковник Г.М. Кантакузин из 5-го гвардейского корпуса. В посмертной (исправленной) редакции «Записок» А.П. Ермолова сказано, что Кантакузин погиб *«изгоняя неприятеля из захваченного укрепления»* (Ермолов 1991: 189). Но даже в этой редакции, не говоря о более ранних, речь не идёт о флешах, которые в основном фигурируют у позднейших историков[1]. На этой укреплённой высоте располагался штаб 2-й армии, что объясняет личное участие Багратиона в этой контратаке, в которой он и был ранен осколком гранаты ближе к 9 (11) часам (Васильев, Ивченко 1992: 62-67). Стремлением многих историков связать это событие с очередной (5-й или 6-й, а то и с 7-й) атакой флешей и объяснят отсутствие единого мнения о месте ранения командующего 2-й армией.

Успеху русских в районе д. Семёновской, несмотря на ранение Багратиона, способствовала успешная контратака Центральной батареи введёнными в бой резервами 1-й армии в половине 10-го (12-го), в которой принял участие начальник штаба 1-й армии А.П. Ермолов. Несомненно, эта контратака способствовала повторному оставлению 11-й французской дивизии также Восточной и Северной флешей, которые непосредственно контратаковали с юга и севера 1-й бригады А. Тучкова (Ревельский и Муромский полки) 3-й дивизии, совместно с 8 батальонами корпуса Раевского, как о том говорят многие историки. 1-я бригада продвинулась вперёд за Восточную флешь, а 8 батальонам, по всей видимости, удаётся закрепиться в районе Северной флеши. Это, наряду с заменой в 9-м (11-м) часу малочисленной дивизии Маршана в Южной флеше 72-м полком 10-й дивизии (последним резервом Нея), позволяет говорить об отражении пятой атаки флешей. Но бригада Тучкова была остановлена огнём французской артиллерии и вынуждена была отступить. При этом был ранен её командир, который погиб в Восточной флеше, куда его перенесли солдаты, от прямого попадания ядра около *«11$^{1}/_{2}$ час.»* (Военная энциклопедия 1911: 27), что соответствует половине 10-го дня европейского времени[2]. Да и батальоны Раевского были заменены в борьбе с 11-й французской дивизией

[1] Вероятно, разногласиями по поводу места гибели бригады, и вызвано отсутствие ей памятника.

[2] Тело А. Тучкова не было эвакуировано, что не обязательно свидетельствует о поспешности отступления его бригады (полка), так как эвакуация убитых не практиковалась в то время в большинстве европейских армиях. В русскую армию эта традиция пришла от чеченцев в ходе позднейших Кавказских войн.

Сибирским гренадерским полком 2-й гренадерской дивизии Карла Мекленбургского. *«Во время Бородинской битвы перед сибиряками была поставлена боевая задача - оказание помощи сводной гренадёрской дивизии Воронцова, сдерживающей атаки неприятеля в районе Багратионовых флешей. После взятия этих укреплений французами Сибирский полк отступил к д. Семёновской, где позже отражал атаки французской кавалерии»* (Тимошин 2002: 3).

К новому взятию Северной и Восточной флешей 11-й французской дивизией, что представляется в нашей историографии как шестая атака флешей, привело, в том числе, безрезультатное окончание русской контратаки в районе Центральной батареи. Она была отбита в основном французской артиллерией, от огня которой погиб и прибывший с Ермоловым начальник артиллерии объединённых русских армий А.И. Кутайсов. Ничем не смог помочь в этом плане предпринятый около 10 (12) часов с русской стороны рейд Платова и Уварова по северному флангу Наполеона. Но и у французов также уже не было сил развить свой успех без дополнительных подкреплений, которые Наполеон не спешил бросать в бой. 11-я дивизия понесла огромные потери и разделила участь 4-й и 5-й дивизий, сражавшихся за Южную флешь, к которой прорвались части 2-й гренадёрской дивизии, где её и поставлен памятник. Кроме Сибирского полка, это мог быть Фанагорийский гренадёрский полк, командир которого Е.А. Головин утверждает, что его воины пробились «на штыках» до самого Утицкого леса, ворвавшись в Южную флешь (Очерки 1872: 5). И хотя это сообщение, не подтверждённое другими источники, вызывает сомнения, но замена в Южной флеши 72-го французского полка вновь вюртембержцами в это время позволяет сторонникам многократных атак флешей говорить об отражении шестой атаки (долгое время считавшейся последней) и начале 7-й атаки.

В связи с потерей к этому времени своего военного значения разрушенные флеши исчезают из поля зрения современников и последующих историков, что и дало повод ещё Е.В. Тарле довести число атак на флеши до восьми. Последнюю восьмую атаку часто связывают с наступлением между флешами и Утицей 8-го вестфальского корпуса Жюно, который был остановлен подошедшими русскими резервами. Но именно 3-й батальон 7-го вестфальского линейного полка из 2-й бригады 23-й дивизии этого корпуса сменил вюртембержцев в Южной флеши (Земцов, Попов 2009: 94). И это было последнее упоминание флешей, борьба за которые длилась *«с 7-ми часов утра до 10-ти с беспримерным ожесточением и упорством»* (Бородино 2004: 326). Принявший командование 2-й армией Коновницын хранит полное молчание относительно приписываемого ему авторства приказа на отход остатков 2-й армии за Семёновский овраг, что ставит под сомнение его существование.

После этого эпицентр сражения переместился к д. Семёновской, которую в 10 (12) часов атакует сменившая Разу 2-я дивизия Фриана и кавалерия Латур-Мобура. Против них идут в контратаку идут Киевский, Московский и Астраханский гренадёрские полки. Именно этот момент сражения изображён как центральный на

известной панораме Ф. Рубо[1]. К полудню по европейскому времени (14 часам московского) деревня пала, а остатки 2-й русской армии отступили от неё на несколько сотен метров на северо-восток, где дальнейшему продвижению французов преградили дорогу Семёновский, Измайловский и Финляндский гвардейские полки.

Только после этого, создав численный перевес в артиллерии, Понятовский смог в первый раз взять в 12 (14) часов Утицкий курган, возле которого он до этого пассивно простоял несколько часов. Но эта высота была возвращена погибшим при этом Н.А. Тучковым с помощью подошедших частей 2-го корпуса Багговута. И только после повторного штурма около 14 (16) часов высота осталась за поляками, в чём была не малая заслуга Жюно. После этого начался последний штурм французами Центрально кургана (батареи Раевского). В 14 (16) часов курган был взят совместными усилиями кирасир погибшего при этом О. Коленкура и Тильмана, а также пехоты 3-й дивизии Жерара. Русские отошли здесь за Горецкий овраг, где Наполеон не решился их атаковать (для чего ему пришлось бы вводить в бой Старую гвардию), что делало его победу «не полной» (Сегюр). Поэтому в 18 бюллетене он не случайно решил подчеркнуть, что в Бородинском сражении им была одержана бесспорная победа: *«Было два часа дня: неприятель потерял всякую надежду; сражение было закончено; канонада все еще длилась; неприятель боролся за отвод войск и безопасность, но это только усиливало победу»* (Маркхэм 2003: 189-199). С такой категоричностью не согласились даже некоторые его сторонники, не говоря о противниках. Да и сам он впоследствии стал высказываться более критично относительно достигнутых успехов в сражении применительно к затраченным усилиям. Это нашло отражение в приписываемой ему фразе: *«Из 50 сражений, мною данных, в битве под Москвой выказано наиболее доблести и одержан наименьший успех»* (Михневич 1911: 28)[2].

Действительно, директива Наполеона («Генеральные распоряжения») предусматривала нанесение не одного, а нескольких главных ударов. Такая стратегия на целое столетие предвосхитила знаменитый «Брусиловский прорыв» (нанесение одновременных ударов сразу в нескольких местах), осуществлённый гораздо успешнее и в более грандиозных масштабах. Стойкость русской пехоты не позволила Наполеону достигнуть того, что удалось Брусилову. В ходе сражения французская тяжелая кавалерия стала исполнять роль тарана, чтобы помочь продвижению своей пехоте. Аналогичную тактику и также в более грандиозных масштабах с успехом применит через 127 лет Г. Гудериан на фронтах второй мировой войны, где роль тяжелой кавалерии выполняли танковые группы. Но в отличие от него Наполеон в Бородинском сражении сделал это вынужденно, а поэтому и успехи французской тяжёлой кавалерии были скромными. В результате французскому императору,

[1] Изначально художник задумал создать панораму, отображающую сражение с момента успешной контратаки русскими войскам Центральной батареи, то есть с половины 10 (12)-го до полудня (14 часов). Получив указание ограничить полотно только фрагментом на 12 ч. 30 минут московского времени (на половину 11-го европейского), Рубо не смог скрыть родимые пятна первоначальной идеи. Поэтому не составляет большого труда найти в его творении неточности и не соответствия.

[2] Цитата в изложении Михневича скомпонована им из вольного перевода устных высказываний Наполеона. Первоисточники не передают подобной фразы именно в таком виде.

одержавшему тактическую победу, следствием которой стало падение Москвы, не удалось полностью ликвидировать русскую армию и, как следствие, заключить мир на своих условиях. А это как раз и позволило Кутузову в стратегическом (историческом) плане оспаривать победу. Тем более что времена, когда исход кампании решался в одном единственном генеральном сражении уже безвозвратно уходили в прошлое.

ЛИТЕРАТУРА

1812–1814 - 1812–1814. Записки генерала М.С. Воронцова: Сборник документов из собрания ГИМ. М., 1992.

Андреев 1879 - *Андреев Н.И.* Воспоминания офицера 50-го егерского полка // Русский архив. 1879. Т. 3.

Бородино 2004 - Бородино: документальная хроника. М.: РОССПЭН, 2004.

Васильев, Ивченко 1992 - *Васильев А., Ивченко Л.Л.* Девять на двенадцать или повесть о том, как некто перевел часовую стрелку // Родина. 1992. № 6-8.

Военная энциклопедия 1911 - Военная энциклопедия. Т. 5. СПб.: Тип. Т-ва И.Д. Сытина, 1911.

Ермолов 1991 - *Ермолов А.П.* Записки А.П. Ермолова 1798-1826. М.: Высшая школа, 1991.

Земцов 2001 - *Земцов В.Н.* Французский солдат в Бородинском сражении. Опыт военно-исторической психологии // Человек и война: Война как явление культуры. М.: АИРО-XX, 2001. С. 38-64.

Земцов, Попов 2009 - *Земцов В.Н., Попов А.И.* Бородино: Южный фланг. М.: Книга, 2009.

Земцов, Попов 2010 - *Земцов В.Н., Попов А.И.* Бородино. Центр. М.: Книга, 2010.

Иванов 1992 - *Иванов Н.* Достопримечательные места поля Бородинского // Родина. 1992. № 6-7.

Ивченко 2009 - *Ивченко Л.Л.* Бородинское сражение. История русской версии событий. М.: Квадрига, 2009.

Колнекур 1991 - *Арман де Колнекур.* Поход Наполеона в Россию (мемуары). Смоленск: Смядынь, 1991.

Лашук 2004 - *Лашук Анри.* Наполеон. Походы и битвы. Перевод с французского. М.: Эксмо, 2004.

Левенштерн 1900 - Записки генерала В.И. Левенштерна // Русская старина. 1900. Декабрь. С. 572-582.

Маркхэм 2003 - *Маркхэм Дж. Дэвид.* Русская кампания 1812 года в бюллетенях Наполеона // Бородино и наполеоновские войны. Битвы. Поля сражений. Мемориалы: Материалы Международной научной конференции, посвященной 190-летию Бородинского сражения (Бородино, 9-11 сентября 2002 г.). М.: КАЛИТА, 2003. С. 189-199.

Михневич 2001 - *Михневич Н.П.* Бородино // Отечественная война и русское общество: в 7 томах. Т. 4. М.: Издание Т-ва И.Д. Сытина, 1911. Переиздание Артели проекта «1812 год». Редакция, оформление, верстка - Поляков О.В. М., 2001.

Очерки 1872 - Очерки жизни и службы Е.А. Головина. Девятнадцатый век // Исторический сборник. Кн. 1. М., 1872.

Петров 1991 - *Петров М.М.* Рассказы служившего в 1-м егерском полку полковника Михаила Петрова о военной службе и жизни своей и трех родных братьев его, зачавшейся с 1789 года. 1845 г. // Воспоминания воинов русской армии. М.: Мысль, 1991.

Поликарпов 1913 - *Поликарпов Н.П.* Боевой календарь-ежедневник. Отечественной войны 1812 года. М.: Печатня А. Снегиревой, 1913.

Попов 2008 - *Попов А.И.* Бородино. Северный фланг. М., 2008.

Россия 1991 - Россия первой половины XIX в. глазами иностранцев. Л.: Лениздат, 1991.

Сегюр 2003 - *Сегюр Ф.-П. де* Поход в Россию. Записки адъютанта императора Наполеона I / Пер. с фр. Н. Васина, Э. Пименовой. Смоленск: Русич, 2003.

Троицкий 1988 - *Троицкий Н.А.* 1812 Великий год России М., 1988.

Харкевич 1900 - *Харкевич В.* 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников. Вып. 1. Вильна, 1900.

Электронный архив - Электронный архив «Мемориал Отечественной войны 1812 года». Все карты и планы: № 152. План Ланглуа; № 190. План сражения при селе Бородине [Карты]: 1812 / Соч. генерал-лейтенантом бароном Толем в 1814 году. СПб.: Военно-топографическое депо, 1838 / Электронный ресурс: http://dlib.rsl.ru/viewer/01005375291#?page=2 (дата обращения – 17.02.2016).

REFERENCES

1812-1814 - 1812-1814. Zapiski generala M.S. Voroncova: Sbornik dokymentov iz sobranija GIM [Notes of the general M.S. Vorontsov: The collection of documents from meeting of GIM], Moscow, 1992 [in Russian].

Andreev 1879 - *Andreev N.I.* Vospominanija oficera 50-go egerskogo polka [Reminiscences of an officer of the 20th regidcment of Jäger 50], in: Russkij arhiv [Russian archive], 1879, T. 3 [in Russian].

Borodino 2004 - Borodino: dokumental'naja hronika [Borodino: documentary Chronicles], Moscow, 2004 [in Russian].

Elektronnyj arhiv - Elektronnyj arhiv «Memorial otechestvenoj vojnyj 1812 goda». Vse karty i shemy [Electronic archive «Memorial Patriotic War of 1812». All the maps and plans]: № 152. plan Langlya [Number 152. Plan Langlois]. № 190. Plan srazhenija pri sele Borodine [Karty]: 1812 / Soch. general-lejtenantom baronom Tolem v 1814 godu [Number 190. Battle plan at the village of Borodino [map] 1812 / Vol. Lieutenant-General Baron Toll in 1814], St. Petersburg: Military Topographic Depot Publ., 1838, Electronic resource: http://dlib.rsl.ru/viewer/01005375291#?page=2 (Date of access – 17.02.2016).

Francuzy 1912 - Francuzy v Rossii. 1812 god po vospominanijam sovremennikov-inostrancev / Sost. Vasjutinskij A.M. i dr. Ch. 1 [The French in Russia. 1812 according to the memoirs of contemporariesforeigners. Comp. Vasyutinskiy A.M and others. Part 1], Moscow, 1912 [in Russian].

Harkevich 1900 - *Harkevich V.I.* 1812 god v dnevnikah, zapiskah i vospominanijah sovremennikov. Vyp. 1 [1812 diaries, notes and memoirs of contemporaries. Vol. 1], Vil'na, 1900 [in Russian].

Ivanov 1992 - *Ivanov N.* Dostoprimechatel'nye mesta polja Borodinskogo [Points of interest field of Borodino], in: Rodina [Rodina], 1992, № 6-7 [in Russian].

Ivchenko 2009 - *Ivchenko L.L.* Borodinskoe srazhenie. Istorija rysskoj versii [The Battle of Borodino. History of the Russian version of events], Moscow, 2009 [in Russian].

Kolnekur 1991 - *Armand de Kolnekur.* Pohod Napoleona v Rossiju [Napoleon's invasion of Russia (memoirs)], Smolensk, 1991 [in Russian].

Lashuk 2004 - *Lashuk Henry.* Napoleon. Pohody i bitvy [Movies and battle. Translated from the French], Moscow, 2004 [in Russian].

Levenstern 1900 - Zapiski generala V.I. Levenshterna [Notes General V.I. Levenstern], in: Russkaja starina. 1900. Dekabr' [Russian Antiquity. 1900. December], pp. 572-582 [in Russian].

Markhjem 2003 - *Markhjem Dzh. Djevid.* Russkaja kampanija 1812 goda v bjulletenjah Napoleona [Russian campaign of 1812 in the bulletins of Napoleon], in: Borodino i napoleonovskie vojny. Bitvy. Polja srazhenij. Memorialy [Borodino and Napoleonic wars. Fights. Fields of battles. Memorials]. Moscow, KALITA Publ., 2003 [in Russian].

Mihnevich 1911 - *Mihnevich N.P.* Borodino [Borodino], in: Otechestvenaja vojna I russkoe obshhestvo v 7 tomah. T. 4 [Patriotic War and the Russian society: in 7 volumes. Volume 4], Moscow, 1911 [in Russian].

Ocherki 1872 - Ocherki zhizni i sluzhby E.A. Golovina [Sketches of life and service E.A. Golovina], in: Istoricheskij sbornik. Kniga 1 [Nineteenth century. Historical collection. Book 1], Moscow, 1872 [in Russian].

Petrov 1911 - *Petrov M.* Rasskazy slyzhashhego v 1-m egerskom polky Michaila Petrova o voennoj slyzhbe… [The stories served in the 1st Jaeger Regiment Colonel Mikhail Petrov on military service and his life, and his three siblings, she conceived since 1789. 1845], in: Vospominanija voinov russkoj armii [Memories of soldiers of the Russian army], Moscow, 1991 [in Russian].

Polikarpov 1913 - *Polikarpov N.P.* Boevoj kalendar'-ezhednevnik. Otechestvennoj vojny 1812 goda [Fighting calendar-diary. War of 1812], Moscow: Pechatnja A. Snegirevoj Publ., 1913 [in Russian].

Popov 2008 - *Popov A.I.* Borodino. Severnyj flang [Borodino. Northern flank of the], Moscow, 2008 [in Russian].

Rossija 1991 - Rossija pervoj poloviny XIX v. glazami inostrancev [Russian first half of the nineteenth century. the eyes of foreigners], Leningrad, 1991 [in Russian].

Segur 2003 - *Segur F.-P. de* Pohod v Rossiju. Zapiski ad'utanta imperatora Napoleona I [Going to Russia. Notes adjutant of the Emperor Napoleon I. Trans. with fr. N. Vasin, E. Pimenov], Smolensk, 2003 [in Russian].

Troitskiy 1988 - *Troitskiy N.A.* 1812 Velikij god Rossii [Great year 1812 Russia], Moscow, 1988 [in Russian].

Vasiliev, Ivchenko 1992 - *Vasil'ev A., Ivchenko L.L.* Devyt' na dvenadcat' ili povest' o tom, kak nekto perevel chasovuju strelku [Nine or twelve story about how someone has translated the hour hand], in: Rodina [Homeland], 1992, № 6-8 [in Russian].

Voennaja jtnciklopedija 1911 - Voennaja jtnciklopedija. Tom V [Military Encyclopedia. Volume V], St. Petersburg, 1911 [in Russian].

Yermolov 1991 - Zapiski A.P. Yemolova 1798-1826 [Notes A.P. Ermolova 1798-1826], Moscow, 1991 [in Russian].

Zemtsov 2001 - *Zemtsov V.N.* Franchyzskija soldat v Borodinskom srazhhenii. Opyt voenno-istoricheskoj psihologii [French soldiers in the Battle of Borodino. The experience of military-historical psychology], in: Chelovek I vojna: Vojana i kul'tura [Man and War: War as a cultural phenomenon], Moscow, 2001, pp. 38-64 [in Russian].

Zemtsov, Popov 2009 - *Zemtsov V.N., Popov A.I.* Borodino: Uzhnyj flang [Borodino: Southern Flank], Moscow, 2009 [in Russian].

Zemtsov, Popov 2010 - *Zemtsov V.N. Popov A.I.* Borodino: Centr [Borodino: Center], Moscow, 2010 [in Russian].

Ануфриев Вадим Петрович – Независимый исследователь (Санкт-Петербург, Россия).
Anufriev Vadim – Independent researcher (St.Petersburg, Russia).
E-mail: vadimanufrief@yandex.ru

УДК 929.657

«ОБМАНКА» Г.Н. ТЕПЛОВА И НЕИЗВЕСТНЫЕ ФАКТЫ ЕГО БИОГРАФИИ

Д.В. Гусев
Государственный Эрмитаж
Россия, 190000, г. Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, д. 34
e-mail: rascol@bk.ru
Researcher ID: C-6421-2016
http://orcid.org/0000-0002-1011-7072
SPIN-код: 5852-3547

Авторское резюме

Статья посвящена уточнению ряда вопросов биографии выдающегося деятеля русской истории и культуры XVIII века Г.Н. Теплова. В 1737 году будущее впоследствии великого политического деятеля ещё представлялось неопределённым, однако, круг его интересов уже сложился, что и отразилось в написанных им «обманках».

Ключевые слова: Г.Н. Теплов, обманка, живопись, натюрморт, Эрмитаж.

TRICK THE EYE BY GRIGORY N. TEPLOV AND MISSING FACTS IN HIS BIOGRAPHY

Dmitry Gusev
The State Hermitage
34 Dvortsovaya Naberezhnaya, St. Petersburg, 190000, Russia
e-mail: rascol@bk.ru

Abstract

The article clarifies a number of questionable moments in the biography of Grigory Nikolayevich Teplov, an outstanding figure in Russian history and 18th-century culture. By 1737 the destiny of the future prominent statesman seemed yet uncertain; however, the range of his interests had already formed, and it is reflected in his painting *Objects on the Wall: Trompe l'oeil (Trick the Eye)*.

Keywords: Grigory N. Teplov, Trompe l'oeil, painting, still life, Hermitage.

* * *

В Государственном Эрмитаже хранится картина Г.Н. Теплова «Натюрморт – Обманка»[1]. Дата ее написания – 1737 год, о чем говорит авторская подпись на лицевой стороне холста. Значимость данной работы Г.Н. Теплова состоит в том, что она является одним из наиболее ранних русских произведений подобного жанра.

Тем не менее, о творческой деятельности известного русского ученого второй половины XVIII в. известно крайне мало. Из его художественного наследия мы

[1] Инв. № ЭРЖ – 2222. Размер 77x64 см.

располагаем только двумя натюрмортами, второй из которых (парный эрмитажному) хранится в Усадьбе Кусково в Москве[1].

Рис. 1. Г.Н. Теплов. Натюрморт. Государственный Эрмитаж

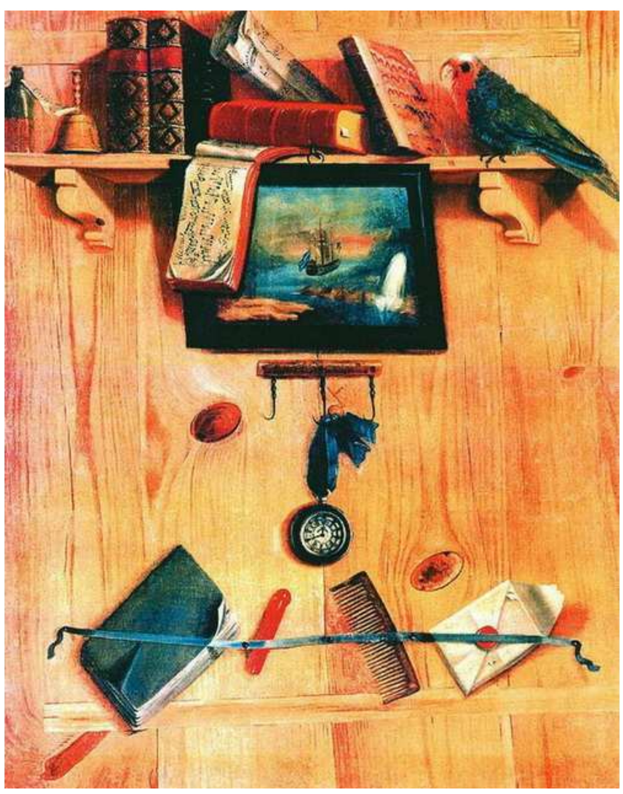

Рис. 2. Г.Н. Теплов. Натюрморт. Усадьба Кусково XVIII века

Представляет интерес год создания обманки. Он относится к одному из наиболее малоизученных периодов жизни и деятельности Григория Николаевича.

Поэтому в настоящей статье мы не только коснёмся вопроса символики изображенных на «обманке» предметов, но и рассмотрим события, сопутствующие времени её написания.

К биографии Теплова начали обращаться еще в XVIII веке. Так, после поездки в Россию немецкий историограф Гельбиг в конце XVIII века составил книгу «Российские избранники», где собрал данные о жизни 110 исторических деятелей Российской Империи, в числе которых был и Теплов. Первое издание книги, написанной по-немецки состоялось в 1809 году, и лишь в 1885 её опубликовали в русском варианте. Несмотря на относительно небольшой, конспективно-справочный текст, этот труд важен для нас, поскольку он является одним из ранних исторических источников об ученом.

Более основательна работа П.Н. Семенова «Биографические очерки сенаторов» (Семенов 1836), изданная Императорским Обществом Истории и

[1] В 2012 году на выставке натюрморта в Третьяковской галерее экспонировалась еще одна обманка, под вопросом приписываемая Г.Н. Теплову, однако эта атрибуция, скорее всего, не доказана. См. каталог выставки: Натюрморт 2012: Кат. № 84.

Древностей российских при Московском Университете. В этой книге, представляющей собой биографический сборник статей, Теплову уделено значительно больше внимания. Семёнов составил хронологию жизненного пути Григория Николаевича, а также, прочитав работу Гельбига, указал на те места в его книге, которые показались ему недостоверными. И на сегодняшний момент эта статья является одним из самых полных систематических изложений биографии Теплова, современника и коллеги М.В. Ломоносова, оставившего заметный след в русской науке.

Следующей работой, посвященный непосредственно Теплову, является очерк Александра Барсукова в ежемесячном историческом журнале «Киевская старина» за 1887 г. Т. 18 под названием «К биографии Г.Н. Теплова». В ней нет систематического изложения жизненного пути Григория Николаевича, а главное внимание обращается на несколько частных вопросов, которые у Барсукова вызвали сомнения. Так, работая в архивах, он заметил расхождения в датах между официальными документами и записками самого Теплова, подаваемых им в герольдию. К сожалению, указав на ряд важных несоответствий, исследователь не предложил им никакого объяснения.

В следующем году, в номере этого же журнала появилась обобщающая статья И. Каманина «К биографии Г.Н. Теплова». В ней была отражена вся известная на то время информация о Григории Николаевиче (Каманин 1888).

С начала XX века заметно возрос интерес к философскому наследию Теплова. В связи с этим следует упомянуть публикацию М.В. Безобразовой «Философ XVIIIв. Григорий Теплов – исследования, лекции, мелочи» 1914 года (Безобразова 1914).

В обосновании необходимости написания своей работы Безобразова указывает, что «со времени выхода книги Теплова «Знания…» философская критика не обратила на нее внимания, но книга такого внимания заслуживает» (Безобразова 1914: 110). Тем не менее, в работе самой Безобразовой мы также не найдем «критики». Структура книги представляет собой собрание цитат из наследия Теплова на самые различные темы. Цитаты подобраны таким образом, что сначала раскрывается предмет философской науки, то есть из чего она состоит и чему учит, затем прослеживается развитие философии в историческом контексте, и, наконец, высказываются взгляды самого автора на бытие и существование вещей.

Из дореволюционных изданий можно еще выделить труды, обобщающего характера, где в различной степени затрагиваются различные аспекты биографии Г.Н. Теплова. Это, в первую очередь, классическое многотонное издание С.М. Соловьева «История России с древнейших времен». Книги Соловьева полезны тем, что позволяют понять значение Теплова в общегосударственном процессе XVIII века, увидеть, какую роль этот современник Ломоносова играл в Академии Наук и при Дворе. К тому же критические замечания классика российской историографии еще раз доказывают незаменимость его «Историй».

Кроме трудов Соловьева, интересующую нас информацию можно найти также в книге И.А. Чистовича «Феофан Прокопович и его время» (Чистович 1868). Особенно интересны приведённые в ней факты, касающиеся раннего этапа жизни Теплова. В этом отношении не менее значимо для нас издание «Материалы для

биографии Ломоносова», автором которого явился экстраординарный ученый, академик П.С. Билярский (Билярский 1865). Кроме обстоятельной биографии М.В. Ломоносова, Билярский опубликовал ряд неизвестных ранее писем Г.Н. Теплова. Данная работа впервые затрагивает вопросы, касающиеся взаимоотношений Теплова и Ломоносова, двух русских ученых – энциклопедистов эпохи правления Елизаветы Петровны.

О деятельности Теплова на Украине дает представление знаменитая «История Украины» проф. Михаила Грушевского и ее русский перевод «Иллюстрированная история Украины» (Грушевский 1913). Некоторые факты из жизни Г.Н. Теплова приведены в книге Д.А. Толстого «Российский двор в XVIII веке», недавно переизданной (Толстой 2005).

Если в дореволюционное время основное внимание исследователи уделяли политической деятельности Г.Н. Теплова, то в советской историографии наибольший интерес вызывало его творческое наследие. Первой из таких работ явилась статья А.Н. Греча «Барокко в русской живописи XVIII века» 1926 года (Греч 1926). Рассматривая общие проблемы развития изобразительного, искусства в XVII-XVIII веках, автор в общем контексте своих размышлений упомянул и обманки Теплова.

В 1968 году выходит в свет солидный научный сборник «Русское искусство XVIII века». В нем, в частности, опубликована статья И.М. Глозмана «К истории русского натюрморта» (Глозман 1968). Своей главной задачей автор считал необходимым проследить развитие русского натюрморта в целом, начиная с петровской эпохи до конца правления Екатерины II. При этом Глозман, кроме прочего, останавливается не только на творчестве Григория Николаевича, но и разбирает некоторые вопросы его биографии, делает вывод о её противоречивости, а также дает характеристику работ Теплова, указывая историю их поступления в музеи. По сути, данная работа Глозмана до сих пор является самым информативным источником о художественной деятельности Теплова. К тому же она позволяет увидеть обманки Григория Николаевича в общем контексте развития русского натюрморта.

Следующий этап изучения творческого наследия Теплова относится к 80-м годам XX столетия. В 1984 году в журнале «Декоративное искусство СССР» № 6 появляется статья А. Расторгуева «Обманки» (Расторгуев 1984). Автор пытается дать объяснение вновь возникшему интересу к жанру обманок в XX веке, кратко касаясь истории вопроса.

В том же году в Москве, в ГМИИ им. Пушкина проходит весьма представительная конференция под названием «Вещь в искусстве». Через два года издается сборник её докладов. Одна из статей сборника, написанная А. Майер-Мейнтшел называется «Вермеер Делфтский и Григорий Теплов (письмо как мотив изображения)» (Майер-Мейнтшел 1986). Рассматривая прежде всего творчество Вермеера, автор попыталась дать сравнительный анализ символики изображения «письма» в ее историческом развитии, затрагивая не только западную Европу, но и Россию. По сути, ею была сделана первая попытка серьёзно осмыслить и расшифровать обманку Теплова из коллекции останкинского дворца музея. Помимо

Майер-Мейнтшел, в работе конференции принимали участие Ю.М. Лотман с докладом «Натюрморт в перспективе семиотики», где упоминался Теплов как художник; а также И.С. Фомичева со статьей «Trompe L'oell» - обманка».

Однако самой значительной публикацией по интересующей нас теме является статья В.Г. Вдовина «Две обманки 1737 года. Опыт интерпретации». Она напечатана как приложение к его книге «Персона-Индивидуальность-Личность: Опыт самопознания в искусстве русского портрета XVIII века» (Вдовин 2005). В статье рассматривается обманка Теплова, хранящаяся в усадьбе Кусково, а также «обманка» Трофима Ульянова, современника Теплова из дворца Останкино.

Таким образом, мы видим, что в отечественном искусствоведении ученые не раз обращались к художественному наследию Г.Н. Теплова, однако ряд проблем так и остался неразрешенным.

Например, оба натюрморта Григория Николаевича были написаны в 1737 году. Один из главных вопросов, которые возникают в этой связи – сколько лет было автору в момент написания его работы, и какое положение он занимал в то время в обществе? Соответственно, первая проблема, с которой встречается исследователь – год рождения Теплова. Расхождение в этой дате в литературе даются с достаточно большой амплитудой, примерно с 1711 по 1725 год. Например, в словаре Брокгауза и Ефрона указана дата 1729 год. В русском биографическом словаре – 1717. В Большой Советской Энциклопедии – 1711[1]. Всё это отражает путаницу, возникшую в научной литературе. Так, Гельбиг точную дату рождения Теплова не называет, однако при переводе его труда в 1900 году переводчиком в сноске была указана дата – 1720 (Гельбиг 1999: 199). П.Н. Семенов предлагает уже на несколько отличную дату – 1712 год (Семенов 1886: 16). И.М. Глозман полагает, что это 1716 год (Глозман 1968). С.В. Шлейтере пишет, что год рождения – 1717 (Шлейтере 1995: 501). У Вдовина снова 1716 (Вдовин 2005), М.Н. Логинов останавливается на 1720-м (Логинов). И так далее. Эта путаница могла произойти ещё в XVIII веке и, возможно, по вине самого Теплова; и если понять, для чего в своё время изменялись даты, то, вероятно, это позволит глубже разобраться в перипетиях жизненного пути самого Григория Николаевича.

Наиболее вероятными годами рождения, на наш взгляд, следует считать либо 1711, либо 1716. Первая дата закреплена надежным источником: на могильной плите Г.Н. Теплова, хранящейся в Александро-Невской Лавре, указаны дни, месяцы и годы жизни Теплова, а также год смерти – 1779. Вторую дату – 1716 – аргументировал И.М. Глозман. В его истории натюрморта читаем: «В исповедной росписи 1737 года указан возраст Теплова – 21 год. Следовательно, он родился в 1716 году» (Глозман 1968: 57). При этом автор дает архивную ссылку – ГИАЛОФ 19 оп112 д.5, 1737 г. Л.2 и дело 22, 1739 г., л.142. Совершенно очевидно, что в исповедной росписи может появиться информация, полученная только от самого Теплова. Впрочем, мы должны иметь ввиду, что исповедные книги – ненадежный исторический источник, и полагаться на них полностью нельзя. Однако нужно учитывать также и то, что год рождения – не единственная противоречивая дата в жизни Теплова. На это указал

[1] См. указанные словари, любое издание.

Александр Барсуков еще в 1887 году. Работая в архиве департамента герольдии, он нашел ряд интересных документов, касающихся Г.Н. Теплова, и отметив, что личность Теплова «играет столь неясную и вместе столь важную роль в истории последних дней ее, что всякая новая архивная справка о нем будет не лишнею для его биографии» (Барсуков 1887: 169), посчитал своим долгом указать в печати на эти документы.

Итак, первый документ представляет собой записку Г.Н. Теплова в Герольдию 1767 года для получения дворянства. В ней Григорий Николаевич указывает, что «в 1736 году по именному покойной императрицы Анны Иоановны указу определен в академию наук коллежским переводчиком». И далее: «В 1745 г., именным же ея величества императрицы Елизаветы Петровны указом пожалован асессором коллежским и присутствовал в канцелярии академии наук, будучи при том членом той же академии. В 1750 году именным ее величества указом пожалован коллежским советником и был у отправления по ея же указу гетманских малороссийских дел» (Барсуков 1887: 170).

Александр Барсуков на это возражает: «Выставленный 1736 год как будто бы указывает на время определения Теплова в академию наук переводчиком, в действительности же определение это состоялось в 1740 году и не по именному высочайшему указу, а по резолюции кабинет-министров» (Барсуков 1887: 170). При этом Барсуков приводит донесение академии наук в кабинет ее Императорского величества 1740 года следующего содержания: «Прошедшего августа 18 дня сего 1740 года, поданном дополнением в академию наук просил семинарии покойного Феофана … ученик Григорий Теплов о определении его при академии наук, к чему годен явится… однакоже академия без указу ея императорского величества оного определить не может, и для того чрез сие о милостивой на то резолюции всеподданнейше просит» (Барсуков 1887: 170).

Но Теплов был определен в академию резолюцию кабинет-министров от 3 октября 1740 года: «Посему доношению вышеозначенного ученика Григория Теплова, когда он в той академии был потребен, то его на место помянутого умершего переводчика Ильинского определить» (Барсуков 1887: 170).

«В ассесоры академической канцелярии, - продолжает Барсуков, - Теплов был пожалован не в 1745 году, как сказано в его записке, а в 1746 году июля 1 дня. В коллежские советники пожалован не в 1759 году, а 1 марта 1751 года именным указом» (Барсуков 1887: 171). Далее указ приводится.

Как видно, несоответствие дат налицо. И если в двух последних различие составляет примерно в год разницы, то в первой дате целых 4 года. Вряд ли нужно обвинять Григория Николаевича в забывчивости. Скорее всего, здесь дело в каком-то ином личном расчете. Будучи человеком умным и дальновидным, Теплов ничего не упускал из своего виду, и списывать такие расхождения на волю случая нам кажется необоснованным.

Итак, мы будем условно считать, что дата рождения Теплова 20 ноября 1711 года (с числом и месяцем расхождения нет). Во-первых, надгробие представляется нам более объективным источником, чем исповедные книги, во-вторых, эта дата делает его ровесником других семинаристов школы Феофана Прокоповича, с

которыми он учился, например, того же Трофима Ульянова (р.1712), что нам кажется вполне логично.

Следовательно, свои обманки он написал примерно в возрасте 26 лет.

Происхождение Теплова совершенно не ясно. Известно, что он был сыном истопника Александро-Невской Лавры и фамилию «Теплов» получил от своей связи с «печкой». В литературе можно встретить мнение, что Теплов – внебрачный сын Феофана Прокоповича, при этом, чаще всего, следует ссылка на семейное предание (см. например: Каманин 1888). Об этом сложно судить ввиду недоступности на данный момент источников. Но о чем точно можно сказать, это то, что Феофан Прокопович заметил молодого Теплова и последний попал к нему в школу.

Школа Феофана Прокоповича существовала с 1721 года (Чистович 1868). Обучались в ней, в основном, бедные дети и сироты. Энергичная натура Феофана смогла из этой школы для бедных организовать образцовое учреждение, дающее прекрасное образование и включающее в себя широкий круг преподаваемых предметов. Сюда входили: Закон Божий, церковнославянский язык, классические языки, риторика, грамматика, арифметика, исторические дисциплины, география, рисование, а также вокальная и инструментальная музыка. Преподавали в школе иностранцы и ученые из Академии Наук, известные законоучители из кадетского корпуса, и сами старшекурсники.

Теплов значится в списке учеников последнего года обучения (Чистович 1868: 634). Как даровитый юноша, при содействии Феофана Прокоповича, он был отправлен в Германию для усовершенствования в изучении языков и наук. Вернулся в 1736 году. Годом спустя и создаются две его обманки.

Для того чтобы оценить обманку Теплова с художественной точки зрения, нужно понять, что представлял собой жанр обманки на Западе и в России. Необходимо отметить, что само понятие обманка – это перевод с французского, «trompe l'oeil» - обман зрения, и данный термин устоялся в западном искусствоведении. Собственно, «trompe l'oeil» на западе понимается немного шире – там под этим термином можно понимать архитектуру, живопись, и любой другой вид искусства. В России обманка, прежде всего, ассоциируется с изобразительным искусством. Цель такого рода живописи, исходя из названия, создать иллюзию, ввести в заблуждение. И действительно, заходя в комнату и наблюдая издалека подобную картину, создается впечатление, что на стене приколоты настоящие письма, прикреплено настоящее перо, висят часы и т.д., в то время как они являются живописными, иллюзорными. Подобные изображения, иконографически достаточно сходные, до сих пор являются одной из самых малоизученных сторон живописи, причем не только в России, но и в Европе[1].

Сложно сказать, какая страна является родиной обманок, так же как и невозможно установить точное время их появления. Обманка, являясь, прежде всего, видом натюрморта, скорее всего из натюрморта и выделилась. Корни этого явления некоторые специалисты находят с XV века. Искусствовед Расторгуев замечает: «В Италии XV века складывается структура жанра, в то время как в Нидерландах – его

[1] Во Франции известно всего лишь несколько работ, посвященных обманкам: Cadiou 1989; Calabrase 2010.

плоть. Первыми чистыми обманками были интарсии, декоративные каннели, изображавшие несколько книг, предметов, иногда лютню, часто – условные геометрические тела в подчеркнутом и искусном перспективном сокращении; «обманность» жанра проявляется в изображении полуоткрытых дверей и шкафчиков, где на полках положены эти предметы» (Расторгуев 1984: 39). В XVII-XVIII веках устанавливаются иконографические типы обманок. Из них можно выделить следующие:

обманки-шкафы или дверцы,

обманки с приколотыми предметами на дощатом или ином фоне,

обманки единичных вещей, висящих на каком - либо фоне.

В русском искусстве «обманка» появляется в контексте общего развития натюрморта. В XVIII веке русский натюрморт носит еще, по словам И.М. Глозмана, «дилетантский, полуремесленный характер» (Глозман 1968: 53). Главными образцами служили работы голландских художников. К этому времени в самой Голландии техника живописи во многом совершенствуется, появляется стремление к максимально натуралистическому, граничащему с иллюзорностью, изображению предметов. Подобные принципы старалась впитать в себя русская живопись. Как отмечает Глозман, «стремление к иллюзионизму изображения, интерес к тщательной передачи поверхности предметов остается характерной чертой русских художников-натюрмоистов XVIII века» (Глозман 1968: 56).

Григорий Николаевич Теплов, будучи человеком разносторонне-эрудированным, к тому же проходя курс живописи в школе и побывав недавно заграницей, где наверняка смог достаточно близко познакомиться с работами европейских мастеров. По возвращению на родину, он решил и себя попробовать в модном и интересном на тот момент стиле - обманке. Теплов не был профессиональным художником, о чем свидетельствуют некоторые погрешности: это нарушение техники светотени, непропорциональность предметов.

Несмотря на это, композиционно обманка представляет несомненный интерес. И именно расположение и состав предметов обращает на себя особое внимание. Существуют ли какие-нибудь иконографические принципы понимания обманок?

В случае с Тепловым сложилось так, что в поле зрения искусствоведов попадала в основном вторая обманка, находящаяся в усадьбе Кусково, ее Эрмитажный аналог замалчивался, либо упоминался вскользь. Между тем, как нам кажется, разделять эти две работы нельзя – они парные. Соответственно, рассматривать их нужно вместе, как произведения, дополняющие друг друга. К ним можно прибавить обманку Трофима Ульянова 1737 года. Трофим Ульянов также учился в школе у Феофана Прокоповича и был заграницей, вместе с Тепловым[1]. Появление его обманки в этом году – явление не случайное, между ним и Тепловым наверняка существовала какая-то связь, но характер из взаимоотношений пока не ясен.

[1] В списках последнего выпуска, приводимого И. Чистовичем, значится и Трофим Ульянов. Однако дальнейшая его биография малоизвестна. См.: Чистович 1868: 634.

В литературе сложилось два подхода к объяснению «кусковской» обманки Теплова. Первый подход мы находим у И.М. Глозмана. Глозман отмечает, что, несмотря на стремление художника к обману зрения, не иллюзия составляет главную сущность картин этого жанра. Исследователь пишет: «Самим подбором вещей художник пытается рассказать о себе, о круге своих интересов и занятий, и о самих вещах, с которыми он соприкасается в своей повседневной деятельности: здесь и предметы быта – расческа, лекарство, колокольчик, часы; и произведение искусства – фарфор, картины; и атрибуты интеллектуального труда – книги, ноты, письма, сургуч для запечатывания, перо, записная книжка, календарь. Эти натюрморты – как бы уголки интерьера, несущие на себе следы недавнего пребывания человека. В этих изображениях обман зрения является скорее не целью, а следствием бесхитростного и любовного воспроизведения предметов нового, сложившегося именно в XVIII веке, быта русского интеллигента» (Глозман 1968: 60).

То есть мы попадаем в как бы мир вещей, которые окружали художника, на его рабочее место, где подбор предметов ярко свидетельствует о его занятиях и увлечениях.

Несколько другая концепция толкования вещей предложена А. Майер-Мейнтшел. Не занимаясь, собственно Тепловым, а анализируя Вермеера, она, тем не менее, провела интересные параллели. Отмечая, что в таких картинах может быть выражено гораздо больше, чем мы можем понять, Майер-Мейнтшел призывала обязательно привлекать исторические источники, понимание идей и воззрений той эпохи. «Голландцы, - говорила она, - часто облекали свои мысли в символическую форму, при этом возникало нечто вроде дуализма между символом и объектом изображения» (Майер-Мейнтшел 1986: 82). И она, по сути, выявив иконографические особенности, символику вещей в Западном искусстве, попыталась переложить их на русскую живопись XVIII века. На первый взгляд кажется странным: какая связь может быть между Вермеером и Тепловым? Майер-Мейнтшел утверждает: «Изображение письма или читающего письмо человека, так часто встречаемое у голландских художников XVIII века, дает ключ к интерпретации картины Теплова» (Майер-Мейнтшел 1986: 83). И ключ этот – в развитии иконографии письма.

С XV века мотив письма проходит несколько стадий – от религиозного содержания текста письма до символа, объединяющего только двух людей и создающего между ними взаимосвязь. Постепенно в Голландии приходит мода писать письма друг другу. Выпускаются даже книги, инструктирующие, как правильно это делать. Живописцы тоже стремились изображать подобные сцены. Для примера можно привести работы Терборха (девушка, пишущая письмо, 1655), Франса Мориса, Якоба Охтерфельда, Яна Вермеера. Причем нередко на заднем плане возникает изображение уходящего корабля – также устоявшаяся символика уходящей любви. На полотне же Вермеера появляется еще и музыкальный инстумент – лютня – символ чувственности. Соответственно похожую символику мы можем наблюдать и на обманке в Кусково: вскрытое письмо, уходящий корабль, ноты, часы, как символ бренности и быстротечности времени. Все это, по мысли Майер-Мейнтшел, возможно намек на несчастную любовь.

Концепцию Майер-Мейнтшел подхватил и сильно развил В.Г. Вдовин (Вдовин 2005). Он отрицает мнение о том, что смысл обманки – лишь передать уголок интерьера. На его взгляд, сочетание «письмо-марина» имеет совершенно четкое значение поруганной любви. Мотив этот в русской культуре давно знаком, достаточно вспомнить 654-ю эмблему из «Символов и Эмблематов 1705 г. На которой изображен амур на корабле с девизом: Счастливо те переплывают моря, коими любовь управляет».

Подобным образом Вдовин толкует и обманку Г. Теплова, заявляя, что если обманка Теплова рассказывает о драме только что рухнувшего счастья, то «Натюрморт Г. Ульянова повествует о страсти уже прошедшей» (Вдовин 2005: 142). Говорят об этом ножницы – символ разъединения. Попугай же у Теплова – сердце, окрыленное любовью. Ключ у Ульянова означает, конечно же, ключ от сердца, а гребень – вечная плодоносная сила. Перо со срезанной верхушкой – потеря юношеских надежд. Надломленная свеча – недолгая и утраченная любовь. Исходя из своего понимания символики обманок, Вдовин делает вывод, что Г. Ульянов не теряет надежды вернуть потерянную любовь, в отличие от Теплова, у которого всё безнадёжно. Поистине, проницательности исследователя можно только удивляться!

Но, если все так, то почему одни и те же предметы попадают из обманки в обманку? На обманке из Эрмитажа ни корабля, ни попугая уже нет, но есть все те же письмо и перья… На обманках западных художников, например, Кольера постоянно встречаются и перья, и письма, и гребешки, и ноты, и сургучные палочки. Набор предметов поразительно идентичен… И что же, делать вывод, что все обманки о несчастной любви?

На наш взгляд чрезмерное увлечение символикой предметов приводит к схематичности и в конечном счете ошибочности их толкования. Пытаясь разгадать «символы», можно упустить и то существенное, что лежит на поверхности. А именно: набор предметов схожий на всех обманках, потому что других предметов и быть не могло. Они из повседневного обихода человека того времени. Чтобы иллюзия удалась, и картинка сыграла роль обманки, необходимы предметы, восприятие которых происходило бы мгновенно, их образ должен отражаться в сознании автоматически, без анализа в пространстве. Вещи более сложные, не узнаваемые взглядом сразу, начинают рассматриваться, анализироваться, и, соответственно, эффект иллюзии теряется.

Но Вдовин прав, когда говорит, что натюрморты были написаны по заранее составленной программе (Вдовин 2005: 162). Ведь то, как художник композиционно размещает вещи, может указывать на логику и потайные мысли автора.

Если, в целом опираясь на подход В.Г. Вдовина и А. Майер-Мейнтшел, посмотреть и на обманку Государственного Эрмитажа, то перед нами развернется крайне увлекательный сюжет. На этой обманке, в отличие от парной к ней из усадьбы Кусково, явно чувствуется женское присутствие. Об этом говорит «скрытая симметрия» картины (См. таблицу 1, 2): два письма, предназначенные для двоих, двое часов, показывающих разное время, причем, они расположены рядом на двух лентах – синей и красной – цвета мужского и женского начала. Судя по общей концепции данного натюрморта, здесь когда-то должны были висеть и две картины,

однако художником намеренно (в отличие от кусковского полотна) изображена только одна, закрепленная на стене красной лентой, а вместо второй – осталось только воспоминание, намек – обрывок синей ленты на гвозде… На полке в помещены книги в солидных кожаных переплетах; как и перо, они – атрибуты деятельности Теплова, символы знания.

Здесь же мы видим две чашки и два блюдца, один – коричневый, керамический, другой, вероятно фарфоровый, с росписью, восточного происхождения. Фарфор обычно ассоциируется с женским началом, а изображение перевернутой чаши на блюдце - с гаданием, символом неопределенности и желания сделать выбор. Календарь 1737 года –времени, когда происходили отношения[1].

Но видно, что в отношениях, если таковые имели место – не все благополучно. Картина сорвана, часы разделяет крюк, на одном письме изображена муха – символ разложения, а под другим проходит трещина. Посередине висит баночка с лекарством. В целом картина создает впечатление грусти, несбыточности желаний, разрыва, личной драмы.

Сравнив Эрмитажную картинку с парной ей из Кусково, мы видим, что на ней «женское начало» исчезло полностью (См. таблицу 3): остались одни часы с синей лентой по центру, над ним - картина уходящего корабля, а письмо уже одно. Пропал весь фарфор (женские предметы) – вместо этого остались предметы, связанные с самим Тепловым. Наряду с книгами появился дневник – тетрадка, ноты, как новое увлечение автора, а также попугай, словно заменивший живую душу «пламенным сердцем»[2].

Таким образом, перед нами две парные обманки. Они отражают определенный этап, вероятно трагический, из жизни их автора. Теплов как раз вернулся из Европы, где возможно пережил драматическое любовное увлечение, а в 1736 году произошло ещё одно трагическое для него событие – смерть любимого учителя – Феофана Прокоповича. Художественным воплощением эмоционального состояния Г.Н. Теплова на тот период и явилось создание этих парных произведений, по- своему замечательных.

В любом случае, как нам кажется, каждая попытка объяснения символов похожих обманок будет являться уникальной, т.к. говорить об общей системе «шифрования» предметов на подобных изображениях, по нашему мнению, нельзя.

Ещё одна любопытная особенность эрмитажной обманки – под красочным слоем просматриваются черты мужского портрета. Сканирование в инфракрасных лучах подтвердило, что обманка написана поверх недописанного портрета Петра I. Таким образом, можно предположить, что ныне нам известен один из самых ранних вариантов портрета Петра I до 1737 года, возможно написанного в школе Феофана Прокоповича (если принять авторство Г.Н. Теплова).

---

[1] К слову, «Санктпетербурский календарь на лето от рождества Христова 1737», изображенный на натюрморте, издан Академией наук, что может свидетельствовать о связи Теплова с Академией уже в то время.

[2] Изображаемые Тепловым предметы поразительным образом указывают на все сферы его будущих и настоящих интересов: книги – филологическое и философское направление (Шлейтере 2003.), ноты – музыкальное (Ливанова 1952), лекарство и попугай – естественнонаучное, картина – художественное.

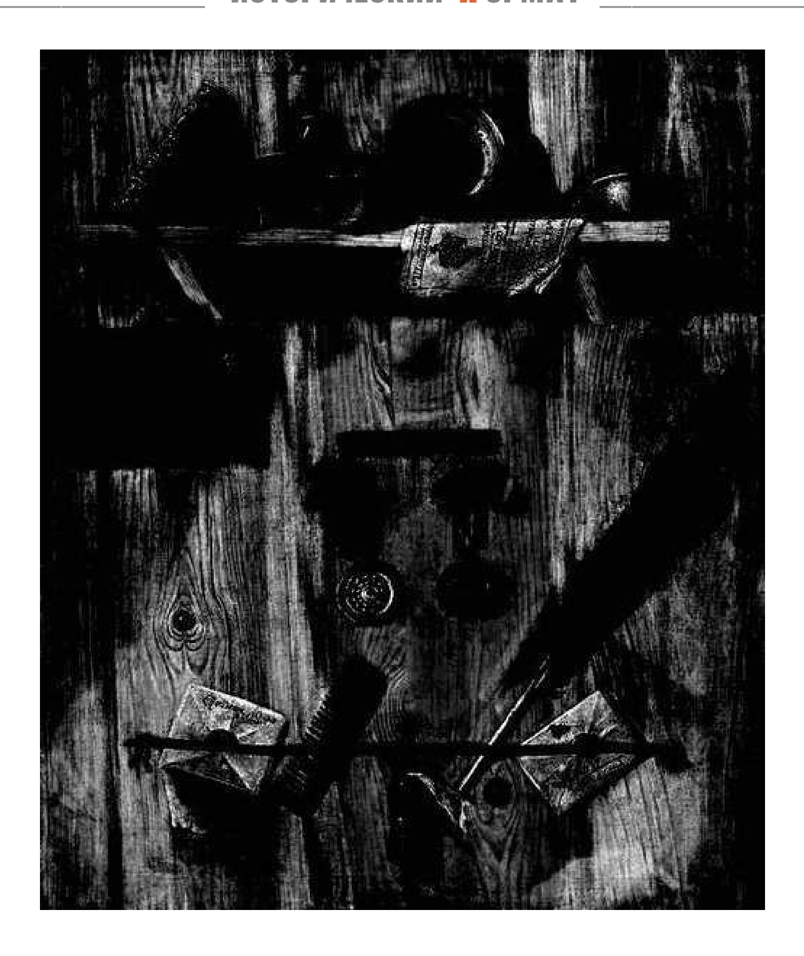

Рис. 3. На снимке с изменением контрастности палитры отчетливо различаются голова, плечи и руки мужской фигуры

Рис. 4.1-4.2 Красным штрихом обозначена граница головы изображаемого человека. Отчетливо видна шея, обвязанная платком, подбородок, усы

Интересна судьба школы в дальнейшем. После смерти Феофана Прокоповича, школа перешла в ведение Кабинета, и все ученики были распределены в разные

области преподаваемых наук. Что касается Теплова, то тут следует расхождение в датах. По бумаге Теплова и данным некоторых биографов, в частности Семенова, который пишет: «По возвращении в отечество, …Теплов по повелению Императрицы Анны Иоановны был определен на службу в С-Петербургскую Академию Наук, переводчиком на российский язык, единственно для дел, наук касающихся».

Однако документы действительно говорят о другом. Всенижайшее дополнение от Академии Наук, где говорится, что из учеников покойного Феофана только Теплов никуда не определен и «…Того ради кабинету Ея И.В. (Императорского Величества – Д.Г.) всенижайшее академия наук представляет, дабы повелено было вышеупомянутого ученика Григория Теплова определить в академию, а академия намерена онаго Теплова определить на место умершего переводчика Ильинского. И сим представя, от кабинета Ея И.В. академия ожидает резолюции» (Материалы 1887: 223-224).

Спустя некоторое время, 18 августа 1740 года в Академию Наук следует прошение самого Теплова:

«Имею я, нижеименованный, намерение быть и служить при императорской академии наук в таком звании, к какому годен являюся. Того ради всепокорно прошу императорскую академию наук благоволить меня принять и определить мне надлежащее жалование, и притом бы позволено было слушать лекции по желанию моему у профессоров.

О сем просит всепокорнейшее семинарии покойного Феофана, архиепископа новогородского, ученик Григорий Теплов. Подано августа 18-го дня 1740-го году» (Материалы 1887: 453).

Ответом на эту записку и стало письмо, приводимое Барсуковым выше. Из сего можно заключить, что устроение Г.Н. Теплова в Академию было не простым. Очевидно, здесь имеет место быть какой-нибудь интриге или проблеме, о которой мы не знаем. Возможно, есть связь с так называемым, делом Волынского, которое произошло в том же 1740 году и чуть не поставило крест на всей карьере Теплова. Пространный рассказ об этом находим в книге П.Н. Семенова, который упоминает, что в этом году Теплов состоял в Академии[1].

Из текста вполне понятно, что Теплов был студентом и служил тогда при Волынском. Однако Петра Еропкина казнили в июне 1740, и, следовательно, допрос Теплова происходил гораздо раньше, а прошение на определение в Академию Наук

---

[1] Мы позволим себе его привести: «…Состоя в академии, он, как способный и образованный человек, был призываем постоянно для занятий при известном кабинет-министре А.П. Волынском, и в 1740 году чуть не пострадал во время сыскного дела казненного министра. Составленная при участии Теплова родословная, по которой Волынский выводил происхождение свое от Рюрика и князя Дмитрия Волынца, зятя Дмитрия Донского, послужила поводом к привлечению Теплова к ответственности. Когда на допросах, Волынский был спрошен о том, кто расписывал ему родословное его древо, то несчастный, под пытками, наименовал студента Теплова. Взятый и представленный в страшный застенок, как преступник государственный, Теплов, не теряя присутствия духа, со смелостью отвечал, что он был только исполнителем данного ему поручения и не знал ничего, разрисовал только родословную по сделанному карандашом чертежу Еропкина, в доме Волынского. Только твердость и смелость спасли Теплова от гибельных последствий. Бау-интендант Петр Михайлович Еропкин, на пытках, подтвердил слова Теплова и 27 июня 1740 года подвергся казни, вместе с Волынским, и Теплов, признанный не виновным, оправдан и освобожден» (Семенов 1886: 17).

Теплов подает только в августе. То есть получается, что дело Волынского разбиралось, когда Теплов не был еще никуда определен? Еще одна загадка, которую следует разрешить в дальнейшем. В любом случае, даты написания им обманок относятся к одному из самых «тёмных» периодов жизни их автора.

В последующие годы положение Теплова в Академии Наук продвигается достаточно быстро. За два года он уже становится адъюнктом, о чем говорит доношение Шумахера от 3 января 1742 года: «… того ради по указу Ея И.В. академия наук приказали: за особливое его, Теплова, прилежание и искусство в науках, по рекомендации покойного доктора Амана, также в рассуждении того, что он со вступления его в академическую службу не только при переводах отменное прилежание показал, но и при кунст-камере в переводах разных каталогах через все лето прошлого 1741-го году трудился и всю должность адъюнкта действительно отправлял, за такие прилежные его, Теплова, труды и добрые поступки быть ему адъюнктом натуральной истории второго класса при ботанике и кунст-камере, а жалованья Ея И.В. производить ему, Теплову, инваря с первого числа сего 1742-го году по триста по шестидесят рублев на год…» (Материалы 1887: 2).

На службе в Академии Теплов исполнял разные поручения, совершенствовался в науках, читал публичные лекции с разъяснениями философии Вольфа, что отражено документах Академии Наук.

В 1743 году для Теплова происходит знаковое событие, ставшее впоследствии причиной роста его огромного влияния и служебного положения. В марте именным указом «Ея И.В.» из правительствующего сената Академии Наук выходит постановление: «Академии Наук адъюнкта Григорья Теплова, по прошению его, для дальнейшего и совершенного обучения и усмотрения в чужестранных академиях установленных наилучших порядков и учреждений, отправить в чужестранныя академии, а именно: в Виртембергское княжество, в город Тубинг, а оттуда в Париж. И для того определить ему жалованья по шестисот рублев на год…» (Материалы 1887: 2).

Теплов отправляется заграницу совершенствоваться в знаниях, но при этом отправляется не один. Всесильный граф Алексей Разумовский просит Теплова, чтобы тот взял с собой своего младшего брата, Кирилла, которому впоследствии будет суждено стать президентом Академии Наук и гетманом Малороссии. Неизвестно, при каких обстоятельствах познакомились Теплов и Алексей Разумовский. Но можно сказать, что отношения их приобрели довольно быстро доверительный характер. Об этом говорит тот факт, что Алексей доверил Кирилла Теплову, и адресовал письмо, приоткрывающее тайну их отношений.

Документ этот, состоящий из двух частей (первая адресована Кириллу Разумовскому, вторая – Г.Н. Теплову), именуется в литературе следующим образом: «Инструкция, каким образом Кириле Григорьевичу Разумовскому поступать, будучи в чужестранных Государствах». Издана она была в 13-м номере Черниговских Губернских Ведомостях в 1852 году.

В обращении к Кириллу, Алексей говорит о своей заботе, попечении о младшем брате, дает несколько указаний, главное из которых иметь страх Божий и исповедовать веру Православную. Также, ввиду малых лет Кирилла и других

обстоятельств, доверить его в смотрение адъюнкту Академии Наук Григорию Теплову[1]. Григорию Николаевичу же Разумовский шлет более пространное письмо, в котором по пунктам дает указания, относительно Кирилла. Сначала, естественно, требования исповедания Божьего Закона, правильного причастия, заботы о здоровье. Затем Алексей просит, чтобы квартиру они снимали недорогую, чтобы Кирилл обучался сначала Немецкому языку, а когда навыкнет – то и французскому. Помимо этого заниматься ему также необходимо и в других науках – Арифметики, Географии, Истории. Из земли Немецкой велено не выезжать, и к наукам принуждать по состоянию здоровья, контролировать расходы[2].

Потом следуют указания быть скромным в платье и галантерии, как поступать в случае провинности, уделяется внимание и физическим упражнениям. Люди, находящиеся при Кирилле, также отдаются в полное распоряжение Теплова[3].

Данное поручение показывает, во-первых, какого уровня доверия добился Теплов к 1743 году, а во-вторых, косвенно подтверждает то, что Теплов не мог родиться позже 1716 года. Для поручения в воспитании и обучении, а также сопровождении заграницу, разница в возрасте между Тепловым и Алексеем Разумовским должна быть значительна.

Алексей в дальнейшем не забыл Теплова. Спустя немного времени после поездки, 21 мая 1746 года Кирилл Григорьевич Разумовский становится президентом Академии Наук. С 1 июля того же года Г.Н. жалуется в асессоры канцелярии Академии Наук. На этой должности ему еще предстоит работать со многими известными людьми, такими как Ломоносов, Тредиаковский, Миллер и др.

Таким образом, затрагивая только один аспект деятельности Г.Н. Теплова, мы видим, насколько может быть сложен вопрос изучения его биографии в целом. В 1737 году будущее впоследствии великого политического деятеля ещё представлялось неопределённым, однако круг его интересов уже сложился, что и отразилось «обманках». Установление деталей жизненного пути, на наш взгляд представляется очень важным, поскольку это позволит лучше понять творческое

---

[1] «Чего ради, через сие наикрепчайшее вас увещеваю, - пишет Алексей, - ему (Теплову – Д.Г.), как определенному над вами Смотрителю, с надлежащим почтением во всем, что он в вашу пользу заблаго изобрести или учредить имеет, быть послушну. Собою и без его воли ничего не начинать и не делать, никаких кампаний, и денежных расходов без его согласия и позволения не иметь, и в прочем, во всем таким образом с ним поступать, как вы в том, по возвращении своем, ответ дать можете, и как то разумному человеку благопристойно».

[2] О степени доверия можно судить по следующему отрывку: «Без позволения бы он (Кирилл Разумавский – Д.Г.) вашего (Григория Теплова – Д.Г.) ничего не начинал, в компании непорядочные не вступал, и гостей бы не принимал таких, с которыми ему знакомство неприлично. Имя его прямое тем только открывать, кому вы рассудите за потребно, а без того называть всегда так, как в паспорте прописано, дабы он не имел причины лишних расходов содержать. Деньги его, чтоб всегда при нем были, и за его печатию, только вас прошу смотреть за ним, чтобы он без вашей воли их не издерживал, а вы можете расход порядочно приказать записывать, и всякий месяц освидетельствовав оное, подписывать с ним вместе, и в то время, когда он меня требовать будет пересылать новые суммы, присылать прошу издержанным деньгам исправный расход хотя перечнем».

[3] «…впрочем, я на вас во всем полагаюся и больше все, что здесь опущено, в ваше собственное рассуждение, обещеваю за то вас по возвращении вашем благополучном, во всем по силе моей не оставлять, и за труд ваш действительно благодарить, с которым обещанием всегда пребываю. Ваш слуга Алексей Разумовский».

наследие этого одарённого человека, сделавшего немалый вклад в русскую науку и искусство.

Таблица 1. Симметрия «мужских» и «женских» символов в Натюрморте Г.Н. Теплова из собрания Государственного Эрмитажа

Мужские символы	***Женские символы***
 Часы на синей ленте	 *Часы на красной ленте*
 Синяя лента, державшая сорванную картину	 *Целая картина на красной ленте*
 Распечатанное письмо – открытые чувства	 *Запечатанное письмо – закрытость*

Перо – интеллектуальный труд

Гребень – красота и чувственность

Книги – сфера работы и интересов

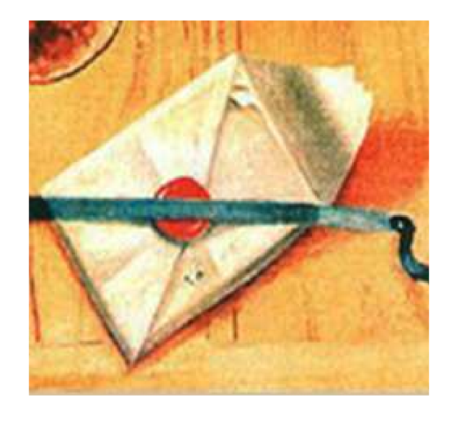

Фарфор – сфера женских интересов

Таблица 2. Одиночные предметы в Натюрморте Г.Н. Теплова из собрания Государственного Эрмитажа

	Календарь – указатель времени
	Крюк между часами – острота отношений
	Лекарство – символ горечи
	Муха на письме – разложение, тление

Таблица 3. Сопоставление «мужских» символов Натюрморта Эрмитажа с Натюрмортом Кусково

Натюрморт Г.Н. Теплова из собрания Государственного Эрмитажа	*Натюрморт Г.Н. Теплова из собрания усадьбы Кусково*
	
Часы	*Часы на синей ленте – остались только одни по центру*
	
Сорванная картина	*Появление сорванной картины – уходящий корабль, несбыточность надежд*
	
Письмо	*Распечатанное письмо – все становится открытым*

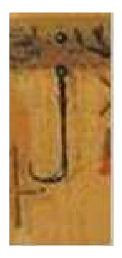
Перо

Книги

Календарь

Крючок

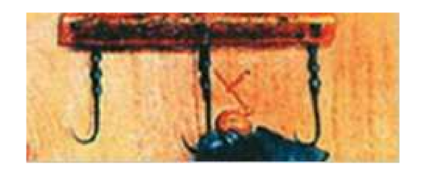
Дневник и сургуч – фиксация прошлого, расческа – воспоминание

Книги, которых становится больше – сфера деятельности расширяется

Ноты на смену календарю – время проходит, чувство вечно

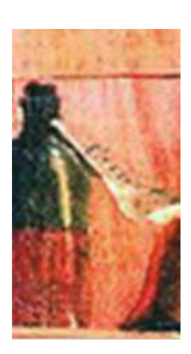
Крюков также становится больше

Лекарство

Муха

Лекарство из подвешенного состояния обретает твердое основание на полке

Попугай – пламенное сердце, живая душа

ЛИТЕРАТУРА

Барсуков 1887 - *Барсуков А.* К биографии Г.Н. Теплова // Киевская старина. Т. XVIII. Киев, 1887.

Безобразова 1914 - *Безобразова М.В.* Философ XVIII в. Григорий Теплов – исследования, лекции, мелочи. СПб., 1914.

Билярский 1865 - *Билярский П.С.* Материалы для биографии Ломоносова. СПб., 1865.

Вдовин 2005 - *Вдовин В.Г.* Две обманки 1737 года. Опыт интерпретации // Персона-индивидуальность-личность: Опыт самопознания в искусстве русского портрета XVIII века. М., 2005.

Гельбиг 1999 - *Гельбиг Г.Ф.* Русские избранники. М., 1999.

Глозман 1968 - *Глозман И.М.* К истории русского натюрморта // Русское искусство XVIII века. Материалы и исследования. М., 1968.

Греч 1926 - *Греч А.Н.* Барокко в русской живописи XVIII века // Барокко в России. М., 1926.

Грушевский 1913 - *Грушевский М.С.* Иллюстрированная история Украины. СПб., 1913.

Каманин 1888 - *Каманин И.* К биографии Г.Н. Теплова // Киевская старина. Т. XXIII. 1888. Ноябрь.

Ливанова 1952 - *Ливанова Т.* Русская музыкальная культура XVIII века в ее связях с литературой, театром и бытом. М., 1952.

Логинов - *Логинов М.Н.* Биографические сведения о русских писателях // ОР РНБ. Ф. 696. Д. 102. Л. 68.

Майер-Мейнтшел 1986 - *Майер-Мейнтшел А.* Вермеер Делфтский и Григорий Теплов (письмо как мотив изображения) // Вещь в искусстве. Материалы научной конференции 1984 года. Выпуск XVII. М., 1986.

Материалы 1887 - Материалы для истории Императорской Академии Наук. СПб., 1887.

Натюрморт 2012 - Натюрморт. Метаморфозы. Диалог классики и современности. М., 2012.

Расторгуев 1984 - *Расторгуев А.Л.* Обманки // Декоративное искусство СССР. 1984. № 6.
Семенов 1886 - *Семенов П.Н.* Биографические очерки сенаторов. М., 1886.
Толстой 2005 - *Толстой Д.А.* Российский двор в XVIII веке. СПб., 2005.
Чистович 1868 - *Чистович И.А.* Феофан Прокопович и его время. СПб., 1868.
Шлейтере 1995 - *Шлейтере С.В.* Г.Н. Теплов // Русская философия. Словарь. М., 1995.
Шлейтере 2003 - *Шлейтере С.В.* Философия Г.Н. Теплова. Автореферат на соискание ученой степени кандидата философских наук. М., 2003.
Cadiou 1989 - *Henry Cadiou.* Trompe l'oeill. Paris, 1983.
Calabrase 2010 - *Omar Calabrase*. J'art du trompe-l'oeil. Paris, 2010.

REFERENCES

Barsukov 1887 - *Barsukov A.* K biografii G.N. Teplova [To G.N. Teplov's biography], in: Kievskaja starina. T. XVIII [Kiev old times. Volume XVIII], Kiev, 1887 [in Russian].
Bezobrazova 1914 - *Bezobrazova M.V.* Filosof XVIII v. Grigorij Teplov – issledovanija, lekcii, melochi [The philosopher of the 18th century Grigory Teplov – researches, lectures, trifles], St. Petersburg, 1914 [in Russian].
Biljarskij 1865 - *Biljarskij P.S.* Materialy dlja biografii Lomonosova [Materials for the biography of Lomonosov], St. Petersburg, 1865 [in Russian].
Cadiou 1989 - *Henry Cadiou.* Trompe l'oeill [Trompe-l'œil], Paris, 1983 [in French].
Calabrase 2010 - *Omar Calabrase*. J'art du trompe-l'œil [About art Trompe-l'œil], Paris, 2010 [in French].
Chistovich 1868 - *Chistovich I.A.* Feofan Prokopovich i ego vremja [Feofan Prokopovich and his time], St. Petersburg, 1868 [in Russian].
Gel'big 1999 - *Gel'big G.F.* Russkie izbranniki [Russian elects], Moscow, 1999 [in Russian].
Glozman 1968 - *Glozman I.M.* K istorii russkogo natjurmorta [To history of the Russian still life], in: Russkoe iskusstvo XVIII veka. Materialy i issledovanija [Russian art of the 18th century. Materials and researches], Moscow, 1968 [in Russian].
Grech 1926 - *Grech A.N.* Barokko v russkoj zhivopisi XVIII veka [Baroque in the Russian painting of the 18th century], in: Barokko v Rossii [Baroque in Russia], Moscow, 1926 [in Russian].
Grushevskij 1913 - *Grushevskij M.S.* Illjustrirovannaja istorija Ukrainy [The illustrated history of Ukraine], St. Petersburg, 1913 [in Russian].
Kamanin 1888 - *Kamanin I.* K biografii G.N. Teplova [To G.N. Teplov biography], in: Kievskaja starina. T. XXIII. 1888. Nojabr' [Kiev old times. Volume XXIII. 1888. November] [in Russian].
Livanova 1952 - *Livanova T.* Russkaja muzykal'naja kul'tura XVIII veka v ee svjazjah s literaturoj, teatrom i bytom [The Russian musical culture of the 18th century in its communications with literature, theater and life], Moscow, 1952 [in Russian].
Loginov - *Loginov M.N.* Biograficheskie svedenija o russkih pisateljah [Biographic information about the Russian writers], in: OR RNB. F. 696. D. 102. L. 68 [Department of manuscripts of National Library of Russia. Fund 696. Case 102. Letter 68] [in Russian].
Majer-Mejntshel 1986 - *Majer-Mejntshel A.* Vermeer Delftskij i Grigorij Teplov (pis'mo kak motiv izobrazhenija) [Vermeer Delftsky and Grigory Teplov (letter as motive of the image)], in: Veshh' v iskusstve. Materialy nauchnoj konferencii 1984 goda. Vypusk XVII [Thing in art. Materials of scientific conference of 1984. Release of XVII], Moscow, 1986 [in Russian].
Materialy 1887 - Materialy dlja istorii Imperatorskoj Akademii Nauk [Materials for history of Imperial Academy of Sciences], St. Petersburg, 1887 [in Russian].
Natjurmort 2012 - Natjurmort. Metamorfozy. Dialog klassiki i sovremennosti [Still life. Metamorphoses. Dialogue of classics and present], Moscow, 2012 [in Russian].
Rastorguev 1984 - *Rastorguev A.L.* Obmanki [Trompe-l'œil], in: Dekorativnoe iskusstvo SSSR [Decorative art of the USSR], 1984, № 6 [in Russian].
Semenov 1886 - *Semenov P.N.* Biograficheskie ocherki senatorov [Biographic sketches of senators], Moscow, 1886 [in Russian].

Shlejtere 1995 - *Shlejtere S.V.* G.N. Teplov [G.N. Teplov], in: Russkaja filosofija. Slovar' [Russian philosophy. Dictionary], Moscow, 1995 [in Russian].

Shlejtere 2003 - *Shlejtere S.V.* Filosofija G.N. Teplova. Avtoreferat na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filosofskih nauk [G.N. Teplov's philosophy. The abstract for degree of the candidate of philosophical sciences], Moscow, 2003 [in Russian].

Tolstoj 2005 - *Tolstoj D.A.* Rossijskij dvor v XVIII veke [The Russian yard in the 18th century], St. Petersburg, 2005 [in Russian].

Vdovin 2005 - *Vdovin V.G.* Dve obmanki 1737 goda. Opyt interpretacii [Two blendes of 1737. Experience of interpretation], in: Persona-individual'nost'-lichnost': Opyt samopoznanija v iskusstve russkogo portreta XVIII veka [Person-identity-personality: Experience of self-knowledge in art of the Russian portrait of the 18th century], Moscow, 2005 [in Russian].

Гусев Дмитрий Владимирович – Младший научный сотрудник отдела истории русской культуры Государственного Эрмитажа (Санкт-Петербург, Россия).
Gusev Dmitry – Junior researcher of Department of history of the Russian culture of the State Hermitage (St. Petersburg, Russia).
E-mail: rascol@bk.ru

УДК 94(47).021

КОНЦЕПТ «ПОСТОБЩИНА»: ВОЗМОЖНОСТИ АНАЛИЗА СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА ГУМАНИТАРНОГО НАУЧНОГО СООБЩЕСТВА

А.В. Овчинников
Институт социальных и гуманитарных знаний
Россия, 420111, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Профсоюзная, д. 13/16
e-mail: ovchinnikov8_831@mail.ru
SPIN-код: 9947-7836

Авторское резюме
Исследуется проблема развития научного сообщества гуманитариев в условиях модернизирующегося социума. При помощи концепта «постобщина» осуществлена попытка интерпретации конкретного фактологического материала, связанного с функционированием коллективов историков нескольких поволжских и прикамских городов. Делается акцент на внутренней жизни постобщины: потестарные ритуалы, межличностные отношения, праздники, связи с внешним миром.
Ключевые слова: модернизация, научное сообщество, постобщина.

THE CONCEPT OF «POSTOBSCHINA»: THE ABILITY TO ANALYZE SOCIO-CULTURAL SPACE HUMANITARIAN SCIENTIFIC COMMUNITY

Alexander Ovchinnikov
Institute of social and humanitarian knowledge
13/16 The Profsoyuznaya Street, Kazan, 420111, Russia
e-mail: ovchinnikov8_831@mail.ru

Abstract
Author investigated the problem of the development of the Humanities in the conditions of a modernizing society. Using the concept of «postobschina» he attempted to interpret a large factual material relating to the functioning of the scientific communities of historians of several cities of the Volga and Kama. There is an emphasis on the inner life of «postobschina»: potestarian rituals, interpersonal relationships, holidays, communication with the outside world.
Keywords: modernization, the scientific community, postobschina.

* * *

Процесс модернизации, кроме технической составляющей, подразумевает и заимствование идей, реализация которых приводит к становлению новых социальных институтов. Одним из них является наука, в современном смысле этого слова, возникшая в эпоху нового времени в Западной Европе. Научная логика,

безжалостно препарирующая действительность, в целом чужда для традиционного общества, которое живёт согласно общепринятой и активно разрабатываемой и пропагандируемой жрецами и мудрецами мифической системе. Факты реальности, известные и неизвестные, уже объяснены, тогда как научное исследование открывает всё новые взаимозависимости, трансляция которых может разрушить господствующие мифологемы, согласно традиционному мировосприятию – покуситься на престижность «священной истины». Сказанное в большей мере относится к гуманитарным наукам, тексты которых, в отличие, например, от естественных и технических наук, пишутся «обычным языком» и посвящены отношениям между людьми в прошлом и настоящем, т.е. проблемам, которые заботят человека с традиционным мировосприятием намного больше улучшения бытовых условий жизни. Изучение особенностей функционирования гуманитарных наук в условиях развивающегося социума оказывается неотъемлемой частью исследования всего процесса модернизации.

В данной статье на примере российского провинциального научного сообщества будет предпринята попытка проанализировать особенности трансформации присущих традиционному обществу социальных институтов. Исследование осуществлялось в дискурсивном поле антропологии академической жизни – одного из перспективных направлений современной российской и мировой социально-культурной антропологии (ААЖ 2008; 2010; 2013). Основными методами выступили включенное наблюдение и углубленное интервью.

В прежних публикациях я пытался показать, что привычные формы социальной организации изменяются очень медленно, особенно это относится к феномену общины. Часто под современными вывесками кафедр, отделов, научных школ и т.д. скрывается множество общинных черт, которые можно было бы назвать пережитками, однако, большое количество этих пережитков переходит в качественное состояние. Мною был выдвинут ряд положений, самыми важными из которых представляются следующие:

1. наличие в современном российском социуме, в том числе в научной среде, постобщин[1], которые являются наследниками крестьянских соседских земледельческих общин;

2. организация государством постобщин в пирамиду бюджетных (и не только) корпораций;

3. доминирование в постобщинах коллективной собственности, в том числе и интеллектуальной, что, в конечном счёте, объясняет известную ещё по советской действительности работу всего научного сообщества на несколько, в сущности, примитивных мифологем и идеологем;

[1] Постобщина – состоящий из обучающихся или работающих на свои семьи формальный или неформальный коллектив людей, как противостоящий государству (например, преступные группировки), так и наоборот, выполняющий определяемые бюрократическим аппаратом (также состоящим из постобщин) функции, в хозяйственно-культурном отношении являющийся «наследником» соседской земледельческой общины.

4. коллективная интеллектуальная собственность и соответствующие ей социальные отношения являются причиной наличия в объясняющих мифах коллективистских образов классов, этносов, наций, цивилизаций и т.д.;

5. существование пирамиды научных государственных организаций и одновременно присутствие коллективной интеллектуальной собственности делают возможным феномен «власти-собственности», когда научный авторитет, например, историка, зависит от занимаемой им административной должности, а главным историком выступает не имеющий высшего исторического образования глава государства (Овчинников 2012а: 355-360; Овчинников 2012б: 153-164; Овчинников 2012в: 253-258; Овчинников 2013а: 210-222; Овчинников 2013б: 102, 103).

Опыт использования предложенной модели для анализа эмпирических данных может продемонстрировать её шансы на превращение в полноценный методологический инструментарий.

Рассмотрим материалы включенного наблюдения за повседневной жизнью научных сообществ нескольких городов Среднего Поволжья и Прикамья. О традиционном характере доминирующих в постобщинах отношений можно судить по словам З – заведующего отделом одного из институтов местной Академии наук города К. В 2005 г. на мой вопрос о возможности обучения в аспирантуре этого отдела он ответил, что сначала нужно примерно год «ходить» в институт, установить «со всеми» хорошие отношения и, наконец, «стать своим». Ни о каких текстах и даже имеющихся наработках речи не шло. Можно предположить, что производимый постобщиной интеллектуальный продукт сам по себе для неё не очень важен, скорее, он является платой внешнему миру за невмешательство во внутренние дела. Эту мысль подтверждает следующее наблюдение. Заведующий кафедрой одного из технических вузов города К признавался, что издание «хороших» учебников по истории, сборников статей и монографий не в интересах коллектива, т.к. спровоцирует конкуренцию, прежде всего, с классическим университетом, что приведёт к ухудшению межличностных отношений. В ходе беседы с аспирантом академического института города К я поднял вопрос о националистических и, в некотором отношении, расистских публикациях директора этого института Х, на что аспирант ответил: «Я никаких дел с Х не имел, поэтому моё отношение к нему нейтральное».

О патрон-клиентских отношениях в постобщинах свидетельствует особое положение их руководителей (заведующих отделами и кафедрами, лидеров научных школ и т.д.), которых нередко называют «отцами» или «матерями» коллективов. Потестарные механизмы властвования иллюстрируются невинными, на первый взгляд, ритуалами. Так, заведующая кафедрой исторического факультета одного из институтов города К отличалась умением хорошо печь пироги и угощать ими своих подчинённых. Безусловно, угощение или отсутствие такового были обусловлены сложной палитрой взаимоотношений внутри кафедры, и вряд ли был бы понят другой сотрудник, вздумай он установить с коллегами подобные патерналистские отношения. Заведующий кафедрой другого вуза города К также регулярно угощает едой подчинённых, причём отказ в угощении означает недовольство поведением сотрудника. Корректно провести аналогии с хорошо известными практиками

символических раздач пищи своим приближённым правителями в традиционных обществах.

Глава постобщины часто рассматривается её членами как первый среди равных, обязанный, как и все, соблюдать тяготеющие в сторону эгалитаризма правила. Так, заведующий отделом одного из академических институтов города К признавался, что у него испортились отношения с подчинёнными после того, как он с семьей переехал из городской квартиры в только что отстроенный коттедж.

Празднование Нового 2012 года в Институте российской истории РАН, директор ИРИ РАН Ю.А. Петров (второй слева) с коллегами, фото взято из Блога Игоря Курляндского - редакция ИФ.

Согласно данным политической антропологии, власть и пир всегда тесно связаны. В январе 2014 г. на одном из факультетов университета города К был устроен праздничный вечер, посвящённый Новому году. Декан не только сидел во главе заставленного едой и напитками стола, но и передвигался от одного сотрудника к другому, интересуясь, не нужно ли ещё чего-нибудь. Истинной целью такого поведения была репрезентация властных функций. Участники застолья сидели группами, согласно кафедрам, а во главе стола по сторонам от декана располагались сотрудники деканата. По неписанным правилам занимаемое во время пира место зависит от социального статуса, следовательно, структура праздничного стола, так или иначе, отражает устройство социума. В нашем случае явственно просматривается система сорганизованных постобщин, напоминающая типичную для Востока пирамиду управляемых государством общин.

Для постобщин характерна возрастная сегрегация. В углубленном интервью Ш (36 лет) – научный сотрудник академического института города К признался, что «старики» диктуют основные выводы научных работ, несмотря на фактический материал. Аспиранты и молодые сотрудники часто выполняют «черную» и объёмную работу для старших коллег. Ш утверждал, что два года готовил библиографическую работу по истории города К, которая в итоге была опубликована под авторством его руководителей. Это ещё один факт, подтверждающий существование коллективной интеллектуальной собственности, распоряжение которой зависит от статуса, а не реально приложенного труда. Сам Ш не считает эту ситуацию ненормальной, он следует неафишируемым правилам, которые определяют его поведение, и надеется, что со временем, т.е. с переходом в другую возрастную страту, у него появятся свои аспиранты и сотрудники, которые будут так же на него работать. В определенной мере его воодушевляет пример научного руководителя, который при жизни своего «шефа», по свидетельствам окружающих, был «беззвучным существом», но после его смерти «получил право» на публикацию монографий, организацию экспедиций, выступлений в СМИ и т.д.

Во внутренней жизни постобщины, кроме возрастной сегрегации, велика роль родственных и земляческих отношений, выражающаяся в существовании устроенных по такому принципу кланов и династий. Большинство известных и авторитетных историков города К принадлежат к родственным кланам (братья, отец и сын, отец и дочь, муж и жена). Только на небольшом бывшем историческом факультете классического университета города К при первом приближении можно было насчитать шесть династийных кланов, представители которых составляли костяк факультета. Исторический факультет другого, к настоящему времени реорганизованного, вуза города К напоминает владение семьи С. Мать декана, а впоследствии и руководителя отделения, играла важную роль в жизни факультета, и кажется само собой разумеющимся, что её сын, обучавшийся здесь же, был в течение нескольких десятилетий бессменным деканом. Главный редактор одного из научных журналов города К старался брать в редакцию только выходцев из своего родного района. О «клановой истории» в научной среде города Уфы пишут авторы открытой аналитической записки Президенту Башкортостана. Они констатируют, что «*в исторической науке в республике за последние двадцать лет сформировались семейно-родственные кланы «ученых», узурпировавшие право заниматься теми или иными историческими проблемами, сложилась система защиты диссертаций только «своих аспирантов», господствует огульная критика «инакомыслящих»…*» (Президенту… 2011).

Возникновение и эволюция постобщин имеют много общего с крестьянскими общинами. Обычно первоначально постобщина складывается вокруг одного человека, который, стараясь избавиться от конкурентов, становится её главой. Затем коллектив разрастается, у лидера появляются энергичные конкуренты, группирующие вокруг себя часть сотрудников. Далее происходит выход из «материнской постобщины» и создание новой постобщины, которая эволюционирует по такому же сценарию. Например, за последние 20 лет в одном из вузов города К из «материнской» кафедры Истории КПСС «отпочковалось» восемь

новых коллективов. Более того, фактически на базе этой кафедры был создан факультет, затем целый институт, ныне состоящий из двух факультетов. Растущее количество «своих» заставляло открывать новые специальности и направления, бороться за набор студентов. Истинная цель этих действий заключалась в сохранении новых коллективов. Такую же эволюцию проделал современный Институт археологии города К. В конце 1940-х гг. в местном филиале АН СССР археологией профессионально занимался один человек. Он собрал вокруг себя коллектив, сейчас нередко называемый научной школой. Далее был создан отдел археологии, превратившийся позднее в Национальный Центр. Количество сотрудников и аспирантов постоянно увеличивалось. Недавно Центр выделился из института, в котором состоял, и превратился в самостоятельный Институт археологии с несколькими отделами.

Внешний мир интересует постобщину постольку, поскольку является источником средств для поддержания её жизнедеятельности. Перед «чужими» члены коллектива должны играть строго предписанную роль, исполнение которой имеет целью доказать свою полезность и необходимость. Лучшей «маскировкой» является позиционирование постобщины как группы учёных, выполняющих очень важные для государства и общества функции. Только в этом случае, в условиях распределительной экономики, из «центра раздач» можно получить желанные материальные блага. Примером престижной легитимации может служить активное использование дискурса «научных школ». В 2006 г. была защищена докторская диссертация, посвящённая научным школам в археологии. Научной школой был объявлен коллектив археологов из прикамского города И. Возглавляет школу уважаемый учёный, бывший декан исторического факультета местного университета, руководящий коллективом как мать «большой семьёй». Автору диссертации, подчинённому лидера школы, видимо, было поручено посредством написания сложного и объёмного текста повысить престиж постобщины перед внешним миром, показать её преимущества в возможностях изучения древней и средневековой истории местного «титульного этноса».

О замкнутости постобщин свидетельствуют данные наблюдений за одним из институтов местной Академии наук города К. Институт состоит из нескольких отделов, располагающихся в одном двухэтажном здании. Сотрудники и аспиранты одного отдела имеют смутные представления о коллегах из других подразделений, ссылаясь на специализацию, они не интересуются их научными трудами. В процессе подготовки защиты диссертации аспиранту отдела археологии, постоянно бывавшему в Институте, нужно было получить подпись заведующего отделом средневековой истории З, также регулярно приходившего на работу в Институт. Однако о существовании З аспирант не подозревал. Об изолированности постобщины от социума и государства косвенно свидетельствуют зафиксированные мною слова тоста, произнесённого на одном из застолий: «*Выпьем за коллектив, т.к. президенты и правительства приходят и уходят, государства распадаются, а коллектив остаётся*». Озвученная цитата напоминает строки из докладов представителей английской колониальной администрации Т. Манро и М. Уилкса, «открывших» в начале XIX в. индийскую общину: «*Захваты, узурпации или революции, как таковые,*

абсолютно не влияли на неё (общину. – А.О.)»; «*Они* (члены общины. – А.О.) *нисколько не беспокоились по поводу гибели целых монархий; пока их село оставалось целым, их мало интересовало, в чьи руки попала власть: внутреннее устройство [общины] остаётся неизменным*» (Никифоров 1977: 100).

Следующим этапом исследования является изучение особенностей взаимоотношений постобщин и властных структур. Предварительно стоит заметить, что полевой материал не указывает на отсутствие принципиальных различий между «научными постобщинами» и, например, бригадами строителей в плане использования государством тех и других для осуществления нужных ему проектов.

ЛИТЕРАТУРА

ААЖ 2008 - Антропология академической жизни: адаптационные процессы и адаптивные стратегии. М., 2008.

ААЖ 2010 - Антропология академической жизни: междисциплинарные исследования. М., 2010.

ААЖ 2013 - Антропология академической жизни: традиции и новации. М., 2013.

Никифоров 1977 - *Никифоров В.Н.* Восток и всемирная история. Изд. 2-е. М., 1977.

Овчинников 2012а - *Овчинников А.В.* Крестьяноведение: новый методо-логический подход и эвристические перспективы его использования // Хозяйствующие субъекты в аграрном секторе России: История, Экономика, Право / Материалы IV Всероссийской конференции историков-аграрников, Казань, 10-12 октября 2012 г. Казань, 2012.

Овчинников 2012б - *Овчинников А.В.* Моральная экономика «незападных» академических сообществ (постановка проблемы) // Бусыгинские чтения: материалы Всероссийской научно-практической конференции 21 декабря 2011 года. Вып. 3. Казань, 2012.

Овчинников 2012в - *Овчинников А.В.* Особенности эволюции общины в России (XX-XXI вв.) // Реформы и революции в России в контексте истории и социальной практики XX-XXI вв. (к 150-летию со дня рождения П.А. Столыпина): 4-е Арсентьевские чтения: сб. ст. Всерос. науч. конф. Чебоксары, 2012.

Овчинников 2013а - *Овчинников А.В.* Образы и понятия «прошлого»: к проблеме социальных механизмов конструирования исторической памяти // Историческая память и диалог культур: сборник материалов Международной молодежной научной школы (Казань, 2012 г.): в 3 т. Т. 2. Казань, 2013.

Овчинников 2013б - *Овчинников А.В.* Особенности отечественной «урбанизации» и образы этничности (по материалам национальных историй Среднего Поволжья) // X Конгресс этнографов и антропологов России: Тезисы докладов. Москва, 2–5 июля 2013 г. М., 2013.

Президенту 2011 - Президенту Республики Башкортостан Р.З. Хамитову… // Официальный сайт газеты «Звезда Поволжья». 2011 / Электронный ресурс: http://zvezdapovolzhya.ru/obshestvo/prezidentu-respubliki-bashkortostan-rz-hamitovu-10-04-2012.html (дата обращения - 22.02.2016).

REFERENCES

AAZh 2008 - Antropologija akademicheskoj zhizni: adaptacionnye processy i adaptivnye strategii [Anthropology of the academic life: adaptation processes and adaptive strategy], Moscow, 2008 [in Russian].

AAZh 2010 - Antropologija akademicheskoj zhizni: mezhdisciplinarnye issledovanija [Anthropology of the academic life: interdisciplinary researches], Moscow, 2010 [in Russian].

AAZh 2013 - Antropologija akademicheskoj zhizni: tradicii i novacii [Anthropology of the academic life: traditions and innovations], Moscow, 2013 [in Russian].

Nikiforov 1977 - *Nikiforov V.N.* Vostok i vsemirnaja istorija. Izd. 2-e [East and world history. Edition second], Moscow, 1977 [in Russian].

Ovchinnikov 2012a - *Ovchinnikov A.V.* Krest'janovedenie: novyj metodologicheskij podhod i jevristicheskie perspektivy ego ispol'zovanija [Krestyanovedeniye: new methodological approach and heuristic prospects of its use], in: Hozjajstvujushhie sub’ekty v agrarnom sektore Rossii: Istorija, Jekonomika, Pravo / Materialy IV Vserossijskoj konferencii istorikov-agrarnikov, Kazan, 10-12 oktjabrja 2012 g. [Economic entities in agrarian sector of Russia: History, Economy, Rights / Materials IV of the All-Russian conference of historians-agrarians, Kazan, on October 10-12, 2012], Kazan, 2012 [in Russian].

Ovchinnikov 2012b - *Ovchinnikov A.V.* Moral'naja jekonomika «nezapadnyh» akademicheskih soobshhestv (postanovka problemy) [Moral economy of «not western» academic communities (statement of a problem)], in: Busyginskie chtenija: materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii 21 dekabrja 2011 goda. Vyp. 3 [Busyginsky readings: materials of the All-Russian scientific and practical conference on December 21, 2011. Release 3], Kazan, 2012 [in Russian].

Ovchinnikov 2012v - *Ovchinnikov A.V.* Osobennosti jevoljucii obshhiny v Rossii (XX-XXI vv.) [Features of evolution of a community in Russia (the XX-XXIst centuries)], in: Reformy i revoljucii v Rossii v kontekste istorii i social'noj praktiki XX-XXI vv. (k 150-letiju so dnja rozhdenija P.A. Stolypina): 4-e Arsent'evskie chtenija: sb. st. Vseros. nauch. konf. [Reforms and revolutions in Russia in the context of history and social practice of the XX-XXIst centuries (to the 150 anniversary since the birth of P. A. Stolypin): Fourth Arsentyevsky readings: collection of articles of the All-Russian scientific conference], Cheboksary, 2012 [in Russian].

Ovchinnikov 2013a - *Ovchinnikov A.V.* Obrazy i ponjatija «proshlogo»: k probleme social'nyh mehanizmov konstruirovanija istoricheskoj pamjati [Images and concepts of «past»: to a problem of social mechanisms of designing of historical memory], in: Istoricheskaja pamjat' i dialog kul'tur: sbornik materialov Mezhdunarodnoj molodezhnoj nauchnoj shkoly (Kazan', 2012 g.): v 3 t. T. 2 [Historical memory and dialogue of cultures: collection of materials of the International youth school of sciences (Kazan, 2012): in three volumes. Volume 2], Kazan, 2013 [in Russian].

Ovchinnikov 2013b - *Ovchinnikov A.V.* Osobennosti otechestvennoj «urbanizacii» i obrazy jetnichnosti (po materialam nacional'nyh istorij Srednego Povolzh'ja) [Features of domestic «urbanization» and images of ethnicity (on materials of national stories of Central Volga area)], in: X Kongress jetnografov i antropologov Rossii: Tezisy dokladov. Moscow, 2–5 ijulja 2013 g. [X Congress of ethnographers and anthropologists of Russia: Theses of reports. Moscow, on July 2-5, 2013], Moscow, 2013 [in Russian].

Prezidentu 2011 - Prezidentu Respubliki Bashkortostan R.Z. Hamitovu… [To the president of the Republic of Bashkortostan R.Z. Hamitov…], in: Oficial'nyj sajt gazety «Zvezda Povolzh'ja». 2011 [Official site of the Zvezda Povolzhya newspaper. 2011], Electronic resource: http://zvezdapovolzhya.ru/obshestvo/prezidentu-respubliki-bashkortostan-rz-hamitovu-10-04-2012.html (Date of access - 22.02.2016) [in Russian].

Овчинников Александр Викторович – Кандидат исторических наук, доцент кафедры Философии и гуманитарных дисциплин Института социальных и гуманитарных знаний (Казань, Россия).
Ovchinnikov Alexander – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of Philosophy and humanities Institute for Social and Human Knowledge (Kazan, Russia).
Email: ovchninnikov8_831@mail.ru

УДК 94(47).03

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: *КРИВОШЕЕВ Ю.В. РУСЬ И МОНГОЛЫ: ИССЛЕДОВАНИЕ ПО ИСТОРИИ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ РУСИ XII-XIV ВВ. 3-Е ИЗД., ИСПР. И ДОП. СПБ.: АКАДЕМИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ, 2015. 452 с.*

М.И. Жих
Российско-немецкий исторический семинар (Санкт-Петербург, Россия)
e-mail: max-mors@mail.ru
Scopus Author ID: 55358941500
Researcher ID: F-3154-2014
http://orcid.org/0000-0003-2212-6416
SPIN-код: 6149-3974

Авторское резюме

В рецензии рассматривается книга известного петербургского историка Ю.В. Кривошеева, посвящённая русско-монгольским отношениям и эволюции русской средневековой государственности.

Ключевые слова: Московская Русь, монголы, Золотая Орда, города-государства, монгольское иго.

BOOK REVIEW: *THE RUS' AND THE MONGOLS: THE HISTORY OF THE NORTH-EASTERN RUS' IN THE 12th-14th CENTURIES by Y.V. KRIVOSHEEV. 3rd ed., rev. and suppl. ST-PETERSBURG: ACADEMY OF CULTURAL STUDIES, 2015. 452 p.*

Maksim Zhikh
The Russian-German Historical Seminar (Saint Petersburg, Russia)
e-mail: max-mors@mail.ru

Abstract

The author of the review examines the book written by the well-known St. Petersburg historian Yuri V. Krivosheev and dedicated to Russian-Mongolian relations and the evolution of Russian medieval statehood.

Keywords: Muscovite Rus', Mongols, Golden Horde, city-states, Mongol yoke.

* * *

Проблема эволюции русской средневековой государственности в период монгольского нашествия и последующего ига всегда вызывала большой интерес и дискуссии в исторической науке (Кривошеев 2015: 76-106; 301-303). При этом, разумеется, важнейшее значение имеет вопрос о характере древнерусской

государственности накануне монгольского нашествия, в зависимости от того или иного ответа на который и следует искать вектор ее последующего развития.

На наш взгляд правы исследователи, говорящие о существовании в Киевской Руси XI-XIII вв. той универсальной формы первичной социально-политической организации на стадии перехода к цивилизации[1], которая может быть на языке современной науки названа городом-государством и которая типологически соответствует античным полисам, городам-государствам Древнего Востока, Мезоамерики и т.д. (Жих 2011). В древнерусских источниках она обозначалась термином волость (Жих 2009) и представляла собой территориально-политическую структуру, построенную на основе иерархии общин и состоявшую из общины главного города, общин подчиненных ему «младших» городов (пригородов) и сельских общин (Фроянов 2001; Фроянов, Дворниченко 1988).

Вопрос о ходе эволюции древнерусских городов-государств в условиях монгольского ига и их превращении в политию следующего типологического этапа, территориальную монархию, которую мы наблюдаем на Руси в конце XV-XVI вв., проработан пока явно недостаточно. И.Я. Фроянов в своё время ограничился простой констатацией: «Смертельный удар городам-государствам в Древней Руси нанесло татарское нашествие. И только северные республики – Новгород, Псков и Вятка – сохранили память о былом» (Фроянов 2001: 243)[2].

Вышедшая недавно третьим, исправленным и дополненным, изданием монография Ю.В. Кривошеева восполняет этот серьезный историографический пробел. Ю.В. Кривошеев первым четко поставил вопрос о городах-государствах Руси послемонгольского периода и попытался проследить их жизнь и развитие в эту эпоху (Кривошеев 2015: 301-362).

Ученый убедительно показал существование в городах-государствах Северо-Восточной Руси второй половины XIII-XIV вв. социальных и политических институтов, характерных и для домонгольского времени:

(1) Правящий характер городов, осуществлявших власть в своей земле; сохранение определённого единства городской общины как социально-политического организма, не смотря на имущественную и социальную дифференциацию внутри неё (Кривошеев 2015: 304-319);

(2) Сохранение значения веча, долго остававшегося важнейшим социально-политическим институтом русского города и в московский период (Кривошеев 2015: 319-329; 332-339). При этом, московские князья, по мере роста своего влияния на другие города Северо-Восточной Руси, подавляют в них вечевые порядки как основу независимого политического быта (Кривошеев 2015: 329-332). По мере подчинения Москве других городов-государств и формирования единого Русского национального государства, происходит упадок веча, которое возможно лишь в рамках относительно небольшой политии, но невозможно в рамках значительного

[1] По К. Ренфрю для отнесения того или иного общества к стадии цивилизации достаточно двух признаков из трех: наличие городов, письменности и монументальной архитектуры (Renfrew 1972). На Руси сочетание этих признаков наблюдается с рубежа X-XI вв.

[2] Более развернутые соображения ученого по этому вопросу см.: Фроянов 1995.

по площади и населению государства, и его замена сословным представительством (Кривошеев 2015: 339-341);

(3) Важную роль тысяцких, с которыми по-прежнему приходилось считаться князьям, а также сохранение сотенной системы (Кривошеев 2015: 341-350);

(4) Сохранение значения народного ополчения в качестве основной военной силы той или иной земли – «вся сила русскыхъ городовъ» (Кривошеев 2015: 350-358).

Все эти выводы являются, на наш взгляд, верными и имеют важное научное значение. Вместе с тем нельзя не отметить, что в книге Ю.В. Кривошеева недостаточно рельефно показан процесс кризиса городов-государств Северо-Восточной Руси в XIV-XV вв. и их трансформации в территориальную монархию, которая к концу XV в. вырисовывается вполне четко, а также поэтапной эволюции всех вышеназванных общественных институтов в условиях этой трансформации: постепенный упадок значения веча вплоть до его исчезновения, сопровождавшая его ликвидация института тысяцких, разрыв единства города и его земли, снижение роли народного ополчения и параллельное формирование профессионального служилого войска, эволюция княжеской власти в монархию, имущественное и социальное размежевание в городской общине, разрушавшее ее единство и т.д. Ученый во многом рассматривает весь указанный период как единое целое с точки зрения социально-политического развития древнерусского общества. В итоге нарисованная им картина выглядит немного статичной.

Разумеется, сказанное нисколько не умаляет важность работы Ю.В. Кривошеева, ведь значение любой книги определяется не тем, чего в ней нет, а тем, что в ней есть. Исследователь фактически первым поставил вопрос о городах-государствах Северо-Восточной Руси в послемонгольское время и довольно убедительно показал их существование в указанное время. То есть, сделал первый необходимый и очень важный шаг в изучении проблемы эволюции социально-политической структуры средневековой Руси в XIII-XV вв. И решая свою, ключевую на этом первом этапе задачу, Ю.В. Кривошеев совершенно логично уделил основное внимание сбору фактов, показывающих, что в монгольскую эпоху города-государства в Северо-Восточной Руси продолжали существовать. Отсюда в фокусе внимания ученого с неизбежностью оказались прежде всего черты, общие для всего рассматриваемого периода, а не те, которые отличают один его этап от другого.

Имея этот фундамент, ученые должны продолжить начатую исследованием Ю.В. Кривошеева работу, углубить ее проблематику и поставить новые исследовательские вопросы, первым из которых, на наш взгляд, должен стать вопрос о причинах и ходе трансформации городов-государств Северо-Восточной Руси в XIV-XV вв. в территориально-монархическую структуру, близкую аналогию чему мы находим, к примеру, в истории Древнего Рима, также как и Москва, проделавшего путь от небольшого города-государства к столице огромной державы. По мере территориального роста Римского государства, его социально-политический строй пережил процесс глубокой трансформации. Типологически аналогичный процесс должен был происходить и в Московском государстве.

Необходимо проследить, как в процессе этой трансформации эволюционировали различные социальные и политические институты,

перечисленные выше. Очень важно и интересно сравнить, как протекали указанные процессы в Северо-Восточной Руси, в Новгороде и Пскове, в землях Западной и Юго-Западной Руси. Следующая необходимая задача – выполнение сопоставительного анализа истории городов-государств античности, Древнего Востока, Древней Руси и других регионов мира от их возникновения до смены новыми формами социально-политической организации общества.

Другой немаловажный вопрос – это соотношение в кризисе городов-государств Северо-Восточной Руси и их эволюции внутренних и внешних факторов. Вопрос о влиянии монгольского ига на развитие Руси является, с одной стороны, одним из самых дискуссионных в историографии, что выше уже было отмечено, а с другой, как ни странно, одним из наименее изученных. И Ю.В. Кривошеев, рассматривая его, делает немало любопытных и оригинальных наблюдений и представляет картину достаточно взвешенную, не переоценивая влияние монгольского ига на внутренние социальные и политические процессы, происходившие в древнерусском обществе, которые, по мнению ученого, определялись главным образом внутренними факторами (Кривошеев 2015: 152-300).

Думается, что оценить степень воздействия монголов на процессы развития общества Северо-Восточной Руси мы сможем гораздо полнее после проведения сопоставительного исследования судеб городов-государств разных регионов Руси XIII-XV вв., о необходимости которого уже было сказано, ведь влияние Орды на их развитие было неодинаковым. Есть основания говорить, что Северо-Восточную Русь оно затронуло, в сравнении с другими регионами, в большей степени, ведь остальные древнерусские регионы или попали со временем под власть Литвы, или, как Новгород и Псков, были отделены от Золотой Орды именно Северо-Восточной Русью. И характерно, что там вечевой общественный уклад и города-государства сохранялись вплоть до московского завоевания (Петров 2003: 210-315). Северо-Восточная Русь, объединенная к тому времени под властью Москвы, ушла от этого уклада уже весьма далеко. И изучение того, как протекал процесс этого «ухода», чем он был вызван и как соотносились в нем внутренние и внешние факторы, должно теперь стать, на наш взгляд, первоочередной задачей русской медиевистики.

При этом внешний фактор должен рассматриваться в комплексе: и как прямое влияние на процессы развития древнерусского общества монгольского нашествия и установившегося ига (тут, на наш взгляд, Ю.В. Кривошеев прав и влияние это не было определяющим, трансформация древнерусских городов-государств была вызвана главным образом внутренними причинами и началась, вероятно, еще накануне монгольского нашествия. Ученый, как нам представляется, несколько недооценил потенциал соответствующих изменений[1]), и как влияние опосредованное, заключающееся в возможном осознанном или неосознанном перенимании Русью каких-то элементов монгольской социально-политической системы.

---

[1] То, что еще накануне монгольского нашествия в древнерусском обществе начались какие-то глубокие сдвиги, тонко почувствовал Д. Феннел, назвавший это явление «кризисом средневековой Руси» (Феннел 1989). На наш взгляд этот «кризис» был связан с начавшимся процессом трансформации традиционных для домонгольской Руси форм социально-политической организации в политии нового типа.

Не менее важно и то, что сам факт монгольского ига как бы ставил перед Русью определенный «вызов», требующий «ответа», поиск которого с неизбежностью вел к выработке новых механизмов жизни общества, ориентированных, прежде всего, на развитие обороны. Отсюда вполне логично, что сложившийся в Московской Руси XV-XVI вв. тип территориальной монархии может быть определен в качестве военно-служилой государственности (Михайлова 2003), основой которой было создание и обеспечение мощных вооруженных сил в виде профессионального служилого войска, которое пришло на смену народному ополчению: теперь те, кто раньше принимал участие в ополчении, должны были заниматься обеспечением профессиональных воинов.

Именно процесс формирования профессионального войска и его основы – служилого сословия, вероятно, и был своеобразным локомотивом трансформации в Северо-Восточной Руси полисных структур в территориально-монархические: формирование служилого сословия разрушало единство общины, а сопровождавший его процесс упадка роли народного ополчения снижал политическое значение рядовых горожан и селян. С необходимостью материального обеспечения сословия профессиональных воинов связан генезис крупного землевладения, которое является основой феодальных отношений. По мере того, как на смену крестьянскому общинному землевладению приходит феодальное землевладение, происходит и переход Руси к феодальной общественной системе, завершившийся в XVI в. с вытеснением общинного крестьянского землевладения в центральных районах Руси (Алексеев 1966). В то же время Новгород, который не был на переднем краю борьбы с ордынской угрозой, не испытывал и необходимости коренной перестройки собственной военной системы, что явилось одним из важных факторов его более плавного развития, не имевшего той дискретности, которая наблюдается в Северо-Восточной Руси (Жих 2010: 118-121).

Предметная и детальная разработка всех обозначенных проблем является делом будущего и у ее истоков находится фундаментальная работа Ю.В. Кривошеева, подводящая итоги целому этапу изучения Северо-Восточной Руси XIII-XIV вв. в исторической науке и вместе с тем заставляющая задуматься над новыми проблемами и задающая направление дальнейших научных поисков.

Именно последнее, на наш взгляд, определяет значение в историографии той или иной работы: серьезное исследование должно не только решать какую-то проблему, но и задавать собой дальнейший путь развития науки. В этом плане работа Ю.В. Кривошеева принадлежит к числу тех исследований, которые с одной стороны завершают один этап развития науки, решая стоящий на повестке дня до сего времени комплекс проблем, а с другой – открывают собой его новый, более глубокий этап, указывая на новый круг вопросов, до того времени в науке еще не ставившийся. Ю.В. Кривошеев, убедительно показав продолжение развития на северо-востоке Руси второй половины XIII–XIV вв. существовавшей в домонгольскую эпоху системы городов-государств, подвел итоги изучению общественно-политического устройства региона в этот период. Этот же вывод исследователя является и отправной точкой дальнейшей научной работы, целью которой должно теперь стать прояснение нового круга вопросов, порожденных работой Ю.В.

Кривошеева: вопросов, связанных с детальным изучением процессов эволюции и трансформации городов-государств Северо-Восточной Руси в сопоставлении с аналогичными процессами в других древнерусских регионах.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев 1966 - *Алексеев Ю.Г.* Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV-XVI вв. Переяславский уезд. М.; Л.: Наука, 1966. 268 с.

Жих 2009 - *Жих М.И.* О понятиях волость и земля в Древней Руси (предварительные замечания) // Время, событие, исторический опыт в дискурсе современного историка: XVI чтения памяти члена-корреспондента АН СССР С.И. Архангельского, 15-17 апреля 2009 г. / Редакционная коллегия: М.Ю. Шляхов (ответственный редактор) и др. Часть 2. Нижний Новгород, 2009. С. 9-14.

Жих 2010 - *Жих М.И.* Между Москвой и Литвой: к вопросу о причинах потерей Новгородом самостоятельности в третьей четверти XV в. // Судьбы славянства и эхо Грюнвальда: Выбор пути русскими землями и народами Восточной Европы в средние века и раннее новое время (к 600-летию битвы при Грюнвальде/Танненберге): Материалы международной научной конференции 22-24 октября 2010 г. / Отв. ред. А.И. Филюшкин. СПб., 2010. С. 118-121.

Жих 2011 - *Жих М.И.* К вопросу о месте городов-государств Древней Руси в типологическом ряду первичных политий. Города-государства Шумера, античного мира и Древней Руси: опыт типологического сопоставления. 2011 / Электронный ресурс: http://www.rummuseum.ru/portal/node/1612 (дата обращения - 25.02.2016).

Кривошеев 2015 - *Кривошеев Ю.В.* Русь и монголы: Исследование по истории Северо-Восточной Руси XII-XIV вв. 3-е изд., испр. и доп. СПб.: Академия исследования культуры, 2015. 452 с.

Михайлова 2003 - *Михайлова И.Б.* Служилые люди Северо-Восточной Руси в XIV – первой половине XVI века: Очерки социальной истории. СПб.: Издательство СПбГУ, 2003. 640 с.

Петров 2003 - *Петров А.В.* От язычества к Святой Руси. Новгородские усобицы (к изучению древнерусского вечевого уклада). СПб.: Издательство Олега Абышко, 2003. 352 с.

Феннел 1989 - *Феннел Д.* Кризис средневековой Руси 1200-1304. М.: Прогресс, 1989. 296 с.

Фроянов 1995 - *Фроянов И.Я.* О возникновении монархии в России // Дом Романовых в истории России. СПб., 1995.

Фроянов 2001 - *Фроянов И.Я.* Киевская Русь: Очерки социально-политической истории // Фроянов И.Я. Начала русской истории. Избранное. М.: Издательский дом Парад, 2001. С. 483-714.

Фроянов, Дворниченко 1988 - *Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю.* Города-государства Древней Руси. Л.: Издательство ЛГУ, 1988. 269 с.

Renfrew 1972 - *Renfrew C.* The Emergence of Civilization: The Cyclades and the Aegean in the Third Millenium B.C. London, 1972.

REFERENCES

Alekseev 1966 - *Alekseev Ju.G.* Agrarnaja i social'naja istorija Severo-Vostochnoj Rusi XV-XVI vv. Perejaslavskij uezd [Agrarian and social history of Northeast Russia of the XV-XVIth centuries Pereyaslavsky County], Moscow; Leningrad, Nauka Publ., 1966, 268 p. [in Russian].

Fennel 1989 - *Fennel D.* Krizis srednevekovoj Rusi 1200-1304 [Crisis of medieval Russia 1200-1304], Moscow, Progress Publ., 1989, 296 p. [in Russian].

Frojanov 1995 - *Frojanov I.Ja.* O vozniknovenii monarhii v Rossii [About emergence of the monarchy in Russia], in: Dom Romanovyh v istorii Rossii [House of Romanovs in the history of Russia], St. Petersburg, 1995 [in Russian].

Frojanov 2001 - *Frojanov I.Ja.* Kievskaja Rus': Ocherki social'no-politicheskoj istorii [Kievan Rus': Sketches of socio-political history], in: Frojanov I.Ja. Nachala russkoj istorii. Izbrannoe [Beginnings of the Russian history. Favourites], Moscow, Izdatel'skij dom Parad Publ., 2001, pp. 483-714 [in Russian].

Frojanov, Dvornichenko 1988 - *Frojanov I.Ja., Dvornichenko A.Ju.* Goroda-gosudarstva Drevnej Rusi [City-states of Ancient Russia], Leningrad, Izdatel'stvo LGU Publ., 1988, 269 s. [in Russian].

Krivosheev 2015 - *Krivosheev Ju.V.* Rus' i mongoly: Issledovanie po istorii Severo-Vostochnoj Rusi XII-XIV vv. 3-e izd., ispr. i dop. [Russia and Mongols: Research on history of Northeast Russia the XII-XIVth centuries the 3rd edition corrected and added], St. Petersburg, Akademija issledovanija kul'tury Publ., 2015, 452 p. [in Russian].

Mihajlova 2003 - *Mihajlova I.B.* Sluzhilye ljudi Severo-Vostochnoj Rusi v XIV – pervoj polovine XVI veka: Ocherki social'noj istorii [Service class people of Northeast Russia in XIV – the first half of the 16th century: Sketches of social history]. St. Petersburg, Izdatel'stvo SPbGU Publ., 2003, 640 p. [in Russian].

Petrov 2003 - *Petrov A.V.* Ot jazychestva k Svjatoj Rusi. Novgorodskie usobicy (k izucheniju drevnerusskogo vechevogo uklada) [From paganism to Sacred Russia. The Novgorod intestine wars (to studying of Old Russian veche way)], St. Petersburg, Izdatel'stvo Olega Abyshko Publ., 2003, 352 p. [in Russian].

Renfrew 1972 - *Renfrew C.* The Emergence of Civilization: The Cyclades and the Aegean in the Third Millenium B.C. London, 1972 [in English].

Zhih 2009 - *Zhih M.I.* O ponjatijah volost' i zemlja v Drevnej Rusi (predvaritel'nye zamechanija) [About concepts the volost and the earth in Ancient Russia (preliminary remarks)], in: Vremja, sobytie, istoricheskij opyt v diskurse sovremennogo istorika: XVI chtenija pamjati chlena-korrespondenta AN SSSR S.I. Arhangel'skogo, 15-17 aprelja 2009 g. / Redakcionnaja kollegija: M.Ju. Shljahov (otvetstvennyj redaktor) i dr. Chast' 2 [Time, event, historical experience in a discourse of the modern historian: XVI readings memory of the corresponding member of Academy of Sciences of the USSR S.I. Arkhangelsky, on April 15-17, 2009 / Editorial board: M.Yu. Shlyakhov (editor-in-chief) and others Part 2], Nizhny Novgorod, 2009, pp. 9-14 [in Russian].

Zhih 2010 - *Zhih M.I.* Mezhdu Moskvoj i Litvoj: k voprosu o prichinah poterej Novgorodom samostojatel'nosti v tret'ej chetverti XV v. [Between Moscow and Lithuania: to a question of the reasons loss of independence by Novgorod in the third quarter of the XVth century], in: Sud'by slavjanstva i jeho Grjunval'da: Vybor puti russkimi zemljami i narodami Vostochnoj Evropy v srednie veka i rannee novoe vremja (k 600-letiju bitvy pri Grjunval'de/Tannenberge): Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii 22-24 oktjabrja 2010 g. / Otv. red. A.I. Filjushkin [Destinies of Slavic peoples and Gryunvald's echo: The choice of a way by Russian lands and the people of Eastern Europe in the Middle Ages and early modern times (to the 600 anniversary of fight at Gryunvalde/Tannenberg): Materials of the international scientific conference on October 22-24, 2010 / Editorial board: A.I. Filjushkin], St. Petersburg, 2010, pp. 118-121 [in Russian].

Zhih 2011 - *Zhih M.I.* K voprosu o meste gorodov-gosudarstv Drevnej Rusi v tipologicheskom rjadu pervichnyh politij. Goroda-gosudarstva Shumera, antichnogo mira i Drevnej Rusi: opyt tipologicheskogo sopostavlenija [To a question of the place of city-states of Ancient Russia in a typological number of primary polities. City-states of Sumer, classical antiquity and Ancient Russia: experience of typological comparison], 2011, Electronic resource: http://www.rummuseum.ru/portal/node/1612 (Date of access - 25.02.2016) [in Russian].

Жих Максим Иванович – Общественно-научный проект
«Российско-немецкий исторический семинар» (Санкт-Петербург, Россия).
Zhikh Maksim – The Public and Scientific project
«Russian-German Historical Seminar» (Saint Petersburg, Russia).
E-mail: max-mors@mail.ru

Правила публикации в журнале

В соответствии с требованиями ВАК и наукометрических баз данных РИНЦ и Scopus в международном научном журнале «Исторический формат» вводятся следующие правила публикации.

Журнал публикует оригинальные статьи с результатами научных исследований на русском, английском, французском и немецком языках, относящиеся к исторической тематике, а также сообщения о проводимых под эгидой или при участии журнала научных мероприятиях. Редакция не вступает с авторами в содержательное обсуждение статей, переписку по методике написания и оформления научных статей и не занимается доведением статей до необходимого научно-методического уровня. Плата за публикацию в международном научном журнале «Исторический формат» не взимается. Авторский гонорар не выплачивается, не оплачивается рецензирование статей. Для обеспечения широкого доступа материалы журнала размещаются в Интернете: на сайте журнала, в научной электронной библиотеке «КиберЛенинка», в наукометрической базе данных РИНЦ и т.д.

Авторы статей, принятых к публикации высылают на электронный адрес редакции скан-копию бланка согласия, в котором дают разрешение на редактирование статьи, включение ее в электронные базы данных, а также на безвозмездную передачу указанных прав третьим лицам, при условии соблюдения их неимущественных авторских прав, извлечение из статьи и использование на безвозмездной основе метаданных (название, имя автора/правообладателя, аннотации, библиографические материалы и пр.) с целью включения в базы данных РИНЦ и Scopus, и подтверждение, что материал ранее не был опубликован и не находится на рассмотрении и/или не принят к публикации в каком-либо ином издании. Бланк согласия должен быть подписан автором и заверен в организации, в которой он работает или обучается.

В случае несоблюдения каких-либо требований редакция оставляет за собой право не рассматривать поступившие статьи. Журнал не публикует авторские материалы, ранее напечатанные в других изданиях; материалы, не соответствующие тематике журнала; статьи, не содержащие новой информации либо содержащие фактологические, исторические или иные ошибки, которые не могут быть исправлены; статьи, содержащие утверждения и гипотезы, прямо противоречащие установленным научным фактам; литературно-художественные и публицистические произведения любого содержания, в том числе и на научную тему; любую информацию и объявления, не имеющие непосредственного отношения к научной деятельности; материалы, содержащие сведения, которые составляют государственную либо коммерческую тайну; материалы, содержащие оскорбления, клевету либо заведомо ложные сведения в отношении граждан и организаций.

Порядок сдачи материала:

Статья оформляется в соответствии с требованиями к оформлению материалов и высылается вместе со скан-копией заверенного бланка согласия на электронный адрес редакции: mail@histformat.com

Файлы должны быть поименованы по фамилии автора в латинской графике (например, IvanovStatya, IvanovBlank). Рукописи принимаются к рассмотрению непрерывно в течение года. Материал не должен превышать 1 п.л. (40 тыс. знаков с пробелами, включая рисунки, таблицы, список литературы и прочие компоненты статьи), сообщения – 0,5 п.л., рецензии – 0,2 п.л.

Статьи, поступившие в редакцию, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию. Внутреннее рецензирование осуществляется редколлегией. Внешнее рецензирование научных материалов обеспечивается автором предоставленного материала и осуществляется специалистом соответствующего профиля, имеющим ученую степень доктора или кандидата наук. В случае несоблюдения каких-либо требований редакция оставляет за собой право не рассматривать такие статьи.

Требования к оформлению материалов:

Редколлегия журнала «Исторический формат» принимает только материалы, присланные файлом, прикрепленным к электронному письму (формат Word, файл с расширением .doc .docx .rtf). Статья должна быть оформлена строго в соответствии общими требованиями к оформлению научных публикаций и тщательно вычитана.

Рукописи, направляемые в журнал, должны содержать следующие разделы:

1. Индекс по Универсальной десятичной классификации (УДК).
2. Название статьи, ФИО автора(ов), сведения об авторе, адресные данные (полное юридическое название организации, адрес организации, адрес электронной почты всех или одного автора), авторское резюме и ключевые слова на русском языке, адрес электронной почты. Объем аннотации должен включать от 100 до 250 слов. Ключевых слов и словосочетаний должно быть не более 10.
3. Те же данные, указанные на английском языке, в той же последовательности, что в п. 2. Авторское резюме на английском языке (Abstract) может отличаться от русского аналога, но обязательно должно быть максимально подробным, чтобы выполнять функцию независимого от статьи источника информации. Информация резюме на английском должна быть понятна и интересна англоязычному читателю, который мог бы без обращения к полному тексту получить наиболее полное представление о тематике и уровне исследования.
4. Полный текст статьи, оформленный в соответствии с действующими требованиями журнала, примечания, список использованной литературы (название «Литература»), список литературы в романском алфавите (название «References»).

Параметры оформления статьи: выравнивание – по ширине листа; первая строка – отступ 1,25; межстрочный интервал – одинарный; шрифт – Times New Roman; размер – 14; без автоматической расстановки переносов.

Иллюстрации (фотографии, рисунки, таблицы, графики, диаграммы и т.п.) должны иметь сквозную нумерацию согласно их положению в тексте и дополнительно прилагаться в виде отдельных файлов. Иллюстрации предоставляются в форматах tif или jpeg (разрешением не менее 300 dpi).

При оформлении статьи используется «гарвардский стиль» – оформление библиографии, когда список литературы выстроен в алфавитном порядке, а отсылка в тексте оформляется через фамилию автора (или фамилия первого автора, если авторов несколько), год издания и по необходимости номер страницы.

5. Список литературы с последующей английской транслитерацией. Автоматизировать процесс транслитерации можно, воспользовавшись программным обеспечением, которое доступно по адресу http://translit.ru (в раскрывающемся списке «Варианты» выбирать BGN). После автоматического транслитерирования необходимо вручную проверить правильность полученного результата и внести необходимые коррективы. Транслитерированные ссылки должны содержать только значащие для аналитической обработки элементы (ФИО авторов, название первоисточника, выходные данные). В списке литературы названия работ на языках, использующих нелатинизированные алфавиты, должны быть переведены на английский и заключены в квадратные скобки; названия источников должны быть транслитерированы, в конце следует указать язык оригинала в квадратных скобках. В случае цитирования книги название издательства (если это название учреждения) должно быть переведено на английский язык, во всех остальных случаях — транслитерировано, место издания — переведено.

Примером оформления публикации может служить любая статья в последнем опубликованном номере журнала. Просим авторов обратить на это внимание и следовать принятым правилам оформления материалов.

* * *

международный научный журнал

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФОРМАТ

2016, № 1

* * *

ЭЛЕКТРОННОЕ ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

Дата выхода номера: 07.03.2016
Формат 210x297
Электронный файл PDF
Гарнитура «Palatino Linotype»

Издатель: Редакция журнала
«Исторический формат»

* * *

Email редакции: mail@histformat.com
Официальный сайт: http://histformat.com/

ISSN 2411-9415